Ф.И.Успенский

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Период Македонской династии (867 – 1057)

Москва
«Мысль»
1997

ББК 63.3(0)4
У-77

РЕДАКЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИБЛИОТЕКИ
«ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

В оформлении книги использованы элементы
византийских мозаик.
На контртитуле — св. равноапостольная княгиня Ольга.
Фреска. Собор архистратига Михаила. XVII в. Московский Кремль.

Издательство выражает благодарность Санкт-Петербургскому
Филиалу Архива Российской Академии наук
за предоставленные материалы из личного фонда
академика Ф. И. Успенского

© Издательство «Мысль». 1997
© Л. В. Литвинова. Составление
и подготовка текста. 1997
© В. В. Красновский. Оформление.
1997

ISBN 5-244-00873-0

От издательства

...Питаю заветную мысль дать соотечественникам цельную систему в такой области, которую считаю наиболее важной после отечественной истории для национального самосознания культурного русского обывателя.

Ф. И. Успенский

Издательство публикует впервые в полном объеме «Историю Византийской империи» — труд выдающегося русского ученого, крупнейшего византиниста с мировым именем академика Федора Ивановича Успенского (1845—1928). Это сочинение до сих пор остается, пожалуй, единственным исследованием, охватывающим всю тысячелетнюю историю Византии, написанным на русском языке. Причем повествование идет на широком историческом фоне и в тесной связи с историей России.

Драматически складывалась судьба «Истории». В 1913 г. ее первый том увидел свет. Он был великолепно издан фирмой «Брокгауз — Ефрон». Но первая мировая война и революция в России, казалось, поставили точку в этом предприятии. Лишь благодаря колоссальным усилиям за год до кончины восьмидесятилетнему академику удалось выпустить первую часть второго тома (1927), текст которой обрывается буквально на полуслове... Попытка опубликовать исследование Ф. И. Успенского целиком была предпринята в конце 40-х годов Академией наук СССР. Однако свет увидел только третий том.

Прошло еще почти полвека. В конце 1996 г. издательство «Мысль» выпустило книгу «История Византийской империи». В нее был полностью включен текст первого тома и часть второго.

Издание, которое держит в руках читатель, является продолжением вышеупомянутой книги. Оно подготовлено на основе рукописных материалов из личного архива академика Ф. И. Успенского и включает в полном объеме никогда не публиковавшийся ранее текст второго тома.

Издательство предполагает продолжить выпуск «Истории Византийской империи». В следующую книгу войдет текст тома третьего, сверенный с рукописью, а также крупная неопубликованная работа ученого, которую Ф. И. Успенский назвал *эпилогом* своей «Истории Византийской империи». Ни в коей мере не ставя перед собой задачи заинтриговать читателя, отметим, что в упомянутой работе анализируется и исследуется «византийский след» в истории России с момента падения Константинополя и вплоть до начала нынешнего, уже уходящего века двадцатого...

Обратимся еще раз к словам самого автора: «...утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно для русского ученого и не менее полезно как для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания».

ПЕРИОД
Македонской династии
(867 – 1057)

Глава I

Новое историческое содержание в истории Византии и новые деятели: царь Василий I и патриарх Фотий

С половины IX в. история Византии получает несколько более определенный характер в смысле достижения прямо стоявших перед империей политических и культурных задач как на востоке, так в особенности на северо-западе. Хотя по смерти Феофила в 842 г. еще целых 25 лет падает на царствование его сына и царицы Феодоры, но вслед за восстановлением иконопочитания начинается, собственно, уже новый период истории Византии, несмотря на то что продолжается старая династия. В последний период иконоборческой эпохи народились и подготовились новые люди с новыми задачами, которые придали совершенно особый характер истории второй половины IX в. Как произошел перелом и как объяснить появление людей с большой инициативой и с творческим духом среди того общества, которое казалось погрузившимся в беспробудную спячку и погрязшим в невежестве и суевериях, это остается не поддающеюся разрешению проблемой. Во всяком случае утверждение, что с вступлением Македонской династии в 867 г. открывается новый и блестящий период подъема империи, было бы так же несправедливо, как и мысль об абсолютном падении образования и духовного развития в предыдущий период. Хотя при изложении истории второй половины IX в. историк может с полным основанием применить к себе слова поэта "In nova fert animus mutatas dicere formas corpora" *, но ему также обязательно считаться с реальными и конкретными фактами и поставить читателя в такое положение, чтобы для него открылась перспектива с видом на новые государственные тела и на измененные политические и религиозные формы. Трудно указать в истории эпоху, столь богатую новыми образованиями, как именно время, которое нас теперь занимает. Новые этнографические и культурные начала, с которыми мы знакомимся в этот период, не были никем предвидены и своевременно оценены, но заключались, как в зерне, в предыдущем историческом движении. Читатель может догадаться, что мы разумеем здесь, с одной стороны, основание Русского государства, с другой — миссионерскую деятельность между славянами братьев Кирилла и Мефодия и изобретение славянской азбуки. Как явления, которые служат характеристикой периода и дают своеобразный отпечаток самым крупным событиям эпохи, указанные факты заслуживают всестороннего и внимательного изучения в истории Византии.

* Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы/Новые (Овидий. Метаморфозы. I, 1. Пер. С. В. Шервинского). *(Ред.)*

В начальной русской летописи записано под 6360 г., соответствующим 852 г., следующее любопытное сопоставление, которое свидетельствует, что наш древний летописатель занят был в свое время той же задачей, которая выступает и перед нами: соотношением между византийской и русской историей. На основании не дошедших до нас данных он написал:

> «Наченшу Михаилу царствовати, почася прозывати Русская земля. О сем бо уведахом, яко при сем цари приходиша русь на Царьгород, яко же пишется в летописании гречестем. Тем же отселе почнем и числа положим».

Варианты к этому месту дают, между прочим, выражение «якоже сказают», которое следует отличать от параллельного «якоже пишется». Первое указывает на источник сведений хотя бы и письменный, но не летописный; второе непременно предполагает заимствование из летописи; последнему совершенно соответствует и сообщение «о сем бо уведахом». Достаточно доказана та мысль, что первоначальный летописец собирал свои сведения о Древней Руси и из греческой летописи, и из сказаний, как житья, повести и т. п. Как можно догадываться, отдельные сказания как о лицах, так и о событиях, касающихся древних сношений между Русью и Царьградом, были известны и в Византии, и в Киеве, где жил первоначальный составитель древнего летописного свода. В настоящее время часть подобных сказаний может стать предметом наблюдений и выводов, которыми должна подтверждаться мысль русского летописца о том, что Русь известна была в Византии еще до основания Русского государства и что сношения Руси с Константинополем начались ранее полуисторического похода Аскольда и Дира, о котором летописец нашел уже сведения в византийской летописи. Таким образом, как события из русской истории, имеющие связь с Византией, должны входить в круг дальнейших наших наблюдений, так равно и самый центр тяжести византинизма мало-помалу перемещается с восточных провинций на западные[1]. В этом отношении позволим себе нижеследующие объяснения.

Начиная с VIII в., мусульманский элемент должен был поглощать все внимание способнейших государственных людей Византии; самая борьба идей в иконоборческий период имеет начало в том же самом источнике. Хотя эта борьба закончена была победой консервативных идей над либеральными, но в то же время византийский государственный ум уразумел ту истину, что устои государственного существования империи на будущее время должны быть созидаемы не в восточных, а в европейских провинциях. Как ни много жертвовала империя на организацию военных сил в Азии, но постоянные набеги арабов, как песок пустыни в незащищенной и открытой равнине, постепенно обращали культурные области в необработанные и лишенные населения. По необходимости граница мусульманского и христианского мира все отступала с Востока на Запад. Десятое и первая половина следующего столетия в том и имеют свой блеск и тем выражают подъем византинизма, что победы над мусульманами на суше и на море дали Византии временный успех над арабами в Малой Азии. Но этой временной удачей последние представители Македонской династии не сумели воспользоваться таким образом, чтобы извлечь из нее все те выгоды, которые

обеспечили бы империи дальнейшее безбедное существование. Именно в конце XI в. мусульманский мир снова получает перевес над империей, и опять-таки на восточной окраине, где Византия всего менее могла находить опору в таких элементах населения, которые могли бы выдержать борьбу с турецким напором. Так как в способах соглашения жизненных интересов Византии с новым подъемом победоносно распространявшегося мусульманства в лице турок-сельджуков и османов состоял весь смысл внешней политики империи, то понятно, что для нас далеко не безразлично более или менее обстоятельное выяснение подразумеваемой здесь мысли. Вопрос может получить следующую постановку. Если борьба христианской империи на Босфоре с мусульманством уже в занимающую нас эпоху складывалась так неблагоприятно для Византии, что отвлекала все ее внимание и вызывала страшное напряжение сил, то не должны ли были лучшие государственные люди прийти к мысли о том, что не Восток должен составлять главную опору империи, а Запад.

Вторая половина IX в. открывается именно новыми перспективами на Западе. В то время как империя Каролингов поставила себе задачей расширить пределы культурной и церковной миссии на Восточную Европу и неизбежно столкнулась здесь с притязаниями, а частью и с бесспорными правами Константинопольского патриархата, в этом последнем не могло не созреть мысли о подготовке средств для борьбы с победоносным движением на восток Европы каролингской империи и латинской Церкви. Византийская империя для достижения этой цели должна была пустить в оборот те же средства, какими Западная империя и латинская Церковь располагали для привлечения к себе новых подданных, т. е. христианскую миссию.

Во все время существования империи восточные этнографические элементы, объединенные религиозной идеей мусульманства, представляли самого опасного соперника для византинизма с его исключительностью в религиозном и национальном отношении. Окончательная победа мусульманства над византинизмом и вступившими в сферу его влияния разными народностями Балканского полуострова, довольно определенно выяснившаяся в конце XI в. и затем с некоторыми перерывами настойчиво закреплявшаяся в XIII и XIV вв., в занимающее нас время представляла еще проблему, решение которой зависело от некоторых комбинаций, каковыми могли или не могли к своим выгодам воспользоваться византийские государственные деятели. В мировой борьбе и состязании народностей победа достается не только тому, кто идет вперед и занимает незащищенные позиции, но также и тому, кто не сдает неприятелю раз занятых им позиций, твердо охраняя свои пределы. В IX и в особенности в X в. получилась довольно благоприятная для византинизма постановка сфер влияния: империя, не теряя вновь провинций на Востоке, сделала значительные приобретения на Западе и, подчинив своему влиянию славянские народы, могла составить компактное политическое и церковное тело, которое было в состоянии выдержать борьбу с мусульманством на Востоке и с притязаниями империи и латинской Церкви на Западе.

Такова была реальная почва, создавшаяся в Европе при императорах Македонской династии. Для историка, вникающего в судьбы

Византийской империи, совершенно ясной представляется та мысль, что византинизм мог выдержать неравную борьбу с мусульманством лишь при том условии, если он привлечет к себе посредством некоторых жертв церковного и политического характера пробудившиеся к исторической жизни славянские народы и если он вступит с ними в такое соединение, о котором мечтали славянские деятели этой эпохи. Но византинизм, хотя хорошо сознавал опасность, угрожавшую ему с Востока от мусульманства, во все времена был слишком ревнив в оберегании своей мнимой чистоты и особности и нередко предпочитал временный союз с мусульманскими властителями, лишь бы не сделать таких уступок славянам, которые казались ему несовместимыми с мировым положением византинизма. Читатель легко поймет, что мы вступаем здесь в самую важную и наиболее интересную эпоху истории Византии, в которой должны быть выяснены со всею полнотой и подробностью намечаемые отношения, в зависимости от каковых в конце концов находился роковой для христианства исход борьбы на Востоке. Византинизм не мог одержать перевеса в борьбе с магометанством вследствие тех же условий, которые ныне подтачивают силу Константинопольского патриархата. Последний и не может быть иначе понимаем, как в связи с идеей византинизма. После завоевания Константинополя турками он остался выразителем притязаний эллинизма и до сих пор остается ревностным блюстителем тех же принципов исключительности, высокомерия и нетерпимости, за которые так дорого поплатился прежний византинизм и которые постепенно ведут к превращению в отвлеченную идею и в лишенный соответствующего содержания звук столь славный по своим началам и по безграничным притязаниям вселенский Константинопольский патриархат.

Переходим к характеристике новых лиц, во главе которых ставим основателя новой династии.

История Василия Македонянина составлена в то время, когда династия утвердилась уже на престоле и когда внук его, просвещенный и начитанный в книгах Константин VII, возымел мысль разъяснить свою родословную. Нет ничего удивительного, что в эту родословную попало много неверного, рассчитанного на то, чтобы возвысить династию, придав ей высокое происхождение и древность. Мнимое преемство от Константина, равно как родственная связь с Арсакидами или с Александром Великим, должно считаться в настоящее время лишенным основания. В житии Игнатия, составленном Никитой Пафлагонским в конце IX в., сохранилась весьма занимательная история происхождения генеалогии Василия. Оказывается, что Фотий, потеряв патриарший стол, в целях заслужить внимание царя искусно подсунул ему составленное им родословие, которое должно было вполне удовлетворить самое необузданное тщеславие. Родословное дерево Македонской династии, составленное на пергаменте и написанное древними литерами, имело во главе своей армянского царя Тиридата, от которого показан ряд вымышленных имен вплоть до отца Василия. Феофан, бывший придворным библиотекарем, как бы случайно поднес этот пергамент царю Василию и, указывая на палеографические трудности при чтении документа, заметил, что прочитать его мог бы только Фотий. Таким образом, будто бы Фотий возвращен был из ссылки и вновь вошел

в милость царя. Что легенда, читаемая в жизнеописании Игнатия, не встретила общего сочувствия и не была всеми разделяема, видно уже из того, что близкий к кружку литературных современников Константина Генесий говорит о происхождении Василия от Арсака, Филиппа и Александра Великого, а не от армянского Тиридата. Но помимо официальной версии существует ряд отдельных частных известий, по которым семья Василия происходила из крестьян Македонии в окрестностях Адрианополя. Особый ряд источников — по преимуществу арабских — говорит о славянском происхождении Василия. По всем этим весьма противоречащим одно другому данным можно прийти к заключению, что знатность происхождения Василия составляет искусственную версию, происшедшую на основании родословия Фотия; скромное же происхождение из крестьянской семьи, вышедшей из армянской колонии, поселенной близ Адрианополя, оправдывается как свидетельством летописей [2], так и обстоятельствами, к изложению которых сейчас переходим.

В царствование Михаила Рангави в крестьянской семье близ Адрианополя около 812 г. родился Василий. В это время империя находилась в войне с ханом болгарским Крумом, который, потерпев неудачу под Константинополем, на возвратном пути опустошил Фракию, взял приступом Адрианополь и пленил множество сельского населения; в числе пленных отведены были на берега Дуная епископ Мануил и та семья, в которой родился упомянутый выше Василий. Детство и юность Василия протекли, таким образом, на чужбине, в среде языческих болгар, которые еще не знали культуры и лишь готовились стать христианским народом. Сколько лет прожила в плену семья Василия — об этом трудно сказать, вообще сказания, относящиеся к ранним годам, не могут быть проверены и мало заслуживают вероятия. Если допустить, что он снова возвратился в Македонию 25 лет, то трудно было бы объяснить, почему византийское правительство не вело переговоров с болгарами об обмене пленными столь продолжительный срок. Некоторое время мы находим его на службе у стратига Македонии, но потом жажда наживы и влечение к новым местам и приключениям привели его в столицу, где его физическая сила и ловкость действительно скоро доставили ему видное место. Чудесное и необычайное сопровождало Василия при самом вступлении в Константинополь. Утомленный путем, он лег отдохнуть у порога одной церкви, недалеко от Золотых Ворот. Это был монастырь св. Диомида, который впоследствии пользовался особенным расположением царя Василия, обогатившего его вкладами и украсившего перестройками. Легенда повествует, что в ту ночь, как Василий лежал у ворот монастыря, игумен св. Диомида Николай имел видение, повелевавшее ему встать и идти навстречу царю. Приняв это за сон, игумен не обратил на него внимания; но призыв идти навстречу царю повторился, и также безуспешно. Тогда видение снова и строго потребовало от игумена идти встретить Василия. После этого игумен встал, вышел за ворота монастыря и воскликнул: «Василий!» Путешественник с удивлением отозвался на зов, был введен в монастырь и, принимая предложенное угощение, выслушал от игумена чудесный рассказ. Тот же игумен, по всей вероятности, способствовал тому, чтобы Василий устроился в новых условиях, которые ожидали его в Константинополе. В жизнеописании, составленном внуком Василия Константином [3], определенно выра-

жена эта мысль: игумен хлопотал об нем перед одной высокой особой, посещавшей этот монастырь, именно перед родственником царя Михаила и кесаря Варды, носившим имя Феофилица (Феофил). Это был богатый человек, любивший видеть около себя дружину молодых, красивых и сильных людей, которые, будучи разодеты в шелковые и парадные одеяния, служили украшением его двора. Зачисленный на службу к этому вельможе, Василий умел выделиться между всеми товарищами и получил звание протостратора, или конюшего, при дворе Феофилицы. В этом звании он сопутствовал своему господину в его путешествии по служебным делам в Пелопоннис, предпринятом по поручению правительства. Пребывание в Греции имело большое значение в дальнейшей судьбе нашего героя, и поэтому мы приведем относящееся сюда из биографии его место, тем более что сведения о Греции от занимающей нас эпохи так скудны.

«Василий сопутствовал Феофилу и помогал ему исполнить возложенное на него поручение. Находясь в Патрах, господин его вошел помолиться в храм Первозванного апостола Андрея, а Василий, будучи занят в это время своей службой, не вошел с ним вместе, а исполнил долг почтения к апостолу после, когда окончил свое дело. Был же в церкви один монах, проведший при храме долгое время; при входе в храм Феофила он не поднялся с места, не выразил приветствия и не сказал ему ни слова, не обратив никакого внимания ни на следовавшую за ним дружину, ни на сан вошедшего. Когда же потом показался в храме Василий, то он встал как бы перед лицом вельможным и принес обычное царственным особам приветствие. Бывшие при этом и узнавшие об этом по слуху донесли о случившемся благородной женщине, известной в тех местах своим большим богатством, которая по своему мужу называлась Данилидой. Зная лично того монаха и веруя в его пророческий дар, она не оставила без внимания этого обстоятельства, но, призвав к себе монаха, с укоризной говорила ему: «Столько лет тебе уже известно, что я пользуюсь в этой стране особенным почетом и властью, но ты никогда не вставал при виде меня и не выражал мне приветствия, а равно не оказывал этой чести ни моему сыну, ни внуку; как же случилось, что ты оказал царскую честь простому человеку, чужестранцу и никому не известному?» Благочестивый же тот монах отвечал ей, что оказал почесть и встал на ноги не перед простым человеком, как она полагает, а перед великим царем ромэев и помазанником Христовым. Господин Василия, проведя в тех местах некоторое время и исполнив возложенные на него государственные службы, должен был возвратиться в царственный город, между тем как он сам по болезни остался там на короткое время. Когда же после надлежащего ухода он освободился от болезни и стал собираться в обратный путь, его призвала к себе упомянутая Данилида и приняла с особой ласковостью и большим вниманием, весьма умно и предусмотрительно поступив, как сеятель, бросающий семя

в добрую почву, дабы в должное время получить хороший плод. Она одарила его в значительном количестве золотом, дала тридцать человек рабов, богатые одежды и много богатства в разных предметах и поставила лишь одно это условие, чтобы Василий вступил в союз духовного братства с сыном ее Иоанном. Он сначала отказывался от этого предложения, ссылаясь на свою скромность и высокое положение Данилиды, но наконец согласился, уступая настоятельным просьбам. Тогда эта женщина, получив больше смелости, открыто сказала ему, что Бог возвеличил его и имеет удостоить высокой чести и что она просит его лишь об одном, чтобы он оказал им расположение и милость. Василий же дал обещание, если сбудется то, что она говорила, подчинить ей всю эту страну. Возвратившись в Константинополь, на приобретенные в Греции средства он накупил много имений в Македонии, снабдил имуществами своих родственников и сделался сам богатым столько же своими добродетелями, как имениями и деньгами. Оставался же, однако, у своего господина и служил ему».

Существенным обстоятельством, имевшим влияние на последующую судьбу Василия, нужно признать то, что из Греции он возвратился богатым человеком, имевшим рабов в личном распоряжении и земельные имущества в Македонии. Хотя вся история пребывания его в Греции и отношений к Данилиде носит на себе легендарный характер, но в ней несомненно есть историческое зерно, так как это было семейное предание, не подвергавшееся колебаниям со стороны внука его, составителя жития Василия. Самый характер богатой владетельницы шелковой фабрики и ковровых изделий в Пелопоннисе Данилиды может служить прекрасным показателем известной степени благосостояния Греции и в то же время объяснять отношения царствования Василия к этой полузабытой стране [4].

Теперь судьба Василия могла считаться обеспеченной, хотя элемент чудесного все же сопровождает и дальнейшую его историю. На этот раз играет большое значение физическая сила и необыкновенная ловкость Василия. Однажды происходило большое торжество во дворце патрикия Антигона, сына Варды, на котором участвовала вся столичная знать и, между прочим, Феофилица, господин Василия. Как было в обычае, пиршество сопровождалось играми и состязаниями в ловкости и силе; известными борцами были в это время болгаре, а между ними один не знал себе соперника и кичился своей силой, с презрением относясь к местным силачам. «Пир продолжался,— говорит жизнеописатель,— и веселье было разгульное, когда маленький Феофил шепнул кесарю: «У меня есть человек, владыко, который может померяться силой с этим болгарином, иначе будет большой стыд для ромэев, если он возвратится в Болгарию, не найдя себе достойного соперника, который победит его». Когда же кесарь согласился на предложенное состязание, то патрикий Константин *, человек весьма расположенный к Васи-

* Выше об нем замечено (Vita Basilii. C. 12. P. 229), что это был отец современного писателя, логофета дрома Фомы.

лию, *так как и сам был рода армянского* *, заметив, что место, на котором предполагалось состязание, сыровато и опасаясь, как бы Василий случайно не поскользнулся, просил кесаря отдать приказание, чтобы на арену были насыпаны древесные опилки. Это было исполнено. Василий, схватившись с болгарином, скоро сжал его в своих объятиях и, легко приподняв его над столом, как легкую связку сухой травы или ничтожный пучок шерсти, с удобством бросил на землю. Все присутствовавшие не могли удержаться от похвал и одобрения Василию». С этого дня слава Василия стала распространяться по городу, он сделался известным.

Новый опыт силы и искусства был еще замечательней. У царя Михаила был конь дикий и необузданный, хотя прекрасной породы и масти и чрезвычайно быстрого хода. С ним было весьма трудно сладить, в особенности когда он срывался с привязи и был на свободе. Уже Михаил, раздраженный неудачными попытками приручить этого коня, отдал приказ перерезать ему жилы на задних ногах. Бывший при этом кесарь Варда просил царя не губить такое благородное животное из-за одного недостатка. Василий же сказал своему господину: «Если я обгоню царского коня и, соскочив со своего, сяду на него, не будет ли гневаться царь, так как конь в царской сбруе?» Когда же царь разрешил этот опыт, Василий легко и искусно справился с задачей. Тогда царь, очарованный мужеством и ловкостью этого человека, взял его к себе на службу и назначил его царским стратором. С тех пор Василию открылась уже широкая дорога, он вошел в расположение царя, сделался для него необходимым человеком и умел сохранить его привязанность. Участие Василия в царских пирах и веселых похождениях началось в то время, когда по смерти Феоктиста и удалении царицы Феодоры все влияние перешло к дяде царя, Варде, который, предоставив племяннику свободу устраивать жизнь согласно его склонностям, сам сосредоточил в своих руках все нити правления и несомненно мечтал о царском троне. Не будем останавливаться на анекдотической стороне биографии Василия, которая, по-видимому, имела целью показать, каким образом этот скромный и простой крестьянин [5] мог дойти до самых высших ступеней власти и благополучия. Его карьера, однако, не была лишена преград и значительных затруднений, хотя ясно, что без связей в высших кругах он не мог бы идти так далеко по служебной лестнице. Прежде всего кесарь Варда не мог хладнокровно относиться к тому, что занимало императора, и поэтому возвышение Василия и оказываемое ему Михаилом доверие должны были с ранних пор возбудить его подозрительность и недоверие к этому случайному человеку.

Нужно было обладать большим знанием людей и искусством приспособления к обстоятельствам, чтобы проложить себе дорогу в той среде, где господствовали близкие люди Варды. В самом деле, важнейший военный пост командования царской гвардией вверен был брату его

* Это, конечно, одно из самых важных мест, свидетельствующих об армянском происхождении Македонской династии: ὁ Κωνσταντῖνος σφόδρα φιλίως πρὸς τὸν Βασίλειον διακείμενος ἅτε καὶ αὐτὸς ἐξ Ἀρμενίων ἕλκων τὸ γένος [Константин был весьма расположен к Василию, потому что и его собственный род происходил из Армении].

Петроне, а потом сыну Антигону; логофетом дрома по смерти Феоктиста назначен был его зять Симватий. Весьма можно пожалеть, что в изложении обстоятельств, касающихся придворной жизни Василия, мы должны ограничиваться весьма скудными данными, в которых анекдотическая сторона берет верх над простой и неприкрашенной правдой. Василия сопровождала удача, и всемогущему Варде неоднократно приходилось невольно способствовать его возвышению. В биографии Василия рассказывается, между прочим, следующий случай [6].

> «В то время был у царя паракимоменом патрикий Дамиан, славянского происхождения. Будучи волнуем властолюбием, он часто говорил царю как о других лицах, неискусно управляющих делами, так в особенности о дяде его, кесаре Варде, что он, завладев верховной властью, часто преступает требования долга, и, отменяя некоторые распоряжения кесаря, приводил царя к иным воззрениям на современные события. Вследствие этого кесарь по внушению своих друзей и советников стал строить козни Дамиану: клеветал на него, возводил мнимые обвинения и так изменил настроение к нему царя, что он лишил Дамиана его достоинства. По низвержении Дамиана место его оставалось долго незанятым. Но божественное провидение направляет дела в пользу того, к кому благоволит: проницательность делает бесплодной и лукавство уловляет в собственные сети. И сам кесарь, и многие другие намечали того и этого на открывшееся место и тайно принимали всяческие меры; но против всякого ожидания царь назначает на это место Василия, возведя его в сан патрикия и женив его на прекрасной девице и первой тогдашней знатной невесте, это была дочь благородного и знаменитого тогда Ингера».

Так рассказан в жизнеописании Василия наиболее важный эпизод в его карьере, который, конечно, не мог пройти так просто, как об этом сказано, и который поставил нашего героя в ближайшие отношения к царю и сделал его почти недоступным для козней кесаря Варды, который любил потом говорить в тесном кружке своих приверженцев: «Положившись свыше меры на ваши слова, я прогнал лисицу, но впустил льва, который проглотит нас всех». С тех пор между Вардой и Василием не могло быть доверия, каждый стремился воспользоваться своим влиянием для нанесения вреда другому.

Василий подготовил решительный удар Варде с большим искусством и осторожностью. Ему нужно было найти союзников и друзей среди высших лиц, чтобы чрез них постепенно действовать на императора, который во всяком случае привык видеть в своем дяде такого государственного деятеля, за которым можно было не опасаться личной ответственности. Зять Варды, логофет дрома Симватий, вошел в соглашение с Василием насчет замышляемого переворота. Именно Василий внушил ему мысль, что в случае устранения от дел кесаря он может получить его сан и звание, так как царь вполне к нему расположен и только ждет благоприятного случая, как бы отделаться от своего дяди. Реальное положение дела хорошо изображается автором жизни Василия в рассказе о смерти Варды во время похода против критских арабов,

жена эта мысль: игумен хлопотал об нем перед одной высокой особой, посещавшей этот монастырь, именно перед родственником царя Михаила и кесаря Варды, носившим имя Феофилица (Феофил). Это был богатый человек, любивший видеть около себя дружину молодых, красивых и сильных людей, которые, будучи разодеты в шелковые и парадные одеяния, служили украшением его двора. Зачисленный на службу к этому вельможе, Василий умел выделиться между всеми товарищами и получил звание протостратора, или конюшего, при дворе Феофилицы. В этом звании он сопутствовал своему господину в его путешествии по служебным делам в Пелопоннис, предпринятом по поручению правительства. Пребывание в Греции имело большое значение в дальнейшей судьбе нашего героя, и поэтому мы приведем относящееся сюда из биографии его место, тем более что сведения о Греции от занимающей нас эпохи так скудны.

> «Василий сопутствовал Феофилу и помогал ему исполнить возложенное на него поручение. Находясь в Патрах, господин его вошел помолиться в храм Первозванного апостола Андрея, а Василий, будучи занят в это время своей службой, не вошел с ним вместе, а исполнил долг почтения к апостолу после, когда окончил свое дело. Был же в церкви один монах, проведший при храме долгое время; при входе в храм Феофила он не поднялся с места, не выразил приветствия и не сказал ему ни слова, не обратив никакого внимания ни на следовавшую за ним дружину, ни на сан вошедшего. Когда же потом показался в храме Василий, то он встал как бы перед лицом вельможным и принес обычное царственным особам приветствие. Бывшие при этом и узнавшие об этом по слуху донесли о случившемся благородной женщине, известной в тех местах своим большим богатством, которая по своему мужу называлась Данилидой. Зная лично того монаха и веруя в его пророческий дар, она не оставила без внимания этого обстоятельства, но, призвав к себе монаха, с укоризной говорила ему: «Столько лет тебе уже известно, что я пользуюсь в этой стране особенным почетом и властью, но ты никогда не вставал при виде меня и не выражал мне приветствия, а равно не оказывал этой чести ни моему сыну, ни внуку; как же случилось, что ты оказал царскую честь простому человеку, чужестранцу и никому не известному?» Благочестивый же тот монах отвечал ей, что оказал почесть и встал на ноги не перед простым человеком, как она полагает, а перед великим царем ромэев и помазанником Христовым. Господин Василия, проведя в тех местах некоторое время и исполнив возложенные на него государственные службы, должен был возвратиться в царственный город, между тем как он сам по болезни остался там на короткое время. Когда же после надлежащего ухода он освободился от болезни и стал собираться в обратный путь, его призвала к себе упомянутая Данилида и приняла с особой ласковостью и большим вниманием, весьма умно и предусмотрительно поступив, как сеятель, бросающий семя

в добрую почву, дабы в должное время получить хороший плод. Она одарила его в значительном количестве золотом, дала тридцать человек рабов, богатые одежды и много богатства в разных предметах и поставила лишь одно это условие, чтобы Василий вступил в союз духовного братства с сыном ее Иоанном. Он сначала отказывался от этого предложения, ссылаясь на свою скромность и высокое положение Данилиды, но наконец согласился, уступая настоятельным просьбам. Тогда эта женщина, получив больше смелости, открыто сказала ему, что Бог возвеличил его и имеет удостоить высокой чести и что она просит его лишь об одном, чтобы он оказал им расположение и милость. Василий же дал обещание, если сбудется то, что она говорила, подчинить ей всю эту страну. Возвратившись в Константинополь, на приобретенные в Греции средства он накупил много имений в Македонии, снабдил имуществами своих родственников и сделался сам богатым столько же своими добродетелями, как имениями и деньгами. Оставался же, однако, у своего господина и служил ему».

Существенным обстоятельством, имевшим влияние на последующую судьбу Василия, нужно признать то, что из Греции он возвратился богатым человеком, имевшим рабов в личном распоряжении и земельные имущества в Македонии. Хотя вся история пребывания его в Греции и отношений к Данилиде носит на себе легендарный характер, но в ней несомненно есть историческое зерно, так как это было семейное предание, не подвергавшееся колебаниям со стороны внука его, составителя жития Василия. Самый характер богатой владетельницы шелковой фабрики и ковровых изделий в Пелопоннисе Данилиды может служить прекрасным показателем известной степени благосостояния Греции и в то же время объяснять отношения царствования Василия к этой полузабытой стране [4].

Теперь судьба Василия могла считаться обеспеченной, хотя элемент чудесного все же сопровождает и дальнейшую его историю. На этот раз играет большое значение физическая сила и необыкновенная ловкость Василия. Однажды происходило большое торжество во дворце патрикия Антигона, сына Варды, на котором участвовала вся столичная знать и, между прочим, Феофилица, господин Василия. Как было в обычае, пиршество сопровождалось играми и состязаниями в ловкости и силе; известными борцами были в это время болгаре, а между ними один не знал себе соперника и кичился своей силой, с презрением относясь к местным силачам. «Пир продолжался,— говорит жизнеописатель,— и веселье было разгульное, когда маленький Феофил шепнул кесарю: «У меня есть человек, владыко, который может померяться силой с этим болгарином, иначе будет большой стыд для ромэев, если он возвратится в Болгарию, не найдя себе достойного соперника, который победит его». Когда же кесарь согласился на предложенное состязание, то патрикий Константин *, человек весьма расположенный к Васи-

* Выше об нем замечено (Vita Basilii. C. 12. P. 229), что это был отец современного писателя, логофета дрома Фомы.

лию, *так как и сам был рода армянского* *, заметив, что место, на котором предполагалось состязание, сыровато и опасаясь, как бы Василий случайно не поскользнулся, просил кесаря отдать приказание, чтобы на арену были насыпаны древесные опилки. Это было исполнено. Василий, схватившись с болгарином, скоро сжал его в своих объятиях и, легко приподняв его над столом, как легкую связку сухой травы или ничтожный пучок шерсти, с удобством бросил на землю. Все присутствовавшие не могли удержаться от похвал и одобрения Василию». С этого дня слава Василия стала распространяться по городу, он сделался известным.

Новый опыт силы и искусства был еще замечательней. У царя Михаила был конь дикий и необузданный, хотя прекрасной породы и масти и чрезвычайно быстрого хода. С ним было весьма трудно сладить, в особенности когда он срывался с привязи и был на свободе. Уже Михаил, раздраженный неудачными попытками приручить этого коня, отдал приказ перерезать ему жилы на задних ногах. Бывший при этом кесарь Варда просил царя не губить такое благородное животное из-за одного недостатка. Василий же сказал своему господину: «Если я обгоню царского коня и, соскочив со своего, сяду на него, не будет ли гневаться царь, так как конь в царской сбруе?» Когда же царь разрешил этот опыт, Василий легко и искусно справился с задачей. Тогда царь, очарованный мужеством и ловкостью этого человека, взял его к себе на службу и назначил его царским стратором. С тех пор Василию открылась уже широкая дорога, он вошел в расположение царя, сделался для него необходимым человеком и умел сохранить его привязанность. Участие Василия в царских пирах и веселых похождениях началось в то время, когда по смерти Феоктиста и удалении царицы Феодоры все влияние перешло к дяде царя, Варде, который, предоставив племяннику свободу устраивать жизнь согласно его склонностям, сам сосредоточил в своих руках все нити правления и несомненно мечтал о царском троне. Не будем останавливаться на анекдотической стороне биографии Василия, которая, по-видимому, имела целью показать, каким образом этот скромный и простой крестьянин [5] мог дойти до самых высших ступеней власти и благополучия. Его карьера, однако, не была лишена преград и значительных затруднений, хотя ясно, что без связей в высших кругах он не мог бы идти так далеко по служебной лестнице. Прежде всего кесарь Варда не мог хладнокровно относиться к тому, что занимало императора, и поэтому возвышение Василия и оказываемое ему Михаилом доверие должны были с ранних пор возбудить его подозрительность и недоверие к этому случайному человеку.

Нужно было обладать большим знанием людей и искусством приспособления к обстоятельствам, чтобы проложить себе дорогу в той среде, где господствовали близкие люди Варды. В самом деле, важнейший военный пост командования царской гвардией вверен был брату его

* Это, конечно, одно из самых важных мест, свидетельствующих об армянском происхождении Македонской династии ὁ Κωνσταντῖνος σφόδρα φιλίως πρὸς τὸν Βασίλειον διακείμενος ἅτε καὶ αὐτὸς ἐξ Ἀρμενίων ἕλκων τὸ γένος [Константин был весьма расположен к Василию, потому что и его собственный род происходил из Армении].

Петроне, а потом сыну Антигону; логофетом дрома по смерти Феоктиста назначен был его зять Симватий. Весьма можно пожалеть, что в изложении обстоятельств, касающихся придворной жизни Василия, мы должны ограничиваться весьма скудными данными, в которых анекдотическая сторона берет верх над простой и неприкрашенной правдой. Василия сопровождала удача, и всемогущему Варде неоднократно приходилось невольно способствовать его возвышению. В биографии Василия рассказывается, между прочим, следующий случай [6].

> «В то время был у царя паракимоменом патрикий Дамиан, славянского происхождения. Будучи волнуем властолюбием, он часто говорил царю как о других лицах, неискусно управляющих делами, так в особенности о дяде его, кесаре Варде, что он, завладев верховной властью, часто преступает требования долга, и, отменяя некоторые распоряжения кесаря, приводил царя к иным воззрениям на современные события. Вследствие этого кесарь по внушению своих друзей и советников стал строить козни Дамиану: клеветал на него, возводил мнимые обвинения и так изменил настроение к нему царя, что он лишил Дамиана его достоинства. По низвержении Дамиана место его оставалось долго незанятым. Но божественное провидение направляет дела в пользу того, к кому благоволит: проницательность делает бесплодной и лукавство уловляет в собственные сети. И сам кесарь, и многие другие намечали того и этого на открывшееся место и тайно принимали всяческие меры; но против всякого ожидания царь назначает на это место Василия, возведя его в сан патрикия и женив его на прекрасной девице и первой тогдашней знатной невесте, это была дочь благородного и знаменитого тогда Ингера».

Так рассказан в жизнеописании Василия наиболее важный эпизод в его карьере, который, конечно, не мог пройти так просто, как об этом сказано, и который поставил нашего героя в ближайшие отношения к царю и сделал его почти недоступным для козней кесаря Варды, который любил потом говорить в тесном кружке своих приверженцев: «Положившись свыше меры на ваши слова, я прогнал лисицу, но впустил льва, который проглотит нас всех». С тех пор между Вардой и Василием не могло быть доверия, каждый стремился воспользоваться своим влиянием для нанесения вреда другому.

Василий подготовил решительный удар Варде с большим искусством и осторожностью. Ему нужно было найти союзников и друзей среди высших лиц, чтобы чрез них постепенно действовать на императора, который во всяком случае привык видеть в своем дяде такого государственного деятеля, за которым можно было не опасаться личной ответственности. Зять Варды, логофет дрома Симватий, вошел в соглашение с Василием насчет замышляемого переворота. Именно Василий внушил ему мысль, что в случае устранения от дел кесаря он может получить его сан и звание, так как царь вполне к нему расположен и только ждет благоприятного случая, как бы отделаться от своего дяди. Реальное положение дела хорошо изображается автором жизни Василия в рассказе о смерти Варды во время похода против критских арабов,

когда пущены были в ход все нити интриги, хорошо подготовленной сторонниками паракимомена Василия. Когда византийский отряд раскинулся лагерем на реке Мэандр в фракисийской феме, случилось, что царская палатка оказалась раскинутой на низменном месте, между тем как кесарская — на возвышенном и отовсюду видном. Недоброжелатели кесаря воспользовались и этим, может быть случайным, обстоятельством, чтобы доказать его беспредельное честолюбие и желание оскорбить царя явным к нему пренебрежением. «Поверив этим наветам, царь склоняет дух к наговорам против него и принимает участие в обсуждении средств к его низвержению, ибо явно он не мог ни сказать чего-либо против кесаря, ни принять какое-либо враждебное против него решение, так как, с одной стороны, он пользовался почти равной с ним честью и участвовал в царской власти, с другой — не боялся его друзей и приверженцев. Он хорошо знал, что все архонты и стратиги более преданы и расположены к нему, а не к царю и что по его мановению направляются все дела и в особенности зависят от сына его, анфипата и патрикия Антигона, тогдашнего доместика царских схол». Вообще царь имел многих, разделявших его взгляд и готовых принять на себя убиение кесаря [7]. Когда в числе заговорщиков против Варды оказался и тесть его Симватий, тогда колебания царя прекратились и он вполне вошел в планы паракимомена. Считалось опасным покуситься на жизнь Варды в столице, где можно было вызвать военное возмущение. Таким образом в 866 г. быстро составлен план военного похода в Крит, предпринятого, по-видимому, лишь с той целью, чтобы удалить Варду из той обстановки, которая была ему так близка и в которой он имел так много друзей и приверженцев.

Варде предстояло принять личное участие в походе, которым заговорщики и воспользовались для осуществления своих замыслов. Как сказано выше, в апреле 866 г. в лагере при устьях Мэандра произошла кровавая драма на глазах самого царя.

> «На заре 21 апреля кесарь по принятому обычаю явился к палатке царя, чтобы вместе обсудить предстоявшие распоряжения. Когда он приблизился, царь, находя это время самым удобным, дает знак патрикию Симватию, чтобы он распорядился приведением в исполнение составленного заранее плана. Он же, выйдя, сделал условный знак, каковым было знамение креста на лице; но заговорщики по малодушию и из страха перед опасным предприятием потеряли присутствие духа и замедлили исполнением составленного решения. Царь оказался в затруднении и, узнав от одного из слуг, что заговорщики перетрусили и откладывают предприятие, действительно требовавшее смелости и мужества, посылает одного из доверенных лиц к Василию, имевшему уже сан патрикия и должность паракимомена, и уведомляет его, полный смятения, что если он не поспешит подкрепить дух тех, которые назначены на исполнение предприятия, и не побудит их немедленно приступить к делу, то неизбежно самому ему угрожает от Варды смерть, «ибо,— говорил Михаил,— невозможно, чтобы он не знал всего, что я замышлял против него, и вы будете настоящими виновниками

моего убийства». Узнав об этом и боясь, чтобы не случилось какого несчастия с царем, Василий подкрепляет робких и делает смелыми трусливых и побуждает их к исполнению царской воли. Тогда заговорщики вторглись в царскую палатку, а кесарь, поняв, что дело идет о его жизни, бросился к ногам царя. Убийцы нанесли ему смертельный удар на том же месте» [8]. По некоторым данным, не посторонние убийцы, а сам Василий нанес Варде первый удар.

После этого события, открывавшего паракимомену прямой путь к высшей власти, военные предприятия были отложены; император возвратился в столицу, где его, однако, ожидали разнообразные неприятности, вызванные частью трагической смертью Варды и неожиданным оборотом столь популярного предприятия против критских арабов. Не обращая внимания на чувства населения столицы, император по возвращении из похода приобщил к императорской власти Василия, усыновив его и назначив соимператором (26 мая 866 г.). Но происшедший переворот сопровождался смутами. Прежде всего Симватий, жестоко обманутый в своих надеждах на кесарский сан, отказался от должности логофета дрома и испросил назначения его стратигом фракисийской фемы. Здесь он в соглашении с стратигом Опсикия Пигани начал бунт против правительства, порицая возвышение Василия и посылая ему всяческие укоризны. Движение в фемах продолжалось, впрочем, только в летнее время, причем бунтовщики разорили усадьбы и поля константинопольских вельмож и захватили несколько судов. С приближением холодного времени восстание прекратилось, и оба стратига были схвачены и приведены в Константинополь, где их постигло суровое наказание: Симватий сослан в заточение с лишением глаз и одной руки; Пигани также отправлен в ссылку с выколотыми глазами и прорванными ноздрями.

Нам остается сказать о последнем, и самом решительном, шаге, приведшем царя Василия к самостоятельной власти. С точки зрения его жизнеописателя, «божественный голос явно призывал его к царской власти», а царь Михаил «сам острил направленные против него мечи и укреплял руки своих убийц», но фактически подготовленное Василием убийство царя Михаила трудно было оправдать в глазах современников и потомства. Само собой разумеется, трудно было положиться на верность Михаила, который мог с такой же легкостью поднять руку на Василия, с какой он отделался от Варды. Михаил уже начал охладевать к своему товарищу по власти, когда заметил, что он уклоняется от его веселых пиров и начинает серьезней смотреть на свои обязанности. Весьма вероятно, что Василию не было иного выбора, когда обнаружилось, что Михаил имеет намерение передать царскую власть новому своему любимцу, некоему Василикину, которого он вывел в царском парадном одеянии перед собранием сената с целью присоединения его к власти. Таким образом была решена участь Михаила III. Однажды происходило пиршество во дворце св. Маманта, на котором по обычаю царь позволил себе излишества. Присутствовавший здесь Василий решился воспользоваться этим случаем, чтобы освободить себя и империю от этого негодного правителя. Отведя его спать и оставив комнату без охраны и без запоров, Василий ночью провел своих друзей и преданных ему сообщников и впустил их в спальню царя. Бывший здесь постель-

ничий хотел было оказать сопротивление, но его заставили молчать. Михаил пробужден был от сна вследствие поднявшегося шума и поднял руки для защиты, но один из заговорщиков, Иоанн Халдий, отсек ему обе руки, после чего ему нанесены были новые удары, от которых последовала смерть. Это было ночью с 23 на 24 сентября 867 г. Василию предстояло принять меры, чтобы закрепить за собой приобретенное смертью Михаила III положение. В ту же ночь он поспешил, несмотря на сильную морскую бурю, переправиться из предместья св. Маманта в Константинополь, чтобы занять дворец, откуда приказал собраться к нему всем придворным, оставшимся во дворце св. Маманта, и сделал распоряжение о погребении погибшего царя. Михаил погребен без всякой помпы на азиатском берегу Босфора в нынешнем Скутари. На погребении были мать его инокиня Феодора и сестры его, постриженные в монахини и жившие в монастыре Гастрии. Достигнув неограниченной власти в обширной империи, Василий был уже на склоне лет, он имел около 55 лет.

Следя за редкой карьерой Василия, мы должны признать в нем ловкого и искусного человека, который хорошо понимал людей и умел ими пользоваться для своих целей. Если принять во внимание, что он едва ли имел даже первоначальное школьное образование, то личность его должна вырасти перед нами до больших размеров. Несомненно, он обладал твердым и настойчивым характером и далеко не часто встречающимися способностями, которые позволили ему и на высоте власти оказаться не ниже предъявленных к нему его положением задач. Конечно, ему казались дозволенными всякие средства, если ими достигалась цель; с ним опасно было встречаться на одной дороге, состязаться с ним не были в состоянии его современники, перед ним стушевались Варда, Фотий, не говоря о Михаиле. Но за этим царем, запятнавшим себя двумя убийствами из политических целей, числится большая заслуга перед историей. Именно при нем был поставлен вопрос об устоях, на которые должна была опираться империя, и этот вопрос решен был в том смысле, что европейские этнографические элементы должны были получить преобладание перед азиатскими.

Цари Македонской династии перенесли центр тяжести империи из Азии в Европу, отвечая этим на важные запросы, которые к тому времени совершенно настойчиво заявили о себе. На престоле империи Василий оставался тем же практическим и зорко присматривающимся к обстоятельствам наблюдателем, каким мы видели его раньше. И нужно сказать, что его сметливость и отзывчивость на потребности государства, его понимание государственных учреждений и разнообразных общественных классов создали ему много почитателей, которые охотно прощают ему его недостатки.

Патриарх Фотий также относится к числу новых людей в истории Византии, по силе и глубине значения он даже должен быть поставлен впереди Василия. Но хотя по высокому научному образованию и по талантливости Фотий представляет собой совершенно неожиданное и до известной степени чрезвычайное явление, тем не менее об обстоятельствах его подготовки к исторической роли мы лишены всяких сведений и, можно сказать, первая хронологическая дата, касающаяся его жизни, совпадает со временем избрания его на патриаршую кафедру. Он был

несколькими годами моложе царя Василия: рождение последнего можно относить к 813—814 гг., а рождение Фотия следует полагать между 816—826 гг. Он происходил от знатной семьи, имевшей в Константинополе широкие связи. Спафарий Сергий, отец Фотия, был в родстве с знаменитым патриархом Тарасием и принадлежал к партии иконопочитателей. Хотя семья эта пострадала во второй период иконоборческой эпохи, но при царице Феодоре она снова занимала в столице высокое положение. Сестра императрицы принцесса Ирина была в замужестве за братом Фотия патрикием Сергием. Другой его брат, Тарасий, носил сан патрикия. Сам Фотий получил прекрасное воспитание и впоследствии был профессором в высшей константинопольской школе, где преподавал философские науки[9]. Достигнув тридцатилетнего возраста и по своему происхождению и связям делая хорошую карьеру, Фотий не мог оставаться в стороне от жгучих вопросов внешней и внутренней политики, которые тогда занимали константинопольское общество. Не оставаясь в стороне от тогдашнего движения, он даже был им выдвинут на передовой пост и получил в свои руки решение назревших тогда важных вопросов церковной политики. Иконоборческая эпоха оставила в наследие царям и патриархам X в. окончательную постановку всемирно-исторического вопроса об отношении Восточной Церкви к Западной; независимо от того историческая эволюция VIII и начала IX в. выдвинула на Западе новую Римскую империю, которая в тесном союзе с латинской Церковью и с папством вступила в серьезную борьбу с Восточной империей и Константинопольским патриархатом и при помощи завоеваний и религиозной миссии имела целью положить предел политическому и церковному расширению Восточной империи в пользу Западной. Фотию выпала задача принять на себя решение этих вопросов в интересах Восточной империи и Константинопольского патриархата, и с этой точки зрения должна оцениваться его деятельность.

В 846 г. по смерти патриарха Мефодия патриаршая кафедра поручена была императрицей Феодорой и клиром монаху Игнатию, благочестивому и мало знакомому с задачами текущего времени старцу, проведшему в монастырском уединении большую часть своей жизни. В мире он назывался Никитой и был сыном царя Михаила I и Прокопии, дочери царя Никифора. Когда Михаил лишился власти в 813 г., Никите было около 15 лет. Вместе со всем царским семейством он был сослан в заточение, причем его сделали евнухом и постригли в монашество под именем Игнатия. До 48-летнего возраста, когда последовало его избрание в архиепископы Константинополя, он оставался в монастыре, где достиг игуменства и пользовался уважением среди подчиненной ему братии. Но на кафедре Константинопольского епископа его ожидали трудности, с которыми он не мог справиться. Не говоря уже о придворных обычаях и о зазорном поведении царя Михаила III, которое часто нуждалось в добром исправлении авторитетом высшей церковной власти и которое не могло быть безразличным для патриарха, Игнатий имел против себя сильную партию среди высшего духовенства. Трудно в настоящее время разобраться в интригах тогдашних церковных партий и понять истинные причины недовольства в церковных кругах патриархом Игнатием. Партия, враждебная патриарху, сосредоточивалась под водительством Григория Асвесты, Сиракузского архиепископа, который

был возведен в это звание Мефодием. Весьма вероятно, что при посвящении его были допущены некоторые отступления от канонических правил, кроме того, и против него были предъявлены обвинения в неканоническом посвящении подчиненных ему епископов. Григорий Асвеста определенно стал на сторону врагов Игнатия при самом возведении его в патриархи. На его стороне были, между прочим, епископы Петр Милетский и Евлампий Апамейский, которые отделились от патриарха, не признавали его церковного авторитета и старались унизить его в глазах Церкви и светского общества. Положение патриарха Игнатия сделалось весьма трудным, в особенности с того времени, когда враждебная ему партия духовенства нашла себе могущественную поддержку в лице патрикия Варды. Так как церковные вопросы находились тогда в весьма тесном соотношении с политическими[10], то падающее на конец 856 г. устранение от дел царицы Феодоры неизбежно содействовало усилению враждебной Игнатию партии и ослаблению его церковного авторитета. При таких условиях слишком резкое выступление патриарха против самого влиятельного в правительстве лица, патрикия Варды, не могло не вызвать катастрофы. Известно, что Варда, разведясь с своей законной женой, вступил в связь с своей снохой, женой умершего сына. Патриарх обратился к нему с просьбой и увещанием прекратить соблазнительное сожитие, но Варда не обратил на это внимания. На праздник Богоявления 857 г. Варда должен был, следуя придворному обычаю, принять причастие, но патриарх отказал ему в этом. Затаив раздражение против Игнатия, всемогущий тогда Варда стал придумывать способ наказать патриарха. Враждебная Игнатию церковная партия с Григорием Сиракузским во главе подала Варде руку и подготовила вопрос о низвержении патриарха. Хотя Михаил III не имел особенных причин желать удаления патриарха, который нимало не стеснял его и оставлял за ним полную свободу для его религиозного безразличия, но на этот раз искусно был выдвинут вопрос о пострижении Феодоры и ее дочерей, на что патриарх не хотел дать своего согласия. Но фактически он так мало имел значения, хотя и удерживал еще за собой духовную власть, что помимо его воли царица Феодора и ее дочери были пострижены в сентябре 857 г. и заточены сначала во дворце карианском, а потом переведены в монастырь Гастрии. Спустя несколько времени патриарх Игнатий без суда и следствия личной волей царя был лишен власти и сослан на остров Теревинф (23 ноября 857 г.). Правительство занялось приисканием преемника ему, который мог бы удовлетворять и церковные нужды того времени, и требования правительства. Принадлежа к партии Варды и стоя на стороне духовенства, отделившегося от Игнатия, Фотий признан был наиболее достойным кандидатом на освободившийся патриарший престол, хотя удаленный патриарх не считал своего дела потерянным.

Нельзя сомневаться в том, что Фотий по своему положению не мог оставаться в стороне от громкого церковного вопроса, о котором мы говорим. Он находился в близких сношениях с Григорием Асвестой, который и дал ему посвящение в духовный сан. В шесть дней — с 20 по 25 декабря — он прошел все степени церковной иерархии и в день Рождества Христова 857 г. возведен в патриархи. Этим, конечно, нарушались, хотя далеко не в первый раз, обычаи Церкви, что было причи-

ной появления нового церковного раскола в патриархате. Одни стояли за удаленного с кафедры патриарха, другие были на стороне нового. Главным его защитником был Варда, но против него было духовенство и главнейше Студийский монастырь, организовавший борьбу с Фотием. Первые годы своего управления Церковью Фотий употребил на укрепление своего положения и на борьбу с партией низверженного Игнатия.

На основании переписки Фотия легко составить себе понятие, как трудно было его положение по возведении его в патриарший сан[11]. Оказывается, что из него будто бы хотели сделать орудие для достижения посторонних и нечистых целей, что его воля мало принималась во внимание. В особенности ему трудно приходилось соблюсти равновесие в сношениях с Вардой, который стеснял авторитет патриарха даже в церковных делах. Не раз приходила ему мысль о сложении с себя епископского сана ввиду крайне резких отношений, в какие он невольно стал к значительной партии духовенства, поддерживавшей патриарха Игнатия. Из писем Фотия можно также видеть, что против него оказались даже некоторые его прежние друзья, что он обманулся в своих надеждах и против ожидания втянут в борьбу, исхода которой не мог предвидеть. Сторону Игнатия держал Студийский монастырь, в котором организовалась сильная оппозиция против Фотия, много ему повредившая и оказавшая сильное влияние на тогдашнее общественное мнение, складывавшееся неблагоприятно для нового патриарха. Монастырь Студия при игумене Николае, ученике знаменитого Феодора, был центром, откуда направлялись идеи церковной политики и дисциплины и вместе с тем здесь складывались основные начала монастырского общежития и всего обихода монашеской жизни. В особенности же научные и литературные произведения, выходившие из этого монастыря, влияли на общественное мнение и подготовляли направление церковной политики. Хотя Фотий достиг того, что Николай сложил оружие, покинув свой монастырь и удалившись в Вифинию, но вместе с тем он вооружил этим против себя игуменов и архимандритов константинопольских монастырей. Чтобы привлечь их на свою сторону, он произвел реформы в управлении монастырей, освободив игуменов от излишней зависимости по отношению к монастырской общине и поставив их в непосредственные отношения к патриарху. Чтобы рассечь узел, образовавшийся из вопроса о низвержении Игнатия, который не хотел признать себя лишенным сана и патриаршеского достоинства без авторитета высшей церковной власти, Варда и Фотий признали настоятельную необходимость предоставления этого дела на усмотрение папы и, выдвигая на первое место иконоборческий вопрос, испрашивали согласия его на присылку своих уполномоченных в Константинополь для участия в Соборе. Необходимость участия высшего авторитета в решении местных дел вызывалась и тем обстоятельством, что приверженцы Игнатия составили против Фотия Собор в храме св. Ирины и, ссылаясь на нарушение канонов при его избрании, объявили его низверженным. На Соборе было между прочим указано, что Фотий избран при живом и не отказавшемся от власти патриархе, что он возведен из светского звания в шесть дней в высший церковный сан и что, наконец, при посвящении его нарушен был тот обычай, что посвящение епископа Константинополя было правом митрополита

Ираклии. Фотию оставалось отразить нападение равным оружием. Он созвал Собор в храме свв. Апостолов, на котором подверг отлучению Игнатия и его приверженцев. Тогда начались церковная усобица и те гонения против Игнатия, уже находившегося в ссылке, о которых много говорится в его жизнеописании. Таким образом, казалось необходимым покончить с этим весьма неприятным вопросом, создавшим в империи две Церкви, из которых обе были подвержены одна от другой отлучению.

Папа Николай послал своих уполномоченных, и в мае 861 г. состоялся в Константинополе Собор, на котором обсуждалось и дело Фотия. В присутствии царя и кесаря Варды Собор в значительном составе 318 отцов осудил и низверг Игнатия и признал законность избрания Фотия. Мы будем иметь еще случай возвратиться к этому Собору, так как с ним связывается начало горячих споров между Римом и Константинополем, теперь же ограничимся указанием, что по случаю этого Собора выяснилось весьма важное обстоятельство: греки плохо понимали латинский, итальянцы — греческий язык и самые переводчики не обладали достаточными знаниями. Переводы с одного языка на другой редко были точны и правильны, нельзя отрицать при этом и намеренного изменения смысла как в других актах, так и в папском письме[12]. Но на некоторое время перевес был на стороне Фотия. Это развязывало ему руки и позволило сосредоточить внимание на подлинных задачах вселенской патриархии, самая постановка которых составляет большую честь и славу патриарха Фотия.

Переходя к общей характеристике Фотия, мы должны прежде всего заметить, что западные писатели относятся к нему весьма неблагосклонно, справедливо усматривая в нем главного виновника бесповоротного разрыва между Восточной и Западной Церковью. Историки греко-восточной Церкви выделяют в его деятельности такие элементы, которые прямо лежат на его личной ответственности, от таких, которые выражают неизбежный ход исторического развития и характеризуют культурное направление Востока и Запада. С мировой точки зрения, оценивая Фотия как исторического деятеля, мы должны признать его высокоодаренной натурой. Чтобы найти критерий при оценке Фотия, необходимо стать на точку зрения широких всемирно-исторических интересов. Ни один патриарх не достигал такой силы и могущества и не пользовался таким почетом и уважением, как Фотий. Он не только заставил смолкнуть противников, добившись торжественного признания своих прав на Соборе, на котором присутствовали и папские послы, но и поставил Константинопольский патриархат в равное положение с Римским, отучил апеллировать в Рим недовольных и нанес сильные поражения притязаниям папы. Слава об его учености, обширные сношения с отдаленными народами, безусловное доверие царя, уважение среди почитателей и учеников — все соединилось к тому, чтобы создать Фотию исключительное положение, благодаря которому он мог решиться на многое, мог оказать человечеству неизмеримые услуги, равно как нанести непоправимый ущерб.

Патриарху Фотию принадлежит решение вопроса об отношении Восточной Церкви к Западной, вопроса, порожденного иконоборческой эпохой, одним из последствий которой явилось крайнее принижение

Константинопольской патриархии перед Римским престолом. Фотий задался целью повысить значение Константинопольского патриарха и поставить его выше Римского папы. Достигает он этой цели, частью утверждаясь на актах Вселенских Соборов и церковной практике, частью действуя личным авторитетом и настойчивостью. Возгоревшаяся таким образом борьба между Константинопольским патриархом и Римским папой впервые точно обосновывается в энциклике, или окружном послании, с которым Фотий обращается в 868 г. к восточным патриархам. В этой энциклике им перечисляются все вины латинян. Он выступает в ней против догматической стороны их учения (filioque), против светской власти папы и против притязаний Римской Церкви на первенство. Право Константинопольской Церкви на первенство Фотий обосновывает тем доводом, что с перенесением императорской власти с Запада на Восток перенесены были вместе с нею и привилегии Римского первосвященника; не менее того он настаивает на апостолическом характере Константинопольской кафедры. Эти соображения особенно верны теперь, когда Запад имеет своего императора. К этим положениям Фотия в Риме отнеслись с крайней неприязнью: вражда увеличивается еще вследствие вопроса о преобладании над новообращенными народами, болгарами и моравами. Момент появления Фотиевой энциклики в 868 г. следует считать кульминационным пунктом борьбы Восточной и Западной Церкви. В этой энциклике собран весь материал, на котором строится принцип отделения Восточной Церкви от Западной. Впоследствии Михаилу Кируларию оставалось лишь бросить в лицо Римскому папе подобранными Фотием обвинениями и этим произвести официальное разделение обеих Церквей. Теория Фотия о власти патриарха касается и отношений духовной и светской власти. Вопрос этот, грубо поставленный в иконоборческую эпоху, был разработан Фотием научным образом в Номоканоне. Этот акт церковного законодательства определяет право царя и право патриарха и значение патриарха в Церкви.

Особенная сторона деятельности Фотия заключается в отправлении миссионеров к славянским народам, которые выступают в этот момент на историческое поприще и требуют себе у Византии проповедников. Избрание и отправление на проповедь Кирилла и Мефодия и разрешение вопроса о применении славянского языка к богослужению и переводу свв. книг составляют вечную заслугу Фотия. Он дал, таким образом, толчок развитию народного языка славян, благодаря которому они несокрушимы, так как, обладая языком да еще религией, народ будет жить, несмотря ни на какие угнетения. Либеральное и гуманное отношение Фотия к вопросу о национальном языке можно сравнить лишь с отношением к нему Иоанна Златоуста. Фотий не пользуется уважением со стороны приверженцев римско-католической Церкви: действительно, нет человека, который бы принес Римскому престолу больше вреда.

Интимная и очень симпатичная сторона характера Фотия рисуется нам в его обширной переписке. Вот афоризм, извлеченный из одного его письма: «Нет человека, хотя бы он был совершеннейшим, чистого от всякого пятна, и равно нет человека, хотя бы он был самый порочный, совершенно лишенного всякой добродетели». До вступления на патриарший престол Фотий был профессором философии и богословия. В своей

переписке он чрезвычайно симпатичными чертами рисует отношение к нему его учеников: как ревностно изучали они преподаваемые им предметы, с каким сожалением провожали его во дворец, куда его требовали дела, как тепло встречали его при возвращении оттуда. Находясь в немилости, он обращается к царю Василию:

> «Всемилостивейший владыко! Я не прошу тебя ни о чем во имя наших прежних отношений и взываю к тебе во имя человеческих прав. И варвары и эллины, раз присудив человека к смерти, отнимают у него жизнь; но если кому оставляют жизнь, то не принуждают его голодом и страданиями к насильственной смерти. Я же должен влачить жизнь, которая заставляет меня желать смерти, я нахожусь под стражей, у меня отняли все имущество, я отрезан от сношений с людьми. Зачем у меня отняли книги? Если я не хорошо поступил, то мне нужно дать как можно больше книг и вдобавок учителя, чтобы я скорее узнал свои ошибки. Не допусти, чтобы история передала потомству неслыханный рассказ, что когда-то был царь, забывший милость и сострадание: своего архиепископа, которого уважал как друга и любил как второго отца, из рук которого принял помазание и высшие знаки царской власти, которым был любим выше всего и которому давал торжественные клятвенные уверения,— этого-то архиепископа тот царь подверг изгнанию, нищете и бесчисленным страданиям!»

Василий сам по себе был расположен к Фотию, но в данном случае он является жертвой сильной партии, против которой вел борьбу Фотий,— партии патриарха Игнатия.

От Фотия остались еще две беседы по случаю нашествия руси на Константинополь. Это знаменитый поход Аскольда и Дира (860), о котором мы, может быть, ничего бы не знали, так как о нем нигде в другом месте не было записано. В этих речах Русь в первый раз называется своим именем и впервые характеризуется реальными чертами. Нечего и говорить, как важен для нас, русских, этот памятник, к которому мы будем иметь случай обратиться ниже.

В ближайшем и отдаленном потомстве, равно как в исторической литературе, имя Фотия имеет защитников и порицателей. И могло ли быть иначе по отношению к деятелю, который пять раз подвергался церковному отлучению и который в одном из своих писем довольно едко выражается насчет неосторожной раздачи анафемы со стороны церковной власти своим политическим противникам. Византийская Церковь долго колебалась в признании за ним права на внесение в церковные диптихи, канонизация его последовала только в 1860 г. Западная Церковь не может забыть тех резких обличений и упреков, которые и доселе остаются камнем преткновения и соблазна во взаимных отношениях между Восточной и Западной Церковью.

Глава II

Кирилл и Мефодий

Шестидесятые годы IX столетия в истории империи отмечаются удивительным культурным подъемом и оживлением миссионерской деятельности между языческими народами Северо-Восточной и Юго-Восточной Европы. Как высокая степень просвещения многих деятелей этого времени, родившихся и воспитавшихся в иконоборческую эпоху, так и необычная напряженность, с которой предпринимается и настойчиво ведется миссионерская деятельность, а с ней вместе расширяется сфера политического влияния империи на народности, стоявшие еще вне христианской культуры,— все это представляет в себе много загадочного и недостаточно разъясненного и долго еще будет привлекать к себе неудовлетворенное любопытство историков. Во всяком случае как к патриарху Фотию, так и к Кириллу и Мефодию, которым принадлежит главная роль в неожиданно обширной и весьма успешной христианской миссии, распространившей духовную власть Константинопольского патриархата на новые земли, нельзя не относиться с особенным чувством почтительного уважения и признательности за совершенный ими подвиг обращения в христианство славян и наших предков, русских. Хотя ближайшие обстоятельства, при которых происходило обращение славян в христианство и перевод Священного Писания на славянский язык, остаются скрытыми и, по-видимому, навсегда останутся спорными, тем не менее в ряду исторических фактов времени Михаила III и Василия Македонянина нет таких, которые бы равнялись с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия и с вызванными ею многообразными влияниями и историческими последствиями. Так как борьба между Римом и Константинополем из-за политических и церковных притязаний в средние века нашла себе наиболее ясное и для всех понятное выражение в плодах просветительной миссии между славянами Кирилла и Мефодия и самый вопрос о разделении христианства на две половины не может быть в полноте представлен без изучения дела славянских просветителей, то понятно, что в истории Византии необходимо предоставить широкое место* обстоятельствам жизни и деятельности солунских братьев.

В IX в. славяне полагают начало сосредоточения своих сил и образования государств. Признаком того, что известная группа колен выходила из состояния розни и брожения и вступала в число государств, было тогда просвещение христианством и церковная организация. Теперь новые княжества, королевства и империи могут возникать посредством дипломатических переговоров и соглашений; тогда первым усло-

* Стоит здесь вспомнить место у немца Шлецера: «Кирилл и Мефодий и участь его единоверцев в других землях неоспоримо принадлежат ведению русского историка».

вием признания известного народа в качестве европейского было требование, чтобы он принял христианство. Христианство было громадной политической и моральной силой в руках крещеного языческого князя, ибо оно давало ему образец государственного устройства и верных слуг, чтобы провести новую организацию. Из среды духовенства выходили тогда министры, канцлеры, государственные секретари, а на Западе — губернаторы и военачальники. Церковь давала направление всей политической жизни в Европе. Оставаться в язычестве народу, поселившемуся близ границ Западной или Восточной империи, было невозможно, как нельзя ныне, разорвав дипломатические сношения со всеми государствами, не рисковать потерей всего.

Эпоха деятельности свв. братьев, таким образом, была в высшей степени знаменательной в истории славянства. От первых шагов славян на новом политическом поприще зависело многое, именно тогда ставился на очередь вопрос: что могли противопоставить славяне греческим и латино-германским влияниям? Окажется ли у них такое живое народное начало, которое бы легло в основание их национальной жизни, или же подчиненность, подражательность и усвоение иностранных образцов должны сделаться их вечным уделом? Ставился вопрос как о политическом, так и о народном начале у славян. И этот вопрос своевременно и весьма благоприятно для славян разрешен был славянскими просветителями.

Прежде всего следует заметить, что проповедь у славян Кирилла и Мефодия не ограничивается местом и временем, в котором лично подвизались свв. братья. Как сказания о ближайших учениках и апостолах Христовых расширяют круг их путешествий и личной христианской миссии до отдаленных стран, так и просветительная деятельность Кирилла и Мефодия, по всей вероятности ограничивавшаяся Южной Русью, Моравией и Паннонией, захватила своими последствиями все племена и места, в которых раздавалась славянская речь. Болгаре, сербы (лужицкие), чехи, поляки и русские не только считают для себя честью связать начало распространения у себя христианства с именем Кирилла и Мефодия, но и долго усвояли себе церковный чин, отличающий православие от католичества. Чем больше обострялись отношения между Востоком и Западом, чем больше разностей возникало в вероучении и в церковной практике между Римом и Константинополем, тем выше и выше поднимался авторитет свв. братьев и тем теснее их дело срасталось с вопросом о славянском национальном самосознании и политической самобытности.

Область личной деятельности свв. братьев несомненно была тесней, чем можно о том судить по народным преданиям, сохранившимся почти у каждого славянского племени. Плоды проповеднической деятельности не во всех славянских землях сохранились, ибо часть славян подверглась в разное время другим влияниям, пришедшим из Рима и разносимым латинским духовенством. В целости сохранили оставленное Кириллом и Мефодием наследие русские, болгаре и сербы. Но другая сторона просветительной деятельности славянских первоучителей носит в себе гораздо больше вековечности и до настоящего времени остается вне изменений. Славянский язык перевода Священного Писания есть памятник всеславянский. Посредством христианства славянские

народы введены в круг европейских, при помощи литературного языка приобрели средство усвоить себе плоды знаний, переданных Византией. Были весьма трудные эпохи в жизни славянства, когда ни одно почти племя не было самостоятельным, находясь под чуждой и иноверной властью, когда еще не стала русская Москва третьим Римом,— в эти эпохи почти единственным деятельным началом, оберегавшим славян, был богослужебный их язык и литературные предания, связанные с языком Церкви и с именами Кирилла и Мефодия.

Значение Кирилла и Мефодия в восточноевропейской истории с течением времени приобретает все более широкое распространение. Для меня лично с изучением этого вопроса соединяются самые первые шаги научной деятельности в 1870 г., к нему я снова обращался в 1885 г., и, наконец, в настоящее время, для составления этой главы по истории Византии, мне вновь пришлось пересмотреть и обдумать тот же самый литературный материал *. Трудно изобразить словами, какой большой шаг вперед сделан в области изучения источников, относящихся к Кириллу и Мефодию, и как расширился интерес не только в славянских, но и в иностранных литературах к внесению нового света в эту эпоху бесспорно всемирной исторической важности [1]. Если мало подвергся переменам вопрос о месторождении, детстве и первоначальном воспитании святых братьев, равно как об исключительно счастливых условиях образования при дворе и под руководством знаменитого Фотия, то в весьма значительной степени поколебалось отношение к источникам, на основании которых восстановляется жизнь и миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия. Вследствие перенесения тяжести с Паннонских легенд на другие источники должна была измениться и точка зрения на святительскую деятельность архиепископа Мефодия и на причины, породившие столько споров и раздоров между Римом и Константинополем из-за вопросов о славянском языке в богослужении.

Кирилл, или в светском звании Константин, и брат его Мефодий родились и получили первоначальное образование в Солуни. Так как в этом городе и в ближайшем от него расстоянии в VIII в. жили славяне, то весьма вероятно предполагать раннее знакомство братьев с славянским языком. К тому же должно было располагать и то обстоятельство, что Мефодий некоторое время управлял славянской областью и что отец их занимал административное положение в феме Македония **. Как бы ни были скудны сведения о родителях и о семействе, из которого произошли свв. братья, не может подлежать сомнению их высокое значение в провинции, благодаря которому они были известны и в столице. По смерти отца Кирилл был взят ко двору и воспитывался под руководством знаменитого Фотия. Есть до некоторой степени возможность предполагать, что Феоктист, логофет, состоявший в регентстве по смерти Феофила в 842 г., был в личных сношениях с семьей Кирилла и Мефодия и оказал ей высокое покровительство. Но наиболее тесная

* Имею в виду книгу «Первые славянские монархии», затем тысячелетний юбилей Кирилла и Мефодия в 1885 г., на который я отозвался речью, напеч. в журнале «Киевская старина» (май, 1885 г.).

** Житие Кирилла говорит об отце, что он занимал место друнгария под стратигом.

дружба соединяла Константина с Фотием, впоследствии патриархом Цареградским и смелым реформатором в устройстве патриархата. Можно догадываться, что Константин прибыл в Константинополь 14-летним мальчиком и что он родился в 827 г. С детства одушевленный любовью к наукам, он предпочитал скромную жизнь придворной роскоши и увеселениям, к которым ему был открыт доступ. Удержанный в Константинополе своими покровителями, он принял священнический сан и должность патриаршего библиотекаря и стал заниматься в придворной высшей школе преподаванием философии, откуда и удержалось за ним имя философа. Что касается брата его Мефодия, то он, находясь некоторое время на административной должности, также перешел в окрестности столицы и жил в монастыре на Олимпе. Здесь же, в этом монастыре, находим потом и брата его, Константина-Кирилла.

Миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия совпадает с годами царствования Михаила III и первого патриаршества Фотия (857—867) и едва ли может быть понята вне связи с церковными планами Фотия. В шесть дней, с 20 по 25 декабря 857 г., Фотий из светского звания прошел все степени церковной иерархии и возведен в Константинопольские патриархи. Но это был князь Церкви исключительного характера, вызывавший на открытый бой всех, кого он считал врагами своими и церковными. Время его управления Церковью нужно считать эпохой разрушения старого и созидания новых устоев для Вселенского патриархата. У него было много врагов среди высшего духовенства и монашества, во главе которых стояли студийские монахи; патриархат разделился на сторонников Игнатия, удаленного с кафедры, и Фотия. Новый патриарх имел главную поддержку в могущественном кесаре Варде, тогдашнем временщике и покровителе высшего образования.

Ни один патриарх не достигал такой силы и могущества и не пользовался таким почетом, как Фотий. Он не только заставил замолчать противников, добившись на Соборе их отлучения, но стремился к тому, чтобы поставить Константинопольский патриархат в равное положение с Римским, нанеся тем сильный удар вековым притязаниям папы. Что во главе церковной администрации в период, отмеченный величайшими событиями в славянской истории, стоял не выразитель узко понятого национального эллинского принципа, а человек обширного ума и политического образования, который мог оценить значение этнографического переворота, происшедшего в империи, и признавал за всеми варварскими народами право на христианское и культурное наследие,—в этом нельзя не усматривать высочайшего блага для народов, начавших политическое и церковное развитие именно в этот знаменательный период времени. Доказательства высокой исторической миссии Фотия здесь налицо, но здесь же следует усматривать признаки средневекового византинизма в его идеальном значении.

Просветители славян Кирилл и Мефодий были ближайшими учениками и приверженцами патриарха Фотия, они играют первую и выдающуюся роль во всех важнейших миссиях его времени. По воле царя и патриарха, отправляясь в языческие страны с культурной и христианской миссией, они исполняли возложенное на них политическое и церковное дело и были орудиями апостольской миссии Вселенского патриархата. Представители византийского клира Кирилл и Мефодий являются

красноречивыми истолкователями церковных и политических идей Фотия. Собственные его взгляды в этом отношении выражены в его пастырском наставлении новообращенному князю Болгарии.

Обращаясь к материалам для жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, мы должны отметить прежде всего полное отсутствие в летописи всяких известий о миссии солунских братьев в славянских землях. Как ни разнообразны были представляемые объяснения для этого, нельзя не останавливаться перед подобным умолчанием современной византийской летописи, если принять в соображение, что святые братья принадлежали и по связям, и по образованию к известным общественным кругам и что поручаемое им правительством дело имело большую церковную и политическую важность. Ни на минуту также нельзя сомневаться и в том, что современники могли оценить события, стоявшие в связи с деятельностью Кирилла и Мефодия. Тем не менее остается до сих пор ничем не рассеянным туман, покрывающий отношения между официальным византийским миром и вышедшими из него миссионерами.

Святой Кирилл — его везде выдвигает на первый план литературное предание — выступает на общественную деятельность довольно рано. Главный источник, из которого черпали сведения об его жизни [2], начинает подвиги своего героя с восхваления его ума и начитанности, проявленной в прениях с бывшим патриархом И. Грамматиком, изложенным в конце 842 г. Так как с возведением на патриарший престол Мефодия и с восстановлением православия в начале 843 г. значение Иоанна пало, то следует прийти к заключению, что эта статья в житии Кирилла представляет благочестивую легенду, тем более что и восхваляемый в сказании герой был тогда еще слишком юн (14—15 лет). Вторым подвигом выставляется миссия к сарацинам с целью проповеди христианства между магометанами. На этой части сказания мы не будем долго останавливаться. В настоящее время может считаться достаточно установленным, что мотивом повести о сарацинской миссии послужили тогдашние сношения Багдадского калифата с империей, вызванные частию воинами, частию переговорами о мире, о размене пленными и т. п. Выше мы имели случай останавливаться на легенде о путешествиях на Восток патриарха Иоанна Грамматика, когда еще он был в светском звании; точно таким же порядком могла составиться и занимающая нас повесть. По всем вероятным соображениям, путешествие в Багдад падает на период после 851 г., когда Кирилл имел уже значительную подготовку в усвоении славянского языка; кроме того, нельзя не отметить и того, что этим посольством преследовались не богословские и не миссионерские цели, для выполнения которых правительство могло бы найти более зрелого годами богослова, а скорей торговые или даже военные. На указанное время именно падает посольство со стороны Византии Георгия Полата, о котором упоминается и в житии Кирилла [3].

Гораздо более значения получает следующее затем в житии Кирилла сказание о миссии к казарам. После новых исследований в этой части паннонских легенд и после открытия новых данных для хронологии похода на Константинополь Аскольда и Дира становится логически и фактически необходимым вывод, что путешествие к казарам может быть истолковано в более широком смысле. Но прежде чем сослаться

здесь на выводы, получаемые из анализа житья Кирилла у академика Ламанского, приводим относящееся сюда место из речи, сказанной в 1885 г. в память 1000-летнего юбилея славянских просветителей [4].

Беседы патриарха Фотия и Сурожское житие должны быть сопоставлены с известиями о пребывании свв. Кирилла и Мефодия в Крыму. Во-первых, на это время падает поход казарского воеводы на Крым и осада одного из крымских городов. Казарский воевода обращен был к христианству проповедью Кирилла. Никак нельзя допустить, чтобы тот самый каган, который ожидал из Византии ученых мужей и находился с царем в дружбе, мог в то же самое время воевать в Крыму. Если бы это случилось, то местный стратиг, или губернатор Корсуня, конечно, не позволил бы святым братьям идти к кагану. Что-нибудь одно: или путешествие было предпринято не к казарам, или нападение на Крым сделал не казарский воевода. Припомним, что в IX в., перед призванием князей, русские славяне платили дань казарам и составляли часть Казарского царства, что в X и XI вв. русские князья носили титул каганов, как показывает, между прочим, известная «Похвала» митрополита Илариона кагану Владимиру. Этот титул усвоялся русским князьям и за границей, без сомнения, вследствие исторического сожительства руси с казарами и смешения государственной области того и другого народа. Я не берусь утверждать, что свв. братья были с проповедью при дворе славянского кагана, но имею основание думать, что нападавший на Крым и обращенный св. Кириллом воевода был не казарин, но славянин. Во-вторых, между народами, обращенными свв. братьями в христианство во время казарской миссии, упоминается загадочное *фулльское племя, или колено:* «Беше же в фульсте языце дуб велик и под ним требы деаху...» Св. Кирилл пришел к этому фулльскому колену и начал проповедовать о тщете служения бездушной твари. Язычники отвечали ему: «Не нами это установлено, мы приняли этот обычай от отцов, которым дуб всегда благодетельствовал и никогда не отказывал в дожде, а без дождя нам жить нельзя». Философ доказал им их заблуждение; тогда старшина колена подошел и поцеловал Евангелие, а за ним — все присутствующие. Затем было срублено дерево, и по молитве святого ночью пролил обильный дождь. Занимавшиеся толкованием этого места исследователи усвоили себе взгляд, что здесь разумеется под фулльским коленом население города или области Фуллы. Правда, местоположение этого города точно не определено, но из того обстоятельства, что епископ Сурожский носил титул и Фулльского, делают заключение к местонахождению его в южной части Крыма, поблизости от Судака [5].

Есть много обстоятельств, заставляющих сомневаться в правильности толкования места о фулльском колене в жизнеописании Кирилла. Прежде всего трудно допустить языческие требы в епископском греческом городе в половине IX в. Если бы проповедью св. Кирилла обращены были жители города Фуллы, это служило бы не к чести и архиепископа Сугдеофулльского и духовенства. Далее, выражение «фулльский язык» * неприменимо к населению города, а именно к племени, или к колену. Наконец, самые подробности сказания — поклонение дереву, которое посылает дождь, значение дождя в жизни населения,

* γένος или ἔθνος τῶν Φούλλων.

коленный старшина, подающий пример обращения в христианство,— все это такие данные, которые не могут относиться к греческому Южному Крыму. Обратим внимание хотя на то, что дерево представляется подателем дождя. Известно, что в Южном Крыму преобладает система орошения посредством отвода воды из горных источников. Таким образом, в Южном Крыму едва ли мог образоваться культ дерева — подателя дождя.

Обращение фуллъского колена — весьма любопытная для нас подробность в проповеднической деятельности святых братьев, если поискать другого толкования для загадочного термина. Даже в позднейшую пору, когда сведения византийских греков о странах на север от Черного моря могли быть менее сбивчивы, мы встречаем у них ряд замысловатых выражений, под которыми они разумели Россию. Таково, между прочим, выражение «Фула»[6], равносильное Скифии и Тавроскифии и обозначающее Южную Россию. Если, таким образом, перенести фуллъское колено из Крыма в Южную Россию, то получим в деятельности славянских апостолов одно очень важное обстоятельство, прямо входящее в область древней русской истории.

Свидетельство патриарха Фотия об обращении в христианство русского князя с народом его совершенно произвольно относимо было нашими церковными историками к Аскольду и Диру[7]. Официальное сообщение его в окружном послании не может подлежать сомнению. Но в нем подразумевается не обращение к христианству Аскольда и Дира и не основание греческой епископии в Киеве, чего в действительности не было в 866 г. Самое вероятное и в сущности единственное основание, какое имел патриарх Фотий говорить о начале христианства на Руси, заключалось в донесении Кирилла и Мефодия об обращении нападавшего на Крым воеводы и об успешной проповеди среди фуллъского колена. Результаты их проповеднической деятельности в Южной России могли быть известны в Константинополе уже в 863 г.

В течение истекших со времени празднования юбилея святых солунских братьев лет, между прочим, остановлено было внимание на том, что место об обращении к царю греческому казар и диспут Кирилла с сарацинами и евреями есть не что иное, как совершенно отдельное произведение, внесенное в жизнь Кирилла после X в., во всяком случае после образования первоначального текста. Притом же казарская миссия явно выдает составной характер, в ней сшиты в одно два сказания: диспут с евреями и магометанами при дворе кагана и проповедь христианства в языческой среде, на чистом воздухе. Эти наблюдения приводят к естественному выводу, что миссия славянских просветителей могла направляться, собственно, не к казарам, а к тем русским, которые были под Константинополем в 860 г. и которые в то время легко могли быть известны под чужим именем. Составитель легенды мог не назвать русских потому, что в IX в. для жителей Константинополя Гардарика значила именно страну казар и, кроме того, имя казар потому еще могло покрывать славян и русских, что эти последние в области Днепра входили в царство казарское. Сущность приведенных соображений выражается в данном эпизоде в том, что русь Аскольда и Дира после испытанного под Константинополем поражения и возвращения в Киев отправила в Константинополь осенью 861 г. посольство с просьбой

прислать проповедников. На это посольство патриарх и царь отвечали отправлением в Киев Кирилла и Мефодия — с этой точки зрения следует оценивать выступление их на политическую деятельность, именно в 861 г. Казарская миссия, с точки зрения составителя жития Кирилла, едва ли, однако, может быть всецело превращена в миссию к Киевской Руси. И ссылка на небывалую «старую дружбу и любовь», и выразительно указанный мотив посылки «мужей книжных для прений о вере с сарацинами и евреями» — оба эти обстоятельства никак не применимы к отношениям империи к русским сейчас же после похода в 860 г. Итак, нужно принять, что в жизнеописание Кирилла действительно могли быть внесены в эту часть различные воспоминания и отдельные эпизоды, о чем свидетельствует как дважды встречающийся оборот «пути ся ят», так самостоятельный рассказ о том, что последовало в Крыму, вместе с нападением на него дикой толпы угров, воющих по-волчьи, наконец, две беседы с властителем казар, на несовместимость которых с идеей о казарах указал академик Ламанский*. Следует, между прочим, определить место и оценить значение самого главного подвига св. Кирилла, стоящего в связи с изобретением славянской азбуки и с переводом Священного Писания на славянский язык. Не может быть сомнения, что, выступая на дело миссии между славянами, Кирилл и Мефодий владели уже главным средством влияния — языком, и по крайней мере началом перевода Священного Писания. Таким образом, время изобретения славянской азбуки и последующие подготовительные работы к миссионерской деятельности должны относиться к предшествующему казарской миссии периоду, который, хотя бы он и проведен святыми братьями в Константинополе, весьма трудно поддается наблюдению.

С точки зрения жизнеописателя, братья Кирилл и Мефодий, прежде чем отправиться к кагану казарскому, прибыли в Херсонес и оставались там значительное время. Множество вопросов первостепенной важности с точки зрения истории и культуры стоит в связи с объяснением этого небольшого эпизода в Паннонской легенде. Но и он, так же как и другие части, не расчленен еще на составные элементы и не приведен в известность в рассуждении лежащих в основе его источников. Прежде всего с пребыванием в Херсонесе легенда соединяет изобретение славянской азбуки. О времени, месте и обстоятельствах появления славянской азбуки и письменности высказаны были различные мнения, которыми, впрочем, не исчерпан вопрос. По своей важности это действительно едва ли не первостепенный в славянской истории факт. Просвещение славян христианством трудами Кирилла и Мефодия получило в истории особенный характер благодаря тем условиям, какими оно сопровождалось. Славянский язык, как язык проповеди и богослужения, должен быть рассматриваем в смысле твердых устоев, на которых прочно зиждется народность; в своем богослужебном языке славяне получили одно из чудодейственных средств, которым подкреплялись их силы всякий раз, как в непосильной борьбе с внешними бедствиями они приходили в изнеможение. Но был ли сделан перевод Священного Писания для славян

* В будущем, конечно, предстоит предпринять самый тщательный анализ жизни Кирилла с целью выяснить происхождение каждого отдельного в нем мотива.

солунских, или для болгар, или для мораван, или же, наконец, в Крыму для восточных славян — это остается доселе не выясненным и по существу не может быть разрешено. Может быть, этот вопрос подготовляется теперь к разрешению на почве собирания и опубликования древнейших письменных знаков, какие употреблялись и у славян, и у других восточноевропейских народов. Те письменные знаки, употреблявшиеся на строительном материале, которые открыты на постройках в Абобе [8], должны иметь в этом отношении первостепенное значение. Но независимо от алфавита, известного под именем кириллицы, есть еще глаголица, которая в лице академика Ягича и многих его последователей имеет защитника, как более древний алфавит, обязанный происхождением своим Кириллу. Не вступая здесь в специальные рассуждения по этому вопросу, мы ограничимся указанием, что легенда приурочивает изобретение славянского алфавита к пребыванию св. Кирилла в Херсонесе.

С пребыванием в том же Херсонесе соединяется, по Паннонской легенде, вся чрезвычайная научная филологическая подготовка Константина Философа. Здесь он изучил еврейский язык, самарянский, казарский, русский и готский и, кроме того, занимался переводом грамматики еврейского языка. Легко понять, что в кратковременное пребывание в Крыму, продолжавшееся несколько недель, невероятно было иметь такие чрезвычайные успехи в усвоении чужих языков. Но и этим не удовлетворился составитель сказания. В Херсонесе Константин занимался расследованием о мощах св. Климента и имел счастие отыскать их, имел беседу с казарским воеводой, обложившим город, и обратил его в христианскую веру, наконец, подвергся на пути из неизвестного города нападению со стороны угров, но по молитве не пострадал от этой дикой и разбойнической толпы. Вся эта часть житья слишком ясно выдает свой фиктивный характер и не может быть рассматриваема с точки зрения соответствия ее с реальностью: лишь в одном случае сделана ссылка на источник, на сказание об обретении мощей св. Климента. Эта сторона вопроса и подала основание для приложения критического приема к занимающему нас эпизоду. В 1892 г. открыто было письмо библиотекаря Анастасия, современника Кирилла и Мефодия, к Гавдерику, епископу Велитрскому, касающееся именно жизни и перенесения мощей Климента. По основательным соображениям исследователей, письмо составлено около 875 г. и имеет все данные беспристрастного и достоверного источника, легшего в основание позднее составленных: итальянской легенды и перенесения мощей Климента (Translatio). Этим письмом, в основе которого находятся сведения очевидца, утверждается повествование об обретении мощей Климента и, кроме того, выясняется, что Константин сам составил три сказания об этом предмете. Очень любопытно сведение, что митрополит Митрофан передал автору такие подробности, каких по своей скромности не желал сообщить Константин Философ. И именно от этого митрополита он узнал, что Константин был отправлен царем Михаилом к казарам для христианской миссии и что, прибыв в Херсонес, пограничный с казарской землей, на возвратном пути он стал расспрашивать насчет храма и памяти св. Климента. Но самое существенное, как заключение из этого документа, получается вывод, что Константином сделан перевод только Евангелия, литургия же по-славянски

стала служиться поздней, после его смерти, что славянская азбука существовала и ранее Константина, но приписана ему впоследствии и тенденциозно [9].

Перенесение на Херсонес наиболее важных моментов в деятельности солунских братьев столько же может свидетельствовать о международном значении этого города, как и о том, что сказания о Константине Философе держались и разрастались по преимуществу в Южной России. Каким значением пользовался в это время Херсонес, до некоторой степени можно видеть из следующих данных. Несмотря на чужеземное господство в Крыму, на притеснения со стороны казар, Византия твердо держалась клочка своих владений на северном берегу Черного моря. Выше мы видели, что царь Феофил, приказав построить крепость Саркел на Дону, решился принять меры к укреплению византийского влияния в этих местах, обратив крымские владения в фему и послав в Херсонес стратига, которому даны были обширные полномочия и в пользу которого ограничивались права городского протевона и его совета. Основания, по которым Херсонес мог представлять для Византии особенный интерес, даны в арабском известии, по которому на Черное море стекались сырые товары, привозимые славянскими купцами, платившими десятину с этих товаров в византийскую таможню. В период пребывания здесь Константина Херсонес выступает в роли важного международного города, где можно было встретить иностранцев. Из письма Анастасия к Гавдерику узнаем, что тогда жил здесь Смирнский митрополит Митрофан, сосланный Фотием, который был свидетелем совершившегося здесь события обретения мощей Климента [10]. О политическом положении города на самой окраине северных владений империи говорит и эпизод об осаде его казарским вождем, что служит свидетельством распространения казарской власти до западных границ полуострова. Окрестности города были в запустении, и можно догадываться, что старого населения кругом города не оставалось. Несмотря на то, Херсонес оставался крепостью, которая владела морской гаванью и торговым флотом. Упоминаются церкви: соборная свв. Апостолов, свв. Созонта, Леонтия, Прокопия. Город имел во главе стратига, военную и гражданскую администрацию. Нельзя не предполагать присутствия в нем иностранных купцов, недаром легенда сосредоточивает здесь все встречи Константина, сопровождавшиеся усвоением им иностранных языков.

Наиболее пикантным местом в занимающей нас части жития Константина остается известие об Евангелии и Псалтире на русском языке, найденных им в Херсонесе, и об изучении им русского языка посредством личного обращения с одним русским, оказавшимся в городе. Было бы безнадежным предприятием разобраться в мнениях, высказанных по поводу этого места. Самая возможная вероятность допущения в этом месте позднейшей вставки не разрешает всех затруднений хотя бы потому, что остается в силе вопрос о том, что разумелось под словом «русский» в период внесения вставки, в X или XI вв. Теория, имевшая, в особенности в недавнее время, весьма многих приверженцев, о существовании особенной азовско-таврической, или черноморской, Руси, находит себе опору, между прочим, в приведенном месте [11]. Как скоро для нас выяснился преобладающий легендарный характер в житии

Константина, мы не можем более настаивать на реальном объяснении каждого отдельного эпизода или термина, а должны пытаться войти в настроение составителя жития, понять и преследуемую им цель, и угол его зрения. В этом отношении сделано еще мало, так как разрушительная критика не затронула ни психологии фактов, ни политических мотивов, побудивших византийское правительство расширить способы действия и сферу своего влияния среди варварских народов и таким образом оживить идею империи, нашедшую выражение в церковной политике патриарха Фотия.

Сарацинская и казарская миссия и соединенная с последней русская в нашем источнике не имеет таких выдающихся последствий, которые бы могли создать славу славянским просветителям. Тут особенно выдвигается ученая подготовка, богословская начитанность и филологическая способность, высказавшаяся в усвоении многих иностранных языков, к чему вообще греки не отличались большой склонностью и навыками. Фактически путешествия к сарацинам и казарам не прибавляют ни малой доли к славе Константина и ни одной новой епархией не увеличили Константинопольский патриархат, таким образом, с точки зрения составителя жития, это была подготовительная стадия, имевшая значение в том отношении, что сообщила Константину практический опыт и знание иностранных языков путем личного обращения с чужеземными народами. Ту же точку зрения необходимо усвоить на указанные миссии и современному исследователю. До какой степени автор сказания находится под властью ученого авторитета Константина, видно, между прочим, из маленького рассказа его об истолковании его героем надписи на чаше, хранившейся в церкви св. Софии, в которой еврейскими и самарянскими письменами изображено было пророчество о Христе. Собственно исторический и церковный подвиг солунских братьев был еще впереди, к нему автор приступает не без риторической обстановки, так как все же подлежавшее рассказу событие не было связано с предыдущим и вызывало некоторое недоразумение.

«Пока веселился о Господе философ, приспел другой разговор и потребовалась работа не меньше предыдущей». За этими словами идет повесть о том, как князь моравский Ростислав, посоветовавшись со своими князьями и с мораванами, отправил к царю Михаилу посольство с просьбой об учителе, который бы мог вести христианскую проповедь на славянском языке. Это в сущности кульминационный момент в легенде, здесь находится узел всего дальнейшего развития и, может быть, ключ к разгадке психологического настроения составителя сказания: «дабы и другие страны, видя это, подобились нам». Как будто моравское посольство впервые открывает византийскому правительству перспективу политического и культурного влияния в славянских землях посредством христианской проповеди на славянском языке; как будто в Велеграде должна зародиться эта мысль, чреватая важными последствиями и выросшая из соперничества двух империй и двух Церквей; как будто эта церковная политика не служит выражением задушевных дум и проектов патриарха Фотия! В этой части Паннонской легенды есть несколько мест, которыми вскрывается настроение и намерение автора и доказывается предвзятая цель, с которою она составлена. Таково, между прочим, и выражение: «от вас на все страны всегда добрый закон исходит».

Прибытие моравского посольства в Константинополь имело место не позже 862 г. Между прибытием этого посольства и началом деятельности солунских братьев в Моравии в 863 г. легенда помещает изобретение славянского алфавита и перевод Евангелия. В новейшее время, как видно было, получила преобладание мысль, что изобретенная азбука была глаголица [12]. Политическая тенденция этого отдела легенды весьма выразительно указана в письме царя Михаила, которым были снабжены Константин и Мефодий при отправлении их в Моравию. Агрессивный характер, проявляющийся в моравской миссии, не мог входить в соображения скромных монахов, отправленных с проповедью христианской веры в страну, которая уже была просвещена латинскими священниками и входила в церковную организацию немецкого государства, будучи подчинена Пассавскому (Пассау) епископу. Легко понять, что миссионерами руководила высшая церковная и светская власть, имевшая в своем распоряжении особенные средства воздействия на моравский народ — славянский язык проповедников. Но из этого возникли серьезные недоразумения между греческими проповедниками и латинским духовенством, поднявшие спор о церковных правах Рима и Константинополя.

Мы будем иметь случай в другом месте заняться этим спором, в настоящее же время находим достаточным отметить зависимость между посылкой в Моравию проповедников и возникшими отсюда затруднениями. «Исконный ненавистник добра, дьявол, видя, как растет божественное учение, начал подстрекать сосуды свои, внушая им, что это не к славе Божией и что на трех языках установлено славить Бога, на еврейском, греческом и римском, а говорили так латинские и немецкие архиереи и священники и ученики их». Таким образом, ясно, что здесь произошло не непредвиденное столкновение притязаний восточного и западного духовенства, а такое, которое легко можно было предвидеть, и что солунские братья, как члены клира Константинопольского патриархата, являлись здесь исполнителями воли своего духовного главы, действуя на такой ниве, которая имела уже своих деятелей. И не их дело было входить в оценку качеств проповедников, тем более что с точки зрения канонических правил на первом месте стоят интересы епископской власти в каждой отдельной епархии.

В этом отношении оценка происшедшего в Моравии столкновения между греческими клириками и западным (латино-немецким) духовенством совершенно односторонняя у большинства наших историков, которые в данном случае не возвышаются над составителем жития Кирилла. Возьмем хотя бы место из прекрасной в других отношениях работы Малышевского.

> «Но нашлись и между людьми,— говорит он,— враги святого дела свв. братьев. Это были латинские и фряжские, т. е. латино-немецкие, архиереи и иереи. Они враждовали против этого дела, как представители немецкого королевства Людовика Немецкого, имевшего притязание на верховенство над славянскими княжествами, грозившее быть устраненным чрез усиление чувства национальной самобытности у славян при богослужении на родном языке... Враждовали они из боязни за свою власть и доходы, ибо в средние века, особен-

но на Западе, епархия была почти то же, что княжеское владение прелата... Наконец, введение богослужения на народном языке было для латино-немецких прелатов таким новшеством, которое никак не совмещалось с их давнею привычкой к латинскому языку богослужения как священному и единственно законному языку Церкви на Западе... Слышал и видел он и другие суеверия и дурные языческие обычаи, еще жившие в народе, от каких не только не умели отучить его латино-немецкие пасторы, заботливые более о своей власти и доходах, чем о духовном благе чуждого им по племени народа... Восстание латино-немецких епископов и иереев на свв. братьев должно было последовать с 864 г., когда Ростислав, осиленный королем Людовиком Немецким, принужден был дать обязательство покорности и верности ему...»[13]

Весьма достойно замечания, что в этих словах покойного профессора Духовной Академии сквозит намеренное, хотя, может быть, несознательное, пренебрежение к бесспорным и явно нарушенным правам латино-немецкого духовенства, которое уже имело некоторую организацию в Моравии и которое во всяком случае уже имело преимущество приоритета перед греческим духовенством, прибывшим в Моравию хотя бы и по просьбе князя Ростислава, но уже после того, как в ней были посеяны начатки христианства латинским духовенством.

Взаимное отношение греческого и латинского духовенства оказалось почти в то же самое время точно в таком же положении в Болгарии. Немецкий король в 864 г. официально уведомлял папу о намерении болгарского князя принять христианство, в августе того же года вновь высказывалась та же мысль послами болгарского князя, но в 865 г. произошло неожиданное изменение расположений Богориса, и он принял крещение от греческого духовенства[14]. Но это, по-видимому, не обязывало болгарского князя ни к чему, он снова завязывает с Римом сношения, прося прислать епископа и священников (в начале 866 г.). При таком положении дел патриарх Фотий составляет свое знаменитое окружное послание к Восточным Церквам, причем характеризовал действия латинского духовенства в Болгарии как совершенно несогласные с каноническими правилами. Окружное послание Фотия осталось единственным памятником, из которого можно хотя до некоторой степени составить понятие о церковной политике этого единственного патриарха, понявшего значение славянских народов, населявших Юго-Восточную Европу, в политической борьбе Запада с Востоком. Бросая взгляд на церковную историю, Фотий видит в ней два периода. Первый благополучно закончился периодом семи Вселенских Соборов и осуждением еретических мнений. Второй внушает лучшие надежды и упования вследствие обращения ко Христовой вере многих языческих народов. Патриарх после упоминания об обращении Армении переходит к новообращенному болгарскому народу, а затем (§ 35) читается знаменитое место об обращении Руси в христианство[15]. Но вот как в этом акте рисуются чувства патриарха по поводу столкновения епархиальных прав латинского и греческого духовенства в Болгарии.

«Увы, лукавая, завистливая и безбожная воля и действие! Таковое повествование, будучи предметом достойным еван-

гельской истории, становится поводом к печали, так как радость и удовольствие сменили горькие слезы. Еще не исполнилось и двух лет, как этот народ воспринял правое христианское учение, и вот мужи нечестивые и гадкие (ибо какое иное наименование даст им благочестивый), порождение тьмы — ибо они западного происхождения — увы! мне трудно досказать остальное! Они на новоутвержденный в благочестии и только что устроенный народ набросились, как молния или землетрясение, или сильный град, или, чтобы употребить более подходящее сравнение, как дикий вепрь, набросились на виноград Христов, возлюбленный и новонасажденный, и начали уничтожать и губить его ногами и зубами, т. е. хитрыми изворотами и ложными догматами, тогда дерзновенно ими измышленными. Ибо от истинных и чистых догматов и от непорочной христианской веры они злокозненно старались совратить их и отвлечь».

В дальнейшем мы возвратимся к исторической обстановке, в которой происходило обращение в христианство Моравии и Болгарии, теперь же ограничимся приведенными сопоставлениями, чтобы показать, как много выигрывает в своем историческом свете миссионерская деятельность солунских братьев, если взглянуть на нее с точки зрения общей церковной политики Константинопольского патриархата при Фотии и если принять во внимание цену того приза, который был предметом состязаний между Римом и Константинополем в половине IX в. Таким образом, в деятельности Кирилла и Мефодия моравская миссия является узловым пунктом, в котором следует искать ключ ко всем дальнейшим событиям в судьбе их, доселе или возбуждающим сомнения и противоположные толкования, или совсем не поддающимся объяснению.

Глава III

Церковная и политическая миссия среди славян. Начало кирилло-мефодиевского вопроса в истории

Вслед за описанием миссии к казарам, окончившейся, как мы видели выше, крещением небольшого числа язычников и освобождением христианских пленников, в Паннонской легенде начинается рассказ о главнейшем деле славянских просветителей — именно, о путешествии в Моравию. «Паки другая речь приспе и труд не меньший первых, ибо Ростислав, князь моравский, по Божию внушению, посоветовавшись с своими князьями и с моравским народом, послал послов к царю Михаилу...» Так открылась просветительная деятельность свв. братьев, имевшая неисчислимые последствия. Каким образом мог возникнуть в Константинополе вопрос о проповеди христианства в Моравии? Если отправляться из жития Кирилла, то моравское посольство оказывалось бы политическим актом совершенно самостоятельным, вызванным исключительно желанием мораван иметь такого проповедника, который бы учил их на их национальном языке. Не говоря о том, что действительность такого посольства возбуждает различные сомнения, в редакции известия об этом посольстве заключаются признаки его тенденциозного происхождения. В Моравии как будто предвидели уже, что движение в пользу славянского языка в богослужении не должно ограничиться Моравией: «да и другие страны, смотря на нас, последуют нашему примеру». Кроме того, давно уже обращено внимание на то место, которым чрезвычайно превозносится византинизм и которое могло быть сказано и выражено лишь в эллинской среде: «от вас бо на все страны всегда добрый закон исходит». Стоит обратить внимание и на другие подробности и отдельные выражения в изложении моравской миссии, которыми доказывается искусственность и предвзятая мысль в Паннонском сказании. Сюда относится главнейше довольно наивное объяснение между царем Михаилом и Кириллом насчет того, есть ли у мораван своя азбука, и весьма осторожное замечание Кирилла насчет возможных в будущем последствий от допущения славянского языка в богослужении: «Кто может на воде беседу написать или навлечь на себя обвинение в еретичестве». Как известно, просветительная деятельность свв. братьев между славянами впоследствии среди латинского католического духовенства встретила большое неудовольствие и нарекания и обвинение в еретичестве. Ясное дело, что составитель этого послания моравского князя уже имел перед глазами главнейшие последствия деятельности Кирилла и Мефодия. Точно так же в содержании ответа, который якобы был сделан со стороны царя, несомненно проглядывает подделка под тогдашние дела и отношения. Таково выражение, что мораване присоединятся к великим народам, которые славят Бога на своем языке, таково же место, без меры восхваляющее Ростислава и приравнивающее его

дело к подвигам Константина Великого. Итак, не может подлежать сомнению, что в сказании об обращении Моравии при Ростиславе мы имеем литературное произведение, составленное с преднамеренной целью, которую надеемся выяснить ниже.

Теперь же обратимся к только что названной стране, которой пришлось играть весьма важную роль в культурной истории древнего периода славян. Имя Моравии в первый раз встречается в первой четверти IX в. (822). Сначала так называлась небольшая область, расположенная по р. Мораве, впадающей в Дунай с севера, неподалеку от Вены, по Нитре и Грану, где впоследствии образовалось эрцгерцогство австрийское. Но уже в том же столетии имя Моравии распространилось через Дунай на Паннонию, и в этом обширном значении населяемая моравanами и словаками земля носила название Великой Моравии. Население паннонской Моравии принадлежало к той же славянской ветви, что и придунайской, где находился Велеград, стольный город великоморавских князей, и где, кроме того, было удельное княжество Нитра. После разгрома аварского каганата Карлом Великим в этой стране начинает обнаруживаться историческое движение и зачатки государственной организации. Основателем Моравского княжества был Моймир (ок. 830 г.), которому предстояло соединить племена и земли, разделенные между мелкими владетелями и бывшие легкой добычей германской колонизации из соседнего герцогства Баварии и из епископских городов Зальцбурга и Пассау. Один из коленных старшин, не желая поступиться своими правами в пользу Моймира, объявил ему войну, но не имел удачи и искал себе защиты и поддержки у немецкого маркграфа Ратбода. Это был князь Нитры Прибина, который вполне вошел в немецкую политику и способствовал ослаблению Великоморавского княжества. После пятилетнего скитания по разным странам, будучи уже приобщенным к христианской вере, Прибина в 836 г. получил от Людовика Немецкого небольшой удел в Нижней Паннонии близ Блатенского озера. Здесь под властию Прибины и его сына Коцела образовалось другое славянское княжество, и на этот раз под непосредственным влиянием германцев и латинской Церкви. Таким образом, Моравское княжество является разделенным на два и в нем весьма рельефно выразились противоположные культурные и политические притязания Западной и Восточной империи, латинской и греческой Церкви. По принятой Карлом системе завоеванные или не имевшие политической организации пограничные области, в особенности населенные чуждыми племенами, организуемы были в пограничные марки, или маркграфства, куда направлялась немецкая колонизация и латино-немецкая христианская миссия.

Восточная марка, в которую входили области моравских славян, подвержена была прочной и систематической германизации и латинскому влиянию. Так как германизация направлялась из соседней Баварии, а латинская Церковь имела свой опорный пункт в Зальцбурге и Пассау, то национальная история Моравского княжества подвергалась большой опасности со стороны немецкого преобладания. Границы империи Карла В. после насильственного подчинения Баварии в 788 г. простирались на востоке до реки Энжи (Эннс) и верховьев Дравы. Далее находились Авария или Гунния и Паннония. Карл приступил к войне с аварами как

к подвигу, и Римская Церковь не менее была заинтересована распространением германской власти на Восток, как и империя. Несколькими походами в 791—796 гг. Карл разрушил аварское могущество и завладел многочисленными укрепленными поселениями (хринги) этих кочевников, в которых найдены были несметные сокровища, обогатившие франкское государство [1]. Но наиболее важным следствием в истории Юго-Восточной Европы было то, что изгнание аваров повлекло за собой движение славян на освободившиеся от них места, о котором сохранилось почти современное официальное известие *. С этого времени начинаются первые известия о славянах моравских и паннонских, которым в половине IX в. предстояло сыграть роль наковальни в разыгравшейся борьбе между двумя империями.

Пограничная земля, по обычаям того времени, раздавалась военным людям и получала организацию марки, или графства (limes). Чем важней пограничная область, тем больше требовала она внимания. Вначале область на в[осток] от Баварии имела во главе своей графа Герольда, шурина Карла. В это время положены были основания для колонизации и устройства Моравии и Паннонии. «Наш дед Карл,— говорится в одной грамоте Людовика Немецкого,— дал своим верным позволение для увеличения церковных владений занимать земли в Паннонии». Монастыри и частные лица проявили большую энергию в заселении новыми колонистами свободных земель. Между дарственными грамотами находим и большие земельные пожалования, такова уступка области около Блатенского озера Прибине [2], с которым мы встречаемся в истории Кирилла и Мефодия.

В политическом отношении составляя часть франкской империи, в церковном Моравия вошла в пределы Зальцбургской архиепископии; архиепископу Арно рекомендовано было особенно внимательно отнестись к новоприобретенным областям, и мы знаем, что он лично был с миссионерскими целями в Хорутании и Паннонии, освящая там вновь построенные церкви и устроя в них богослужебный чин. Им же был посвящен для вновь обращенных областей епископ Феодорик **.

В начале IX в. зальцбургское духовенство вступает в борьбу с пассавским из-за влияния в Моравии. Следствием распоряжения короля Людовика Немецкого от 829 г. этот спор решен был таким образом, что Верхняя Паннония и Моравия причислены были к епархии Пассавского епископа, а Нижняя Паннония и Хорутания отнесены к Зальцбургской епархии. На этом распоряжении основываются все последующие притязания немецкого духовенства на церковную власть в Моравском государстве, когда в нем начали действовать греческие проповедники и когда попытки к независимой церковной администрации стали угрожать немецкому духовенству.

* Conversio Carantanorum. Coeperunt populi sive Sclavi vel Bavarii inhabitare terram unde illi expulsi sunt Hunni et multiplicari [племена славян и баварцев стали жить на земле, с которой были изгнаны гунны, и умножаться].

** Conversio Carantan. Commendantes illi episcopo regionem Carantanorum et contines eorum... usque dum Dravus fluit in amnem Danubii [доверив этому епископу область карантанов и сопредельные с нею... вплоть до того места, где Драва впадает в Дунай].

Период Македонской династии

Нельзя отрицать известной доли справедливости в том утверждении зальцбургского анонима, что начало деятельности немецкого духовенства в землях на восток от Баварии совпадало с распространением господства франков в этих странах*. Моравия числилась в епархии Пассавского епископа и вместе с тем должна была испытывать некоторое влияние со стороны германской светской власти. Должно допустить и то соображение, что возникновение княжеской власти и постепенное расширение власти коленных старшин совпадало со временем франкского движения к востоку. Первый моравский князь Моймир сделался христианином под влиянием проповеди немецкого духовенства и отправлял дары и посольства к западному императору [3]. Собирателем и первоначальным устроителем Моравии не без основания считается именно князь Моймир. К 830 г. мы находим его в борьбе с довольно сильным князем Прибиной, властвовавшим также над частию Моравии. Взаимные отношения Моймира и Прибины лучше всего объясняют, до какой степени значительно было к тому времени немецкое влияние в Моравии и в каком направлении должна была сложиться в ближайшем будущем церковная и политическая жизнь в этой стране. Именно, князь Прибина, стесняемый Моймиром, бежал из Моравии под защиту соседнего немецкого маркграфа Ратбода, где принял христианскую веру, затем жил несколько времени у болгар и наконец при содействии Людовика Немецкого, а может быть, его непосредственной властью получил удел в Нижней Паннонии близ Блатенского озера. В болотистой и лесистой местности на берегу Салы было им построено укрепление, называвшееся Блатно, у тогдашних летописцев Urbs Paludarum. Это княжество находилось под сильным влиянием политическим и религиозным немецкого королевства, и князья его, Прибина и его сын, были служилыми мужами, или вассалами, Людовика Немецкого. Не может быть сомнения, что выделение Блатенского княжества наносило ущерб Моймиру и должно быть рассматриваемо как следствие влияния соседнего немецкого короля, который в конце концов вторгся в Моравию в 846 г. и, лишив Моймира власти, возвел на его место племянника его Ростислава, при котором Моравия постепенно освободилась от политической опеки немецких королей и приняла ряд решительных мер к завоеванию церковной независимости и к образованию народной Церкви на совершенно новых началах. Все внимание сосредоточив на защите своего княжества и возведении городов и укреплений, как Девин, Велеград (княжеская столица на Мораве) и пограничные укрепления Зноим, Градец, Подивин и др., Ростислав вошел в соглашение с соседними славянскими странами, одинаково теснимыми со стороны франков, именно с Болгарией и Чехией, и тем подготовил значительную преграду для немецкого движения на восток. Следствием умной и настойчивой политики моравского князя было, что, когда в 855 г. король Людовик снова пошел на Моравию, он нашел ее столь укрепленной и приготовленной к обороне, что должен был отступить и защищать против Ростислава собственные границы Баварии. С этого времени Ростислав начинает приобретать то значение, какое за ним и осталось в истории славянства, с этих пор на Моравию стали обращаться взоры тогдашних политических деятелей.

* Conversio Carantanorum.

Десять лет Ростислав грозно держал знамя Моравии и не раз ставил в весьма затруднительное положение императора и немецкого короля. Интересы немецких королей в этом отношении совпадали с притязаниями латинской Церкви, как это хорошо показывает грамота папы Николая I от 864 г., преподающая благословение немецкому королю, предпринявшему поход на Ростислава:

> «Просим всемогущего Бога, дабы ангел, помогавший патриарху Иакову, оказал защиту войску короля, чтобы был благоустроен путь его... и чтобы Ростислав во что бы то ни стало принужден был оказать повиновение».

Такова была историческая обстановка, в которой развились неожиданные события, изменившие ход вещей на той исторической сцене, которую мы здесь изучаем. Само собой разумеется, за недостатком известий необходимо обо многом судить по догадкам, в особенности почти непреодолимые затруднения встречаются при обсуждении психологии и побуждений, руководивших тогдашними деятелями, так как мотивы действий их вскрываются лишь случайно и по второстепенным обстоятельствам.

В настоящем случае следует взвесить то, что со времени распространения франкской власти до Дуная, и в особенности со времени перенесения на франкских королей императорской власти, резко отделяется сфера влияния двух империй. Легко понять, что столкновение политических интересов обнаруживается с большим напряжением в тех местах, которые представляли еще свободное поле для христианской миссии и для хозяйственной деятельности, т. е. для колонизации пустопорожних мест. Славянский юго-восток Европы, только к этому времени выступивший из мрака и начавший заявлять о себе, естественно должен был привлечь внимание обеих империй. Византия была более знакома со славянами, притом же в ее пределах издавна утвердились многочисленные славянские племена, с которыми она успела уже освоиться и которые притом же в значительной части обратились к христианству и усвоили византийскую культуру. Империя знала нравы и обычаи своих славянских подданных и до известной степени делала им некоторые уступки в смысле их хозяйственного обихода, земельного устройства, внутреннего управления и т. п. Конечно, на Востоке более были знакомы и с языком славян, чем на Западе, и гораздо либеральней могли относиться к идеям политической и церковной независимости славян, раз шла речь о тех славянах, которые были за чертой непосредственных владений Византийской империи. Весьма важно также отметить здесь и то, что деятельность свв. Кирилла и Мефодия направлена именно в среду славян, находившихся за границами империи и составлявших прямой объект миссионерской деятельности латинской Церкви. Для правильной постановки вопроса, который нас здесь занимает, весьма важно напомнить, что Кирилл и Мефодий направляют свою миссию именно на Восток, а не на Запад и не на Юг, где также были многочисленные славянские племена, но частию уже бывшие под господством Византии, частию не представлявшие ближайшей опасности для ее политических планов.

Положение славян на далматинском побережье, о которых можно бы здесь думать, в половине IX в. не могло так занимать Византию, как

вопрос о славянах на север от Дуная: моравских, чешских, польских и проч. Мы приведем небольшое место из прекрасной книги Жюля Гэ, который так говорит о притязаниях преемников Карла Великого на господство в Далмации.

> «Было бы наивно принимать в буквальном смысле выражение письма Людовика II к Василью Македонянину — sclavini nostri — в приложении к славянам Адриатики. Верный каролингским преданиям, император считает своими вассалами князей хорватских и сербских в Иллирике, но из этого нельзя заключить о действительности подобного подчинения, которое бы признавали сами эти князья. Самое обыкновенное явление — контраст между теорией и практикой в каролингских притязаниях. Можно ли допустить, чтобы Людовик мог обнаружить какое-либо влияние на другой стороне Адриатики? В первой половине IX в. еще можно указать некоторые следы влияния франков у славян Далмации, но начиная с 840 г. дело изменяется. Тогда сарацинские корсары начинают свободно плавать вдоль итальянских и иллирийских берегов. При франкском дворе сохранилась память о договоре 812 г., который, признавая за Византией власть над городами далматинского побережья, оставлял за Западной империей право верховного обладания над славянами внутри страны. Но этот порядок вещей давно уже потерял значение в сознании славянских князей, в особенности в окрестностях Рагузы и при устьях Наренты. К 869—870 гг. далматинские славяне не зависели ни от франков, ни от византийцев, будучи самостоятельными и не признавая ничьей чуждой власти» [4].

Если для Восточной империи могло представляться где-либо свободное поле деятельности, то, конечно, не на Западе и вообще не среди славян, находившихся уже под ее политической властью и живших в ее границах, а за пределами ее, куда направлялась завоевательная политика франкских королей и латинского духовенства. Миссионерская деятельность среди северо-западных славян не только могла открывать империи новое поле для широкой политической и церковной миссии, но в то же время нанести удар притязаниям Западной империи и поставить предел распространению латинской Церкви в ущерб правам Константинопольского патриархата.

Возвращаясь к князю Ростиславу, нужно сказать, что в борьбе с немецкими королями ему естественно было искать союза на стороне Византии. Как было приготовлено и как состоялось соглашение Ростислава с царем Михаилом III, об этом нельзя сказать ничего определенного, ибо тогдашняя летопись не упоминает о том ни единым словом. Паннонское житье Мефодия, о котором мы сказали выше как о памятнике, составленном с предвзятой целью, весьма мало дает фактического материала. Царь Михаил, по словам жизнеописателя, созвал Собор, на который пригласил философа Константина, и предложил ему отправиться в Моравию с целью проповеди в этой стране христианской веры. Так мало современный источник дает сведений для выяснения капитального вопроса того времени, который был возбуждаем обращением князя

Ростислава в Византию. Принимая во внимание, что просветители славян прибыли в Моравию в начале 863 г., мы должны относить предварительные сношения Моравии с Византией к предыдущему году. Кульминационным вопросом в оценке деятельности свв. братьев представляется нам именно выяснение их роли в период от 863 по 867 г., когда Римский епископ решился наконец ознакомиться с славянскими миссионерами и выяснить дошедшие до него слухи о необычном способе ведения ими проповеди и богослужения в Моравии на народном языке.

К сожалению, реальных фактов недостает в сохранившихся источниках. Все то, что рассказывается в житии Константина, представляет не изложение событий, а взгляд на события, подсказанный известным настроением и служащий выражением субъективного, т. е. одностороннего, если не всегда пристрастного, отношения автора к лицам и событиям. И разговор царя с философом, и изобретение славянского алфавита, и поспешный перевод евангельских чтений, и, наконец, самая епистолия царя к Ростиславу — все это не соответствует исторической обстановке 862 г. и настроению принимающих участие в описываемых событиях лиц. Поэтому нам нужно ограничиться одним реальным фактом, что в Моравию были отправлены весьма приготовленные для миссионерской деятельности между славянами люди, знавшие славянский язык и, вероятно, заранее заготовившие перевод с греческого некоторых священных книг. Нельзя затем сомневаться, что святым братьям приготовлен был в столице Моравии, Велеграде, ласковый прием и что они с жаром принялись за дело проповеди. Но внимательный читатель жития Константина не должен пройти без выяснения для себя следующего обстоятельства. Первой заботой свв. братьев в Моравии была не проповедь веры, а грамотность: «и собрав ученики вдасть я учити — и научи я утрени и годинам (часам?), обедни и вечерни».

Внимательный исследователь не должен терять из виду, что в паннонских житиях мы имеем не оригинал, а перевод с греческого, что, следовательно, в рассуждении постановки кирилло-мефодиевского вопроса паннонские жития не могут претендовать на беспристрастие и объективность. Кроме того, ни минуты нельзя сомневаться, что даже основной текст, не говоря о разновременных вставках и поправках, составлен уже после того, когда возник горячий спор между Восточной и Западной Церквами из-за власти в Моравии, Паннонии и Болгарии. Мы и доселе еще до некоторой степени не отрешились от старого мнения, утвержденного первыми славистами прошлого века, что паннонские жития, как произведение ближайших учеников свв. братьев, составлены под прямым влиянием Мефодия и потому далеко оставляют за собой все другие источники и во многом выше даже официальных источников, частию заведомо подложных, частию подозрительных по своему происхождению. Сорок — пятьдесят лет тому назад еще нигде не поднималось голоса о необходимости применения к этим житиям историко-литературного и в особенности герменевтического метода для определения времени их происхождения и состава отдельных частей, из которых слагается их содержание,— с целью выяснить вносные статьи, вошедшие в эти жития (письма, речи, грамоты, беседы и проч.), и проверить заключающиеся в них данные документальными свидетельствами. Это увлечение сопровождалось

немалым вредом для славянской науки и исторического самосознания, приостановив дальнейший ход научного движения и поставив кирилло-мефодиевский вопрос под удар критики, явившейся извне.

Деятельность Кирилла и Мефодия в истории Византии должна быть оцениваема во всей ее важности как по отношению к всемирной истории, так, в частности, к славянству. Так, следует рельефно выдвинуть то обстоятельство, что появление на историческом поприще Кирилла и Мефодия, с одной стороны, есть неизбежный факт в истории Византии, перед которой произведенный Карлом Великим громадный переворот, сопровождавшийся принятием им короны римских императоров, поставил альтернативу или отплатить Западу им же употребленным оружием в сфере церковно-политической, или совершенно отступить перед Западной империей, оставив ей свободное поле деятельности в Европе. В сфере славянской движение немцев на Восток и распространение латинского церковного влияния между славянами выдвинуло на очередь ряд вопросов или, лучше, настоятельных потребностей, которые могли быть удовлетворены под необходимым условием приобщения славян либо к западно-латинской, либо к византийской культуре. Оставаясь довольно продолжительный период в племенном быту и не встречая со стороны Византии уступок в политической сфере, славяне пришли к мысли о попытках государственного объединения там, где давление византийской государственности наименее было чувствительно. Кто прежде всего обратил внимание на это явление, это пока для нас безразлично, но вообще византийские государственные люди никогда не чуждались всяческих мер поставить себя в связь со славянами, находившимися даже далеко за чертой непосредственных границ империи. С давних пор находясь в сношениях со славянами и имея многочисленные славянские поселения в своих пределах, империя могла воспользоваться своим опытом в сношениях со славянами как материалом для осуществления широких политических замыслов по отношению к северо-западным славянским племенам. Выступая при патриархе Фотии с определенной задачей расширения своего влияния в Европе, Византия сама открывала мировой период своей истории: заявляя притязание на церковную власть между северо-западными славянами, она наносила Западной империи чувствительный удар, который фактически тем более имел значения, что был приготовлен на почве просвещения христианством новых народов и, таким образом, по существу мог равняться с подвигом св. Бонифация.

Значение кирилло-мефодиевского вопроса не может быть понято во всей его совокупности, если мы ограничим свой кругозор непосредственными результатами появления славянской письменности и славянской литературы, как бы ни были новы для того времени эти факты и как бы ни важны были заключавшиеся в них элементы для дальнейшего движения. Славянам нельзя было бы отстоять своего права занимать место среди европейских народов и пользоваться благами христианской культуры, если бы в IX в. они не нашли себе могущественных руководителей, для которых славянская идея оказалась одной из необходимых пружин для подготовки борьбы с Западной империей и латинской Церковью. И не только в конце IX и в X в. кирилло-мефодиевский вопрос становится яблоком раздора между империями, а равно между

Западной и Восточной Церковью, но и во все последующие времена, вследствие чего, по нашему мнению, отношение нашего образованного общества к вопросам, связанным с деятельностью Кирилла и Мефодия, должно служить показателем нашей научной и политической зрелости. Что это вопрос никогда не стареющий и постоянно обладающий интересом современности, доказательством служит хотя бы предлагаемая здесь небольшая выдержка из современного французского журнала [5].

Маленькое моравское селение, носящее ныне имя Велеграда и имеющее не больше 600 обитателей, в IX в. было столицей Моравского государства. Здесь, по древнему преданию, умер св. Мефодий, и здесь в течение всего средневековья и до наших дней память его была предметом благочестивого почитания всех славян. Народная благоговейная память не разделяет в своем почитании свв. братьев, и, хотя св. Кирилл умер в Риме, имя его также почитается в Велеграде, как и его брата. Уже несколько лет католические славяне Австрии, верные хранители веры, воспринятой ими от двух византийских апостолов, принимают деятельные заботы о том, чтобы привести к центру церковного объединения их менее счастливых братьев России и иных стран, которых честолюбие Фотия и Кирулария совратило в схизму. В 1905 г. группа богословов, столько же известных своей ученостью, сколько и ревностью по вере, основала журнал «Slavorum litterae theologicae», имеющий задачей давать отчет о деятельности славян в области богословских наук и выяснять известные различия в области догматической, литургической и канонической, которыми дух схизмы образовал стену разделения между двумя Церквами. Чтобы достигнуть этой цели более практическим и действительным способом, те же самые богословы возымели идею периодически устраивать съезды, и Велеград естественно был избран местом этих мирных рассуждений, из которых должна быть удалена всякая идея политики и которые одушевляла б только чистая ревность о церковном единстве. Первый съезд состоялся в июле 1907 г., на нем было 76 богословов, все католического исповедания и почти все славянского происхождения.

Возвращаясь к моравской миссии святых братьев, мы прежде всего встречаем в изложении сопровождавших ее обстоятельств такую путаницу и подбор неясностей, которые в высшей степени характерны для оценки паннонских житий. Кирилл и Мефодий провели в Моравии без малого три с половиной года*, здесь было положено основание важному по последствиям кирилло-мефодиевскому вопросу, т. е. введению славянского богослужения и началу славянской письменности, и между тем в паннонском житии этим сторонам дела посвящено слишком недостаточно внимания, как будто автору было желательно выбросить несколько фраз и риторических оборотов не с целью раскрытия действительного положения дела, угрожавшего постоянной опасностью для проповедников, а, наоборот, с намерением умолчать о том, что в действительности ожидало их в Моравии. Так, выдвинув на первое место дело грамотности (собрав учеников...) и перевод богослужебных книг на славянский язык, составитель прямо переходит к характеристике положения, какое создалось для свв. братьев в Моравии. «Бог радовался

* «И тако четыредесять месяц створи в Мораве».

о сем, а диавол посрамился. Злый завистник диавол, не терпя сего добра, вшед в своя сосуды, начал многих возбуждать против греческих проповедников, были же это латинские и немецкие архиереи и священники и их приверженцы». Итак, сущность дела состояла в том, что Моравия не была уже языческой страной и что в ней была уже до известной степени церковная организация, исходившая из Зальцбургской и Пассавской епархий. Мы лишены возможности судить, до какой степени доведена была церковная администрация, т. е. сколько в стране было церквей и священников, но именно эта сторона дела представлялась бы самой существенной для жизнеописателя свв. братьев, а между тем она осталась нимало не затронутой, а потому и самая миссия, т. е. проповедь христианства, не нашла себе выражения в жизнеописании. Наиболее забот сказалось в полемическом отношении, где выдвинут вопрос о трех языках: еврейском, греческом и латинском, на коих достойно воздавать славу Богу и где без необходимой, впрочем, ясности в первый раз указано на треязычную ересь *. В этом же отделе жизнеописания находится известное место, приписывающее латинскому и немецкому духовенству невероятные верования, которые лишь служат к характеристике противулатинского настроения составителя паннонских житий. Будто бы, по учению латинян, под землей живут люди с большими головами и будто бы диаволу принадлежит творение земных гадов, наконец, будто убийство человека можно искупить тем, если в течение трех месяцев пить из деревянной чаши, не прикасаясь к стеклянной. Нет сомнения, что здесь идет речь о народных верованиях, пропитанных манихейскими или богомильскими воззрениями, и что эти верования не могли быть приписаны латинскому духовенству. Учение о дуализме в мироздании и о двух творческих началах весьма рано сделалось известным в Европе, таким образом, и в Моравии оно могло распространиться независимо от латинских миссионеров [6]. Что касается делаемого жизнеописателем упрека латинскому духовенству, что оно не возбраняло приносить языческие жертвы, то в этом едва ли следует видеть злую волю латинских проповедников, так как среди народа, недавно обращенного к христианству, совершенно естественны были остатки языческих обычаев, о чем весьма выразительно говорится в жизни св. Вячеслава (в 924 г.) **. Вообще все время, проведенное свв. братьями в Моравии, остается весьма мало выясненным в наших источниках. Хотя св. Кирилл представляется ведущим упорную борьбу с противниками, «как Давид с иноплеменниками», но вся обстановка его деятельности в Моравии лишена исторической достоверности и прерывается неожиданным заявлением: «И иде святить учеников своих», т. е. пошел в Рим. Но как же отнеслись к его непосильной борьбе те лица, волю которых исполнял он своей проповедью в Моравии: царь Михаил, патриарх Фотий, наконец, местный князь Ростислав? Ужели вероятна та постановка дела, какую мы видим в паннонских житиях?! После значительной вставки о составленном против Кирилла Соборе в Венеции, где именно выставлена была треязычная

* «Нарече я треязычники, яко Пилату тако написавшу на титле Господни».
** Dum plurimi ad immolandum demoniis nefanda properarent sacrificia cibisque ex ipsis potibusque simul inquinarentur... [пока многие приносят демонам нечестивые жертвы и оскверняют себя, употребляя их в пищу и питье].

ересь, о которой уже было упоминание выше, в паннонском житии выдвигается новая пружина путешествия свв. братьев: «узнав же Римский папа, послал за ним».

Здесь имеется, однако, действительный факт. В 867 г. папа Николай I пригласил в Рим моравских проповедников. Путь их лежал через Паннонию, где они провели несколько времени у князя Коцела. Этот славянский князь также пожелал ввести у себе переведенные на славянский язык священные книги и дал свв. братьям 50 молодых людей для обучения их славянской грамоте. В будущей истории кирилло-мефодиевского вопроса это не осталось без последствий, и мы скоро увидим, что по смерти брата Мефодий снова возвратился к Коцелу. Кирилл и Мефодий прибыли в Рим уже в 868 г., когда папский трон занимал преемник Николая I, пригласившего их, папа Адриан II. Пребывание в Риме славянских проповедников и отношение к их просветительному делу Римской Церкви дают новое направление истории кирилло-мефодиевского вопроса и требуют некоторых детальных объяснений. Хотя в жизнеописании свв. братьев резко выдвигается — и притом при всяком удобном случае — ненависть и раздражение против них со стороны чужеземного духовенства, которое выставляется виновником треязычной ереси, но весьма мало дается понять о том главном вопросе, который мог возбуждать сомнения и подавать повод к разноречиям на почве церковной практики. Сущность нарождавшегося с проповедью свв. братьев вопроса не ограничивалась спорным положением дела о границах церковных владений Константинопольского патриархата, но шла гораздо дальше, затрагивая вопрос о церковном языке. Нужно думать, что латинское и фряжское духовенство вело споры и боролось против греческих проповедников главнейше из-за того, что ими введен был славянский язык в богослужение, что самая литургия переведена была на славянский язык. Это было новое явление, хотя не такое, которого бы нельзя было указать в церковной практике, например готское богослужение при И. Златоусте в Константинополе *. Во всяком случае к этому кардинальному вопросу должны были примыкать споры из-за границ церковной власти. Появление так называемой треязычной ереси объясняется именно той точкой зрения, что три языка, употребленные в надписи на кресте Иисуса, будто бы служат каноническим основанием для признания еврейского, греческого и латинского единственно угодными Богу языками для богослужения. Если смотреть на введенную славянскими проповедниками практику как на новшество, которое не имело для своего оправдания надлежащего церковного авторитета, то естественно думать, что та церковная власть, от которой направлена была моравская миссия, могла дать надлежащие разрешения и указания насчет славянского языка в богослужении. Но об участии патриархата в судьбе Кирилла и Мефодия мы лишены средств составить какое-либо определенное мнение, ибо в источниках нет на это указаний. Ко времени же, когда Кирилл и Мефодий оставили Моравию и пошли в Рим, в Константинополе произошел политический переворот, вследствие которого государственная власть перешла к новой

* В споре с латинским духовенством в Венеции Кирилл сослался на армян, готов, персов и сирийцев, употребляющих свой язык.

Кирилл умер в 869 г. в Сотере 42 лет
Мефодий — в 885 г. — 70 лет.

династии в лице Василия I, а на патриарший престол вместо Фотия вступил снова Игнатий. Этими обстоятельствами до некоторой степени можно объяснить, почему свв. братья направились в Рим без предварительных сношений с Константинополем, хотя далеко не устраняются многообразные недоразумения, стоящие в связи с путешествием в Рим и с ближайшими его последствиями. Есть, кроме того, одно обстоятельство, придающее этому эпизоду в жизни славянских просветителей исключительное значение. Торжественная встреча, какой в Риме удостоились свв. братья, и ближайшие весьма благожелательные распоряжения папы Адриана по отношению к проповеди у славян и в особенности тех новшеств, о которых было говорено выше, находят себе объяснение, между прочим, в том, что св. Кирилл принес с собой мощи св. Климента, папы Римского, им самим обретенные в Крыму при исполнении миссии к казарам. К сожалению, в источниках не упоминается, были ли тогда мощи св. Климента взяты свв. братьями в моравскую миссию и сопровождала ли их эта святыня во все путешествие по Паннонии в Венецию. Не говоря о том, что это заключало бы в себе значительные неудобства, мы должны обратить внимание на то, что жизнеописатель упоминает об мощах и об источаемых ими чудесах только в Риме, совершенно забыв об них во все время моравской миссии. Таким образом, можно бы допустить предположение, что мощи св. Климента с 862 г. находились в Константинополе, откуда были взяты св. Кириллом в 868 г., когда он готовился к римскому путешествию.

В Риме славянских проповедников встретили с чрезвычайной торжественностью, которая не соответствовала скромному положению в церковной иерархии Кирилла и Мефодия, бывших простыми монахами, но должна быть объясняема исключительно приобретенным ими значением в Моравии и Паннонии. Конечно, для Римской Церкви и всего латинского духовенства весьма знаменательным фактом была святыня, с которою прибыли проповедники, именно, мощи св. Климента, но едва ли этого было достаточно, чтобы папа Адриан II так легко и свободно разрешил в пользу Кирилла и Мефодия ряд вопросов высочайшей канонической и административной важности. Известно, что именно этому папе принадлежит почин в утверждении авторитетом главы Западной Церкви новых начал, проникших в Моравию и Паннонию вместе с проповеднической деятельностью Кирилла и Мефодия, а отсюда распространившихся в Болгарию и в другие славянские страны. Здесь шла речь не только об отречении от епархиальных прав латинской Церкви на вновь присоединенные к христианству области, но главнейше разрешался в благоприятном для греческих проповедников смысле вопрос о так называемой треязычной ереси, которая доставляла свв. братьям так много хлопот и беспокойства и в Моравии, и в Венеции. Папа, признав церковный авторитет за переводом священных книг на славянский язык и освятив их возложением на алтарь в церкви св. Марии во Фатне, разрешил в благоприятном для славян смысле и вопрос об употреблении их национального языка в богослужении, не исключая литургии. По словам жизнеописания Кирилла, несколько раз в главных римских церквах литургия была совершена на славянском языке, причем поименно названы высшие церковные чины, принимавшие участие в торжествах:

епископы Формоз, Гавдерик и Арсений и известный библиотекарь Анастасий.

Занимающий нас момент должен почитаться кульминационным в жизни славянских проповедников, и потому на нем следует несколько остановиться, чтобы выяснить его всемирно-историческое значение. Собственно два факта должны быть здесь поставлены и оценены: 1) славянский язык, нашедший в изобретенной св. Кириллом азбуке средство для выражения идей и чувствований целой ветви европейского человечества; 2) богослужение, и в частности совершение литургии, на национальном языке, в чем как в IX в., так и во все времена* усматривалось лучшее и единственное средство приобщения к христианской культуре.

По вопросу об изобретении славянского алфавита св. Кириллом в настоящее время некоторые сомнения возбуждает лишь тот вид алфавита, который следует приписывать времени св. Кирилла. Известно, что на одинаковую древность претендуют глаголица и кириллица. В последнее время преобладает мнение, поддерживаемое особенно академиком Ягичем, что глаголица древней 863 г., когда по паннонским житиям изобретена была славянская азбука[7]. Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что древнеславянский язык перевода Евангелия есть язык македонских славян, откуда естественное заключение, что первоначальный славянский алфавит не вызван моравским посольством и не предназначался для потребностей западного славянства, а имел в виду славян той местности, где родились и где первоначально действовали Кирилл и Мефодий, именно Солунь. Если, таким образом, моравская миссия не вызвала изобретения алфавита и перевода Евангелия и некоторых книг для богослужения, то следует принять, что избрание Кирилла и Мефодия для выполнения этой миссии обусловливалось именно тем, что они знали славянский язык и владели способом передавать другим знание этого языка посредством известных им буквенных знаков. При таком положении вопроса легко может быть объяснена и славянская литургия как могущественное средство действия, ставившее греческих миссионеров вне конкуренции с проповедниками из других стран. Приписывать ли политическую идею, стоявшую в связи с введением славянского богослужения как лучшего средства противодействия Западной Церкви, непосредственно славянским проповедникам, как думает Брикнер[8], или же видеть здесь директивы высшей церковной власти, которая организовала моравскую миссию и приготовила обращение Болгарии и России, как это видно из знаменитой энциклики Фотия, сущность дела от того не меняется. Ясно, что миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии наносила большой ущерб притязаниям Западной империи на распространение ее влияния в Юго-Восточной Европе, а равно латинской Церкви и что Римский епископ в целях противодействия Константинопольскому патриархату принужден был не только признать совершившийся факт, но и воспользоваться употребленным против него оружием — т. е. славянским языком — в богослужении против Восточной империи и патриархата. В таком свете

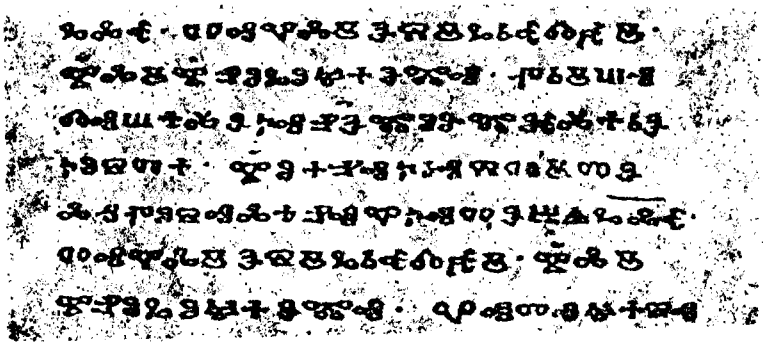
* «Житие Кирилла»: «Да и вы причтетеся велицех языцех, иже славят Бога своим языком».

рисуются нам ближайшие факты, стоящие в связи с моравской и паннонской миссией.

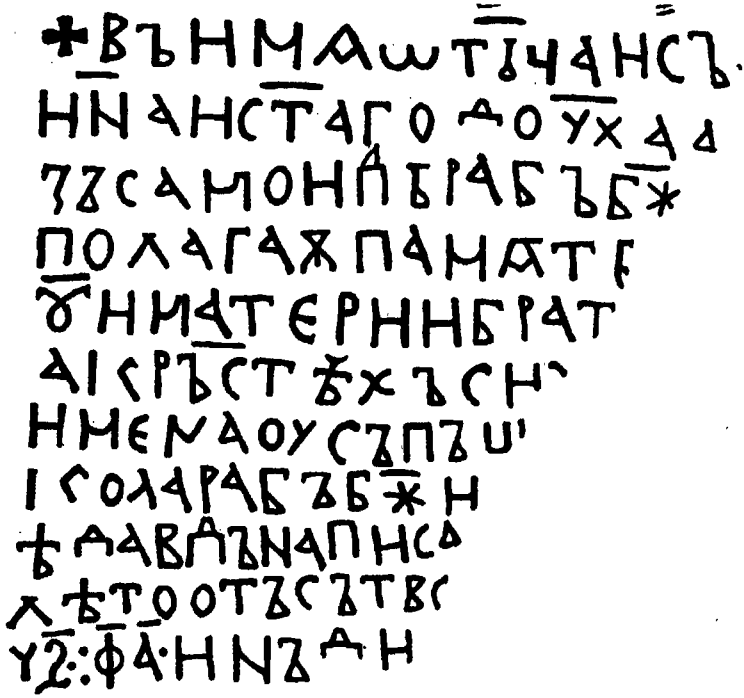
В дальнейшем центр тяжести всего вопроса переходит на одного Мефодия, так как Константин-Кирилл умер в Риме 14 февраля 869 г. и погребен в церкви св. Климента. Отношение папы к делу славянских проповедников нисколько, однако, не изменилось. Хотя к возвращению Мефодия в Моравию встречались препятствия, не зависевшие, впрочем, от Римского престола[9], тем не менее дальнейшему успеху начатого им дела дано было благожелательное и могущественное содействие тем, что Мефодию пожалован был высший церковный сан и он отправлен был в сане архиепископа Моравии и Паннонии в славянские земли.

Но прежде чем продолжать развитие кирилло-мефодиевского вопроса, нам необходимо остановиться на выяснении характера св. Кирилла. В 1892 г., как говорено выше, открыт был новый источник, относящийся к вопросу, именно, письмо Анастасия Библиотекаря к Гавдерику, епископу Велитры. Так как оба эти лица упоминаются в паннонских житиях как непосредственные свидетели и участники торжеств по случаю прибытия в Рим славянских проповедников, то ясно, что вновь открытый источник должен был получить большое значение как принадлежащий лицу, современному событиям, притом имеющему важное литературное имя и знавшему лично славянских первоучителей. И действительно, по мнению И. Фридриха, который первый познакомил с этим письмом ученый мир[10], оно вызывает необходимость полного пересмотра литературы о кирилло-мефодиевском вопросе. Хотя письмо не датировано, но оно по всем данным не может быть отнесено позднее, чем к 875 г. В нем заключаются весьма любопытные сообщения об обретении мощей св. Климента в Херсоне Константином Философом, заимствованные частию от самого Константина, частию от митрополита Смирнского Митрофана; в нем, кроме того, находятся такие важные указания, которыми должны проверяться данные, почерпаемые из других источников. Но для нас существенный интерес имеют отзывы Анастасия о самой личности Константина, которыми определяется исторический характер славянского просветителя и воззрение на него официального церковного мира в Риме. Так, говоря о собирании материалов для составляемой им истории перенесения мощей Климента[11], он упоминает, между прочим, о написанном на этот предмет сочинении Константина: «С греческого мне остается перевести на латинский только то, что недавно об обретении мощей его написал солунский философ Константин, *муж апостольской жизни*» *. В этом, конечно, следует видеть непререкаемое свидетельство высокого уважения, каким пользовался в Риме св. Кирилл, что тем более заслуживает внимания, что он был несомненно приверженец и близкий друг патриарха Фотия. Тот же Анастасий в письме Карлу Лысому в 875 г. имел случай отозваться о Константине как о великом муже и учителе апостольской жизни (vir magnus et apostolicae vitae praeceptor).

* Illa tantum occurrunt adhuc romano transferenda sermoni, quae Constantinus Thessalonicensis philosophus, vir apostolicae vitae... paulo ante descripsit.



Глаголический памятник. Энциклопедия славянской филологии. III. Табл. II



Древнейший памятник кириллицы. Надпись Самуила. 993 г.

С этой точки зрения следует смотреть на сохранившиеся в Риме и доныне художественные памятники, наиболее близкие ко времени жизни свв. братьев *.

Возведение Мефодия в архиепископы происходило при следующей обстановке, которая может быть до некоторой степени выяснена посредством комбинации различных указаний. Собственно говоря, ближайший период жизни Мефодия по смерти Константина вызывает значительные недоразумения, едва ли разрешимые на основании сохранившихся источников. Жизнь Мефодия[12] выражает настроение писателя X в., приверженца Восточной Церкви и жителя Болгарии, притом у него обстоятельства, касающиеся привилегий, данных Мефодию, основаны на актах весьма сомнительной достоверности. Нельзя разрешить многих возникающих здесь затруднений и на основании латинских материалов. Отношение Римской Церкви к делу просвещения Моравии и Паннонии христианством достаточно определилось в обстоятельствах приема, устроенного в Риме свв. братьям. Прямым и последовательным делом папы было бы продолжать оказывать свое внимание и благорасположение к Константину и Мефодию и закрепить за Западной Церковью и империей добытые их миссионерской деятельностью успехи; в Риме прекрасно оценивали сложившиеся обстоятельства и понимали, что от умеренной политики и снисходительности зависит очень многое в дальнейшем развитии вопроса о политическом влиянии в придунайских странах. В 869—870 гг. представлялась полная возможность нанести Константинопольскому патриархату ответный удар за попытку распространить свое церковное влияние в областях, где достаточно утвердилось латинское и немецкое духовенство. Но очевидно, представлялось немало затруднений, чтобы выступить на путь прямого и бесповоротного разрыва с Константинополем. По смерти брата своего Мефодий остается в Риме без всякой видимой цели, выжидая распоряжений папы. Быть может, в Риме чувствовали себя связанными развязкой болгарского церковного вопроса, который складывался вопреки надеждам и ожиданиям папы: в 870 г. боярин Петр во главе блистательного посольства отправлен был в Константинополь и окончил переговоры о присоединении Болгарии к Восточной Церкви. Эти обстоятельства объясняют как замедление в ходе дела по отношению к Мефодию, так и противоречивые известия между латинскими и славянскими источниками, которые трудно привести к соглашению.

В конце концов папа дал такое решение церковному вопросу, поднятому миссией греческих проповедников между моравами и паннонскими славянами, какого только мог желать Мефодий и которое вполне обеспечивало интересы славян. Он возвел Мефодия в сан архиепископа Моравии и Паннонии и поручил его пастырской попечительности славянские страны, на которые простиралась его просветительная деятельность. Нет сомнения, что учреждением славянской архиепископии, объединявшей значительную часть западных и южных славян един-

* Разумею знаменитую икону в Ватикане с изображением апостолов Петра и Павла, нижняя половина которой представляет Константина и Мефодия, а равно фрески в церкви св. Климента. Об этих памятниках будет речь ниже.

ством веры, церковного языка и духовной власти, папа Адриан II давал славянам весьма важное преимущество, которое обеспечивало им национальное развитие и предохраняло от чужеземного, преимущественно немецкого, влияния. Этим распоряжением, кроме того, св. Мефодию предоставлялась полная возможность довести до конца начатое его братом дело перевода священных книг на славянский язык и церковной организации славянских земель.

На каких условиях и основаниях предприняты были эти важные постановления, об этом трудно судить, потому что существуют основания заподозрить подлинность относящегося сюда акта, включенного в жизнь Мефодия. Современных актов ни о возведении Мефодия в архиепископский сан, ни об его кафедральном городе не сохранилось. По всей вероятности, сейчас же по получении высшего церковного сана он удалился в княжество Коцела и первое время находился в столице его Мосбурге. Но на основании позднейших актов официального характера мы имеем достаточные данные выяснить условия образования славянской архиепископии и взвесить значение этого папского распоряжения для истории кирилло-мефодиевского вопроса.

Глава IV

Церковные дела. Патриарх Фотий. Обращение Болгарии в христианство

Патриарх Фотий[1] занял Константинопольскую кафедру при довольно исключительных обстоятельствах. Он вступил в управление Церковью при живом заместителе кафедры, известном своей аскетической жизнью патриархе Игнатии, который происходил из царского рода. В 813 г. по случаю низвержения Михаила Рангави два сына его, Феофилакт и Никита, были сделаны евнухами и сосланы в монастырь. Никита, принявший по пострижении имя Игнатия, в 847 г. был возведен царицей Феодорой в патриархи и десять лет оставался во главе Церкви. В 857 г. по случаю резкого столкновения с кесарем Вардой и царем Михаилом III, который требовал от патриарха утверждения церковным авторитетом принятых им жестоких мер против своей матери и сестер, без церковного суда Игнатий лишен был власти и свободы и сослан в заточение на остров Теревинф на Мраморном море. При этих обстоятельствах выступила кандидатура на патриарший престол протоспафария Фотия, человека, происходившего из высших рядов византийской аристократии и имевшего связи при дворе. Нет сомнения, что Фотий, принимая посвящение и прошедши с необычной скоростью все церковные степени, должен был отдавать себе отчет в том, что законность его возведения в епископы может подвергаться сомнениям и спорам, пока не решен канонически вопрос о бывшем патриархе, который продолжал носить титул и сан и имел много приверженцев среди церковных людей. Поэтому Фотий обращался с предложением к Игнатию ради церковного мира дать письменный акт об отречении, но не имел успеха и в самом конце 858 г. принял посвящение от руки Сиракузского архиепископа Григория Асвесты. Этот последний, проживавший в Константинополе по случаю арабских нападений на Сицилию, состоял в оппозиции к патриарху Игнатию и, как глава враждебной ему партии, был неоднократно присуждаем к лишению сана. Хотя это последнее обстоятельство оспаривается Фотием и его приверженцами, тем не менее в последующей истории церковных сношений между Востоком и Западом вопрос о законности рукоположения Фотия от руки Сиракузского архиепископа продолжает иметь важное значение и служить одним из главных средств в борьбе Римского папы с Фотием. Не входя здесь в обсуждение оснований, на которые опирались стороны, мы должны признать не соответствующим ни обстоятельствам, ни положению Фотия и его партии такой ход дела, чтобы при посвящении преемника Игнатия не соблюдены были элементарные условия, требуемые каноническими правилами. В известительном послании о посвящении Фотия, отправленном Михаилом III в Рим, не названо лицо, совершившее церемониал, об нем упоминается в первый раз в сношениях между Римом и Константинополем в 863 г.,

когда назрел ряд других вопросов, обострivших отношения между Церквами.

Весьма вероятно, что против самовольного вмешательства в церковные дела со стороны кесаря Варды и высшей светской власти была часть духовенства, но противодействие было сломлено мерами правительства, и попытка со стороны приверженцев прежнего патриарха отложиться от Фотия и выбрать трех заместителей кафедры осталась без серьезных последствий. В конце концов наиболее открытые враги Фотия в числе пяти епископов дали свое согласие подчиниться ему под тем условием, если он останется в церковном единении с Игнатием. Однако через несколько времени Фотий произнес отлучение против Игнатия, а незначительная часть приверженцев этого последнего с Митрофаном Смирнским во главе, собравшись в церкви св. Ирины, произнесла отлучение на Фотия и на тех, кто будет поддерживать с ним сношения. В свою очередь патриарх Фотий возобновил на Соборе в церкви свв. Апостолов отлучение против Игнатия и его приверженцев. Ввиду внутренних раздоров и раздвоения в Церкви необходимо было прибегнуть к высшему церковному авторитету, почему обе церковные партии старались ознакомить Рим с состоянием церковного спора в Византии и вызывали Римского епископа на то, чтобы он разрешил спор.

В 859 г. отправлено было в Рим торжественное посольство, состоявшее из четырех епископов, во главе с Арсавиром, дядей Фотия, которому вручены были письма и богатые подарки для поднесения папе[2]. Посольство должно было домогаться утверждения Фотия на патриаршем престоле, и с этой целью ему было поручено ходатайствовать перед папой о посылке в Константинополь легатов, которые бы занялись как другими делами патриархата, так и иконоборческим вопросом, который продолжал еще будто бы волновать умы. Указание на иконоборческую смуту во всяком случае было весьма благовременным, ибо давало папе возможность выступить здесь со всем церковным авторитетом. То обстоятельство, что в посольстве принимали участие четыре епископа, могло служить лучшим доказательством, что Фотий пользуется полным авторитетом среди церковных лиц и что власть его в патриархате вполне утверждена. Папа Николай отправил в Константинополь своими легатами для расследования дела о низложении Игнатия и возведении Фотия двух епископов, Родоальда и Захарию, из коих первый носил титул епископа Порто, а второй Агнани. Легатам вручены два письма, одно на имя императора, другое — патриарха Фотия, оба письма помечены 25 сент. 860 г.[3] По содержанию своему письмо папы к царю Михаилу III так полно высокого интереса и так широко захватывает вопросы и отношения между империями, нас здесь занимающие, что мы находим уместным привести из него значительные выдержки.

> «Творец вселенной, установив принципат божественной власти между избранными апостолами и утверждая его на твердой вере князя апостолов, отличил его первенством трона. Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь мою, и врата адовы не одолеют ее (Мф. XVI, 18). И теперь с твердостью камня, который есть Христос, своими молитвами не перестает охранять непоколебимость здания Вселенской Церкви, утвержденную на крепости веры, и безумие заблуждающихся

исправляет по норме правой веры и вознаграждает тех, кто заботится об утверждении ее, почему двери ада, т. е. внушения злых умов и нападения еретиков, не могут сокрушить единство сей Церкви. Посему возносим благодарственные мольбы всемогущему Богу, что он благоволил внушить вам, как защитнику Церкви, заботу об ее единстве, дабы красота веры не пострадала от ржавчины заблуждения и не нарушился разум апостольского предания. С целию соблюдения этой чистоты происходили многократные собрания святых отцов, которыми и постановлено, чтобы без согласия Римской Церкви и Римского епископа не давалось окончательного постановления ни по какому вопросу *.

Собранный вами в Константинополе Собор, не обратив внимания на указанный порядок, позволил себе нарушить установившуюся традицию: именно, собравшийся в Константинополе Собор (ibidem coetus conveniens) позволил себе без согласия Римского епископа лишить сана своего патриарха Игнатия. Как это достойно порицания, видно, между прочим, из того, какие против него выведены свидетели, которым по канонам неуместно быть допущенными к свидетельству. Что данные ими показания внушены пристрастием, ясно из того, что ни сам Игнатий не подтвердил их своим признанием, ни обвинители не представили доказательств на свои слова, требуемых канонами. И, несмотря на указанные нарушения, Собор допустил еще более постыдное, избрав из светского звания пастыря себе. Какое самонадеянное безрассудство поставить над божественным стадом такого пастыря, который не научился еще управлять собой. По уставу о светских науках, никто не может получить степень магистра прежде, чем, постепенно переходя разные степени дисциплин, не достигнет учености. А вот Фотий захватил степень доктора прежде, чем сделаться ученым, захотел сделаться магистром, не быв учеником; не проходя авдиторства, вышел в учителя. Незаконно заняв кафедру доктора, он предпочел прежде учительствовать, а потом учиться, прежде священствовать, а потом получить освящение, прежде просвещать, а потом самому просвещаться. Но это воспрещается правилами католической Церкви, и святая Римская Церковь чрез предшественников наших, учителей католической веры, всегда воспрещала подобные избрания... Предшественник наш на этой кафедре, святейший папа Адриан, в письме, отправленном в Константинополь по делу о святых иконах, постановил, чтобы из мирян впредь не посвящали в епископы в Константинопольской Церкви: текст этого письма вы можете найти в деяниях Собора, бывшего в то время в Константинополе. Ввиду этих обстоятельств, относящихся к посвящению Фотия, мы не можем дать соизволения нашего

* .. absque Romanae sedis, Romanique pontificis consensu nullius insurgentis deliberationis terminus daretur.

апостольства, пока через наших послов, к вам отправленных, мы не получим донесения о всем, что в вашем городе постановлено или что совершается по церковным делам. И дабы во всем соблюсти добрый порядок, мы изъявляем желание, чтобы Игнатий, который, как вы изволили написать, самовольно оставил управление патриаршим престолом и лишен власти на Соборе, чтобы он представился нашим послам и явился на собрание Собора и чтобы согласно вашим законам было расследовано, почему он пренебрег вверенной ему паствой и почему презрел постановление предшественников наших, пап Льва и Бенедикта. Все его показания тщательно будут проверены нашими легатами, дабы ясно было, соблюдены ли были канонические постановления в его деле или нет. Все дело в заключение должно быть представлено на наше благоусмотрение, дабы мы по апостольскому авторитету приняли такое решение, коим бы ваша Церковь, постоянно волнуемая смутами, предохранена была на будущее время в целости и непоколебимости».

Переходя к вопросу о поклонении свв. иконам, папа изложил кратко свой взгляд на этот вопрос и, приведя мнение своих предшественников, заключает:

«Вот в кратких словах, что мы из многого хотели сказать вам. Папа Адриан много писал об этом в своих грамотах, которые хранятся в Константинопольской Церкви и из которых вы можете заимствовать необходимые указания. Ваше императорское величество, по дошедшим до нас слухам, радеете о пользах церковных, поэтому было бы благовременно восстановить вам древний порядок, каким пользовалась наша Церковь в областях, входящих в вашу империю, именно право посвящения на Солунскую кафедру, которой принадлежит привилегия викариата Римского престола над Епиром древним и новым, Иллириком, Македонией, Фессалией, Ахэей, Дакией береговой и средиземной, Мизией, Дарданией, Превали — привилегия, которую кто же решится оспаривать у Петра, князя апостолов? Точно так же патримонии Римской Церкви в Калабрии и Сицилии, которыми она управляла чрез своих уполномоченных, благоволите возвратить Церкви; а равно восстановить право Римского престола на посвящение архиепископа Сиракуз».

В заключение папа рекомендует вниманию императора своих послов, просит приглашать их для объяснений по церковным делам и давать веру тому, что они скажут, по миновании же надобности возвратить их в Рим морским путем. Папа Николай поставил вопрос об избрании Фотия ясно и определенно: его послы должны были произвести дознание в Константинополе, выслушать показания Игнатия и все дело затем доложить папе. В интересах Фотия и византийского правительства было, однако, не допустить папских легатов до производства нового следствия, поэтому римские епископы содержались некоторое время под строгим надзором и лишены были возможности составить самостоятельное мнение о деле. Когда в мае 861 г. созван был в церкви свв. Апостолов

Собор, то папские послы оказались усвоившими уже византийскую точку зрения на вопрос об избрании Фотия и не оказали препятствия к тому, чтобы на Соборе восторжествовала его партия. Приняты были все меры, чтобы придать Собору необыкновенную торжественность, которая достигалась и личным присутствием императора, и числом отцов, доведенным до 318, как на первом Вселенском Соборе. Это известный в литературе перво-второй Собор 861 г., который занимался разрешением возникшего в Константинополе частноцерковного вопроса и которому впоследствии суждено было получить всемирно-историческое значение. Для выслушания Игнатия, согласно инструкции, данной легатам, Собор пригласил бывшего патриарха явиться в заседание, но, когда он прибыл в патриаршем одеянии в сопровождении преданного ему духовенства, ему отдан был приказ именем царя снять патриаршее облачение и явиться на Собор в обыкновенном монашеском одеянии. Хотя Игнатию оказан был суровый прием и он подвергся оскорблениям со стороны приставленных к нему лиц, но он держался с достоинством и нисколько не думал унижаться перед собранием епископов. Когда ему было указано место в стороне на низкой скамье, он обратился к собранию с просьбой указать ему папских легатов и осведомился у них, не имеется ли у них письма от папы для вручения ему. Само собой разумеется, притязания Игнатия далеко не соответствовали положению дела, точно так же весьма неуместно было его требование удалить из собрания Фотия, незаконно занимающего кафедру, ибо в противном случае он не признает собрание компетентным для суда над ним,— позиция Игнатия на суде весьма напоминает нам положение Никона на московском Соборе. Но его дело так же при данных обстоятельствах не могло окончиться в его пользу, как и дело Никона. К нему применено было 31-е (29-е) правило апостольское, по которому подлежит низвержению тот, кто получил церковное достоинство при помощи светской власти. Трудней было заставить Игнатия подписать акт лишения сана. Говорят, что его насильно заставили поставить под актом крест, под которым Фотий присоединил: «Я, недостойный Игнатий, признаю, что сделался епископом без предварительного избрания и что управлял Церковью тираническим образом». После того Игнатий пользовался некоторое время свободой и успел составить донесение о происшедшем для Римского епископа, которое имело важные последствия, как потом увидим. Но летом того же года он подвергался гонению и преследованиям со стороны Фотия. В августе было в Константинополе землетрясение, простой народ видел в этом наказание за несправедливое осуждение Игнатия *.

Вместе с римскими легатами в Рим был послан специальный уполномоченный от царя и патриарха с протоколами соборных деяний и с письмами к папе. Письмо Фотия заслуживает особенного внимания по своему значению в истории отношений между Церквами. Сказав во введении о высоком значении любви, которое утверждается и общим разумом человечества, и Священным Писанием[4], Фотий переходит затем к реальным фактам.

* Об этом землетрясении упоминается в беседах Фотия о нашествии руси.

«И наше смирение, руководимое чувствами той же любви, без обиды оставляет укоризны, какими ваша отеческая святость уязвила нас как стрелами, ибо они не были внушены чувством раздражения или сварливости, но скорей были выражением непосредственного душевного расположения, весьма строго относящегося к церковному чину. Если и самое зло при избытке доброты перестает рассматриваться как зло, так как не имеет источника в злом намерении, хотя бы оно опечаливало, поражало и причиняло мучения, не может почитаться злом. Известна и такая любовь, которая расширяется даже в благодеяние по отношению к тем, которые наносят обиды. Поелику же ничто не воспрещает смело говорить правду братьям по отношению к братьям и детям по отношению к своим родителям, ибо нет ничего любезней истины, то позволительно и мне свободно высказаться не с целию вам противоречить, но в видах собственной защиты. И ваше совершенство в добродетели, приняв прежде всего в соображение, что мы против воли впряглись в это ярмо, да благоволит не порицать, но пожалеть, не презирать, но выразить сочувствие, ибо свойственно оказывать жалость и сострадание к тем, которые терпят насилие, а не порицать и презирать их. Ибо мы подверглись насилию, и какому? Это знает Господь, которому известно и тайное. Меня лишили свободы, держали в заключении, как преступника, и тщательно стерегли. Я не давал согласия, а меня назначили к посвящению; все знают, что я был рукоположен с плачем, при воплях и страданиях. Дело происходило не в уединенном месте, было проявлено столько злобы, что известие об этом разнеслось повсюду *.

Я лишился спокойной жизни, я лишился сладкой тишины, я потерял славу, должен был пожертвовать милым спокойствием, тем чистым и приятнейшим общением с близкими мне людьми, которое было свободно от печали, коварства и чуждо всяческой укоризны. Никто не имел поводов быть недовольным мной, и я ни на кого не жаловался ни из пришельцев, ни из туземцев, ни из незнакомцев, ни тем менее на моих друзей. И я сам никого не оскорблял и не вызывал никого на обиду по отношению ко мне, если только не принимать во внимание опасностей для благочестия. И никто до такой степени не огорчал меня, чтобы я дал волю своему языку нанести оскорбление за обиду. Так были все благорасположены ко мне и громко восхваляли мои качества, так что мне не приходится об этом говорить. Мои друзья любили меня более, чем своих родственников. Что же касается родных, то для них я был милейший из родственников и самый родной из особенно милых. Слава об усердии окружающих

* οὐδὲ γὰρ ἐν γωνιᾷ ἐγένετο, καὶ τὸ μέγεθος τῆς ἐπηρείας τὴν ἱστοριάν εἰς πάντα ἐξήνεγκεν.

меня* привлекла и незнакомых в любовь Божию и в союз дружбы... Можно ли без слез вспомнить об этом? Находясь у себя в доме, я испытывал приятнейшее из удовольствий следить за прилежанием учащихся, видеть усердие задающих вопросы и опытность в диалектике отвечающих, чем мысль приучается к легчайшей деятельности. Одни изощряли ум на математических упражнениях, другие стремились постигать истину логическими приемами, иные же направляли ум к благочестию посредством изучения Священного Писания, в чем следует видеть венец всех других упражнений. Такой кружок был моим обыкновенным домашним обществом. Когда же обязанности часто отзывали меня во дворец, меня сопровождали напутственные благожелания и просьбы не запаздывать возвращением, ибо на мою долю выпала и эта исключительная привилегия — оставаться во дворце столько, сколько я пожелаю. При моем возвращении меня встречал у ворот мой ученый кружок. И одни, которые могли больше позволять себе из-за превосходства в добродетели, жаловались на замедление, другие довольствовались тем, что обменивались несколькими словами, иным же было желательно только показать, что они меня дожидались. И это был обычный порядок, который ни козни не нарушали, не прекращала зависть и не омрачала небрежность. Кто же, испытав полный переворот в такой жизни, легко и без слез перенесет перемену, лишившую всех таковых благ. Вот почему я печалился, вот из-за каких лишений текли у меня ручьи слез и окружал меня мрак печали. Я знал уже и прежде, сколько беспокойства и забот сопряжено с этой кафедрой. Я знал тяжелый и непослушный нрав смешанного населения столицы, его склонность к ссорам, зависть, смуты и восстания, недовольство настоящим и ропот, если не удастся достигнуть того, чего требует, или если его желания осуществляются не так, как бы он хотел, и, с другой стороны, высокомерие и презрение, если сделана уступка его желанию и если исполнялось его требование, ибо он имеет склонность объяснять осуществление его желаний не свободным благорасположением (правительства), а настойчивостью выражения своей воли. Народ, захватив власть и имея притязание начальствовать над правительством, губит и себя и своего государя. И корабль легко тонет, если корабельщики, отстранив кормчего, все захотят управлять рулем; и войско скоро погибнет, если каждый отдельный воин, не слушая начальника, примет на себя дерзость командовать своим ближним. И зачем дальше распространяться об этом? Начальствующему часто настоит надобность менять краску лица, принимая печальный вид, когда душа настроена иначе, и, наоборот, при печальном настроении давая лицу веселое

* Как видно из ближайших затем слов, речь идет об учениках Фотия, об его школе. Любопытно, что это место пропущено у Гергенретера.

выражение, принимать гневный вид, не имея гнева, и смеяться, когда на душе тяжело.

Таковую наружность обречены показывать те, кому выпало на долю начальствовать народом. Какая разница с прошедшим! Верный друг для друзей, ни к кому не расположен враждебно, каково внутреннее расположение, такова и наружность. Ныне же необходимость заставляет делать упреки друзьям, не по заповеди быть холодным к родственникам, казаться строгим с нарушителями закона. Повсюду господствует зависть, беспорядок утвердился вследствие продолжительного господства. Стоит ли говорить, сколько страданий доставляет мне симония, сколько огорчений приносят мне распоряжения к пресечению мирской дерзости церковных собраний, меры против небрежения к душеполезному и излишних попечений о суетном. Все это я видел и прежде, и хотя сокрушался в душе, но не был в состоянии и не имел власти искоренить это зло. Потому-то я и уклонялся от избрания, отказывался от хиротонии и оплакивал возлагаемое на меня достоинство. Но я не был в состоянии избежать предопределения».

Фотий переходит затем к объяснениям на те упреки, которые ему делали в Риме:

«„Тебе не следовало,— говорят,— уступать незаконным действиям» — но это следует говорить тем, кто позволяет себе таковые. «Не следовало допускать над собой насилие» — хорошо правило, но против кого направляется порицание? Ужели против потерпевших от насилия? А сожаление разве не к тем относится, кто испытал действие насилия? Если же кто прощает сделавшего насилие и наказывает потерпевшего от насилия, то я бы хотел пригласить твою собственную правду в качестве судьи против него. Но выражают другое обвинение: «Ты,— говорят,— в нарушение канонов из светского звания прямо взошел на высоту священства». Но кто будет нарушитель канонов: тот ли, кто употребил насилие, или кто насильно и против воли принужден был дать согласие? «Нужно было,— возражают,— оказать противодействие». Но до какой степени? Я сопротивлялся и даже сверх должного, и, если бы только предвидел ту страшную бурю, которая разразится, сопротивлялся бы до самой смерти. Какие же нарушены каноны? Таковых доныне не знает Константинопольская Церковь. Преступным считается неисполнение тех законов, кои сохраняются преданием. Если же что не сохраняется преданием, несоблюдение того не есть преступление.

Сказанного для моей цели более чем достаточно, ибо я не имею намерения выставлять себя оправдывающимся. Мне ли оправдываться, для которого составляет предмет сердечного желания уйти от этой бури и снять с себя эту тяготу,— так мало стремлюсь я к этой кафедре и так не дорожу ею. И не вначале только эта кафедра была мне

в тягость, она не сделалась предметом желания и ныне, но как против воли я занял ее, так и держусь на ней против желания. Лучшим доказательством, что я по принуждению принял это достоинство, служит, между прочим, и то, что как вначале, так и ныне я желаю от него быть свободным. Не следовало бы говорить: «Все другое хорошо и похвально, и мы одобряем и радуемся и благодарим Бога, премудро управляющего Церковью. Возведение же из светского звания не похвально, почему этот вопрос оставляем под сомнением и оставляем окончательное решение до возвращения наших апокрисиариев».

Но как чрез нас и вместе с нами подвергаются опасности быть обвиненными и блаженные отцы Никифор и Тарасий, которые также из светского чина достигли высшего церковного сана,— мужи, являющиеся светилами нашего времени и громогласными глашатаями благочестия, жизнию и словом держащие истину,— то я считал необходимым присоединить и это к сказанному, чтобы показать, как эти блаженные мужи выше всякого обвинения и клеветы. Хотя едва ли кто посмеет признать их виновными, но и над ними тяготеет соблазнительный переход из светского звания к епископству, и они подвергаются укоризне, стоя выше укоризны, ибо и они из мирян посвящены в высший церковный сан: кто заслуживает почтения и перед кем преклоняются в благоговейном изумлении, те не избегают хулы. Но сии мужи Тарасий и Никифор, в светской жизни блиставшие как звезды и представившие собой образец церковной жизни,— они ли избраны в священный сан с нарушением канонов? Не мне это говорить, не хотел бы это я слушать и от другого. Ибо это были строгие блюстители канонов, борцы за благочестие, гонители нечестия, светильники миру по божественному Писанию, державшие слово жизни. Если же они не соблюли канонов, которых не знали, никто не может поставить им того в вину, ибо за то и прославлены они Богом, что сохранили то, что приняли».

Заканчивая этот главный и обширный отдел письма, относящийся к возведению в высший церковный сан из светского звания, Фотий говорит:

«Вышесказанным я объяснил то, что мне нужно было сказать по отношению к другим (Тарасий, Никифор, Амвросий, Нектарий), о себе же как было раз сказано, так и еще скажу: я против воли был возведен на кафедру и ныне занимаю ее против своего желания. Во всем же показывая повиновение вашей отеческой любви и в то же время желая представить, что дело идет не о словопрении, а об очищении памяти блаженных отцов наших, мы сделали соборное постановление на будущее время не возводить прямо из мирян или из монахов в епископский сан без прохождения предварительных священных степеней. Принятием этого постановления столько же Константинопольская Церковь признает себя как бы искони подчиненной ему, так и я сам, может быть,

избежал бы несносного насилия и множества искушений, которые окружают меня и готовы задушить. Итак, это правило принято на спасение другим и освобождение их от забот. Лично же для меня найдется ли какое средство для облегчения от постоянно сменяющихся забот и трудов. Мне нужно утверждать слабых, учить и воспитывать невежественных, одних обращать мягким словом, других, которые обнаруживают упорство, бичами; на мне лежит обязанность поощрять к мужеству вялых, сребролюбивых убеждать к пренебрежению богатствами и к нищелюбию, обуздывать честолюбивых и приучать их стремиться к чести, которая возвышает душу, высокомерных усмирять, удерживать склонных к телесным излишествам, поставлять ограничения тем, кто наносит другим обиды, умерять гневных, утешать малодушных. Но нужно ли перечислять все частности? Мне следует освобождать погрязших в дурные привычки и страсти, порабощающие душу и ослабляющие тело, дабы предетавить их Христу как истинных слуг. И каким образом тот, на ком лежит столько и таких важных обязанностей, не будет стремиться скорей к освобождению, чем к захвату власти? Кругом нечестивые: одни отметают икону Христа и хулят на ней самого Христа, другие смешивают природы Христа или отрицают; некоторые же вводят некоторую новую природу на место прежней и бросают бесчисленные злословия на четвертый Собор. У меня с ними возгорелась война и недавно произошло сражение, вследствие которого я пленил многих в послушание Христу. Снова показываются из своих нор лисицы и стараются обмануть самых простых и наиболее доверчивых и захватить их как бы на приманку. Под этими лисицами я разумею схизматиков, которых скрытая злоба и зараза гораздо опасней наружной и явной. Они входят в частные жилища и по слову Апостола (II Тимоф. III, 6) обольщают обремененных грехами женщин, видя в них возиаграждение или взятку за свое скоморошество, тщеславие, любострастие и нечистоту и подготовляя с ними бунт против Церкви».

В заключение Фотий касается старого вопроса о церковных владениях, отнятых Львом Исавром, на что сделано указание и в письме папы:

«По отношению к тем епископам, которые издревле получали посвящение от Римского папы*, местоблюстители ваши сообщили, что необходимо возвратить их в· подчинение своей прежней митрополии. Если бы решение этого вопроса зависело от нашей компетенции и если бы здесь не были замешаны политические интересы, то и без всякой защиты дело могло бы быть решено в пользу Рима. Но как церковные дела, и в особенности касающиеся епархиальных прав,

* Место несомненно относится к митрополитам Солуни, Иллирика и Сиракуз, хотя иные понимают его применительно к болгарам.— Hergenröther. I. S. 73.

стоят в зависимости и изменяются вместе с гражданскими провинциями и округами, то я просил бы благожелательного снисхождения вашего святейшества и ие вменять в вииу мне несогласие удовлетворить ваше желание, а отнести это насчет политических соображений. Что касается меня, то из любви к правде и по миролюбию я не только готов возвратить то, что принадлежало другим, но даже из древнего достояния этой кафедры готов поступиться в пользу того, кто имеет силу управлять и владеть. Если кто даст мне нечто из не принадлежащего мне, тот налагает на меня тяжесть, ибо увеличивает для меня заботы, а кто с любовью заявляет притязание на принадлежащее мне, тот доставляет больше пользы мне дающему, чем себе принимающему, ибо значительно облегчает мне тяжесть начальствования; а кто с любовью принимает мне принадлежащее и обязывается ко мне чувством благодарности, если я буду домогаться своих прав, то можно ли не сделать уступки при отсутствии препятствия, в особенности если просьба исходит от такого достопочтенного лица и если она передается через таких боголюбезных и важных мужей? И поистине местоблюстители вашего отеческого святейшества блистают и разумом, и добродетелью, и опытом и своим внешним поведением напоминают апостолов; мы препоручили им самое существенное из того, что нужно было сказать и написать в том убеждении, что они и будут способны сказать истинное и что словам их будет придано больше веры. Мне не хотелось ничего писать лично о себе, тем более что ваша отеческая святость благоволила быть осведомленной не через письма, но посредством своих представителей; но чтобы моя уклончивость описать хотя бы главное не объяснена была небрежением, я решился кратко изложить мое личное дело, пропустив многое из того, что требовало бы старательного труда. Боголюбезнейшие местоблюстители ваши, многое видев лично и слыша от других, все могут в достаточной мере объяснить, если ваша просвещенная мудрость заблагорассудит расспросить их.

В заключение моего слишком растянувшегося письма нахожу нужным присоединить еще следующее *. Соблюдение канонов обязательно и для всякого частного человека, но гораздо более для тех, кому вручено попечение о других, и еще больше для тех, которые имеют преимущество примата. Чем выше кто поставлен, тем более он обязан к соблюдению канонов. Ибо погрешность стоящих на высоте гораздо скорей распространяется в народе и необходимо увлекает или к добродетели, или к пороку. Посему и ваше многолюбезное блаженство, имея попечение о церковном благоустройстве и соблюдая верность канонической правоты, да благоволит не принимать без должного разбора тех клириков,

* Этого отдела нет в греческом тексте Досифея. Он восстановляется по изд.: Mai. Nova Patrum Bibl. IV. P. 51.

которые без рекомендательных писем приходят отсюда в Рим, и под предлогом странноприимства не подавать повода к братской вражде. То обстоятельство, что постоянно являются желающие идти на поклонение к вашей отеческой святости и целовать вашу честную стопу, составляет для меня истинное удовольствие, но что совершаются в Рим путешествия без моего ведома и без удостоверительных свидетельств, это не согласно ни с моими желаниями, ни с канонами и едва ли должно соответствовать вашему неподкупному суду. Чтобы не говорить о другом, что порождает подобные путешествия — о спорах, распрях, клевете, подлогах,— я хочу только о том упомянуть, что происходит на наших глазах. Есть такие, которые, запятнав себя здесь постыдными пороками, чтобы избежать заслуженного наказания, спасаются бегством под предлогом пилигримства, благочестия и исполнения обета и таким образом покрывают свою порочную жизнь почтеиным именем. Одни, запятнав себя незаконным сожительством, воровством или невоздержностью, пьянством и сладострастием, другие, будучи уличены в убийстве или в нечистых страстях,— если они из опасения угрожающей им кары бегством спасаются от заслуженного наказания, не быв исправлены увещанием, ни улучшены и исцелены от пороков наказанием, продолжают наносить вред себе и другим, то не открывается ли им широкая дорога к пороку в том, что они могут под предлогом благочестия удалиться в Рим. Ваша боголюбезная святость, которая ведет борьбу с людскими пороками, могла бы привлечь внимание на эти коварные махинации и обратить их в ничто, отсылая назад тех, которые приходят в Рим без рекомендательных писем и оставляют родину с дурными намерениями и в противность законам. Этим всего лучше соблюдалось бы и их собственное благо и обеспечивалась бы их телесная и душевная польза, а равно охранялась бы дисциплина и утверждалась братская любовь».

Это весьма обширное послание Фотия, из которого мы привели наиболее важные части, имеет большое историческое значение столько же по своему содержанию, конкретно определяющему главные вопросы разногласия между представителями Восточной и Западной Церкви в 861—862 гг., сколько по настроению сторон, выдвигавших одна против другой канонические правила и косвенно указывавших возможность соглашения. Независимо от того этот точно датированный документ, совпадающий с нарождением кирилло-мефодиевского вопроса, с нашествием руси и с так называемой казарской миссией, может служить для историка прекрасным показателем исторической обстановки, в которой выступают на очередь указанные явления, наложившие особенный отпечаток на всю последующую историю Европы.

Хорошо известны последовавшие затем события лишь в той части, которая касается папы Николая: он далеко не одобрил действия своих легатов в Константинополе, холодно отнесся к представлениям патриарха Фотия и в ответных грамотах твердо настаивал на низложении его

и восстановлении в правах содержавшегося в заключении Игнатия. Можно, кроме того, заметить, что Римский епископ в начале борьбы имел твердую надежду подчинить своему авторитету Константинопольского епископа, ссылаясь на привилегии Римской Церкви и примат апостола Петра, между тем как Фотий, расточая много ласковых слов и выражая на словах желание угодить папе, на самом деле не сделал даже намека на признание за Римом тех церковных привилегий, на которых настаивал папа Николай. В начале 862 г. последний отправил епископам Восточной Церкви свою известную энциклику, которою он объявлял, что не утверждает деяний Константинопольского Собора и продолжает считать Игнатия настоящим патриархом, а Фотия незаконным. В следующем году (апрель 863 г.) в Риме составился Собор против Фотия, объявивший его низверженным и лишенным священного сана. Кроме того, Собор анафематствовал как Фотия, так и его приверженцев и получивших от него посвящение [5].

Можно пожалеть, что не сохранилось столь же документально засвидетельствованных известий о том, как реагировал Фотий на наступательные действия папы Николая. Нам снова следует сослаться на деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и на подготовлявшийся в это время переход в христианство хана Богориса в Болгарии. Обращение болгар в христианство, подготовленное давними соседскими отношениями языческих болгар с христианской империей, составляет весьма крупный эпизод в истории. Прежде всего это событие придало новый характер страстности и нетерпимости занимающим нас отношениям между Римом и Константинополем.

Богорис получил власть ок. 852 г. Происходил ли он по прямой линии от Омортага или захватил власть революционным путем, об этом трудно судить за недостатком известий. Незадолго до восшествия его на болгарский престол истек срок тридцатилетнего мира между империей и болгарским ханом (в 847 г.), чем воспользовался хан Пресиам для вторжения в Македонию. Болгарское и славянское войско под предводительством кавхана Невула завладело частью Македонии до морского берега и принудило византийское правительство принять решительные меры для защиты своих владений и для восстановления тех границ, какие установлены были при Круме. Между тем среди самих болгар происходил хотя и медленный, но последовательный и систематический процесс, под влиянием которого они постепенно освобождались от условий жизни кочевого азиатского народа и воспринимали обычаи и нравы европейских народов, среди которых им пришлось расположиться. В особенности постоянные сношения с Византией, пребывание в Константинополе представителей знатных родов из болгар и содержание в болгарском плену многих пленников греческого происхождения, между которыми случались и лица из греческого клира, необходимо должны были вызвать культурный переворот в болгарском ханстве. Этот переворот, вследствие которого из тюркского ханства образовалось христианско-славянское княжество, прошел ряд предварительных стадий, важнейшей из которых следует признать ослабление привилегий болгарских знатных родов и привлечение к равноправности и участию в администрации славянских племен. Это было громадной важности культурное завоевание как для болгар, так и для славян, от

которого одинаково выиграли те и другие. Можно смело сказать, что политический и экономический кризис, переживаемый османскими турками, не имел бы нынешнего острого характера, если бы они заблаговременно восприняли культурные условия европейской среды, среди которой им пришлось жить, а не продолжали бы рассматривать себя как военный стан, расположившийся среди чуждого населения. В Болгарии подразумеваемый переворот произведен был Богорисом, вызвав, однако, значительные потрясения. Вследствие обнаруженного им тяготения к Византии и по случаю принятия христианства против него началось сильное движение среди высших классов населения. Представители знатных родов возбудили против князя народ, как против изменника отеческих обычаев, и подстрекали его к бунту. Десять комитатов, по словам летописца, собрались вокруг дворца и готовились убить Богориса. Но он нашел себе поддержку в другой части населения Болгарии, которое доселе не принимало участия в администрации и не пользовалось политическими правами. С помощью славян Богорис потушил движение, казнив главных бунтовщиков в числе 52, и тем нанес непоправимый удар родовой болгарской знати. С тех пор в государственной и частной жизни страны получают преобладание славяне.

Но как происходило обращение к христианству князя, об этом можно судить лишь по намекам и неясным указаниям. Легенда, происходящая из позднейшего времени, приписывает обращение князя монаху Мефодию или влиянию сестры, жившей пленницей в Константинополе и обращенной в христианство. Но легенда пытается объяснить совершившийся факт, о котором не сохранилось воспоминаний. Многоразличные влияния могли побудить хана Богориса искать разрешения трудных вопросов, назревших к его времени. Прежде всего в Болгарии было уже много христиан, в особенности в юго-западной части, в пограничных с империей областях; обмен населения между ханством и империей совершался издавна и вследствие военных захватов, и путем мирных торговых сношений. В постройках языческой эпохи, открытых раскопками в Абобе [6], близ самого дворца была церковь, и в ней найдены христианские погребения. Все ведет поэтому к предположению, что еще прежде формального перехода к христианству князя и его дружины между его приближенными были уже исповедовавшие христианскую веру. Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что Болгария к тому времени и с запада и с юга соседила с культурными христианскими народами, с которыми ей необходимо было войти в общение веры, дабы сохранить право на политическое существование. Существуют указания, что как на Западе, так и на Востоке живо интересовались вопросом о принятии христианства Богорисом, и, без всякого сомнения, и греческое и латинское духовенство всячески старалось прямо или косвенно влиять в этом отношении на князя. Но не так легко определить время, когда обращение Болгарии стало совершившимся фактом. В мае 864 г. папа Николай говорит об этом как о подготовляющемся событии [7]. Но между тем как в Риме только ожидали радостного события и, конечно, имели основания надеяться, что обращение будет делом немецкого или римского духовенства, на самом деле обращение Болгарии в христианство произошло именно в это время (864—865), но при непосредственном участии греческого духовенства, и,

следовательно, патриарха Фотия. Это обстоятельство должно быть нами взвешено в его действительном значении, так как из него объясняются дальнейшие отношения, составляющие предмет настоящей главы.

Ведя горячую борьбу с папой, который слишком круто ставил вопрос о непосредственном возведении Фотия в епископы из светского звания и отказывал в своем согласии признать его в сане, патриарх Фотий имел то преимущество в завязавшейся переписке с папским престолом, что привносил в предмет спора новые обстоятельства, постепенно раздвигая канонический и церковно-административный кругозор, вместе с тем переносил центр тяжести в споре с личной почвы на более широкую, всемирно-историческую. Первоначальная неудача в сношениях с папой Николаем, вследствие которой положение Фотия на кафедре становилось весьма непрочным, так как Игнатий продолжал многими считаться настоящим и единственным главой Церкви, заставляла весьма призадуматься насчет дальнейшего хода дела. Конечно, Фотий имел большую партию преданных ему учеников и принявших от него посвящение епископов, он пользовался поддержкой всесильного кесаря Варды, но он видел также, что подобный порядок вещей мог держаться лишь вследствие безразличия по церковным вопросам со стороны царя Михаила, для которого достаточно было шута Феофила Грилла и который предоставил Варде носиться с Фотием, а народу с Игнатием, по выражению современного писателя. Когда в Константинополе были получены известия о деяниях римского Собора 863 г., на котором было произнесено осуждение на Фотия и его приверженцев, там были весьма недовольны принятым папой положением в этом деле и старались выразить протест против притязаний его. Именно в это время организуется моравская миссия и начинается просветительная деятельность Кирилла и Мефодия. К сожалению, о настроении патриарха и светского правительства мы можем судить лишь посредственно, чрез отражение написанных тогда, но затем бесследно утраченных грамот царя и патриарха в канцелярии Римского епископа. Сохранилось письмо папы от 865 г., которым он отвечает на послание царя Михаила III по делу Фотия и которое весьма хорошо знакомит нас с настроением партий и с положением изучаемого вопроса. Прежде всего папа замечает, что врученное ему письмо наполнено хулой и оскорблениями * и что оно в высшей степени оскорбительно для наместника апостола Петра, ибо во всей истории сношений Рима с империей нельзя указать примера такой непочтительности.

> «Вы до такой степени раздражены,— продолжает папа,— что негодуете даже против латинского языка, который называете варварским и скифским, желая этим уязвить того, кто им пользуется. Какая несдержанность, не пощадившая даже языка, который создал Господь и который вместе с еврейским и греческим применен между всеми прочими в надписи на кресте Христа. Если вы позволяете себе называть латинский варварским языком, потому что не понимаете его, то подумайте, какая нелепость — претендовать на титул римского императора и не знать римского языка. Варварским

* «Tota blasphemiis, tota erat injuriis plena» (M a n s i XV. Col. 187).

латинский язык становится, может быть, в неудачных переводах его на греческий, но это нужно ставить в вину не языку, а переводчикам, которые при переводе следят не за смыслом, а насильственно переделывают слово за словом*. Усвояя себе в начале письма титул римского императора, вы не стыдитесь называть римский язык варварским».

Тон письма от начала до конца отличается теми же качествами высокомерного пренебрежения к корреспонденту и, конечно, не мог не вызвать в Коистантинополе вспышки горячего гнева и желания найти случай нанести чувствительный удар противнику. Так как нам весьма важно составить себе представление именно о расположениях борющихся лиц, то иаходим полезным привести следующее место из того же документа, тем более что в нем заключаются исторические намеки. Папа пишет, между прочим, следующее:

«Вашей могущественной доблести было бы уместней хвалиться о Господе, славиться добрыми делами и справедливостью, а не запугивать и посылать нам угрозы, тем более что и дорога между нами сопряжена с значительными затруднениями, которые причиняют разные народы, наносящие вам обиды и причиняющие серьезный вред: вам лучше было бы мстить за эти обиды, а не вести счеты с нами. Мы не наносим никакого вреда и не причиняем оскорбления вашему величеству. Взвесьте, сколько опустошений производят те другие люди и что вы имеете против нас? Разве мы отняли Крит, обезлюдили Сицилию и овладели бесчисленными греческими провинциями? Наконец, разве мы предали огню святые церкви, перебили множество населения в окрестностях города, почти под самыми его стенами**. И однако, этим народам, которые остаются в язычестве, которые исповедуют другую веру и суть противники Христа и находятся в постоянной вражде со служителями истины, вы не думаете мстить***, и между тем посылаются угрозы и даже наносится вред тем, которые по милости Божией состоят христианами и происходят от христианских родителей кафолической веры, кото-

* «Si jam saepe nominatam linguam ideo barbaram nuncupatis, quoniam a translatoribus in graecam dictionem mutata barbarismos generat, non linguae latinae, sed culpa est, ut opinamur, interpretum, qui quando necesse est non sensum e sensu, sed violenter verbum edere conantur e verbo» (Mansi XV. Col. 191).

** Прекрасное место о мусульманских победах на Средиземном море, нанесших непоправимый вред политическому положению Византии, а равно о походе Аскольда и Дира на Константинополь читается так: «Quid saeviunt homines, quid mali fecimus nos? Certe non Cretam invasimus, non Siciliam exterminavimus, non innumeras Graecis subjectas provincias obtinuimus; postremo non ecclesias sanctorum, interfectis numerosis hominibus, ac suburbana Constantinopoleos, quae et muris ejus pene contigua sunt. incendimus» (Mansi XV. Col. 209).

*** Весьма отчетливое различение между язычниками, русью, и магометанами: «de istis nulla fit ultio, qui pagani sunt, qui alterius fidei sunt, qui inimici Christi sunt, qui veritatis ministris jugiter adversantur».

рые исповедуют догматы одинаковой веры и желают оставаться чтителями истины. Это не похвальный порядок вещей, что остаются безнаказанными те, кто причиняет большой вред, и принимаются всяческие средства против совершенно невинных, что хулителям Христа предоставляется полная свобода, а исповедники Христа подвергаются угрозам».

Можно вообразить, как много обиды должны были причинить подобные упреки императору и патриарху, которые считали себя единственными стражами Церкви и блюстителями неприкосновенности ее. Злобные намеки на беспомощное положение империи перед мусульманами на море и на недавний набег Аскольда и Дира со стороны Черного моря, равно как насмешка над не оправдываемыми действительностью притязаниями императора на главенство в христианском мире, все это не может и в наших глазах считаться благородным политическим приемом и не совсем отвечало той действительности, которая раскрывалась перед взорами константинопольского руководителя церковной политикой. Разумеем уже вполне выяснившиеся к тому времени успехи христианской миссии в Моравии, в Киевской Руси и, наконец, в Болгарии. В Константинополе могли дать ответ на это письмо с большим достоинством, но папа не дождался письменного ответа: патриарха Фотия как раз в это время (864—865) занимало болгарское дело.

Вопрос о церковном влиянии в Болгарии, которая была вне границ империи, разрешался с точки зрения канонических правил *, равно как с административной точки зрения о пределах церковных провинций, в пользу Византии. После того как в 730 г. Иллирик отошел к патриархату, нельзя было настаивать на солунском викариате, когда-то зависевшем от Рима, как упорно продолжал еще думать папа. И несомненно, было крупной ошибкой в дипломатии Рима связать вопрос о Фотии — личный и довольно не редкий в церковной практике вопрос — с делом о церковном влиянии в Болгарии. Правда, болгарский вопрос возник довольно неожиданно и сразу обострил отношения между Римом и Константинополем. Перед историком этот вопрос обнаружился уже совершившимся фактом, который имел свои последствия, выразившиеся в появлении нескольких исторических документов первостепенной важности. Между тем как в Риме ожидали ответа и готовили вновь множество грамот по тому же вопросу, в Константинополе разрешили дело об обращении Болгарии весьма поспешно, хотя нельзя сказать, что основательно. К 865 г. относится важный документ, именно послание патриарха к новообращенному князю Богорису, принявшему при крещении имя своего крестного отца, царя Михаила; дата же этого памятника в свою очередь подтверждается современной событиям латинской летописью Гинкмара, который под 866 г. сообщает о просвещении Богориса христианством и о крещении его как о факте, относящемся к предыдущему году [8]. Таким образом, в 864—865 гг. князь Болгарии стоял уже на пути к введению христианства в стране и этим вопросом, очевидно, интересовались как западные, так и юго-восточные соседи его. В частности, о ближайшей исторической обстановке этого события нет современных

* 28 правил Халкид. Собора.

византийских известий, за исключением окружного послания Фотия к иерархам Восточной Церкви, которым мы займемся ниже, и намеков на то, что крещение совершал посланный из столицы епископ. Как сейчас увидим, патриарх Фотий не имел достаточно времени войти в подробности церковной организации Болгарии и определить отношение ее к патриархату, вследствие чего возникли недоразумения, весьма осложнившие это само по себе простое дело. С политической стороны переход Болгарии в христианство сопровождался весьма либеральным актом византийского правительства, которое согласилось решить в пользу Болгарии спорный вопрос о границах, причем поступилось областью Загорье, владение которой расширяло на Черноморском берегу границы Болгарии до Бургаса. Что касается церковных отношений, здесь, по-видимому, сразу же обнаружилась разность воззрений на византийской и болгарской стороне.

Послание Фотия к новообращенному князю должно бы было выяснить точку зрения патриархата на взаимные отношения между империей и Болгарией по церковным вопросам [9], но в действительности оно оказывается весьма отвлеченным и малопригодным для выяснения нашей задачи. Первая часть письма догматического содержания, а вторая нравоучительная, отвечающая на вопрос, в чем заключаются обязанности князя. Если принять в соображение, что князь должен был вести ожесточенную борьбу с языческой партией, которая составила даже заговор на его жизнь, если вообразить себе, сколько затруднений предстояло устранить, чтобы приучить народ к новой вере [10] и предохранить его от религиозных влияний, привходивших с разных сторон, то, коиечно, пастырское поучение Фотия должно оказаться мало соответствующим действительным потребностям Богориса. Весьма любопытно и то, что патриарх не отправил, по-видимому, в Болгарию достаточно духовенства и не закрепил за патриархатом влияния в новокрещеной стране. Тем не менее следует обратить внимание на то, что Фотий обращается к князю как к своему духовному сыну, как к благородному и истинному порождению его духовных болезней и дает понять, что он понес немало труда в деле обращения Болгарии [11].

Между тем уже в это самое время в Болгарии готовился совсем не предвиденный Фотием шаг, именно, если не начинались, то уже подготовлялись сношения с немецким духовенством и с латинской Церковью, имевшие целию приглашение в Болгарию проповедников для церковного устройства этой страны, т. е. именно то, что не вполне было устроено со стороны Византии. Об этом имеются весьма определенные известия, относящиеся к 866 и 867 гг., по которым легко восстановить внешний ход событий и показать их взаимную связь. Именно, у того же латинского писателя, на которого выше мы указывали, помещены известия о посылке из Болгарии посольства к Людовику Немецкому с просьбой прислать епископа и священников [12], а в Фульдской летописи записаны два факта, совершенно выясняющие переход Болгарии иа сторону латинской Церкви:

> «Болгарские послы пришли к королю в Реймс и уведомили, что князь их с немалым числом народа обратился ко Христу, и вместе с тем просили короля не отказать послать к ним способных проповедников христианской веры». Это было

в 866 г., а в следующем году произошло следующее: «Король Людовик, удовлетворяя просьбу болгар, отправил к названному народу для распространения католической веры епископа Ерменриха с пресвитерами и диаконами. Но когда они прибыли туда, то нашли, что посланные Римским первосвященником епископы наполнили уже всю страну, проповедуя и крестя» [13].

Никак нельзя думать, чтобы перемена настроения болгарского князя и обращение его к Западу по делам веры было легкомысленным и малопродуманным шагом или чтобы оно было следствием случайных разногласий с Византией. Богориса-Михаила занимал в это время не внешний только факт — устройство независимого патриархата и устранение на будущее время всякого влияния со стороны империи, так как в сохранившихся источниках нет указаний на попытки к тому ни со стороны патриархата, ни светского правительства,— а целый ряд административных, юридических и бытовых вопросов, разрешения коих он просил у папы. Об этом свидетельствует знаменитый в истории Болгарии памятник «Responsa ad consulta Bulgarorum», с которым ознакомимся ниже.

Несомненно, к тому же 866 г. относится важнейший с церковно-политической точки зрения памятник — окружное послание Фотия к представителям Восточных Церквей [14], в котором Константинопольский патриарх решительно и бесповоротно поставил вопрос о догматических разностях в вероучении Западной и Восточной Церкви, вместе с тем твердо установив воззрение на независимость Восточной Церкви от Западной. Это был смелый вызов, брошенный латинской Церкви, ставший основным документом в истории разделения Церквей и в дальнейшем самостоятельном бытии Восточной Церкви. Мы приводим его в главнейшей части его содержания.

«Как будто злому демону не было еще достаточно и как будто не наступил еще конец ухищрениям и коварствам, какие он искони замышлял против человеческого рода, но и до воплощения Бога Слова многоразличными соблазнами искушал человека, приучая его к странным и преступным деяниям и тем приобретая над ним прочное господство, и после того не переставал бесчисленными соблазнами и приманками обманывать и совращать повинующихся ему. Так появились Симоны и Маркионы, Монтаны и Манесы и многообразная и многоразличная еретическая феомахия. Отсюда же Арий и Македоний, Несторий, Евтихий и Диоскор и прочий нечестивый сонм, против которых были составлены семь святых и Вселенских Соборов. Но когда ереси были истреблены и преданы молчанию и забвению, благочестивым стало возможно питать добрую и глубокую надежду, что не будет более изобретателей новых нечестий и что где бы ни проявил диавол свои козни, его замыслы обратятся на него самого, что едва ли народятся новые защитники и борцы тех учений, которые подверглись соборному отлучению, а виновники ересей и подражатели их испытали катастрофы и страдания. Такими надеждами убаюкивало себя благочестивое размышление, в особенности в царственном городе, в котором милостию Божией совершилось много неожидан-

ного и где многие племена, отвергшись прежней скверны, научились песнословить с нами общего Создателя всяческих и Творца. Из царственного города, как бы с возвышенной и над обширным пространством господствующей местности, изливаются источники православия, и в концы вселенной расходятся чистые ручьи благочестия и как из обильных рек напояют догматами христианские души, которые в течение долгого времени иссохнут от нечестия или ереси, и, обратившись в сухую и бесплодную ниву, после принятия благодатного дождя учения приносят обильный плод. Ибо жители Армении, одержимые иаковатским нечестием и отвергшие православное учение, после того как состоялся тот многочисленный и святой Собор в Халкидоне, при содействии молитв ваших, решились освободиться от своего застарелого заблуждения, так что в настоящее время армянская страна чисто и православно исповедует христианское учение. И болгарский народ, варварский и христоненавистнический, сделался в такой степени кротким и богоискательным, что, отстав от диавольского и языческого служения и отбросив заблуждения эллинского суеверия, неожиданно чудесным образом обратился к христианской вере. Но увы, злая и завистливая и безбожная воля и деяние! Ибо повествование об этом предмете, достойном евангельской истории, становится жалким, радость и наслаждение сменяются печалью и слезами. Еще двух лет не прошло, как означенный народ исповедует православную веру, и вот нечестивые и отвратительные мужи, порождение мрака (ибо это люди западного происхождения), увы! как досказать мне дальнейшее... набросились на новонасажденный в благочестии и только что благоустроенный народ, подобно молнии, и напали, как град или землетрясение, или, лучше сказать, как дикий вепрь на виноград Христов, который ногами и зубами, т. е. стезями гнусной политии и извращенных догматов, как то допускала их наглость, стали опустошать, злодейски умыслив развратить этот народ и отвлечь его от правых и чистых догматов и непорочной христианской веры...»[15]. Следует перечисление беззаконий латинского духовенства: пост в субботу, разрешение сыра и молока в первую неделю поста, безбрачие духовенства, вторичное помазание миром, наконец, происхождение Св. Духа и от Сына. «Таковое безбожие означенные епископы мрака рассеяли вместе с прочими нечестиями среди болгарского народа[16]. Когда дошел до нас слух об этом, мы поражены были страшным ударом в самое сердце, как будто перед нашими очами были собственные наши внутренности, терзаемые и разрываемые пресмыкающимися и зверями. Ибо на чью долю выпали труды, заботы и мучения по возрождению и усовершению их, в той же мере они испытывают невыносимую печаль и страдание, если погибает порождение их. Так поражены мы были скорбью, когда произошло несчастие, как исполнены были радости, видя болгар

освобожденными от прежнего заблуждения. Но, оплакивая их, мы не дадим сна очам нашим, пока не восстановим их от падения и не приведем их снова по мере сил наших в селения Господни. Что же касается этих *новых предтеч церковного отделения*, этих слуг демона, виновных в погибели тысяч душ, этих общих губителей, которые подвергли стольким и таковым терзаниям мой нежный и только что устроенный в благочестии народ, то мы этих обманщиков и феомахов осудили соборным и божественным приговором, не к новому прибегая решению, а применив к ним и сделав общеизвестным определенное для них наказание на основании соборных и апостольских правил[17].

Сообщая вам об этом по древнему церковному обычаю, увещаем вас и умоляем быть нам ревностными сотрудниками в низвержении этих нечестивых и безбожных новшеств и не оставлять переданный отцами порядок, какой завещан вам предшественниками, но со всем тщанием и готовностью избрать и послать своих местоблюстителей, мужей, которые были бы вашими представителями, будучи украшены благочестием, священным саном, словесным даром и жизнию, с тем чтобы эту вновь народившуюся гангрену нечестия изъять из Церкви, а имевших дерзость внести в новонасажденный народ обсеменение злым учением исторгнуть с корнем и предать огню. Когда таким образом будет побеждено нечестие, а благочестие получит перевес, нам улыбается сладостная надежда возвратить к преподанной ему вере вновь оглашенный во Христе и новопросвещенный народ болгарский. Ибо не только этот народ переменил на веру Христову прежнее нечестие, но и тот слишком ставший известным и превосходящий всех жестокостью и кровопролитием, т. е. так называемая русь, которая, поработив окружающие ее народы и вследствие этого чрезмерно возгордившись, подняла руки на ромэйскую державу. Но, однако, ныне и этот народ переменил эллинское и безбожное учение, в котором прежде содержался, на чистое и неповрежденное христианское исповедание и вместе с тем с любовию поставил себя в состояние послушных и благорасположенных, хотя весьма недавно они опустошали наши области и обнаруживали величайшую дерзость. И так возгорелись они ревностью и любовию к вере, что приняли к себе епископа и пастыря и с большим усердием и вниманием исполняют христианские обряды. Когда этот народ по милости Божией отложился от своих прежних верований и принял чистую христианскую веру, то если бы и ваша братская любовь благоволила присоединиться к нам и вместе работать над посечением и сожжением вредных порослей*, я питал бы

* Легко видеть, что патриарх Фотий здесь определенно говорит о вредных порослях Западной Церкви, приводя тексты из Пс. XVIII, 4 и Послания к Римл. 1, 18. Эта мысль достаточно выясняется из последующего.

уверенность в Господе Иисусе Христе, что его стадо увеличится еще более и что исполнится написанное: познают Меня все от мала до велика. Итак, нужно, чтобы ваши местоблюстители, представляющие вашу священную особу, были облечены неограниченною властию, какую вы унаследовали в Духе Святом, дабы они как по указанным выше вопросам, так и по другим к ним близким могли свободно и невозбранно говорить и действовать по авторитету апостольского престола. Вот и из Италии прислано нам соборное письмо, наполненное страшными обвинениями итальянцев против своего собственного епископа. Они *, ставя ему в вину многочисленные преступления, обращаются с просьбой не оставить без внимания того, что они повержены в такое жалкое состояние, что они угнетены такой тяжкой тиранией, под которой нарушаются священные законы и извращаются все церковные основоположения. Об этом и прежде было известно чрез монахов и пресвитеров, прибывших из Италии,— таковы были Василий, Зосима и Митрофан и другие, оплакивавшие эти насилия и со слезами призывавшие к отмщению церковных обид; ныне же, как сказано, присланы грамоты от разных оттуда лиц, полные печальных рассказов и горячих слез, копии с которых по их желанию прилагаем к нашей грамоте, дабы и по отношению к этим делам, когда соберется святой и Вселенский Собор, составлено было определение по воле Божией и по смыслу канонов и дабы возвратить мир в Церкви Христовы. Ибо не только к вашему блаженству мы обращаемся с этим предложением, но и к представителям других архиерейских и апостольских престолов, из которых одни уже прибыли, а другие скоро прибудут [18].

Долгом считаем присовокупить и следующее. Во всех подчиненных каждому из вас епархиях седьмой Вселенский Собор следует сопричислять и ставить рядом с шестью Соборами. Между тем до нас дошел слух, что некоторые Церкви вашего апостольского трона признают только шесть Вселенских Соборов и не причисляют к ним седьмого, хотя со всем рачением и почтением исповедуют его постановления. Седьмой Собор истребил величайшее нечестие и имел представителей от четырех кафедр. Представители этих кафедр вместе с нашим божественным отцом, святейшим и блаженнейшим Тарасием, архиепископом Константинополя, составили великий и Вселенский седьмой Собор, на котором разрушено нечестие иконоборцев или христоборцев. Может быть, что по причине завладения вашими странами варварским народом арабов не оказалось возможным сообщить вам деяний этого Собора. По этой причине во многих

* Конечно, идет речь о протесте архиепископов Трирского, Кельнского и Равеннского против незаконных действий папы Николая, с которым означенные архиереи обратились к патриарху Фотию, внушив ему мысль о привлечении папы к церковному суду (Hergenröther. I. S. 547).

из Восточных Церквей хотя и почитаются постановления этого Собора, но без точного знания того, что они принадлежат VII Собору». Рекомендуется сопричислить седьмой Собор к шести Вселенским.

Подходя к изложению самого острого периода церковной борьбы Константинопольского патриарха с Римским епископом, мы должны заметить, что для историка здесь представляется большая опасность увлечься второстепенными обстоятельствами и мелочами, имеющими, однако, вероисповедный и национальный характер, и за ними упустить из виду всемирно-историческое значение изучаемого периода. Чтобы избежать подобной опасности, мы берем только наиболее крупные факты, освещая их документальными литературными материалами. За личным делом Фотия и Игнатия, за вопросом о преимущественном праве на церковное управление Болгарией, за спором о границах церковных провинций и проч. скрывается весьма сложная и постоянно стоящая на очереди тема, дающая и доныне живое содержание европейской истории, именно тема о разностях в историческом развитии Запада и Востока Европы, о своеобразном характере в эволюции Церкви и государства в их взаимоотношениях. Во второй половине IX в. Восточная Церковь и государство начинают подготовлять реванш против каролингской узурпации, выразившейся в усвоении Каролингами титула римского императора и в политическом и церковном движении германцев на восток, к Дунаю. Это главный факт, одинаково одушевляющий первостепенных исторических деятелей в Константинополе и Риме, и в зависимости от него должны быть расположены события занимающего нас теперь периода.

Когда патриарх Фотий выступил со своим окружным посланием к самостоятельным Церквам Востока, обличая новшества Римской Церкви и приглашая восточных иерархов на Собор-суд деяний Римского епископа, несомненно, он заручился предварительно согласием царя и давал себе полный отчет в замышляемом деле, обозначавшем полный разрыв между Западом и Востоком. Просвещение христианством Болгарии и России и обращенный к нему протест со стороны западных иерархов на самовольные действия папы — все это давало в руки Константинопольского патриарха превосходные средства борьбы против Рима и, с другой стороны, обеспечивало за Восточной Церковью такие территориальные приобретения, о каких нельзя было и мечтать Римской Церкви и Западной империи.

Возвращаемся к изложению событий. Хотя обращение Болгарии последовало в 864—865 гг., но фактически она не получила церковной администрации и едва ли для нее был назначен епископ даже в 866 г., к которому относятся ближайшие факты. Князь Богорис-Михаил, без сомнения, был вовлечен в политическую борьбу, хотя, может быть, и не давал себе полного отчета в том, что из него хотят сделать орудие для достижения политических целей. Но он прекрасно сознавал ближайшие реальные потребности, в которых нуждалась Болгария, и имел около себя достаточно умных и образованных людей, которые могли не только подготовить ему материал для характеристики религиозного и бытового состояния Болгарии, но и точно обозначить способы приведения страны в благоустроенный вид. В августе 866 г. из Болгарии явилось

в Рим торжественное посольство, во главе коего стоял боярин Петр, родственник князя, с подарками, назначенными как лично для папы, так и для святых мест, и с весьма любопытным письменным актом, в котором в 106 пунктах изложены были нужды и потребности страны. Это именно тот замечательный документ, который знакомит с внутренним состоянием Болгарии и по которому мы можем судить о побуждениях, заставивших болгарского князя уже в начале 866 г. обратиться в Рим за разрешением тех затруднений, которые его занимали и которые, по-видимому, не были разрешены сношениями с Константинополем. Хотя сношения Богориса с Римом, вызвавшие ответное посольство папы в ноябре того же года, не имели важных последствий и составляют совершенно вводный эпизод в излагаемых событиях, но, благодаря этим сношениям, наука владеет первостепенным литературным памятником. Папа Николай, отправляя в Болгарию посольство с епископами Павлом Популонским и Формозом Портуанским, снабдил их письмом на имя князя, в котором произведен внимательный и делающий большую честь Римскому престолу разбор болгарских недоразумений и вопросов, изложенных в письме Богориса, до нас не дошедшем. Это упомянутые выше знаменитые «Responsa ad consulta Bulgarorum» [19].

«Ответы на вопросы болгар» заслуживают нашего внимания с разнообразных сторон, и прежде всего они дают яркую картину внутреннего состояния страны, так как из ответов на римском языке можно видеть, чего желало тогда болгарское правительство. Главнейше болгаре нуждались в писаном законе, так как новые условия жизни, вызванные обращением к христианству, произвели полный переворот в мнениях и настроениях и нуждались в подведении их под определенные нормы. И весьма любопытно то обстоятельство, что во многих местах ответов упоминается о гражданском законе, о руководстве для судебной практики и проч. как о книгах, посылаемых к болгарам для устройства их социального и гражданского быта*. Что это были за книги, этим любопытным вопросом занимались пока мало. По мнению Богишича [20], здесь нужно подразумевать как гражданские, так и церковные законы, так как для тех и других употреблены свои термины: canones, sacrae regulae и leges mundanae, legum edicta. Весьма вероятно, что папа отправил со своими легатами какой-нибудь кодекс, в котором уже ранее римские законы были применены к варварским обычаям**. Независимо от того «Ответы» бросают яркий свет на быт, нравы и обычаи, понятия и взаимоотношения болгарского народа. Отметим некоторые из подобных вопросов и ответов.

* Leges mundanae; codices; libros quos vobis ad praesens necessarios esse consideramus, sicut poscitis, animo gratanti concedimus [светские законы, кодексы, книги, которые в настоящее время мы считаем для вас необходимыми, мы, как вы просите, с радостью вам предоставляем]. Об этих законных книгах трактуется в 13, 19, 24, 26, 28, 31, 37, 52, 75, 76 и 84-м вопросах.

** Исследователи склоняются к мысли, что это был «Breviarium Alarici» или «Lex romana Visigothorum», хотя в практическом смысле эти законы не имели в Болгарии приложения, потому что уже через три года, в 870 г., Богорис снова вступил в общение с греками, и с тех пор Болгария усвоила себе византийское церковное и гражданское устройство и право.

«Вы пишете, что один грек, выдав себя за священника, окрестил много народа. Когда был обнаружен обман, вы обрезали ему нос и уши и изгнали его». На этот вопрос папа отвечает: «За жестокий поступок виновный подлежит церковному покаянию; крещение же не теряет силы, если оно совершено во имя Троицы» (14—16). В другом ответе (33) говорится, что на будущее время на военном знамени вместо конского хвоста следует иметь крест. В ответе на 40-й вопрос говорится, что не нужно продолжать прежний обычай убивать тех, кто окажется не готов к войне; 67-м ответом вводится или рекомендуется клятва на Евангелии вместо меча. Весьма любопытны и живо характеризуют время и взаимные отношения те предметы, о которых говорится в 72—73-м ответах.

«Вы спрашиваете, можно ли вам иметь патриарха и где он должен получить посвящение. На первое время вам достаточно епископа, посвященного в Риме. С течением времени, с умножением числа верующих, когда окажется нужда иметь несколько епископов, один из них получит от святого престола привилегию архиепископата и будет поставлять других епископов. По его смерти епископы избирают ему преемника. По дальности расстояния ему нет нужды идти в Рим за посвящением; но до получения паллия он должен ограничиться богослужением, не позволяя себе других епископских действий». Столь же выразительно характеризуют потребности Болгарии и следующие вопросы (92—93). «Вы спрашиваете, какие главные патриаршие кафедры. Это три апостольские престола: Римский, Александрийский и Антиохийский. Епископы Константинополя и Иерусалима также называются патриархами, но не имеют той же важности, как первые, ибо Константинопольская кафедра не апостольского происхождения. Никейский Собор не говорит о Константинопольском патриархате, который обязан своим происхождением более капризам светской власти, чем законным основаниям. Что касается Иерусалимского епископа, хотя он признается в патриаршем сане Никейским Собором, но титулуется не Иерусалимским, а по имени Элия Адриана епископом Элии, ибо истинный Иерусалим на небесах, а настоящий земной до основания разрушен, так что от него не осталось камня на камне, а город Элия построен даже на другом месте». На вопрос, какой патриарх по рангу занимает второе место, папа отвечает, что на основании канонов Никейского Собора второе место после Римского принадлежит Александрийскому патриарху. В этом же смысле любопытен последний (106) ответ.

«В желании получить от нас чистое и совершенное христианство, не имеющее никакого недостатка или порока, вы указываете, что в вашу страну пришли многие христиане из различных мест — греки, армяне и другие и распространяют между вами различные мнения и учения, и вы спрашива-

ете, как поступить: верить ли всем их разнообразным учениям или нет. На ваш вопрос ответ дадим не мы, но св. Петр, который живет на своем престоле и дает ответ спрашивающим о истинной вере. Святая Римская Церковь всегда была без порока, как Церковь происхождения апостольского, коей исповедание веры одобрено самим Христом. Дабы вам сообщить именно эту веру, тайны которой никто не может постигнуть в совершенстве, мы по внушению Божию посылаем вам наше письмо и легатов с различными книгами. И пока вы не укрепитесь в достаточной степени, мы не перестанем внимательно следить за вами, и пока не будете в состоянии принимать твердую пищу, мы не преминем питать вас только молоком, ибо составляете в Господе радость мою и украшение мое. По отношению же к явившимся из разных стран проповедникам, которые сообщают вам разные учения, мы писали уже достаточно. Важно не то, кто проповедует, а то, о чем проповедует. Но по всем этим вопросам милосердие Божие внушит нужное нашим легатам и будущему вашему епископу, которые вас научат, что вам делать. По всем же важным вопросам вы будете спрашивать мнения у апостольского престола».

Независимо от приведенных вопросов, которые весьма отчетливо рисуют реальную потребность тогдашней Болгарии — искать разъяснения важных для нее затруднений у просвещенных соседей, есть в занимающем нас документе неоцененный материал для быта и нравов языческих болгар, их отношения к христианству, для характеристики их тюркского происхождения и суеверий, распространенных между туземным славянским и частию греческим населением. В этом отношении наш памятник еще ожидает специальных исследований. Например (вопрос 17): «Согрешили ли мы, предав смерти главных мятежников, восставших у нас против христианства, вместе с их детьми?»; или (41): «Что делать с теми, которые не перестают приносить жертвы идолам?»; или (40): «У нас обычай, что прежде сражения наш государь посылал мужа испытанной верности и благоразумия осматривать оружие, коней и все нужное для боя и если что у кого окажется не в должном порядке, то его казнить,— как теперь поступать?» Наконец, здесь встречаются вопросы чисто юридического свойства, на которые был возможен один ответ — действовать на основании закона (вопросы 26, 27, 28, 29, 31, 32, 52) — и которые вводят наш памятник в число источников для изучения древнеславянского права [21].

Римское посольство, имевшее во главе двух епископов и получившее от папы полномочие организовать в Болгарии церковное устройство согласно желанию князя Богориса-Михаила, отправилось из Рима в самом конце 866 г. В то же самое время папа Николай I в целях благоприятного разрешения весьма запутавшегося и осложнившегося вопроса о возведении Фотия на престол снаряжал новое посольство в Константинополь, которому поручено было передать семь писем царю и влиятельным лицам в столице империи; все эти письма занимались делом Фотия. Весьма любопытно здесь принять в соображение, что папа в ноябре 866 г. писал и кесарю Варде, очевидно, находясь без точных

сведений о том, что происходило в Константинополе, и не зная еще, что Варда был убит уже в апреле месяце. Точно так же папа не был осведомлен о настроении своего соперника, который тогда занят был подготовлением к Собору и собиранием материала о новшествах латинской Церкви. Оба посольства направлялись одним и тем же путем и вместе прибыли в Болгарию; епископ Формоз остался при князе Богорисе, а епископ Донат Остийский направился к границам империи, где, впрочем, его остановили, дав понять, что император больше не желает продолжать сношения с папой. Проведя несколько дней на границе в ожидании более благоприятных вестей из Константинополя, римское посольство принуждено было принять обратное путешествие Через епископа Доната, стоявшего во главе этого посольства, в Риме могли узнать о том, как недовольны в Константинополе вмешательством папы в болгарские дела и как спор между папой и патриархом принял совершенно новое направление и угрожает полным разрывом Церквей [22]. Весьма может быть, что содержание окружного послания Фотия к восточным патриархам о болгарском деле и об отступлениях латинской Церкви, приведенное выше, тогда же стало известно в Риме. Словом, в 867 г. отношения между Римом и Константинополем достигли крайнего напряжения и выразились в постановлениях Константинопольского Собора, происходившего в течение Великого поста 867 г., на котором в присутствии царя и уполномоченных от восточных патриархов был анафематствован и объявлен низверженным папа Николай I как за его притязания на вмешательство в дела Константинопольской Церкви, так и за допущенные им отступления в обрядах и символе. Об этом Соборе, на котором в первый раз резко поставлен был вопрос об эмансипации Восточной Церкви и с которого в сущности можно начинать историю разделения Церквей, не сохранилось никаких известий со стороны церковных лиц и партий, стоявших на стороне Фотия. Как известно, патриарх Фотий в сентябре того же года лишился кафедры и на его место вступил Игнатий. Следствием этого переворота было полное изменение отношений между Римом и Константинополем, и для получившей господство церковной партии было весьма важно уничтожить и предать полному забвению все то, что сделано было Фотием, и в особенности что относилось к составленному им в 867 г. Собору. Таким образом, в настоящее время об этом Соборе можно судить лишь по известиям врагов Фотия, которыми были уничтожены деяния этого Собора [23]. Ненависть к Фотию окрасила все известия об этом Соборе, так что весьма трудно разобраться в сохранившихся описаниях. Говорят, что вместо уполномоченных восточных патриархов были подставные монахи, подкупленные Фотием; что деяния Собора подписал только 21 епископ, а что Фотий подделал 1000 подписей, что царем Михаилом подпись была сделана в бессознательном состоянии. Все эти и подобные свидетельства служат лишь к характеристике нетерпимости и страстности партий, но не могут претендовать на историческую достоверность. Несомненно, что к обострению отношений много содействовали болгарские дела, которые развиваются частию параллельно с ходом борьбы между папой и патриархом, частию с своей стороны стоят в зависимости от притязательных или миролюбивых настроений папы и патриарха. Для того чтобы дать правильное представление о ближайших событиях,

которые предстоит нам рассказать, следует напомнить содержание окружного послания Фотия к восточным патриархам, здесь он доводит до самого крайнего выражения одушевлявшие его мысли насчет независимости Восточной Церкви от Западной и высказывается с полной свободой по отношению к догматическим и обрядовым разностям, выяснившимся к тому времени между Западной и Восточной Церковью. Деяния Собора 867 г. должны быть рассматриваемы как естественный результат настроения патриарха Фотия, который с успехом миссионерской деятельности греческого духовенства в Восточной Европе мог считать себя у границы своих заветных желаний и чувствовать за собой достаточно сил и влияния, чтобы положить конец домогательствам и чрезмерным притязаниям Римской Церкви. Патриарх Фотий едва ли остановился бы на том, что произошло в 867 г. Но его дни были сочтены, его влиянию угрожал нежданный конец.

Прежде всего ход событий в Византии, и в частности положение Фотия, изменился с насильственной смертью кесаря Варды, его почитателя и могущественного защитника, последовавшей в 866 г. Вакантное место кесаря и непосредственное влияние на внешние и внутренние дела перешло к Василию Македонянину, который скоро овладел властью, получив титул соимператора, и вполне устранил от дел мало привыкшего к серьезным занятиям Михаила III, а наконец, 23 сентября 867 г., после насильственной смерти царя, сделался самостоятельным и единовластным распорядителем империи. Хотя Василий был не только свидетелем того, что происходило на Соборе, но и сам присутствовал на нем и давал свою подпись под соборными деяниями, но его первое важное распоряжение по восшествии на престол состояло в том, чтобы восстановить добрые отношения с Римским престолом, для чего нужно было пожертвовать патриархом Фотием, который был низвержен с кафедры 25 сентября, т. е. через день по восшествии на престол Василия. Этот политический и церковный переворот сопровождался весьма важными и разнообразными последствиями.

В то время как произошли в Константинополе указанные события, вследствие которых должна была измениться внешняя и внутренняя политика империи, в Болгарии латинское духовенство с епископами Павлом и Формозом приступило к выполнению задач, какие были указаны ему папой Николаем. Прежде всего изгнано было греческое духовенство и приступлено к исправлению с точки зрения латинских взглядов, о которых дают понятие как окружное послание Фотия, так и ответы на болгарские вопросы, внушенной греками веры и обрядов. Внешним знаком полного согласия между князем и латинскими епископами было то, что в Болгарии была принята латинская мода стричь волосы, которая служила выражением перехода к латинству. Видя в Формозе вполне угодного ему человека, Богорис послал в Рим просьбу назначить его архиепископом Болгарии, дав ей самостоятельное устройство по церковным делам. В короткий срок тесного сближения Болгарии с Римом Богорис посылал три раза убедительные просьбы к папе назначить для Болгарии самостоятельного архиепископа из римского духовенства, то с поименованием лиц, которых он желал бы видеть на архиепископском престоле в своем княжестве, то предоставляя выбор папе. В последний раз, в 869 г., во главе посольства был боярин

Петр, родственник князя, которому было поручено просить посвящения для Болгарии диакона Марина. Но настойчивые представления князя не находили благоприятного приема в Риме, папа не согласился ни на посвящение Формоза, ни Марина, чем охладил доверие князя и заставил его подумать о других средствах для достижения задуманной цели. Весьма вероятно, что и со стороны греческого духовенства и византийского правительства продолжали питать у болгар надежды на более благоприятное разрешение церковного вопроса в единении с патриархатом. Наконец, и князь Богорис, по-видимому, пришел к заключению, что для Болгарии лучше оставаться в согласии с империей, с которой было гораздо больше общих точек соприкосновения, чем с латинским Западом, и в начале 870 г. он отправил в Константинополь во главе торжественного посольства боярина Петра, который на Соборе из восточных и западных епископов должен был поставить на разрешение вопрос: от кого должна зависеть в церковном отношении Болгария, от Римского епископа или от Константинопольского патриарха? Как увидим ниже, на Соборе вопрос решен в пользу патриархата, чем окончательно решалось и дело о принадлежности Болгарии к Восточной Церкви.

Между тем мы должны обратиться к константинопольским событиям, чтобы хотя несколько объяснить неожиданную перемену в настроениях. С восшествием на патриарший престол Игнатия и устранением от дел Фотия, казалось бы, ход событий должен был направляться к полному торжеству папы. Из Константинополя были в конце того же 867 г. отправлены грамоты к папе. Эти грамоты, адресованные на имя Николая I, были получены уже папой Адрианом — тем самым, которому пришлось разрешать вопрос о проповеднической деятельности в Моравии Кирилла и Мефодия. И царь Василий I, и патриарх Игнатий до такой степени мрачными красками рисовали церковные дела и так преклонялись пред авторитетом Римского престола, что, казалось, Византия готова была совсем отказаться от мысли о равенстве с Римом и о самостоятельном устройстве патриархата. Царь и патриарх призывают папу принять на себя устройство церковных дел в Константинополе и умоляют его прислать своих легатов в Константинополь. Весьма любопытно, что в Риме не так поспешно воспользовались перспективой наложить руку на патриархат. Вообще, по нашему мнению, в первые годы Адриана II Римская Церковь не была на высоте своего положения. В самом деле, то, что происходило в Риме во время приема константинопольского посольства, превосходит всякое вероятие. Папа и приближенные его совершенно забыли приличие и достоинство представляемого ими церковного учреждения и позволили на торжественном приеме в одной из римских церквей ряд издевательств над павшим врагом папы патриархом Фотием. Еще хуже рисуются члены византийского посольства. Митрополит Иоанн принес в собрание протоколы Константинопольского Собора 867 г. и, бросив их, стал топтать их ногами, приговаривая: «Как проклят ты в Константинополе, так будь проклят и в Риме», а спафарий Василий, обнажив меч, стал рубить кодекс соборных деяний со словами: «Тут сидит дьявол, который устами Фотия сказал такие слова, которых сам не мог произнести!» В Риме в 869 г. составился Собор для суждения о действиях Фотия, на этом Соборе папа праздновал свое торжество над Восточной Церковью и мстил за оскорбление, нанесенное Фотием Римской кафедре.

Постановление Собора присуждало к сожжению соборные акты. Когда книга была брошена в огонь, то она горела, по свидетельству очевидца, издавая зловоние, и сгорела весьма быстро, хотя лил сильный дождь. Отлучив и анафематствовав Фотия, Собор сделал, кроме того, ряд постановлений о главенстве папы и его неподсудности никакому земному суду и закончил угрозой отлучения от Церкви всех, кто будет хранить у себя акты осужденного Собора.

Уже в июне 869 г. отправлено было из Рима в Константинополь посольство, во главе которого стояли епископы Донат и Стефан и дьякон Марин. Эти епископы назначались легатами папы для того Собора, о котором ходатайствовали император и патриарх Игнатий и которому предстояло разрешить ряд важных вопросов, поднятых в последние годы борьбы между Римом и Константинополем, и прежде всего вопрос об Игнатии и Фотии.

В конце сентября папские послы достигли Солуни, где были встречены спафарием Евстахием, а в Силиврии им вышел навстречу протоспафарий Сисиний. В субботу 24 сентября они прибыли в Константинополь, где встречены с большой пышностью и препровождены во дворец Магнавры, назначенный для их обитания. Деяния Собора начались 5 октября и окончились 28 февраля 870 г., следовательно, продолжались почти 5 месяцев. Деяния этого Собора, причисляемого западными писателями к вселенским и слывущего под именем VIII Вселенского Собора, сохранились в латинском переводе Анастасия Библиотекаря, так как греческий оригинал их погиб. Для проверки перевода Анастасия может служить извлечение из актов на греческом языке, составленное неизвестным писателем X в. Содержанием соборных деяний мы не будем здесь заниматься, так как они в общем имели узкое значение и преследовали лишь достижение торжества римской идеи. Это видно из формулы, предложенной папскими легатами еще до открытия занятий, которую обязательно должны были принять члены Собора. Формула отправлялась из слов: «Ты еси камень (Петр) и на сем камне созижду Церковь Мою» — и приходила к выводу, что под Церковью здесь разумеется апостольская Римская кафедра, которая непогрешимо соблюдала кафолическую веру; далее означенной формулой требовалось анафематствование ереси иконоборцев, Фотия и составленных им Соборов против Игнатия и против папы Николая. Требовалась личная подпись членов Собора под этой формулой; кто уклонялся от подписи, тот не принимался на Собор. Оттого так скуден был этот якобы вселенский Собор числом членов; на первом заседании было только 18 епископов! На четвертом заседании, 13 октября, обнаружилось, что приверженцев Фотия в константинопольском клире гораздо больше, чем предполагали на Соборе, и что они решились твердо отстаивать раз занятое положение, что осуждение Фотия незаконно и что Собор нарушает канонические правила. Для папских легатов важно было, чтобы Собор после решения дела в Риме не приступал к новому рассмотрению Фотиева дела, между тем как на четвертом заседании патрикием Ваани и митрополитом Митрофаном настойчиво проводилась мысль о приглашении на Собор Фотия и его приверженцев для выслушания их и суда над ними. На пятом заседании, 20 октября, присутствовал сам подсудимый патриарх. На обращенные к нему вопросы, признает ли он определения пап Николая и Адриана, Фотий не давал ответа. «Твое молчание не спасет тебя

от осуждения»,—сказали легаты. «Но также и Иисус молчанием не избегнул осуждения»,— ответил Фотий. На шестом заседании, происходившем 25 октября, присутствовал император, но весь состав членов не превышал числа 37. Фотий и его приверженцы, между которыми отмечаются Захария Халкидонский и Григорий Сиракузский, твердо отстаивали ту мысль, что они неподсудны этому Собору и что Константинопольский патриарх не обязан подчиняться решениям Римской Церкви. Хотя против Фотия было произнесено на Соборе осуждение, но для усиления его нравственного значения члены Собора придумали употребить для подписи не чернила, а евхаристическую кровь. После восьмого заседания, бывшего 5 ноября, происходил перерыв в соборной деятельности до 12 февраля 870 г.

Последнее заседание происходило 20 февраля[24]. Прежде чем члены Собора отправились в обратный путь, напутствуемые угощением и богатыми дарами, случилось обстоятельство, которое должно было значительно омрачить торжество римских легатов и умалить значение сделанных им на этом Соборе уступок. Припомним, как настойчиво домогался князь Богорис назначения архиепископа и как последовательно и также настойчиво отказывали ему в этом в Риме. Наконец, Богорис воспользовался происходившим в Константинополе церковным собранием, на котором, как ему было хорошо известно, присутствовали и уполномоченные из Рима, и представители от Восточных Церквей, и снарядил посольство во главе с боярином Петром с целью предложить Константинопольскому Собору на обсуждение занимавший его вопрос о церковной организации Болгарии. Не может быть сомнения, что этот поворот дела приготовлен был предварительными сношениями с царем Василием. Болгарское посольство прибыло в Константинополь в феврале 870 г., и на последнем соборном заседании оно приглашено было занять почетное место рядом с послами западного императора. Царю Василию весьма важно было, однако, отделить болгарское дело от того вопроса, который составлял главный предмет соборных деяний, притом же в болгарском деле он не мог идти на уступки. Итак, 3 марта царь пригласил к себе во дворец римских легатов, где были уже и представители восточных патриархов, и патриарх Игнатий. После того как все заняли назначенные для них места, предложено было болгарскому посольству предъявить принесенные им грамоты и подарки[25]. Тогда боярин Петр сказал: «Князь болгарский, осведомившись о том, что вы собрались здесь для обсуждения церковных дел, поручил нам приветствовать вас, и в особенности вас, легатов апостольского престола». После этого боярин Петр прямо поставил вопрос: «Желая избежать ошибки, мы спрашиваем вас, представителей всех патриархатов: какой Церкви Болгария должна подчиняться?» Легаты римские отвечали на это: «Без сомнения, Римской Церкви, так как в лоно этой Церкви вступил ваш князь со своим народом. От папы Николая он получил наставление в христианской жизни, епископов и священников. Что вы принадлежите к Римской Церкви, это доказывается и тем, что латинское духовенство и в настоящее время находится у вас». Но когда болгаре просили тем не менее поставить на обсуждение предложенный ими вопрос, легаты сослались на то, что они уже окончили то церковное дело, для которого собрались здесь, и что внесенный болгарами вопрос совершенно новое дело, для суждения о котором они не имеют инструк-

ций. Но оказалось, что этим нельзя было удовлетвориться, что вопросу предстояло получить дальнейшее движение. Со стороны восточных епископов был предложен новый вопрос: «Кому принадлежала эта страна, когда вы завладели ею, были ли тогда в ней греческие или латинские священники?» На это болгаре отвечали, что они заняли страну по праву завоевания у греков и что нашли в ней только греческих священников. Тогда восточные епископы высказались в том смысле, что Болгария должна принадлежать Константинопольскому патриарху. Но папские легаты, ссылаясь на исторические основания, возразили на это, что апостольский престол с древних времен имел под своей властию Епир, Фессалию и Дарданию, т. е. те страны, к коим принадлежит и Болгария. Далее, Болгария обращена в христианство латинским духовенством и зависит от Рима уже в течение трех лет. Восточные епископы, не отрицая приведенных фактов, пожелали обсудить их каждый в отдельности, но папские легаты восстали против такой постановки вопроса, находя, что никто не может судить об этом деле, уже порешенном папой, и что, кроме того, они не имеют инструкций входить в обсуждение этого совершенно нового дела. Положение, занятое партиями, совершенно ясно, и трудно было поколебать греческую и латинскую точку зрения. Греки ссылались на исконные права, так как Болгария всегда находилась во власти греков, отделение же этой страны обусловливалось только язычеством завоевателей, а возвращение под власть патриархата есть естественное следствие принятия христианской веры. Латиняне основывали свои притязания на реальном факте неоспоримого и всеми известного пребывания в новообращенной Болгарии римского епископа и значительного числа латинского клира. Когда стало ясным, что собрание склоняется на ту сторону, которая отстаивала права патриархата, римские легаты вновь указали на принцип главенства и неподсудности римского епископа Собору и обратились к патриарху Игнатию с требованием, чтобы он не позволял себе вмешиваться в дела Болгарии и не осмеливался преступить прямые приказания папы. На основании свидетельства Анастасия Библиотекаря, у которого почерпаются данные для занимающего нас вопроса, трудно составить заключение о том, был ли окончательно подвергнут голосованию вопрос о Болгарии, или же ограничились обменом мнений. Известно, что подлинные акты Собора подверглись уничтожению во время нападения на римских легатов славянских пиратов, которые держали их долго в плену и лишили их всего имущества. По возвращении в Рим в декабре 870 г. они не могли представить папе соборных актов.

Тем не менее для императора и патриарха вопрос о присоединении Болгарии представлялся решенным окончательно. И князь Богорис не искал более разрешения вопроса о том, кому должна подчиняться его страна. Вместе с восточными епископами он считал дело о присоединении Болгарии к патриархату вполне окончательным решением. С тех пор Болгария освободилась от латинского влияния и получила самостоятельное церковное устройство под управлением своего архиепископа.

Изложенное событие сопровождалось непосредственными и весьма важными результатами в дальнейшей истории взаимных отношений Рима и Константинополя и дало новый толчок кирилло-мефодиевскому вопросу.

Глава V

Войны с арабами в Южной Италии и Сицилии[1]

При вступлении Василия I на престол преимущественное внимание сосредоточивали на себе европейские владения. Здесь был главный политический интерес, значение которого определялось занятым арабами в Южной Италии и Сицилии положением и постепенным вовлечением Средней и Северной Италии в круг политики Каролингов. В высшей степени любопытно, что здесь часто совпадали интересы Западной и Восточной империи, ибо для той и другой первостепенное значение представлял мусульманский вопрос, но ни западный, ни восточный император поодиночке не были в состоянии сломить морское могущество мусульман. Для заключения же тесного союза между империями, переговоры о котором, можно сказать, не сходили со сцены, были существенные препятствия в старых притязаниях Восточной империи на исконные владения в Южной Италии, которыми она не могла пожертвовать.

Выше мы останавливались на истории постепенных завоеваний арабов на Средиземном море и видели, как они, подчинив себе большие острова Крит и Сицилию, почти вытеснили на время всех соперников на море и начали делать набеги на прибрежные страны, опустошать их, а частию и основывать поселения в Южной Италии. Теперь уже не из Африки и не из Испании арабы должны были подкрепляться продовольствием и свежими военными силами, они имели достаточные запасы в Сицилии, где успели прочно утвердиться в больших городах и почти совсем стеснить греков. Наступила, однако, пора, когда обе империи, которым одинаково стали угрожать арабы, должны были принять меры обоюдной защиты. Занятая защитой остатков своих владений в Сицилии, Византийская империя должна была ограничиться лишь формальным признанием ее власти над теми вассальными княжествами и городами в Южной и Средней Италии, на которые еще простиралась сфера ее влияния, это были Неаполь, Гаета, Амальфи. Но и в этом отношении серьезного соперника она нашла в преемниках Карла Великого, которые стремились завязать сношения с византийскими вассалами и пытались связать их интересы с франкской империей. Каролингам помогала исконная вражда между самими южноитальянскими княжествами, которая вовлекала их в разнообразные политические комбинации и давала возможность усиливаться в стране то грекам, то арабам, то франкам. Неаполь, давно уже пользовавшийся услугами арабов в борьбе своей с Беневентом, первый обратился к королю Лотарю с просьбой помочь ему в борьбе с соперником (840). Но набеги арабов становятся в это время так постоянны и опустошительны, что Неаполь, Капуя и Салерно просят франкского короля (846) принять меры, в соединении с средне-

итальянскими княжествами, к изгнанию сарацин. С этих пор в судьбе Италии начинает принимать живое участие сын Лотаря Людовик II. Получив императорскую корону по смерти Лотаря (855), Людовик все свои заботы сосредоточил на Италии и первый из западных императоров строго поставил вопрос о прямом подчинении Италии, причем его притязания должны были встретить сильный отпор со стороны полунезависимых лангобардских князей, которые видели для себя опасность в каролингских притязаниях. Между тем как Людовик II тратил силы на утверждение своего влияния в Риме, встречая препятствия к тому в Римском епископе и не имея достаточно средств, чтобы обуздать своеволие мелких князей, успехи арабов принимали все более угрожающее положение.

В последние годы Михаила III арабское вторжение приобретает устойчивый характер, это не были уже набеги и опустошения, а, напротив, военное занятие Апулии и колонизация. Страна между Таранто и Бари вполне перешла во власть арабов. Последний город с 841 г. стал мусульманской столицей, окружен стенами и обратился в укрепленную позицию, снабженную продовольствием и военными средствами, как Палермо в Сицилии. Султан Бари владел обширной окрестной областью с 24 крепостями и стремился получить инвеституру на сделаниые им завоевания от багдадского калифа. Южноитальянские арабы были страшными соседями для местного христианского населения, так как делали опустошительные набеги на Беневент и Салерно. По просьбе аббатов монастырей Монтекассино и св. Викентия Людовик II решился предпринять поход против арабов, но, простояв несколько времени под стенами Бари, он должен был снять осаду и возвратиться назад. Это еще более поощрило арабов к новым предприятиям: в 858 г. они вторглись в Кампанию и опустошили окрестности Неаполя, разбили дуку Сполетто, который хотел загородить им дорогу при обратном их движении в Апулию, прошли мимо Капуи, сделав здесь большой полон, и взяли дорогой окуп с монастыря Монтекассино. При подобных условиях лангобардские князья Салерно и Беневента не только не поддерживают Людовика, но заключают особые соглашения с арабами и доставляют им продовольствие и деньги. Наконец, в 866 г. Людовик II решился снова напасть на разбойничье гнездо в Бари. Но ввиду того что и на этот раз взаимные раздоры между лангобардскими княжествами ставили Людовика в крайнее затруднение и заставляли его не раз прерывать движение вперед, чтобы обеспечить себе покорность со стороны герцогов Сполетто, Капуи и Беневента, только в следующем 867 г. Людовик мог приблизиться к стране, занятой арабами. После первого неудачного столкновения с арабами франкское войско захватило несколько важных укреплений, господствовавших над апулийской долиной, как Матера, Веноза, Каносса и Ория, и тем поставило себя в весьма выгодные условия для движения на Бари. Но неожиданно Людовик опять возвратился в Беневент, чтобы собрать новые силы, так как, по свидетельству хроники Регино, франкский отряд весьма страдал от климата, дизентерии и насекомых. В это же время, чувствуя недостаточность имеющихся в его распоряжении средств для войны с арабами, западный император задумал возобновить

переговоры с византийским царем насчет союза и совместных действий в Южной Италии. Это было чрезвычайно важным моментом в истории южноитальянских отношений. Двум империям предстояло померяться силами на той территории, которая издавна была хорошо изучена греками и которая была занята в значительной мере греческими выходцами. Византийские владения в Южной Италии, доведенные до крайней слабости и территориально ограниченные завоеваниями арабов, действительно нуждались в это время в особенных мерах защиты. Интересы Западной и Восточной империи здесь соприкасались весьма близко.

Достаточно сказать, что со времени Василия Македонянина из больших городов в Сицилии христиане владели только Сиракузами, а в Южной Италии сфера влияния Византии так была ограничена и значение ее так ослабело, что нельзя было и думать о близком восстановлении ее влияния: во власти империи оставался только Отранто. И тем не менее начиная с 867 г. замечается здесь бесспорное усиление Восточной империи.

Прежде чем, однако, входить в оценку мер, принятых в этом отношении царем Василием, считаем полезным остановить внимание на побережье Адриатического моря, которое с первых годов IX в. начинает иметь значение в отношениях между империями. По миру между Карлом Великим и царем Михаилом I в 812 г. далматинское побережье предоставлено было Восточной империи, между тем как Западная империя удержала в сфере своего влияния славянские племена, населявшие нынешние провинции Боснию, Герцеговину и королевство Черногорское. Вместе с этим соглашением Византия признала за преемниками Карла императорский титул[2]. Все дальнейшие отношения по вопросу о далматинском побережье основывались на ахенском договоре 812 г. Движение Каролингов в Паннонию и назначение в удел восточной ветви преемников Карла В. хорутанской области также более или менее имели основание в этом договоре. Но весьма определенно отмечается тенденция византийских императоров распространить свое влияние на полузависимые славянские племена, жившие по соседству с далматинским побережьем. Однако со времени усиления арабских колоний в Сицилии и Южной Италии, в особенности со времени завоевания Бари, положение дел в Далмации и среди славян побережья Адриатического моря значительно изменяется. Самым выразительным свидетельством утвердившегося там положения служит показание Константина Порфирородного. При Михаиле Травле (820—829) далматинские города сделались независимы и неподвластны ни царю ромэев, ни кому другому. И тамошние племена: хорваты, сербы, захлумцы и тервуняне, каналиты и диоклейцы и паганы, свергнув иго ромэйского царства, сделались самостоятельны и никому не подвластны[3]. Какие установились в это время политические отношения среди славянских племен Далмации, об этом нельзя сказать ничего положительного, но несомненно то, что им трудно было при тогдашних обстоятельствах не иметь опоры в какой-либо внешней силе. В течение 839 и ближайших годов арабы в первый раз простерли свои набеги до Далмации. Затем при Михаиле III арабы высадились в Далмации и заняли в ней ряд городов: Вутова, Роса и Каттаро. В 866 г. они уже решились овладеть Рагузой, или Дубровни-

ком, составлявшим самый укрепленный пункт по далматинскому побережью. Уже в то время Рагуза отличалась теми качествами, которые дали ей большую известность в средние века. Владея небольшой территорией, рагузане обратили все свои силы на обладание морем и развили до громадных размеров морскую торговлю и сношения с заморскими странами. Уже в занимающее нас время Рагуза владела значительным флотом и имела сношения с соседними славянскими странами, поставляя для них восточные товары. При таких условиях Рагуза обладала в 866 г. достаточными средствами защиты, так что арабам не удалось взять города, несмотря на продолжительную осаду. Тем не менее страх перед арабами побудил правительство Рагузы обратиться за помощью к Византийской империи. Царь Василий, только что вступивший на престол после насильственной смерти Михаила III, оценил все значение этого обстоятельства и послал на защиту Рагузы значительный флот в 100 судов. Арабы не дождались прибытия византийской эскадры, во главе коей стоял известный тогда адмирал, или друнгарий флота, Никита Орифа, сняли осаду и ушли от берегов Далмации. Появление в Адриатике византийского флота в конце 867 или в начале 868 г. сопровождалось весьма важными последствиями не только в смысле восстановления пошатнувшегося влияния здесь Восточной империи, но также по отношению к южноитальянским делам. Выше мы видели, что в это время немецкий император Людовик II, предприняв поход на юг против арабов, пришел к мысли о сближении с Восточной империей в целях одновременного нападения на Бари, тогдашнее гнездо арабских мусульманских хищников. Царь Василий, с первых же дней единоличного управления занявший примирительное положение по отношению к Римскому престолу и в этих видах пожертвовавший патриархом Фотием, хотя и не мог не относиться подозрительно к походу Людовика II в соседние с византийскими владениями области Южной Италии, но в интересах столь желательной безопасности от арабов и из угождения папе готов был вступить в переговоры и в соглашение с Людовиком. В начале 870 г., в то время как в Константинополе оканчивались заседания Собора, имевшего целью восстановление добрых отношений между Восточной и Западной Церковью, здесь находились три посла от Людовика, между которыми был Анастасий Библиотекарь, лицо, игравшее большую роль при папе Адриане II и его предшественниках и имевшее отношение к жившим в то время в Риме Кириллу и Мефодию. Это посольство должно было предложить союз против мусульман и вместе с тем заключить брачный договор между сыном Василия Константином и дочерью немецкого императора Ирменгардой. Нужно думать, что политический акт соглашения против мусульман стоит в связи с действиями флота Никиты Орифы, который, обезопасив от арабов далматинское побережье и приняв Рагузу и соседние племена хорватов и сербов в подданство императора, должен был идти в Южную Италию, чтобы оказать содействие отряду Людовика II. Но случилось так, что византийский флот не мог оказать надлежащей поддержки Людовику, и эта первая попытка военного братства между империями чуть не окончилась новым разрывом: византийский адмирал, находя, что сухопутного войска под Бари недостаточно, отступил со своим флотом к берегам Греции, посылая жестокие упреки Людовику. Тем не менее после первой

неудачи западный император не оставил своих намерений относительно Бари, и в начале февраля 871 г. город Бари был взят приступом, причем франкам досталась большая военная добыча и — что в особенности увеличивало победу — попал в плен сам султан Бари. Это составляло, бесспорно, важную услугу для христианского дела и наносило громадный удар мусульманам. Насчет того, какое участие принимал византийский флот в этом деле, слишком трудно высказаться по причине противоречивых известий; но если фактически греческий флот и не оказал большой помощи франкам, то уже самое его присутствие в водах Адриатического и Ионийского морей обеспечивало успех сухопутных действий против Бари, препятствуя сицилийским арабам подать помощь своим южноитальянским собратьям. Не входя здесь в обсуждение спорного вопроса о достоверности сохранившегося лишь в латинской хронике письма Людовика II к царю Василию[4], мы должны отметить лишь тот факт, что влияние Византии в Адриатическом море засвидетельствовано за это время и другими явлениями. Известен скандальный факт, что папские легаты при возвращении с Собора 870 г. захвачены были у берегов Далмации, между Драчем и Анконой, морскими корсарами, имевшими пребывание у устьев Наренты: адмирал Никита Орифа воспользовался этим, чтобы наложить руку на независимые славянские племена, обитавшие в Далмации, и принудил их к подчинению.

Весьма вероятно, что в византийском флоте, который действовал потом в Южной Италии и принимал участие в осаде Бари, был значительный контингент из далматинских славян, как о том определенно говорится в византийской летописи[5]. Эти данные весьма ярко характеризуют состояние морских сил при вступлении Василия на престол и представляют доказательство той мысли, что в руках нового государя обычные средства государственной защиты получили новое применение. Адмирал Никита Орифа, который упоминается на первой странице русской летописи как начальник морских сил в 860 г., во время нападения на Константинополь Аскольда и Дира, остается во главе флота и в первые годы царствования Василия и высоко поднимает военное значение Византии победами в Далмации, военными успехами на Крите и в Пелопоннисе.

Хотя участие славян далматинского побережья в тех событиях, которые нас теперь занимают, весьма незначительно, хотя славяне являются здесь под общим наименованием, как элемент в политическом и государственном отношении мало определившийся, но мы не можем не остановиться на рассказанных событиях, чтобы несколько выяснить вопрос о положении и состоянии славян, захваченных тогдашним движением Восточной и Западной империи к общему действию против мусульман. Расселение славян по западной части Балканского полуострова и завладение ими побережья Адриатики было, несомненно, одним из важнейших эпизодов ранней их истории. Заняв здесь культурные области, населенные римскими колонистами и уже значительно романизованные, славяне не могли не подчиниться воздействию римской образованности и ранее своих восточных соседей, живших за горами, пришли к образованию государственности. Давно уже замечено, что в приморских странах образовались политические союзы тогда, когда в Загорье славяне продолжали жить в племенном быту. Как происходил обмен

культурных начал среди поморских и загорских славян, об этом мы лишены сведений для раннего периода славянской истории, что же касается эпохи Неманичей, то воздействие культуры Адриатического побережья на Сербское княжество замечается в различных направлениях, в особенности на строительном искусстве, церковной живописи и т. п.

Береговая полоса Адриатического моря от Истрии до реки Дрин, составлявшая римскую провинцию Иллирию, разделялась на две части: Либурнию на севере и Далмацию на юге. Вся страна была значительно населена и имела много богатых городов, таковы: Фиуме, Сениа, Нона, Цара, Скардона, Себенико, Салона, Сплет, Рагуза, Будва, Дульциньо. Внутренняя часть Далмации по направлению к востоку прорезана горами, составляющими отроги Альп, за которыми было Загорье, или Раса, колыбель дома сербских Неманичей. Вся страна, за исключением приморских городов и островов, была занята славянскими поселениями, относящимися к двум ветвям: хорватов и сербов. Хорваты, или кроаты, с весьма давнего времени делились по местам жительства на посавских хорватов и на далматинских, на востоке границей их распространения считается река Вербас. Они подверглись довольно сильному влиянию романизации и со времени распространения империи Каролингов подчинились фраикскому господству. Первая попытка к объединению отдельных колен и к созданию политической организации отмечается у хорватов в начале IX в. Что касается сербской ветви, жившей южнее хорватов, она разделялась на мелкие группы, которые долго были известны под своими коленными именами, упорно держались в языческой вере и лишь во второй половине IX в. обращены были в христианство посланными из Византии проповедниками. Это известные колена: сербы, босняки, неретване, захлумцы, травуняне и дукляне, управляющиеся своими коленными князьями, или банами-жупанами, и лишь под воздействием Византии между ними обнаруживаются начатки политической организации. Следить в подробностях за этой первичной стадией развития славян далматинского побережья мы лишены возможности за недостатком источников. По всей вероятности, здесь происходил тот же процесс, какой мы отмечали ранее у славян, находившихся в пределах империи, во Фракии и Македонии.

Хорваты, заняв более культурные места и подвергаясь постоянному и глубокому влиянию со стороны римской культуры, шли впереди в политическом и экономическом отношении. Так, в X в. Хорватия имела уже за собой блестящую эпоху [6], между тем как Сербия только вступила в культурный период своего существования. В начале IX в. хорваты под начальством своего бана Людевита, господствовавшего над савскими племенами, пытались оказать сопротивление франкам в лице маркграфа Кадолая; но Борна, владевший далматинскими коленами, был на стороне франков и пришел к ним на помощь в борьбе их с Людевитом. Что касается дальнейшей истории далматинских славян, она до некоторой степени становится более ясной со времени патриарха Фотия и царя Василия. Весь этот период от начала франкского влияния среди хорватов и до второй половины IX в. южная часть далматинских славян — сербы, жившие на юге до Дрина, босняки между Вербасом и Босной и четыре племени, занимавшие нынешнюю

Герцеговину, Черногорию и часть Албании, т. е. неретване, захлумцы, травуняне и дуклянцы,— продолжала оставаться в коленном быту, вдали от культурных влияний, исходивших из римских городов. Ослабление франкского и византийского влияния в Далмации и начало арабских морских набегов на приморские берега побудило славян заняться морским делом и кораблестроением. Но самым важным событием в жизни этих славян было то, что они вошли в кругозор византийской политики и вследствие принятых патриархом Фотием мер примкнули к Восточной Церкви, будучи обращены из язычества в христианство. Это последнее обстоятельство, придающее определенный характер истории далматинских славян в занимающей нас борьбе Восточной и Западной империи, недостаточно выяснено современною событиям летописью *. Но с точки зрения наступательного движения византинизма против империи Карла весьма любопытно отметить, что политическая и церковная миссия Восточной империи и Церкви между славянами далматинского побережья вполне согласуется с подобными же миссионерскими успехами Византии на Руси, в Моравии и Болгарии. У Константина Порфирородного находим указание на то, что происходило в этой стране при царе Василии: «Народных князей эти племена не имеют, но жупанов, т. е. коленных старшин, как это наблюдается и у других славян. Большая часть из них оставалась долго некрещеными. При Василии же, христолюбивом царе, послали апокрисиариев с просьбой крестить тех, которые еще не приняли христианской веры, и принять их в подчинение, как и прежде были они во власти Византии. Этот же блаженный и прославляемый царь послал царского мужа с иереями и крестил тех из этих племен, которые оставались некрещеными. Затем он утвердил в качестве князей над ними тех, кого они пожелали из того рода, к которому они были привержены, так что доныне князья у них происходят из тех же самых родов, а не из других» [7]. Мы, конечно, должны взвесить в этом сообщении те мотивы, которые приписываются славянам и которыми объясняется их переход в христианство и подчинение Византии. Само собой разумеется, едва ли здесь не больше имело значения пребывание у берегов Далмации флота под предводительством Никиты Орифы, чем добровольное приглашение. Но общий результат византийской политики не подлежит сомнению: на побережье Адриатики часть славян присоединилась к Восточной Церкви и вошла таким образом в сферу политической и церковной борьбы, которая стоит в тесной связи с кирилло-мефодиевским вопросом.

Весьма вероятно, что влияние византийской политики сказалось и в том, что участвовавшие на Константинопольском Соборе 869—870 гг. римские легаты были захвачены в плен корсарами у берегов Далмации [8], и в дальнейших событиях после взятия Бари императором Людовиком II в феврале 871 г. После этого счастливого дела немецкий император начал делать приготовления к осаде другого города, занятого арабами, именно Тарента. Можно думать, что это уже не вполне отвечало желаниям и намерениям царя Василия, так как слишком близко затрагивало интересы его в Южной Италии. Для него, конечно, было

* Известия Константина Порфирородного трудно согласуемы с данными, заключающимися в письме Людовика II (Chron. Salern.).

желательно ослабить мусульман и очистить от них Италию, но, чтобы освободившееся от арабов место досталось Людовику или кому другому, действующему в пользу западного императора, на это царь Василий не мог дать своего согласия. В высшей степени трудно разобраться в заправляющих событиями интригах, но нельзя оспаривать, что у восточного императора были свои приверженцы по всей Южной Италии до самого Рима и что лангобардские герцоги могли скорей тянуть сторону Византии, чем западного императора. Против Людовика II составился в Южной Италии заговор, во главе которого стоял беневентский герцог Адальгиз. В августе 871 г. Людовик был захвачен в плен и целый месяц содержался в заключении. Его выпустили на свободу после того, как он дал присягу, что не будет мстить виновникам бесславного пленения и не вступит более на землю беневентского герцогства. Таков роковой исход походов западного императора для освобождения Италии от сарацин. После взятия Бари Людовик оставался еще некоторое время на театре военных действий, ведя борьбу с новыми арабскими отрядами, прибывшими из Сицилии и Африки и опустошавшими Салерно и Беневент, но уже дальнейших предприятий не было, и он скоро оставил навсегда Южную Италию*. Между тем для византийского императора с удалением Людовика развязывались руки, ему возможно было теперь восстановить пошатнувшийся авторитет и поддержать своих друзей и приверженцев, не стесняясь присутствием западного императора, которого политические планы, хотя и направленные к ослаблению мусульман в Южной Италии и Сицилии, не могли войти в согласование с намерениями и интересами византийского царя.

Прежде чем будем продолжать изложение планов и предприятий Василия Македонянина по отношению к Южной Италии и Сицилии, находим уместным подробно ознакомиться с знаменитым письмом Людовика к Василию, написанным как раз после взятия Бари в ответ на не дошедшее до нас послание царя. Это письмо сохранилось только в одном сборнике, именно в так называемой Салернской хронике, и многими исследователями, начиная с Амари, его подлинность подвергалась сомнению. Не вступая здесь в обсуждение оснований, которые приводятся против достоверности этого замечательного документа, мы с полным убеждением становимся на сторону защитников письма Людовика II и утверждаем, что подобных памятников, так хорошо рисующих события и настроение сторон, редко можно встретить в истории Византии. Главное достоинство письма заключается в его реальности и в наглядном изображении положения, в каком оказались две тогдашние величайшие политические силы, столкнувшиеся на южноитальянской территории. Никогда еще так резко не выступали одна против другой две империи, нигде не подвергался такой беспощадной критике больной вопрос того времени о праве западного императора на императорский титул и о притязании восточного царя на исключительную в этом смысле привилегию. Больше половины письма посвящено объяснению спора о титуле. Но вопрос о титуле — это археологический и частию дипломатический вопрос того времени, им было затронуто самолюбие сторон; гораздо важней и жизненней был вопрос о владениях в Южной

* Умер в Брешии в августе 875 г.

Италии и Сицилии. Здесь были затронуты народные интересы, здесь шла речь об угрожающем могуществе мусульман, которые становились опасны для той и другой империи и попустительство которым являлось непростительным преступлением по отношению к страдавшему населению побережья Средиземного моря. В этом отношении никакая передача содержания письма не может ознакомить с его духом и настроением и не в состоянии будет ввести в положение дел в 870—871 гг. Так как отношения между империями составляют существенное содержание изучаемого периода, то, конечно, в этом отношении нельзя пренебрегать никакими намеками на утраченные документы.

«...Божественная империя наша с того дня, как начала в своем сердце питать чувство любви к вам, как к брату, многократно доказывала это тем, что одинаково относилась к делам, безразлично, шла ли речь о нашей или вашей пользе. Хотя вы хвастливо выставляете вашу благосклонность относительно моих миссов, но разве мы иначе поступали с вашим послом патрикием Иоанном, которого мы приняли и обласкали не только как друга, но как родственника и как бы отпрыска вашей благородной крови; ни позднее время, ни посетители не делали его лишним у нас. Удивительно, что вы пользуетесь множеством темных слов и оборотов в той части письма, где говорите об императорском имени: находимся вынужденными и мы нечто ответить на ваши слова, дабы мало разумные не подумали, что мы умалчиваем не из-за того, что хотели бы избежать спора, а потому, что якобы убеждены вашими словами. Ваша любовь позволяет себе такое заявление, что мы преступили установленные от века пределы и смешали формы прежних императоров и что вы не можете вступать в объяснения, не придерживаясь канонических и отеческих постановлений; к сожалению, вы не говорите ясно, какие это пределы и в каком направлении поставлены эти вечные пределы или что такое те вечные формы и отеческие постановления. Как будто нужно положиться во всем этом на авторитет императорского имени. Много мы читали и продолжаем читать, но до сих пор не нашли определенных терминов или форм или установленных правил относительно того, что никто не должен называться царем кроме того, кто держит бразды правления в городе Константинополе, между тем как многие источники показывают, что было множество царей и к ним причислялись не только избранные, как Мельхиседек и Давид, но и ложные, каковы владетели ассириян, египтян, моавитян и др. Если это так, то напрасно мудрость твоя настаивает на капризном мнении, что другие, кроме тебя, не имеют права называться императорами (василевс), разве только предать уничтожению кодексы всего мира, в которых значится, что начальствующие у всех народов с самых древних и до новейших времен назывались василевсами. Рассуди же, брат, и размысли, сколько было василевсов в различных местах, в различные времена и у разных народов и сколько

еще и теперь носят такое наименование, и не питай зависти к нам за наш титул, как будто особенным исключительным образом у тебя заимствованный, так как ты разделяешь его не с нами только, но и со многими князьями других народов.

Ты утверждаешь, что четыре патриаршеские престола на святой литургии упоминают одну империю и что таково предание, идущее от святых апостолов, и советуешь нам убедить в этом тех, которые величают нас императорами. Это и не разумно, и в этом нет нужды. Прежде всего мы находим ниже своего достоинства учить других тому, как они должны величать нас, а кроме того, и без всяких наших советов патриархам и прочим жителям поднебесного пространства, за исключением вашей братской любви, одинаково как высоких степеней, так и простого звания, на основании получаемых от них грамот и писем мы знаем, что они обращаются к нам с этим титулом. Укажем в особенности, что даже и дяди наши, славные короли, без всякой зависти обращаются к нам с титулом императора и, как смею думать, признают это достоинство не ради возраста, ибо они старше меня, но во внимание к священному помазанию и возложению руки первосвященника и молитве, каковыми мы по божественной воле возведены были на сию высочайшую степень и в обладание Римской империей, которою владеем по божественной воле. Если патриархи возглашают на литургии одну империю, похвально поступают, ибо едина империя Отца и Сына и Св. Духа и часть этой империи есть Христова Церковь, которою Господь правит не чрез одного тебя и не чрез меня, хотя бы мы были так тесно соединены взаимной любовью, что казались бы единым существом. И не могу я верить, чтобы святейшие патриархи упоминали на литургии только твое имя, забывая других князей, не говорю уже о себе, так как Апостол повелел молиться за всех. Не может не приводить нас в крайнее изумление и то, что ваше высочество приписывает нам стремление к новому и необычному титулу, когда на самом деле таковым не может рассматриваться титул, полученный дедом нашим и от него перешедший к нам не по злоупотреблению, как ты претендуешь, но по воле Божией, по решению Церкви и возложением рук и помазанием от руки первосвященника, как легко ты можешь в этом убедиться по твоим архивным документам. Удивительно также, как можешь ты утверждать, что властитель арабов называется протосимвол, этого в наших кодексах не обретается, да и в ваших книгах арабские властители именуются то архонт, то король, то как иначе, но мы всем книгам предпочитаем Священное Писание, которое у пророка Давида говорит не о протосимволах, но о царях арабских. И каган не называется прелатом аварским или казарским, и болгарский властитель не называется князем (princeps), но царем или государем (dominus). Все они

иначе титулуются, чем ты говоришь: у всех у них ты отнимаешь наименование «василевс», чтобы насильственно привязать этот титул одному себе. И то вызывает смех, что ты говоришь по поводу императорского титула, что он не свойствен ни моим предкам, ни народу. Как же он не мой отечественный титул, когда он принадлежал уже моему деду, и как же он не свойствен нашему народу, когда известно, что римские императоры происходили и из испанцев и исаврийцев и казар: разве ты будешь утверждать, что эти народы превосходят франков религией или доблестями? Далее, возлюбленное братство твое удивляется, почему мы называемся римским, а не франкским императором, но следует прежде всего знать, что, не будучи римским императором, я не мог бы быть и франкским. Это имя и достоинство мы приняли от римлян, у которых впервые появилось это высочайшее достоинство, когда получили по божественному изволению в управление римский народ, и город Рим, и матерь всех Церквей для защищения ее и возвеличения, отсюда перешла на наш род и королевская и императорская власть. Ибо франкские вожди назывались сначала королями, а потом императорами, именно те, которые помазаны были от руки Римского епископа. Так, Карл Великий, наш прадед, удостоившись помазания от первосвященника, первый из народа и колена нашего получил титул императора. Есть и другой способ достижения императорской власти помимо божественного изволения и без участия первосвященника: одни получают это достоинство по простому предложению сената и народа, без собственного на то желания; другие ставятся в императоры воинами, а некоторые так просто, по капризу женщин, иные же другими способами приобретают власть в империи.

Но ты порицаешь и Римского епископа за его деяния, тогда порицай и Самуила, что он, презрев Саула, своего помазанника, помазал на царство Давида. Итак, любезнейший брат, перестань упорствовать, перестань склонять слух внушениям ласкателей. Франки принесли Господу разнообразный и обильный плод не только своим скорым обращением в христианство, но и тем, что обратили некоторых других. Конечно, к вам относится предсказание: отнимется от вас царство и дастся народу, приносящему плод (Мф., XXI, 43). Как Бог мог из камней восставить сыновей Аврааму, так был в состоянии из грубых франков приготовить преемников римскому императору. И как мы чрез веру стали семенем Авраамовым, а иудеи вследствие неверия перестали быть сыновьями Авраама, подобно тому мы через добронравие и православие приняли бразды Римской империи, а греки через злонравие и ложное исповедание перестали быть римскими императорами, изменив не только городу и столице, но даже и римскому народу и совсем забыв даже самый язык и переселившись совсем в другой город, столицу и народ

и усвоив другой язык *. Но ты даешь обещание, что впоследствии, когда Богу угодно будет привести к совершению то, что мы поставили в совете нашем, мы можем получить и этот титул. Что касается нашего совета, я и теперь то же скажу, что прежде: не в моей власти изменять раз данное слово, я стою на нем без перемены. Но относительно титула, как доселе мы и отцы наши по плоти и крови носили его без умаления, так и на будущее время не преминем им пользоваться. Ибо у нас честь получается через отцов, а не чрез сыновей, и слава у нас переходит не от сыновей к отцу, но от отца к детям. Напоследок да будет известно, что тот сам не знает, что говорит, кто придает другому название «Рига»; хотя бы, как апостолы, ты говорил на всех языках, не исключая и ангельского, но не мог бы объяснить, от какого языка происходит это слово или какое достоинство обозначает этот варварский звук. Оно не имеет никакого смысла, и ты можешь толковать слово «Рига» как Rex разве как идиотизм собственного языка. Но если это не варварский, а латинский термин, то следовало бы, раз вы начали производить над ним свои операции, сделать с него правильный перевод на свой язык. И если бы сделан был подобный перевод, то что бы получилось, как не βασιλεύς. Это подтвердят все переводчики Ветхого и Нового Завета. Если тебе претит этот термин, когда он употреблен другими, я предлагаю тебе тщательно читать греческие и латинские источники или выскоблить слово βασιλεύς, ибо на латинском rex значит то же самое, что βασιλεύς на греческом.

Мы не можем прийти в себя от дальнейшего, что читается в письме вашего величества. Вы говорите, что в то время, как ваши, т. е. греки, вели осаду и храбро сражались под Бари, что будто бы в это время наши или только смотрели издалека, или проводили время в пиршествах и не оказали никакой помощи, и что поэтому нельзя было взять города. Тем не менее наши, «только смотря издалека или пируя», хотя были в весьма малом количестве, однако сделали на Бари нападение и с помощью Божией взяли город; ваши же, показываясь во множестве, как саранча, и после первого натиска, как кузнечики, растратив всю энергию в приготовлениях к делу, оказались негодны к настоящему бою. Ваше войско подобно саранче: быстро нападает, но немедленно ослабевает и, подобно кузнечику перед ястребом, лишено способности сопротивления, почему оно, не оказав никакого подвига, неожиданно и тайно отступило, обнаружив храбрость по отношению к некоторым

* P. 224: Graeci vero propter cacodoxiam, id est malam opinionem, Romanorum imperatores existere cessaverunt, deserentes scilicet non solum urbem et sedem imperii, sed et gentem romanam et ipsam quoque linguam penitus amittentes, atque ad aliam urbem, sedem, gentem et linguam per omnia transmigrantes.

христианам. Итак, брат, перестань смеяться над франками: они и у порога смерти не пренебрегают едой и удовольствиями и при этом не забывают дела. А что касается того, что их было мало, что, собственно, удивляет вас: то ли что их было мало, или что при всем том они сделали много. Почему их было мало, я уже прежде объяснял вам, но так как ты снова поднимаешь этот вопрос, то вот мой ответ. Мы долго ждали прибытия флота вашего и уже отчаялись видеть его и не думали, что в том году можем приступить к осаде Бари, поэтому мы позволили возвратиться на родину нашим воинам, оставив лишь небольшое число, какое казалось нам достаточным для того, чтобы препятствовать доставке съестных припасов. Вот почему появившийся неожиданно флот нашел на месте мало нашего войска. Однако же эта горсть, и еще значительно уменьшившаяся в числе до взятия Бари вследствие различных болезней, нанесла поражение трем эмирам, опустошавшим Калабрию, и погубила многих сарацин, чем оказала большую помощь вашим приверженцам. Следствием этого было не только ослабление калабрийских арабов, но окончательное разрушение могущества султаната Бари и облегчение средств к его завоеванию. Надеюсь, что ты имеешь известие об этих трофеях от своих. Прошу, однако, вашу братскую любовь не подвергать никакому наказанию патрикия Никиту за нанесенное им мне огорчение. Хотя он был дерзок и груб по отношению к царству моему до такой степени, что возбудил сильное недовольство среди многих преданных мне людей, которое нам удалось потушить лишь из любви и уважения к вам, тем не менее мы не находим достойным воздавать злом за зло. Почему просим, если ему угрожала какая кара, покрыть ее благосклонностью из любви к нам. По отношению к апокрисиариям апостольского престола не может быть, чтобы они были такими, каковыми рисует их ваше письмо. Эти лица избраны и одобрены папой из членов Церкви, известных продолжительной службой и ревностным исполнением своих обязанностей, и отправлены по желанию вашего величества. Посему было бы справедливо, чтобы вы снарядили их назад под такой надежной охраной, чтобы они не могли сделаться жертвой нападения пиратов или других злодеев. Этим ты навлек на себя большое неудовольствие как со стороны духовного отца нашего апостолического папы, так и всей Римской Церкви: так неосторожно и без охраны ты проводил от себя тех, кого так сильно ожидал от апостольского престола.

Патрикий же Никита, когда флот был поручен местоблюстителю Адриану, как будто воспользовавшись этим, взял большую добычу с тех славян и, разрушив несколько городов, отвел в плен взятое в них население, и, однако, не было возвращено то, что потеряли вышеназванные досто-

почтенные апокрисиарии *. Не можем не поставить вас в известность, говоря о разрушенных наших городах, сколько народу из нашей славянской земли без всякой пощады забрано в плен, о чем и говорить нельзя без волнения. Это неблаговидный проступок — напасть на беззащитные дома и грабить имущество тех самых наших славян, которые стояли со своими кораблями под городом Бари в готовности сражаться на общую пользу и не предвидели угрожавшего им с другой стороны бедствия. Относительно этого увещеваем и просим желанную любовь твою: прикажи немедленно загладить эту ошибку и самих пленников возвратить назад, если только не пожелаешь окончательно разорвать соединяющий нас союз любви. Если же ты не поспешишь исправить этого, то не замедлит последовать наше суровое мщение, ибо нельзя оставить безнаказанным то, что так безрассудно сделано было в презрение к нам. Точно так же мы были изумлены, когда прочитали в вашем письме отзыв о наших послах: будто они не умеют порядочно вести себя, ходят с обнаженным мечом, наносят удары не только животным, но и людям. Если это так, весьма мне досадно, и было бы желательно увериться в этом. Однако на обращенные к ним тщательные вопросы они всемерно отрицали те действия, какие им приписываются. И как нет такого свидетеля, который бы подтвердил доподлинно, в чем они обвиняются, то и не остается никаких оснований для того, чтобы подвергнуть их наказанию. И, кроме того, мы не так воспитали их и не к тому приучали, чтобы они поступали так, как вы утверждаете, так что не знаем, чему верить из всего этого. И совсем уже невозможными кажутся слова, что-де не мечами, а зубами разорвали бы они наших, если бы не удерживал их страх перед тобой, так как ничего подобного они не сделали бы, если бы и не находились в твоей власти, и совсем бы не побоялись ничего, если бы и находились в твоем царстве, и уже, конечно, не испугались бы не только такого числа, но и еще стольких же. Напоследок братство твое во Христе пишет нам по поводу Неаполя, что наш отряд вырубил там деревья и предал огню жатву, хотя Неаполь принадлежит твоей власти. Хотя этот город с древних времен был нашим, платя дань предкам наших благочестивых императоров, но мы от граждан Неаполя не требовали ничего, кроме обычных обязанностей и кроме того, что относилось к их собственному благу: именно, чтобы уклонялись от сношений с неверными и перестали преследовать христиан, ибо неаполитанцы снабжают неверных оружием и продовольствием и другими необходимыми предметами,

* Et Nicetas quidem patricius, Hadriano lociservatore cum classibus destinato, accepta quasi pro hujusmodi re occasione, multas praedas ab ipsis Sclavenis abstulit, et quibusdam castris dirruptis, eorum homines captivos abduxit: nec tamen quae praefati venerabiles apocrisiarii perdiderunt, hactenus restituta sunt.

сопровождают их по всей прибрежной полосе нашей империи и вместе с ними столько раз пытались воровски нападать на область блаженного Петра, князя апостолов, так что на самом деле Неаполь кажется Панормом или Африкой. Когда наше войско преследует сарацин, этим последним для спасения следует только перейти в неаполитанскую область; нет нужды бежать до Панорма, стоит лишь попасть в Неаполь, побыть там в безопасности, сколько понадобится, а потом опять неожиданно пуститься на грабеж *. Часто мы старались подействовать на них убеждением, но напоминания их только раздражали, так что они и своего епископа, который обращался к ним с увещаниями избегать сношений с злодеями, изгнали из города и лучших граждан заключили в оковы.

Итак, любезнейший брат, да будет тебе известно, что наше войско, вспомоществуемое доблестию нашего верховного строителя, овладело городом Бари и вместе с тем удивительно ослабило и смутило сарацин Тарента и Калабрии и скоро бы их при помощи Божией уничтожило, если бы только со стороны моря была затруднена для них доставка съестных припасов или прибытие свежих сил из Панорма и Африки. Почему, принимая в соображение то обстоятельство, что на твердой земле почти или никогда не бывает недостатка в нашем войске, любезному братству твоему следовало бы озаботиться тем, чтобы назначить достаточный флот, который бы имел задачей не допускать с моря подвоза съестных припасов и в случае, если бы показались значительные отряды этого гнусного племени, мог бы с удобством противостоять им. Ибо хотя стратиг Георгий искусно ведет дело и ревностно борется по мере возможности, но все же он не в состоянии выступить против неприятеля, если бы где показались многие неприятельские корабли, так как в команде у него не много хеландий. И как некоторые сарацины, выходя из панормского разбойничьего гнезда и в надежде на защиту и помощь упомянутых неаполитанцев, разгуливают по Тирренскому морю, то необходимо немедленно послать флот и перехватать их, ибо они постоянно делятся добычей с калабрийскими сарацинами и ежедневно оказывают помощь Панорму. Поэтому, если будут перехватаны эти разбойнические суда, это сильно по-

* Это единственное в своем роде место необходимо привести в подлиннике: Verum nos ab ejus civibus (т. е. от неаполитанцев) praeter solitas functiones nihil exegimus, nisi salutem ipsorum, videlicet ut desererent contagia perfidorum et plebem desisterent insequi christianorum: nam infidelibus arma, et alimenta et caetera subsidia tribuentes, per totius imperii nostri littora eos ducunt, et cum ipsis toties beati Petri apostolorum principis fines furtim depraedari conantur, ita ut facta videtur Neapolis Panormus vel Africa. Cumque nostri quique Sarracenos insequentur, ipsi ut possint evadere Neapolim fugiuntes. Quibus non est necessarium Panormum repetere, sed Neapolim fugientes ibique quousque perviderint latitantes, rursus improviso ad exterminia redeunt.

вредит арабам Панорма и Калабрии. При помощи Божией подчинив Калабрию, надеемся, к общему удовольствию, возвратить прежнюю свободу и Сицилии, что тем легче будет осуществлено, чем скорей они будут ослаблены уничтожением разбойнических судов. Итак, нельзя медлить и не следует откладывать с посылкой флота, иначе, получив с моря продовольствие или приняв подкрепление с прибывших агарянских судов, они запасутся средствами и усилятся до такой степени, что после трудно будет ослабить их. И напрасно наши отряды стали бы сражаться с ними на суше, если они с моря будут получать продовольствие или подкрепления».

Изложенные в приведенном документе данные, весьма рельефно изображая положение борющихся сторон, прекрасно знакомят, с другой стороны, с местными элементами, принимавшими в этой борьбе участие. Как был слабо выражен в Южной Италии авторитет западного императора, это хорошо доказывает антихристианская и ненациональная политика Неаполя и других городов и составившийся против Людовика II заговор, вследствие которого он захвачен был в плен беневентским герцогом в тот же самый год, как Бари возвращен был под власть христиан. В изучаемый нами период, несмотря на все ошибки византийского правительства и на усиление мусульманского флота на Средиземном море и как бы вопреки позорному по своей реальной правде признанию западного императора, что друзья и приверженцы арабских корсаров обратили римскую Кампанию и Неаполь в пристанище для мусульман, сделав из этой страны второй Панорм и Африку, несмотря на все это, авторитет восточного императора стоял в Южной Италии довольно высоко, и, что всего любопытней, он опирался на действительную силу, которую признает за ним император Людовик, именно на морской флот.

Между тем хотя после удаления Людовика из Южной Италии царь Василий должен был все свое внимание сосредоточить на восточных делах, итальянские дела тем не менее складывались довольно благоприятно для Византии. Та позиция, на которой так настойчиво держался западный император: «моя твердая земля, а ваше море»,— была совсем несовместна с планами византийского царя, и последний имел на своей стороне больше оснований. Беневентскому герцогу, после того как он дал свободу императору Людовику, не оставалось другого выбора, как отдаться под покровительство Византии и перейти вполне на сторону Василия. Вместе с этим должно было произойти радикальное перемещение центра тяжести политического влияния на сторону Византии. В течение ближайших годов, когда арабы предприняли новый набег на далматинское побережье, они нашли здесь себе соперника в адмирале Никите Орифе, который заставил их поспешно отступить на юг к греческим берегам и здесь нанес им полное поражение и уничтожил их флот. Когда затем царь Василий, по окончании похода в Малую Азию, мог снова обратить внимание на Запад, первым его предприятием было утвердиться на острове Кипр[9]. Что касается Южной Италии, здесь интересы империи защищал патрикий Григорий, имевший пребывание в Отранто и носивший звание стратига и баила[10]; на нем лежала обязанность объединить лангобардских князей и привлечь их на сторону

Византии. Вслед за Адельхизом они примкнули к греческой партии и 25 декабря 876 г. сдали Бари стратигу Григорию. Это было громадным успехом царя Василия, обеспечивавшим за ним господство в Южной Италии. Теперь Византия, с одной стороны, имела твердое морское и сухопутное положение в Бари, с другой — опиралась на подчиненные ей города далматинского побережья.

Но занятому Византией положению угрожала серьезная опасность со стороны мусульман, которые по смерти Людовика II надеялись снова начать наступательное движение и не без успеха действовали на друзей и союзников Византии. Так, мусульманам удалось отвлечь Адельхиза от союза с Византией и тем снова нарушить установившееся было равновесие. В сущности от этого более всего страдала Италия, открытая нападениям и грабежам корсаров, как и в недавнее время: снова Неаполь, Гаета и Амальфи перешли на сторону арабов, а Беневент, Салерно и Капуя занимали выжидательное положение относительно империи. Но главным образом опасность грозила в Сицилии. Здесь империи принадлежали еще два главных пункта на восточном берегу острова: Сиракузы и Таормина. Посредством морских стоянок в этих городах они продолжали до известной степени господствовать над Мессинским проливом и Калабрией. В 877 г. арабы решились на крайние меры, чтобы отнять у греков их последний оплот на острове. Африканский эмир Ибрагим ибн-Ахмед соединил свой флот с сицилийскими галерами правителя острова Джафар ибн-Мохаммеда и в августе 877 г. начал осаду Сиракуз с суши и с моря[11]. Это было громадное предприятие, требовавшее значительного военного искусства и разного рода осадных орудий и машин, так как город был хорошо подготовлен к защите и снабжен необходимыми запасами. Сохранилось весьма наглядное описание современника девятимесячной осады и последовавшего затем падения Сиракуз[12]. Имея в виду политическое и военное значение города, равно как оказанную им силу сопротивления, трудно понять причину, почему царь Василий не принял всех мер к защите Сиракуз. Правда, в то время царский флот не находился более под начальством известного Орифы, и новый адмирал Адриан, по-видимому, не обладал качествами своего предшественника, так как слишком много времени дожидался в Южной Греции, в гавани Монемвасии, попутного ветра для движения к Сиракузам. Но следует также упомянуть и о том, что вина за промедление с посылкой флота падает на самого царя, который в это время занимался постройками[13]. Между тем осажденные, не теряя надежды на прибытие помощи, испытывали крайние бедствия от недостатка продовольствия, истощившегося от продолжительной осады. Мера хлеба, по словам Феодосия, покупалась чуть не на вес золота*; за штуку рогатого скота платили больше 1000 р. Птицы совсем не осталось, ни масла, ни сушеных фруктов, ни плодов нельзя было достать ни за какие деньги. Голод заставил питаться травой и шкурами животных; вследствие этого обнаружились повальные болезни.

Наконец, и городские укрепления стали уступать действию подкопов и стенобитных машин. Когда обрушилась наконец часть стены, куда направили арабы все свои усилия, судьба города была уже решена.

* За модий жита платили 150 номисм (ок. 4 р. номисма).

Утром 21 мая 878 г. мусульмане ворвались в город и без всякой пощады предали его огню и разрушению. Большинство жителей перебито, множество забрано в плен. Сам автор сообщенных выше подробностей о взятии Сиракуз находился в храме, когда начался грабеж. Толпа ворвалась в церковь, забрала найденные сокровища и захватила в плен местного епископа вместе с монахом Феодосием. Пленники отправлены в Палермо и оставались там в тесном заключении до 885 г., пока не были выкуплены царским правительством. Город постигла страшная судьба: одних знатных погибло более 4000, несметная добыча досталась в руки арабов. Несколько воинов спаслось от общей гибели и достигло греческих берегов, где разнесло печальную весть о гибели Сиракуз. Стоявший в Монемвасии флот под предводительством Адриана пошел в Константинополь, но начальник флота не посмел представиться на глаза царю, а искал прибежища в храме св. Софии. В X в. патриарх Николай Мистик, говоря об этих печальных событиях, выражается: «Погибли Сиракузы, а за этим городом и вся Сицилия. Почему? По нерадению тогдашнего друнгария флота Адриана» [14].

По наблюдению исследователей занимающего нас времени, осада и взятие Сиракуз арабами имели большие последствия для дальнейшей западной политики царя Василия. Ясно было, что империя в то время не обладала достаточными морскими силами для борьбы с сицилийскими и африканскими арабами и что, кроме того, положение мусульман на восточной границе империи постоянно отвлекало ее внимание в другую сторону. После рассказанных событий царь Василий отказался от проведения твердой наступательной политики в Южной Италии, чем так определенно занята была первая половина его царствования. Но империя имела такие важные интересы в этом направлении и так для нее настоятельна была необходимость обезопасить побережье Средиземного моря от мусульманских наездов и опустошений, что заботы о флоте оставались на первом плане и в дальнейшем царствовании Василия. В Сицилии во власти империи оставались Таормина и Катанея, на которые теперь и направлены были усилия мусульман. Но большей частию происходила малая война, состоявшая в хищнических набегах, сопровождавшихся вырубкой деревьев и уничтожением посевов. В 880 г. византийский флот под начальством Назара одержал победу над арабами у западного берега Греции, после чего часть взятых у неприятеля судов посвящена была в дар Мефонскому храму. Тому же адмиралу обязана была империя некоторыми победами, одержанными в Южной Италии, хотя до того времени, как последовало назначение в Италию Никифора Фоки, военные столкновения в Италии далеко не всегда оканчивались победой императорских стратигов. Никифор Фока взял несколько городов в Калабрии: Амантея, Тропея, Св. Северина, почти совсем изгнав мусульман из занятой ими области и внушив населению Южной Италии доверие к силе и авторитету царя. Папа Стефан V писал Василию: «Просим снарядить хеландии и снабдить их всем необходимым... пришли и воинов, которые бы охраняли наши стены от набегов сарацин» [15].

Глава VI*

Организация архиепископии св. Мефодия. Всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевского вопроса

Путешествие славянских проповедников в Риме и завязавшиеся вместе с этим непосредственные отношения их с Римским епископом сопровождались весьма важными последствиями столько же в личной судьбе их, сколько в истории просвещенных ими христианством народов. / Несмотря на усиленные старания исследователей выяснить побуждения, заставившие свв. братьев идти в Рим, или обеспечить основание приглашения их в Рим со стороны папы Николая I, все же этот вопрос в биографии солунских братьев остается и, вероятно, останется неясным. Если и принять как несомненное то, что сообщается в паннонских житьях и в Итальянской легенде, именно, что им было приглашение или приказание явиться в Рим, то нельзя было бы понять, почему же в Риме желали их видеть «как ангелов Божиих». Многое, конечно, объясняется в приеме, оказанном Константину и Мефодию, тем обстоятельством, что они пришли в Рим с мощами св. Климентия, папы Римского, обретенными ими в Херсоне. Отсюда и торжественная встреча за стенами города, которая, однако, должна быть понимаема как религиозная процессия, отсюда их и ласковый прием виновникам большого церковного торжества. Никак не следует забывать, что и в дальнейшем почет и внимание в Риме славянским просветителям объясняется не столько их великими заслугами в деле миссии между славянами, сколько тем, что благодаря их благочестию и святости Римская Церковь имела счастие возвратить себе мощи св. Климентия [1].

Но Константин и Мефодий имели ожидать в Риме решения вопроса по делу их проповеди в Моравии. Следует показать, что и самое приглашение их в Рим вызвано было именно как самой их проповедью, так и исключительными условиями, с которыми соединена была проповедь: они читали Евангелие и другие священные книги на славянском языке и совершали богослужение на народном языке новообращенных. Несмотря на новшества, допущенные проповедниками, которые в Римской Церкви вообще не считались принятыми, папа Адриан II не поставил никаких затруднений ни по отношению к переводу Священного Писания на славянский язык, ни по вопросу о совершении литургий на народном языке славян: согласие и одобрение выражено в такой торжественной форме, какая должна была заставить замолкнуть всех недоброжелателей к делу славянских пропо-

* В рукописи — VII, соответственно и остальные главы. *(Ред.)*

ведников. И сами они были обласканы, и ученики их получили посвящение в разные церковные степени./* Но возникает некоторое сомнение в искренности римской курии по отношению к славянским проповедникам. Если они прибыли в Рим в конце 867 г. или даже в начале следующего года, то для деловых переговоров о потребностях церковной миссии между славянами не требовалось так много времени, сколько на самом деле должны были провести в Риме свв. братья. Случилось, впрочем, неожиданное и прискорбное событие: в феврале 869 г. умер Константин — тот самый из свв. братьев, которому принадлежит обретение мощей св. Климента, открытие славянской азбуки и перевод Священного Писания. В этом совершенно случайном обстоятельстве создалась новая связь с Римом, получился новый мотив для расширения сферы римского влияния на начатое Константином и Мефодием дело проповеди между славянами. Позволительно при этом напомнить, что как раз в это время слишком резко и настойчиво ставился вопрос о расширении сферы влияния как Западной, так и Восточной Церкви на новообращенную славянскую страну и что рядом с церковными притязаниями с запада шло и политическое движение на дунайские области.

Источники дают понять [2], что вопрос о погребении св. Константина-Кирилла в Риме был оспариваем Мефодием, который желал отправить его тело в Константинополь, но что латинское духовенство настояло на своем желании оставить его в Риме. Нужно также обратить внимание, что папа оказал Константину Философу исключительное внимание, приказав похоронить его в базилике св. Петра и в своей собственной раке. И спустя немного времени по просьбе Мефодия гроб св. Константина был торжественно перенесен в базилику св. Климента и похоронен «у правой стороны алтаря» [3], где почивали и мощи св. Климента. Нельзя не видеть здесь торжественного признания со стороны Римской Церкви высоких заслуг св. Кирилла и желания приобщить его к популярнейшим святыням Римской Церкви. Память о св. Кирилле сохранилась в Риме в связи с базиликой Климента [4]. Может быть, даже современным и во всяком случае самым древним памятником пребывания свв. братьев в Риме должна быть признана знаменитая икона Петра и Павла, хранящаяся в Ватикане, самое древнее упоминание о которой относится к 1192 г. Икона состоит из двух частей: верхняя представляет апостолов Петра и Павла с кирилловскими надписями и в середине Спаса благословляющего, внизу четыре фигуры небольшого формата: папу, благословляющего склоненного пред ним монаха (обе фигуры в акре), и по бокам две монашеские фигуры с воздетыми молитвенно руками. В этих изображениях нельзя не видеть, по мнению большинства исследователей, славянских просветителей: безбородая фигура изображает Константина, а другая, с бородой — Мефодия. Папа Адриан, поднявший руку над головой склоненного пред ним Мефодия, по всей вероятности, представлен в момент посвящения в епископский сан Мефодия, уже по смерти Константина. Второй памятник находится в базилике св. Климента [5]. На нем фресковая живопись представляет целую группу: в центре Спаситель, перед ним

* В косых линейках текст, восстановленный по рукописи. *(Ред.)*

коленопреклоненные свв. братья, по бокам архангелы Михаил и Гавриил, за ними апостол Андрей и папа Климент *.

Чтобы не возвращаться к затронутому здесь вопросу об отношении римской курии к солунским братьям в 868 и ближайших годах, следует особенно выдвинуть слова Анастасия Библиотекаря, который лично знал Кирилла и Мефодия и не меньше самих греков был посвящен в дела Восточной Церкви. В письме к императору Карлу Лысому, помеченном 8 индиктом, т. е. написанном не позже 875 г., Анастасий ссылается на авторитет св. Кирилла по литературному вопросу в следующих выражениях: «Великий муж и учитель апостолической жизни, Константин Философ, который прибыл в Рим при блаженной памяти папе Адриане и возвратил своей кафедре тело св. Климента, часто говорил...»[6] Не может, таким образом, возникать никакого сомнения, что Римская Церковь при папе Адриане руководилась определенным воззрением на миссионерскую деятельность солунских братьев, находя ее полезною в интересах Западной Церкви и считая возможным усвоить ее вполне Римскому престолу.

Почему наступил продолжительный перерыв в деятельности Мефодия, почему долго оставляли его в Риме, не давая ему свободы снова возвратиться к прерванному делу, этого нельзя объяснять желанием тормозить дело христианской миссии между славянами, как это часто высказывается в литературе. Чтобы не относить этого промедления исключительно к неискренности Римской Церкви, достаточно сослаться на происходившие тогда в Моравии политические смуты, которые довели эту страну до крайне бедственного состояния и служили препятствием к продолжению в ней миссионерской деятельности. Укажем на некоторые обстоятельства. Ростислав вообще не жил в мире с франкским государством, и деятельность солунских братьев служила для него средством организовать национальную Церковь без участия немецкого духовенства. Он заручился преданными ему людьми между служилыми мужами немецкого короля и завязал сношения с родственными соседними народами. Вместе с моравянами в 869 г. поднялись чехи, сербы лужицкие и бодричи. Во главе больших ополчений стали Ростислав и племянник его Святополк, союзники моравского князя напали на Баварию и Тюрингию. Немецкий король Людовик заболел и должен был поручить свое войско сыновьям Карломану и Карлу. Успех был, однако, на стороне немцев, которые прошли в глубь Моравии до самой столицы княжества, хорошо защищенного и оберегаемого Велеграда. Немцы отказались от осады и повернули назад, причем им нанесено было славянами несколько поражений в малой войне. Когда было заключено наконец перемирие, начались внутренние смуты в Моравии. Ближайший сосед Ростислава, Карломан, носивший звание герцога Баварии и маркграфа Восточной марки, всех более заинтересованный в ослаблении Моравии, вошел в тайные сношения с племянником Ростислава Святополком и подговорил его свергнуть дядю с престола. Таким образом в 870 г. моравский князь был лишен власти и выдан Карломану, которым он был ослеплен и заключен в монастырь. На

* Фреска позднейшего происхождения, но мастер имел перед глазами икону (Jelič. P. 90).

место его стал Святополк, но союзник его Карломан стремился к тому, чтобы сделать Моравию зависимой областью и лишить Святополка самостоятельности. Следствием этого были новые смуты, которыми воспользовался Карломан, завладел Моравией и разграбил государственную казну и княжеские сокровища в Велеграде[7]. Изложенные обстоятельства вполне объясняют, почему славянским просветителям нельзя было возвратиться в Моравию, которая все это время была жертвой войны и внутренней смуты; притом же и сам Ростислав, при котором начато было дело просвещения Моравии, потерял власть, племянник же его имел совсем иные взгляды на дело Кирилла и Мефодия. С другой стороны, нужно принять в соображение и формальные трудности, которые соединялись с вопросом о продолжении проповеднической деятельности между славянами.

Со времени вступления солунских братьев в сношения с Римом начатое ими дело становилось, вследствие благожелательного к нему отношения Римского престола, предприятием собственно Римской или во всяком случае Западной Церкви. Но для присвоения его Западной Церкви в том особенном, боевом относительно константинопольского патриархата смысле, какой установился на практике к 869—870 гг., необходимо было считаться с тогдашним реальным положением политических влияний на Балканском полуострове и в особенности с церковными притязаниями как специально Римской, так в частности Германской Церкви. Уже и Моравия, хотя она не успела еще в занимающее нас время войти непосредственно в сферу политического влияния Западной империи. в церковном смысле составляла принадлежность немецкого епархиального церковного управления, как это по крайней мере доказывали в IX в. немецкие епископы. Тем более строго ставились церковные притязания в тех областях, где сделаны были уже некоторые реальные завоевания со стороны латинского духовенства и где были начатки церковной организации. Итак, в Моравии пока не было места для деятельности св. Мефодия, да и в другой стране могли встретиться препятствия формального характера.

Наступил очень важный момент, когда папа решился дать св. Мефодию другое назначение и вместе с тем открыть ему широкую перспективу. Только жизнеописателем Кирилла отмечена подробность, что свв. братья на пути в Рим посетили паннонского князя Коцела, имевшего свое пребывание в Мосбурге близ Балатонского озера. Теперь в 870 г. этот самый князь обратился к папе с просьбой прислать ему Мефодия для проповеди и для устройства богослужения на славянском языке. Как бы ни было само по себе малозначительно это обстоятельство в жизни св. Мефодия, но оно выдвинуло его на высокую, можно сказать, мировую роль и придало политический характер всему просветительному делу. Коцел, приняв с честию проповедника, выразил неудовольствие, что папа не дал Мефодию духовного авторитета и не посвятил его в епископский сан, каковой давал бы ему каноническое право самостоятельно управлять всей областью Коцела. Его настойчивое ходатайство было принято во внимание, и в следующем году Мефодий был посвящен в архиепископы Моравии и Паннонии. Это и было громадным политическим и церковным делом, на которое Римская Церковь могла решиться не скоро и не без всестороннего обсуждения

предпринимаемого шага. Как бы ни судить о мотивах, вызвавших Рим на эту уступку, историк не может не признать, что учреждением архиепископии, объединявшей в церковном управлении большинство южных славян единством церковной власти и богослужебного языка, создавалась основа для церковной особности славянского мира и что от этого церковно-административного акта получает исходную силу кирилло-мефодиевский вопрос.

Вот почему ближайшие обстоятельства, стоявшие в связи с назначением Мефодия архиепископом на паннонскую кафедру, составляют предмет непрекращающихся литературных состязаний, с течением времени находящих себе новую пищу не в новых материалах, которых весьма мало, а в горячих симпатиях и антипатиях писателей. И прежде всего подвергаются сомнению и критикуются основные источники. В самом деле, грамота папы Адриана, сохранившаяся только в славянском переводе в жизнеописании Мефодия и надписанная: «Ростиславу, Святополку и Коцелу», составляющая ключ всего вопроса, до самого последнего времени служит специальной темой, в постановке которой расходятся ученые, одни стоя за подлинность грамоты, другие считая ее подложной [8]. В связи с отношением писателя к грамоте Адриана II необходимо стоит в зависимости взгляд его на грамоты Иоанна VIII и вообще на всю постановку вопроса об отношении Римской Церкви к делу солунских братьев. Ближайше ставится вопрос о том, когда папа разрешил св. Мефодию совершение литургии на славянском языке, а разрешение этого вопроса слишком близко касается оценки вообще отношения Рима к просвещению славян. Близко к этому основному вопросу стоит другой: в епископском или в священническом только сане отправлен был Мефодий к Коцелу? Не вступая здесь на путь полемики, мы отправляемся в изложении дальнейших фактов из того положения, что Римская Церковь в первые годы непосредственного соприкосновения с славянскими проповедниками оказывала им особенное внимание и готова была делать значительные уступки против установившихся в практике ее обычаев. К этому частию побуждала ее и неудача в сношениях с Болгарией, так как неуступчивость и настойчивость Римского престола привела Богориса-Михаила к мысли склониться на сторону Константинопольского патриархата, но что всего важнее, это то, что занимающие нас события должны быть изучаемы с точки зрения политической и церковной борьбы двух империй и двух Церквей. Патриарх Фотий в это именно время занимался разработкой вопроса о заслугах Восточной Церкви в деле христианской миссии между славянскими народами; именно тогда была им составлена и послана энциклика Восточным Церквам с обвинениями против Западной Церкви: разве не должна была Римская Церковь считать особенно счастливым и благоприятным обстоятельством, что присвоением себе дела солунских братьев она могла нанести большой удар притязаниям Константинопольского патриархата и положить вместе с тем пределы сфере влияния Византии. С этой точки зрения находящееся в Паннонском житии Мефодия распоряжение папы Адриана имеет свое оправдание и прекрасное объяснение.

По всей вероятности, в самом конце 869 г., если не в начале следующего года, Мефодий был отправлен в Паннонию к князю Коцелу с грамотой на имя Ростислава, Святополка и Коцела, в которой из-

ложена и политическая задача миссии, и исключительные уступки с точки зрения церковной администрации и канонических правил.

> «До нас дошли слухи,— писал папа,— что вы со всем тщанием ищете спасения и что просили учителя не только у нашего престола, но и у царя Михаила. И он послал вам, так как мы не успели этого сделать, философа Константина с братом. Они же, принимая во внимание, что ваша область принадлежит к апостольской кафедре, согласно канонам, явились к нам и принесли мощи св. Климента. И вот мы по размышлении решились послать к вам сына нашего Мефодия, посвятив его в священный сан вместе с его учениками. Это муж совершенного разума и правой веры, он будет проповедовать у вас, как вы желали, на вашем языке и совершать все богослужения, не исключая литургии и крещения, на славянском языке, как это начал по Божией благодати и по молитвам св. Климента Константин Философ».

Давая далее общее разрешение в том же смысле и для будущих проповедников, папа сделал ограничение лишь по отношению к чтению Апостола и Евангелия на литургии в том смысле, чтобы сначала читался латинский текст, а потом славянский перевод. Деятельность св. Мефодия в Паннонии была весьма кратковременна. Можно догадываться, что она встретила препятствия и затруднения со стороны других проповедников и бывших в стране духовных лиц, почему Коцел отправил св. Мефодия в Рим с просьбой дать ему сан епископа и организовать независимое церковное устройство в его стране. Подробностей о ходе этого дела нигде не сохранилось, но нужно допустить, что уже в 870 г. папа посвятил Мефодия в епископский сан и вместе с тем дал ему права и привилегии Паннонской архиепископии. Это есть кульминационный факт в жизни св. Мефодия, и потому выяснение его представляет особенный исторический интерес.

Паннонский архиепископ по прибытии в область Коцела оказался на первых же порах своей деятельности в чрезвычайно странном положении. Несмотря на формальное право, присущее ему вследствие распоряжения Римского престола, и вопреки всем привилегиям, за ним торжественно признанным, он оказался в глазах местной власти, бывшей там до его прибытия и, бесспорно, принимавшей участие в просвещении страны христианством, неизвестным самозванцем, вступившим в чужую епархию и совершающим незаконные действия. Дабы выяснить это обстоятельство, сопровождавшееся тяжелыми последствиями для св. Мефодия, нужно принять в соображение, что область, вошедшая в пределы архиепископии Мефодия, не была совершенно свободной в церковном отношении, что учреждением Паннонской епископии собственно восстановлялось прежнее церковное учреждение и до некоторой степени нарушались те церковные границы и установления, которые стали входить в жизнь со времени распространения на придунайские области власти Каролингов. Но рядом с этим формальным затруднением выдвигалось гораздо более существенное и совершенно новое в практике Западной Церкви: допущение народного языка в богослужении. Значение этих вопросов в деятельности св. Мефодия прекрасно выдвигается в официальном документе, составленном немецким духовенством

не позже 873 г. и назначенном для подачи императору или папе[9]. /С этим документом нужно основательно ознакомиться./

Записка об обращении в христианство баварцев и хорутан, имеющая специальный интерес и для славянской истории вообще, задается целью доказать на основании исторических фактов право немецкой Зальцбургской архиепископии на духовную власть в Паннонии и вместе с тем незаконность назначения епископа Мефодия в эту область. Из этого видно, что главным образом этот документ направлен против распоряжения папы, организовавшего архиепископию без ведома Зальцбургского архиепископа, которому якобы принадлежала Паннония. Время составления записки определяется следующим местом:

> «С той поры, как по воле государя императора Карла жители Восточной Паннонии стали управляться зальцбургскими епископами, до настоящего времени прошло 75 лет».

Полагая, что автор ведет счет с 798 г., когда любимец Карла епископ Арно был назначен в эту страну с епископскими полномочиями, составление записки следует относить к 873 г.

> «Во весь этот период,— продолжает составитель записки,— ни один епископ не имел духовной власти в этой пограничной земле и ни один чужеземный пресвитер не смел более трех месяцев исполнять в ней церковные требы, не представив предварительного увольнения от своего епископа».

Нельзя не признать за этим документом важного исторического значения, ибо в нем собраны сведения из истории Паннонии, каких нельзя теперь найти в других источниках. Любопытно, между прочим, что автор начинает свой рассказ с прибытия к хорутанам Само и его княжения; с конца VIII в. его сведения становятся подробней, и в особенности выдвинуто участие зальцбургского духовенства в просвещении страны христианством. Последним архиепископом упомянут Адальвин, о котором прибавлено, что он непосредственно и лично предполагает управлять славянскими землями*. Ввиду всех этих обстоятельств назначение епископом Мефодия затронуло исконные права немецкого духовенства, которое не могло долее держаться в Паннонии и принуждено было уступить место тому духовенству, которое поставил Мефодий и которое начало отправлять богослужение и учить на славянском языке.

Прежде чем отмеченные сейчас факты доведены были до сведения светских и духовных властей и прежде чем принято было какое-либо решение по возникшему со стороны Зальцбурга протесту, местоблюститель архиепископа Адальвина архипресвитер Рихбальд, находя свое положение совершенно невозможным, удалился в Зальцбург и поставил свое духовное начальство в известность о происходящем в Паннонии. Здесь немедленно приняты были более чем решительные меры непосредственно против Мефодия. Не считаясь с волей Римского епископа, не признавая за Мефодием никакого канонического права на епископские действия и относясь к нему, как к самозванцу, Зальцбургский архиепископ в ноябре 870 г. пригласил его в Регенсбург пред духовный Собор для суда. Что происходило на этом Соборе и по каким основаниям св. Мефодий был признан преступником и присужден к темничному

* Адальвин умер 14 мая 873 г

заключению, в котором содержался два с половиной года, об этом мы ничего не знаем, кроме краткой заметки в житии Мефодия. У него, по-видимому, требовали отчета, на каком основании он проповедует «в нашей» области; ответ его заключался в следующем: «Если бы я знал, что это ваша область, я бы не пошел в нее, но так как это область св. Петра, то мне не в чем оправдываться перед вами».

Период содержания св. Мефодия под стражей «в Швабии» до конца 873 г. составляет и в каноническом, и в дипломатическом отношении наиболее невыясненный вопрос. Почему Римский епископ не оказал надлежащего содействия архиепископу Мефодию, почему те славянские князья, в землю которых назначен он был архиепископом, не заступились за него с той энергией, которая требовалась положением дела? Нельзя, наконец, скрывать и того, что Мефодий и мог и должен был искать поддержки у царя и Константинопольского патриарха. Ввиду полной беззащитности, в которой оказался посвященный папой Адрианом в архиепископы Паннонии и Моравии славянский проповедник, возбуждается множество второстепенных вопросов по отношению к занимающему нас эпизоду, в решении которых нельзя прийти к бесспорным данным. И прежде всего, как относиться к учреждению Паннонской архиепископии? По дальнейшему ходу дела следует думать, что с вопросом о возобновлении Паннонской епископии, с епископской кафедрой в Сремe (Sirmium), соединялась мысль о непосредственном подчинении Паннонии Римскому престолу. По церковному преданию Западной Церкви, апостол Андроник, один из 70, был насадителем христианства в придунайских областях и первым епископом Сремскопаннонским — в IV в. Паннонская епископия распространилась на весь Иллирик. Но в эпоху движения гуннов и авар христианство погасло в этих странах и об епископии было забыто. Ясное дело, что здесь сталкивались интересы Римской Церкви с правами Зальцбурга: интересы Рима поддерживались преданием, права Зальцбурга основывались на исторических конкретных фактах, против которых мог, впрочем, возражать Константинопольский патриархат на основании распоряжения Льва Исавра о церковном Иллирике. Пока продолжалось управление Римской Церковью Адриана II, Мефодию, несмотря на его жалобы и донесения, не было оказано из Рима помощи. По смерти его 12 декабря 872 г. с вступлением на папский престол Иоанна VIII, отношение Рима к Паннонскому архиепископу радикально изменилось.

Судить о причинах, которые бы объясняли такое странное отношение немецкого духовенства и самого Римского престола к судьбе Мефодия, два с половиной года томившегося в заключении, мы лишены всякой возможности. Читая краткое известие об этом в житии Мефодия, что «его сослали и держали в заключении, пока не узнал апостолик и не послал на них клятву, запретив им богослужение, пока его держат», можно бы думать, что подобное слишком безучастное отношение к важнейшему в жизни Мефодия событию не может принадлежать преданному ему ученику, а представляет собой чужую вставку, но самый факт засвидетельствован бесспорными официальными документами папской канцелярии. Преемник Адриана был хорошо ознакомлен с вопросом о Паннонской архиепископии, так как занимал значительную должность при Церкви еще при Адриане II и был весьма заинтересован в том,

чтобы новообращенные славянские земли, Моравию и Паннонию, во что бы то ни стало удержать в непосредственном подчинении Римской кафедры. Таким образом, в первые месяцы 873 г. дело св. Мефодия обратило на себя внимание нового папы и вызвало ряд писем и распоряжений, которыми документально подтверждается и иллюстрируется то, что кратко и сухо изложено в Паннонском житии.

Папа принял ряд весьма энергичных мер, чтобы выяснить дело о Паннонском архиепископе. Прежде всего он объяснил Людовику Немецкому, в области которого находился Зальцбургский архиепископ, всю неосновательность притязаний немецкого духовенства на Паннонию.

> «Многие разнообразные и очевидные указания могли бы заставить твою мудрость убедиться, что Паннонская епархия издревле составляет привилегию апостольской кафедры. Военные смуты помешали некоторое время посылать туда епископов... но права святой Римской Церкви неотчуждаемы, их не изменяет время и не уничтожает никакое деление государств, да и самые римские законы в церковных делах устанавливают давность во 100 лет» [10].

Король не хотел ссориться с папой из-за притязаний баварского духовенства и предоставил ему полную свободу в устроении Паннонии. Таким образом, протест баварского клира, выразившийся в самовольных его действиях, был строго осужден высшим церковным авторитетом. Сделав распоряжение об освобождении Мефодия, папа приказал архиепископу Адальвину восстановить Мефодия в его церковных правах. а светским властям рекомендовал его как достойного заместителя Паннонской кафедры. В высшей степени любопытна отправленная папой булла славянскому князю Мутимиру, в которой ему рекомендуется «по примеру предков возвратиться к подчинению Паннонской кафедре и епископу Мефодию оказать пастырское почтение» [11]. Какое серьезное значение приписывал папа занимающему нас вопросу, видно из инструкции, данной легату, епископу Павлу Анконскому, отправленному для устройства церковных дел в Германии и Паннонии. Содержание этой инструкции знакомит с общим взглядом на дело, который папский легат должен был проводить в своих сношениях с официальными учреждениями и лицами. Между прочим, здесь выставляется положение, что апостольский престол имеет издавна право на посвящения и административные распоряжения по всему Иллирику, что сроки не имеют значения для тех областей, которые подвержены варварским вторжениям. По отношению к архиепископу Паннонии легату даются специальные наставления. Он должен в сношениях с епископами Зальцбургским, Пассавским и Фрейзингенским, которые участвовали в осуждении Мефодия, держаться того положения, что назначен для восстановления на кафедре Мефодия, лишенного свободы в течение трех лет, а не для суда и что на основании декреталий его следует сначала восстановить в епископском сане, а затем привлечь к отчету, дабы через полтора года, облеченный правами, он мог приступить к решению своего дела *.

* Et certe secundum decretalia instituta prius eum reinvestiri convenit ministerio episcopi et postmodum ad rationem adduci; ut scilicet vestitus iuribus per annum et dimidium resumptis, ad diffiniendam causam suam accedat.

«В случае, если бы Адальвин с Германрихом захотели привлечь нашего епископа к суду,— продолжает инструкция,— скажи им: вы, не имея канонических оснований, осудили епископа, назначенного апостольским престолом, посадили его в темницу, подвергали заушениям, лишили права совершать священные службы и три года держали в удалении от кафедры, хотя он в течение этого времени неоднократно обращался к апостольскому престолу письменно и чрез послов. Вы не имели права составлять Собор для суда над епископом, но вы упорно старались этого не признавать и ныне притворяетесь, что ищете судебного следствия помимо апостольского престола, между тем я получил миссию на тот конец, чтобы наложить на вас запрещение совершать священное служение на столько времени, сколько по вашей вине был удален от епископского служения тот достопочтенный муж, а он, с другой стороны, столько времени имеет право пользоваться вверенной ему епископией без всяких хлопот и беспокойства, сколько по вашей вине он находился в удалении. Затем вы можете явиться пред апостольский престол, который рассудит вас. / Когда произойдет спор между архиепископами и не будет соглашения, нет другого суда над ними, как суд патриарха. / Не следует пользоваться никаким предлогом, чтобы тебе или брату Мефодию не посетить Святополка, хотя бы то возбраняли названные епископы и стали делать неприятности».

Приведенные черты наказа легату Павлу Анконскому бросают много света на отношение Римского престола к делу св. Мефодия и еще более заставляют пожалеть, что Паннонское житье в этом столь важном обстоятельстве оказывается таким кратким и несообщительным. Самым значительным фактом следует признать то, что папа, не одобряя самовольных распоряжений баварских епископов и поручив своему легату наложить на них запрещение, оставляет за собой право впоследствии призвать на суд в Рим ту и другую сторону, т. е. баварских епископов и Мефодия. Из отдельных распоряжений, относящихся к первым месяцам того же года, следует упомянуть еще специальное письмо на имя епископа Пассавского [12]. Ему отдается приказ явиться в Рим вместе с епископами Павлом Анконским и Мефодием, дабы дать отчет в преступлениях, соделанных по отношению к Мефодию, причем на него наложено отлучение за то, что он был груб и жесток с Мефодием, подвергая его темничному наказанию и жестоким мучениям от холода и непогоды и удалив его от управления вверенной ему Церковью, а на Соборе епископов наносил ему удары хлыстом. А епископ Фрейзингенский, также подверженный отлучению за незаконные действия против Мефодия, между прочим, обвинен был в том, что своевременно не уведомил папу о несправедливых действиях против епископа Паннонского и даже на допросе в Риме отрицал свое с ним знакомство, хотя был главным виновником всех нанесенных Мефодию огорчений [13].

По всей вероятности, легату папы предстояло дать надлежащее направление делу о Паннонской архиепископии, т. е. дать свободу Мефодию, восстановить его в жестоко нарушенных его правах и дать ему

всяческое удовлетворение. Вся эта сторона дела в Паннонском житье совсем не отмечена; переход св. Мефодия в Моравию по требованию князя Святополка оказывается для автора как будто счастливым выходом из затруднительного положения, в которое его поставило недостаточное знакомство с действительным состоянием дела. Здесь мы стоим перед большой загадкой в биографии св. Мефодия. Папа Иоанн VIII, наказав баварских епископов и дав, по-видимому, полное удовлетворение Паннонскому архиепископу, сделал ли или нет какие-либо ограничения относительно славянского языка в богослужении? Обыкновенно ссылаются на якобы утраченное письмо папы от 873 г., в котором заключалась статья о запрещении славянского языка и на которое есть указание в последующих[14] официальных актах. Но так как с этого времени большинство фактов, касающихся жизни Мефодия и Паннонской архиепископии, подвергается спорам и сомнениям, то и хронология запрещения богослужения на славянском языке испытывает одинаковую судьбу с другими событиями из жизни св. Мефодия.

Из всех указанных актов римской канцелярии выясняются как желание папы направить деятельность солунских братьев в интересах Римского престола и вместе с тем сломить упорство баварского духовенства, так и сожаление о постигшем св. Мефодия несчастии и старание дать ему полное удовлетворение. По-видимому, первоначальным намерением Иоанна VIII было немедленно послать Мефодия к Коцелу в Паннонию, где и началась епископская его деятельность до заключения, дав ему самостоятельное положение как своему легату,—на это находим указание в инструкции епископу Павлу Анконскому, в этом же смысле он высказывается в переписке с Карломаном. Но в следующем году резко изменившиеся политические обстоятельства дали другое направление делу. Именно, к этому времени закончилась смута в Моравии, вызванная изменой Святополка, который выдал немцам своего дядю Ростислава и сам в свою очередь попался в плен Карломану. Следствием этого было временное занятие Моравии немецким войском и передача страны в управление графам Восточной марки Вильгельму и Энгильскальку. Но это вызвало взрыв народного неудовольствия. В лице Славомира появился народный герой, поднявший движение против чужеземцев и заставивший их искать защиты в укрепленных городах. Между тем королевич Карломан пришел к мысли возвратить Святополка в Моравию, поручив ему усмирение бунта и восстановление немецкого потрясенного авторитета. Прикидываясь верным слугой Карломана, Святополк с немецким войском проник до самой столицы Моравии Велеграда и расположился лагерем под его стенами, как будто с намерением начать осаду. На самом же деле он готовил отмщение Карломану и вошел в тайные сношения с моравanами, предлагая им захватить немецкий лагерь. Не подозревая враждебных планов, немцы не были приготовлены к защите и подверглись неожиданному и жестокому избиению. Мало было семейств, говорит современный летописец, в Баварии, Австрии и Хорутании, которым бы не приходилось оплакивать своих близких[15].

Карломан, пораженный неожиданным оборотом дел, должен был примириться с совершившимся фактом, а Святополк, наученный несчастиями и опытом, стал заботиться о восстановлении за Моравией того

положения, какое она начала приобретать при Ростиславе. В ближайшее затем время (872—873) рядом блестящих побед Святополку действительно удалось, с одной стороны, обезопасить Моравию со стороны немецкого короля, с другой — усилить себя союзами с родственными славянскими народами [16]. Следствием осмотрительной политики его было то, что немецкий король Людовик в 874 г. предложил Святополку заключить мир. Это известный в славянской истории договор в Форхгейме, которым прочно была установлена политическая и церковная независимость Моравии. Нет сомнения, что в переговорах в Форхгейме было дано место и делу Паннонского архиепископа: личным влиянием на короля Людовика папа достиг того, чтобы на будущее время Моравия была свободна от вмешательства баварского духовенства и чтобы более не поднималось вопроса о старинных правах. На некоторое время, во всяком случае, враждебное движение против Паннонского архиепископа было потушено.

Чтобы дать себе отчет в условиях дальнейшей миссионерской деятельности Мефодия, нужно прежде всего припомнить, что еще папой Адрианом он был назначен архиепископом Паннонии и Моравии, но что вследствие как военного положения Моравии, так и личных весьма неблагоприятных условий он до 874 г. не мог посетить Моравии. Ряд писем и распоряжений папы Иоанна VIII, рассмотренных выше, предоставляет Мефодию ранее данные ему церковные права в Паннонии и Моравии и обеспечивает за ним церковный авторитет, без сомнения немало поколебленный темничным заключением. Так как главная цель папы заключалась в том, чтобы вновь организованную епархию поставить в непосредственную зависимость от Рима, то естественно было ожидать, что самая политическая судьба Моравии и Паннонии не могла быть чужда ему и что распространение власти Святополка на соседние славянские племена не могло не встречать сочувствия со стороны Римского престола.

В какой степени совпадали задушевные желания Мефодия с той ролью, которая ему, природному греку и приверженцу Константинопольского патриархата, ставшему по смерти брата во главе совершенно нового и громадной важности дела христианской миссии между славянами и национального их возрождения, выпадала под защитой и указаниями Римского престола, интересы которого были прямо противоположны греко-славянским историческим стремлениям,— эта в высокой степени интересная проблема остается до сих пор маловыясненной, да, может быть, и навсегда останется гадательной. Для солунских братьев существенным вопросом в их просветительной между славянами деятельности был славянский язык как орудие проповеди христианства и как язык богослужения. В этом они находили могущественное средство воздействия на простой народ, но в этом же было отличие их миссии от всякой другой, тогда известной. Проникнуть в психологию Кирилла и Мефодия после того, как они на долгие годы прекратили всякие сношения с Константинополем и вошли в непосредственные живые отношения к Риму, оказывается совершенно трудным, и вопрос о том, до какой степени искренни католические писатели, говорящие о латинстве св. Мефодия, никогда не перестанет занимать историка.

В период от 874 г. около четырех лет св. Мефодий находился в княжестве Святополка Моравии, управляя обширной епархией из

стольного города Велеграда. Это период наибольшего напряжения миссионерского и просветительного дела. При содействии приготовленных им учеников и помощников Мефодий распространял проповедь христианства, строил церкви и посвящал священников. Тогда же продолжено было дело перевода священных книг на славянский язык. Рядом с успехами в христианском просвещении Моравия в занимающий нас период далеко раздвинула свои политические пределы, и постепенно этим расширена была область церковного влияния архиепископа Мефодия. Тогда был заключен родственный союз между моравским и чешским княжеским домом, и началось просвещение христианством Чехии, тогда же политическое и церковное влияние Моравии перешагнуло за Карпаты. Сам папа содействовал тому, чтобы церковная власть Мефодия распространилась на часть сербов и хорутан. Таким образом, то положение биографа св. Мефодия, что расширение политических границ Моравии шло рядом с распространением христианства, вполне оправдывается событиями.

Но в дальнейшем весь успех христианской миссии между славянами находился в зависимости от взглядов Святополка на кирилло-мефодиевское дело. Как бы ни смотреть на политические склонности и внутренние обрядовые и национальные расположения Мефодия, нельзя быть двух мнений насчет того, что его деятельность между славянами должна быть оцениваема не только с точки зрения греческого обряда, но еще и в связи с протестом Восточной империи и Константинопольского патриархата против Западной империи и латинско-римской Церкви. Этого нельзя оспаривать потому, что в судьбе Мефодия исходная мысль его миссии сказывается на каждом шагу. Весьма важным обстоятельством в этом отношении были политические воззрения Святополка и его личные отношения к Мефодию. На первых порах цели князя и архиепископа, казалось, вполне совпадали: для того и другого важно было создать в Моравии оплот национальной Моравской Церкви с народным языком в богослужении и с национальным духовенством. При полном единодушии и доверии между князем и архиепископом обеспечен был широкий успех политической и церковной миссии, и Святополку предстояло сыграть громадную роль в культурной и политической истории Восточной Европы, ибо подобного же благоприятного сочетания обстоятельств, какое было в занимающий нас период, для истории славян едва ли можно указать до переживаемых ныне событий, но этот момент был пропущен и вместо ожидаемой пользы принес непоправимый вред.

Судить о личных расположениях Святополка мы можем по его делам. Это был бесспорно весьма даровитый и умный деятель, который умел понять свои выгоды и найти средства для достижения преследуемых им целей. Но свою личную власть он ставил выше национального дела и мало останавливался пред средствами для достижения личных целей. Вследствие давних и близких сношений с западными соседями, у которых он и жил некоторое время и которым выдал своего дядю Ростислава, Святополк должен быть причислен, если пользоваться нашей терминологией, к лишенным национальной почвы людям: едва ли он придавал значение славянскому языку в богослужении и едва ли видел в греческом обряде средство к завоеванию славянами национальной и политической самостоятельности. Быть же заслоном Восточной

империи и патриархата против франкской державы и латинской Церкви он не желал и, как можно догадываться, не видел в этом настоятельной необходимости. По всей вероятности, Мефодий был тяжел для Святополка по своей принципиальности и прямолинейности и не мог получить над ним преобладающего влияния. Первое время по прибытии в Моравию он постарался очистить страну от немецкого духовенства и назначить на церковные должности людей своего собственного пострижения и из своих учеников. Но с течением времени при известном безразличии князя к вопросам культа немецкое духовенство проникло снова в Моравию, нашло доступ даже ко двору и вошло в доверие князя. Разузнав слабые стороны князя и потакая его страстям, оно возбудило в неосмотрительном Святополке недоверие и подозрительность к Мефодию. Жизнеописатель Климента [17], ученика Мефодия, в следующих словах рисует это положение дела.

> «Святополка, человека грубого и невежественного, обошедши коварством, сделали они всецело участником своего учения. Да и как он, раб женских удовольствий, не внимал бы больше им, чем Мефодию, который отмечал гибельное для души зло в каждом удовольствии? Ибо что изобрел Евномий для привлечения к себе учеников, то придумал также и безумный народ франков, т. е. снисхождение к грехам. Святополк, развращенный ими, вовсе не обращал внимания на Мефодия и даже враждебно относился к нему. И чего не говорил ему с лаской, какими угрозами не устрашал князя великий!»

Как на той почве, которая отмечена в биографии Климента, так в особенности на вопросе о правоверии Мефодия и введенном им обычае совершения литургии на славянском языке возникли серьезные недоразумения, на выяснении коих необходимо остановиться. / Когда и почему возникли подразумеваемые недоразумения между Римским престолом и славянскими проповедниками? Это в высшей [степени] тонкий вопрос, постановка которого зависит от взгляда на акты, вышедшие из папской канцелярии и имевшие прямое отношение к делу Кирилла и Мефодия. Нужно при этом заметить, что Паннонское житье Мефодия совсем не считается с официальными актами, как будто бы их не существовало, между тем для современного исследователя единственное средство выйти из весьма запутанного положения, в каком находится этот вопрос, заключается в официальных актах, которыми определяются некоторые факты и дается их хронология. Уступая наговорам врагов Мефодия, которые успели заподозрить в глазах князя чистоту учения его, Святополк в 878 г. отправил в Рим преданного ему пресвитера Иоанна, вручив ему письмо к папе по поводу своего архиепископа. Этого письма не сохранилось, но о содержании его можно судить по ответному письму папы, помеченному 14 июня 879 г. В этом письме, уверяя Святополка в своей любви и выражая пожелание, чтобы всемогущий Бог утвердил его в правой вере, папа Иоанн переходит к главному предмету, переданному ему чрез пресвитера Иоанна, в следующих словах.

> «Убеждаем твердо держаться того учения, которое преподает Римская Церковь со времени апостола Петра и которое распространяет по всему миру. В этом учении наши предшественники воспитали ваших предков. Если бы,—продол-

жает папа,— кто-либо, даже ваш епископ или какой пресвитер, стал благовествовать вам иное, то вы из ревности к Богу должны отвергнуть ложное учение и твердо держаться предания апостольского престола. Мы весьма удивлены, что архиепископ Мефодий, рукоположенный и отправленный к вам папой Адрианом, учит совсем не так, как он устно и письменно обещал св. престолу. По этому поводу мы писали ему, чтобы он немедленно явился к нам и лично засвидетельствовал, так ли он верует и учит, как обещал, или же нет» [18].

Тем же письмом получено и письмо к Мефодию.

«Вверенный тебе как духовному пастырю народ ты должен был своей проповедью вести к спасению, но мы известились, что ты не то проповедуешь, что св. /Римская Церковь приняла от самих апостолов, и вводишь народ в обман. А потому приказываем безо всяких отлагательств явиться к нам, дабы мы лично от тебя услышали, так ли ты веришь и учишь, как устно и письменно обещал св. Римской Церкви, и дабы точно ознакомиться с твоим учением. Слышали еще, что литургию совершаешь на варварском, т. е. на славянском, языке, между тем письмом, отправленным с епископом Павлом Анконским, тебе было воспрещено совершать священнослужение на этом языке, только на латинском и греческом принято совершать литургию во всей Церкви Божией, рассеянной по всей земле и распространенной во всех народах. Что же касается проповеди и беседы к народу, на это нет запрещения, так как и псалмопевец увещает все народы славить Господа, и апостол говорит: всякий язык исповедает, что Иисус есть Господь во славу Бога Отца» *.

В официальных актах ясно выдвигается кроме вероисповедных мотивов, т. е. кроме обвинения в догматических отступлениях, еще особенный вопрос церковной практики, совершение литургии на славянском языке, которому, однако, суждено было играть в кирилло-мефодиевском вопросе не менее значения, чем догматическим отступлениям. Эти акты не только ставят против Мефодия подозрение в его уклонении от чистоты учения Римской Церкви, но усугубляют сущность взведенного на него обвинения двумя отягчающими обстоятельствами: 1) он якобы давал клятву в Риме по отношению к тем догматическим особенностям, несоблюдение которых ему теперь вменяется, 2) он не исполнил ясного и определенного указания папы относительно славянского языка **

* Псал. 116, послание к Филиппу.

** Так как место о славянском языке имеет кардинальное значение, то приведем его в оригинале: Audimus etiam, quod missas cantes in barbara, hoc est in sclavina lingua, unde jam literis nostris per Paulum episc. Anconitanum tibi directis prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum solemnia celebrares, sed vel in latina, vel in graeca lingua. Praedicare vero aut sermonem in populo facere tibi licet, quoniam psalmista omnes admonet Dominum gentes laudare, et apostolus omnis, inquit, lingua confiteatur quod Dominus Jesus in gloria est Dei Patris (M a n s i XVII. Col. 133).

в богослужении, каковое преподано ему было чрез известного уже легата, епископа Павла Анконского. Что касается догматической стороны дела, выражающейся в принятии Римской Церковью догмата Filioque, этим вопросом мы займемся несколько ниже, теперь же сосредоточим внимание на вопросе об языке. Нигде с такой определенностью не расчленен этот вопрос, как в приведенном документе: с одной стороны, проповедь и церковные молитвы — на это нет запрета, с другой — совершение литургии на славянском — варварском языке подвергается запрещению. Но так как сущность предпринятого солунскими братьями миссионерского подвига выражалась в применении славянского языка и к проповеди и к богослужению и так как этот язык, на который они переводили книги Священного Писания, а их непосредственные ученики стали передавать всю доступную им умственную и литературную производительность, стал могущественным культурным средством для всех славян, то ясна и обязательна потребность, которая привела Мефодия к решению усвоить славянский язык в своей епархии не только для проповеди и совершения обычных треб, но и для литургии.

Отношение Римского престола к этому вопросу составляет трудно разрешимую загадку. Не может быть сомнения, что в Риме хорошо была известна практика, принятая Паннонским архиепископом, и что на эту особенность обращали внимание папы, как вообще лица немецкого духовенства, частию остававшиеся в его епархии, так и те епископы, которые в свое время судили Мефодия и подвергли его заключению. Ввиду этого большинство католических исследователей вопроса, чтобы спасти положение, отрицает подлинность письма папы Адриана II, в котором ясно дается разрешение совершать богослужение на славянском, и заподозривает точность известий, заключающихся в житьи Кирилла. Но этим далеко не устраняются ожидающие нас трудности. Не говоря о прочем, категорическое запрещение славянского языка в 879 г. взято будет назад тем же папой в следующем году. Кроме того, в приведенном выше письме к Мефодию находится ссылка на сделанное уже ранее запрещение в этом смысле через легата Павла Анконского. Хотя этот легат в том же году справлял миссию на Восток и вел в Константинополе важные переговоры, но нельзя никоим образом думать, что папа имеет в виду эту новую миссию епископа Павла: конечно, нет, напротив, делается намек на 873 г., т. е. на время, когда Мефодий был восстановлен в своем епископском праве после насильственного его заключения в темнице. Если же действительно последовало запрещение еще в 873 г., то трудно понять основания, по которым оно могло быть допускаемо в области, на которую Римский престол смотрел как на подчиненную.

Возвращаясь к письму папы, мы должны сказать, что архиепископ Мефодий, нимало не медля, предпринял путешествие в Рим в сопровождении доверенного лица князя Святополка, по имени Семисисны. В конце 879 г. он явился в Рим, где должен был представить объяснения по поводу предъявленных к нему обвинений, но, к сожалению, нам нужно ограничиться лишь деловыми актами, и притом между ними недостает иногда самых важных, другие же подвергаются спору или признаются подложными. Независимо от состояния источников, которые при всей их скудости все же дают основания для главных выводов, необходимо

здесь считаться с особенностями характера папы Иоанна VIII. Нельзя не удивляться широким дипломатическим способностям этого церковного князя, которому пришлось играть выдающуюся политическую роль. Он умел с большим искусством выпутываться из всяких затруднений, но вместе с тем для этого он пользовался всякими средствами. Весьма легко он шел на всякие союзы, если они были полезны в данное время, но с большим хладнокровием и нарушал их. Из страха перед сарацинами и в надежде возвратить утраченную Болгарию он охотно вошел в соглашение с Византией и без особенной борьбы признал патриархом отлученного и осужденного Фотия и почтил его похвалой. Теснимый, с одной стороны, в Италии местными герцогами и нападениями сарацин и утративший, с другой стороны, надежду на слабых Каролингов, Иоанн VIII не раз обращал заискивающий взор на Восток и готов был поступиться ради союза с Восточной империей некоторыми существенными интересами Западной империи. В продолжение своей десятилетней церковной деятельности он не раз круто менял политику, переходя от немецких Каролингов к французским и наоборот. В 879 г. положение папы было из самых затруднительных. Если в интересах немецких Каролингов он готов был наложить руку на особенности греческого обряда в Паннонии и Моравии, то в интересах церковной области и для защиты римских владений ему выгодней было считаться с влиянием в Южной Италии царя Василия [19]. Папа оказался весьма сговорчивым и уступчивым, когда Мефодий представил ему необходимые объяснения. В Риме не заметили ничего подозрительного в деятельности Мефодия и не нашли разницы между его вероучением и догматикой западных богословов. Следствием переговоров Мефодия с папой было новое разрешение славянского языка в совершении литургии и признание правоверности его.

От 880 г., когда Мефодий возвратился из Рима, сохранилось письмо к князю Святополку, в котором папа выражает свой взгляд на поднятый вопрос и вместе с тем делает новые распоряжения насчет администрации Паннонской Церкви. В этом письме встречаются такие подробности, которые трудно согласовать с позднейшими актами, касающимися кирилло-мефодиевского вопроса, поэтому большинство западных исследователей считает этот документ подложным [20]. Приводим в главных частях содержание этого документа. Похвалив Святополка за приверженность к св. престолу, засвидетельствованную Мефодием, и поощрив его на будущее время оставаться преданным и верным сыном Римской Церкви, папа уведомляет его о деле архиепископа Мефодия.

> «Достопочтенного архиепископа вашего мы спрашивали в присутствии братьев наших епископов, так ли он исповедует Символ веры и читает его во время литургии, как это принято св. Римской Церковью, установлено свв. отцами на 6 Вселенских Соборах по евангельскому Христову авторитету. Он публично заявил, что верует и читает сообразно с апостольским и евангельским учением, как приняла св. Римская Церковь и как заповедано отцами. Поэтому мы, находя его правоверным во всех церковных доктринах и полезным для Церкви, снова отправили его к вам для управления вверенною ему Церковью. Вы же примите его как своего

пастыря с честию и уважением и радостию, ибо мы утвердили за ним привилегию архиепископата и навсегда оставили ее неприкосновенною... дабы он по каноническим правилам имел непосредственное попечение о всех церковных делах и устроил их как бы пред очами Божиими. Пресвитера Викинга, присланного тобою, мы посвятили в епископа Нитрянской Церкви и повелеваем ему во всем повиноваться своему епископу по учению канонов; желаем, чтобы ты по согласию с архиепископом прислал к нам и еще способного пресвитера или диакона, чтобы мы посвятили его в епископы другой Церкви. С этими двумя нами рукоположенными епископами ваш архиепископ, по апостольскому преданию, может затем рукополагать епископов в другие места, где могут и должны быть епископы».

Указав далее, что весь духовный чин княжества Моравии, будут ли то славяне или иноземцы, обязан подчинением архиепископу Мефодию и что непокорные и непослушные подвергаются отлучению от Церкви и даже изгнанию из пределов княжества, письмо папы, наконец, выражает заключение Римского престола по поводу славянского языка.

«Мы одобряем славянские письмена, изобретенные Константином Философом, на которых правильно воздаются хвалы Богу, и разрешаем повествовать и изъяснять на этом языке чудесные деяния Господа нашего И. Христа, ибо не на трех только, но на всех языках писание повелевает воздавать хвалу Богу. И нисколько не противно истинной вере и правому учению петь обедни на том же славянском языке или читать Евангелие или чтение из Ветхого и Нового Завета в хорошем переводе и вообще отправлять обычные дневные службы, ибо тот, кто создал три языка — еврейский, греческий и латинский,— создал и все прочие языки в честь свою и славу. Впрочем, повелеваем во всех церквах земли твоей ради вящей торжественности читать св. Евангелие сначала на латинском, потом уже в славянском переводе для тех, кто не в состоянии понимать латинского текста, как это и делается уже в некоторых церквах. Если же тебе и твоим вельможам предпочтительней слушать литургию на латинском языке, то мы даем это разрешение».

Приведенный акт составляет один из важнейших моментов в суждении о деятельности Мефодия. Для непредубежденного читателя легко видеть, что это письмо вообще внушено чувствами расположения к архиепископу Мефодию. Уж если кто мог бы подделать этот акт, так тот, cui prodest, т. е. в чью пользу он составлен. Но письмо сохранилось только на латинском языке, в славянских материалах для жизни свв. братьев, где бы так важно было его использовать, его нет. Следует при этом заметить, что одна черта в нем, именно посвящение Викинга, сделанное едва ли с ведома Мефодия и во всяком случае далеко не в интересах мира и согласия в архиепископии, никоим образом не могла быть внесена славянским фальсификатором. Устраняя сомнения в подлинности приведенного письма, мы должны, однако, обратить внимание на некоторые черты, обличающие в нем значительную неискренность

и двоедушие. Ясное дело, что против Мефодия было выставлено крупное обвинение в догматическом смысле. Об этом говорится в письме папы, это же было причиной раздора епископа Мефодия с немецким духовенством в 869—870 гг., окончившегося заключением его под стражу. Догматический вопрос — это учение о происхождении Св. Духа и от Сына (Filioque). В первый раз он начинает заявлять о себе в сношениях между Восточной и Западной Церковью в деле Фотия, который выдвинул это догматическое обвинение против латинской Церкви в своей энциклике и вместе с тем заявил, что проповедники, посланные папой Николаем I в Болгарию, читали уже Символ веры с прибавкой. Не входя здесь в подробности постепенного возникновения этого учения в Церкви, мы не можем, однако, не остановиться на той стороне вопроса, которая касается непосредственно св. Мефодия. Уже не один раз поднимался в Риме голос, что Мефодий не правоверен, и каждый раз обвиняемый представлял объяснения, которые удовлетворяли Римский престол. В настоящем случае Мефодий подвергался допросу на суде римских епископов, но сделанные им при этом показания и объяснения привели к заключению, что обвинения против него не были справедливы. Как объяснять этот вопрос в применении к Мефодию, получившему посвящение от папы и действовавшему не в области Константинопольского патриархата,— напротив, как будто совсем забытого в Константинополе? Едва ли можно в данном случае отправляться из весьма мало обоснованного мнения о принадлежности свв. братьев к одной из политических партий [21], враждовавших тогда в Константинополе, фотианцев и игнатианцев. В своей архипастырской деятельности Мефодий ничем не мог выразить своих политических симпатий, имевших практическое применение в патриархате, а не в Риме или Велеграде. Итак, принимая во внимание условия, в которых воспитался Мефодий, нельзя ни минуты сомневаться, что он исповедовал Символ веры без прибавки, что в этом заключалась главная причина козней и наговоров на него князю Святополку и что на этом главным образом опирались доносы на него в Рим. По отношению к принятой папой роли в деле Паннонского архиепископа следует принять в соображение, что решение прямо поставленного вопроса о догматическом исповедании, которого держался Мефодий, допускало возможность именно так отнестись к нему, как отнеслись в Риме в 880 г.

Из предшественников Иоанна VIII папа Лев III (795—816) энергично восставал против внесения Filioque в никейский Символ. При том же папе в Иерусалиме возник спор между греками и западными монахами из-за прибавки к Символу, причем греки называли франков самыми страшными еретиками, а последние могли бы смело отвечать, что тогда и папа еретик. Иоанн VIII в переписке с Фотием принимает несколько неопределенное положение к вопросу о Filioque, именно, он порицает изменение в Символе [22]. Находя достаточно оснований отнестись благожелательно к патриарху Фотию и восстановить мир между Римской Церковью и патриархатом, Иоанн VIII имел полное право признать данное на Соборе показание Мефодия и его исповедание веры согласным с апостольским и евангельским преданием и соответственным с учением Римской Церкви, так как, по-видимому, не было поставлено категорического вопроса о происхождении Св. Духа. Признавая в этом

смысле ортодоксию Мефодия, папа, однако, дал некоторое удовлетворение и недоброжелателям его, посвятив, едва ли с согласия его, епископом немца Викинга для области Нитры, входившей в Моравскую епархию. Так как папе было хорошо известно внутреннее состояние моравской паствы, в которой были две враждебные партии — славянская и немецкая — и так как в Риме нисколько не сомневались в симпатиях князя Святополка к немецко-латинской партии и в холодности к Мефодию, то в назначении Викинга нельзя не усматривать желания подкрепить именно враждебную Мефодию партию и внести в страну повод к новым раздорам и смутам. Таким образом, со времени возвращения в Моравию архиепископ Мефодий начал испытывать новые испытания. Немецкая партия, во главе которой стоял теперь епископ Викинг, получив доступ ко двору и пользуясь влиянием на Святополка, старалась всячески рассорить его с Мефодием и снова возбудить к нему недоверие. Пущена была даже в обращение грубая клевета, что переданное Мефодием князю послание папы есть подложный акт, что Викингу даны из Рима секретные поручения и что, наконец, Мефодий не признан архиепископом. Для разъяснения всех этих недоразумений Мефодий должен был снова обратиться к папе. От 23 марта 881 г. папа отвечал на жалобы Мефодия следующим письмом. Выразив ему похвалу за ревность к православной вере и заботы о распространении ее, папа продолжает:

> «Как мы соболезновали тебе, узнав из твоего письма о разных неприятностях, тебя постигших, можешь судить из того, что, когда ты изложил перед нами учение св. Римской Церкви, мы признали его вполне истинным и засвидетельствовали о том нашим посланием князю Святополку, которое, как ты знаешь, было к нему отправлено, а другого письма к нему мы не писали и ни ему, ни тому епископу ни явно, ни тайно не делали никаких поручений; тем менее можно думать, что мы взяли клятву от этого епископа, когда между нами не было даже легкого разговора по этому делу. Итак, пусть прекратится всякое сомнение в этом смысле... Не предавайся слишком унынию за все искушения, но лучше радуйся за все, по апостолу. Но если бы ты пришел снова к нам и выразил те огорчения, какие навлек на тебя названный епископ, мы, разобравши дело, дали бы ему законное решение, и он потерпел бы должное наказание за свое упорство *.

Приведенное письмо, как последний подлинный и датированный акт, относящийся к Мефодию, заключает в себе как для католических, так и православных исследователей и мыслителей самые твердые основания для их выводов. Поэтому позволим себе возвратиться к нему. Из него главным образом можно почерпать надежные и бесспорные данные по

* Приведем в подлиннике пикантную часть письма: Nostrisque apostolicis literis glorioso principi Sfentopulco, quas eis asseris fuisse delatas, hoc ipsum significavimus, et neque aliae literae nostrae ad eum directae sunt, neque episcopo illi palam, vel secreto aliud faciendum, injunximus, et aliud a te peragendum decrevimus, quanto minus credendum est, ut sacramentum ab eodem episcopo exegerimus, quem saltem leni sermone super hoc negotio allocuti non fuimus (Mansi XVII. Col. 199).

отношению к мероприятиям Римского престола насчет установления мира и спокойствия в Моравско-паннонской архиепископии; из него только, за утратой обращения св. Мефодия к папе Иоанну в 880 г., можно делать заключения о тяжком положении, в какое был поставлен Мефодий вследствие подлогов и гнусной клеветы, какую позволил себе вновь назначенный помощник его Викинг. Подлога Викинга нельзя ни скрыть, ни оправдать — в этом отношении нет разногласия в школах, разделяющих писателей *. Мы должны лишь настаивать на той мысли, что едва ли Викинг, монах бенедиктинского ордена из Рейхенау, мог быть удачно выбран в качестве помощника Мефодия и весьма сомнительно, чтобы этот последний, если бы спросили его мнения, не остановился выбором на действительных учениках своих, которым и суждено было впоследствии продолжать его дело. Ближайшие события и показали, что присоединением Викинга немецкая партия при Римском престоле успела создать в Моравии вторую Церковь, антимефодиевскую, и что эта последняя нашла защиту и покровительство при дворе князя Святополка, первого резко выраженного антинационалиста в истории славян. Дошло или нет до Святополка подлинное письмо папы, в котором давалось полное удовлетворение архиепископу Мефодию и торжественно признавалось его православие, об этом можно делать лишь догадки; но Викингу достаточно было того, на что делается намек в письме папы. Чтобы унизить авторитет Мефодия, он пустил слух, что ему сделаны секретные поручения и что он клятвенно обязался следить за Мефодием и наблюдать за тем, как он исповедует свои верования. Интрига, тем более могущая повредить Мефодию и лишить его твердости и необходимого авторитета, что в конце концов он сам естественно начинал подозревать папу в неискренности с ним. Хотя в ответе своем папа открыто заявляет, что никаких секретных переговоров с Викингом не было и что особенных поручений ему не было дано, но вместе с тем весьма знаменательно выражение neque aliae literae ad eum directae sunt, т. е. что к Святополку я не посылал никакого другого письма. Оно важно в том смысле, что показывает реальное существование подобного письма и ставит вне всякого сомнения учиненный епископом Викингом подлог. Нет сомнения, что при доброй воле и благорасположении папа Иоанн не только мог, но и должен бы был приказать расследовать дело о подлоге и, во всяком случае, отозвать Викинга, присутствие которого возбуждало в Моравии смуту и раздоры. Об этих внутренних отношениях в стране прекрасная страничка сохранилась в жизнеописании Мефодия, где в таких выражениях указывается движение враждебной Мефодию партии (иопаторская ересь).

> «Папа дал нам всю власть, а Мефодия приказал выгнать вон и осудил его учение. И собрались на совещание моравляне и захотели выслушать письмо папы; большинство выражало сожаление по этому случаю, так как привязано было к своему пастырю, за исключением весьма малого числа легко **

* Брикнер, впрочем, и здесь пытается оправдать Викинга (Thesen. S. 205).

** Здесь в нумерации рукописи пропущены две страницы, но текст читается — возможно, ошибка при нумерации. *(Ред.)*

поддающихся посторонним внушениям. Когда стали читать папское послание, то в нем нашли полное признание правоверия архиепископа Мефодия, равно и подтверждение того, что ему вручены от Бога и от апостольского престола все славянские страны».

Самым существенным обстоятельством остается, в смысле оценки положения архиепископа Мефодия, то, что подлог подчиненного ему епископа остался без должного наказания и даже, по-видимому, не подвергался расследованию. Самая же молва о правоверии, которая под рукой была раздуваема Викингом и его приверженцами и которая не встречала отпора в Святополке, угрожала в будущем весьма тяжкими последствиями. В конце 882 г. умер папа, с которым Мефодию пришлось иметь неоднократные личные сношения, ближайшие его преемники до Стефана V не обнаруживали интереса к делам Моравской Церкви, и этим временем хорошо воспользовались недоброжелатели Мефодия. Нужно думать, что борьба партий и раздражение между приверженцами национальной Церкви и латино-немецкого обряда доходило до крайней степени, как можно догадываться по некоторым намекам в сказаниях о жизни Мефодия. Князь явно держал руку Викинга, давая фактическую и официальную поддержку латино-немецкой партии, и уже был готов на самые крайние меры: «натянул уже лук и обнажил меч против Мефодия, но приостановился, не спустил стрелы и вложил меч в ножны»[23]. Со стороны национальной партии также приняты были экстренные меры. Архиепископ Мефодий прибег к церковному наказанию против непослушного и строптивого помощника, он произнес против него отлучение. Некоторые исследователи, становясь на сторону врагов Мефодия, высказывают порицание этой мере, но с точки зрения церковной практики и по каноническим правилам принятое Мефодием распоряжение вполне оправдывается положением дела[24]. В таких, несомненно весьма тяжких, условиях протекли последние годы деятельности Мефодия. / Мы не думаем отстаивать одиноко стоящее известие жития Мефодия, что он в свои последние годы жизни посетил еще раз Константинополь: для этого не находится достаточно оснований и, кроме того, это не подтверждается из византийских источников. /

Прежде чем говорить об оставленном Мефодием культурном и церковно-историческом наследстве, мы должны еще возвратиться к последним годам его жизни, с которыми жизнеописания его соединяют окончательные меры к организации национальной Церкви. Именно на это время падает перевод на славянский Нового Завета, что не было исполнено при жизни св. Кирилла. Как говорится в житьи Мефодия, удалившись от суеты, он взял в помощь двух священников и переложил на славянский все книги Священного Писания, а равно Номоканон, или собрание правил для церковной администрации. К сожалению, эти известия слишком кратки и малоопределенны для выяснения переводческой и литературной деятельности солунских братьев, которая должна получить разрешение с точки зрения историко-филологических и литературных исследований. Взамен того можно привести несколько данных о церковной области, находившейся в зависимости от него. В этом отношении необходимо отметить, что политическое положение Моравии при Святополке в значительной степени обусловливалось христиан-

ским просвещением страны и организацией национальной Церкви. Широкое распространение его господства на соседние славянские страны сопровождалось расширением церковной власти архиепископа Мефодия. Можно относиться с недоверием к легенде о сношениях его с угорским королем, о личном путешествии в Чехию и о крещении князя Боривоя и Людмилы и проч., но если эта легенда не передает реального факта, то несомненно в ней выражено представление об области распространения греческого обряда и национальной Церкви, как это было введено и установлено просветительными трудами солунских братьев. С 882 г. у Святополка началась жестокая война с сыном Карломана Арнульфом, которому принадлежала власть над соседними с Моравией и Паннонией частями Каринтии и Восточной марки, или Нижней Паннонии. Следствием этой войны было политическое присоединение к Моравии всей той части Паннонии, которая тянула к Моравии в церковном отношении со времени учреждения Паннонской архиепископии. Сохранились известия о двух походах Святополка против Арнульфа, из них первый сопровождался опустошением Верхней Паннонии, поход же 884 г. был так удачен для него, что имел последствием весьма выгодный для Моравии мир в Кеништеттине, по которому Паннония и Хорутания присоединены были к Моравии. Святополкова держава, начинаясь от самой Дравы и простираясь к Дунаю, на севере и востоке переходила за пределы собственной Моравии.

Но внутреннее состояние княжества внушало серьезные опасения за ближайшее будущее. Архиепископ Мефодий, удрученный годами и непосильной борьбой с враждебной ему партией, руководимой Викингом, прибег к последнему средству, какое предоставляли ему церковные правила: он подверг отлучению Викинга и его приверженцев. Следствием этого было то, что на Мефодия сделан был со стороны епископа Викинга донос, поддержанный, как можно догадываться, и письмом Святополка. Как отнеслись в Риме к событиям Моравской Церкви, об этом мы будем судить на основании знаменитой в кирилло-мефодиевском вопросе буллы папы Стефана V от 885 г.[25] Нужно думать, что как отлучение, произнесенное Мефодием на Викинга, так и сделанный на Мефодия донос относятся к 884 г., это можно заключить из того, что ответ папы по делам Моравской Церкви, составленный на имя князя Святополка во второй половине 885 г., рассматривает Мефодия еще в живых, между тем как он умер 6 апреля 885 г. Следует думать, что последние дни были омрачены сознанием критического положения, в каком находилась Церковь: архиепископ Мефодий не мог не сознавать, что все дело его жизни подвергается крайнему колебанию, что враждебные силы подкопались под выведенное им здание и готовы разрушить его. Он принял, впрочем, все зависевшие от него меры на случай смерти. Когда приближенные заметили упадок его сил, то спросили: «Кого ты хочешь назначить преемником себе?» Он показал на одного из учеников, по имени Горазда, и сказал: «Это из вашей страны благородный муж, он хорошо научен латинским книгам и православен. Да будет над ним Божья воля и ваша любовь». Когда в Вербное воскресенье народ собрался в церковь, Мефодий, не будучи в состоянии встать с постели, благословил народ и князя и предсказал свою смерть через три дня. Он погребен в Велеграде в церкви св. Девы Марии.

До какой степени напряжения дошла борьба в 884 г., это дает понять содержание письма папы Стефана V. Нужно думать, что немецкая партия имела сильное влияние в высшем обществе и вполне пользовалась расположением князя. Она искусно овладела обстоятельствами, создавшимися вследствие произнесенного архиепископом Мефодием отлучения на епископа Викинга и его приверженцев, под которыми следовало подразумевать и самого князя. Это заставило прежде всего всех недовольных Мефодием соединиться и вызвать вмешательство Римского престола в положение Моравской Церкви. Ясно, что в том документе, который составлен был в Велеграде от имени князя и который представлен был папе самим епископом Викингом, не столько трактовалось о догмате, составлявшем в то время камень преткновения между двумя Церквами, сколько о настроениях в Моравской Церкви, которые делали невозможным дальнейшее управление Мефодия. Нужно думать, что назван был в этом акте и заместитель его. Папа в своем ответе прямо и отвечает на это желание князя, рекомендуя ему епископа Викинга как заместителя Мефодия, совершенно упуская из виду то обстоятельство, что Мефодий еще занимал кафедру. Как эта часть письма, так и заключительная, в которой дается князю разрешение в случае нужды изгонять из пределов Моравии всех тех, кто не будет подчиняться Викингу, представляют собой вопиющее нарушение светских и церковных законов. Фактически, как ниже будет видно, ученики Мефодия, находившиеся уже в священном сане, в силу этого жестокого разрешения были обречены на беспощадную травлю и издевательство. Наконец, что касается того места письма, которое упоминает о Мефодии, нельзя сомневаться, что главный материал для обвинения был доставлен лично Викингом. Именно из этого мутного источника заимствовано известие о том, что будто св. Мефодий раз дал клятву на гробе апостола Петра не совершать на славянском языке священные службы и литургию. Уже та крайняя мера, которая им была принята против Викинга и немецкой партии, прекрасно подтверждает, что Мефодий именно не способен был на уступки и что в славянском языке и в греческом обряде он усматривал главный смысл и значение своей просветительной миссии между славянами.

В то время как мероприятия папы Стефана переданы были чрез того же Викинга князю Святополку, велеградская кафедра оказалась уже вакантна за смертию Мефодия. Но умерший архиепископ перед смертию назначил себе преемника в лице Горазда, это осложняло несколько дело и ставило затруднения для установления нового церковного строя. / Прежде чем знакомить с ходом событий по смерти Мефодия, возвратимся к письму папы. /

Письмо папы Стефана V к Святополку, составляя точку отправления Римской Церкви во взгляде на миссию Кирилла и Мефодия между славянами на все последующее время, заслуживает внимательного изучения. Приводим в главнейших чертах его содержание.

Вступительная часть выражает много лестных похвал князю. «Ты,—говорит ему папа,—со всею ревностью доверился князю апостолов, избрав его наместника своим главным патроном пред всеми князьями сего преходящего века, и препоручил себя со всеми своими боярами и народом его защи-

те. И мы имеем о тебе всегдашнее попечение и при помощи Божией окажем тебе покровительство во всех делах, касающихся твоего спасения. Зная твое горячее стремление к православной вере, мы получили лучшее свидетельство того в твоем обращении к матери св. Римской Церкви, главной между всеми Церквами по присущей ей привилегии, данной блаженному Петру, князю апостолов... Истинный фундамент веры, на котором Христос основал свою Церковь, есть три лица, Отца и Сына и Св. Духа, совечные Себе и соравные; у этих трех лиц одна божественная природа, одна субстанция, одно божество, одно величество, в них различие не есть смешение, разность не есть разделение. Разность в том, что одно лицо Отца, другое Сына и особое Св. Духа. Отец ни от кого, Сын от Отца, Св. Дух от того и другого, будучи той же субстанции, что Отец и Сын*». После довольно обширной догматической части папа говорит: «Этого довольно тебе для того, чтобы исповедовать словом и верить сердцем, но не исследовать свыше сил. Эту веру, основанную Господом на апостоле и апостолах, содержит святая католическая Церковь; просим и заповедуем твердо соблюдать ее. В этой вере мы нашли церковно воспитанным и достопочтенного епископа Викинга, любезнейшего собрата, которого и возвратили к вам для управления вверенной ему Церковью, ибо признали его преданным тебе и во всем о тебе пекущимся. Прими его как духовного отца и своего пастыря с честию и должным почтением, поелику оказанную ему честь воздаете Христу, по словам Его: принимающий вас, Меня принимает, и кто Меня принимает, принимает пославшего Меня. Он, итак, будет иметь попечение о всех церковных делах и должностях и, имея пред очами страх Божий, да устроит их по правде, ибо должен будет дать отчет за души вверенного ему народа». После обширного отдела, посвященного установлению правил латинской Церкви о посте, папа переходит наконец к тому лицу, осуждением которого продиктовано все письмо. «Нас чрезвычайно удивило, что Мефодий продолжает упорствовать в суеверии и в раздорах и не печется о строительстве и о мире. Если дело действительно находится в том положении, как нам доносят, то мы вполне осуждаем его суеверие. Анафема же, с пренебрежением к католической вере произнесенная, пусть обратится на главу изрекшего. Ты же и народ твой невинны пред судом Св. Духа, если без изменения содержите веру, проповедуемую св. Римскою Церковью. А как тот же Мефодий позволил себе совершать на славянском языке божественные службы и священные таинства и литургию, хотя давал священную клятву на теле блаженного Петра отнюдь не продолжать этого впредь, то мы, в ужасе перед проступком его клятвопреступления и дабы на буду-

* Pater enim a nullo, Filius a Patre, Spiritus Sanctus ab utroque, unius ejusdem substantiae cujus Pater et Filius est.

щее время ни под каким видом никто не позволил себе этого, запрещаем властию Божиею и нашею апостольскою (славянский язык в богослужении), под страхом отлучения от Церкви, за исключением тех случаев, когда делается поучение простому народу или читается Евангелие и Апостол в хорошем переводе на местный язык*. Непокорных и непослушных, заводящих несогласия и соблазны после первого и второго увещания, если не последует исправления, позволяем исторгнуть из недр Церкви, как сеятелей сорных трав. Но дабы одна зараженная овца не испортила всего стада, повеleваем нашим авторитетом схватить виновных и выгнать из земли вашей».

Положение славянской партии в Моравии, по смерти архиепископа Мефодия, представляется в следующем виде. Она была сильна своею численностию, но не влиянием: до 200 священников оставил Мефодий в своей епархии. Партия эта имела своего представителя в Горазде, еще самим Мефодием назначенном себе в преемники. Горазд ратовал против незаконного самоуправства Викингова, защищал своего учителя. «Но дерзкая партия немецкая,— говорится в жизнеописании Климента,— устранила его от управления Церковью, и с тех пор ересь поднимает голову и вооружается против православных учеников Мефодия». Существенным различием этих партий было учение об исхождении Св. Духа, жарко защищаемое с той и другой стороны; споры были так сильны, недовольство между партиями так велико, что дело едва не доходило до драки; наряду с этим князя Святополка продолжали более и более вооружать против учеников Мефодия. Чтобы положить конец борьбе партий, Святополк сделал такое постановление, по которому несогласные с учением немецкого духовенства лишались покровительства законов.

«Достанет ли слов рассказать,— говорит жизнеописатель Климентов,— как воспользовались немцы своим перевесом? Одни вынуждали согласие на измышленный догмат, другие ратовали за учение отцов; одни приготовились все предпринять, другие все выстрадать. Стали бесчеловечно мучить приверженцев Горазда, грабили жилища их, соединяя нечестие с любостяжанием, других, обнаживши, влачили по колючим растениям и так поступали с почтенными мужами

* Место о св. Мефодии и славянском языке читается: Methodium namque superstitioni non aedificationi, contentioni non paci insistentem audientes plurimum mirati sumus; et si ita est, ut audivimus, superstitionem ejus penitus abdicamus. Anathema vero pro contemnenda catholica fide qui indixit in caput redundabit ejus. Tu autem et populus tuus Sancti Spiritus judicio eritis innoxii, si tamen fidem, quam Romana praedicat ecclesia, tenueritis inviolabiliter. Divina autem officia et sacra mysteria ac missarum solemnia quae idem Methodius celebrare praesumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum b. Petri corpus juramento firmaverat, sui perjurii reatum perhorrescentes, nullo modo deinceps a quolibet praesumatur, Dei namque nostraque apostolica auctoritate sub anathematis vinculo interdicimus, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si Evangelii vel Apostoli expositio ab eruditis eadem lingua annuntietur.

и людьми, перешедшими уже за границы мужеского возраста; а которые из пресвитеров и диаконов были молоды, тех продавали жидам... Тех же, которые имели сан учительский, как Горазд, уроженец моравский, знаток греческого и славянского языка, назначенный Мефодием на епископскую кафедру, как пресвитер Климент, муж красноречивейший, и Лаврентий, и Наум, и Ангеляр,— тех и других многих, заковавши в цепи, бросили в темницу. Только Бог, утешающий униженных, не оставил без помощи и этих свв. мужей. Случилось сильное землетрясение; устрашились жители города, удивлялись и недоумевали, что бы значило это знамение. Подошедши к темнице, они увидели, что оковы спали с заключенных и они пользуются своею свободою. Потом обременили их оковами, гораздо более тяжкими; но по прошествии трех дней опять произошло землетрясение, и слышен был при этом голос с неба, и спали с заключенных оковы. Ничего этого богопротивники не сказали князю, но подвергли праведников тем же истязаниям. Эти события происходили в отсутствие князя, если бы он был дома, не потерпели бы исповедники истины таких бедствий; хотя и был он особенно привержен к франкам, но боялся и святых мужей, особенно небесного знамения, три раза повторявшегося. После таких бесчеловечных мучений, не позволивши святым даже подкрепиться пищею, передали их воинам с приказанием разогнать по разным странам, прилегавшим к Дунаю, присудив таким образом небожителей к изгнанию из своего города. А воины вывели их из города, раздели и тащили по дороге обнаженными, мечами и копьями ударяли их по плечам и по бедрам. Отведши далеко за город, оставили их там, а сами пошли в обратный путь».

Изгнанные из Моравии, ученики Мефодия направляются в Болгарию. Они надеялись найти в ней успокоение, окольными путями пробирались туда, стараясь избегать людей, терпя недостаток в пище и одежде; в случае опасности расходились по разным местам, по Божьему изволению, чтобы больше стран окрестных просветилось светом Евангелия. В Болгарии они были представлены князю Богорису и с радостью приняты им. Сюда пересажена была из Моравии начальная славянская литература, впоследствии принесшая в Болгарии успешный плод.

Оставим теперь учеников св. Мефодия в Болгарии под покровительством сына и преемника Богориса, царя Симеона. Кирилло-мефодиевский вопрос вместе с этим бегством учеников Мефодия вступил во вторую стадию развития, нашедши среди южных славян весьма благоприятную почву для распространения просветительного дела свв. братьев. / Церковная смута в Моравии не ограничилась, однако, рассказанными событиями./ Нужно думать, что в Рим стали доходить жалобы на самовольные действия Викинга, приверженцы же бывшего архиепископа ссылались на избрание Горазда в преемники Мефодию. Папа вследствие этого отправил в Моравию специальную миссию из трех лиц: епископа Доминика и пресвитеров Иоанна и Стефана. Они должны были осведомиться об истинном положении дел и принять меры к разреше-

нию вопроса о преемнике Мефодия. В инструкции, данной этим послам, в общем повторены главные положения приведенного выше письма к Святополку. Выдвинут только один новый пункт касательно Горазда. По мнению папы, Мефодий не имел права назначать себе заместителя, а потому Горазд не может заведовать высшим управлением Церковью. Ему следует явиться в Рим для выяснения своего дела [26]. Но борьба получила такое напряжение, о каком, по-видимому, папа не имел представления. После насильственного изгнания учеников Мефодия основанной им национальной Церкви нанесен был смертельный удар. Викинг семь лет стоял во главе Моравско-паннонской Церкви, и Римская Церковь не поднимала более голоса в защиту учеников и приверженцев Мефодия. В 892 г. открылась война между Святополком и Арнульфом, тогда епископ Викинг нашел неудобным оставаться более в Моравии и перешел на службу к Арнульфу, который сначала сделал его своим канцлером, а потом, в 898 г., содействовал к назначению его Пассавским епископом [27].

Весьма скудные сведения о положении Моравской Церкви в последние годы IX столетия восполняются частию единственным в своем роде документом, относящимся к 900 г. Историческая обстановка происхождения этого документа может быть легко определена. Наступившие в Моравии смуты по смерти Святополка в 894 г. имели последствием усиление в стране немецкого влияния и неоднократные успешные походы баварцев против Моравского княжества. Успехи немецкого оружия дали надежду Зальцбургскому архиепископу снова распространить церковную власть на Моравию, не имевшую более самостоятельной кафедры и утратившую церковное устройство. Немецкое духовенство в этом отношении могло сослаться на отношения, имевшие место в 870—871 гг., когда Моравия и Паннония действительно входили временно в состав Зальцбургской епископии. В переговорах об установлении мирных сношений между моравами и немцами в 901 г. принимал участие епископ Рихард, тогдашний Пассавский епископ, как можно догадываться, представлявший интересы Зальцбургской архиепископии в деле о подчинении Зальцбургу Моравской Церкви. Между тем по желанию сына и преемника Святополка, Моймира II, папа Иоанн IX послал в Моравию архиепископа Иоанна и епископов Бенедикта и Даниила с целью устройства Моравии вопреки притязаниям немецкой Церкви, именно с непосредственным подчинением ее Римскому престолу, как было при Мефодии. Это обстоятельство встревожило баварских епископов и вызвало тот документ, о котором идет речь.

Составление этого замечательного послания относится к промежутку времени между 21 января и серединою июля 900 г. Оно составлено на собрании всего баварского духовенства, потому что подписались под ним архиепископ и пять его суффраганов. Весьма любопытно сопоставить послание 900 г. со всем тем, что мы знаем об отношениях немцев к Паннонской архиепископии и моравским славянам. Тут холодно и без стыда отрицаются общеизвестные факты; искажаются события и выступают наружу доказанные веками отношения немцев к славянам. Вся история Святополка моравского и архиепископа Мефодия лишена в этом памятнике всякого значения для государственной жизни Моравии и представляется временем мятежа, анархии и языческого отступничества. Но послушаем самих немецких епископов.

«Определениями предшественников ваших и правилами свв. отцов мы приучены во всех затруднительных обстоятельствах нашего священного служения обращаться к Римскому первосвященнику, дабы каким-либо разногласием не нарушить единства мира и порядка, но дабы сам он принял должное решение с надлежащей осмотрительностью. А потому никак не можем дать веры тому, будто от этого святого и апостольского престола, который служит для нас источником священного достоинства и колыбелью христианской веры, могло исходить что-либо другое, кроме доктрины и авторитета церковной мудрости. Между тем посланы вами в землю славян моравских архиепископ Иоанн и епископы Бенедикт и Даниил, хотя эта земля со всеми ее обитателями подвластна нашим королям и нам, как по отношению к делам культа, так и в смысле обложения податями, ибо мы обратили их к вере и сделали из язычников христианами. Поэтому-то Пассавский епископ, в епархии которого находятся земли этого народа, с самого обращения их в христианство, когда хотел и требовали того обстоятельства, являлся туда без всякого препятствия, неоднократно делал там Соборы и с полномочием исполнял все необходимое, и никто не оказывал ему сопротивления. И наши князья держали там свои земские собрания и творили суд, налагали наказания, собирали подати без всякого сопротивления. Но вот овладел дьявол сердцами их, и они оставили христианство, уклонились от всякой правды, начали делать враждебные нападения и жестоко сопротивляться, так что стала недоступна эта страна епископам и проповедникам / и делали они по своему произволу, что хотели /. Ныне же — что кажется нам невероятным,— к вящему оскорблению, еще хвастают, что стоили им эти епископы немало денег! Никогда не было слыхано подобного об апостольском престоле, и канонические правила никогда не допускали разделения в Церкви, чтобы одна епископская область раскололась на пять. Вышеназванные епископы вашим именем посвятили в одном и том же епископстве архиепископа и трех подвластных ему епископов (suffraganeos), не давая знать об этом архиепископу, в епархии которого происходило дело *. Предшественник ваш при князе Святополке посвятил епископа Викинга, но не поручил ему той древней Пассавской епископии, а послал к новообращенному народу, покоренному этим князем. А когда ваши легаты вошли в сношения с этими славянами, то они обвиняли нас, и бесславили, и клеветали, будто мы в раздоре с франками и аллеманами **; сколько здесь лжи, видно из того, что мы находимся с ними в искренней дружбе. А что касается их клеветы, будто мы мало к ним расположены, то

* Следуют ссылки на правила 20 и 75 африканского Собора, на декреты пап Льва и Целестина.

** Речь идет о Каролингах западных и восточных.

это объясняется их испорченностью. Когда они начали не радеть к христианству да отказались платить государям королям нашим и их чиновникам определенную дань, взялись за оружие и подняли против нас мятеж, то, конечно, как поднявшие оружие, они были обращены в рабство и в силу военного права должны быть и останутся — хотят ли того или нет — подчиненными нашему царству. Поэтому мы рекомендуем вам высочайшую осмотрительность и советуем предпочитать уравновешивающие мероприятия, чтобы рабское племя не усиливалось на счет благородного.

Императоры и короли, предки государя нашего Людовика, произошли от христианнейшего народа франков, моравские же славяне имеют начало от презренных язычников. Те могущественно охраняли Римскую империю, эти грабили ее, те укрепляли христианскую Церковь, эти разрушали ее, те весь мир наполнили славой, эти прячутся за стенами жилищ своих, сила тех укрепляет апостольский престол, хищнические набеги этих наносят вред христианству! Во всех этих доблестях юный король наш * не уступает никому из предшественников и со всеми князьями своего царства желает быть непреоборимым заступником святой Римской Церкви. Еще клеветали на нас вышеозначенные славяне, что мы, поддерживая связи с уграми, изменили кафолической вере и при заключении с ними мира клялись собакой или волком и другими непристойными и языческими предметами, что будто мы подкупили их предпринять поход на Италию; как бы желали мы пред лицом всеведущего Бога и перед вами, Его наместником, выступить против этих лжецов и доказать нашу невинность. Так как угры угрожали и теснили христиан варварскими набегами, то мы, имея намерение задобрить их, действительно сделали им подарок, но это не был подкуп деньгами, а дар льняными одеждами с целью смягчить их зверство, и в этом они нашли основание злословить нас и возбудить гнев наших первосвященников... В преступлении, которое по их клевете мы совершили один раз, они виноваты много раз и в течение многих лет. Они приняли к себе огромное множество угров, и, по их обычаю, пообстригали свои лжехристианские головы, и натравили их на нас, христиан, да и сами нападали, одних уводя в плен, других убивая, а многих томили жестоким голодом и жаждою в темницах, довели христиан до разорения и до рабства, уничтожили церкви Божии и разорили множество зданий, так что во всей Паннонии, нашей огромной провинции, едва ли сохранилась хоть одна церковь. Все это могли бы подтвердить, если бы захотели сказать правду, посланные вами епископы, которые много путешествовали и видели разоренную страну. Когда мы узнали, что угры вторглись в Италию, видит Бог, как искренно желали мы примириться с этими

* Конечно, идет речь о Людовике Дитя.

славянами, обещая им во имя всемогущего Бога забвение всех обид, нам нанесенных, и возвращение всего от них отнятого. Мы желали, чтобы они пощадили нас хотя бы на то время, пока мы будем в походе в Ломбардию, предпринятом для защиты престола св. Петра и народа христианского. Но и этого немногого мы не могли получить от них — лжецов и клеветников, никогда не дававших христианам пощады! Если бы кто в целом мире стал доказывать, что мы ошибаемся или допускаем измену правде, пусть он явится налицо, и вы убедитесь в его лживости и в нашей чистоте. Общая скорбь и великое уныние одержит всех жителей Германии и Норика из-за церковного раскола: одна епископия, повторяем, раскололась на пять. Молим, да сгладится справедливым расследованием то, что навлечено на нас пронырством славянина».

Неизвестно, какие последствия имел этот горячий протест духовенства Зальцбургской архиепископии против притязаний Римского престола иметь в своем непосредственном подчинении Моравию и Паннонию, как это было во время архиепископа Мефодия. В протесте нет ни малейшего намека на распоряжения Николая I и Иоанна VIII относительно национальной Церкви в Моравии и славянского языка. Обойдя молчанием деятельность архиепископа Мефодия, наш документ допускает удивительно смелый изворот по отношению к Викингу. Оказывается, что он был посвящен якобы не в ту область, о которой говорится в протесте и на которую заявляет теперь притязания Пассавский епископ, а в другую какую-то, к новопросвещенному народу, только что перешедшему из язычества в христианство. В этом акте, рядом с которым трудно сопоставить другое произведение, так же открыто, реально и без всяких обычных условностей покрывающее ложью всем известную и на глазах у всех происходившую действительность, есть еще два весьма пикантных обстоятельства — именно, указание на подкуп угров немцами для похода против Моравского княжества и на подкуп самой римской курии славянами. К этим обстоятельствам мы будем иметь случай возвратиться впоследствии, когда дойдем до изложения истории угорского погрома, теперь же остается закончить настоящую главу несколькими дополнительными замечаниями.

Национальная славянская Церковь в Моравии по смерти Мефодия была уничтожена распоряжениями пап и настойчивыми действиями баварского духовенства. Через несколько лет погибло само Моравское княжество под ударами страшной орды угров, или мадьяр, которая с конца IX в. наводила ужас на всю Европу, а в начале X в. (907), нанеся поражение немцам и славянам, утвердилась в Моравии и Паннонии. Можно, таким образом, сказать, что моравский народ жестоко поплатился за попытку организовать у себя национальную Церковь и ввести греческий обряд в богослужении. Выше была представлена обстановка, в которой происходили столь важные для истории славян события, разыгравшиеся на почве просветительной деятельности Кирилла и Мефодия. Уместно будет задаться здесь вопросом: какие причины вызвали столь трагический исход так прекрасно начатого и хорошо прививавшегося в Моравии дела? Князь Святополк с его приверженностью

к заграничным обычаям, окруженный и в своей столице немецким духовенством и друзьями из баварцев, по натуре своей был человек, мало вникавший в религиозные дела. Он не был националистом и не имел достаточно ясного сознания об устоях, которыми держится народная жизнь. С половины IX в. мораване только начали вырабатывать эти устои в церковном обряде, в народном самосознании и языке; когда постигло страну страшное испытание в угорском нашествии, эти устои оказались уже расшатанными, и народ без достаточного воодушевления и энергии боролся с насильниками. Роковой исход кирилло-мефодиевского вопроса у мораван может наводить мыслящего читателя на серьезные вопросы. Оправдывается ли требованиями высшей справедливости вековая борьба культов, так резко разделяющая православие и католичество? Следует ли радоваться или, напротив, жалеть о том, что начавшаяся со времени Кирилла и Мефодия рознь и вражда между греческим и латинским обрядом в славянских землях не только не угасла по настоящее время, но, постепенно перерождаясь и эволюционируя, придала свой особенный отпечаток — моральный и культурный — приверженцам названных обрядов? Правда ли, как об этом говорят часто и открыто, что православие есть религия консерватизма, идущая рядом с невежеством и умственным застоем, а католичество — религия развивающегося религиозного сознания, дисциплинированная, однако, высшим авторитетом Римского епископа, что первая есть религия низшего культурного сознания, а вторая — высшего? Конечно, это вопрос до известной степени индивидуального самоопределения и решается по субъективным побуждениям. Но мне кажется, что решение его обязательно для всякого, и не только в собственном сознании, но и с целью выражения его открыто и гласно. Нужно признаться, что религиозная идея потребовала от человечества гораздо больше жертв и страданий, чем политическое его развитие; может быть, что жертв принесено больше, чем получено за них духовной пользы и спокойствия. Но если принять во внимание, как вообще медленно совершается процесс развития и как дорого оплачивается и самый малый шаг вперед по пути эволюции, то необходимо признать законными и те жертвы, которые приносятся в сфере религиозного сознания. Возвращаясь к поставленному вопросу о греческом обряде и славянском языке в богослужении, мы должны считаться с реальной действительностью, которая рисует взаимное отношение православия и католичества между славянами в следующих цифрах. Православных греческого обряда, усвоивших кирилло-мефодиевское православие, считается ныне более 111 миллионов, в этом числе на болгар падает более 5 милл., на сербов — около $5^1/_2$ милл., главная же масса, более 100 милл., находится в России. Приверженцев же католического обряда, из коих значительное большинство первоначально усвоило мефодиевский, греческий, обряд и с течением времени отпало от него вследствие пропаганды, всего между славянами около 37 милл. Между ними большинство, свыше 21 милл., поляки; чехи составляют свыше 7 милл., хорватов и сербов — около $3^1/_2$ милл. и, наконец, словаков (прежние мораване) немного более 2 миллионов, словинцев — около $1^1/_2$ милл. Вообще можно считать: православных — 70%, католиков — 23%, остальное число падает на протестантство и разные исповедания [28]. Мы не будем ссылаться на процентные отношения,

которым нельзя подчинять вопросы совести и нравственного сознания и самоопределения. Но для нас не может не иметь значения сознательное отношение к урокам истории. Кирилло-мефодиевский вопрос, если относиться к нему исключительно с вероисповедной стороны, необходимо должен подчиняться при сравнительной оценке его религиозным склонностям того, кто принимает на себя задачу подобной оценки. Устранив же или на время освободившись от вероисповедного элемента, мы можем отнестись к нему как к просветительному и организационному принципу, входящему в устроение политической, религиозной и моральной жизни тех народов, у которых он утвердился. Никто не может отрицать слишком отмеченного историей и опытом явления, что те славянские племенные группы, которые оказались подчиненными греческому обряду и восприняли плоды кирилло-мефодиевской миссии, действительно формируют свое религиозное и нравственное мировоззрение иначе, чем те группы, которые исповедуют латинский обряд. Может быть, следует даже поставить вопрос шире и сказать, что есть национальные характеры, совершенно приспособленные для усвоения католицизма, и, напротив, такие, которые не чувствуют влечения к внешним формам католического обряда и к миссии католического духовенства. Поэтому следует думать, что в разделении Европы на католическую и православную участвуют более важные элементы и глубже лежащие причины, чем честолюбие Фотия или каприз Михаила Кирулария. Именно и в характере населения Западной и Восточной Европы, и в психическом складе тех народов, у которых удержался кирилло-мефодиевский, или греческий, обряд, должны существовать особенности, которыми держатся культурные и религиозные различия. Язык и религия — это два высоких дара, из-за которых стоит бороться до истощения сил и с изменой которым народ необходимо теряет свою национальную самобытность и свое право на историческую роль.

Несмотря на роковой исход кирилло-мефодиевской миссии в Моравии, она завоевала себе обширное влияние среди южных славян и на северо-востоке среди русских. Рассматриваемая как элемент противодействия Константинопольского патриархата Римскому престолу и Византийской империи Каролингам, кирилло-мефодиевская миссия нанесла большой удар католицизму и по настоящее время составляет сильную преграду для распространения римского обряда и германизма в его движении на Восток.

Глава VII

Церковные дела. Второе патриаршество Фотия

Постепенное развитие кирилло-мефодиевского вопроса происходило в обстановке тогдашних отношений между патриархатом и Римским престолом, между Западной и Восточной империей. Поэтому нам предстоит здесь рассмотреть эти отношения со времени удаления с патриаршего престола Фотия и возведения Игнатия. Этот большой церковный переворот произошел 25 сентября 867 г. и был выражением новых политических взглядов царя Василия. Патриарх Фотий пользовался громадным значением среди духовенства и народа, имел большие связи и в высших слоях византийского общества, его удаление было довольно опасным шагом для правительства, но, как известно, царю Василию казалось необходимым пожертвовать Фотием, дабы восстановить отношения с Римским престолом, от которого он много ожидал для осуществления своих планов в Южной Италии и Сицилии. Бывшему патриарху назначен был для пребывания один из монастырей на Босфоре, в селении Стения [1], в заливе того же имени, где, однако, он подчинен был строгому надзору и лишен сношений с внешним миром. Но ему была предоставлена свобода переписываться с его почитателями и друзьями; в этой переписке он жалуется, между прочим, на тяжелые условия заключения. Из этой переписки можно также видеть, как высоко было его влияние в клире, которое нисколько не было поколеблено бывшим против него Собором и осуждением. На его стороне оставались кроме митрополита Григория Асвесты наиболее значительные представители малоазиатского духовенства: Захария Халкидонский, Евсхимон Кесарийский, Георгий Никомидийский, Амфилохий Кизикский, Захария антиохийской Писидии, Михаил Митиленский, Иоанн Ираклийский и др.— все это были иерархи, стоявшие во главе обширных епархий, которые составляли вторую, неофициальную Церковь в империи. Превосходное и в качестве литературного произведения, и как свидетельство настроения автора письмо Фотия к царю Василию весьма живыми красками рисует положение бывшего патриарха [2].

> «Выслушай меня, всемилостивейший государь! Я не защищаюсь ныне ни старой дружбой, ни страшными клятвами и взаимными соглашениями, не ссылаюсь и на помазание и царское венчание, ни даже на то, что из наших рук ты приобщался страшных и чистых таин, ни на узы, которыми связывает нас мое духовное усыновление твоего милого дитяти*. Все это оставляю в стороне и ссылаюсь перед тобой только на то, на что имею право по человечеству. По

* Подразумевается восприятие от купели царевича Стефана.

варварским, а равно и эллинским законам присужденных к смерти лишают жизни, а если кому даруется жизнь, тех не доводят до смерти голодом и всяческими мучениями. Хотя я жив, но испытываю смертные страдания; меня держат в заключении, все у меня отняли: родственников, знакомых, прислугу — и лишили всяческих жизненных удобств. И божественному Павлу, когда он был в узах, не возбраняли принимать услуги от знакомых и друзей, и последние его минуты были облегчены состраданием христоненавистных язычников. С давнего времени, не говорю уже об архиереях, но и преступники не подвергались никаким страданиям. Но что у меня отняли и книги — это новое, и странное, и как будто для меня изобретенное наказание. Для чего это? С какой целью отняли у нас книги? Если я виновен, то нужно дать мне больше книг и учителей, чтобы, читая их, я поучался и, обличаемый, старался исправиться; если же я невиновен, то за что подвергаюсь обиде. Никогда ни один православный не испытывал этого от неправославных. Славный своими подвигами Афанасий часто лишаем был кафедры, но никто не присуждал его к лишению книг.

Но зачем вспоминать древние времена? Еще помнят многие из нас нечестивого Льва, который по природе был более похож на зверя, чем на человека, но и он, лишив трона великого Никифора и присудив его к изгнанию, не лишил его, однако, общения с книгами и не томил голодом, как томят меня... На нас обрушились, увы, всяческие и необыкновенные испытания; будучи выброшены из сообщества друзей и лишены круга монашествующих и поющих псалмы, мы преданы военной страже и окружены военными отрядами. Подумай об этом, государь, с самим собой и, если совесть тебе подскажет, что ты прав, приложи и новые нам мучения, может быть, таковые и найдутся еще; а если совесть этого не скажет, не жди, чтобы она осудила тебя тогда, когда и раскаяние бесполезно. Я обращаюсь к тебе, может быть, с необычной просьбой, но она соответствует необычным обстоятельствам. Останови зло одним из этих двух способов: или отняв у меня жизнь, или умерив испытываемые мной бедствия.

Приведи себе на память, что и ты человек, хотя и царствующий, вспомни, что одинаковое тело имеют и цари, и простые смертные и все одарены той же природой. Зачем злобой ко мне ты уничижаешь свое милосердие и свою благость порочишь наносимой мне обидой? с какой целью гневом и суровым ко мне отношением ты посрамляешь человеколюбие, лицемерно прикрываясь им? Я не прошу возвращения престола, не гонюсь за славой, благоденствием и успехами, мне нужно только то, в чем не отказывают узникам и пленникам, что и варвары благодушно предоставляют заключенным. Я унижен и доведен до такого состояния, что умоляю об этих вещах человеколюбивейшего ро-

мэйского царя! В чем моя просьба? Позволь мне или жить, но так, чтобы не испытывать мучений, которые делают жизнь тягостней смерти, или немедленно прекрати мое существование. Имей уважение к природе, постыдись перед общими для всех человеческими законами, прими во внимание привилегии Ромэйской империи. Не допусти, чтобы история сохранила необыкновенное повествование, что когда-то был царь, слывший кротким и человеколюбивым, и что этот царь, допустив патриарха до тесной дружбы и удостоив его кумовства и от рук его получив помазание на царство, пользуясь его особенной любовью, и дав ему клятву и страшные ручательства, и всем показывая любовь к нему и расположение, тем не менее подверг его заключению и голоду, и томил бесчисленными муками, и предал его смерти, когда архиерей молился за него».

Что первое время положение патриарха Фотия было весьма тягостно, это доказывается его перепиской и с другими лицами, из коих большинство занимало влиятельное положение в Константинополе и могло оказать ему помощь. Таково письмо к препозиту и патрикию Ваану.

«Когда-то у римлян и у эллинов наблюдался обычай соблюдать границу в притеснениях, причиняемых и самим врагам, не говоря уже о благодетелях. И варварам свойственно не преступать границу в мучениях. Я доведен состоянием, в которое вы меня поставили, до тяжкой болезни; нуждаясь во враче по состоянию здоровья, вот уже 30 дней, как я прошу прислать врача, и вы не хотите исполнить моей просьбы».

Нужно думать, что письма Фотия достигали своего назначения и имели успех. Сохранилось еще письмо к царю Василию, в котором Фотий благодарит его за облегчение его положения.

Сам находясь в очень стесненном положении, Фотий должен был в это время поддерживать дух своих друзей и приверженцев, которые, не желая признать нового патриарха, были лишены кафедр, сосланы в заточение и так же страдали, как и сам Фотий. В переписке с друзьями в особенности рисуется величавый характер Фотия. Он всем подавал пример своей твердостью и, кроме того, прекрасно умел действовать на дух своих почитателей и учеников в желательном для него направлении. Сам он не шел на уступки и не допускал никакого общения между игнатианами и своими последователями. Приверженцы павшего патриарха составили особенную Церковь, члены которой не желали иметь общения с Церковью Игнатия и не участвовали в богослужении, обрядах и молитвословиях, совершаемых священниками, посвященными Игнатием, или им рукоположенными епископами. Не только Фотий не терял своих приверженцев, но даже круг его почитателей распространялся во всех слоях, в особенности среди монахов. Нужно думать, что, получая точные сведения через своих корреспондентов о состоянии умов и о церковных партиях, Фотий мог предугадывать ближайший ход вещей и питать надежду на восстановление. С течением времени и его собственное положение изменилось к лучшему, и на его ходатайства в пользу его друзей стали обращать более внимания. Царь Василий не пренебрегал пользоваться ученостью Фотия для некоторых занимавших его воп-

росов, и это не могло его не сблизить вновь с патриархом. Наконец в 876 г. Фотий получил разрешение жить в Константинополе и ему было поручено воспитание царевича. Всем было ясно, что, как только престарелый Игнатий освободит престол, кандидат на патриаршество уже готов в лице Фотия. И действительно, по смерти Игнатия (23 окт. 878 г.) через три дня Фотий занял снова Константинопольскую кафедру и отношения его к царской семье установились самые лучшие, что доказывается, между прочим, церковным актом исключительного внимания патриарха — внесением в число почитаемых святыми царевича Константина, умершего в юношеском возрасте. Нужно, впрочем, иметь в виду, что внутреннее состояние Церкви до такой степени было нарушено в первые годы по удалении с кафедры Фотия, что правительство и само необходимо приходило к сознанию близости нового переворота. Сам Фотий в одном из заседаний Собора 879 г. так описывает свое положение в это время [3]:

> «Я не употреблял никаких стараний, чтобы снова занять кафедру... Но Бог коснулся сердца нашего императора, который и обратил ко мне свою любовь — не ради, впрочем, меня, а многочисленного народа Божия. Доколе был жив блаженный Игнатий, я не мог и думать занять кафедру, хотя к этому многие побуждали меня, а в особенности могла к тому поощрить меня забота о судьбе моей братии и соепископов, которые претерпевали заточение, преследование и изгнание. Я делал все, чтобы достигнуть мира с Игнатием, и этот мир был заключен, когда он прибыл ко мне и мы пали друг другу в ноги и просили взаимно прощения. Когда он сделался болен, я навещал его много раз» [4].

По другому случаю Фотий такими чертами описывает положение оставшихся ему верными епископов и священников.

> «Когда я был изгнан из Церкви и когда множество епископов и пресвитеров лишились своих мест, я говорил моим врагам: если ваш гнев обращен единственно на меня, то дайте свободу моим друзьям, против меня вы можете предъявлять сколько хотите и какие хотите обвинения. Я предаю себя вам в ваше полное распоряжение, только об одном прошу, чтобы Церковь Божия была избавлена от тягостного зрелища, как народ Божий, преданный истинной вере и со мною согласный, предается смерти, голоду, ссылкам, озлоблениям, как святые христианские таинства становятся предметом насмешек для язычников и варваров».

Ближайшая задача правительства теперь заключалась в том, чтобы восстановление Фотия оправдать со стороны церковной практики и канонических правил и достигнуть признания совершившегося факта со стороны Рима. До известной степени это было подготовлено уже самим Фотием: есть следы переписки его с Анастасием Библиотекарем, с которым он свел знакомство в Константинополе, когда Анастасий прибыл сюда послом от императора Людовика II. Был, по-видимому, составлен план мероприятий насчет оказания содействия Фотию [5]. Во всяком случае, как сейчас увидим, происшедший в Константинополе переворот в пользу Фотия не встретил таких препятствий в Риме, каких можно

было ожидать. Чтобы выяснить, однако, сложившиеся в то время условия, необходимо несколько раздвинуть исторический кругозор. Еще при жизни Игнатия царь Василий не раз обращался в Рим с просьбой послать легатов для примирения враждебных партий в патриархате и для принятия в общение с Церковью тех многочисленных епископов и священников, которые находились под запрещением вследствие соборных постановлений против Фотия в 869 г. В апреле 878 г. папа Иоанн VIII послал в Константинополь епископов Павла Анконского и Евгения Остийского с специальными поручениями, которые частию объяснены были в письмах, врученных им для передачи разным лицам — и во главе всех царю и патриарху. В общем папа на этот раз был гораздо сговорчивей, он делал значительные уступки по делу Фотия, хотя и ставил с своей стороны разные условия, между которыми важнейшее значение имел вопрос о Болгарии. /Нужно принять в соображение, что все распоряжения папы, касающиеся патриархата, имели в виду тот порядок вещей, какой был в последние дни Игнатия./ Послы папы имели на пути в Константинополь представиться болгарскому князю Богорису-Михаилу, для чего им вручены были письма как к самому князю, так и к приближенным к нему лицам. Главная цель этих писем — возвратить Болгарию к подчинению Риму и побудить ее к принятию римского духовенства, «ибо Римская Церковь чище Греческой, многие епископы Константинополя были еретики; поддерживая единение с греками, болгаре и сами могут впасть в ересь». В особенном письме, назначенном для греческого духовенства, приглашенного в Болгарию, папа приказывает ему в 30-дневный срок очистить Болгарию, иначе непослушным угрожает отлучением, а тем, кои исполнят его волю, обещает дать епископские и священнические места в Константинопольском патриархате. В письмах к царю и патриарху папа отвечает на ходатайства, о содержании коих можно судить только по этим письмам, так как самых ходатайств не сохранилось. Между прочим, любопытно отметить обстановку, в которой находился в то время Римский престол [6]. Папа просит царя оказать помощь Риму, угрожаемому сарацинскими набегами, которыми он был вынужден согласиться на уплату арабам ежегодной дани. Патриарха Игнатия папа предостерегал против опасного шага — распространять пределы патриархата далее, чем установлено канонами. «Всякому известно, что Болгария принадлежит Римскому престолу, и между тем Игнатий забыл это, равно как все благодеяния, полученные от Рима». Папа напоминает ему еще раз, что он должен поспешить вызовом из Болгарии греческого духовенства в течение тридцати дней, в противном случае ему угрожает лишение причастия и низвержение из сана.

Из приведенных актов ясно, до какой степени доходили притязания Римского престола по отношению к Константинополю и как они не соответствовали взглядам на взаимное отношение Церквей Фотия, который занимал кафедру в Константинополе, когда прибыли сюда папские послы. Положение дел быстро изменилось. Новый патриарх, опираясь на благорасположение царя и на значительную партию преданного ему духовенства, нашел возможным настоять на полном восстановлении своего церковного авторитета, для чего необходимо было собрать вселенский Собор, который бы мог отменить постановления Собора 869—870 гг., отлучившего Фотия. Так как прибывшие из Рима легаты не

имели полномочий ни вступать в сношения с Фотием, ни тем более участвовать в Соборе, то немедленно начаты были переговоры с папой насчет изменившихся условий в Константинопольской Церкви. В Рим был отправлен митрополит Евхаитский Феодор Сантаварин, один из преданнейших Фотию иерархов, чтобы уведомить папу о вступлении Фотия на престол и просить о признании совершившегося факта. Посол был снабжен несколькими документами, которые давали полную возможность разобраться в Риме в совершившихся событиях. Так, было присоединено ходатайство митрополитов патриархата Константинопольского, письма восточных патриархов — Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского и рекомендательное письмо самого царя. В мае 879 г. посольство прибыло в Рим, а в августе был отправлен в Константинополь кардинал-пресвитер Петр с шестью актами, помеченными 16 августа 879 г. Как эти акты, так и деяния Собора, состоявшегося вскоре затем в Константинополе, доселе составляют соблазнительный эпизод в истории взаимных отношений между латинской и греческой Церковью. Было время, когда самый Собор 879 г. признавался фантастическим, т. е. измышленным, со всем его делопроизводством и присоединенными к нему оправдательными документами. В настоящее время подозрения не идут так далеко; в реальности Собора, отменившего осуждение Фотия Собором 869 г. и восстановившего его церковный авторитет, более не сомневаются, но зато выставлено много серьезных возражений против подлинности некоторых актов, которые будто бы были изменены в пользу Фотия или им самим, или по его приказанию. Так как против этого последнего возражения не могут защитить Фотия и самые искренние его почитатели и ценители его громадных знаний и таланта, то необходимо заметить, что подлинное значение актов может быть восстановлено при сличении латинского оригинала папских писем с греческим их переводом, сделанным уже в Константинополе [7]. Известно, что латинские акты на Соборе сообщались в греческом переводе, и не всегда точном, и что римские легаты, не понимавшие греческого языка, легко могли давать свое согласие на такие мысли и предложения, которые не согласовались с данными им инструкциями. Эти обстоятельства следует принимать в соображение при оценке противоположных мнений католических и православных писателей о занимающих нас событиях.

Папские письма и данные легатам личные поручения действительно не вполне соответствовали тому, что извлечено было из них и из благоприятно сложившихся обстоятельств византийским правительством и патриархом Фотием. Но нельзя не отметить и того, что политические обстоятельства в описываемое время так были исключительны, что даровитому дипломату и редкому государственному уму, каким рисуется папа Иоанн VIII, не оставалось другого исхода, как склониться пред необходимостью и посредством уступок царю Василию приобрести его военное содействие. Действительно, для папы шла речь о сохранении Церковной области, существованию которой угрожали сарацины и христианские князья Италии, вошедшие с первыми в соглашение. Арабы доходили до устьев Тибра, и единственным союзником папы в это время оказался стратиг города Бари Григорий; герцог Ламберт Сполетский и маркграф Тусции Адальберт подвергли Рим тесной осаде и поставили

папу в необходимость обратить заискивающий взор на византийский Восток. В начале 878 г. он первый писал царю Василию в примирительном тоне[8]. Сближение с Византией давало, кроме того, надежду на возвращение Болгарии, на сохранение под римским влиянием Далмации. Папе необходимо было делать большие уступки в это время, припомним его отношение к кирилло-мефодиевскому вопросу. Итак, в существенном была одержана Фотием значительная победа уже в том, что папа, хотя и условно, согласился признать его вторичное вступление на патриарший стол. Эта условность выражена им в следующих положениях: 1) на будущее время избегать посвящения в епископы из светского звания; 2) не посылать епископов и священников в Болгарию и предоставить ее администрации Римского престола; 3) испросить прощение перед Собором за прежние действия. Требование относительно Болгарии в письме на имя Фотия обставлено весьма строго: «Если хочешь, чтобы мы содействовали тебе, возврати Римской Церкви Болгарию. Но если ты будешь назначать новых епископов и священников для этой страны, то будешь подвержен вместе с ними отлучению от Церкви».

В ноябре 879 г. начались заседания Собора в храме св. Софии константинопольской. Это был Собор весьма внушительный как по числу присутствовавших членов, так и потому, что на нем были представители всех восточных патриархов. Особенное же значение имеет этот Собор по своим постановлениям, весьма чувствительно затронувшим все споры и недоразумения, возникавшие до тех пор между Восточной и Западной Церковью. Для последующей истории католичества и православия деяния этого так называемого Софийского, или VIII Вселенского, Собора имеют капитальное значение, хотя взгляды на него совершенно противоположны у западных и греко-славянских писателей. Читая акты Собора, нельзя не прийти к выводу, что патриарх Фотий в полном смысле был и председателем, и руководителем этого Собора и что папские легаты не только не пытались лишить его первенствующей роли на Соборе, но часто, по-видимому, не отдавали себе полного отчета в том, о чем шла речь. Внешним и формальным образом Фотий воздавал им и папе честь и похвалы, но, когда нужно было формулировать серьезные и тонкие вопросы, касающиеся преимуществ Римского престола или притязаний Рима на Болгарию, в этих случаях строго деловой тон заступал место «преданности и братской любви» и делалось постановление, которое далеко не могло удовлетворять притязания Римской Церкви. Все это, повторяем, легко было достигнуть Фотию посредством легкого смягчения смысла подлинных выражений оригинала и в присутствии абсолютного большинства членов, или бывших издавна его приверженцами, или сделавшихся таковыми после его вторичного вступления на кафедру. Приведем мнение одного из новых католических писателей о роли Фотия и папских легатов на этом Соборе[9].

> «Фотий был не из таких, чтобы не воспользоваться благоприятными обстоятельствами для осуществления своих планов. Патриархом уже признавали его все в Риме, на Востоке и в Константинополе, даже сам император. Итак, Собором он мог воспользоваться лишь для своего личного возвышения, и в этом отношении легаты соответствовали его желаниям. Незнакомые с греческим языком, обязанные пользовать-

ся переводчиками и, по-видимому, люди ограниченных способностей, оба епископа и кардинал-пресвитер позволили ввести себя в обман — если верить греческим актам и допустить труднодопустимое, что они не подделаны,— и согласились на все, чего желал Фотий. Таким образом, патриарх не только на Соборе не выполнил ни одной канонической формальности, потребованной папой, и уклонился от обязательства по поводу возвращения Болгарии и избрания на будущее время патриарха из светских лиц, но в согласии с своими друзьями и при их посредстве он решительно отверг высший авторитет апостольского престола и отменил и подверг анафеме акты пап Николая I и Адриана II и самый V Вселенский Собор, т. е. Собор 869 г., и на развалинах римского могущества, окончательно поверженного в прах, он воздвиг свою собственную славу, заставив признать себя высшим над всеми как величайшего архиерея Божия, имеющего власть вязать и решить. Таков был первый шаг Фотия на том пути, по которому он мог уйти далеко, т. е. до заговора против царя, задуманного с целью все захватить в свои руки, и духовную и светскую власть».

После сказанного мы можем ограничиться лишь самым существенным по отношению к деяниям этого Собора, не останавливаясь на подробностях. Председательство на Соборе и направление всего делопроизводства принадлежало патриарху Фотию, римские легаты занимали первое после него место. Что касается представителей восточных патриархов, то Иерусалимский и Александрийский имели таковыми простых священников, а Антиохийский хотя был представлен митрополитом Мартинопольским, но последний явился только на четвертое заседание, происходившее накануне Рождества. Но почти все члены в числе 383, принадлежавшие главным образом к Константинопольскому патриархату, были приверженцами Фотия и поддерживали его предложения. Непримиримые же противники, Митрофан Смирнский и Стилиан Неокесарийский, не принимали участия в соборных деяниях. Уже на первом заседании делопроизводству дан был такой оборот, что могло казаться, что Собору предстоит заниматься не местным делом патриархата — умиротворением двух партий,— а отношениями между Западной и Восточной Церковью, нарушенными постановлениями Собора 869 г. Главным моментом в заседании, определившим все направление соборной деятельности, была речь митрополита Халкидонского Захарии, отличающаяся большим ораторским искусством и полемическим задором. Только что патриарх Фотий с целью превознести попечительность папы о благе Церкви уподобил его Христу, принявшему подобие человека, дабы спасти человечество, как означенный митрополит произнес следующую речь[10]. Выразив сожаление, что мир в Церкви долгое время был нарушен вследствие «простоты» патриарха Игнатия, оратор переходит к объяснению причин этого печального положения.

«Причину нужно искать в том,— говорит он,— что возвышенные свойства и славные дела Фотия, его необыкновенные познания и ученость, чистота души, врожденная ему мудрость, кротость, благоразумный и умеренный образ дей-

ствий, его смирение, привлекавшее к нему всех, и в особенности епископов, его ревность к обращению грешников, еретиков и неверующих * возбудили к нему зависть и ненависть, подобно тому как Спаситель навлек на себя ярость иудеев. Доблесть благочестивейшего царя вознаградила за понесенное поражение. Он всем доказал ложность изветов, приходящих с Востока, в то же время папа Иоанн пришел к прекрасному решению не настаивать более на мерах, принесших столько вреда Церкви (разумеются меры против Фотия). Церкви возвращено то, что ей принадлежит, она получила своего Жениха; и все, что произнесено против Фотия, вменяется в болтовню и в суесловие. Большинство епископов подчинилось совершившемуся повороту немедленно, многие присоединились спустя короткое время, и лишь небольшая часть остается в схизме. Если кто спросит у них причину, по которой они продолжают свое упорство, у них готово следующее оправдание: таков приказ Римской Церкви. Это все равно, если бы грабители храмов и убийцы стали говорить в свое извинение: мы совершаем злодеяния по приказанию римлян. И вот эта Церковь, соблюдающая у себя церковный мир и заботливо охраняющая его в других Церквах, ныне становится виновницей смут, вражды и скандалов и всяческих бедствий, угнетающих нашу Церковь,— я не говорю, что это правда, но так говорят наши враги. Ради этого созвал вас благочестивейший наш царь. И вы,— обращается оратор к папским послам,— прибыли сюда с той целью, чтобы опровергнуть те обвинения и укоризны, которые, по их словам, тяготеют на вас за несправедливости по отношению к нам. Если говорить прямо, этот Собор состоялся ради вас, для защиты Римской Церкви, дабы никто из схизматиков не считал ее виновницей смут и раздоров. И в настоящее время по милости Божией, при благожелательном содействии благочестивейшего царя, молитвами владыки нашего святейшего патриарха и трех восточных престолов и богоугодным предстательством святейшего папы Иоанна все пришло в надлежащий порядок и не нуждается в исправлении. Это не мое мнение, а голос всего собрания».

Эта смелая речь была вполне одобрена отцами Собора, и митрополит Захария присоединил еще несколько слов.

«Схизматики простирают дерзость до того, что самую Римскую Церковь ставят в ложное зависимое положение. Принимая акты Николая и Адриана, они отвергают постановления святейшего папы Иоанна и этим доказывают, что они, не

* Речь построена, однако, на реальной почве: τὸ πολλοὺς μὲν τῶν αἱρετικῶν, πολλοὺς δὲ τῶν ἀπίστων. καὶ τί λέγω ταῦτα; ἔθνη δὲ μᾶλλον ὁλόκληρα εἰς τὴν ἀμώμητον ἡμῶν πίστιν τῶν χριστιανῶν ἐπιστρέψαι παρασκεύαων [и это многих еретиков, многих неверных — нет, не так я говорю,— всех язычников собираясь обратить в нашу непорочную христианскую веру]. Оратор здесь мог сослаться на обращение Моравии, Болгарии и России.

желая подчиняться папам, хотят принудить этих архипастырей соображаться с их желаниями. Таким образом, легатам предстоит задача очистить Римскую Церковь от подобного унизительного рабства и освободить ее от всех обвинений».

Когда после этих слов читаем в соборных деяниях произнесенные кардинал-пресвитером Петром слова: «благодарим Бога за все, он совершит все на общую пользу», то невольно приходим к мысли, что он не понял значения речи греческого митрополита, иначе должен был бы всячески протестовать.

На четвертом заседании папские послы внесли предложение о принятии некоторых гребований, которые им необходимо было провести в интересах Рима. Прежде всего ставился вопрос об отказе Константинопольского патриарха посвящать для Болгарии епископов и пресвитеров. Но предложение не нашло сочувствия, и против него выступило несколько ораторов, доказывавших, что этот вопрос подлежит решению светской власти, что, когда царь силой оружия восстановит границы Римской империи, тогда установлены им будут и пределы патриархатов. Наконец, митрополит Смирнский Никита высказался в том смысле, что если папа и патриарх питают один к другому такую любовь, что составляют как бы одну душу, то нет и нужды делить церковные провинции, так как можно владеть ими сообща. Точно так же не прошли и другие предложения относительно недопущения светских лиц к посвящению в епископы Константинополя; но зато почти единодушно были приветствуемы предложения: 1) считать недействительными бывшие в Риме и Константинополе Соборы против Фотия, 2) признавать отлученными от Церкви тех, кто отделился от Фотия и не признает его патриархом. В заключение этого заседания легат папы произнес: «Соблазны устранены, истина заблистала» — и выразил пожелание, чтобы литургия в праздник Рождества Христова была совершена самым торжественным образом патриархом Фотием при участии папских легатов и чтобы все члены Собора приняли причащение в свидетельство того, что Фотий принят в общение Церквами Запада и Востока и что мир между Церквами восстановлен.

Можно считать, что этим заседанием закончилась деятельность Собора, так как главный вопрос казался вполне решенным в интересах Восточной Церкви. Но 26 января 880 г. состоялось пятое заседание, на котором патриарх Фотий поставил вопрос о признании всею Церковью VII Никейского Собора Вселенским. После того как Собор принял это предложение, сопровождая его анафематствованием против тех, кто не будет согласен с ним, в том же заседании имели место некоторые предложения и решения, получившие большое значение впоследствии. Когда попытка примирить с Церковью Смирнского митрополита Митрофана окончилась неудачей, Собор принял следующее постановление, на основании которого делается заключение о равенстве Римской и Константинопольской кафедры с точки зрения канонических правил: кого из латинского клира святейший папа Иоанн лишит сана и отлучит от Церкви, того и патриарх Фотий будет признавать отлученным от Церкви; точно так же и папа будет признавать разрешенными или связанными тех, кого разрешил или связал патриарх Фотий. Самым важным моментом нужно, однако, признать речи Василия Мартирополького

и Прокопия Неокесарийского, которые провозгласили чуть ли не примат Константинопольского патриарха во Вселенской Церкви[11]. Первый, ссылаясь на делегацию церковного авторитета со стороны восточных патриархов и на высочайшую церковную власть, заимствованную от Рима, признал Фотия имеющим божественную власть величайшего архиерея, который имеет власть вязать нерушимыми узами Всесвятого Духа*. А Неокесарийский митрополит Прокопий на седьмом заседании выразил ту мысль, что Константинопольский архиепископ имеет попечение о всем мире по образу архипастыря Христа Бога нашего**. На шестом заседании, происходившем 3 марта в императорском дворце и в присутствии царя Василия и сыновей его, царевичей Льва и Александра, было предложено вновь провозгласить и одобрить никейский Символ веры. Значение принятой меры легко можно понять из того, что как раз в эту эпоху в сношениях между Западной и Восточной Церковью начал обращать на себя внимание вопрос о внесении в Символ прибавки Filioque. В заседании был прочитан и принят акт, очевидно, заранее заготовленный, которым никеоконстантинопольскому Символу придавалась твердость и неизменность на вечные времена, обеспечивающая его против произвольных изменений***. Легаты папы не нашли возможным сделать возражения против этого предложения, так как весьма вероятно, что папа Иоанн не принял еще прибавки Filioque, и так как серебряные доски, в Риме отлитые, имели Символ без прибавки[12]. Тем не менее в истории последующих отношений между Востоком и Западом упомянутая статья соборных деяний играет большую роль. Царь Василий подписал собственноручно деяния этого Собора, при подписи обозначив существенные положения, выработанные Собором.

> «Василий, верный во Христе самодержец и царь ромэйский, соглашаюсь с сим святым и Вселенским Собором во всем, как относительно утверждения седьмого Вселенского Собора, так и по отношению к признанию и утверждению Фотия, святейшего патриарха Константинополя и нашего духовного отца, а равно и касательно осуждения всего того, что против него писано и выражено на словах, что и утверждаю собственноручной подписью».

Весной 880 г. папские легаты оставили Константинополь, им были вручены императором и патриархом письма для папы, не дошедшие до нашего времени. Ответные письма папы помечены августом 880 г., но по ним трудно судить о том, как вообще отнесся папа к Константинопольскому Собору и имел ли он точные сведения о том, что происходило на Соборе. Правда, он высказывает царю благодарность

* „Ὡς οὐκ καὶ τὴν τῶν ἀνατολικῶν θεσπων ἐξουσιαν εἰληφὼς καὶ τῆς τῶν Ρωμαίων ἀνθεντίας τὸ κῦρος πεοσλαβόμενος, μᾶλλον δὲ προέχων ἐκ θεοῦ ὡς ἀρχιερεὺς μεγιστος σῦς ἂν θήση τῷ τοῦ πνεύματος ἁλυτῳ δεσμῷ ἔκομεν καὶ ἡμεῖς δεδεμένους (Mansi XVII Col 500)

** Τοιοῦτον ἐπρεπεν ἐπ' ἀληθείας εἶναι τὸν τοῦ συμπαντος κόσμου τὴν ἐπιστασίαν λαχόντα εἰς τύπον τοῦ ἀρχιποίμενος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν" (Mansi XVII. Col 521).

*** „Τῶν χριστιανῶν πίστεως ὅρον στέργομεντε καὶ πᾶσι διαπρυσίῳ τῇ φωνῇ περι αγγελλομεν, οὐδὲν ἀφαιροῦντες, οὐδὲν προστιθέντες, οὐδὲν ἀμείβοντες οὐδὲν κιβδηλευοντες (Mansi XVII. Col. 516).

за присылку военных судов, которые должны оставаться у берегов Италии для защиты церковных владений, за пожалование Римской Церкви монастыря Сергия в Константинополе и за обещание возвратить папе власть над Болгарией, но, переходя к Собору, он выражается весьма осторожно: если наши легаты преступили в чем данные им инструкции, мы не согласны утвердить таковые постановления. Сдержанная политика папы Иоанна как по отношению к делу патриарха Фотия, так и по отношению к кирилло-мефодиевскому вопросу, достигшему, как мы видели выше, в то же самое время своего крайнего напряжения, хорошо объясняется политическим положением Италии и опасностью от сарацин. Папа все еще не терял надежды на военную помощь со стороны Византии и на благоприятный поворот в спорном деле о Болгарии и потому, отправляя в Константинополь легата Марина, он рекомендовал ему употребить все средства для достижения этой цели. Но с Марином в Константинополе обошлись очень круто: он лишен был свободы и содержался в заключении целый месяц. Таким образом, союз Церквей и тесная дружба, столь выразительно заявленная в речах латинских представителей на Соборе, продержались недолго. В 881 г. папа Иоанн с амвона церкви св. Петра, держа в руках Евангелие, снова произнес отлучение на патриарха Фотия. С этого времени имя патриарха Фотия более не встречается в переписке Иоанна VIII. /Оставаясь на Константинопольской кафедре до 886 г., Фотий не переставал наносить удар за ударом Римской Церкви как за догматические уклонения ее, так и за нововведения в обрядах. Так, он отказался признать преемника Иоанна, папу Марина (882), который, с своей стороны, отлучил его от Церкви; так, в своем сочинении о Св. Духе [13] и в переписке, напр. в письме к архиепископу Аквилеи, он открыто стал обвинять Западную Церковь в еретичестве и отступлении от православия. Хотя капитальное значение патриарха Фотия как всемирно-исторического деятеля состоит в его призвании защитить самостоятельность Восточной Церкви против притязаний папства, но нельзя не заметить, что эта цель никогда не поглощала всецело его широкого и отзывчивого на современные вопросы ума. В дальнейших главах мы встретимся еще с деятельностью Фотия на разнообразных поприщах./

Глава VIII

Семейные отношения в доме царя Василия. Лев VI. Низложение патриарха Фотия

Основатель новой династии, которой суждено было почти двести лет стоять во главе империи, будучи сам скромного происхождения, не привел с собой в Константинополь толпы родственников и друзей и не был при вступлении на царство окружен значительной семьей. Будучи около 55 лет при вступлении на престол, он, конечно, имел свою семью, но об ней его ближайший историк, внук его Константин Порфирородный, сообщает весьма неудовлетворительные данные. В первый раз он был женат еще в молодые годы жизни в Болгарии или Македонии на девице также незнатного происхождения по имени Мария. Об ней почти ничего неизвестно в тогдашней летописи. Только в 865 г., когда Василий был награжден саном патрикия и получил звание паракимомена, писатели приводят факт, что он развелся тогда с женой своей, которую царь Михаил прилично наградил и отослал к ее родственникам, и с тех пор о Марии не имеется никаких известий. Более известна его другая жена, Евдокия Ингерина, которая ранее была в сожительстве с царем Михаилом III и после упомянутого развода Василия сосватана была за него самим царем. Евдокия принадлежала к византийской знати, она происходила из дома Мартинаки, из которого взял себе жену будущий царь Лев VI, т. е. впоследствии причисленную к лику святых Феофанию. Вышедши за Василия, Евдокия не прерывала, однако, сношений с Михаилом III. В Константинополе держался слух, что первые сыновья от брака Василия с Евдокией, Константин и Лев, были, собственно, сыновьями Михаила. По этому же случаю скандальная хроника приводит рассказ, что родная сестра Василия по имени Фекла находилась в преступной связи с царем Михаилом, а потом с одним боярином, Неатокомитом. Итак, в 867 г. Василий имел двух сыновей. Старший сын Константин пользовался особенной любовью отца и ок. 870 г. был сопричислен к власти и получил титул императорский. Василий готовил в нем себе преемника на царство, брал его с собой в походы и вел переговоры с императором Людовиком II о брачном союзе между Константином и дочерью западного императора Ирменгардой. Неожиданная смерть царевича в 879 г. поразила царя Василия как страшный удар судьбы, от которого он не мог оправиться до самой смерти. Есть все основания предполагать, что старший сын Василия Константин происходил именно от Марии, а не от Евдокии и что в этом нужно искать объяснения особенной любви отца к старшему сыну и нерасположения к Льву, к которому против желания Василия должна была перейти по наследству царская власть. Может быть, от того же брака происходили четыре дочери Василия: Анастасия, Анна, Елена и Мария, все по воле отца постриженные в монахини в монастыре св. Евфимия.

Другой сын, Лев, родился незадолго до смерти Михаила, когда Василий был уже соимператором. Нельзя сомневаться, что по отношению к его происхождению летописцы не из злословия утверждают, что он родился от Михаила и Евдокии. Теперь становится понятной та драма, которая разыгрывалась в царской семье в последние годы жизни Василия, который против своего желания должен был признать наследником Льва. Свое нерасположение к нему он не скрывал, и оно выступило наружу с особенной силой по случаю выбора невесты для царевича Льва [1]. Как вообще в семейной истории Василия, так, в частности, в брачной жизни Льва имеется значительная доля тайны, которая осталась неразъясненной до сих пор. С одной стороны, есть указания, что царь Василий заставил царевича Льва согласиться на брак с Феофано, хотя невеста не нравилась жениху. С другой стороны, Никифор Григора, правда довольно поздний писатель, сообщает, что Феофано была выбрана из всех современных красавиц, представленных ко двору, в силу обыкновенного обычая выбора невест для царей и что царь Лев пользовался счастливым супружеством. Когда его постигло несчастие и он подвергся заключению, царица Феофано делила с ним горе и оставалась при нем все время, пока длилось заключение.

Нельзя оспаривать того, что царю Василию, по-видимому, было желательно отстранить от власти Льва; может быть, с этой целью был объявлен соимператором и Александр, предпоследний сын его. Во всяком случае в последние годы жизни Василия при дворе господствовали значительные неблагоприятные для наследника престола течения. Большой двор явно был враждебно настроен к малому. Весьма трудно выяснить действительное положение дела и определить роль царя Льва, ограничимся передачей той версии, которая сохранилась у Никифора Григоры.

> «Время проходило, но отец клеветы диавол, не вынося зрелища в царском дворце такого прекрасного и отлично подобранного супружества, в котором душевные доблести соединялись с телесным совершенством, воспользовался одним зловредным и развращенным органом, т. е. некоторым монахом, по имени Сантаварин, через которого при посредстве правдоподобных наветов предрасполагает мысли царя Василия против сына его Льва. Вот обстоятельства, при которых сей Сантаварин проник в царские покои. Когда неожиданная смерть постигла Константина, второго сына царя, то эта потеря чуть не свела в могилу и отца, который в желании некоторого успокоения и утоления снедавшей его тоски обращался к помощи священных мужей и просил их молитв, дабы ему дано было каким бы то ни было способом во сне или в сновидении поговорить с сыном. Ибо бывают часто сопровождающие душу некоторые вещие сны, которые, как бы играя человеком и услаждая его льстивыми явлениями, вызывают в спящем образы и подобия умерших и таким образом несколько оживляют дух страждущего *.

* /Приводим это пропущенное Гергенрётером место по: Cod. Theolog. Graecus — в Вене. № 279. Fol. 118: Τίνονται γὰρ καὶ ὀνειροι πολλάκις ψυχόμποι τινες πεομηθεῖς πλάττοντες ἔν τῷ φανταστικῷ τῶν καθευδόντων ἐιδωλα καὶ τύπους δήτινας τῶν τεθνεώτων καὶ ἀναζωποροῦσω ὡπώς ποτε τοῦ κάμνοντος τὴν ψυχήν. ὡσπερ παίζοντες αὐτὸν καὶ ὑποσαίνοκ τες τοῖς κολακέυουσι φασμασε./

Дом царя Василия. Лев VI. Низложение патр. Фотия

В это именно время Сантаварин, в неизвестности проводя монашескую жизнь, получает доступ к царю Василию и с притворным видом благочестия и божественного вдохновения обещает показать сына его Константина и дать возможность побеседовать с ним малое время. И, что в особенности важно, это будет не во сне, и царь не будет находиться в постели, а будет в бодрственном состоянии стоять на своих ногах и глядеть своими глазами*. Ибо, будучи египетского происхождения и усвоив себе учение тамошних магов, он изучил некромантию и искусство вызывания духов, вследствие чего при помощи некоторых заветных слов и заговорных выражений он мог выводить из ада на свет духов. Ибо показываются и отвечают на задаваемые им вопросы некоторые подобия умерших близких лиц, но эти являющиеся тени не суть души их, но подземные демоны. Пользуясь на сей раз таковым же коварством, этот обманщик, подобно тому как известная волшебница показала Саулу образ Самуила, придумывает способ, чтобы один из дружественных ему демонов принял образ царевича Константина. Увидев его и поговорив с ним и не подозревая обмана, царь питал уверенность, что видел собственного сына, и с тех пор стал считать Сантаварина божественным мужем и имел к нему великое уважение. Царь же Лев, муж мудрый и рассудивший, что сделанное Сантаварином не есть проявление божественной воли, а сатанинская вакханалия, начал порицать его пред царем Василием и при всяком случае публично унижать, называя его обманщиком и соучастником лживых демонов. С своей стороны Сантаварин, негодуя за это на Льва, подготовляет против него злобную клевету и становится предателем неповинного человека. Он внушает царю, что Лев строит ему козни, что ему надоело долголетнее правление царя и он приготовляет оружие и ковы против отца. Вследствие этого ни в чем не повинный Лев подвергнут темничному заключению, прежде чем произведено было расследование и обнаружена вина его».

«Глубокая трещина в семейной жизни основателя Македонской династии обнаруживается в разных источниках, но ни в одном из них не выяснена в достаточной степени причина неудовольствий не только между царями Василием и Львом, но и между братьями Львом и Александром, которые соцарствовали своему отцу. Не возвращаясь к этому темному вопросу, мы должны, однако, сказать, что темничное заключение могло окончиться для Льва гораздо худшим несчастием, ибо шла речь о применении к нему того наказания, которое делало членов царского дома не способными к царствованию, именно лишения зрения, но царь Василий вовремя остановился.

В Ватопедском монастыре, который с древних времен имел близкие сношения с царями Македонской династии, в прекрасном кодексе

* /Опять пропущенное место: καὶ τό μεῖζον, οὐκ ἐν ὕπνῳ καὶ κλίνῃ κειμένου τοῦ βασιλικοῦ σώματος, ἀλλὰ γρηγοροῦντος καὶ ἱσταμένου καὶ βλέποντος τε ὁμοῦ καὶ ἀκούοντος./

X в.[2] сохранились слова и беседы Льва Мудрого всего числом 35. В одной из бесед, сказанных в день памяти пророка Илии, оратор дает место воспоминаниям об испытанном им несчастии и об освобождении от опасностей, которые ему угрожали*. Сколько продолжалось заключение Льва, об этом имеются различные известия: или три месяца, или три года[3]. Во всяком случае это не могло не остаться без влияния и на последующие отношения между отцом и сыном, и на общественное мнение. /Продолжаем извлечения из того же источника, которым пользовались выше./

> «Царица Феофано с маленькой дочерью хотя и оставалась на свободе, но стала просить как милости разрешения разделить с мужем несчастие. Ей было позволено быть вместе с узником, которого она утешала в горе. В самом дворце несчастие Льва произвело большое потрясение: его жалели и мать его и царедворцы. Во дворце во множестве водились попугаи, привезенные из Египта и Ливии. Слыша часто повторяемое имя Льва, эти попугаи выучились произносить печальным голосом имя заключенного, так что в течение целого дня можно было слышать в залах дворца странный и трогательный напев, ибо своды царских крытых портиков и жилых помещений отдавали воспринимаемые от птичьих напевов звуки и производили впечатление настоящей музыки. Вследствие этого и присутствующие легко были доводимы до слез, и это не только случалось с местными жителями, но даже и с прибывавшими из чужих земель иноверными послами».

Приведенный эпизод из отношений в царской семье весьма живо характеризует переживаемую царем Василием драму и объясняет многое даже в дальнейшей истории семейных отношений Македонской династии. Супружеская жизнь Феофано и Льва рисуется в благоприятном свете у Никифора Григоры, но совершенно иначе представляется дело почти в современном памятнике, в жизни св. Евфимия[4], где Лев в разговоре со своим духовным отцом признается, что «он испытал от жены большие неприятности» и «что все знают, что не по своей воле он женился на ней, а из страха перед царем». Кроме царевича Льва у Василия было еще два сына: Александр, бывший соимператором, и Стефан, родившийся в 870 г., который предназначен был на службу Церкви: в юном возрасте был протосинкеллом, а с 886 г. сделался, 16 лет от роду, Вселенским патриархом.

Уже из сказанного можно вывести заключение, что семейные отношения не могли благоприятствовать правильной постановке воспитания царских детей. Сам царь Василий при всех выдающихся природных способностях и изумительной энергии был человеком малообразованным, царица же Евдокия по своему характеру не могла создать уютного семейного очага. И тем любопытней то обстоятельство, что основатель династии, вошедши в культурную обстановку в Константинополе, оценил преимущества образования и нашел нужным дать своим детям

* Ibid. Fol. 350. К сожалению, за риторикой трудно распознать реальные факты (Vatopedi cod. Fol. 350).

лучшее по тому времени образование. Есть прекрасное место в жизнеописании Василия, хорошо поясняющее нашу мысль [5]. Говоря о великолепной росписи и мозаиках в построенной царем Новой церкви при Большом дворце, жизнеописатель рисует следующую композицию, изображенную на стене.

> «Следует другая восхитительная картина, представляющая изображенного мелкими золотыми камешками творца этого произведения, императора с супругой его Евдокией в царских облачениях и в венцах. Дети же их, как блестящие звезды, окружают свод, все одеты в царские одежды и украшены венцами. Из них мужеска пола держат в руках свитки, обозначающие божественные заповеди, коим следовать они научены своим воспитанием, а женска пола имеют книги, содержащие божественный закон. Художник, по всей вероятности, хотел показать, что не только мальчики, но и девочки учились священным книгам и не остались чужды божественной мудрости, хотя родитель их не был вследствие жизненных перипетий сам с детства склонен к наукам, но озаботился всем своим детям дать участие в образовании. Именно эту мысль художник хотел выяснить для зрителя без слов, при помощи одной графики».

В самом деле, царь Василий замечательно быстро применился к условиям культурного общества. В этом отношении обращает внимание его строительная деятельность. Многие храмы он возобновил, многие украсил и поддержал новыми сооружениями, особенно он любил живопись и мозаику в храмах. Но главным строительным делом Василия были церкви: во имя архистратига Михаила, пророка Илии, Богородицы и св. Николая и Новая. Эта последняя составляла огромное предприятие, которое долго было предметом удивления современников и ближайшего потомства. Постройка начата в 876 г., а освящение церкви было 1 мая 880 г. В жизнеописании Василия выражено, что искусство и богатство, горячая вера и благородная воля соединились, чтобы создать это чудо. Новая построена на месте прежней площади τζυκανιστήριον*, она была с 5 куполами. К ней вел атрий, украшенный двумя фонтанами или фиалами. Этот атрий был окружен портиками, идущими от нарфика и соединенными с галереями. Кругом церкви были устроены террасы, на которых разведен сад, давший месту название Нового Эдема. Церковь соединена была внутренними ходами с дворцом.

Главным отличием церкви были внешние и внутренние декорации. Это была настоящая «прекрасная невеста, украшенная жемчугом, золотом и серебром, разноцветным мрамором, мозаиками и шелковыми тканями, приближавшаяся к своему бессмертному Жениху, Христу». Потолки галерей были украшены фресками, представлявшими подвиги мучеников, стены же были облицованы мрамором. Внутренность вполне соответствовала внешности. Позолоте внешних куполов отвечала разноцветная мозаика икон. В центральном куполе был Пантократор, окруженный ангелами. Стены представляли попеременно полихромный мрамор и мозаические изображения. Здесь были представлены хоры

* Циканистерия. *(Ред.)*

апостолов, мучеников, пророков и патриархов. Иконостас был украшен мрамором и драгоценными камнями, в алтаре точно так же все блистало золотом и разноцветными мраморами. Над св. престолом возвышалась сень (ciborium) на колоннах, престол был сделан из вещества более дорогого, чем золото. В центральной апсиде красовалась Богоматерь, простиравшая руки и дававшая царю победы над врагами. Пол был настоящим произведением искусства. Он был составлен из мраморных плит разных цветов, представлявших животных и разные декорации. Бордюром были мозаичные изображения орнаментального характера.

Большие переделки были предприняты Василием в храме свв. Апостолов, как это описывает Константин Родий; храм был украшен мозаиками, внизу коих стены были облицованы мрамором, и увенчан 5 куполами. В своде был изображен Христос, окруженный Богоматерью и апостолами. На стенах были θαύματα, или картины, изображающие земную жизнь Христа. Единственным сохранившимся памятником постройки Василия должна быть названа церковь в Скрину, в двухчасовом расстоянии от Ливадии, она построена в 873—874 гг. протоспафарием Львом. Строительная деятельность Василия не исчерпывалась церковным искусством. В самом дворце ему принадлежат большие предприятия, которыми он заканчивал работы Феофила. Василию принадлежит Кенургий, или дворец, в котором обыкновенно он жил, находившийся рядом с хрисотриклином. Он состоял из нескольких залов, из них особенно подробно описаны у Константина зал и спальня. Весьма любопытно отметить, что стены зала были украшены историческими сюжетами, здесь был представлен Василий, окруженный военными людьми, которые ему передавали завоеванные им города.

Что в его семье, т. е. в первом поколении от безграмотного крестьянина, мог развиться не только литературный вкус, но и замечательная литературная производительность, какая характеризует царевича Льва, в этом следует видеть счастливое сочетание весьма благоприятных условий, какие создавала тогдашняя среда. «Царское величество украшается не оружием только, но законами и науками», и основатель Македонской династии, а равно его сын и особенно внук достойно иллюстрировали это положение своими законодательными и литературными предприятиями, составляющими лучший венок в украшении Македонского дома.

> «Стоило посмотреть собрания преподобных мужей и зрелища мудрых риторов и всяческие проявления словесной доблести, все это сосредоточивалось здесь отовсюду и делало из царского дворца новую сократовскую и платоновскую стою, академию и лицей. Вследствие этого получили тогда большое приращение и благолепие церкви Божии. Ибо не только сам царь (разумеется Лев) украсил своими словами и песнопениями многие праздники, но поощрял многих из тогдашних ученых людей на подобный же труд. Из последних был один *, который, с одной стороны, перелагал жития на крас-

* /ὢν εἷς ἦν καὶ βελτίων, ὅς τά τε ἄλλα μετέφρασε πρὸς τὸ εὐφραδέστερον καὶ τοὺς πλείους τῶν τε τῆς ἀρετῆς ἀσκητῶν καὶ ἀθλητῶν συνεγράφατο βίους — место весьма важно для вопроса о Метафрасте./

норечивый язык, с другой — составил множество житий подвижников и борцов за добродетель».

Трудно допустить, что Василий вполне примирился со своим сыном и после возвращения ему свободы и официального положения. Самые последние годы жизни царя были вновь омрачены придворной интригой, которая до некоторой степени связана была с именем Льва. Тем более необходимо выяснить это обстоятельство, что в историографии того времени встречаем следы существовавшего мнения, что в придворной интриге принимал участие и патриарх Фотий. Именно, в письме Стилиана, епископа Неокесарийского, от 887 г., отправленном на имя папы Стефана V, высказано обвинение [6] против Фотия, что он рассорил царя с сыном с целью устранить его от наследования престолом и захватить власть в свои руки. Правда, Стилиан принадлежал к непримиримым врагам Фотия, и его свидетельство нужно принимать с большой осторожностью, но оно не стоит совершенно одиноко и находит для себя подтверждение в других фактах и указаниях. Ко времени, последовавшему за освобождением Льва из заключения, летопись относит несколько значительных событий, которые могут рассматриваться как политические заговоры. Так, важный сановник, занимавший место доместика схол, и известный стратиг Андрей был заподозрен в приверженности к партии Льва [7] и лишен власти. Настоящий заговор созрел перед смертью Василия в придворных и военных кругах. На этот раз доместик иканатов — гвардейского константинопольского полка — по имени Иоанн Куркуа, к которому примкнули 66 заговорщиков, принадлежавших к членам сената и администрации, имел целью свергнуть Василия и поставить на его место Льва. Заговор был, однако, своевременно открыт, и виновные подверглись жестоким наказаниям.

Нужно признать, что положение наследника престола, за которого были и общественное мнение и административные сферы Константинополя, оказалось весьма затруднительным по отношению к отцу. Имея в виду, что одним из первых мероприятий Льва по смерти царя Василия был суд над Фотием и лишение его патриаршей кафедры, можно высказать догадку, что Фотий не был между сторонниками царя Льва, и это тем более важно отметить, что литературным и богословским образованием Лев был обязан именно Фотию. Можно, конечно, допустить догадку, что для честолюбивых планов Фотия лучше было иметь в перспективе малолетнего царя Александра и регентство, чем царствование Льва, который имел уже около себя другую партию, составившуюся в конце царствования Василия и мечтавшую о влиянии на дела и о первенствующем в империи положении. Но выставляемым здесь предположениям мы можем придавать лишь значение вероятности.

В 886 г., не больше как через год после рассказанных событий, царь Василий участвовал в охоте. Погнавшись за большим оленем, он отделился от сопровождавшей его свиты и имел несчастие быть поднятым на рога зверя. В этом состоянии он оставался значительное время и с трудом был разыскан в лесу царскими людьми. Его нашли висящим на рогах оленя, и с большим трудом один из воинов обрубил мечом пояс, за который олень зацепился своим рогом. Через несколько времени после этого приключения, сопровождавшегося страшным испугом и гастрической болезнью, Василий умер в начале сентября 886 г.

При оценке характера и правительственной деятельности преемника Василия Льва (886—911) необходимо принять в соображение ненормальные условия, какие создались в семействе царя Василия. / Старший сын и соимператор не был любим отцом, и для сына было весьма трудно сохранить доверие и расположение отца, который желал бы передать наследство не Льву, а другому сыну. / Вместе с вступлением на престол Льва во главе империи становится весьма начитанный в богословской и церковной литературе государь, больше знакомый с книгой и лучше себя чувствовавший в домашней обстановке, чем на арене политических и в особенности военных дел. Почти целое столетие в лице Льва и его сына Константина Порфирородного империя управляема была кабинетными людьми, прекрасно судившими о военных делах, о дипломатии и тактике, но практически мало знакомыми с искусством управлять людьми. Хотя еще в 870 г. Лев сопричислен был к императорской власти, как потом и младший его по возрасту брат Александр, но фактически это не давало ни тому ни другому более прав, чем сколько благоугодно было предоставить им царю Василию. По-видимому, та же система проводилась и при Льве по отношению к сопричисленному к власти царю Александру, который пользовался рангом, но не имел влияния на дела.

Несмотря на отсутствие качеств правителя государством и полководца, царь Лев тем не менее вполне вошел в историческую обстановку, какая создалась вокруг него; будучи кабинетным ученым, духовным писателем и церковным оратором, он предоставил внешние события и внутреннюю жизнь государства естественной эволюции, вследствие которой период Македонской династии развивался без особенных потрясений внутри, но имел много неожиданных и потрясающих коллизий извне, которые были бы в состоянии нанести непоправимый ущерб империи, если бы она не могла опираться на окрепшие устои внутренних учреждений.

Нелегко при указанных свойствах характера нового царя понять его решительность и инициативу, проявленные в деле патриарха Фотия. Только что приняв власть (1 сентября 886 г.), царь Лев энергично приступил к решению вопроса о смещении Фотия и замене его на патриаршей кафедре своим братом Стефаном. Мысль о возведении царевича Стефана, родившегося в 870 г., в высший церковный сан, конечно, принадлежала еще Василию, который с этой целью обрек его в отроческом возрасте на служение Церкви, и, без сомнения, с его согласия патриархом Фотием юный Стефан был посвящен в диаконы и назначен патриаршим протосинкеллом. При смерти отца Стефану было только 16 лет, тем не менее в придворных и церковных кругах не встретилось препятствия к возведению его в патриархи.

Если принять во внимание громадный церковный авторитет патриарха Фотия и сильную партию в патриархате его учеников и ставленников, то мысль об его насильственном низвержении должна бы представляться вполне невозможной и опасной для нового государя. Но при этом нельзя не взвесить и того обстоятельства, что Фотий не мог не иметь особенной близости к царю Льву и как воспитатель детей Василия. Ввиду указанных обстоятельств следует предполагать особенные мотивы, побудившие Льва к мысли отстранить от управления Церковью

престарелого патриарха. Хотя идея обладания двумя высочайшими на земле преимуществами — царством и священством — не могла не льстить церковно настроенному воображению царя, но едва ли в этом следует видеть основной мотив, каким он руководился. Мы должны прийти к другому предположению, что второе падение Фотия было вызвано теми же мотивами, что и первое. Прежде, при Василии I, нужно было пожертвовать Фотием ради сближения с Римской Церковью, на этот раз необходимо оказалось новой жертвой войти в расположение папы. В истории Византии до такой степени переплетаются политические дела с церковными, что часто нельзя бывает отделить церковную политику от политической истории. И историку Византии так часто следует отвлекаться в сторону чисто церковной истории и так много давать места епископским спорам и несогласиям, что он находит здесь уместным, подражая одному древнему церковному историку, предпослать следующее обращение к читателю.

> «Обращаюсь к тем,— говорится у церковного историка Сократа (V в.),— кому случится пользоваться настоящим сочинением, пусть не посетуют на меня, что, предполагая составить церковную историю, я привношу в нее изложение фактов современной военной истории, дабы дать истинное освещение историческим событиям. На это есть много причин: первая, чтобы выяснить факты; вторая, чтобы не наскучить читателю, не давая ему отдыха от епископских раздоров и козней. Самая же главная — чтобы привести к сознанию, каким образом политические смуты отражаются, как бы по некоторой симпатии, и в церковной истории. Если внимательно присмотреться, то нельзя не заметить, что общественные смуты идут рука об руку с церковными».

Чтобы выяснить положение церковных дел ко времени вступления на престол Льва, нам необходимо возвратиться к тому, что последовало за Константинопольским Собором 879—880 гг. Как выше было объяснено, этот Собор происходил при такой обстановке, которая позволила патриарху Фотию восстановить авторитет Вселенского патриарха и вполне обеспечить независимость Восточной Церкви. / Вопрос о возвращении Болгарии под власть Римского епископа не был даже поднят и обсуждаем с той точки зрения, как того желал папа Иоанн VIII; все распоряжения и акты пап Николая и Адриана и постановления Собора 869 г. были отринуты и уничтожены деяниями нового Собора, которому на Востоке придают значение вселенского. Легко понять, что на Западе не могли помириться с этим новым и решительным шагом патриарха Фотия, хотя проследить в подробностях ближайшие затем сношения мы и лишены возможности. / По-видимому, папа сначала не отдавал себе ясного отчета в том, что действительно происходило на Соборе. Он довольно уклончиво выражался в письме на имя Фотия от 13 августа 880 г., что в случае если бы его легаты не исполнили его приказаний на Соборе, то он считал бы подобные постановления незаконными и неприемлемыми. В письме на имя царя Василия заключаются некоторые новые данные, которыми следует здесь воспользоваться, чтобы представить в надлежащем свете причину уступчивости папы [8]. / Указав на заслуги наместника св. Петра в деле примирения Церквей и, в частности, в деле Фотия,

папа очень определенно указывает как уже полученные, так и ожидаемые милости со стороны царя, которыми и следует объяснять его уступчивость и отмеченную выше уклончивость. / Прежде всего оказывается, что царь Василий отправил флот на защиту владений Римского престола и этот флот как раз в занимающее нас время находился в распоряжении папы*, затем папе был пожалован константинопольский монастырь Сергия и Вакха, обладавший большими доходами и пользовавшийся особенным почитанием; наконец, папа не терял надежды на улажение болгарского вопроса и благодарил царя за выраженное якобы обещание возвратить Болгарию Риму. Вообще папа не скрывал в этом письме, что Римская Церковь находится в отчаянном положении и что она очень нуждается в могущественной поддержке византийского императора. Выше мы видели, что с приведенными письмами отправлен был в Константинополь кардинал Марин, / занявший Римский престол после Иоанна VIII. Но его ожидал весьма суровый прием: легат папы / был подвергнут заключению, в котором оставался целый месяц. С другой стороны, и в Риме пришел конец миролюбивым настроениям: в 881 г. папа Иоанн с особенной торжественностью произнес отлучение против патриарха Фотия и тем снова нарушил соглашение Церквей и дал на будущее время пищу дальнейшему развитию споров из-за дела Фотия. С тех пор официальных актов Римской Церкви с именем Фотия не встречается до самого падения его в 886 г. С другой стороны, наиболее резкие нападки Фотия на Римскую Церковь с богословской точки зрения должны относиться к этому времени**.

Преемник Иоанна, вступивший на папский трон в конце 882 г. папа Марин, начал свое правление возобновлением анафемы против Фотия, а этот с своей стороны отказался признать каноническую правильность в его избрании. Царь Василий под влиянием своего патриарха написал в Рим очень резкое письмо, на которое отвечал уже преемник Марина папа Стефан VI. Но когда легат папы прибыл в Константинополь в 886 г., он не нашел уже в живых Василия и должен был передать письмо Льву VI. Таким образом, в обстоятельствах, вызвавших лишение Фотия патриаршей кафедры, получает первостепенное значение деловой материал, который сообщен был царю Льву сношениями его с Римом, а равно положение церковных партий в Константинополе, примыкавших к большому или к малому двору. Стефан VI, занявший Римский престол в половине 885 г., положил конец уклончивой политике Римских епископов по отношению к византийскому Востоку. Припомним, что это был тот самый папа, который наложил властную руку на дело св. Мефодия в Моравии и Паннонии, запретив употребление славянского языка в богослужении. По отношению к империи Стефану необходимо было разрешить вопрос о Болгарии, которым Рим, без сомнения, больше интересовался, чем другими возникшими со времени Фотия поводами

* Dromones vestros, qui pro defensione terrae S. Petri in nostro manerent servitio, nobis misistis [вы послали нам ваши быстроходные суда, чтобы они были в нашем распоряжении для защиты земли св. Петра].

** Разумеем письмо к архиепископу Аквилеи, относящееся к 884 г., и «De Mystagogia Spiritus Sancti» (то и другое в «Патрологии» — M i g n e. T. 102); H e f e l e - L e c l e r q. Histoire des Conciles. IV. P. 608. N. 2.

к раздорам. Положение дела хорошо обрисовывается в двух актах: в письме папы к царю и в донесении епископа Неокесарийского Стилиана Римскому папе,— из этих актов и попытаемся извлечь нужные данные [9].

В письме к царю Василию папа сильными красками, напоминающими эпоху борьбы за инвеституру, обрисовывает права и привилегии священного и апостольского на земле достоинства и императорской власти. Императору Богом вручена власть над земными делами, Римскому епископу — над духовными.

> «Выслушай благосклонно,— говорит папа,— следующее. Тебе поручена забота о том, чтобы оружием посекать безбожных и грубых тиранов, творить правый суд среди подданных, создавать законы и управлять войсками на суше и на море. Вот главные задачи императорской власти. Наши же задачи — попечение о духовной пастве — тем возвышенней, чем больше различия между земным и небесным». Переходя к реальным фактам, папа пишет: «Кто осквернил твои богопослушные уши наветами против святейшего Марина, тот позволил себе употребить свой гнусный язык против Господа нашего И. Христа, все направляющего по своей воле. Кто же это имел дерзновение хулить непорочного жениха и священника и мать всех Церквей? Скажи, кто тебя обманул, что ты вселенского первосвященника терзаешь бранными словами и насмешками и злословишь святую Римскую Церковь, которой ты обязан глубоким почитанием. В чем прегрешила святая Римская Церковь, что развращенные люди настроили тебя изощрять против нее свой язык? Не она ли посылала в Константинополь легатов во время твоего царствования; не прилагала ли она особенное попечение о Константинопольском Соборе? Спросишь, к кому посылала Римская Церковь легатов? К частному человеку Фотию; ибо если бы был у тебя настоящий патриарх, то наша Церковь чаще бы с ним сносилась. Но, увы! такой знаменитый и богохранимый город не имеет епископа и украшается только царским присутствием. Если бы только не сдерживала нас любовь к тебе и не побуждала сносить нанесенное нашей Церкви оскорбление, то мы бы оказались вынужденными принять против преступного Фотия более суровые меры наказания, чем это допущено нашими предместниками, за его нечестивые и недостойные против нас речи. Марин при его величайшем благочестии хотел дословно исполнить и защитить определения святейшего папы Николая, вследствие чего подвергся у вас величайшему порицанию. И поелику он не согласился принять чужое мнение и не захотел признать недействительными соборные акты, то подвергся на 30 дней заключению в темнице».

В заключение, выразив удовольствие по поводу назначения на церковную службу царского сына Стефана, папа просит вооружить и снабдить необходимым запасом морские суда, чтобы они находились у итальянских берегов и оберегали Римскую область от сарацинских набегов.

Если преемник Василия, которому было вручено это письмо, имел уже основания быть недовольным Фотием, то, конечно, столь резко выраженное порицание Константинопольскому патриарху и непризнание за ним ни священства, ни епископства должно было дать в руки царя Льва весьма сильное оружие против Фотия. Между духовенством Константинопольского патриархата было много лиц, питавших к Фотию давнюю вражду, таковы приверженцы бывшего патриарха Игнатия. Один из них, епископ Неокесарии Стилиан, оставил для потомства весьма любопытный документ, именно, доклад папе Стефану VI о деле Фотия, составленный сейчас же по вступлении на престол Льва Мудрого. Этот документ, хотя и внушенный злобой к павшему уже врагу, так как Фотий тогда уже был в заточении, представляет, однако, большой исторический интерес, восполняя наши сведения об обстоятельствах низложения Фотия новыми фактами, лишь несколько преувеличенно рассказанными и односторонне освещенными. Поэтому сообщим некоторые данные из письма Стилиана.

Речь о неустройствах в Константинопольской Церкви автор начинает с иконоборческого периода, который ставит в ближайшее соотношение с делом патриарха Фотия. По его словам, схизматики, или несогласные с патриархом Игнатием, в свое время воспользовались содействием Фотия и достигли свержения с патриаршего престола Игнатия. Вся история патриарха Фотия, начиная с посвящения его митрополитом Григорием Асвестой и отделения от него значительной партии вместе с автором настоящего письма, изложена весьма подробно, в согласии с известными из других источников данными. Ясно и определенно ставится вопрос о подкупе папских легатов, посланных для участия в деятельности Собора: Родоальда и Захарии. Папе Николаю I раскрыл глаза на все это дело донос монаха Феогноста, который в мирском платье тайно ушел из Константинополя. Переходя к периоду второго патриаршества Фотия, когда папские легаты Петр, Павел и Евгений, обманутые и подкупленные, признали Фотия, именем папы, законным патриархом Константинополя, Стилиан говорит, что этот последний, ободренный безнаказанностью, принял на себя и политические дела и таким образом покушался предвосхитить себе самую царскую власть*. Сославшись далее на известные из других источников связи Фотия с магом и чародеем Сантаварином, принадлежавшим по отцу к манихейской секте и посвященным в священнический сан самим Фотием, автор приводит далее легенду о том, как Фотий постепенно завладевает расположением царя при помощи царского спальничего Никиты Клеусы, который подкладывал в пищу и питье царя даваемые Сантаварином снадобья. Завладев во второй раз патриаршим престолом, Фотий приблизил к царю Сантаварина и возвел его в епископы города Евхаиты, обогатив эту кафедру богатыми владениями и монастырями, которые были отняты от других епископий.

> «Сей Сантаварин вместе с Фотием умыслили злой совет против ныне царствующего Льва, настроив против него царя Василия, отца его, как против злоумышленника и против-

* Καὶ πολιτικὰς φροντίδας εἰς ἑαυτὸν ἀνελάβετο, καὶ οὕτω αὐτὴν τὴν βασίλειον ἐξουσίαν ὑφαρπάσαι ἐκειρᾶτο (M a n s i XVI. Col. 432).

ника отеческой воли. Ибо, когда царь впал в неизлечимую болезнь и был близок к смерти, заговорщики держали на уме, что в случае его смерти они отстранят от царства его сына и или сами завладеют властью, или вручат оную угодному им лицу. Но Промысл Божий не допустил совершиться их злому намерению. Ибо хотя царь Василий поэтому держал своего сына Льва на положении частного лица * и заключил его под стражу, тем не менее по смерти отца он вступил на царский престол. Царь Лев немедленно лишает власти Фотия за его преступные и беззаконные действия, меня же, не имевшего с ним общения и ради этого испытавшего много огорчений, возвратил к прежнему положению».

В заключение письма выдвигается канонический вопрос по отношению к громадному числу духовенства в патриархате, принявшего посвящение от Фотия. Если он не признан в сане, если его принимать за частного человека и даже схизматика, то, конечно, следует признавать недействительными и все его рукоположения и таким образом изгнать из клира всех его ставленников. Стилиан ходатайствует о том, чтобы принята была мера сострадания к духовным лицам, получившим от Фотия посвящение.

Сообщаемая в приведенном документе версия о поводах к низвержению Фотия слишком выдает свою искусственность. Что Фотий не мог держаться в стороне от недоразумений между большим и малым двором, что он должен был выступать посредником между отцом и сыном, это соответствует его положению и роли и подтверждается летописями. Но план захватить политическую власть с устранением от нее Льва представляется внушенным злобой и ненавистью и не имеет для себя подтверждения. Конечно, эта легенда составилась в провинции, в среде части духовенства, недовольного патриархом Фотием, и легко могла быть принята на веру в Риме, где не имели оснований проверять ее. Скорей можно согласиться с тем, что патриарх Фотий в последние годы жизни Василия должен был явно стать на сторону отца, когда между приверженцами молодого царя возникла мысль о насильственном в пользу его перевороте [10]. Таким образом, ход событий можно представлять в таком освещении, что царь Лев весьма рад был отделаться от слишком авторитетного патриарха и вместе с тем провести фамильный план о передаче патриаршей кафедры царевичу Стефану. Насколько для последней цели важно было заручиться согласием Римского престола, настолько низвержение Фотия было желательно для папы и обеспечивало с его стороны всяческие уступки и снисхождение по церковным делам.

Весьма вероятно, что полученное от папы Стефана письмо, в котором Фотию приписывались всяческие преступления и интриги, расстроившие отношения между Восточной и Западной Церковью, в котором, далее, он ставился на одну линию с мирянином и признавался схизматиком и отчаянным злодеем, над которым висит меч страшного церковного наказания,— что это письмо весьма кстати развязывало

* Откуда взята мысль, что Лев был пострижен (in ordinem redactus privatus ageret — M a n s i XVI. Col. 434), это трудно понять.

царю руки, давая ему благоприятный предлог и личину законности в принятых против Фотия мерах. Низложение патриарха последовало без соблюдения установленных каноническими правилами форм. Не видно, чтобы его дело обсуждалось на Соборе, чтобы он был предан суду; он уступил без борьбы и не пытался оправдываться; местом его ссылки был один из монастырей города в Псаматии. Первым затем делом царя было возвращение утраченных мест тем членам церковного клира, которые причислялись к партии Игнатия и не имели общения с Фотием. Им предстояла задача разрешить вопрос о каноническом значении избрания в патриархи юного 16-летнего Стефана, принявшего пострижение от Фотия. Дело о ставленниках Фотия, как видно из письма Стилиана, должно было пойти на окончательное разрешение Римского престола, но папа Стефан потребовал новых разъяснений, так как в Константинопольской Церкви были противоречивые мнения насчет духовного сана, какой можно признавать за Фотием. Сношения по этому вопросу продолжались до смерти папы Стефана (891). Между тем в Константинополе удаление Фотия от дел сопровождалось возбуждением среди его приверженцев и недовольством. Чтобы дать объяснение резким против патриарха действиям, правительство выдвинуло предлог — политическую его измену. Но назначенное следствие, произведенное доместиком Андреем, магистром Стефаном и логофетом дрома Агиополитом, не дало никакого материала для обвинения. Тем не менее подозреваемый вместе с Фотием архиепископ Евхаитский Сантаварин был подвергнут телесному наказанию и ослеплению и сослан в заточение, а Фотию определено было жить в предместье Гиерии, что против Константинополя. Дальнейшая судьба его совершенно неизвестна. Время его смерти, по некоторым догадкам, можно относить к 891 г.

Глава IX

Войны с арабами на восточной границе и на море. Солунь. Морские походы Имерия

Македонская династия преимущественное внимание сосредоточивала на Западе; главный центр тяжести и для Василия I, как и для его преемников, лежал в западных провинциях. Это столько же объясняется состоянием арабского вопроса на Востоке, как и итальянскими делами и национальным и религиозным движением среди славян Балканского полуострова. Восточный калифат представлял в это время арену для честолюбивых домогательств разных искателей приключений, под влиянием коих калифы быстро сменяли один другого. Областные правители пользовались этим для личного возвышения и часто достигали самостоятельности. Так, в Египте утвердилась в это время династия Тулунидов, получившая громадное значение в истории североафриканских областей, равно как в предприятиях арабов на Средиземном море и по его сирийским побережьям. Но с раздроблением Багдадского калифата на мелкие самостоятельные группы мусульмане в конце IX в. не представляли уже грозной опасности для восточных пределов империи. По отношению к Востоку царь Василий, кроме того, мог обеспечить свое положение союзами и соглашениями с местными народными элементами, для которых распространение мусульманского могущества представляло не меньшую, чем для греков, опасность. Прежде всего Василий признал справедливым и полезным исправить большую политическую ошибку царицы Феодоры, которая в целях религиозной пропаганды и для торжества идеи православия усиленными преследованиями и кровавыми гонениями вынудила приверженцев павликианского учения — сектантов Армении и сев.-вост. областей империи — покинуть отечество и перебраться в пограничную арабскую область, где, будучи заслоном между империей и калифатом, они обратились в верных союзников мусульман против империи. Павликиане под предводительством Карбея и его преемника Хрисохира нанесли грекам много вреда и долго держали малоазиатские фемы в постоянном страхе. Центром их политического и военного могущества была крепость Тефрика у верховьев Евфрата близ фемы Колония. Когда в битве с имперскими войсками в 863 г. погиб предводитель павликиан, то принявший после него власть Хрисохир еще с большей смелостью начал делать набеги на империю [1], доходя до Никомидии и Никеи и подвергнув опустошению фракисийскую фему, где, между прочим, нанес оскорбление религиозным чувствам греков, осквернив храм Иоанна Богослова. Для царя Василия представлялось настоятельной необходимостью установить мирные отношения с павликианами и обеспечить империю от их набегов. С этой целью в 869 г. отправлено было из Константинополя в Тефрику посольство во главе с Петром

Сицилийским, которому было поручено договориться с павликианами насчет мира и вручить им дорогие дары. Пробыв около девяти месяцев в пути, Петр в 870 г. возвратился к царю и принес весьма неутешительные вести, хотя и успел хорошо ознакомиться с учением павликиан и написать их историю[2]. Между прочим, он доносил о том, что павликиане находятся в сношениях с болгарами и стремятся обратить их к своему учению, а это слишком близко касалось существенных интересов империи. Но хуже всего было то, что Хрисохир заявил притязания на малоазиатские провинции и похвалялся тем, что скоро лишит царя Василия его владений. Таким образом, с весны 870 г. открылась война с павликианами, причем сам Василий стал во главе многочисленного войска, отправившегося на Тефрику. Но поход не был удачен, Василий был разбит и чуть не попал в плен. Разрушив несколько близлежавших крепостей, он должен был возвратиться в Константинополь, между тем как Хрисохир стал вновь опустошать византийские области и дошел до Анкиры, захватив в плен множество народа и обогатившись военной добычей (872). Тогда император послал на восточную границу своего зятя Христофора, тогдашнего доместика схол, который имел больше успеха, он одержал победу над павликианами и разрушил до основания Тефрику. Большой заслугой Христофора нужно признать и то, что он не ограничился одержанной раз победой, но повел дело систематически, нанося павликианам удар за ударом на всей занятой ими территории и разрушая их города, из коих упоминаются Таранта и Локана. Дальнейшей задачей византийского предводителя было захватить Хрисохира, которому удалось спастись бегством при взятии Тефрики византийцами. В этом отношении оказали ему содействие стратиги ближайших фем — Армениака и Харсиана, с помощью которых доместик Христофор окружил преследуемого им Хрисохира в равнине Зоголоин близ Сиваса (Севастия). Несмотря на отчаянную защиту и геройство преданного Хрисохиру человека по имени Диаконицы, в этом ночном деле близ Сиваса павликиане потеряли свои военные силы, а их предводитель был обезглавлен. Царь Василий, внимательно следивший за ходом военных дел на восточной границе, был чрезвычайно доволен полученными известиями, поспешил из Малой Азии на европейский берег Мраморного моря и совершил по случаю победы триумфальный въезд в Константинополь. Этот въезд описан в придворном журнале и сохранился в сочинении внука Василия, царя Константина Порфирородного[3].

Победа над павликианами не должна быть рассматриваема как событие внутренней политики. Напротив, это был значительный успех во внешней политике, близко затронувший интересы мусульманского элемента. В течение IX в. арабы продвинулись далеко на запад, прежние границы с Персией — Дара и Нисиби — давно уже были забыты и отошли к мусульманским владениям. Теперь граница между византийскими и арабскими пределами, часто, впрочем, нарушаемая и поддающаяся то в одну, то в другую сторону, шла по горам Тавра на юге до фемы Ликанда, затем проходила в восточном направлении и, оставляя во власти мусульман Малатию, или Мелитену, направлялась к юго-восточному берегу Черного моря по границе Армении. Несомненно, арабам

принадлежали здесь многие исконные византийские области, постепенно подвергавшиеся колонизации турецкими племенами. Малатия-Мелитена, составлявшая наиболее вдавшийся в византийские провинции укрепленный мусульманский город, бывший столицей самостоятельного эмира, который оказывал поддержку павликианам, была теперь первой и естественной целью византийского правительства после срытия Тефрики и уничтожения павликианских городов. И тем настоятельней было не медлить осуществлением этой цели, что часть павликиан перебралась из византийских областей в арабские и нашла защиту у мусульман. Таким образом, на весну 873 г. решен был новый поход на Восток, имевший целью мусульманский пограничный город Малатию, до которого теперь доходила граница между греками и арабами.

Прежде чем приступить к осаде Малатии, царь Василий, сам принявший на себя главное начальство над войском, решился овладеть другими пограничными крепостями и, смотря по надобности, сровнять их с землей или укрепить их. Таковы были Запетра и Самосат на Евфрате, часто упоминаемые в истории войн империи с персами и арабами. При взятии Запетры в руки победителей досталась богатая добыча и освобождено было много христиан, томившихся в плену; без особенных затруднений взят был и Самосат, большой город на Евфрате. После этих военных успехов царь подступил к Малатии, которую, впрочем, предстояло брать осадой. Здесь ожидали царя большие неприятности: прежде чем началась правильная осада города, арабский вождь Ахмед ибн-Мохаммед ал-Кабус нанес грекам поражение и убил одного из главных воевод Василия, патрикия Насра [4]. Испытав неудачу в этом предприятии против Малатии, царь Василий опустошением занятой прежде павликианами области вознаградил себя за понесенное поражение и при возвращении в столицу назначил себе триумфальный въезд.

Граница между арабами и византийцами, как сказано выше, шла по горам Тавра. Здесь возникло несколько укреплений, имеющих назначением защищать дорогу через Киликийское ущелье из Тианы в Тарс. Особенное значение получило здесь укрепление Лулу, построенное греками, но отнятое у них арабами и вновь сильно укрепленное [5]. Защита этого важного пограничного укрепления вверена была славянам, давно уже поселенным в Малой Азии, которые с переходом местности под власть арабов сохранили за собой права и обязанности, соединенные с охраной этой важной позиции, находясь в непосредственной зависимости от эмира Тарса. Нужно думать, что славянская колония пользовалась известными привилегиями и денежными субсидиями от арабского пограничного правителя, который не всегда исполнял свои обязательства и лишал славянских граничар идущего им содержания. С своей стороны царь Василий обещанием славянам новых привилегий и денежных выдач старался привлечь их на сторону Византии и побудить к сдаче крепости. Но так как названная крепость имела чрезвычайно важное значение, то калиф Мутамид нашел необходимым сменить прежнего правителя Тарса, который возбудил своими действиями недовольство славян, и назначить на его место Ахмеда ибн-Тулуну, основателя правящей династии в Египте. Вместе с этим Египет и Сирия подпали под власть египетских Тулунидов и составляли до 905 г. одно княжество. Но временный успех византийской политики в горах Тавра сопровождался

дальнейшим движением против мусульман. Вслед за Лулу на сторону Византии переходит другое пограничное укрепление, Мелдос, или Милос. Можно думать, что военное предприятие против арабов не ограничивалось указанными местами, но шло по всей границе. Так, находим указание на одновременные с этим действия византийских отрядов в прежней области павликиан, близ Тефрики, где был взят город Катаватала и др. Эти успехи, относящиеся к 877 г., доставили грекам некоторое преобладание на восточной границе и позволили Василию решительней выступить против арабов в ближайшие годы. В 878 г. было сделано арабами нападение на Южную Каппадокию (фема Анатолика). Хотя страна была опустошена и много людей было взято в плен, но греки напали на неприятеля, обремененного добычей, и нанесли ему полное поражение. Сам предводитель захвачен был в плен и послан в Константинополь, а из всего 4-тысячного отряда спаслось не более 600 человек. В 879 г. византийские предприятия распространяются еще далее. Жизнеописатель Василия говорит по этому поводу:

> «Но его не столько радовали приобретенные через других успехи, напротив, он сожалел, что не собственными трудами и опасностями воздвигает трофеи. Поэтому, взяв с собой старшего сына своего Константина, чтобы его, как благородного львенка, приучить к убийству врагов и дабы он под его руководством усвоил законы военной тактики и привык без страха встречать опасности, отправился с ним в сирийский поход» [6].

Остановившись на некоторое время в городе Кесарии, у горы Аргея, он отправил часть войска вперед, а сам остался во главе всех собранных сил и приступил к решительным действиям против арабов. На этот раз Василий имел значительный успех, ему сдалось несколько крепостей, а эмиры Аназарба и Мелитены искали спасения в бегстве. Наместник Ахмед ибн-Тулуна, по имени Сима, имевший пребывание в одной из пограничных крепостей, может быть в Лулу, потерпел поражение и сдался грекам. Предводитель одного из византийских отрядов, Андрей, наиболее отличившийся в этом походе, награжден был саном патрикия и должностью доместика схол. По возвращении из этого счастливого похода царь Василий был свидетелем в Константинополе событий, сопровождавших восстановление патриарха Фотия. Но личного участия в деяниях Собора 879—880 гг. он не принимал, между прочим, и потому, что неожиданно потерял своего сына Константина, с которым совершал поход на Восток. Эта потеря причинила царю много огорчений, которые лишили его обычного душевного равновесия и энергии. Тем не менее малая война на Востоке, по-видимому, не прекращалась, будучи перенесена несколько на север, в Месопотамию, и Василию еще раз пришлось лично предпринять поход в те места. Главное внимание привлекала к себе Малатия: пока она находилась в руках арабов, империя не могла быть спокойна. Стратегическое положение этого города прекрасно указано у арабского писателя Кодамы [7]. Это единственная крепость, которая вдается клином в неприятельскую страну; тогда как другие укрепления отделяются горными проходами или ущельями, одна Мелитена расположена прямо в неприятельской области. Итак, летом 882 г. Василий снова предпринял поход к Малатии с целью лишить

арабов весьма выгодного положения, занятого ими по отношению к империи *. Но и на этот раз предприятие не имело удачи, потому что на помощь Малатии явились арабы из ближайших укреплений, главным образом Мараша, или Германикии. Чтобы лишить таким образом Малатию подкреплений со стороны ближайших мест, занятых арабами, Василий сделал опыт обходного движения, для чего нужно было оставить обычную военную дорогу и прокладывать новый путь по горным местам. Перейдя реку Сарос, царь Василий занял Кукуз, откуда по дороге, которую нужно было проводить через дремучие леса и где лежали города Каллиполь и Падасия, направился к Германикии, но город оказался достаточно защищенным и требовал правильной осады. Не будучи в состоянии предпринять осаду, Василий подошел к Адате, но точно так же и здесь арабы защищены были городскими стенами и не давали открытого боя. Ввиду приближения зимнего времени царь должен был прекратить поход и возвратиться в столицу. В Кесарии, близ горы Аргейской, до него дошло известие о некоторых успехах, одержанных предводителями отдельных отрядов у Лулу и Колонии. Это подало предлог при возвращении в Константинополь совершить триумф, как будто действительно поход сопровождался победами.

Что это было далеко не так, показали ближайшие события. Все предыдущие походы не достигали определенных результатов и не давали ожидаемого спокойствия на восточной границе. Почти каждый год весной арабы делали наезды на византийские области и уводили в плен толпы мирного населения. Так случилось и в 883 г., когда эмир пограничных сирийских областей Халаф ал-Фергани сделал неожиданное нападение на имперские области и одержал блестящую победу над византийскими пограничными войсками. По этому случаю придворные константинопольские круги стали обвинять стратига пограничных войск патрикия Андрея, не имевшего при дворе связей, как славянина по происхождению, что он не стоял на высоте понимания своих задач и интересов империи: одни ставили ему в вину, что он не отнял у арабов Тарса, другие же клеветали на него перед царем, что он поддерживает партию царевича Льва и изменяет Василию [8]. Вследствие составившейся в столице интриги Андрей был лишен военного командования, и на его место был назначен малоизвестный Стиппиот, который с большим войском в 100 тысяч в сентябре 883 г. направился к Тарсу, где в то время сосредоточивались силы сирийских арабов. Но Стиппиот имел против себя опытного вождя в лице евнуха Язамана, который 14 сентября ночью напал на византийский стан и нанес грекам страшное поражение. Были убиты в этом ночном деле сам Стиппиот и стратиги фем Каппадокии и Анатолики, весь лагерь и богатая добыча достались победителю. Это было последнее военное дело на Востоке в царствование Василия. Легко можно заключить из рассмотренных событий, что восточные дела далеко не были благоприятны для империи. Хотя арабы при Василии не двинулись за пределы установленной границы, но эта граница была уже на византийской территории и не обеспечивала империю против кавалерийских наездов арабских отрядов. Настала край-

* Следует внимательно всмотреться в карту R a m s a y (The Histor. Geography of Asia Minor. P. 266), чтобы понять значение этого города.

няя необходимость озаботиться подысканием местных средств, которые можно было бы выставить против арабов. Что Василий и в этом отношении отдавал себе полный отчет, доказывается завязавшимися при нем сношениями с армянами. В конце своей жизни (885) царь Василий отправил основателю династии Багратидов Ашоту царскую корону, заключив с ним дружественный договор и относясь к нему с изысканной любезностью, как к возлюбленному сыну [9].

Если в западной части Средиземного моря империя имела еще твердые опорные места и стоянки в Греции, Южной Италии и частию в Сицилии и таким образом могла поддерживать до известной степени свое политическое влияние, то в восточной его части, почти вполне окруженной мусульманскими владениями, византийские морские суда почти совсем были вытеснены арабскими. Самым чувствительным ударом здесь было завоевание острова Крита испанскими арабами при царе Михаиле II (825). Империя несколько раз делала тщетные попытки возвратить себе этот остров, но он оставался под властью мусульман до 961 г. Владея морскими судами, критские арабы наводили ужас на приморские владения империи и наносили громадный вред морским сношениям и торговле. В 862 г. критские арабы дошли до Македонии, здесь они пристали к острову Афону и ограбили Ватопедский монастырь; в 872 г. они проникли в Адриатическое море и опустошили берега Далмации; даже острова Эгейского моря, где империя постоянно имела морские силы, не были в безопасности от арабских пиратов с Крита. Афонская гора опустела под страхом новых нападений арабов. Хотя знаменитый в царствование Василия адмирал Никита Орифа нанес арабам большое поражение при Херсонисе фракийском, но это побудило их лишь перенести свои действия на более отдаленные области. Скоро затем (ок. 880 г.) от арабских корсаров пострадали западные части Пелопонниса и ближайшие острова. Мефона, Пилос, Патры и Коринф подверглись хищению и грабежам, когда на помощь явился тот же Орифа с флотом. В Саронийском заливе, отделенный от неприятельского флота небольшим перешейком (Истм), византийский адмирал привел в исполнение смелый план, достойный сказочного героя. Он перевел свои корабли через коринфский перешеек по сухому пути и явился перед неприятелями, которые никак не ожидали его так скоро, и притом с этой стороны. Критские арабы потерпели на этот раз полное поражение и обязались платить дань царю Василию [10]. От критского эмира был в зависимости остров Кипр, который, находясь поблизости к сирийским владениям мусульман, естественно служил посредником между критскими и сирийскими арабами и делал для Византии почти невозможным всякое движение в этом направлении. Весьма вероятно, что поход эмира города Тарса с 30 большими кораблями к берегам Греции, относящийся приблизительно к 880 г., стоит в связи с рассказанным выше походом. Но как Никита Орифа дал внушительный урок критским арабам, так стратиг Пелопонниса Иниат хорошо приготовился встретить эмира Османа и при помощи известного греческого огня уничтожил его флот.

Наряду с указанными фактами нужно рассматривать попытку Византии овладеть Кипром. Этот остров находился с VII в. под властью арабов, но пользовался исключительными привилегиями. Им, собствен-

но, владели арабы и греки сообща: местное население поделено было между теми и другими и платило поземельный налог поровну грекам и арабам. Можно сказать, что на Кипре вследствие такого порядка отношений установилось очень мирное сожительство пришельцев с местными элементами. Со времени завоевания Крита испанскими арабами в 825 г. положение на Средиземном море сильно изменилось в пользу арабов, которые в постепенном расширении своего влияния обратили внимание на важное значение Кипра. Но и царь Василий не менее того оценивал военное значение этого острова и, пользуясь симпатиями местного греческого населения, успел овладеть Кипром и ввести на нем византийское фемное устройство. Стратигом на Кипре назначен был армянин Алексей, который и держал Кипр в течение семи лет [11]. Но затем арабы снова завладели островом и владели им до времени знаменитого Никифора Фоки. Что касается хронологии этих событий, то здесь можно делать лишь приблизительные догадки. Точкой отправления должно быть письмо патриарха Фотия к правителю Кипра Ставракию, написанное не раньше 878 г., когда Фотий вторично сделался патриархом. Несомненно, что в это время остров находился еще под властью империи, ибо Фотий обращается к Ставракию как к лицу, состоящему на службе империи [12].

Для иллюстрации отношений между христианами и мусульманами, равно как, в частности, для истории Кипра, имеется несколько весьма любопытных черт в письме патриарха Николая Мистика к эмиру Крита [13]. Хотя Вселенский патриарх слишком много лестного говорит о самом эмире и о мусульманстве, но это следует объяснять риторическими требованиями и до известной степени принимать условно.

> «Две власти,—пишет патриарх,—сарацинская и римская, превосходят всякую земную власть и блистают, как два великих светила на тверди небесной. И уже по одному этому нам нужно относиться друг к другу общительно и братски и не чуждаться и не лишать себя того единения, которое совершается путем письменных сношений, по той причине, что нас разделяют образ жизни, нравы и религия». Переходя затем к положению острова, находившегося во власти эмира, патриарх продолжает: «С тех пор, как киприоты заключили с сарацинами мир и стали данниками вашего могущества, до настоящего времени они жили под охраной договоров, и никто из ваших предков, правивших сарацинским народом, не нарушал договоров и не причинял киприотам никакого зла; но принимавшие попеременно власть в добром и справедливом расположении к отеческим постановлениям относительно управления подвластными народами и во внимание к тому, что скреплено письменными актами, свято хранили и соблюдали постановления предков, не вводя никаких новшеств».

Не касаясь пока тех частей этого письма, которые рисуют положение острова в начале X в., ограничимся сделанными выдержками, которые достаточно выясняют тот род совместной жизни, в который входили христиане и мусульмане и который объясняет союзы и нередко общность предприятий мусульман и христиан против христианских стран

и городов. То, что наблюдается на Кипре, происходило и на Западе, в Южной Италии и Сицилии, и на Востоке. Понять успехи распространения мусульманской власти было бы невозможно, если бы не предполагать у арабов уменья примирять подчиненные народы со своим господством.

Для христианской империи на Востоке мусульманский вопрос — независимо от того, были ли представителями мусульманства арабы, или сельджуки, или османские турки,— всегда оставался очередным, требовавшим сосредоточения в этом направлении всех материальных сил. Бывали периоды ослабления арабского напора, когда возникали смуты в самом калифате, но неизменным оставался дух насильственного распространения ислама и завоевательное движение против христиан. В конце IX и к началу X в. обнаруживается в калифате и подвластных ему владениях новая сила, которая стремилась разрушить сдерживавшие мусульман преграды и положить конец христианской империи. Ввиду того что сын царя Василия далеко не обладал военными дарованиями и что при нем чрезвычайно неблагоприятно для Византии сложились обстоятельства на Балканском полуострове вследствие войны с болгарами и появления с ордой угров страшной военной силы,— мусульманам удалось в нескольких местах получить значительный успех над христианами и поставить Византию в самое критическое положение.

Византийская империя с течением времени сделалась доступной для своего самого серьезного противника со всех сторон: мусульманский мир мог одновременно угрожать ей и с суши и с моря, для его враждебных действий открыта была восточная, и южная, и западная границы. И что всего печальней, владея островами Критом, Кипром и Сицилией, мусульмане держали под постоянной угрозой Грецию, острова Эгейского моря и Архипелага и, наконец, прибрежные области. При этих условиях была постоянная опасность, что империя с ее столичным городом окажется совершенно отрезанной от своих заморских владений и от провинций, из которых она черпала свои материальные средства. В X в. как будто возобновлялись те же условия, какие имели место в VIII в. Чтобы представить в надлежащем свете отношения империи к мусульманам, мы должны прежде всего расчленить рассмотрение этого вопроса по двум главным линиям, по которым шли нападения мусульман.

Главное гнездо арабского движения из Сирии было в Тарсе, близ которого не дальше как в 883 г. имперское войско потерпело страшное поражение от евнуха Язамана, назначенного эмиром в пограничной с Византией области. Летние набеги начинаются снова с 886 г., и от них страдает как фема Анатолика, так и Харсианская [14]. Но в 891 г. здесь намечается новый план движения, рассчитанный на прочное завоевание. Арабы направляются по южному берегу Малой Азии, очевидно пользуясь морскими судами, которые доставили большую известность Язаману. Хотя он умер в этом походе, но бывшие после него правители сирийской пограничной области при деятельной помощи египетских Тулунидов повторяли походы в южные области Малой Азии. Когда в 896 г. назначен был обычный обмен пленными на реке Ламус, то число получивших свободу мусульман оказалось 2504 души, нужно думать, что столько же было освобождено и христиан. Рядом с известиями

о сухопутных военных делах сохранились известия и о действиях арабского флота. Так, в 898 г. евнух Рагиб встретился с греческим флотом у берегов Малой Азии и почти уничтожил его. Весьма вероятно, что этим поражением следует объяснять громадный перевес на море в ближайшие затем годы, какой имели мусульмане над греками. Нельзя не придавать значение тому обстоятельству, что мусульмане последовательно шли малоазийским побережьем, поддерживая с моря сухопутные отряды; все ведет к предположению, что империя не имела здесь в это время достаточных морских сил. В первые годы X в. арабы были полными господами в восточной части Средиземного моря и могли позволить себе те смелые предприятия, о которых предстоит нам говорить. Главнейшая роль принадлежала в этих событиях морским силам критских арабов, которые действовали по соглашению с правителями Сирии.

Прежде всего в 890 г. арабы сделали смелый набег на фему Анатолику и осадили крепость Мисфию близ нынешнего озера Бей-Шехер, или Карали. Так как этот поход слишком удалял арабов от их базы в Сирии, то византийский стратиг Никифор Фока, получивший уже большую известность своими заслугами в Южной Италии и ввиду крайне опасного положения дел на Востоке назначенный во главе малоазиатских фем, сделал обходное движение от Тианы к Адане чрез Киликийское ущелье и завладел большой добычей и пленниками, опустошив окрестности Аданы. Тогда мусульманский отряд, ушедший далеко в фему Анатолику и стоявший под Мисфией, поспешно снял осаду и удалился к горным проходам в надежде встретить Никифора. Но византийский полководец избрал другой путь для отступления и возвратился через Кесарию, избежав таким образом приготовлявшейся ему засады. Один из его подвигов в этом походе указан как образец военного искусства в «Тактике» Льва Мудрого [15].

Можно думать, что присутствие Никифора Фоки на театре военных столкновений с сирийскими арабами несколько приостановило дальнейшие их успехи на суше. Немало благоприятствовало империи и то, что калиф Мутадид, подозревая, и не без основания, измену в Тарсе, приказал заключить в темницу правителя пограничной области Афшина и истребить стоявшие в гавани корабли, на которых арабы совершали свои походы на приморские области империи.

Но грозное значение мусульманского вопроса представляется в настоящем освещении с точки зрения морских набегов, против которых столь прославленный византийский флот не был в состоянии принять надлежащих мер. В IX в. Средиземное море далеко уже не было внутренним морем империи, имперский флот не имел свободного плавания во всех направлениях, в особенности в восточной части, где критские корсары и сирийские эмиры почти безраздельно господствовали над водными сообщениями. Нужно принять во внимание, что вообще состояние морского дела в Византии стоит в связи с переходом власти над бассейном Средиземного моря в руки арабов. Запущенное в первый период империи морское военное дело обращает на себя внимание со второй половины VII в., когда император Константин II (642—668) сознал всю опасность для империи со стороны развивающегося арабского флота. Утверждение арабов в Африке (647) и первые попытки их

занять положение в Сицилии выдвинуло для империи настоятельную задачу завести флот. Ясно было, что если арабы получат точку опоры в Сицилии и Южной Италии, то Греция окажется вполне доступна их нападениям, Адриатика и далматинское побережье ускользнут из непосредственного влияния Византии. С начала VIII в. открываются нападения арабов на Сицилию. Основатель Исаврийской династии, по-видимому, не придавал серьезного значения флоту, вследствие чего в IX в. империя должна была поступиться в пользу арабов Критом и Сицилией. В западной части Средиземного моря Византия еще удерживала до известной степени господство на море, к этому побуждал ее политический интерес — южноитальянские владения и противодействие Западной империи, здесь она опиралась, кроме того, на помощь флота Венеции. Царь Василий I, поставивший своей главной задачей борьбу с мусульманами, не мог не заботиться об усилении морских сил, но мы лишены возможности составить понятие о морском флоте в царствование основателя династии. Нельзя теперь сомневаться в том, что имперский флот не ограничивался судами, поставляемыми морскими фемами: Кивиррэотами, Эгейской и Самосом. Стратиги фем Сицилии и Эллады имели в своем распоряжении местный флот; должно думать, что центральное правительство располагало специальными судами, стоявшими близ Константинополя. Что в распоряжении правительства были достаточные резервы, доказывается тем, что в 853 г. была составлена эскадра в 300 судов для военного похода в Египет. Так как устройство фем в Кефалонии, Драче и Никополе относится к концу IX в., то можно думать, что вместе с этим положено основание для флота в западных частях Средиземного моря. Действие морских судов отмечается во второй половине IX в. в Сицилии. Когда арабы осадили Рагузу, к ней был послан адмирал Никита Орифа, заставивший неприятеля снять осаду. Вообще продолжительная деятельность этого адмирала, отличавшегося значительными успехами на море, сама по себе говорит об императорском флоте, независимо от отрядов фемных судов. В этом же смысле следует объяснять договор двух императоров, Людовика II и Василия, по которому последний обязывался содержать в Италии 200 кораблей*. Все эти данные свидетельствуют о том, что Византия имела и в IX в. морские силы, но что они не были достаточны для одновременных действий на разных военных театрах.

Переходя затем к изложению событий, последовавших в первые годы X в., мы можем повторить современное известие, что «теперь нет острова, нет города и такой страны, где бы неприятели не производили опустошений»[16]. Самое опасное заключалось в том, что неприятель господствовал в Архипелаге и пытался стать твердой ногой при самом входе в Дарданеллы. Южная Македония и фема Эллада, несмотря на приморское положение обеих областей, сделались беззащитными и становились легкой добычей смелого неприятеля. Живыми красками описывается бедственное положение Южной Греции в жизнеописании св. Петра, епископа Аргивского, слава которого доходила и до ара-

* В последнее время вопрос о морских силах империи обратил на себя внимание B u r y, который в «Centenario della nascita di Michele Amari II» (Palermo, 1910. P. 21) поместил об этом специальную статью.

бов[17]. Критские пираты, ведя разбойническую жизнь, говорится в житии, делали высадки на островах и нападали ночью на города и селения, расположенные на берегу, и грабили жителей; тех, кто сопротивлялся, без пощады убивали, а тех, кто без борьбы сдавался, уводили в плен. Житие св. Петра, так же как Димитрия Солунского, имеет большое значение в истории занимающих нас отношений, ибо и в последнем некоторая часть чудес должна иметь отношение к IX в. В первые годы X в. критский и сирийский флот арабов действовал по взаимному соглашению, почему имел значительный перевес на всей доступной ему водной области. Самыми крупными событиями, характеризующими это время, должны быть названы: высадка на Лемносе, сопровождавшаяся большим опустошением и многочисленным полоном; движение в Пагасейский залив и взятие значительного торгового города Димитриады и, наконец, осада и разграбление второго по важности, торговому значению и крепким стенам византийского города, богоспасаемой Солуни.

Весьма важная роль выпала в этих событиях на долю Льва Триполита, уроженца города Атталии, принявшего мусульманство и сделавшегося, как это часто бывало с ренегатами, ревностным приверженцем нового вероучения и заклятым врагом прежних единоверцев — христиан. Одним из первых предприятий Льва было нападение на отечественный его город Атталию в июне 904 г. Это нападение так хорошо было соображено, что город, лежавший у морской гавани и имевший торговое и военное значение, сдался арабам прежде, чем правительство успело подать ему помощь. Приняв во внимание, что Атталия составляла одну из важнейших морских стоянок и что от нее был близкий переход к Дарданеллам, можем понять, как смел был сделанный Триполитом шаг и как основательна была ходившая тогда молва, что он похваляется взять самый Константинополь. Чтобы предупредить это движение и успокоить столицу, царь послал часть царского флота, очевидно стоявшего близ столицы, под начальством друнгария Евстафия, который, однако, не решился идти против Триполита и предоставил ему спокойно войти в Геллеспонт и приблизиться к Абидосу, который был ключом всех морских укреплений и заключал в себе главное таможенное управление империи. Когда и этот город оказался в руках мусульман, похвальба Льва Триполита становилась почти реальным фактом, так как его флот шел вперед и находился при входе в Мраморное море. При такой обстановке в первый раз выдвигается имя протасикрита Имерия, который получил приказ принять меры к отражению неприятельского флота. Трудно понять, однако, намерения византийского адмирала: он прошел Мраморное море и Геллеспонт, не встретив врага, и сделал движение на восток, по направлению берегов Малой Азии, между тем как неприятель оставался на севере, близ Македонии. Не говоря уже о том, что Имерий оставлял таким образом беззащитным вход в Геллеспонт, он давал возможность Льву Триполиту избирать любой пункт для нападения в Македонии и на островах Архипелага. Арабский вождь прекрасно воспользовался обстоятельствами, дававшими ему полную свободу, и вступил в Салоникский залив, где находился большой, густонаселенный и богатый город Фессалоника, оказавшийся в это время лишенным надлежащей защиты.

/Выше была уже речь о положении города и об его важном значении в торговом и финансовом отношении[18], что придавало ему

большую славу и ставило его на первое место после Константинополя./ Как показывают сохранившиеся в Солуни до настоящего времени важные археологические памятники, между которыми церковь св. Димитрия с недавно открытыми превосходными мозаиками, часть коих относится к VIII — IX вв., занимает одно из первых мест, умственная жизнь, искусство и литература стояли здесь на высоком уровне и делали Солунь густонаселенным и просвещенным городом, имевшим в занимающее нас время до 200 000 жителей. И тем не менее Солунь не была подготовлена к неприятельской осаде, как это легко понять из прекрасного описания последовавших событий, принадлежащего современнику и солунскому жителю Иоанну Камениате, произведением которого здесь и воспользуемся [19].

«Выше мы объяснили,— говорит писатель,— как велик и широк по объему был город. С суши он был окружен крепкой и толстой постройки стеной, которая была снабжена передовыми укреплениями, башнями и зубцами, так что с этой стороны для жителей не было причины к опасениям. Но южная сторона, обращенная к морю, находится на равнинном месте и лишена средств обороны. Следует думать, что строитель этой крепости, не предполагая возможности нападения со стороны моря, оставил без внимания южную часть города, обращенную к морю. По преданию, сохранившемуся до нашего времени, город не был защищен с этой стороны с самых отдаленных времен и только из страха по случаю нашествия Ксеркса сделан был небольшой высоты вал, который остался и до сих пор, и никому не приходило в голову, что с этой стороны может угрожать опасность. Ибо хотя часто и очень сильные войны выдерживал город со стороны варваров и соседних славян, которые употребляли всяческие наступательные средства и в бесчисленном множестве, как песок, устремлялись на него, тем не менее сухопутное нападение легко было отражаемо и опасность предотвращаема была вследствие сухопутных укреплений и всегдашней помощи, оказываемой городу всеславным мучеником Димитрием. По вышесказанным причинам не было для города поводов к опасениям. Ибо с тех пор, как славяне приняли святое крещение и сопричислились к христианскому народу, прекратились смуты и меч потерял свою убийственную энергию, а в окрестных странах был мир и тишина. Когда мы находились в таком состоянии, прибыл к нам быстроходный вестник от Льва, благочестивого царя, предупреждающий о походе варваров, т. е. противных агарян, и повелевающий со всею поспешностью вооружаться. От него мы узнали, что к царю явились перебежчики из самих варваров и выдали намерение вождей их. План неприятелей был ударить всей силой на Солунь, так как их уверяли многие захваченные в плен греки, что Солунь не защищена стеной со стороны моря и легко может быть взята с кораблей. По получении этой ужасной вести во всем городе началось смятение, всех объял страх и смущение; стали совещаться, что предпринять

для собственной безопасности, как приготовиться к защите против врагов и выступить против них. Но мы никак не нападали на хорошую мысль, так как не имели военной опытности и не знали, с чего начать. Умы всех главным образом смущало то обстоятельство, что была негодна стена, на которую ожидалось нападение неприятеля. Итак, совещались о принятии мер к тому, чтобы обезопасить стену и привести ее в лучшее состояние. Но это решение не одобрил тот, кто принес от царя печальное известие. Он назывался Петроной и носил чин протоспафария. Ему приказано было остаться несколько времени в городе, чтобы подать необходимое содействие и помощь в делах. Он присоветовал другой, очень разумный, решительный и спасительный план, но его расстроили наши грехи, уготовлявшие нам гибель. Ученый этот муж и приобревший большой опыт в делах, сообразив, что если бы он озаботился постройкой стены, то доставил бы много труда гражданам, а пользы нимало не принес этим, придумал другой способ защиты — и, смотри, какой остроумный и приходный.

Видя, что южная часть города вся окружена морскими водами и что в случае нападения неприятелей с этой стороны они легко достигнут желаемого, так как никакого сопротивления не будет им оказано со стороны стены в силу ее незначительной высоты, неприятели же с кормы кораблей могут, как с возвышенности, поражать тех, которые находились бы на бойницах, Петрона придумал следующее. Он советовал устроить заграждение и некоторую искусственную засаду, которая бы была прикрыта водой, это заграждение в одно и то же время служило бы защитой для города и препятствием неприятелю. С восточной и западной стороны города было много вытесанных из одного камня погребальных памятников — это было старое кладбище живших здесь эллинов; свозя их и погружая в море особенным способом, который самим им был изобретен, располагая их в воде в известном порядке в небольшом расстоянии один от другого, создал этим морское небывалое укрепление, поистине более крепкое и надежное, чем высокая стена, выстроенная на суше. И если бы осуществлено было это предприятие, оно доставило бы городу всю безопасность, так как корабли не могли бы ни в каком случае приблизиться и нанести вред, но по нашему нерадению проект этот затормозился и не был приведен в исполнение.

Ибо, когда это подводное заграждение доведено было уже до середины опасного места и мы начинали успокаиваться и отбросили страх, прибыл некто другой, также посланный царем, устранивший сейчас же Петрону и принявший на себя все попечение о городе. Это был Лев, назначенный стратигом всей области и получивший в свои руки всю военную власть. Он за лучшее рассудил оставить начатое дело и приступить к возведению стены. Поэтому тотчас же

по прибытии дал людям из городского дима, снаряженным на работы по заграждению, другое назначение, приказав им сносить необходимый материал для строителей, и таким образом многочисленностью рабочих рук и обильной доставкой материала заботился осуществить задуманное предприятие. Постройка стены пошла с значительным успехом. Но чем больше поднималась стена до той высоты, какая казалась необходимой, чтобы противостоять замыслам врагов, тем сильнейшие опасения мы, граждане, питали насчет недоконченной части ее. Ибо никоим образом нельзя было успеть вывести стену на всем протяжении, которое нужно было защищать, наступление же варваров ожидалось со дня на день, а наша постройка не дошла еще до середины опасного места, с которого можно было нанести вред».

К несчастию, Лев не мог окончить предприятия, так как вследствие падения с лошади впал в тяжкую болезнь, которая воспрепятствовала ему следить за работами. Сменивший его стратиг Никита обратился к исполнению новых проектов для защиты города.

Стратиг Никита, на которого перешла задача военной защиты города, принял экстренные меры к усилению военных людей в городе. В ближайших окрестностях Солуни жили славянские племена, пользовавшиеся некоторой свободой внутреннего самоуправления и стоявшие в зависимости от стратига стримонской фемы. Это были искусные стрелки, и своим искусством и численностью они могли оказать городу важную услугу на случай нападения арабов [20]. Далее писатель сообщает, что к славянам были отправлены письма с приглашением прибыть в город в надлежащем вооружении *, но что они весьма холодно отнеслись к предложению солунской администрации и явились в малом числе и плохо вооруженные. Как бы ни было скудно известие Камениаты по мотивам, которые бы объясняли отношение славян к военному начальнику Солуни, но необходимо его исчерпать во всей полноте, чтобы извлечь некоторые полезные заключения. Прежде всего важно отметить, что военный начальник Солуни обращается непосредственно к славянским коленным старшинам, а не к византийской администрации **, это хорошо усматривается из того, как наш писатель объясняет неудачу сделанного к славянам обращения.

«Это объясняется,— говорит он,— тем, что стоявшие над ними начальники были лукавы и негодны, более соблюдали личные выгоды, чем общественную пользу, обыкновенно строили козни ближнему и легко поддавались на подкуп. Что касается стратига стримонской фемы, который должен был иметь под рукой постоянно готовых на войну людей, то

* Это весьма важное место о славянах в окрестностях Солуни, подтверждаемое тем, что политическая граница между Болгарией и Византией при Симеоне проходила не более как в 20 верстах от Солуни, к сожалению, ограничивается лишь намеком на внутреннюю организацию македонских славян.

** /ἐπιστοκὰς γὰρ χαραξας διὰ πάσης ἐξέπεμπε τῆς περιχώρου/ (Cameniata. P. 514. 19).

он под разными предлогами медлил сбором и посылкой вспомогательного отряда, так что к нему несколько раз обращался стратиг Солуни Никита с побуждениями и с угрозами, что в случае какого несчастия с городом на него падет вся ответственность. Но начальник стримонской области настоял на своем и не дал городу ожидаемой от него помощи.

Утром 29 июля 904 г. разнесся слух, что неприятельский флот находится уже близ города. Этот слух поднял на ноги все население; все спешили к стенам и вооружались чем могли. Не успели еще занять мест на стенах, как сарацинские корабли показались в заливе с распущенными парусами, направляясь к стенам. Бросив якорь близ города, сарацины стали изучать укрепления и знакомиться с положением города и с силами греков. Сам Лев Триполит тщательно присматривался к приморской стороне города и выбирал более удобное место для нападения. И так как часть залива оказалась недоступной вследствие произведенных морских заграждений, то необходимо было отыскать такое место, по которому можно было бы подойти к самому городскому укреплению и начать к нему подступ. Когда оказалась возможность подойти к берегу, арабы начали делать попытку к высадке, но их встретили греки множеством стрел, причинявших большой урон неприятелю». При этом писатель считает необходимым заметить, что прибывшие из окрестностей славяне поставлены были на самых важных местах, а «с ними никто не может равняться по искусству стрелять в цель и ничто не может противостоять силе их стрел».

В течение этого дня арабы делали всевозможные попытки захватить хотя бы часть стен, так, они бросались в море с деревянными лестницами и выплывали на берег, но их встречала туча стрел и заставляла поспешно спасаться бегством.

На следующий день вся храбрость греков и искусство союзников их, славян, должны были уступить настойчивости арабов. Им удалось сделать вылазку и поставить метательные машины, под защитой которых арабские охотники могли подняться на стены, но это предприятие не сопровождалось ожидаемым успехом, ибо арабы были сброшены с деревянных лестниц. На третий день осады предположено было сделать общий приступ. На этот раз осаждающие имели полный успех. Они во множестве высадились на берег и овладели стеной, после чего сопротивление сделалось бесполезным. Мусульмане рассеялись по улицам города и начали беспощадное истребление населения и грабеж.

«Когда варвары увидели, что стены остались без защитников и что всеобщее бегство сделало для них весьма легкою дальнейшую задачу, то высадились с кораблей и завладели стенами и дали знать своим товарищам о совершившемся. Тогда со всех кораблей сошли варвары с обнаженными телами, имея только легкое прикрытие на пояснице, с мечами в руках. Ворвавшись в город, они перебили всех, кто оказался близ стены и кто не успел спастись бегством, а потом

рассеялись по улицам. Городское же население, разделенное на многие части, волновалось и было в угнетенном состоянии, не находя средства к спасению и выхода из затруднения. Тогда горожане казались подобными лодке без руля, которую бросают волны по разным направлениям. Мужчины, женщины и дети представляли жалкое зрелище: льнули один к другому, давая друг другу последнее целование. Там можно было видеть старика отца, обнявшего своего ребенка и горько над ним плакавшего, там муж расставался с любимой женой, в другом месте окруженные детьми родители в горьких слезах ожидали разлуки. Короче сказать, всюду раздавался плач и беспорядочный крик, как будто стадо овец, запертое и приготовленное на убой, издает смешанные звуки. Одни думали спастись в своих домах, другие предпочитали улицу, иные бежали в церкви, некоторые же спешили к городским воротам».

Все население, за исключением весьма немногих, которые успели бежать за город и спастись в окружающих горах, частию подверглось безжалостному истреблению, частию захвачено было в плен. По отношению к спасшейся от меча варваров части населения у И. Камениаты находим такое замечание.

«Это было весьма ограниченное число защитников западной части залива, да еще те, что тайно убежали к акропольским воротам и спасли свою жизнь, пока еще не наступила опасность: это были славянские старшины, заранее умыслившие это и захватившие ключи от тех ворот*. Им бы следовало, так как они предвидели крайнее бедствие, всякому желающему предоставить возможность выхода, тогда бы многие из ушедших ранее нападения варваров избегли бы смерти. Они же, соблюдая лишь собственные выгоды, приотворяли немного ворота и выходили небольшими группами, оставляя одного у ворот, чтобы запереть их снова. На всякий же случай у них был придуман коварный предлог для объяснения бегства — это будто бы по приказанию стратига они выходят для встречи стримонских союзников».

Собственная судьба автора записки о взятии Солуни также весьма трогательна. Он вместе с отцом и двумя братьями, желая спастись бегством из города, пришел к воротам слишком поздно, когда варвары уже завладели всеми выходами. Весьма любопытно сделанное им замечание, что им удалось спастись в одну башню впятером и что все пятеро принадлежали к клиру**. Когда убежище их было открыто, они вступили в переговоры с арабами и купили себе жизнь денежными подарками и обещанием выдать еще большую сумму. Будучи представлены самому Льву Триполиту, они вместе с другими захваченными в плен солунцами присуждены были к отправке в Тарс, где обыкновенно происходил обмен

* /Οὗτοι δε' ἦσαν οἱ τῶν Σκλαβήνων ἡγούμενοι, παλαι προμελετήσαντες τοῦτο καὶ τὰς κλᾶδας τῶν πολῶν ἐκείνων προυφελόμενοι/ (Cameniata. P. 545. 11) — место, весьма важное для обозначения положения славян.

** /Κληρικοὶ πάντες καὶ τῷ τῶν ἀναγνωστῶν/ (Ibid. P. 547. 7).

пленными между арабами и греками. В числе других попался в плен и стратиг Никита и один из воевод славянской окрестной страны *. Особенное внимание в описании Камениаты уделяется евнуху Родофилу, который незадолго перед тем был послан царем в Южную Италию с значительной денежной суммой для войска. Остановившись по дороге в Солуни, он неожиданно захвачен был рассказанными событиями. Ему удалось, однако, накануне взятия города отослать денежные суммы к стратигу стримонской фемы, поручив ему сохранять эти деньги до исхода войны. Когда и его взяли в плен, предводитель арабов спросил его: «Куда ты девал два таланта, которые ты должен был доставить в Сицилию?» Родофил объяснил, что деньги отправлены к стратигу Стримона, но что он доставит гораздо большую сумму, если только дарована будет ему жизнь. Триполит в бешеном гневе приказал его жестоко бить и замучил до смерти.

Собрав в богатом городе огромную и ценную добычу и имея множество пленных, арабский вождь сделал распоряжение о доставке всей добычи на корабли. Здесь все складывалось без разбора: золото, серебро, драгоценные одежды и ткани, которыми наполнены были суда. Пленных было такое множество, что об них никто не мог позаботиться, и положение их было весьма тягостное. На десятый день страшного хозяйничанья в Солуни, 9 августа 904 г., дан был приказ к отступлению. Но Триполит как будто еще не был доволен причиненными городу страданиями, перед уходом он приказал предать его огню и разрушению и, только получив в виде выкупа те два таланта, о которых говорено выше, отменил жестокое распоряжение. Арабский флот, нагруженный добычей и пленниками, которых при поверке на Крите оказалось 22 тысячи, возвращался с большой осторожностью, боясь встречи с императорскими судами. Значительная часть пленников высажена была в Крите и раскуплена в рабство местными жителями, а флот спешил до осенних бурь добраться до гаваней на Кипре и в Сирии.

Разорение Солуни произвело сильное впечатление на современников и заставило византийское правительство обратить серьезное внимание на недостатки в организации флота и на отсутствие хороших оборонительных сооружений в больших приморских городах. Припомним, что арабы взяли в это время два города, Атталию и Солунь. Уже в царствование Льва оба эти города составили предмет особенных попечений правительства: так, укрепление Атталии поручено было Евфимию, а Солунь была снабжена приморскими стенами, как это засвидетельствовано надписью, при царях Льве и Александре во время стратига Льва Хитцилака [21]. Несомненно, следует поставить в связь с указанными морскими несчастиями и исключительные меры, принятые Львом для поднятия морских сил империи в ближайшие затем годы. Подразумеваемые здесь меры должны быть рассмотрены несколько ниже в связи с историей походов Имерия, теперь же нам остается сказать несколько слов о ближайших последствиях похода Льва Триполита.

В половине 905 г. начались переговоры с сирийскими арабами об обмене пленными. После того когда установлены были обычные правила, началась фактическая передача; но снова произошли недоразумения,

* /Ἀλλὰ μὴν καὶ ὁ τῆς περιχώρου στρατηγός/ (Camenata. P 565. 19).

вследствие которых греки и арабы разошлись в разные стороны, не окончив обмена. Уже спустя три года, летом 908 г., снова греческие и арабские пленники были приведены к реке Ламус, здесь выкуплено было 3000 мусульман, по всей вероятности, тогда же получила свободу уцелевшая часть солунских пленников.

Известия о служебной карьере асикрита, впоследствии патрикия и логофета дрома, Имерия в высшей степени скудны, между тем с этим именем соединяется громадного значения факт — поднятие морского могущества Византии до такого положения, на котором оно стояло в течение X в. и которое впоследствии дало империи преобладание над арабами на море. В первый раз имя Имерия мы встречаем во время движения Льва Триполита по Эгейскому морю. Хотя ему было поручено действовать против неприятельского флота, но на этот раз, по неизвестным причинам, византийский вождь оказался ниже своей задачи и, как мы видели, допустил мусульманский флот совершить разграблением Солуни неожиданное и небывалое еще в истории империи дело. Правда, он сохранил бывшие под его начальством корабли, и, конечно, из опасения встречи с ним мусульманский флот принимал крайние меры предосторожности на обратном пути из Солуни осенью 904 г. Как можно видеть из последующего, Имерию не было вменено в вину случившееся; напротив, не больше как через два года он снова в звании логофета дрома поставлен был во главе флота, имевшего целью войну с арабами. Притом на этот раз предполагалось совместное действие флота и сухопутного войска против сирийских арабов и критских[22]. Хотя план соединенных действий не удался, так как греческий стратиг Андроник отказался явиться на условленное место, тем не менее Имерию удалось одержать над мусульманским флотом блестящую победу, помеченную днем памяти апостола Фомы* (6 окт. 906 г.). С этих пор в отношениях империи к мусульманам начинается большой поворот, который можно обозначить так: империя начинает наступательное движение против восточных арабов. Настроение современника по отношению к этому столь крупному в то время вопросу рисуется в письме Арефы, митрополита Кесарии, к дамасскому эмиру[23].

> «Что вы хвалитесь, будто, пользуясь особенным Божиим расположением, воюете и завладеваете светом, то что́ скажете, если напомним... как Андроник истребил вас 18 тысяч на одном месте. Где была ваша вера, когда Имерий уничтожил и истребил целое ваше войско? Впрочем, *уповаем, что время ваше исполнилось и вы окончательно погибнете*».

До погибели было еще далеко. Но действительно, империя собиралась с силами, чтобы разорить самое опасное гнездо морских разбойников, утвердившихся на Крите, и подорвать таким образом силу сирийских арабов, которым всегда подавали руку помощи из Крита. С этой целью, с одной стороны, завязаны были непосредственные сношения с калифом ал-Муктафи, которые сопровождались благоприятным разрешением некоторых пограничных недоразумений и привели к окончанию споров по

* Ἡμέριος μόνος τῇ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Θωμᾶ μνήμη συμβαλών πόλεμον, μετὰ τῶν Ἀγαρηνῶν μιγάλην νίκην Εἰργάσατο (T h e o p h. Contin. Lib. VI. P. 372).

обмену пленными [24]. Эта важная миссия возложена была на высокого государственного деятеля при Льве Мудром, магистра и патрикия Льва Хиросфакта, который два года оставался на Востоке и удачно выполнил возложенное на него поручение. В то же самое время правительство занималось организацией морских и сухопутных сил и подготовляло большую экспедицию против мусульман. Во главе этого громадного, как сейчас увидим, предприятия поставлен был Имерий. Ему был поручен не только царский флот, но, по-видимому, все морские силы, какими только располагали организованные для этой цели приморские фемы. Морской поход Имерия, имевший целью критских и сирийских арабов, заслуживает внимания не по результатам, которые вообще были весьма плачевны, а по той исторической обстановке, при которой он состоялся, в особенности же потому, что это был один из весьма немногих военных актов империи, который может быть тщательно изучен по его материальным средствам и по тем внутренним, невидным для внешнего наблюдателя пружинам, которые заставили устремиться к одной цели на морских судах десятки тысяч военных людей с военными запасами и продовольствием, оцениваемыми в миллионы рублей. Как был предусмотрен сбор войска, как собирались рекруты, откуда и какое содержание шло на офицеров и простых матросов, какие были суда и сколько экипажа могли они вмещать — все подобные данные сохранились до настоящего времени в официальных отчетах и документах, вошедших в труд Константина Порфирородного, сына царя Льва [25]. Но прежде сообщим некоторые данные о ходе дела. За недостатком точных хронологических указаний поход Имерия весьма трудно приурочить к определенному времени, почему разные исследователи помещали его на протяжении от 902 по 910 г. Принимая в соображение, что отмеченный период истории Византии представляет особенный интерес по отношению к Руси, так как тогда начались договорные отношения между Византией и нашими предками, мы не можем не остановиться на более или менее близких к действительности догадках. Благодаря новому свету, проливающемуся на изучаемый период из арабских источников, и сопоставлениям, сделанным в недавнее время в русской литературе [26], получилась возможность относить поход Имерия к 910 г., а поражение его арабами у Самоса к 911 г. Вместе с этим получается иной взгляд на многие события того же времени, остававшиеся прежде в тени. Царь Лев долго готовился к войне с арабами и внимательно всматривался в современные отношения, чтобы найти себе союзника даже между самими мусульманами. Так, послы императора в 907 г. были в Африке и вели переговоры с Зиядат-Аллахом, который, находясь во вражде с сицилийскими арабами, мог быть полезным союзником Византии за ее обещание помочь ему в западной части Средиземного моря. Но еще важней была забота разъединить на время критских и сирийских арабов. С этой целью на Крит было отправлено особое посольство, но эта сторона дипломатических сношений не принесла ожидаемых результатов: критские арабы в решительную минуту стали действовать вместе с сирийскими. Удачней были переговоры с киприотами, последние были на стороне Византии и приняли на себя задачу держать надежных соглядатаев в городах сирийского побережья и извещать империю о планах и намерениях сирийских арабов.

Кипр был на стороне греков, и поэтому с началом экспедиции летом 910 г. Имерий прежде всего сделал высадку на этот остров. Хотя мусульмане оказали сопротивление, но местное население было к нему расположено и сообщало ему важные известия, приходившие сюда из Египта и Сирии. Для Имерия пребывание на Кипре было весьма выгодно в том отношении, что позволяло следить за различными областями калифата и давало возможность предупредить соединение флотов, могущих прибывать из Египта, Тарса и Африки. Первый удар был нанесен сирийскому побережью, где была взята крепость Ал-Куббе и важный город Лаодикея. Но это движение к сирийскому побережью имело для Имерия роковое значение. В это время Кипр снова перешел во власть арабов, причем ренегат Дамиан, начальник арабов, жестоко мстил убийствами и пожарами кипрским христианам, поддерживавшим Имерия. Действия мусульманского флота на Кипре помешали Имерию, и он в 911 г. начал отступление к островам Архипелага, куда преследовал его мусульманский флот под предводительством Льва Триполита и упомянутого Дамиана, и у острова Самоса нанес ему страшное поражение. Византийский адмирал едва спасся от плена, большая часть кораблей была потеряна, и все обширное и обдуманное предприятие, которым занят был царь Лев в последние годы жизни, пошло прахом. Военная карьера Имерия была закончена, так как преемник Льва, брат его Александр, заключил его в монастырь, где он и умер [27]. Воспоминание по постигшей Имерия потере флота при Самосе долго оставалось в памяти греков. Хотя для правительства вопрос о критских арабах не переставал иметь жизненное значение и оно сознавало настоятельную необходимость покончить с этим вопросом, но урок, полученный в 911 г., долго сдерживал военных людей. Лучшим свидетельством этого служат слова историка [28] по поводу новых предположений организовать экспедицию против критских арабов при царе Романе II.

> «Когда царь Роман, движимый ревностью по Боге и руководясь советами паракимомена Иосифа, собрав отовсюду военные корабли с жидким огнем и отборным войском фракисийской фемы, из Македонии и славянских колен, предполагал отправить их в Крит, члены сената, ему преданные, выражали неудовольствие по поводу этого предприятия, напоминая царю о бывших при его предшественниках издержках и планах и неудачах, сопряженных с громадными расходами. В особенности памятно было, как при блаженной памяти царе Льве и Константине подобное же предприятие стоило громадных потерь деньгами и людьми. Выражалось опасение и морских бурь, и соединения сарацинских флотов Испании и Африки и народного поверья, что, кто отнимет у арабов Крит, тот будет царствовать над ромэями».

Известное под именем Константина Порфирородного сочинение «Об обрядах византийского двора» не может быть рассматриваемо в качестве произведения, действительно ему принадлежащего. Это есть сборник разного рода актов, хранившихся в царской канцелярии и в многочисленных приказах; между прочим, в этом сборнике находим следы придворного журнала, в котором записывались события, касающиеся царей и их интимной жизни, приемов иностранцев и торжественных выходов.

При Константине благодаря проявленной им инициативе к собиранию древних архивных материалов часть их, к большому счастию для исторической науки, была прочитана и переписана и таким образом могла сохраниться для потомства. Между прочим, во 2-й книге сборника, в главах 44 и 45, находим материалы, имеющие специальное отношение к военному делу, именно к двум критским походам Имерия и Никифора Фоки, из коих последний (в 961 г.) наконец подчинил Византии этот остров. Чрезвычайная важность сохранившегося здесь разнообразного материала позволяет проникнуть в самое существо дела и войти в малейшие подробности военного искусства, насколько оно зависит от материальных причин. Попытаемся сообщить несколько выводов на основании цифровых данных, какими, впрочем, характеризуется всякий деловой и финансовый отчет.

Экспедиция Имерия не должна была воспользоваться всеми морскими силами империи, но, без сомнения, в походе участвовала значительная часть приморских фем. Подсчет военных людей, посаженных на суда, дает свыше 50 тысяч, считая здесь гребцов и военных людей, в числе коих были кавалеристы, и, между прочим, 700 человек русских, которые здесь упоминаются в первый раз на службе империи. Все это громадное число военных людей размещено было на морских судах, принадлежащих по своему составу 1) к царскому флоту и 2) к областному, или фемному, флоту. Первый участвовал в походе поставкой и снаряжением 100 военных судов: 60 дромонов и 40 памфил. На дромонах на каждом судне было по 230 гребцов и по 70 военных людей; на памфилах на одной половине было экипажа по 160, а на другой — по 130. Присоединив сюда 700 русских воинов, будем иметь на царский флот 24 500* моряков. Что касается провинциального флота, или фемного, он участвовал в экспедиции меньшим количеством судов и людей, можно думать даже, что и вообще он был слабей царского. Четыре фемы, организованные для обслуживания потребностей морской войны, представлены здесь в следующих цифрах: 1) кивиррэотская с 31 кораблем, из коих 15 дромонов и 16 памфил, на них всего экипажа 6760; 2) остров Самос с 22 кораблями, из них 10 дромонов и 12 памфил, всего экипажа 4680 человек; 3) эгейская фема представила 7 дромонов и 7 памфил с экипажем в 3100 человек; 4) фема Эллада выставила 10 дромонов с 3000 экипажа. Следовательно, провинциальный флот представлен был в числе 77 судов, и всего экипажа на нем было 17 540 человек. Кроме того, привлечены были к набору в этот поход некоторые отделы войск и некоторые азиатские фемы с той целью, чтобы составить отряд конной службы. Сюда вошли полки фракисийской фемы, схоларии и македонцы всего в числе 1037 человек, и по 1000 рекрут из фем фракисийской и севастийской, кроме того, 500 новобранцев в феме Анатолике — всего 4037**. Независимо от упомянутых частей привлечены были к службе в этом походе мардаиты числом 5087. Таким образом, всего привлечено было в поход, как сказано выше, больше 50 тысяч, хотя в изданном тексте данный итог не согласуется с нашим, давая 47 тысяч с небольшим.

* В тексте у Константина — 23 002.
** В тексте у Константина — 6037.

Затем по приводимым в сборнике Константина актам получаем до известной степени возможность коснуться двух соединенных с тем же походом вопросов: системы рекрутской повинности и финансовых расходов, сопряженных с поставкой армии на военное положение. Постановка этих вопросов делается возможной вследствие некоторых указаний в занимающем нас материале на зависимость принимаемых на военную службу людей от земельного их обеспечения и на существование в империи так называемых стратиотских, или военных, участков, владельцы коих обязаны были к разным видам службы, смотря по финансовой квалификации участка. Военно-податные участки в фемах есть не только особенность византийского земельного хозяйства, но вместе с тем характерная черта изучаемой нами эпохи. Поэтому необходимо сделать здесь несколько указаний, хотя бы исключительно с методологическими целями, в применении к сборнику «Об обрядах византийского двора». В сборнике не имеется прямых данных о том, как, собственно, происходил набор военных людей для царского флота, точно так же можно лишь выставлять предположения насчет появления в этой экспедиции 700 русских. Но зато для провинциального флота сохранилось несколько ценных указаний. Прежде всего в трех морских фемах дело поставки военных людей лежало на обязанности военных начальников этих фем, или стратигов: «стратиг такой-то фемы принял на себя поставить» или «обязался поставить» *. Количество требуемых с каждой фемы людей, конечно, стояло в зависимости от числа судов, каким каждая фема участвовала в экспедиции, но, кроме того, при наборе нужно было считаться с семейным и имущественным положением крестьянского населения. Для выяснения этого обстоятельства имеется несравненный по точности акт в том же отчете[29] по критской экспедиции.

> «Протоспафарий Федор Пантехни принял подряд (ἐδέξατο) или «получил приказ» отправиться в фему Анатолику и произвести перепись в селении Платаниаты с тем, чтобы с жителей этого места и с других селений той же фемы набрать 500 отборных рекрутов, способных к службе в стрелках, а равно к конной службе в офицерских чинах. Если ратники *окажутся владеющими полным земельным наделом*, то должны на собственный счет сделать кавалерийское снаряжение; если же надел их недостаточен, то выдать им коней с конских подстав или взять с одиночек-соратников фемы Анатолики».

Приведенное место прекрасно дополняется законодательными памятниками X в., к которым мы обратимся в одной из следующих глав. Теперь же достаточно отметить, что сбор ратников на военную службу стоял в зависимости от акта имущественной переписи и что в византийских фемах крестьянское население посредством организации военно-податных участков поставлено было в обязательные отношения к отбыванию военной службы. С полного военного надела идет ратник с собственным снаряжением; недостаточные наделы или одиночки по семейному положению должны отбывать военную повинность по системе складчины —

* Так следует понимать выражение ἐδέξατο (De Cerim. II 651. 18, 20, 21); для толкования следует сравнить: De Cerim. II 657. 20 и сл.

один ратник с нескольких хозяйств. Таким образом, следует принять, что стратиги фем по случаю объявления похода должны были собирать ратников каждый в своей феме на основании существовавшей системы стратиотских, или военно-податных, участков, на которых сидело обязанное военной службой население.

Что касается данных по финансовым расходам, соединенным с этой экспедицией, то в этом отношении наши выводы не могут быть достаточно точны. Это частию объясняется некоторыми неправильностями в самых цифрах, а затем слишком большой разницей цены металла в сравнении с настоящим временем. Если, например, подсчет расходов по всем статьям, приведенным в сборнике Константина Порфирородного, дает около одного миллиона на наши деньги, то это, конечно, не может представляться чрезмерным расходом на морскую экспедицию в составе 50 тысяч матросов. Нужно принять в соображение систему натурального хозяйства, дешевизну жизненных предметов и сравнительную редкость и дороговизну металла и повысить в десять раз указанную сумму, чтобы иметь представление о величине расходов. Но приведем некоторые реальные данные. Так, фема Кивиррэоты выставила 6760 человек, на них израсходовано в смысле жалованья 2 кентинария, 21 литра, и 42 номисмы. Чтобы представить себе разность в системе вознаграждения военных людей разных родов оружия, укажем, что 700 русских получают в качестве жалованья 1 кентинарий. Приведенные термины денежного счета объясняются следующим образом. Номисма, иначе солид или иперпир, была большая золотая монетная единица, имевшая в обращении стоимость от 4 до 5 рублей. Литра составляла 72 номисмы, или от 300 до 350 р. В кентинарии полагалось 100 литр, или от 30 тысяч до 35 тысяч рублей. Всего на экспедицию показаны расходы в 37 кентинариев, 50 литр и 2 ном., составляющие, как сказано, около 1 миллиона рублей. Разберем, в частности, некоторые цифры. Так, жалованье кивиррэотской фемы (2, 21, 42 ном.), выставившей 6760 военных людей, составляет не больше 10 рублей на человека, между тем как жалованье в 1 кентинарий на 700 русских дает в четыре с лишком раза больше, именно почти по 43 р. на человека. Этим мы должны ограничиться по отношению к организации и расходам по критскому походу.

В связи с мероприятиями по отношению к сирийским и критским арабам следует бросить взгляд на соседние с империей, независимые от нее народы. Главным образом здесь имеются в виду армяне, находившиеся в то время в зависимости от калифата и в своей внешней политике тяготевшие к христианской империи. С вступлением на престол Македонской династии армяне появляются в значительном числе на военной и гражданской службе империи, из чего можно заключить, что Византия начала оценивать значение этого народа в своих планах против мусульман. Тогдашний правитель Армении Ашот из дома Багратидов, соединивший с Арменией Грузию и Албанию, дал своему государству столько материальной силы и политического значения, что империя, с одной стороны, и калифат — с другой, старались в постоянной взаимной вражде находить опорные пункты в этой пограничной стране [30]. Отсюда происходят многоразличные сказания о присылке венца от царя Василия Ашоту и обратно, равно как о венчании Ашота калифом ал-Мутамидом.

Пред самой смертью Василий заключил с армянским царем дружественный союз, имея в виду общего врага, т. е. восточных мусульман. Преемник Ашота (890) Сепад I, равно как и современный ему второй царь Македонской династии, продолжал поддерживать дружественные сношения и заключил в 893 г. союз против арабов. Но попытки Византии утвердить свое влияние в прикавказских областях не увенчались успехом. В качестве защитника христианства против мусульман Лев Мудрый посылал в Армению стратигов соседних фем, а доместик схол магистр Катакал раз дошел до Феодосиополя (ныне Эрзерум), разрушил находившиеся в окрестностях укрепления и нанес большой удар мусульманской власти в Армении. Но наместник калифа в Адербижане Афшин и преемник его Юсуф нанесли несколько раз поражения армянскому правителю и поставили страну в бедственное положение. Царь Лев думал подать руку помощи своему союзнику, но умер в сборах к походу. Армянский историк Асохик говорит об этом времени [31]:

> «Вся земля обратилась в пустыню и развалины, города разрушены, селения опустошены, жители рассеяны между иноязычными и чужеплеменными народами, храмы лишены служителей и всего благолепия».

Мы проследили в главных чертах отношения между империей и арабами на Востоке. Переходим к рассмотрению мусульманского вопроса на западной границе, главным образом в Южной Италии и Сицилии. Если сопоставить иконоборческую эпоху с македонской с точки зрения наиболее существенных интересов византийского государства, то нужно без колебания признать, что императоры Македонской династии полагали жизненный интерес свой в удержании и по возможности в расширении политического влияния империи именно в Европе. Итальянским владениям придавалось громадное значение и основателем династии, и его преемниками, и это не столько по действительной и ясно сознаваемой пользе, какая проистекала для империи от ее итальянских фем, сколько по властной фикции единства империи и соединенного с этой фикцией представления о господстве в Италии. Хотя по отношению к Сицилии и Южной Италии царь Василий не делал таких больших предприятий, какова экспедиция Имерия при Льве Мудром, тем не менее следует сказать, что итальянские владения, а равно и господство на водах, прилегающих к Далмации и Сицилии, оберегались с большой последовательностью и системой и основывались на прочной организации.

После занятия Бари и Тарента империи удалось вновь стать твердой ногой в Южной Италии и, пользуясь взаимной борьбой местных лангобардских герцогов и тяготевшим над Италией страхом сарацинских набегов и грабежей, расширить свое влияние. Эти успехи, впрочем, стояли в зависимости от положения дел в Сицилии, где власть империи с каждым годом становилась ограниченней и в последние годы Василия I простиралась лишь на небольшую полосу на восточном берегу острова и на город Тавромений. Этот клочок византийских владений едва ли долго мог держаться, будучи окружен со всех сторон арабскими колониями. В последние годы царя Василия в Южной Италии преследовалась настойчивая политика, в особенности с назначением стратигом Никифора Фоки, деда впоследствии знаменитого императора того же имени, который составил себе известность на службе в малоазийских

фемах. Располагая военными отрядами из Фракии и Македонии, приведенными сюда его предместником Стефаном Максенцием, и усилив их восточным павликианским отрядом под начальством Диаконицы, Никифор Фока имел в своем распоряжении прекрасное войско, с которым мог сделать попытку осуществить намерения царя. Военным и административным заслугам этого вождя Византия и обязана упрочением своей власти в Южной Италии на все последующее время до появления на юге норманнов. Ввиду опасности со стороны греческого стратига арабы приняли нужные предосторожности и собрали отовсюду вспомогательные силы. Но Никифор разбил их и взял арабские укрепления: Амантеа, Тропеа и С. Северина (885—886). Когда с восшествием Льва на престол Никифор отозван был из Италии, Византия имела уже твердое положение во всей Калабрии, Апулии и в береговой части Лукании. Лучшей похвалой для административной деятельности этого мужа служат слова царя Льва [32]:

> «Он покорил лангобардов не только военными делами, прекрасно исполненными, но вместе с тем проницательностью, справедливостью и добротою, будучи снисходителен ко всем и пожаловав их освобождением от всякого рода зависимой службы и от податей».

Весьма можно пожалеть, что мы лишены возможности изучить произведенные Никифором реформы в устроении завоеванной страны. К этому времени должно относить учреждение двух фем в стране: Лангобардии с центром в Бари и Калабрии. Главная масса населения в них была, конечно, из лангобардов, арабские колонисты были изгнаны, равно как и гарнизоны их; в каком соотношении с введением византийской администрации оказались местные обычаи и законы с греческими, об этом можно лишь делать догадки. Рассказывают, будто итальянцы, прощаясь с Никифором, построили в честь его храм, дабы увековечить память об его гуманном управлении [33] и об освобождении страны от сарацинских набегов. Некоторое время Калабрия с центром в Региуме составляла предмет специальных забот империи. Сюда постепенно переходили из Сицилии византийские подданные под напором арабского господства на острове, и здесь эллинизация пустила глубокие корни. Хотя в феме Лангобардии население было по преимуществу из германских колонистов, но устройство и управление в обеих провинциях было одинаковое и находилось в руках военного губернатора, или стратига, и подчиненных ему чинов, причем значительная часть земель объявлена была государственными, и владельцы этих земель призваны к отбыванию военной службы.

Главной задачей империи, оправдывавшей, так сказать, и само господство ее в Италии, была борьба с арабами. После побед, одержанных Никифором, сарацины утвердились в двух укрепленных пунктах римской Кампании, близ Гаеты, Агрополе и Гарильяно, и приняли деятельное участие в войнах герцога и епископа Неаполя Афанасия с Капуей и Салерно. Постоянным раздором между южноитальянскими герцогами и опасностью страха перед сарацинами Византия воспользовалась для распространения сферы своего влияния на те области, где прежде было политическое влияние Каролингов. Так, герцог Салерно, чтобы заручиться помощью Византии против Неаполя и союзников его,

сарацин, сам отправился в Константинополь, где был принят с отменным вниманием и награжден саном патрикия. Следствием этих отношений было то, что Салерно получило византийский гарнизон и военные снаряды. Ближайшее княжество, Неаполитанское, скоро также искало союза и помощи у императора; тогда к князю-епископу был послан отряд под начальством Хассана, который ведет ожесточенную войну с Капуей,— под знаменами Хассана можно было видеть в одно и то же время неаполитанцев, сарацин и греков. Взамен оказанного благорасположения Неаполь также должен был признать над собой власть империи[34]. Таким образом, Салерно, Беневент и Капуя находились формально под византийским влиянием, и между местными герцогами не было более серьезного противодействия дальнейшему расширению политической власти Восточной империи. Из всех лангобардских княжеств только Салерно пользовалось внутренним спокойствием, остальные были жертвой кровавых усобиц. В Капуе потомки Ландольфа находились в жестокой борьбе, в Беневенте постоянно происходили дворцовые революции. Гайдери, лишенный власти, ищет убежища в Бари, откуда стратиг препроводил его в Константинополь, исходатайствовал ему титул протоспафария и место правителя города Ории, в Южной Апулии. В Беневенте утверждаются на короткое, впрочем, время Радельхис, а за ним Айон, на которого напал герцог Сполето Гюи и взял его в плен. В это же время византийский стратиг Феофилакт, задавшийся целью нападения на сарацинское гнездо в Гарильяно, вооружил против себя лангобардов Беневента и Апулии, которые напали на Бари и выгнали из города византийский гарнизон. Но лангобарды не поддержали герцога Айона, и он скоро должен был снова сдать Бари патрикию Константину.

После этого для царя Льва не представлялось особенных трудностей провести свои честолюбивые планы и в Средней Италии. Прежде всего здесь нужно было воспользоваться враждой и противоположными стремлениями небольших княжеств в Кампании. Борьба герцогов между собою и с притязаниями Римского папы была одной из причин утверждения сарацин в Гарильяно; эта же борьба помогла и Византии. Было бы излишне следить за тем, как в Капуе, Салерно, Неаполе, Беневенте и Сполето почти ежегодно сменялись политические влияния и как почти в беспрерывной войне ослабляемы были эти княжества. Достаточно отметить, что в самом конце IX в. вследствие возвышения графа Капуи Атенульфа, особенно после соединения им в 899 г. Беневента и Капуи под своей властью, в Средней Италии начала зарождаться особенная политическая сила, приостановившая успехи Византийской империи. С тех пор Капуя возвышается между среднеитальянскими городами и в торговом отношении соперничает с Салерно, а в политическом оставляет в тени самый Беневент. Вместе с этим можно заметить, что в Южной Италии наступает период равновесия между боровшимися элементами, который находит себе объяснение и в тогдашнем положении мусульманского мира в Африке и Сицилии. Нужно признать большим благом, что Аглабитская династия в Африке имела для себя большие затруднения в местной африканской аристократии и что в Сицилии также происходила борьба между собственно арабами и берберами, а также между партией, стремящейся к полной самостоятельности,

и другой, которая поддерживала идею подчинения африканскому эмиру. Только этими обстоятельствами можно объяснить то, что Византия все еще держалась в Сицилии у подошвы Этны и в Таормине. Наступил даже такой момент, что сарацины заключили союз с христианами на 40 месяцев (895—896). По истечении этого срока обстоятельства круто изменились. Ибрагим ибн-Ахмед, управлявший Африкой в последней четверти IX в., задался целью обуздать местных племенных представителей и для достижения этой цели не давал никому пощады, так что внушал ужас и отвращение своими изысканными жестокостями. Внимание его обращено было и на Сицилию. Так как посланный им для этого начальник не нашел средств примирить между собой враждующих, то Ибрагим отправил в Сицилию своего сына Абул-Аббаса с большим флотом, который 1 августа 900 г. пристал к Мазаре. Нанеся несколько поражений палермским арабам, Абул-Аббас овладел Палермо и принудил сицилийских арабов к повиновению. Масса населения искала убежища в византийских владениях, многие бежали в Константинополь. На следующий год арабский вождь напал на Региум и взял его приступом, забрав в плен до 17 тысяч населения. С громадной добычей возвратился он в Мессину, где нанес поражение византийскому флоту. Приглашенный затем своим отцом в Африку, он объявлен был преемником Ибрагима, который добровольно сложил власть под предлогом священной войны против неверных. С свойственным ему воинственным одушевлением он повел мусульман против последних укреплений, остававшихся в руках христиан на северо-восточном берегу Сицилии. Таормина не могла выдержать осаду и сдалась, причем город постигла страшная судьба: мужское население погибло от меча, женщины и дети проданы были в рабство (1 авг. 902 г.). Епископа Прокопия постигла жестокая участь: у него была отрезана голова, а тело подверглось сожжению. Потеря последнего опорного пункта на острове произвела тяжелое впечатление в империи, патриарх Николай Мистик обвиняет [35] византийское правительство в непринятии должных мер. В самом деле, успехи африканских арабов в Сицилии должны были поколебать установившееся до некоторой степени равновесие в Южной Италии и сильно поднять на место византийского мусульманский авторитет. Ходил слух, что Ибрагим замышляет движение на самый Константинополь. Во всяком случае из Сицилии Ибрагим переправился в Италию и, высадившись в Региуме, пошел на север. Со всех сторон получал он посольства от лангобардских князей и городов с просьбой о пощаде и с предложениями союза. Но он даже не хотел выслушать униженные просьбы, а приказал объявить через переводчика свою волю.

> «Пусть возвратятся домой и объявят своим, что отныне я принимаю на себя заботы по управлению Италией и что моя добрая воля будет законом для населения вашей страны. Не думают ли они, что какой-нибудь грек или франк могут противостоять мне? Пусть они все соберутся в одно место, и я им покажу, что значит сила и военная доблесть! Пусть уходят и хорошо запомнят, что я не только их не пощажу, но разорю и город старого Петра. И останется только одно — идти в Константинополь и стереть его с лица земли моей силой» [36].

Неаполитанский епископ Стефан поспешил перенести мощи св. Северина из Лукулланского укрепления близ Неаполя, и самое это укрепление было разрушено, чтобы не дать арабам возможности воспользоваться им для осады Неаполя. Действительно, Ибрагим шел на север и приступил к осаде Козенцы, которая, впрочем, затянулась вследствие болезни предводителя. Дальнейшим планам арабов помешала смерть Ибрагима, случившаяся 23 окт. 902 г. Смуты в семье Аглабитов, вследствие которых господство в Африке (910) перешло к Фатимидам, равно как непрекращавшиеся раздоры между сицилийскими и африканскими мусульманами, не благоприятствовали идее священной войны с неверными, вследствие чего итальянские дела в начале X в. перестали быть в зависимости от постоянных угроз со стороны африканского или сицилийского флота.

С точки зрения рассматриваемых отношений необходимо остановить внимание на судьбе арабской колонии, утвердившейся в местности древнего города Минтурны, при устье Гарильяно, близ Гаеты. Основание колонии близ моря и на границе Средней Италии давало арабам полную возможность принять деятельное участие в борьбе Гаеты с Капуей и мелких княжеств с папой — самая мысль о приглашении арабов с целью заручиться их союзом принадлежала правителю Гаеты. Владея прекрасным положением на Аппиевой дороге и имея постоянные сношения с арабами Сицилии и Африки, арабы из Гарильяно или Монте-Арженто сделались страшным бичом для окрестных мест. Знаменитые монастыри С.-Винченцо и Монте-Кассино были разрушены; Рим, Сполето и вся Средняя Италия дрожали перед опустошительными набегами арабов; дорога к Риму стала опасна для паломников. Византийское правительство долго не выступало против этих разбойников, а местные христианские княжества не стыдились пользоваться иногда союзом арабов для борьбы с соседями. Так продолжалось с 882 г. по начало X в., когда в Средней Италии образовался значительный центр политической и военной власти в соединении Беневента и Капуи под управлением Атенульфа. Чтобы обезопасить свои владения с севера, он в союзе с Неаполем и Амальфи в 903 г. осадил крепость Гарильяно, которая имела на своей стороне Гаету. Но на этот раз Атенульф не рассчитал сил и, потерпев поражение от осажденных, должен был отступить. Опустошения арабов направлялись в Папскую область и сильно затронули интересы Церкви. Монастырь Фарфа семь лет подвергался опустошениям, пока наконец не был перенесен на другое место. Только за стенами городов можно было найти защиту; крестьянское население, лишенное безопасности, должно было оставить свои усадьбы и запустить хозяйство. Но ни папа, ни маркграф Сполето не в состоянии были организовать сопротивления опустошительному потоку из Гарильяно. Взоры всех были обращены к Константинополю, куда Атенульф и отправил своего сына Ландольфа, который искал у царя Льва помощи и посылки войска. Ландольф получил сан патрикия-анфипата, т. е. вступил в зависимость от империи, но решительных мер не было, однако, принято и на этот раз. Когда Ландольф возвратился в Беневент, отца его уже не было в живых; тогда же умер и царь Лев, собираясь в поход на Восток (911); тем не менее разбойничье гнездо в Гарильяно продолжало быть предметом попечения Ландольфа. В июле 911 г. он заключил союз с Неаполем для совокупных мер против Гарильяно. В то же время началось наступа-

тельное движение против арабов из Папской области, вследствие чего отряды, действовавшие на севере от Рима, принуждены были отступить назад под защиту укреплений Гарильяно. Папа Иоанн X в союзе с маркграфом Сполето Альбериком и Ландольфом беневентским составили план крестового похода против арабов Гарильяно. Союзники обратились за помощью в Константинополь, и, прежде чем прибыл назад аббат монастыря Монте-Кассино, посланный в Константинополь, к берегам Италии прибыл столь давно ожидаемый царский флот (915) под начальством патрикия Николая Пицингли, стратига Лангобардии. Тогда и колебавшиеся доселе герцоги примкнули к движению: Григорий неапольский и Иоанн гаетский. В июне 916 г. византийский флот прибыл к Гарильяно. В то же время с севера приближался с римскими войсками сам папа Иоанн X и с ним Альберик, маркграф Сполето. Таким образом арабы были окружены железным кольцом с моря и с суши. Это было, можно сказать, первое общее военное предприятие южноитальянских владетелей под высшим водительством Византии. У подножия горы была выстроена крепость, откуда союзники начали вести осаду, продолжавшуюся три месяца и потребовавшую много крови с той и другой стороны. Альберик и папа нередко лично участвовали в битвах и старались своим примером воодушевить войско. Наконец голод вынудил осажденных к сдаче. Но это была сдача, достойная героев. Они зажгли свои дома и, пользуясь замешательством, вышли из города небольшими группами и думали спастись в соседних лесах. Но союзники погнались за ними и перебили почти всех. Это было в августе 915 г., и с тех пор Средняя Италия не испытывала более такого угнетения от мусульман, какое было раньше. Главная заслуга в этом должна быть приписана империи, которая снова блистательно подтвердила свое право на имя защитницы христианства против неверных.

Останавливаясь здесь в изложении южноитальянской политики в царствование Льва Мудрого, мы должны еще бросить взгляд на другую часть западной границы империи, с которой она также была соединена лишь морем и сношения с которой поэтому зависели лишь от большей или меньшей силы флота. Разумеем прибрежные города Далмации и несколько островов на Адриатике, носившие имя фемы Далмации. Господство Византии на Адриатическом море, конечно, стояло в зависимости от крепости ее положения в Южной Италии и от организации морских средств обороны в Далмации. Главные города здесь были Зара и Рагуза, но ключом положения фемы был, собственно, город Драч, организованный вместе с ближайшей приморской областью в отдельную фему (Диррахий-Драч). Для Византии представляло жизненную задачу удержать влияние как на Адриатическом море, так и по берегам Далмации вследствие ближайшего соседства с византийской фемой этого имени славянских княжеств Сербии и Хорватии и полузависимых славянских племен, сидевших у моря и занимавшихся морскими разбоями. / В ближайшей главе нам предстоит выяснить организацию названных политических и этнографических групп в западной части Балканского полуострова, здесь же нужно сказать лишь о береговой полосе. В высшей степени определенно выдвигается то обстоятельство, что колебания византийской политики в этой полосе западной границы зависели от морского положения на Адриатике./ С падением Тарента

и Бари (839—841) наступает период арабского засилья в Южной Италии и безнадежной анархии по Адриатике. В особенности племя неречан отличалось своим удальством и отважными набегами на ближайшие острова при устье Наренты, которые и перешли под их власть. Начинавшая в IX в. приобретать морское значение Венеция пыталась в интересах своей торговли обеспечивать для своих купцов безопасность от названных пиратов. При вступлении на престол Василия I южноитальянские арабы смело ходили по морю и разграбили города Будву и Розу близ Антивари и осаждали Котор и Рагузу. И после похода в Далмацию адмирала Никиты Орифы, в 871 г., спокойствие здесь не было достигнуто, так как неречане продолжали делать набеги на Истрию. Но с тех пор как Бари снова перешел под власть Византии, положение дел изменилось к лучшему. В конце IX и в начале X в., когда арабы были окончательно вытеснены из Южной Италии, на Адриатическом море снова усиливается влияние Византии; в это время приобщены к христианству еще остававшиеся в язычестве неречане и в далматинских городах введена церковная организация по греческому обряду. Эти обстоятельства прошли совершенно незамеченными в современной событиям истории, так что мы лишены возможности составить понятие как о способах утверждения здесь византийского влияния, так и о силе его и пределах распространения. Следует удовлетвориться заключением, что как в восточной, так и в западной части Балканского полуострова одна и та же политическая и церковная идея выдвигала Константинопольский патриархат на стражу против притязаний [37] Западной империи и латинской Церкви.

Глава X

Законодательство царей Македонской династии. Новеллы. Крестьянская община

Есть полное основание выделить период Македонской династии в истории Византии и назначить ему совершенно самостоятельное место. Но это не потому, чтобы преемники Василия принесли на трон гениальность, или особенную даровитость, или хотя бы административные способности. Хотя ни сын, ни внук, ни даже правнук основателя династии не имели тех качеств, коими достигается величие и могущество и приобретается уважение современников и потомства, тем не менее период, в который мы вступаем с настоящей главы, необходимо признать кульминационным в истории византинизма. С конца IX и в течение X в. византинизм развился до конечных пределов, сказав свое последнее слово в законодательстве, литературе и искусстве и приобщив к христианской культуре новые народы.

С этой точки зрения вполне основательно обозначение этого периода как «Высший расцвет восточноримского могущества при армянской династии» или еще «Век расцвета» [1]. И тем любопытней эта, можно сказать, общепризнанная слава македонского периода, что в военном отношении преемники Василия были далеко ниже посредственности и во внешних делах не только не возвысили положения империи, но, напротив, многое бы потеряли, если бы только выдающиеся военные люди X в., Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, своими блестящими военными делами не удержали за империей занимаемого ею международного положения. Лев Мудрый и сын его Константин — это были кабинетные люди, вся деятельность которых исчерпывалась в сущности знакомством с книжными сокровищами царской библиотеки и редко простиралась за стены столицы и далее подгородных дачных мест. Ясное дело, что культурная жизнь империи и постепенное движение науки и искусства в X в. мало зависели от современных царствующих лиц, а находились под влиянием импульса, какой дан был византинизму ранее Македонской династии и который был в состоянии воспитать такую научную силу, как патриарх Фотий и его сотрудники. Хотя мы лишены средств разобраться в исходных моментах рассматриваемого движения, но нельзя не видеть того, что с эпохой, падающей на Македонскую династию, в разных проявлениях культурной жизни византийского общества начинают сказываться такие элементы, каких прежде не было в наличности. Кроме того, и в политическом отношении византинизм X в. одушевлен другими началами, чем в предыдущую и последующую эпохи: в нем нет той исключительности, сухости, односторонности и холодного эгоизма, с каким он выступает в VI или XI в.

С целью выяснить существенные черты совершенно сложившегося к X в. византинизма, который заявляет о себе не в личной деятельности

македонских императоров, а в учреждениях того времени, равно как в условиях организации социальной и экономической жизни, и, наконец, в научных и художественных предприятиях и произведениях, историк необходимо должен отступить на время от обычного приема изложения событий по царствованиям, иначе он рискует представить не в надлежащей перспективе характерные особенности византинизма, вследствие которых история Византийской империи занимает особое место во всемирной истории. Обращаемся к рассмотрению законодательной деятельности царей Македонской династии.

Во все времена существования Византийской империи как в литературной традиции, так и в общественном мнении не прерывалось убеждение в силе закона и в незыблемой твердости правосудия. Нельзя сомневаться в том, что это убеждение, переходившее в верование, было воспитано реальными фактами, что византийское правительство действительно полагало одной из главных своих обязательных задач заботиться о твердости норм закона и о правильном их применении. Не говоря уже о тех царях, с именем которых соединялась идея законодательных памятников, даже малоизвестные и менее популярные между ними оставляли по себе следы в законодательной практике. Это столько же объясняется исторической традицией о значении римского права и о глубоком влиянии на средневековые народы идеи Римской империи. сколько не прерывавшимся в Византийской империи изучением старых греко-римских и новых юридических норм, постепенно проникавших в империю извне, чрез знакомство с новыми народами. Эволюция римского права в творениях византийских юристов может служить лучшим показателем как процесса выработки византинизма, так и отсутствия застоя и трупного гниения в византийских учреждениях. Царскому величеству приличествует, говорится у одного писателя *, украшаться не оружием только, но законами и науками. Первое приносит пользу в военном деле, законы же и науки пользуются славой в мирное время. Одно доставляет безопасность телу, а другое оберегает и душу и вместе с тем тело, что неизмеримо выше и важней первого **.

И вот царь, собрав все эллинские и римские гражданские законы, расположил их только в 60 книгах, *сохранив то, что было нужно для потребностей ромэйской гражданственности, и устранив все излишнее и вышедшее из практики.* Подчеркнутое место хорошо выражает систему эволюции права в Византийской империи. Первым обширным предприятием в смысле урегулирования древнего законодательства и толкований на него римских юристов была законодательная деятельность Юстиниана, о которой была речь в своем месте. Известно, что кодекс Юстиниана пережил самое Византийскую империю и перенес имя великого

* Выше мы пользовались местами из жизнеописания Феофано, принадлежащего Н. Григоре (Hergenröther. Monum Graeca); из него же заимствуем место о законодательстве, пропущенное в печатном тексте.

** /Βασιλεκῆ γὰρ μεγαλοπρεῦείᾳ προσήκειτμὴ ὅπλοις μόνοις, ἀλλὰ καὶ νόμοις κοσμεῖσθαι καὶ λόγοις. Τά μὲν γὰρ εὐδοκεμεῖ κατὰ πόλεμον, οἱ δὲ κατὰ τὴν εἰρηνην, καὶ τεί μὲν σώματε πορίζεται τὴν ἀσφάλειαν οἱ δὲ ψυχαῖς ὁμοῦ τε καὶ σώμασιν, ὅ τοῦ προτέρον μακροῖς τισὶ κανόσι καὶ μέτροες αναγκαιότερον (Cod. Theol. gr. 279. Fol. 123. Вена)./

законодателя во все концы известного культурного мира. Но и это законодательство с течением времени стало слишком громоздким и неприменимым к новым условиям и новым формам жизни, которые постепенно изменяли и Римскую империю. В особенности римские правовые нормы встретились с чуждыми им и упорно отстаивавшими свою оригинальность греческими и другими инородческими правовыми воззрениями и восточными народными обычаями, которые дали место появлению особых правовых сборников и руководств по судебной практике. На этой же почве развивались и те законодательные предприятия, которые имели место как при царях-иконоборцах, так и при Македонской династии. Чтобы дать некоторое представление об этой стороне культурного влияния византинизма на Востоке Европы, необходимо войти в некоторые подробности самого процесса происхождения законодательных памятников, характеризующих рассматриваемую эпоху.

Роль основателя Македонской династии в законодательной деятельности, может быть, несколько преувеличена в предании, так же как значение его в военном деле и в администрации. Это предание, в общем весьма неблагорасположенное к иконоборческим царям и главным образом идущее от писателя, весьма близко стоящего к Василию, разумеем его внука Константина Порфирородного, весь подъем византинизма в конце IX и X в. желало отнести к инициативе первого царя новой династии. На самом деле нельзя не видеть, что Василий вступил в обстановку, уже достаточно приготовленную предыдущим развитием, иначе он не мог бы иметь вокруг себя таких деятелей, какими богато его царствование, и создать такое движение в сфере научной, художественной и законодательной, какое происходит в это время*. Нет сомнения, что потребность в новом законодательстве сказывалась весьма настоятельно. Латинский язык, на котором составлен юстиниановский кодекс, не соответствовал потребностям Византийской империи, так как он был малознаком даже образованным людям и административным лицам. Судьи, как столичные, так в особенности провинциальные, должны были прибегать к составлению руководств для их частного употребления, в которые вносимы были статьи местного права и обычаи, имевшие приложение лишь в данном месте. С течением времени подобные местные сборники вытесняли официальные законы. С своей стороны и правительство не могло оставаться безучастным зрителем того, что происходило в жизни: оно прибегало к изданию законов по текущим потребностям, давало так называемые новые заповеди и руководства, но таковые предстояло согласовать с действующими законами, что в свою очередь вызывало новые затруднения. Независимо от указанных явлений самый этнографический состав империи постепенно подвергался изменению, вместе с этим организовались, и притом с согласия правительства, целые провинции с новым составом населения, который был чужд и по языку и по нравам исконным подданным императора.

Первый ответ на указанные государственные потребности дан был замечательными законами иконоборческих царей. Вопрос об «Эклоге» Льва и Константина и о земледельческих законах, изданных при тех же

* В особенности преувеличены похвалы Василию у французского историка Фохта, который сравнивает его с Наполеоном (Vogt. Basile I. P. 129).

царях, долгое время составлявший предмет более или менее остроумных догадок, в настоящее время может быть сведен к простым и не подлежащим спору заключениям. К разъяснению его немало труда положено русскими учеными, так как в нем затронуты, как сейчас будет видно, весьма существенные русские национальные и ученые интересы [2]. Не говоря о том, что этими законами намечены совершенно новые принципы, вошедшие в жизнь империи, и что в них в первый раз отводится значительное место христианским воззрениям, под влиянием которых начинает изменяться светское законодательство, они, рано вошедши в соединение с церковным правом, получили весьма широкое распространение в переводах на славяно-русский язык у всех славян, принявших византийский православный обряд, как составная часть Номоканона и Кормчей книги. Чтобы вполне оценить значение для русской науки вопроса об этом законодательстве, нужно добавить следующее. В древних русских сборниках юридического содержания наряду с разными переведенными с греческого статьями помещается: «Леона царя премудрого и Константина главизны», т. е. «Эклога» иконоборческих царей, и «Книги законныя ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем», т. е. так называемый Земледельческий закон и крестьянский устав, или Νόμος γεωργικός. Как эта внешняя связь между «Эклогой» и крестьянскими законами, так и внутреннее соотношение между ними достаточно объясняют тот исключительный интерес, каким эти законы пользуются в русской науке.

Обращаемся прежде всего к «Эклоге». Так как в надписании * говорится просто о царях Льве и Константине как издателях этого «Избрания законов», то долго относили издание «Эклоги» ко времени Льва Мудрого и сына его Константина Порфирородного. Но ошибочность подобного приурочения бросается в глаза, если припомним, что именно царь Лев Мудрый в одной из новелл осуждает некоторые статьи «Эклоги» [3] (о приданом). Кроме того, последующее законодательное предание считалось с законами, изданными исаврийскими царями, а этими законами и могла быть именно «Эклога». Издание закона можно относить к 740 г. В предисловии высказываются весьма любопытные мысли, которые приводим в сокращении.

> «Поелику Бог, вручив нам державу царствия, повелел нам пасти верное ему стадо, то мы питаем убеждение, что нет ничего, чем бы мы первее и более могли воздать Ему, как управляя вверенными нам людьми в суде и правде, чтобы с этих пор разрушился всякий союз беззакония. Занятые такими заботами и устремив неусыпно разум к изысканию угодного Богу и полезного человеческому обществу, мы поставили впереди всего справедливость... Зная, что законоположения, изданные прежними царями, содержатся во многих книгах и что заключающийся в них разум для одних труднопостижим, а для других и совершенно недоступен, мы созвали славнейших наших патрикиев, квестора и ипатов и повелели собрать все их книги к нам и, рассмотрев их с усердным вниманием, заблагорассудили изложить в одной

* Ἐκλογὴ τῶν νόμων — παρὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου.

книге... все решения по делам, чаще всего встречающимся, и по разным соглашениям, а также определить нормы наказаний, соответствующие проступкам». Предисловие заканчивается следующими словами: «Всячески желая положить предел злому стяжанию, мы решили давать жалованье из нашего казначейства славнейшему квестору и писцам и всем служащим по судебным делам с тем, чтобы они уже ничего не брали с подсудимых».

Как можно видеть из предисловия, исаврийским царям пришлось считаться почти с такими же трудностями, с какими имели дело сотрудники Юстиниана: обилие и разнообразие рукописей с переводами и толкованиями законов и невозможность согласования их для обыкновенного судьи и для юриста. Хотя в греческом подлиннике не названы ученые-законоведы, которым была поручена работа, но в переводной Кормчей сообщены имена патрикия и квестора Никиты, ипата Марина и др. По своему содержанию «Эклога» состоит из 18 отделов, или титулов, из коих каждый заключает несколько положений, связанных между собой по содержанию. Главная основа, или подкладка, всех правовых норм есть закон Юстиниана, но, кроме того, внесены сюда дополнения, происходящие из исаврийского периода, и разного рода редакционные изменения, касающиеся даже основ права. Именно, здесь внесено много и такого, что противоречит началам Юстинианова права и что заимствовано из практики и из обычного права. Главное значение «Эклоги» нужно признать в том, что с нее начинается новый период в истории права и что в ней усматривается новый и живой элемент права, заимствованный из современности. Некоторые из постановлений «Эклоги» были отменены законодательством македонских царей. Из неотмененных прежде всего нужно отметить 17-й титул, содержащий в себе систему уголовного права о наказаниях. Характерным признаком ее служит обилие телесных, в особенности членовредительных, наказаний, которыми так обильны византийская придворная история и уголовная практика. Сюда относится отсечение руки, выкалывание глаз, урезание языка или носа, розги и палочные удары. Убийство раба проходит безнаказанно, если смерть его последовала от жестокого наказания палками или плетью. Но господин подлежит ответственности, если его раб умер от чрезмерных истязаний.

Либеральным течением проникнуты законы о личном праве. Прежде всего «Эклога» вводит христианский принцип в брачное право, требуя для законности брака лишь одно: чтобы брачащиеся были христианами. Воззрение на конкубинат как на супружество отменено; брак ведет за собой общение имущества, которое остается нераздельным по смерти одного из супругов. «Эклога» отменила громадные права отца и сравняла положение обоих супругов относительно детей. Пока живы отец и мать, до тех пор опека не допускается; при вступлении в брак дети обязаны испросить согласие родителей, а не одного отца.

В продолжение иконоборческого периода «Эклога» имела широкое применение в Византии, служила руководством в юридической школе и судебником. Хотя Василий I и его преемники отменили это законодательство, но оно, несомненно, продолжало пользоваться значением в частном употреблении и появлялось даже в новой редакции как «Частная эклога» или «Умноженная эклога».

Переходя к другим вопросам, стоящим в связи с изучением этого памятника, мы должны заметить, что по отношению к ним остается еще несколько недоразумений. В частности, обращает на себя внимание статья под заглавием «Книги законные», в состав которой входят 1) Земледельческий устав, или Νόμος γεωργικός, по мнению многих принадлежащий царям-иконоборцам, издавшим «Эклогу», и во всяком случае, как думают некоторые, относящийся к тому же времени; 2) закон о казнях и другие статьи, заимствованные из законодательства царей Македонской династии. Собственно, эта первая статья приобретает в истории Византии исключительный интерес по следующим основаниям. Земледельческий устав характеризуется такими чертами, которые вполне подходят к быту древнерусского крестьянства времени Русской Правды, что и определило место его в переводных с греческого сборниках, а равно повлияло на его историческое значение в Древней Руси. Крестьянский закон, принадлежащий иконоборческим императорам, превратился у нас в Устав о земских делах Ярослава Мудрого, т. е. Νόμος γεωργικός присвоен древнему русскому законодателю. Имея в виду, что Земледельческий закон представляет во многих случаях дословное сходство с «Эклогой» (наказания за преступления, термины для обозначения судебной власти), а иногда тот и другой взаимно дополняются один на счет другого, можно прийти к заключению, что этот закон издан одновременно с «Эклогой».

При изучении данных, содержащихся в Уставе, который может быть охарактеризован как полицейское уложение, прежде всего обращает на себя внимание отсутствие всяких указаний на колонат и на патронат. Но самым неожиданным явлением представляется общинное устройство и сельская община (κοινότης τοῦ χωρίου), как принадлежность быта свободных землевладельцев, сидящих на своей земле. Для объяснения этого явления выступает славянская иммиграция в империю и последовавшие вместе с ней перемены в социальном и экономическом строе. Итак, для нового, славянского населения империи и назначался преимущественно тот Устав, который более соответствовал его воззрениям, быту и привычкам, чем традиции старого римского права о личной собственности и о прикреплении к земле. Не вдаваясь в подробности, зависящие от толкования греческих терминов, заметим, что существование общинной формы землевладения не исключает личной земельной собственности[4] и что в самом Крестьянском законе есть статьи, свидетельствующие о частном личном владении землей, равно как такие, которые не могут быть объяснены иначе как из общинного владения полученными в личное пользование участками, откуда происходит, между прочим, и передел полей (особенно § 18 и 19). Весьма существенным характером земельных отношений, отмечаемых Земледельческим законом, следует признать еще и то, что в нем нет никаких следов прикрепления к земле: здесь действуют свободные крестьяне, владеющие личной и общинной землей, арендующие землю на стороне и имеющие право свободно оставлять свои участки. Словом, прежде общий тон давали ἐναπόγραφοι*, а теперь их заменяют независимые деревни (комы), имеющие свою организацию в митрокомиях.

* Приписные колоны. *(Ред.)*

Законодательство царей. Новеллы

Присутствие славянских элементов в законах VIII в. Византийской империи дает нам возможность заключить, что наплыв славян в Грецию в VI и VII вв. не был волной, которая разбилась бы о крепкие устои греко-римской цивилизации, не оставив по себе никакого следа. Зависимость славянских государств от византийской культуры имела последствием разнообразные влияния, отразившиеся на всем ходе жизни славянских племен — на развитии их литературных, художественных и юридических понятий; но весьма любопытно, что славянство, подчинившись сперва этой цивилизации и воспользовавшись ее плодами, в свою очередь оказало влияние на Византию, что и отразилось в законах Исаврийской династии. Нужно помнить, что эти законы не носят характера каких-либо случайных, временных постановлений и никогда не были таковыми, хотя впоследствии они отрицались и отвергались как неприложимые к жизни, утерявшие свое значение и смысл. Но такое отношение к этим законам императоров последующих веков, именно, императоров Македонской династии, и особенно Комнинов, станет для нас понятным, если мы будем иметь в виду, что законы о крестьянах были делом рук императоров-иконоборцев, которые осуждались последующими императорами как безбожники, и, как всегда бывает, осуждение личностей перешло в осуждение и всех дел их. Но есть точные указания, что эти законы существовали в жизни в X, XI, XII, XIII и даже в XIV вв. Доказательством этому служат руководства для финансовой, административной и судебной практики, таковы, напр., Πεῖρα (XII в.), Шестикнижник Арменопула, присоединяемый обыкновенно к нашей Кормчей, основе нашего канонического права.

Восстановить остатки славянского права по этим собственно византийским памятникам значит положить основание к изучению древнейшей истории славян. Нельзя сказать, чтобы наука византийского права совершенно игнорировала эту задачу. Но коренная ошибка Цахариэ и его последователей заключается в том, что, признав в новых элементах законодательства Исаврийской династии действие славянской иммиграции, они не считают за нужное проследить влияние тех же элементов в позднейших юридических памятниках и вообще признают, что в X в. греки успели поглотить славян, стереть их бытовые отличия и уничтожить свободное общинное землевладение в славянских поселениях.

Перенося вопрос о законодательстве иконоборцев с точки зрения развития греко-римского права на почву специально славянских историко-литературных интересов, мы должны в нем выделить «Эклогу», или «Закон судный людем», составляющий содержание 46-й главы Кормчей книги, и «Земледельческий, или Крестьянский, закон», о принадлежности которого к официальным законам иконоборцев возможны еще сомнения. Когда и для какого именно славянского народа переведена «Эклога», об этом могут свидетельствовать древнейшие списки, восходящие к XII или XIII в. Относительно первоначального перевода значительная часть славянских исследований склоняется к мнению, что перевод относится ко времени царя Симеона и был назначен для болгар [5], но весьма вероятно, что первоначально был руководством, не имевшим официального характера.

Что касается Земледельческого закона, значение его с точки зрения славянской науки прежде всего заключается в том, что он независимо от

того, имел ли официальное происхождение и применение или же нет, представляет памятник славянского права на греческом языке и на почве Византийской империи. При изучении его прежде всего обращает на себя внимание сходство его во многих отношениях с так называемыми leges barbarorum, или с народными правдами, между прочим и с Русской Правдой, и применение его к быту народа, живущего в общине. Это последнее обстоятельство составляет наиболее характерную черту Земледельческого закона, и на нем следует несколько остановиться. В Законе, состоящем из нескольких глав, которыми определяется наказание за разные проступки в крестьянском быту*, к таким, которые имеют значение для вопроса об общине, относится лишь весьма небольшое число. Между прочим, сюда относятся статьи 18 и 19, которыми предусматривается тот случай, когда крестьянин оставит свой участок и когда односельчане возьмут на себя обработку его участка и пользование собранными с него плодами. В таком случае возвратившийся крестьянин лишается права возбудить иск против своих односельчан за пользование его участком. Обе статьи, собственно, обеспечивают интересы казны, которая не теряет права на податные сборы с того участка, который покинут занимавшим его крестьянином. В особенности же общинные отношения ясны в статье 18[6], которая предусматривает следующий случай. Если крестьянин поставит мельницу на общественной земле и сельская община заявит претензию, что эта земля общинная, то все сообща пусть покроют сделанные расходы, а мельница пусть будет общим достоянием. Точно так же и следующая статья предполагает порядок отношений общинных условий. Если после раздела земли между жителями селения кто-нибудь построит мельницу на своем участке, то владельцы других участков не имеют права возражать что-либо против этого.

Дальнейший шаг в истории законодательства сделан был при основателе Македонской династии. Прежде всего между 870—879 гг. издан был так называемый «Прохир», т. е. настольное руководство, специальным назначением которого было отменить новшества, введенные исаврийскими царями, и восстановить начала Юстинианова законодательства. Таким образом, в новом законодательном акте имущественные отношения супругов регулируются согласно римским воззрениям. Но царь Василий не остался верен принципу, проведенному в Πρόχειρος Νόμος. Если ему удалось устранить в области церковного управления те черты, которые носили характер иконоборческого периода, то не так легко было отрешиться от новых норм, внесенных в гражданское право. Вскоре после издания «Прохира» появляется новый сборник, известный под именем «Эпанагога», в котором радикально изменяются положения, узаконенные в «Прохире». Для дальнейшего развития византийского права, равно как для истории учреждений, характеризующих византинизм, «Эпанагога» имеет больше значения, чем «Прохир». Так, в этом законе в первый раз систематически изложено учение о государстве и о церковной организации. Именно в ней встречаем определение поня-

* В издании проф. Павлова 83 славянские и 92 греческие главы; в издании Ferrini (Byzant. Zeitschrift. B. VII (1898). S. 558) 82 статьи или 93 по variae lectiones.

тия о царской власти и о власти патриарха и о взаимном отношении Церкви и государства, и эти понятия получают затем широкое распространение на всей области византийского церковного и культурного влияния. С этой точки зрения «Эпанагога» имеет громадное значение в истории развития государственной и правовой идеи.

Во введении к «Эпанагоге» так определяются назначение и цель закона [7], изданного незадолго до смерти Василия.

> «Наше царство, будучи посвящено некоторым божественным и неизреченным способом в таинства физической монархии и тройственной власти, со многим тщанием и прилежанием обратилось к провозглашению доброго и миpоспасительного закона. И прежде всего, произведя очистку в тексте древних законов *, мы соединили в Сорока книгах весь чистый и непорочный свод закона и предложили его вам, как бы некоторый божественный напиток. Противоречащие постановлениям упомянутого божественного закона и уничтожающие силу спасительных уставов, введенные исаврийцами нелепости мы вполне отвергаем **, и, из упомянутых Сорока книг избрав как богоданный закон Сорок отделов, мы почли за счастие предложить вам как спасительное руководство, как душеполезный закон, сокращенный и ясный, который будет служить вам введением к содержанию заключающегося в Сорока книгах».

Согласно установленной в том же предисловии системе, учению о государственных и церковных властях и должностях посвящены первые отделы. или титулы. Так как государство наподобие человека состоит из частей и членов, то наиважнейшими и необходимейшими в нем членами являются царь и патриарх, почему мир и благоденствие подданных зависят от единомыслия и согласия царской и патриаршей власти.

Второй и третий титул занимаются определением области царской и патриаршей власти. Собственно, по отношению к царю «Эпанагога» стоит на почве старых греко-римских воззрений, за исключением того, что касается благочестия и православия. Неограниченная власть его по отношению к подданным имеет предел в религиозном и нравственном законе, установленном верховным законодателем и судией, Христом. Но титул о патриархе оказывается вполне самостоятельным отделом в разбираемом законе. Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делами и словами изображающий истину. Обязанностью патриарха является соблюдение в благочестии и чистоте жизни вверенных ему от Бога людей, обращение к православию и единению с Церковью всех еретиков, а также миссионерская деятельность между язычниками. Патриарху свойственно быть учительным, к высшим и низшим относиться одинаково свободно и непринужденно, кротким в правосудии, обличительным к непослушным, в защиту же истины и в охрану догматов не смущаясь говорить и в присутствии царя. Статья 5 III титла говорит: одному патриарху принадлежит право истолкования древних канонов,

* Τὰ ἐν πλάτει τῶν Παλαιῶν νόμων κείμενα ἅπαντα ἀνακαθαρίσασα.
** Παρὰ τῶν ἰσαύρων φληναφίας ἐκτεθείσας πάντη ἀποβαλομένη καὶ ἀπορρίψασα.

постановлений святых отцов и правил святых Соборов. Точно так же патриарху принадлежит обсуждение и применение частных и епархиальных или общих постановлений отцов на Соборах. Очень важны специальные статьи, относящиеся к Константинопольскому патриарху, которые, несомненно, составлены под влиянием патриарха Фотия, как и весь этот памятник.

> «Константинопольский трон, украшенный царским пребыванием в городе, соборными постановлениями признан первенствующим, вследствие чего имеющие возникать споры между другими патриаршими кафедрами должны восходить на его окончательное решение».

В том же смысле составлена и следующая статья. Забота и попечение о всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквах, равно предание суду, осуждение и оправдание принадлежат местному патриарху. Константинопольскому же свойственно и в епархиях других патриархатов ставить ставропигии, равно как наблюдать и исправлять возникающие в других патриархиях разногласия и полагать конец судбищам. Ясное дело, что Константинопольский патриарх имеет право наблюдения и суда во всей Вселенской Церкви. Свое главенство в деле духовного попечения о всех Церквах он может, однако, препоручить и другому; в деле же обращения еретиков он единственный судья и распорядитель, или те, кому он доверит.

В высшей степени любопытно проследить далее отношение светской власти к духовной, так как и здесь заметны новые веяния в отличие от иконоборческой эпохи. В «Эпанагоге» проведена та мысль, что церковно-государственное тело имеет во главе своей Самого Христа, представителями Которого на земле являются царь и патриарх. Царь управляет мирским обществом по законам, которые им издаются и истолковываются; но эти законы не могут быть в противоречии с канонами, и законодательная свобода царя имеет ограничение в догматах и канонах. Царь должен веровать и исповедовать те догматы, которые приняты Церковью, он обязан блюсти правоверие и хранить чистоту догматов. Патриарху принадлежит управление Церковью на основании канонов, равно как толкование и применение этих последних. Церковь и государство управляются царем и патриархом, находящимися в единомыслии и единодушии. Это идеи вполне византийские, ими живет весь период до турецкого завоевания, но они сложились под влиянием новых веяний, современных патриарху Фотию и Василию I. Так, можно припомнить, что Лев Исавр совсем иначе определял свое отношение к Церкви: он представлял себя царем и первосвященником и в этом качестве повелевал в делах веры. Давно уже обращено внимание на то обстоятельство, что права и обязанности патриарха в занимающем нас памятнике определены соответственно стремлениям патриарха Фотия[8]. Принцип равноправности царской и патриаршей власти, хотя в действительности священство уступало царству, оставался основным правилом византийского государственного права, и отступления от него отмечаются, как увидим ниже, в смысле нарушений божественного закона.

Нужно думать, что законодательный вопрос в конце IX и в начале X в. занимал внимание правительства, так как он вызвал усиленную деятельность между юристами того времени. После упомянутых сводов

царя Василия разработка продолжалась в двух направлениях: в составлении новых сводов, предпринимаемых правительством и частными лицами, и в издании законов по текущим вопросам времени. Что касается правительственных и частных сводов, то прежде всего сын и преемник Василия Лев VI сделал громадное законодательное предприятие изданием своих «Василик». Следует, впрочем, сказать, что издание «Василик» (βασιλικὰ νόμισμα) не есть личное дело Льва, а результат общих законодательных предприятий раннего времени, выразившихся как в изданных при царе Василии «Прохире» и «Эпанагоге», так и в новых подобных же предприятиях, появившихся при его преемнике. Служивший до сих пор свод законов Юстиниана (Corpus juris), составленный на латинском языке, встречал большие затруднения для своего применения на Востоке и естественно заменяем был сборниками, сокращениями и разного рода руководствами на греческом языке, в которых было множество отличий, взятых из обычного права и из местных особенностей. «Очищение» (ἀνακάθαρσις) древних законов было главной целью всех законодательных предприятий. Главная работа времени царя Василия, предпринятая с этой целью, не была при нем закончена, с 886 г. она была вновь продолжена, может быть на более широких началах, под редакцией законоведа Симватия. «Василики» представляют собою греческую обработку юстиниановского права и древних переводов и толкований римского права, равно как новых актов по текущему законодательству (новеллы) до самых последних сводов [9]. Хотя намерение законодателя состояло в том, чтобы дать такой свод, который бы вполне удовлетворял потребностям империи и не заключал бы в себе утративших смысл и значение прибавок (περιττὰ καὶ ἀνόνητα), тем не менее жизнь постоянно выдвигала новые запросы, которые не находили себе легкого объяснения в действующем законодательстве, а потому тот же Лев Мудрый должен был издавать «Новые законы» по вновь возникавшим требованиям [10]. В дальнейшем законодательная деятельность сосредоточивается на издании новелл, которыми как памятниками законодательства по текущим потребностям мы можем пользоваться в смысле исторического источника. Прежде чем говорить о новеллах Льва Мудрого, находим уместным дополнить сведения о византийских сводах несколькими замечаниями о неофициальных сборниках. Наряду с упомянутыми выше сводами возникали попытки частного характера применить к потребностям жизни древнее право: сюда относятся «частные прохиры», «эклоги и эпанагоги», «эклоги измененные» после издания «Прохира» и «Эпанагоги» и т. п. Появление подобных сборников свидетельствует о значительном движении юридической науки в византийской школе. В этой школе возникли сборники «Сокращение законов» (около 920 г.), «Сокращение Василик», «Пира» (Πεῖρα) в половине XI в.— последний сборник представляет собой незаменимое пособие для ознакомления с судебной практикой, с администрацией и податной системой империи.

Юридическая производительность продолжается с значительным напряжением и после Македонской династии. Главным выражением ее служит Шестикнижник Арменопула (XIV в.), которым византинизм продолжал свою культурную миссию на Востоке и после падения империи.

Возвращаясь к новеллам, находим уместным привести несколько мест из введения к изданным царем Львом VI новеллам.

«Разнообразие человеческих дел и сложность жизненных условий объясняют происхождение всяческих законов, которые своим обилием распростираются на все действия людей, и последние, посредством сопоставления их с законами, дают основание к различению добра от зла. Таким образом, законы служат как бы охранителями нашей жизни и врачами, которые, с одной стороны, затрудняют укоренение в жизни дурных привычек, с другой же — устраняют вредные последствия тех, которые незаметно проникли уже в общество, отсекая зло с корнем и не давая ему укрепиться. Но человеческие благоприятные и противоположные им течения, производящие полное крушение в делах и изменяющие счастливые состояния на бедственные и многое покрывающие забвением, /так что если бы начало их происхождения не было засвидетельствовано, то можно бы их считать несуществовавшими,/ нанесли законам немалый вред, покрыв одни из них полным забвением, другие же поставив во взаимное противоречие. Причина же тому лежит в том, что частию сами законодатели не оставались верными прежним своим воззрениям, но вошли с ними в противоречие, частию же в том, что позднейшие законы не были согласны с более древними или по применению их, или по основному смыслу, вследствие чего в законах произошел значительный беспорядок, принесший немалый вред делам. Почему, рассудив, что не следует пренебрегать этим и оставлять в беспорядке и смешении то, от чего зависит мир и спокойствие общественной жизни, мы решились подвергнуть законы самому тщательному расследованию и те из них, которые признали полезными для государства, сделав из них выборку, приказом царства нашего утвердили для настоящего времени и узаконили применение их к делам; что же касается тех законов, которые оказались неприменимыми, то одни из них, исключив своим приказом из свода законов, предали вечному забвению, другие же, которых мы не могли и вспомнить, подвергли амнистии и исключили подобно первым. Так как в действующем обычном праве оказались некоторые положения, не лишенные основательности и не противные здравому смыслу, то мы почтили их достоинством закона и перенесли из обычного права в сборник закона» *.

Можно бы подумать при чтении приведенных слов, что законодателя снова занимают здесь те же общие затруднения, которые вызвали появление «Эпанагоги» и «Василик», иначе говоря, что это введение может считаться общим местом, малопригодным для новелл. Но стоит оз-

* Основное место для вопроса о пользовании законодателя обычным правом./ Ἐπεὶ δε' καὶ ἐν ταῖς κρατούσαις συνηθείαις ἐφάνησαν τινεροὶ παράλογοι, οὐδε' τοιαῦται οἵας ἂν νοῦς συνετὸς ἀτιμάσαε, καὶ ταότας νόμον προνομιῴ τετιμηκότες, ἀντὲ δὲ συνηθείας ἀλογου εἰς νόμον πρόσταζιν καὶ τιμήν ἀνηγάγομεν / (Jus graeco-rom. III. P. 67)./ Еще раз повторено это в заключении предисловия./

накомиться с содержанием первой новеллы Льва, обозначенной именем магистра Стилиана, тестя его, чтобы понять, что новеллами именно придается сила закона обычному праву. Так, послав упрек Юстиниану за непоследовательность, причинившую много вреда судебным учреждениям, законодатель продолжает:

> «...да и по настоящее время частию вследствие позднейших узаконений, частию под влиянием местных обычаев, *еще не получивших законного права и единственно почерпающих силу в угодливости толпе*, возникают многие новшества, происходит путаница в применении закона и в делах чрезвычайное запущение и беспорядок *.

И действительно, в новеллах Льва встречается немало отличий от обычного законодательства, и притом столько же в гражданском праве, как и в церковном.

Во многих отношениях Лев допускал радикальные мероприятия. Таков его закон о рабе, принявшем священный сан без воли господина, которого он приказал возвращать в первоначальное состояние вопреки существовавшим гражданским законам [11], таковы в особенности его новеллы, изменявшие брачное право [12]. Не входя в подробности обсуждения тех изменений, которые введены были в Церковь и в гражданское общество новеллами, мы ограничимся здесь изложением сообщаемых ими чрезвычайно важных данных, выясняющих положение крестьянского сословия и знакомящих с общинным бытом среди византийских поселян. /Господствовавшее до последнего времени воззрение на византийские крестьянские и вообще землевладельческие отношения основывалось на авторитете Цахариэ Лингенталя. В своей истории Греко-римского права [13], которая пользуется большим и вполне заслуженным авторитетом, он сообщает интересные выводы по занимающему нас вопросу. Именно, у него в первый раз в истории науки даны надлежащая постановка и освещение вопроса о деревенской общине. Дальнейшее движение эта сторона изучения Византии получила в русской литературе [14], причем, как и естественно было ожидать, у нас подверглась рассмотрению проблема о крестьянской общине. Как уже было указано во Введении, в исторических обстоятельствах, содействовавших появлению и сохранению общинного быта, проявляются существенные признаки византинизма, в котором история Византийской империи имеет свой отличительный характер. Таким образом, здесь предстоит остановить внимание на судьбе крестьянской общины в государственной истории Византии и на роли свободного землевладения в истории его учреждений./

Историки и юристы, не отрицая значения славянского элемента в византийской истории с VI столетия, находят, однако, возможным ограничивать его действие только периодом до XI в. По мнению Цахариэ, свободное крестьянское землевладение в Византии и славянская община падают в конце X в. или к началу XI в. Главные доказательства этой теории основываются на новеллах императоров

* /... καὶ μέχει τοῦ νῦν ἄρτι μὲν ὑπὸ νεωτέρων θεσπεσμάτων ἄρτι δε' ὑπὸ συνηθειῶν ἀθεσπιστων καὶ μόνην προβαλλομένων ἰσχύν τὴν πῶν ὄχλων ἀρέσκειαν πολλῆς ἐπιγενομένης καινοτομίας, μικροῦ τὰ τῶν νόμων συγκέχυται καὶ ἄνω καὶ κάτω πεττεύομενα τὰ πράγματα φέρεται./

X и XI вв. Существенный интерес этих законодательных актов заключается в том, что по ним можно изучать меры, принятые византийским правительством в защиту мелкого крестьянского землевладения против захвата крупных собственников/. Интерес, представляемый этими новеллами, усматривается из того, что они служат доказательством серьезного внимания правительства к нуждам сельского населения. Важно также то, что в новеллах упоминаются/именно те преимущественно области Малой Азии, куда направлялась славянская колонизация в VII—VIII вв. (фемы Фракисийская, Анатолика и Армениак).

Сословие властелей (δυνατοί), или динатов, в X в. оказалось весьма опасным врагом крестьянских общин и мелкого крестьянского землевладения. Пользуясь своим положением воевод, судей, сборщиков податей и переписчиков, эти динаты обнаруживали свое вредное действие на крестьянскую общину, особенно в качестве крупных помещиков: они разоряли крестьянские дворы, пользовались неурожаем, голодом, невзносом податей и т. п. и заставляли мелких землевладельцев, называемых в актах «убогими», продавать им свои участки, закладывать их, завещать и т. д. Вместе с этим свободные прежде крестьяне поступали в зависимое барщинное положение к помещику, за которого закладывались,—факт, очень известный и хорошо иллюстрированный параллельными явлениями в Западной Европе и в русской истории. Опасность являлась столько же от помещиков, сколько и от того элемента, /который у нас называется кулаками,/ который вырос среди самой общины, именно, выделялись богатые крестьяне из среды самой крестьянской общины, которые, пользуясь дурным экономическим положением соседей, разоряли их, притесняли и побуждали уступать им свою собственность. /Была опасность, что большие властельские усадьбы поглотят мелкое крестьянское землевладение./ Вот против этого-то зла и борются новеллы императоров Македонской династии. /Чем его предупредить?/ Разумнейшие меры, конечно, должны быть экономические. Что же придумано императорами византийскими? Чтобы предупредить распадение крестьянской общины и обеспечить неотчуждаемость земельного имущества ее членов, установлен был закон предпочтения (προτίμησις), т. е. было определено, кто имеет право и кто не имеет права покупать крестьянские земельные участки. В этом законе предпочтения были даны значительные привилегии и изъятия в пользу самих членов крестьянской общины, чтобы они имели средства и возможность не упускать земель из своих рук. Главная мысль заключалась в том, чтобы устранить возможность перехода земельного имущества в другие руки помимо жителей той же общины, или, правильнее, волости (митрокомии). Но προτίμησις важен по некоторым своим деталям: в нем указываются пять категорий лиц и отношений в этой митрокомии—и только после отказа всех лиц, входящих в митрокомию, имущество могло быть отдаваемо в чужие руки, предложено вольному покупщику.

/Новеллой Романа Лакапина от 922 г. обеспечивается за крестьянской общиной право на предпочтение при покупке недвижимой собственности во имя закона, запрещающего продажу земельного участка в другие руки, «помимо жителей своей митрокомии» [15]. В новелле перечисляются пять категорий лиц, входящих в митрокомию, и только после отказа всех категорий обывателей митрокомии имущество может быть

предложено вольному покупщику. Эти категории суть: 1) семейная или родовая община; 2) домохозяева-общники или крестьяне, сидящие на полном тягле; 3) обыватели общины; 4) соплательщики; 5) члены союзных общин. В продолжение 30 дней со времени заявления о продаже «предпочитаемый» должен уплатить цену имения и взять на себя участок. Если же он находится в извинительном отсутствии или малолетен, то за ним удерживается право на четыре месяца. Таким образом, право предпочтений действует или один месяц, или четыре. Вслед за этой частью, устанавливающей новые принципы для защиты общинного землевладения, идет другая, направленная против смут, разными способами угрожавших цельности общины. Именно, властелям воспрещается делать приобретения из общинного имущества посредством дара, завещания, покупки и найма, под угрозой отнятия противозаконно приобретенного имущества и пени в государственную казну. Но суровая действительность под влиянием холодной зимы, голода и моровой язвы усилила то движение, против которого направлена упомянутая новелла, так как богатые люди стали скупать у бедных их участки за ничтожную плату, даже за скудное прокормление./

Прекрасная по гуманным чувствам новела Романа Лакапина, изд. в 934 г., представляет собой исключительное явление между законодательными памятниками.

> «Есть люди,—говорит законодатель,—которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь таким образом от прав на небесные награды и забывая о дне судном. Такие люди... причина всех бедствий; отсюда происходят всяческие замешательства, отсюда великие и долгие страдания и многие стоны бедных. Но за бедных вступается Сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом или вконец забыть о своей обязанности, когда именно от одних очей царских бедняк ждет себе здесь утешения. Итак, мы определяем, что во всех странах и областях, подчиненных нашей власти, каждый наш подданный должен пользоваться без всякого стеснения доставшимся ему земельным участком. При обыкновенном ходе вещей имущество пусть передается законным образом по наследству или по завещанию владельца его детям или родственникам. Если же вследствие каких бы то ни было обстоятельств представится необходимость продать всю свою землю или же только часть ее, то пусть покупка сначала будет предложена домохозяевам того же самого села или соседних полей и селений. Мы постановляем это не из ненависти к сильным, но из благорасположения к бедным, ради защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от Бога власть и возвысились славою и богатством, вместо того, чтобы взять на себя попечение о бедных, смотрят на них как на свою добычу и досадуют, если им не удается проглотить ее как можно скорее. Итак, пусть никто впредь из высших гражданских и военных и церковных чинов ни сам лично, ни при помощи какого-либо посредствующего

лица не осмеливается вступать посредством покупки, дара или каким другим путем в какое-либо селение или деревню, покупая в целости его земли или хотя бы часть ее, так как всякое такого рода приобретение будет считаться недействительным и самое имущество со всякими улучшениями подлежащим безвозмездному возврату прежним владельцам, или их наследникам, или же, в случае неимения таковых, жителям того же самого селения... Крестьянское землевладение удовлетворяет двум существенным государственным потребностям, ибо с него вносятся казенные подати и исполняется воинская повинность. То и другое сократится, если сократится число крестьян... Недавнее общественное бедствие, наведенное на нас изменчивостью времен или, скорее, посланное нам в наказание за наши грехи, для многих было только удобным случаем для собственного обогащения. Вместо того, чтоб оказать бедным, страдающим от голода, человеколюбие или сострадание, богачи спешили деньгами, или хлебом, или какими другими выдачами купить по дешевой цене земельные участки несчастных... Итак, если кто из знатных лиц, которым запрещено было покупать или вообще приобретать имения бедных, сделался тем или иным способом владельцем крестьянских участков в период времени от начала голода, тот должен быть удален из них, получив обратно внесенную им покупную сумму, причем право выкупа предоставляется или первоначальным владельцам, или их наследникам и сродникам, или, в случае отсутствия таковых, соплательщикам, или же, наконец, членам общины. Далее, есть люди, по рождению принадлежащие к сословию бедных, но по милости Божией достигшие лучшего положения в жизни. Мы считаем справедливым, чтоб они оставались при том наследстве, которое им сначала досталось; они не должны являться причиной бедствия своих соседей, разбойнически отнимая у них имущество. Скорее им следовало бы, памятуя особенную к ним милость Божию, оказывать благорасположение к своим соседям. Если такие лица (властельского сословия) вступили во владение приобретенными ими имуществами ранее начала голода, то и ныне пусть остаются в этом положении с тем условием, чтобы более не приобретали соседних участков. Если же они оказываются тягостными и несносными для соседей, причиняя постоянный вред убогим, то они должны быть изгнаны и подвергнуты лишению своей собственности. Что касается вознаграждения, то в том случае, если продажа произошла свободно и по цене справедливой, должна быть возвращена покупщику уплаченная им сумма*. Но как мы слышали, что были люди, дошедшие до такой жадности к наживе, что захватывали земельные участки бедных за самую дешевую цену, то, если бы оказалось, что заплаченная за имение цена вдвое ниже его

* Но для облегчения крестьян им дано право на трехлетний срок

действительной стоимости, покупщик лишается права на вознаграждение. Если кто из лиц чиновных и властных после издания настоящей нашей заповеди решится в чем-либо ее нарушить и вкрадется посредством покупки или дара в сельские крестьянские земли, то наша воля состоит в том, чтобы такой человек был оттуда изгоняем без всякого вознаграждения, лишаясь всех своих издержек на улучшения и, сверх того, подвергаясь наказанию... Мы желаем, чтобы все эти постановления получили полную силу ради блага наших подданных, которое составляет предмет многих и постоянных наших забот».

Так как отмечаемое здесь социальное и экономическое явление должно быть признаваемо самым выразительным фактом византинизма, дошедшим в македонский период до своего кульминационного развития, то мы отметили его уже в введении [16] и там же ознакомили в кратких чертах с общими результатами гуманных мер, так, по-видимому, искренно и убежденно провозглашаемых и проводимых в жизнь целым рядом византийских царей. Нельзя скрывать того, что предпринятые меры не были в состоянии повернуть социальный и экономический строй, неумолимо направлявшийся против мелкой поземельной собственности и имевший тенденцию дать преобладание крупной земельной аристократии. Как часто происходит в практической жизни, правительство при всей искренности и доброжелательстве к бедным уже в XI в. стало разрушать то, что созидало для них в X в.; хотя не может быть сомнения, что новеллами в защиту мелкой поземельной собственности был приостановлен тот процесс, к которому привело подобное же социальное и экономическое движение на Западе при Каролингах. Борьба была серьезная, правительство не останавливалось перед самыми радикальными мерами: отменило сорокалетнюю давность и предоставило крестьянам отыскивать свои права, невзирая ни на какие сроки; возложило круговую ответственность на землевладельцев данной местности за несостоятельность мелких крестьянских собственников. Самые радикальные меры приняты были в этом отношении Василием II Болгаробойцей (976—1025). Изданная им по вступлении на престол новелла, посвященная занимающему нас вопросу, превосходит все, что известно между византийскими государственными актами, так как прекрасно передает настроение законодателя и реальную действительность конца X в. Передаем здесь в существенных чертах ее содержание [17].

«С тех пор, как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властели, болея страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в сорокалетней давности и стараются то посредством подарков, то посредством присущей им силы и влияния — миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они дурным образом приобрели от убогих. Желая исправить такое зло, поставив в должные границы нынешних властелей, и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаем настоящий закон *,

* Обрыв — страница утеряна. *(Ред.)*

/Если верно то, что цель этого законодательства направлена к тому, чтобы закрепить за сельскою общиною землю, то, разумеется, весьма важное значение имеет указание этих категорий лиц в первом, можно сказать юридическом, памятнике этого законодательства. Теоретически говоря, эти категории лиц и отношений митрокомии показывают, из каких элементов состояла сельская община и в какой связи они находились. Подразумеваемое место в новеллах имеет громадное значение. По моему мнению, оно должно быть истолковано следующим образом. Если продается, вследствие запустения или для покрытия недоимок, участок земли, то предпочтительно приглашаются к покупке следующие лица: 1) семейная или родовая община, 2) домохозяева-общинники, 3) обыватели общины (бобыли, захребетники), т. е. лица, находившиеся в зависимости от общины, случайно вошедшие в нее, 4) соплательщики. Бывали случаи, что крестьянская община соединялась из нескольких деревень, поселков, хуторов, которые не имели особых административных и полицейских органов и тянули к главной деревне; эти поселки, отделившиеся от общины, но находившиеся в связи с нею по части администрации, сбора податей и т. д., и подразумеваются в 4-м термине, 5) члены союзных общин. Община, как известно, состояла не только из деревень, но и из нескольких общин, соединенных в одно целое в смысле уезда, у южных славян — жупы. В продолжение 30 дней со времени заявления о продаже предпочитаемая категория должна уплатить цену и взять за себя земельный участок.

Если же предпочитаемое лицо находится в отсутствии, то продажа задерживается на 4 месяца. Динатам же воспрещалось делать приобретения из общинного имущества посредством дара, завещания, покупки и найма, в противном случае им угрожала пеня в казну и отнятие незаконно приобретенного имущества. Новеллы от Константина Багрянородного до Василия Болгаробойцы (до начала XI в.) все толкуют о крестьянской общине, основанием которой служил закон о 5 категориях. Но не только законами о предпочтении императоры старались снасти сельскую общину. По праву сорокалетней давности, господствовавшему в империи, динаты хотели отстоять свои захваты в сельской общине. Эта давность оказывала такую силу, что законные категории не достигали [?] указанной цели своей. Поэтому Василий Болгаробойца отменил этот закон давности: если бы крестьянская община стала искать прав на землю, то динаты изгонялись, несмотря на сорокалетнюю давность. Еще динаты, для удержания за собою земли, ссылались часто на дарственные грамоты, официальные записи и межевые планы, которые часто ими же фабриковались и благодаря которым много земельных участков крестьянских переходило в их руки; Василий Болгаробойца объявил их недействительными, как скоро дело шло о крестьянском участке, исключая только того случая, если динаты сошлются на писцовые книги. Далее, крупною мерою обеспечения собственности за крестьянской общиной была круговая порука властелей (ἀλληλέγγυον): если община оказывалась несостоятельной, то помещики отвечали за ослабевшую крестьянскую общину. Таким образом, видно, что законы византийских императоров обеспечивали, а не ослабляли крестьянскую земельную собственность.

Из рассмотрения новелл X в. мы убеждаемся, что, во-первых, в X в. в Византии господствовали также славянские общинные отноше-

ния, которые были принесены славянскими колонистами в VII в. и которые засвидетельствованы известиями о больших колониях в Малой Азии VI—VII вв.: во-вторых, что мелкое крестьянское землевладение было принято византийским правительством под охрану. После законов Исаврийской династии мы в первый раз встречаем в жизни действие указанных правовых воззрений, которые новеллами императоров введены в государственное византийское право. Таким образом, эти новеллы не только не уполномочивают делать заключение о падении мелкой земельной собственности или вообще славянского элемента, но, напротив, служат источниками, по которым можно изучать славянство вообще и в частности славянское право в византийском.

Указанные пять категорий семейных, родственных, финансовых и административных отношений не суть явления только X в., а действуют в течение всего времени существования Византийской империи. Следовательно, где встречается указание на προτίμησις, там мы можем видеть следствие или влияние славянских учреждений. Но участие славянской общины заметно не только в гражданском строе Византии, но и в военном устройстве империи. Иначе и быть не могло. Славянские колонии в М. Азии были организованы таким образом, что они обязаны были выставлять отряд войска в византийскую службу. Быть не может, чтобы население, доставляя такой важный контингент военных сил, не оставило следов своего устройства и быта в военных законах Византийской империи. Поэтому в тесной связи с крестьянским землевладением должна быть изучаема и организация военных участков; а последняя может быть изучаема, между прочим, из рассмотрения новелл de fundis militarius X и XI вв. Любопытно, что организация военных участков в Византии была копией участков гражданских, т. е. военное землевладение было организовано по типу крестьянского землевладения. То обстоятельство, что в истории военного землевладения Византии мы усматриваем аналогию с крестьянским землевладением, весьма важно как само по себе, для военной истории, так и для нашего вопроса. Если славянская община обязывалась выделять из себя отряды военных людей, то спрашивается, как же было организовано это дело? В способе этой организации мы находим прямой источник для изучения бытовых славянских отношений и a priori должны полагать, что беда, посетившая в XI в. крестьянское землевладение, не могла не коснуться и военных участков. Динаты, посягавшие в X в. на крестьянские мелкие участки, скупали в свои руки и военные участки. Следовательно, для устранения опасности с этой стороны императоры должны были прибегать к тем же мероприятиям, какие приложены были для охраны крестьянской общины вообще. В одной из новелл Константина Порфирородного есть такое место:

> «Если у внесенных в списки стратиотов есть наследники, то они сообразно со степенью родственной близости имеют право преимущественной покупки (т. е. военных участков). Если же ближайшие родственники не могут или не хотят этого сделать, то право переходит на более отдаленных родственников. Если же их нет, то на складчиков и сокопейщиков, за отсутствием же и таковых на недостаточных стратиотов-соплательщиков, дабы они могли восполнить недостаток средств и оправиться. Если же и таковых не окажется,

то право выкупа переходит к соплательщикам-крестьянам, чтобы не пропадала, по крайней мере, поземельная подать».

Если теперь вспомнить 5 прежних категорий общинных отношений и сопоставить эти разряды, то увидим, что военная община была организована по образцу крестьянской, что византийское правительство предохраняло военные участки от возможности попасть в руки чуждых общине людей тем же, чем предохраняло прежде крестьянские участки,— словом, что военная община растворяется в конце концов в крестьянскую. Один рекрут приходился на определенное количество семей и дворов, это были складчики и сокопейщики — военная и финансовая единица.

На чем же основывается заключение о падении мелкой крестьянской собственности в Византии? Ответ один: на недостаточной оценке и понимании объема и содержания понятия общины и на преувеличении значения тех разрушительных сил, которые подкапывались под ее благосостояние. Исследователи считали категории случайными и не видели тут градации отношений. Древняя община не представляла такой мелкой единицы, какую мы видим в русских памятниках XVI — XVII столетий. Все ходячие представления об общине созданы из наблюдений над общиной уже искалеченной. Община раздробилась, значительные части отпали от нее, 5-й категории уже нет; но в тип крестьянской общины, изучаемой по византийским источникам, входили все категории. Таким образом, получаются следующие выводы: 1) земельные отношения очень строго организованы; община поставлена в возможность держать земельную собственность в своих руках, 2) экономически община поставлена так, что при ослаблении одной деревни экономические недостатки ее поддерживаются другими. Эти общины со всеми подразделениями представляются телами очень широкими и организованными различно. По памятникам видно, что иные общины заключали от 30 до 40 деревень, поселков и даже городов — комитуры (жупы). Значит, они не могли сделаться жертвами алчности динатов; такую общину нелегко было сломить. Неправильный вывод о падении общинной земельной собственности нужно приписать еще преувеличенному мнению о разрушительных силах, действовавших в X в.,— о динатах. Византийское правительство резко вооружалось против динатов, которые откупали крестьянские земли. Но эти динаты были в сущности сродни крестьянской общине: в X в. замечаются экономические неравенства и появление богачей-кулаков среди самой общины, которые во имя экономического перевеса в качестве старшин получали возможность одерживать и экономический и политический верх над общиной. В новеллах упоминаются даже имена таких разбогатевших кулаков. Это начало живуче всегда, во все века, но оно не может угрожать полным разрушением общины; оно результатом своим имеет выделение из крестьян крупных сил, которые, однако, при известных условиях могут разлагаться в ту же крестьянскую общину. Собственно говоря, относительно X и XI вв. должно прийти к тому выводу, что византийское законодательство обставило крестьянскую общину и земельные отношения в ней законами нормальными, подвело их под действие государственного права и тем облегчило возможность продолжать нормальное развитие.

Удар крестьянской общине нанесен был византийскими императорами из дома Комнинов (в конце XI и начале XII в.). Эта династия

отнеслась иначе, чем македонские цари, к земельному и крестьянскому вопросу. Она стала отдавать земли в кормление военным людям (πρόνοια). Чтобы иметь для этого средства, Комнины отбирали земли у крестьянской общины, частью поселяли среди них новый элемент, чуждый общине. Эта-то прониарская система должна была нанести ущерб крестьянской общине. Императоры не уничтожали совсем общины, но поселяли среди нее служилых людей, что должно было раздроблять общины. Этот вывод не мог быть сделан на основании только византийских памятников X в., но он основывается и на изучении памятников последующих (XII, XIII и XIV вв.). Не только юридические памятники, но и писцовые книги ясно рисуют византийские земельные отношения и положение крестьянского вопроса и его историю.

Писцовые книги имеются от XIII и XIV ст., их сохранилось немного—из М. Азии и европейских владений Византии; однако по ним можно составить понятие о земельных отношениях в Византии до самого турецкого завоевания.

Сила крестьянских общинных отношений X, XI и XII вв. заключалась в том, что община образовалась при весьма выгодных земельных условиях. Только часть общинной земли разделялась на подворные участки, с которых шли подати. Оставался громадный излишек земли, в несколько раз больше того, что разделено на участки, который составлял, таким образом, общинный экономический ресурс про черный день. Этим объясняется постоянное движение населения. Масса охотников могла всегда находить прием в общине в качестве захребетников или бобылей, вкупаться в общину, снимать в аренду ее земли, платить общине известный доход—и все это благодаря избытку, излишеству общинных земель.

Выше мы пытались раскрыть совокупность понятий, входящих в термин «община». Эти понятия извлекаются из рассмотрения устройства крестьян в М. Азии от VII до XV в. Добытые нами выводы тем важнее для истории славянства, что ни одно славянское племя не имеет ни летописей, ни других письменных памятников, восходящих к той поре, к которой относятся византийские известия; в особенности, как известно, бедна первоначальная славянская история известиями о внутреннем быте и административном устройстве славянских племен. Позволю себе поэтому остановиться еще несколько на выяснении понятия об общине. Главные элементы, составляющие древнюю общину, суть: 1) общинность семейно-родовая, не исключающая, однако, возможности наплыва и пришлых людей, как чужаки, припущенники и т. п.; 2) общинность по владению землей (земельная). Общинная земля частию делилась на подворные участки, вся же остальная, и притом в гораздо большем количестве, оставалась в свободном распоряжении всей общины, как свободный экономический ресурс; 3) общинность по отбыванию военных и финансовых повинностей. Поэтому в общину входили целые группы деревень и поселков, составляя одно административное и финансовое целое—с выборным или назначенным от правительства старшиной во главе. Но мы бы недостаточно оценили известие об общине, если бы не вспомнили и следующее место Прокопия: «Славяне не управляются одним человеком, но из древности живут в демократии, потому у них как обыкновенные, так и особенной важности дела решаются на вечах (εἰς κοινὸν ἄγεται)». Подразумеваемый здесь политический

элемент общины — именно вече — несомненно так же присущ древнейшему славянскому быту, как и самая община. Византийские памятники не сохранили имени этого учреждения, кроме описательных фраз, обозначающих сходку, хотя о том, что бывало на этих сходках, можно и в них находить указания. Ссылаюсь на некоторые места Морейской хроники, занимающейся описанием завоевания греческого полуострова крестоносцами IV крестового похода [18]. В хронике описывается, как крестоносцы завоевали одну за другой различные греческие общины, и притом как вступали в соглашения с различными народцами в Пелопоннисе.

крестьянской * общине; далее в византийском праве нашли черты, по которым оказывается возможным воссоздать древнейшие общинные славянские отношения; в византийском военном устройстве оказались черты, напоминающие казацкое устройство. 2) Древнейший, так называемый доисторический период славянской истории, предшествующий эпохе образования государств, не может быть понят и начертан с достаточной полнотой, если мы не обратимся за наблюдениями к славянам, находившимся под византийским господством.

Как бы ни были преувеличены выводы Фальмерайера насчет греческого ** элемента в Греции, присутствие славян в Пелопоннисе даже в XIII в. подтверждается бесспорными источниками. В Морейской хронике можно найти известие о племени милинги; в ней описывается, как это племя боролось с крестоносцами за независимость, как вступало в переговоры с французами и как старейшины созвали вече, на котором разделились мнения: одни стояли за подчинение французам, другие — за борьбу до конца. Это и подобные места из хроники о колонии милингов в XIII ст. в Пелопоннисе несомненно имеют важное значение для слависта — ибо милинги характеризуются такими чертами в их общественной жизни, о которых мы находим мало известий в византийских источниках. Для самой славянской общины византийцы употребляют различные выражения, напр. κοινόσης, κοινωνία, ὁμάς τῶν χωρίων ὁμαδες, ἀναχοινώσεις, κωμητοῦρα, μητροκώμια, последнее по-славянски всего правильней передать посредством *жупа*, как административная и финансовая единица. Эти выводы об общине, насколько они извлекаются из византийских известий, само собою разумеется, должны представляться нам очень любопытными на том основании, что по другим источникам нет никакой возможности выделить в понятии общины и поставить в связь семейно-родовой, общинно-земельный, общинно-финансовый и административный и общинно-политический элемент в общине.

Можно сделать следующие выводы на основании этой экскурсии в область византийского права и земельных отношений.

1) Изучая законодательные памятники, относящиеся к мелкому землевладению, мы пришли к выводам о ***/

* Возможно, отсутствует страница рукописи: в начале этой страницы слово со строчной буквы, нижеследующий пункт 2) свидетельствует, что был и 1). *(Ред.)*

** Возможно, нужно читать «славянского». *(Ред.)*

*** Фраза обрывается, следующий за ней текст написан на отдельном листе как вставка

Глава XI

Северная граница империи. Планы Симеона Болгарского относительно империи. Сербы и хорваты*

Вследствие широкой просветительной миссии, начатой Константинопольским патриархатом как в Моравии, так и в других странах, в особенности на Балканском полуострове, цари Македонской династии должны были для поддержания церковной политики и для противодействия императорам Каролингского дома сосредоточить особенное внимание на своих европейских владениях. Если притязания на господство в Южной Италии могли быть внушаемы мировластительными и до известной степени фиктивными империалистскими побуждениями, то удержание господства на Балканском полуострове составляло насущный интерес Византии и она не могла пожертвовать этим в пользу соперников. Так следует объяснять продолжающуюся через весь византийский период ожесточенную борьбу из-за господства на Балканском полуострове между империей и Болгарией. Этим объясняется глубокое значение тех отношений — культурных и военных,— которые предстоит нам изучить в настоящей главе.

Первый христианский князь Борис-Михаил, при котором завязались тесные отношения между империей и Болгарией, счел полезным послать сына своего Симеона в Константинополь, где болгарский княжич получил прекрасное образование и изучил греческий язык, на котором мог объясняться и хорошо писать. Когда Борис в 889 г. добровольно сложил власть и удалился в монастырь, вступивший на престол старший сын его Владимир под влиянием партии, придерживавшейся старых верований, задумал произвести переворот и ввести снова язычество; это заставило старого князя снова возвратиться к делам, лишить престола Владимира и вывести на княжеский стол младшего сына Симеона (893). Правление этого князя составляет эпоху в истории Болгарии, которой суждено было под его правлением начать новую политическую жизнь и заложить прочные основы для дальнейшего развития болгарского народа. Хотя Симеон, как можно догадываться, проходил в столице империи ту же школу, в которой образовался и царь Лев, но он вынес из нее гораздо больше, чем византийский царевич. Не менее его знакомый с греческими писателями духовными и светскими и не хуже его усвоивший требования риторики и ораторского искусства, Симеон, однако, не сделался кабинетным ученым и не ограничился теориями, создаваемыми на основании книжного изучения, а, напротив, был государем весьма живого и разнообразного ума, который способен питаться

* Глава восстанавливается по рукописи. *(Ред.)*

широкими практическими планами и находить материальные средства для их осуществления. Основной задачей жизни Симеона было разгромить Византийскую империю и самому стать царем в Константинополе. Само собой разумеется, что для гордых своим прошлым и претендующих на первенство во всем мире греков подобное притязание болгарского князя, едва успевшего сбросить с себя язычество и грубость варвара, могло казаться сумасбродством и нимало не обоснованным самохвальством.

Открывшиеся враждебные отношения между болгарами и византийцами получили громадное всемирно-историческое значение как по своему направлению, так по преимуществу по участию в этих войнах новых народов, получивших известность только в это время, и, наконец, по громадной важности исторических последствий, какие породили эти войны. Не говоря о народах Балканского полуострова, которые непосредственно были втянуты в болгаро-византийскую вражду, к ней привлекаемы были арабы, угры, печенеги и западные народы — до Геркулесовых столбов, по выражению современника. Во время этих войн Симеон доходил до самых приморских городов на Адриатическом море и всколыхнул весь полуостров: хорваты оказались против болгар, часть сербов были в союзе с Симеоном. Царь Симеон искал слабых и легче уязвимых мест не только со стороны Балканского полуострова, но еще в Малой Азии и в Крыму. По всем указанным причинам необходимо подробнее остановиться на выяснении этих отношений.

Симеон вступил на престол, имея около 25 л. от роду. Отношения между Византией и Болгарией поддерживались с той и другой стороны с большой предупредительностью во все предыдущее время, и притом нельзя не заметить, что Византия поступилась в пользу своей соседки не только в материальном смысле — уступкой спорной территории на юг от Балкан до Месемврии (Загора). Нет, Болгария поставлена была в исключительно благоприятные отношения к империи в церковном, государственном и торговом отношении, и можно думать, что по отношению к Болгарии империя пожертвовала многим из своих застарелых предрассудков. Экономические и государственные интересы старой империи и нового, едва только начинавшего складываться славянского государства были так тесно связаны, что византийские государственные люди, своевременно признав в Болгарии крупную политическую и военную силу, старались всеми мерами удовлетворить ее требования. И тем не менее немедленно за вступлением на престол Симеон начал войну с империей. Трудно в настоящее время понять подлинные мотивы недовольства Симеона, которые в летописи сводятся к таможенным недоразумениям, возникшим в Солуни по случаю притеснений, чинимых болгарским купцам византийскими досмотрщиками. Когда предъявленные Симеоном требования остались неудовлетворенными, он начал войну, которая сопровождалась весьма важными последствиями в последующей истории Восточной Европы. Находя полезным приготовить для Симеона затруднения в северной части его владений, оставшихся недостаточно прикрытыми, царь Лев склонил подарками в первый раз тогда вступившую в круг европейской истории угорскую, или мадьярскую, орду, кочевавшую в долинах нынешней Молдавии, и побудил ее сделать нападение на Болгарию. Уграм принадлежит большая роль в ис-

тории, с ними много раз мы будем встречаться, поэтому любопытно познакомиться с ними в тот момент, когда они стали обращать на себя внимание летописцев.

Угорская орда производила впечатление ужаса. По свидетельству очевидцев, это были чудовища небольшого роста, со смуглым лицом, с глазами в глубоких орбитах, с гладко обстриженной головой и гремя косами, покрытые шкурами невиданных зверей. Устройство их было племенное; скотоводство, охота и рыболовство удовлетворяли всем их потребностям. Главное богатство их состояло из быков и лошадей, которые летом и зимой паслись под открытым небом. Со стадами передвигались и хозяева их с одного места на другое. Лошадь с детства была неразлучным товарищем угра: на лошадях они постоянно сидели, путешествовали, отдыхали и разговаривали. Употребление шерсти и тканей они не знали, умели лишь обделывать кожи добываемых охотой зверей, в которые и одевались. Особенно обратило на себя внимание военное искусство угров, которое оказало громадное влияние на систему военного дела средневековой Европы. С шумом появлялись они на конях, накрытых панцирями или попонами из звериных кож, с дротиками за плечами и с луком и стрелами. В метании стрел приобретали они с детства замечательное искусство, с изумительной верностью они попадали в цель на всем скаку, рукопашного боя избегали, предпочитая сражаться издали. Редко давали правильное сражение и еще реже предпринимали осаду укреплений. Если неприятель спасался в укрепленное место, они выжидали удобного случая захватить его, спрятавшись в засаде, или отрезывали подвоз съестных припасов. Избегали нападать большими сомкнутыми рядами, но всегда разделенными на маленькие отряды и оставляя часть войска в прикрытии. Все их движения отличались изумительной быстротой, что давало им возможность сообщать борьбе новый и неожиданный оборот. Минутный перевес обманывал неприятеля, который, считая себя победителем, при новой схватке терпел жестокое поражение. Разбив неприятеля, угры обращали его в бегство и преследовали до тех пор, пока не перебьют всех. У них было верование, что павшие от их меча на землю будут служить им как рабы в загробной жизни. Оттого они не брали в плен и ничто не могло спасти жизни тому, кто попадался им в схватке [1]. Такими-то союзниками заручился царь Лев после того, как его войско, высланное против Симеона, было разбито в 894 г. и взятые в плен воины с отрезанными руками и ногами были отосланы назад. Никита Склир по приказанию императора перевез на византийских судах часть орды мадьяр за Дунай и указал им цель, ради которой они были подкуплены. Беззащитная страна подверглась уже страшному опустошению от этих диких наездников, когда Симеон вышел им навстречу. Но конное войско угров на первых порах имело перевес над славянским пешим ополчением и нанесло болгарам несколько поражений, заставивших Симеона искать защиты за стенами города Силистрий, древний Доростол. Угры не ушли осаждать крепких городов и с большой добычей возвратились домой. Тогда Симеон, в свою очередь нашедши союзников в лице другого кочевого народа, печенегов, собрался с силами и нанес поражение уграм. Для Византии было, однако, весьма опасно ввиду постоянной войны с арабами не иметь мира на северной границе, поэтому царь предложил

Симеону благоприятные мирные условия, может быть, даже уплату ежегодной суммы денег, и эти условия были приняты Симеоном. И в дальнейших отношениях между соседними странами не было. однако, согласия. В 896 г. Симеон нанес грекам поражение при Булгарофиге, к югу от Адрианополя, после которого вновь происходили сношения с целью заключить мир. Но можно думать, что в эту первую половину правления Симеона не прекращались пограничные недоразумения, так как Болгария стремилась к расширению своих границ в Южной Македонии до тех пределов, какие были указаны славянскими поселениями, доходившими до самой Солуни. В двадцативерстном расстоянии от Солуни, в селении Нарышкей, до 1898 г. находилась лежащая на земле колонна с греческой на ней надписью, после отмеченного времени она была взята турецким правительством и некоторое время находилась в подвальных помещениях генерал-губернаторского конака в Солуни, где и была нами осмотрена [2]. Колонна и надпись на ней представляют весьма пикантный с точки зрения современности памятник. Это есть пограничный столб, которым в 904 г. отмечена была официальная государственная граница между Византией и Болгарией, нахождение которого в такой близости от Солуни прекрасно объясняет возможность беспрерывных раздоров между Болгарией и Византией. Как сказано, столб поставлен в 904 г., и притом по соглашению между обеими странами, что́ доказывается содержанием надписи: «Граница между болгарами и ромэями. При Симеоне князе болгарском по милости Божией, при Феодоре Олге тархане, при комите Дристре». Оба названные здесь чина суть исторические имена, и самая дата надписи совпадает с наибольшим ослаблением византийского влияния в Македонии. Это был период, когда Солунь подвергалась нападению и опустошению арабов адмирала Имерия и когда, следовательно, империя могла под давлением необходимости сделать самые большие уступки Симеону. Согласно новому установлению государственной границы, должны были измениться и церковные границы между епископиями, принадлежавшими патриархату и Болгарскому архиепископу, что служило новым поводом к раздорам. Но громадной важности факт, устанавливаемый упомянутым памятником, заключается в том, что в начале X в. к Болгарии примыкали исконные византийские области, населенные славянами и частью албанцами, и что этим лишь намечался главнейший процесс поглощения Болгарией западной части полуострова.

Во второй период деятельности Симеона, который открывается со смертью царя Льва VI (911), наступательное движение Болгарии начинает выражаться систематически и в обширных размерах. При Симеоне именно Болгария выступает как соперница империи на Балканском полуострове, тогда в первый раз поставлен вопрос о невозможности согласовать интересы греков и славян и о необходимости одному из них поступиться в пользу другого. В военных делах времени Симеона, в его мероприятиях по церковному устройству и, наконец, в его личной переписке с государственными деятелями империи резко отмечаются планы и думы, занимавшие этого первого культурного болгарина, не утратившего с усвоением иноземного образования реальных взглядов на жизнь своих предшественников, Крума и Омортага. При жизни Льва Симеон еще не ставит круто своих требований, но затем, когда престол перешел

к брату Льва Александру, а через год к малолетнему сыну Льва Константину, для болгарского князя открылась возможность мечтать об империи и о царском титуле и с пренебрежением относиться к византийскому правительству. Военные действия начались в 913 г., причем Симеон подошел к Константинополю и стал готовиться к осаде. Но бывший членом регентства за малолетством Константина патриарх Николай Мистик нашел возможным вступить с ним в переговоры и убедить его прекратить осаду города. Можно догадываться, что болгарскому князю выражено было со стороны патриарха согласие породниться с царским домом посредством брака Константина с одной из дочерей Симеона. Но вскоре по удалении болгарского войска в Константинополе произошел придворный переворот, вследствие которого власть перешла к матери-вдове, царице Зое. Она была других воззрений на отношения к Болгарии, так как окружила себя новыми людьми и устранила влияние прежнего регентства.

Вследствие изменившихся условий Симеон вновь начал военные действия в 914 г. и дал войне крайнее направление, начав ее в трех пунктах. Неожиданно заняв Адрианополь, одну часть войска направил он к Архипелагу, другую — на запад, к Адриатическому морю.

Укажем наиболее важные события из этой войны. Пользуясь тем, что военные силы Болгарии находились частию на отдаленных окраинах, частию за границами княжества, Византия направила свои отряды в Восточную Болгарию, поручив главное начальство лучшему тогдашнему полководцу Льву Фоке. Сухопутное войско подкреплено было флотом, направленным к устьям Дуная под командой Романа Лакапина. В августе 917 г. последовало большое сражение по реке Ахелон, близ Мессемврии, в котором под Симеоном был убит конь и которое показало все превосходство военного искусства болгар перед греками. Здесь империя потеряла лучшие части своего войска; спустя 10 лет бывший на этом месте писатель Лев Диакон говорит, что он видел около Анхиала груды костей постыдно перерезанного ромэйского войска. Спустя немного времени Симеон вновь нанес поражение Льву Фоке поблизости от Константинополя при Катасиртахе. С тех пор определенно высказывается политический план Симеона. Он принимает титул «царя болгар и ромэев», возбуждает вопрос об основании патриархата в Болгарии и начинает ряд новых военных действий с целью завладеть европейскими областями империи и завоевать Константинополь. С чрезвычайной настойчивостью шел Симеон к предположенной цели. В продолжение ближайших лет он наносит поражение Византии с разных сторон: в 920 г. вызывает движение славян в единой Греции, в 921 г. его войска подходят к Ираклии и Силимврии, в 922-м стоят под самой столицей. В то же время болгарские эмиссары действуют среди сербских князей и жупанов хорватских, подстрекая их к одновременному движению против Византии.

Громадная борьба, завязавшаяся между Болгарией и Византией в первой четверти X в., не исчерпывается кровавыми столкновениями между византийскими и болгарскими войсками и не ограничивается побоищами на Балканском полуострове. В общем значение этой борьбы оценено и в известной истории Болгарии К. Иречка, и в особенности в специальной монографии проф. М. С. Дринова [3]. Но мне кажется, что

интереснейший источник для этой борьбы, именно «Письма патриарха Николая Мистика», может быть с пользой вновь изучаем для выяснения некоторых новых подробностей этой любопытной эпохи. Широкая сфера дипломатических влияний, направляющихся из Византии и Болгарии, а равно борьба политических интересов на отдаленных окраинах славянского и греческого мира осталась недостаточно выясненною в указанных сочинениях. Что в особенности любопытно, в письмах Н. Мистика есть материал для политической и культурной истории Византии на северном берегу Черного моря[4].

Политические виды Симеона на северные берега Черного моря определенно рисуются в девятом письме Н. Мистика.

> «Стратиги Македонии и Фракии,—пишет патриарх царю Симеону,—извещают и письмами, и чрез своих послов, что болгаре преследуют одну цель—грабить и опустошать нашу страну. К этому присоединяют, что ты не оставляешь в покое и *Вогу*, херсонского стратига. И этот стратиг постоянно делает донесения, что болгаре все старание прилагают *привлечь на свою сторону и печенегов и другие племена*, живущие в этих местах, в поход и на войну с ромэями. И не изредка и не через продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно он надоедает нам таковыми донесениями и письмами. Об этом же доводят до сведения и 16 человек печенежского посольства, явившихся сюда, *что из Болгарии приходят к печенегам послы*, и не один раз, а часто, и что эти послы предлагают вступить с ними в союз, и что болгаре так озабочены устройством этого союза, что соединяют своих сыновей браками с печенежскими девицами, дабы приготовить этим военное сотоварищество болгар и печенегов. *Ради этого у нас был собран отряд войска и послан в печенежскую землю.* Но это не ради военных действий и не для того, чтобы возбудить убийство твоего народа, но частию для того, чтобы позаботиться о собственной безопасности, *частию же чтобы пресечь и остановить ваше стремление и воспрепятствовать набегам на ромэйскую землю*, как в том за верное известились мы и чрез Вогу, и чрез послов печенежских, и чрез донесения других стратигов».

По нашему мнению, это письмо достаточно объясняет и появление византийского отряда в северных областях от Черного моря, и соседство этих областей с Симеоном Болгарским, и предпочтение, оказываемое племенными старшинами болгарскому царю против византийского императора. В частности, что касается упоминаемого в письме стратига Воги, от которого получались в Константинополе донесения насчет печенегов, византийская летопись хотя и не знает стратига этого племени, но сообщает сведения о политической миссии Иоанна Воги к печенегам. Гораздо любопытней то место, где идет речь о посылке военного отряда в печенежскую землю. Но разумеется ли здесь особая военная экспедиция или та же миссия Иоанна Воги, это трудно восстановить на основании имеющихся данных.

Письмо имеет в виду факты, имевшие место до Ахелойского сражения (20 августа 917 г.).

Какой широкий размах имела в то время византийская и болгарская политика, видим из письма 23:

«Страшное движение подготовляется или скоро приготовится царским старанием против вашей власти и вашего рода (т. е. против болгар). Русские, печенеги, аланы, угры — все договорены и поднимутся на войну».

Не лишено, конечно, значения то обстоятельство, что между имеющими подняться народами не упомянуты хазары, хотя в летописи находим доказательства, что они служили в войсках императора. Но Симеон мало боялся этих угроз, потому что его эмиссары с не меньшей энергией и наверное с большим успехом вербовали у тех же народов приверженцев и союзников Болгарии. Мало того, в 920 г. он сделал совершенно неожиданный и опасный для Византии шаг. Высадкой в Лампсаке, в Дарданелльском проливе, он не только запер Константинополь, но и угрожал поднять против Византии славянские поселения в Малой Азии. Из письма 162 узнаем, что движение не ограничивалось даже печенегами и хазарами, а простиралось до Кавказа.

Не менее ценны в письмах Николая Мистика некоторые детальные указания на херсонские отношения. Так, в 68-м письме, высказав удовольствие по поводу того, что лицо, к которому обращено письмо и в котором мы с полным основанием можем видеть Вогу, избежало страшных опасностей и спаслось в Херсоне, патриарх пишет об этом интересном для нас предмете. Относительно, говорит он, *прибывшего сюда хазарского посольства*, которое просит назначить им епископа, чтобы он рукополагал священников, мы поручили назначенному на Херсонскую кафедру архиепископу отправиться с Божией помощью в Хазарию и исправить необходимые требы и затем возвратиться к своей Херсонской кафедре. В заключение просит оказать содействие архиепископу как в его миссии в хазарской земле, так и при вступлении на свою кафедру. Последнее обстоятельство и дает нам право видеть в корреспонденте патриарха херсонского стратига.

Сделанные выдержки из писем патриарха Николая Мистика указывают нам время и обстоятельства, при которых византийское правительство поставлено было в необходимость принять меры к утверждению своей власти и влияния на северном берегу Черного моря. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы патриарх в письме к болгарскому царю не старался придать этой мере благовидный предлог и не ослабил ее действительное значение. Следовательно, выражением «был собран отряд войска и послан в печенежскую землю» подтверждается факт, которого уже нельзя было скрыть, но далеко не оцениваются византийские мероприятия, что было несогласно с назначением письма. Так, в числе этих мероприятий была и духовная миссия из Херсонской и Аланской архиепископии, о которой тоже не след было заявлять болгарам. Деятельность Восточной Церкви, идущей об руку с целями светского правительства, рисуется в этих письмах в привлекательном свете. Вообще же из рассмотрения приведенных писем получается вывод, что в первой четверти X в. в северных областях от Крыма многообразно сталкивались политические влияния болгар и греков, что сюда направлялись греческие и болгарские эмиссары с целью вербовать себе союзников и что, наконец, для Византии тогда был жизненный интерес прикрыть

свои крымские владения церковными насаждениями и военными колониями в хазарской земле.

Ближайшие цели, как и достигнутые Симеоном результаты, могут быть оцениваемы на основании вновь найденных при раскопках в Абобе надписей на колоннах. Можно думать, что эти колонны украшали находившийся в некотором расстоянии от дворца храм — великолепное и громадное сооружение в 56 метров длины и 28 ширины, подобного которому, как можно судить по остаткам, не бывало в Болгарии. На колоннах, относящихся к одному и тому же времени и вытесанных по одинаковому образцу, начертаны имена городов — на 16 базах в церкви было 16 колонн, и, следовательно, на них было обозначено 16 городов, отнятых Симеоном в продолжение войн его с империей. До сих пор всего прочитано девять городов, об остальных нельзя судить, потому что найдены лишь небольшие фрагменты колонн, на коих они были обозначены. Это суть Родоста, Булгарофиг, ныне Эски-Баба, Димотика, Виза, Аркадиуполь, ныне Люм-Бургас, Сазоном, Месемврия, Скутари, Серес. Большинство названных городов находится во Фракии, между Адрианополем и Константинополем, в частности же близ старой болгарско-византийской границы. Но есть между ними приморские города, составлявшие предмет горячего спора между Болгарией и Византией, как видно из писем царя Романа Лакапина [5].

Колонны с наименованием городов раскрывают политическое значение вопроса о занятых Симеоном византийских крепостях, с другой стороны, они служат прекрасным дополнением к письменным памятникам той эпохи и находят себе объяснение в переписке Симеона с патриархом Николаем и с другими государственными деятелями.

Следует прежде всего отметить, что Симеон основывал свое право именоваться царем болгар и греков именно на том факте, что ему принадлежала значительная часть городов, прежде составлявших часть империи. Это свое право Симеон защищал, как видно из той же переписки, и с теоретической точки зрения, и с точки зрения действительного владения. Об этих притязаниях говорится в письме Романа Лакапина:

> «Скажи мне, какая прибыль писаться царем болгар и ромэев, когда Богу это не угодно? И что тебе за выгода от того, что ты насилием захватил нашу землю? Какие с нее имеешь доходы, какие собираешь дани? Если внимательно подумать, то после стольких убийств и грабежей нашего у тебя ничего не остается во власти, *кроме кастров* — и только их одних, да и от них тебе немало хлопот, так как их нужно продовольствовать и вооружать, а военная сила в них гибнет. Если желаешь именоваться царем ромэев, то тебе следовало бы владеть и всей землей империи... Не думай останавливаться на том соображении, что, опустошив *весь Запад* и уведя в плен население его, ты на этом основании можешь именоваться царем ромэев. Не по доброй воле идут к тебе, а будучи порабощены насилием и войной. Бегут и из-под твоей власти и ищут приюта у нас, как у своих соплеменников. Подумай и о том, что есть до двадцати тысяч болгар, которые нашли пристанище в нашем царстве; и что же? Разве мы называем себя ради этого царем ромэев и болгар?» Ниже,

в том же письме, царь греческий выражается следующим образом насчет главной цели переписки — заключения мира: «Как может осуществиться такое великое и небесное дело, если ты будешь настаивать на том же, как и прежде, а мы не будем соглашаться на уступку городов и на захват земли. В своем письме ты говоришь, что Доростол и прочие места были, правда, под властию прежних царей, но что ныне находятся под твоим господством и что мы уже к такому порядку вещей привыкли. Несправедливо это сказано. Далеко не привыкли ромэи к тому, что вы владеете их землей, и не забыли о своем праве, но не посылают упреков тем царям, которые допустили вас занять эти земли». В заключение греческий царь предлагает Симеону невозможное для последнего условие: «Если хочешь мира, возврати нам нашу землю и находящиеся в ней крепости».

Значение этого вопроса с не меньшей настойчивостью выясняется в переписке с Симеоном партиарха Николая Мистика. И прежде всего здесь же до некоторой степени намечается как территория, о которой идет речь, так и хронология.

Что касается территории, то в письмах упоминаются несколько раз географические названия: Девельт, Диррахий, Фессалоника, Месемврия, Ираклия, Силиврия. В особенности на основании 27-го письма является возможность с точностью установить местонахождение спорной территории. В этом письме патриарх делает ссылки на несохранившееся письмо Симеона, из которого приводит подлинные выражения, на основании которых можно заключать, будто захваченные им города имели такое значение и занимали такое военное положение, что открывали ему свободный доступ к столице. Есть некоторые основания полагать, что самый горячий спор о городах (κάστρον) относится к периоду между 922—925 гг.[6] К тому же времени следует относить и самую постановку колонн с надписями.

Некоторый свет на занимающий нас период бросает сделавшееся недавно известным житие св. Марии Новой. В этом памятнике между прочим повествуется о событиях во Фракии во время Симеона и Романа Лакапина. Св. Мария жила в византийском городе Визе, где муж ее командовал турмой (дивизия). Главный интерес представляет то место, где идет речь об осаде Симеоном Визы и о принятых им мерах после взятия города, последовавшего после пятилетней осады. «Симеон князь болгарский... разграбил всю Фракию и разорил до самых стен Константинополя, вследствие чего и жители Визы, не будучи в состоянии вынести пятилетнюю осаду, выселились из города, предав свои дома огню. Симеон, взяв город и нашедши его необитаемым и опустошенным, повелел срыть до основания стены, а землю вспахать и засеять. Поселив в городе своих подданных и поставив над ними начальником Вулия, Симеон ушел оттуда с намерением так же поступить и с другими городами Фракии»[7]. Можно думать, что происхождение болгарских кастров во Фракии объясняется именно теми условиями, о которых дает понять житие св. Марии. Весьма вероятно также, что указываемое в житии пятилетие осады города Визы болгарскими войсками обозначает и вообще срок господства Симеона во Фракии. Время вступления на

престол Лакапина отмечает собой начало наибольшего напряжения болгарского влияния. Из писем патриарха Николая видно, что в период от 922 по 925 г. болгарский натиск особенно был чувствителен: вслед за осадой Силиврии и Ираклии (921) идет движение к Золотому Рогу (922), захват Адрианополя (923) и переговоры о мире под стенами Константинополя (924). Должно принять, что пятилетняя осада Визы есть период от 919 по 924 г. и что организация взятых у греков городов в κάστρα относится к этому же времени. Отступив от Константинополя после свидания с царем и патриархом, Симеон вводит во фракийских городах болгарское устройство и с полным пренебрежением к ромэйскому самодержцу делает Роману унизительное предложение сложить власть, так как, фактически не владея ромэйскими городами, он не есть больше царь ромэйский (письмо 29).

Более трудностей встречаем с объяснением движения Симеона в западном направлении, при каких условиях происходило распространение болгарской власти в Фессалии и Эпире, как устраивались взаимные отношения между сербо-хорватами и болгарами в северо-западной части Балканского полуострова. В эту область пока еще мало пролито света новейшей исторической наукой, и процесс образования сербской и хорватской государственности далеко еще не удалось выяснить[8]. Ввиду этого возможно вести речь о политической границе между отдельными племенами, а не об этнографической, которая доселе возбуждает горячие споры и недоразумения. В начале X в. Болгария имела границей на западе течение Дрина, вся Македония и Фессалия, за исключением приморских городов, была отвоевана у греков; 30 городов в феме Диррахии было во власти болгар[9]. Что касается основного населения северо-западной части полуострова, оно не могло не быть вовлечено в военные столкновения между болгарами и греками и должно было стать на ту или другую сторону. Наиболее подавшаяся к западу часть славян и всего сильней подвергшаяся латинизации — хорваты. Селения их простирались до Истрии, на востоке область их распространения — река Сава и приток ее Врбас, южная граница доходила до реки Цетиньи (Антивари). Главная черта, характеризующая Хорватию,— ее приморское положение и ее латинизация. Сербские поселения находились к востоку и югу от Хорватии. Сербам принадлежат именно земли по далматинскому побережью, где жили племена: захлумцы, тервуняне, конавляне, дукляне, неречане, т. е. нынешние Герцеговина, Черногория и несколько островов. Кроме того, к сербскому племени принадлежали страны на восток от Хорватии — Босна и нынешняя Сербия. Северной границей Сербии служит Сава, восточной — Морава, пограничная между Болгарией и Сербией. Намеченные границы не могут быть, однако, рассматриваемы иначе как до некоторой степени установленная для конца IX и начала X в. политическая граница между сложившимися к тому времени племенными группами.

Политическая история хорватского племени находится под сильным влиянием франкской монархии и латинской Церкви. Князь Брамир в 879 г. основал Хорватскую епископию в Ноне под непосредственной зависимостью от Римского престола и положил основание политической самостоятельности Хорватии. Преемник его Мутимир и следовавший за ним Томислав распространили Хорватское княжество присоединением

к нему земель между Дравой и Савой (Посавская Паннония). Тогда же в состав Хорватии вошла и часть Босны. В известиях Константина Порфирородного [10] Хорватия изображается могущественным государством, имеющим большой флот и сильное войско. Что касается сербских колен, среди них дольше держалась разрозненность и коленная особность, так что начатки государственного объединения встречаем здесь позже, чем в Хорватской земле. В истории сербов нужно делать различие между приморскими землями и страной внутренней, отделенной от моря высокими горами. Последняя, ограниченная реками Колубаром, Ибаром и Дриной, вела особенное историческое существование и медленно выработала государственные формы под своими великими жупанами. Приморская Сербская область, разделенная между мелкими племенами, долго находилась под влиянием сильных соседей — греков и болгар — и в государственной организации имела характерную особенность, которая отличала ее от Загорной Сербии. В начале X в. в Сербии известен жупан Петр Гойникович, стремившийся к объединению сербских колен под своей властью, но в лице захлумского жупана Михаила Вышевича он нашел счастливого соперника, над которым одержал верх, предавшись власти Симеона Болгарского. Таким образом, в критический момент сербы разделились между двумя политическими течениями: одни стояли на стороне Византии, другие — на стороне Болгарии. В то время как империя терпела удар за ударом во Фракии и Македонии, у берегов Адриатического моря она старалась приготовить против Симеона враждебное движение. В 917 г. стратиг фемы Диррахия Лев Рабдух прибыл на судах к устьям Наренты для переговоров с жупаном Петром. Тогда Михаил захлумский довел до сведения Симеона, что греки подговорили Петра сделать нападение на Болгарию в союзе с уграми. Разгневанный Симеон послал в Сербию своих полководцев с поручением захватить Петра Гойниковича. Действительно, он попал в засаду и доставлен в Болгарию, где и умер; на его место поставлен внук Мутимира Павел, содержавшийся в Болгарии. Но византийский император Роман выдвинул против болгарского приверженца своего ставленника в лице Захарии, сына Первослава, который, однако, скоро был выдан болгарам. Но когда Симеон возвратил ему сербский престол, он снова перешел на сторону Византии, нанес поражение болгарским вождям Сиграце и Мармакму и послал их головы в Константинополь. Но Симеон не оставил это поругание неотомщенным, он вновь послал в Сербию войско с новым претендентом на престол в лице Чеслава Властимировича. Но когда коленные старшины явились для его встречи, они все были захвачены в плен и отправлены в Болгарию. По приказанию Симеона Сербия была опустошена, пленное население уведено в Болгарию, многие, однако, бежали в Хорватию. Михаил Вышевич был в это время в союзе с Болгарией и хладнокровно смотрел на бедствие, постигшее Сербию. Его участие не ограничивалось действиями на суше, он ходил и в Южную Италию и осаждал византийский город Сипонт (926).

Приведенные известия могут служить достаточным свидетельством того, как мало достигли в своем развитии сербы к началу X в. и как далеко опередили их болгаре. Легко видеть, что в смысле всемирно-исторической эволюции история сербских племен находилась еще в зачаточном состоянии.

Мы закончим эту главу изложением попытки Симеона заключить союз с африканскими Фатимидами, чтобы совокупными усилиями напасть на Константинополь и положить конец Византии на следующих условиях: Константинополь должен остаться за Симеоном, а вся добыча делится поровну [11]. Калиф ал-Махди дал согласие на предложение Симеона. Но когда африканские послы прибыли в Калабрию, их захватили греки и отправили в Константинополь. Здесь византийская дипломатия искусно умела отвлечь арабов от дружбы с болгарами, вследствие чего ал-Махди прекратил переговоры с Симеоном и вступил в более близкие отношения с империей, уменьшив сумму дани и ограничив честолюбивые притязания болгарского князя. В современном церковном ораторском произведении есть намек на занимающие нас переговоры с африканскими арабами.

> «И затем душой князя овладел поток любочестия, тифон властительства, проливной дождь и буря, которые приводят в движение Балканы и Истр. И какое громадное произошло сотрясение: его почувствовали за Геркулесовыми столбами» [12].

Глава XII

Моравия. Угорский погром. Просветительная деятельность в Болгарии учеников Кирилла и Мефодия. Кириллица и глаголица

В настоящей главе предстоит нам заняться событиями, хотя происходившими вне черты политической границы империи, но имевшими громадное значение для ее дальнейшей судьбы и для истории народов, находившихся в сфере ее культурного влияния. Разумеем трагическую судьбу, постигшую основанную славянскими миссионерами братьями Кириллом и Мефодием национальную Церковь по греческому обряду в Моравии и Паннонии, и беспримерную в летописях катастрофу, жертвою которой вследствие страшного угорского погрома сделалось основанное Ростиславом и Святополком первое по времени большое славянское княжество. Оба указанные явления, касаясь лишь посредственно истории Византии, не были поняты и достаточно оценены тогдашними государственными деятелями; между тем они имели всемирно-историческое значение и всею своею тяжестью отразились на славянском племени. Чтобы представить эти события в надлежащем освещении, необходимо обратиться к тому, что последовало за смертию архиепископа Мефодия в апреле 885 г.

Выше (стр. 546* и след.) мы говорили, что вследствие личных расположений князя Святополка, больше склонявшегося к Западу, равно как по причине усиления немецкой партии, имевшей своего представителя в епископе Викинге, положение славянской партии по смерти Мефодия оказалось совершенно невозможным.

/Что касается приводимого в житьи Климента числа священников (200), оставшихся после Мефодия, как его ставленников, это число крайне малозначительно, если только принимать его на веру. Но ученики и ставленники Мефодия имели во главе своей епископа в лице Горазда, которого сам Мефодий избрал себе преемником. Таким образом, немецкая и славянская партии в Моравии были поставлены одна против другой, и преобладание могла получить та, у которой было больше смелости и на стороне которой окажется светская власть. Святополк, и прежде холодно относившийся к Мефодию, теперь, вошедши в тесную дружбу с Арнульфом, предоставил полную свободу действий Викингу и подчиненному ему немецкому духовенству, так что в Моравии открылась жестокая церковная борьба. По словам жизнеописания Климента,

* С. 133 наст. изд. *(Ред.)*

«дерзкая немецкая партия устранила Горазда от управления Церковью, и с тех пор ересь поднимает голову и вооружается против православных учеников Мефодия. Достанет ли слов рассказать, как воспользовались немцы своим перевесом? Одни насильственно навязывали измышленный догмат, другие боролись за учение отцов; одни готовы были все предпринять, другие — все выстрадать. Приверженцы Горазда подвергались бесчеловечным мучениям, их стали грабить и лишать необходимых для жизни удобств».

В 886 г. Горазд, Климент, Наум, Ангеларий, Савва и Лаврентий, обремененные цепями, брошены в темницу и затем изгнаны с поруганиями из Моравии. С этих пор культурная миссия славянских просветителей переносится в Болгарию, где при дворе князя Бориса изгнанники нашли добрый прием и поощрение к дальнейшей деятельности по заветам свв. братьев.

Судьба учеников Мефодия, вместе с изгнанием которых из Моравии уничтожена была национальная Церковь и вместе с тем вступило в критический период самое политическое существование государства, должна остановить на себе наше внимание. Именно, необходимо отдать себе отчет в том, могли ли так происходить события, как они описаны в житьи Климента, и как объяснить такое незначительное противодействие, какое в действительности оказано было иностранному влиянию со стороны национальной партии и национального духовенства.

Выше мы пытались разгадать характер Святополка и определить его отношение к своему архиепископу. Из всего того, что сохранилось для характеристики Святополка, можно сделать заключение, что он не был носителем национально-славянских начал и не видел в деятельности Мефодия таких сторон, которые составляли одно из главных оснований для политической самобытности его государства. Между Мефодием и Викингом происходили недоразумения не только административного, но, что более важно,— канонического и богословского характера, и в этом отношении моравский князь не мог быть компетентным и беспристрастным судьей между архиепископом и подчиненным ему епископом, который к тому же ссылался на секретные инструкции, полученные от папы. Положительная черта характера моравского князя выясняется из его близких отношений к королю Арнульфу и из его приверженности к обычаям западных соседей. Святополк пренебрегал реальными потребностями времени и, как можно догадываться, уклонился от деятельной роли в организации церковных вопросов./

Самая резкая критика основных источников, относящихся к этому вопросу, сделанная в последние годы Брикнером [1], приводит к полному оправданию «великого Святополка» и к осуждению якобы неосмотрительных действий Мефодия, в особенности произнесенного им перед смертию церковного отлучения против Викинга. Но Святополка никак нельзя оправдать с церковно-административной точки зрения, как сейчас увидим; что же касается бесспорного права архиепископа налагать церковные наказания на подчиненного епископа, оно совершенно ясно указано в церковной практике [2].

Отношение Святополка к положению церковных партий по смерти Мефодия не может быть оправдано и потому, что им допущено полное

преобладание иноземной партии во вред национальной. Брикнер выражается по этому вопросу следующим образом:

> «Спорящие партии, между которыми на стороне большинства были латиняне, на стороне меньшинства греко-славяне, посылали одна другой упреки в ереси. Для верного сына Римской Церкви способ действия давно уже был определен, но он не хотел нарушать законные нормы и формы процесса, поэтому он обратился к законному решению вопроса посредством присяги: кто исповедует правое римское учение, подтвердит это клятвой. Приверженцы Мефодия не могли дать такой присяги, так как письмо папы Стефана в руках Викинга заменяло уже божественный приговор; опираясь на него, Викинг мог дать требуемую клятву, приверженцы же Мефодия, уличенные в еретичестве, должны были покинуть страну. Таков был естественный ход вещей, так должно было необходимо случиться, если Святополк действительно был carissimus filius Римской Церкви».

Само собой разумеется, трудно в настоящее время сказать, мог ли иначе при тогдашних обстоятельствах поступить Святополк, но в литературе вопроса было выдвинуто одно твердое положение, которое может и для нас служить точкой опоры. Моравия была христианская страна, в которой должны были применяться правовые нормы других христианских государств. И Святополку следовало сообразовать с ними свои действия. В церковном законодательстве сложившийся в Моравии случай предвидит 9-е правило Халкидонского Собора, по которому подобное дело должно было быть предоставлено решению духовной, а не светской власти [3]. Эта практика проводится в истории Церкви всех времен и императором Юстинианом поставлена под защиту светского закона [4]. Таким образом, для Святополка представлялась полная возможность беспристрастного и легального отношения к возникшему по смерти Мефодия церковному спору — предоставить его на решение церковной власти, в данном случае той же самой, к которой он прежде обратился по вопросу о правоверии Мефодия. Но это не было сделано, и приверженцы Мефодия были обречены на изгнание, после чего латинское духовенство с Викингом во главе осталось во главе Моравской Церкви. Римский престол не выразил протеста против совершившихся в Моравии событий, которые, впрочем, и в других отношениях угрожали полным расстройством.

Политическое положение Моравии, вдавшейся в немецкие поселения и соседившей с Баварией, было утверждено миром в Кенигштеттине (884), которым к Моравскому княжеству были присоединены Паннония и Хорутания. Как владетель обширной страны, Святополк сделался очень значительным членом в политике восточных Каролингов и оказал большое содействие сыну Карломана Арнульфу в его притязаниях на королевское достоинство. По смерти Карла Толстого, потерявшего всякий кредит в Италии и Германии, Арнульф в ноябре 887 г. был избран германским королем и принял в Регенсбурге присягу на верность. Отношения между Арнульфом и Святополком основывались не на политических только выгодах, но на взаимном уважении и близости. Святополк крестил у Арнульфа сына, названного по имени своего духовного отца,

и пользовался значительным у него влиянием, о котором свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в 890 г. папа Стефан VI просил Святополка принять на себя задачу убедить немецкого короля Арнульфа предпринять поход в Италию и спасти Рим и итальянское королевство от «скверных» христиан, какими признавались спорившие за власть итальянские князья [5]. Так как в то время с походами в Италию соединялись притязания на императорскую корону, то легко видеть, что к 890 г. моравский князь вполне вошел в интересы западноевропейской политики и стал совершенно чуждым к общеславянским и народным моравским задачам. Но с той же поры начинает падать влияние Святополка, достигшее кульминационного пункта в 890 г. и ставшее затем быстро понижаться*. В 892 г. в первый раз обнаруживается разлад между Святополком и королем Арнульфом, причем в первый раз в истории встречается имя кочевого народа венгров, или угров, подвинувшегося тогда к долинам Дуная и заявившего о себе военным столкновением с болгарами. Угры, подкупленные Арнульфом, в 892 г. вторглись в Моравию и подвергли страну опустошению в течение четырех недель, между тем как князь заперся с войском в укрепленных городах. С целью поставить Моравию в затруднительное положение Арнульф вступил в сношения с болгарским князем и побудил его прекратить доставку соли в Моравию. Но над Моравией висела неминуемая беда. Несомненно, ее внешняя безопасность и целость зависели от личной энергии и авторитета князя Святополка /и с переменой власти мог угрожать переворот./ Смерть его в 894 г. имела роковое значение. Он оставил трех сыновей** и разделил между ними власть над странами, подчиненными им, но не соединенными в прочный церковный и государственный союз. Старший брат Моймир должен был держать в зависимости младших; но введенный в Моравии особый вид удельной системы сопровождался весьма гибельными последствиями. Внутренняя смута, начавшаяся между братьями из-за первенства, повела к тому, что соседи вмешались в домашние их распри и воспользовались ослаблением Моравии. Не была еще окончена война с Арнульфом, а между тем страшная угорская орда перешла из долины Тиссы к Дунаю, ворвалась в Нижнюю Паннонию и производила жестокое разорение и убийства. Святополковичи поспешили осенью 894 г. заключить мир с Арнульфом, но этим не предупредили начавшегося уже разложения державы Святополка. В следующем году чешские князья Спитигнев и Вратислав принесли Арнульфу присягу на верность за Чехию, хотя при Святополке она входила в состав Моравии; затем последовало присоединение к немецким землям Паннонии блатенской и части Сербии. В то же время епископ Викинг

* Ann. Fuld., a. 890. In Pannonia colloquium habuit (Арнульф и Святополк) a quo fatale illud et utrique populo perniciosum bellum initium cepisse videtur [они (Арнульф и Святополк) встретились друг с другом в Паннонии. и с этого, как кажется, и начинается история той роковой и гибельной для обоих народов войны] (Duemmier. De Arnulfo Francorum rege. P. 61). Есть мнение, что за оказанную Арнульфу помощь Святополк получил верховные права над Чехией.

** Латинские хроники знают только Моймира и Святополка (Ann. Fuld., a. 898). Constantin (De admin. imp. C. 41. P. 175) говорит о трех сыновьях.

переходит на службу к Арнульфу и в качестве королевского секретаря сообщает ему драгоценные сведения о положении страны, в которой он долго жил и с которой был хорошо знаком. Арнульф, получивший в 896 г. императорскую корону, предоставил наблюдение за Моравией маркграфу Люитпольду и графу Арибо, последний принимал деятельное участие во внутренних волнениях и спорах между Святополковичами. Для поддержания немецкой партии, которая представлена была братом Моймира Святополком II и которая была слабей национальной, во главе коей стоял Моймир, граф Арибо вступил с баварским войском в Моравию и освободил своего партизана, осажденного в одном городе. Национальная партия имела еще перевес и в 899 г., когда Моймир оказал поддержку и защиту сыну графа Арибо, начавшему возмущение против Арнульфа. Ввиду угрожавшей от угров опасности в 901 г. заключен был между немцами и славянами мир, но гроза уже висела одинаково над теми и другими.

О церковном положении Моравии со времени назначения Викинга канцлером короля Арнульфа не сохранилось никаких известий. По всей вероятности, нового назначения самостоятельного архиепископа не состоялось, чтобы не поддерживать более тщетных надежд на церковную автономию в Моравии и Паннонии, куда направлялись притязания немецкой Зальцбургской архиепископии. Моймир II, находясь в постоянной вражде с королем восточных франков, нашел, однако, справедливым обратиться непосредственно в Рим по делам своей Церкви и просил, как и его предшественник, Римского папу озаботиться церковной организацией своего княжества. Между тем Викинг в 899 г. был назначен на освободившуюся кафедру в Пассау, т. е. в соседнюю с Моравией епископию, которая принимала некоторое участие в христианском просвещении мораван, пока они не вошли в славянскую Мораво-паннонскую епархию. Но как видно, этим назначением затронуты были права Зальцбурга, так как архиепископ Теотмар Собором епископов своей епархии низложил Викинга и назначил на его место Рихара. Это происходило в 899 г. В то же время папа Иоанн IX снарядил в Моравию церковную комиссию, состоявшую из архиепископа Иоанна и епископов Бенедикта и Даниила, которым было поручено устроить церковное управление в Моравии и Паннонии без сношений с баварским духовенством и, как можно догадываться, на основании прежних распоряжений о Мораво-паннонской архиепископии. Вследствие данных папой полномочий для Моравии посвящен был архиепископ и три епископа, т. е. княжество было организовано в церковном отношении в самостоятельную церковную область, в непосредственной зависимости от Рима.

Весьма отрывочные и неполные известия латинских летописей об отношениях немцев к славянам при детях Святополка восполняются частию документом, которым мы воспользовались выше (стр. 549 и сл.)*. Остается сказать несколько слов о последней катастрофе. / Паннонская кафедра оставалась незамещенною с 893 г. Смуты в Моравии по смерти Святополка, сопровождавшиеся частыми походами баварцев, давали немцам надежду, что и церковная, и политическая независимость Моравии клонится уже к упадку, что скоро настанет время

* С. 136 наст. изд. *(Ред.)*

господства их в Моравии, как это было в 870 и 871 гг. Когда в 901 г заключали они мир с моравanами, в переговорах принимал участие назначенный вместо Викинга на Пассавскую кафедру епископ Рихар — вероятно, тогда дело шло и о церковном положении Моравии, ее подчинении Зальцбургскому архиепископу.

Понятно, как должно было обеспокоиться немецкое духовенство при неожиданном для него вмешательстве папы Иоанна IX в дела Моравской Церкви. В подробности неизвестно, какими намерениями руководился папа, принимая на себя заботу об устройстве Моравской Церкви. Но в связи с действиями посланных им легатов находится знаменитое послание Баварской Церкви. Время составления этого замечательного документа относится к промежутку между 21 января и серединою июля 900 г. Он составлен на собрании всего баварского духовенства, потому что подписались под ним архиепископ и пять его суффраганов. Весьма любопытно сопоставить послание 900 г. со всем тем, что мы знаем об отношениях немцев к Паннонской архиепископии и моравским славянам. Тут в духе непримиримой вражды к славянам сознательно и без стыда отрицаются общеизвестные факты; искажаются события и выступают бесчестные отношения немцев к славянам. Вся история Святополка моравского и архиепископа Мефодия лишена в этом памятнике всякого значения для государственной жизни Моравии и представляется временем мятежа, анархии и языческого отступничества. Но послушаем самих немецких епископов.

> «Пришли от вас,— пишут они папе,— три епископа: Иоанн архиепископ и Бенедикт и Даниил епископы в землю славян, называемых моравanами; но земля эта со всеми ее обитателями подвластна королям нашим и народу нашему, и нам, как в церковном отношении, так и относительно дани: ибо мы обратили их и сделали из язычников христианами. Поэтому-то Пассавский епископ, в епархии которого находится земля этого народа, с самого обращения их в христианство, когда хотел и когда требовали того обстоятельства, без всякого препятствия являлся туда, неоднократно созывал синоды из своего и тамошнего духовенства и с полномочием исправлял все, что нужно было, и никто не сопротивлялся ему открыто. И наши маркграфы, пограничные той земле, делали там постоянно свои собрания, налагали наказания и собирали подать, и нигде не встречали сопротивления. Но вот овладел диавол сердцами их (моравan), и они оставили христианство, уклонились от всякой правды, начали подстрекать к борьбе и жестоко отбиваться, так что и епископам, и проповедникам заградили путь туда, и делали они по произволу своему, что хотели. Ныне же, что кажется нам грустным и невероятным, к большему оскорблению еще хвастают, что стоили им эти епископы немало денег... В Пассавской епархии вы произвели нечто такое, что никогда не исходило от апостольского престола и чего не допускают церковные каноны: вы допустили раскол в единой Церкви, одно епископство распалось на пять. Ибо упомянутые епископы вашим именем поставили в одну епархию архиепископ-

па — как будто может быть архиепископ в чужой епископии — и трех епископов, и все это без ведома архиепископа и без согласия епископа, в епархии которого находились. Предшественник ваш при князе Святополке посвятил епископа Викинга. Но он не поручил ему той древней Пассавской епископии, а послал к новообращенному народу, покоренному князем. Когда ваши легаты вошли в близкие отношения с этими славянами, то они обвиняли нас и бесславили, клеветали сколько могли, потому что некому было защищать нас, утверждая, что мы в ссоре с франками и алеманнами, тогда как это наши лучшие друзья; еще наговаривали, что мы с ними находимся во враждебных отношениях, хотя этого нельзя отрицать, но причина неудовольствий заключается не в нас, а в их испорченности. Когда начали они нерадеть к христианству, отказались платить государям королям нашим и назначенным ими управителям определенную дань и взялись за оружие, тогда вспыхнул у них мятеж. И если позволительно обращать в рабство покоренных оружием, то в силу военного права волей-неволей они должны будут подчиниться нашему царству. Поэтому мы препоручаем вам быть осмотрительными и предпочитать другим мерам меры уравновешивающие, чтобы рабское племя не усиливалось на счет благородного. Императоры и короли, предки светлейшего государя нашего Людовика, произошли от христианского народа франков, моравские же славяне произошли от презренных язычников. Те могущественно охраняли Римскую республику, эти грабили ее; те укрепляли христианское царство, эти ослабляли его; те весь мир наполнили славой, эти прячутся за стенами в селениях своих; сила тех поддерживала апостольский престол, от набегов этих страдало христианство. Во всем этом наш юный король (речь идет о Людовике Дитя) желает со всеми князьями своего государства быть заступником святой Римской Церкви, ибо он только того и желает, чтобы посвятить на служение Богу данную ему власть. Вышеназванные славяне обвиняют нас, будто мы сношениями с уграми нарушили католическую веру и, заключив с ними договор, клялись собакой или волком и будто подкупили их на поход в Италию, но лживость этого может легко быть доказана, если бы это дело подвергнуть исследованию. Но как они угрожали нам постоянной войной, то мы действительно сделали им подарок, только не деньгами, а льняными одеждами, дабы несколько смягчить их дикость. Между тем они сами совершили то преступление, в котором нас обвиняют: они приняли к себе огромное множество угров, по обычаю их обстригли свои нехристианские головы и натравили их на нас, христиан, да и сами нападали — и одних уводили в плен, других убивали, иных томили в темницах жестоким голодом и жаждою, бесчисленное множество довели до разорения и славных мужей и честных жен осудили на рабство, церкви Божии

сожгли и все здания истребили; так что во всей Паннонии, нашей огромной провинции, едва ли найдется одна церковь, что могут подтвердить епископы, посланные вами, если бы они захотели сказать правду, много путешествовавшие и видевшие всю разоренную землю. Когда же мы узнали, что угры вторглись в Италию, видит Бог, как искренно мы желали помириться со славянами, обещая им во имя Всемогущего забвение всех бед, нам нанесенных, и возвращение всего, что оказалось бы у нас из принадлежавшего им; мы желали, чтобы они пощадили нас хоть на то только время, пока мы будем в походе в Ломбардию, чтобы защищать престол св. Петра и с Божиею помощию освобождать народ христианский, но и этого мы не могли добиться от них. Общая скорбь и великая печаль обдержит всех жителей Германии и Норика о том, что единство Церкви нарушено... одно епископство разделилось на пять».

Неизвестно, какие последствия имел этот протест, отозвался ли на него папа или нет. Видно, что главная цель послания была доказать неотъемлемость прав Зальцбургской Церкви на Паннонию. Потому нет никакого намека на распоряжения Николая I и Иоанна VIII относительно Славянской Церкви, проходится молчанием и апостольская деятельность архиепископа Мефодия. Кафедра его более 10 лет оставалась не занятою, латинскому духовенству удалось уже ранее в глазах пап заподозрить Мефодия, так что вся его деятельность, с этой точки зрения, могла считаться неправильною и ничтожною. Труднее было обойти епископство Викинга, тут сделан замечательный изворот: Викинг совершенно выделен из занимающего их спорного дела, он посвящен был вовсе не в область, принадлежавшую Пассавской кафедре, но к новопросвещенному народу, только что укрощенному войною и обращенному из язычества в христианство; отсюда заключают, что он не был епископом суффраганом и его область не стоит в связи с кафедрой Пассавской и Моравией. Не совсем в чистом свете рисуется здесь и римская курия; в двух местах послание дает право предполагать подкуп ее. Зная, что материальные выгоды руководили римскою куриею почти во всех столкновениях ее со славянами, что сбор дани со славян является весьма выдающимся фактом в самом послании немецкого духовенства, мы не имеем причин сомневаться именно в таком объяснении следующих мест. «Варварские набеги язычников не позволили ни самому представить вам, ни через других послать причитающиеся сборы. Но так как по милости Божией Италия освобождена, то, при первой же возможности, обещаюсь препроводить их к вам». В этом обстоятельстве нельзя не признать по крайней мере некоторого объяснения, что папа легко примирился с притязаниями зальцбургского духовенства на Моравию и Паннонию. Другое обстоятельство, наводящее на то же предположение,—это *хвастовство* мораван, что им немало-таки стоили эти епископы.

И из этого письма, и из латинских рукописей видно, что до 899 г. Моймир II еще не терял надежды на благоприятный исход дел: он обращался к папе, просил его о высылке епископов для устройства страны, вошел даже в сношения с уграми и нанимал их в военную

службу, имел еще силу поддерживать немецкого маркграфского сына в его стремлениях утвердиться в марке; главного врага он видел в немцах. И действительно, занятый и ослабляемый вторжениями немцев (898—901), он не мог ни сделать приготовлений, ни выставить достаточной силы против угров.

После вторжения в Паннонию в 894 г. угры до 900 г. не имеют столкновений со славянами; может быть, Моймир уступкою некоторых областей принужден был купить у них мир, чтобы выдержать внутреннюю борьбу с немецкой партией и потом внешнюю с баварцами. Возвратившись из похода на Италию, угры отправляют в Регенсбург посольство ко двору Людовика Дитяти; но предложения их не были приняты. Тогда двумя отрядами идут они на Паннонию и на Восточную марку; один отряд опустошил Паннонию, другой прошел Баварией до Энжи. Герцог Люитпольд, могущественный маркграф всех славянских марок в то время, поспешил навстречу врагу и разбил его на левом берегу Дуная. Повторяется постепенный и сильный напор угров на Моравию и Паннонию; они осаживаются в Хорутании в 901 г., от Тиссы доходят до Моравы... и вскоре затем имя Моравии бесследно пропадает из летописей. Не сохранилось известий, что предпринимал против угров князь Моймир, не знаем даже, когда угры одержали над ним решительную победу. Есть основания думать, что общая опасность от угров сблизила немцев и славян, что моравский князь пал в той же битве с уграми, в которой и герцог Люитпольд. Из тогдашних людей только герцог Люитпольд понимал всю опасность угорского соседства. После сражения с уграми в 900 г. он сейчас же приступает к сооружению крепости на Энже — Энсбурга, делается опекуном короля Людовика; другой королевский родственник, граф Сигхарт, строит крепость Эберсберг на Инне. Но многие не думали о грозящей опасности; при дворе заняты были соперничеством и распрями, Людовик разбирал ссоры и мирил своих любимцев. Набеги угорские как будто нисколько не изменили существующего порядка; на Дунае все еще происходила живая деятельная торговля. Король Людовик, по жалобам баварских епископов, аббатов и графов на незаконные притеснения относительно таможенной пошлины, поручил маркграфу Арибо с другими чиновниками Восточной марки исследовать это дело./

Баварцы сделали непростительную ошибку, вооружившую угров и ускорившую кровавую развязку. Они пригласили к себе на пир начальников угорских и умертвили их. В 907 г. произошла ужасная битва немцев с уграми; об отдельной битве их с мораванами не упоминается в летописях. Остается предполагать, что там же, где пал цвет немецкого дворянства, там же и мораване оставили свои лучшие силы, потерпев полное поражение. Самостоятельность Моравии пала, население ее весьма ослаблено, угры заняли всю ее территорию. «По смерти Святополка, когда начался раздор между сыновьями его, угры совершенно истребили мораван, заняли страну их и владеют ею до настоящего времени,— писал Константин Порфирородный,— часть населения, пережившая этот погром, разбежалась по соседним странам /, особенно к болгарам и туркам (т. е. уграм) и хорватам»./

Прекращение политического существования Моравского государства, происшедшее в такой роковой обстановке, что трудно

восстановить как хронологию, так и ближайшие обстоятельства, при которых произошла катастрофа, изгладившая самое имя Моравии из истории, является событием неизмеримой важности в судьбах славян и в восточноевропейской истории вообще. Битва угров с баварцами и славянами, относимая к 907 г., имела огромное влияние на международные отношения на среднем Дунае. Этой битвой угры сразу приобрели политическое влияние в Европе, ужасающее впечатление одержанных ими военных успехов надолго обеспечило за ними непререкаемый боевой авторитет. Они раздвигали свои опустошительные набеги на юг и запад без всякого страха, так как сопротивления им нигде не было. Прежде всего угры нанесли большой удар немецкому, собственно баварскому, движению на юго-восток, отняв у них Восточную марку и Паннонию и уничтожив здесь культурные и церковные насаждения.

Произведенный поселением угров в ныне занятой ими стране политический и этнографический переворот отразился главным образом на судьбах славян. Равнина по течению реки Тиссы, в северных и восточных окраинах ее, была заселена славянами; славянские поселения не были, однако, здесь достаточно густы, и завладение этой равниной не могло составить никаких затруднений. В Паннонии, где были княжения Коцела и Прибины, население было плотней, но в нем была значительная примесь немецкого элемента, и Моравское княжество, несмотря на большое территориальное расширение его при Святополке, не в состоянии было поставить границы немецкой колонизации в нижней Паннонии. Угорское вторжение отразилось здесь своими непосредственными и весьма тяжелыми следствиями, но когда миновал период погромов и когда наступило время устроения на новых землях, славяне под господством угров подвергались меньшей опасности, чем прежде, вследствие победоносного движения баварцев. Покорив Моравию, угры едва ли имели интерес истреблять ее население, вообще оказавшее слабое сопротивление и, по-видимому, легко, как греки после османского погрома, примирившееся с господством полукочевой орды. Целых 50 лет, до знаменитой битвы при Лехе в 955 г., угры совершали походы в Западную Европу, безнаказанно опустошая и наводя ужас на Германию и Италию; о противодействии им на востоке, среди славян, нет и помину. И тем не менее вторжение угров в долину Тиссы и основание ими здесь независимого государства* в ту эпоху, когда у славян лишь начали складываться государственные союзы, не могло не сопровождаться весьма печальными последствиями в будущей истории юго-западных славян.

Вторжение угров, совершенно изменившее взаимное соотношение политических сил в придунайских областях, не могло не отразиться на положении дел на Балканском полуострове вообще и, в частности, на северных границах империи. Здесь с давних пор поселились болгаре и образовали в конце IX в. значительное политическое тело, соседства с которым империя не могла выносить, если она претендовала удержать

* Профессор К. Я. Гр о т (Моравия и мадьяры. С. 411 и сл.) усматривает, напротив, в угорском нашествии полезный для славян противовес немецкому движению на восток.

в своей власти юго-восточные части Балканского полуострова. Прежде всего угры приняли деятельное участие в войнах между империей и Болгарией, ознакомились с плодородными странами на Балканском полуострове и переселились с прежних своих становищ в равнину Дуная и Тиссы.

Блистательная эпоха царя Симеона породила новую политическую идею, которая составляет глубокую национальную черту болгар и сделалась их политическим верованием, разумеем идею господства в Константинополе и устранения гегемонии греков на Балканском полуострове. Ввиду угрожающей опасности царь Лев предложил Симеону вступить в переговоры, но болгарский князь заговорил о своих правах на самый престол императора и требовал ни более ни менее, как отречения Льва. Тем не менее были заключены условия для мирного соглашения, согласно которым Византия должна была признать фактическое расширение болгарской границы и высылать ежегодно дань в пограничный город Девельт, близ Бургаса.

По смерти Льва, при изнеженном и ничтожном Александре и семилетнем Константине Порфирородном, о котором притом же были сомнения, следует ли считать его законным сыном Льва и имеющим право на престол, для политических притязаний Симеона, прекрасно образованного и понимавшего обязанности правителя совершенно иначе, чем современные ему византийские цари, открылись новые перспективы. Характеристика отношений за это время может быть заимствована из несравненного источника — из прекрасных писем патриарха Николая Мистика, которыми мы уже пользовались выше при изложении положения дел на северной границе. Но как бы ни возвышали интерес современных войн Болгарии с империей поставленные Симеоном со всем авторитетом власти и с сознанием полноты своих прав притязания на царский титул и на самостоятельное устройство Болгарской Церкви, все же мы должны признать, что не внешние войны придают царствованию Симеона громадное значение в истории распространения идей и просвещения на Балканском полуострове и в Восточной Европе, а ряд других благоприятно для Болгарии сложившихся событий, к которым и обращаемся теперь.

С национальной точки зрения есть черты сходства между моравским Святополком и болгарским Симеоном. Оба должны быть названы передовыми людьми того времени, оба получили иностранное воспитание и имели связи среди иноземцев, один на Западе между немцами, другой на Востоке между греками. Но какая разница вместе с тем в индивидуальном характере! В то время как моравский князь представляет собой тип теоретика, преклонявшегося перед западным образованием, и фантазера, смотревшего вверх и пренебрегавшего насущными интересами и нуждами своего народа, болгарский князь, напротив, воспользовался полученным в Константинополе образованием с единственной целью — приблизить свой народ к политическим и церковным формам империи, вести его к преобладанию над греками на Балканском полуострове и к устройству в Болгарии просветительной школы, которая приняла на себя задачу продолжения культурной миссии между славянами, так трагически прерванной со смертию Мефодия. Хотя в последующей исторической эволюции Болгарии обошлась очень

дорого ее тенденция стать на место империи, ибо Византия, обладая материальными и духовными средствами, накопленными в течение многих веков, жестоко отомстила ей за временное торжество, тем не менее с веком Симеона соединяется представление о таком подъеме литературной производительности, передававшейся в то же время в Россию и другие славянские страны, который не может не производить чарующего впечатления на историка. Если политическая тенденция Симеона оказалась для того времени бесплодной, то культурная деятельность учеников славянских просветителей, нашедшая в Болгарии благоприятные условия для своего развития и распространения в другие страны, обеспечивает за княжением Симеона большое значение в славянской истории и ставит его имя гораздо выше современников. С точки зрения всемирной истории данный в IX в толчок славянам посредством изобретения славянской азбуки, просвещения большинства их христианством и организации национальной Церкви с допущением славянского языка в совершении литургии — мог бы оказаться совершенно не достигшим цели, если бы после падения Моравского княжества заветы свв братьев не были сохранены их ближайшими учениками и если бы не установилось преемственности между Мораво-паннонской архиепископией и новой организацией Церкви в Болгарии. Именно в этом отношении обращает на себя внимание переход в Болгарию учеников св. Мефодия и начавшееся при них движение в пользу организации национальной Церкви.

Не входя здесь в изложение, впрочем, очень мало еще разъясненного вопроса о положении церковного управления в Болгарии после обращения в христианство князя Богориса при патриархе Фотии, обратимся прямо к тому времени, с которого Болгария бесповоротно соединилась с Константинопольским патриархатом. / Как известно, это последовало после Собора 879—880 гг., на котором был решен вопрос о том, кому должна принадлежать Болгария — Римскому или Константинопольскому престолу. / Весьма вероятно, что Богорис принял в этом смысле ближайшие меры, чтобы обеспечить своей стране некоторую автономию в церковных делах. Ему приписывается устройство семи храмов в главнейших городах княжества [6] и учреждение архиепископии Первым епископом был поставлен Иосиф, имевший в церковном подчинении несколько епископий. Хотя ни мест расположения епископских кафедр, ни имен епископов не сохранилось, за исключением памяти об епископе Агафоне, подписавшемся на актах Собора 879 г., но следует думать, что первоначально греческая иерархия не допускала в Болгарии туземного языка в богослужении хотя бы и потому, что едва ли в числе епископов и священников были туземцы. Иное дело после изгнания учеников св. Мефодия из Моравии. Богорис избрал св. Климента епископом и назначил его на кафедру Тивериуполя, ныне Струмица; в некоторых памятниках Клименту усвояется наименование архиепископа Болгарии. Из других епископий можно указать: Охридскую (епископ Гавриил), Белградскую (Сергий) и, конечно, Преславскую, где была столица Симеона, между присутствовавшими на Соборе 879 г. епископами упоминаются еще Проватский и Девельтский. Что во время Симеона Болгарская Церковь была организована вполне самостоятельно, можно видеть из писем патриарха Николая Мистика к архиепископу Болга-

рии [7], которые составлены в таком духе, что устраняют всякую мысль о подчиненности. Конечная цель Симеона заключалась, однако, в провозглашении царства и в возведении архиепископа в патриархи. Но как для того требовалось согласие не одного Константинопольского, но и других патриархов, то признание патриаршества в Болгарии зависело, между прочим, и от Римского престола. В переписке с папами последующих болгарских царей, между прочим, указывается, что они получили от пап благословение на императорский титул и на учреждение патриаршества. Но самому Симеону, несмотря на его победы и счастливое сочетание обстоятельств, едва ли удалось достигнуть заветного желания насчет учреждения патриархии. Он жил еще, по всей вероятности, в старом ауле, в Плиске, где была построена не ранее 925 г. обширная и вполне соответствующая его церковным и политическим притязаниям церковь, хотя и на реке Тыче, где в 822 г. положено было основание Преславы, существовали уже церковные учреждения, как это видно из записи на переводных с греческого словах Афанасия Александрийского против ариан: «написа же их Тудор Черноризец Доксов... на устье Тыча в лето 907, идеже святая златая церковь сотворена тем же княземъ» (т. е. Симеоном).

Литературная и переводная с греческого деятельность школы, образовавшейся под влиянием ближайших учеников св. Мефодия, пользовалась особенным поощрением князя, который и не без основания видел в ней оправдание для своих планов церковного и политического преобразования. Не будучи и сам чужд высшей тогдашней школы и прекрасно изучив философию, риторику и богословие [8], Симеон предоставил явившимся к нему Клименту, Горазду и товарищам их все средства к выполнению культурных задач по заветам святых солунских братьев и по задуманному им самим плану. Собственный труд свв. братьев мог обнимать не весь цикл церковных книг, им принадлежал перевод Евангелия, Апостола, Псалтири, Часослова и наиболее нужных в богослужении книг: Парамейника, Служебника, Требника, Октоиха. Что касается Ветхого Завета, Номоканона и Патерика — это, вероятно, принадлежало ученикам Мефодия. Первое место между ними принадлежит Клименту, епископу Величскому, или «Словенскому», за ним следует ряд литературных деятелей: епископ Константин, Григорий пресвитер, в особенности Иоанн экзарх, плодовитейший деятель этой эпохи, составивший знаменитый Шестоднев, т. е. толкование на шесть дней творения мира. Далее следует назвать Черноризца Храбра, известного в особенности сказанием об изобретении св. Кириллом славянских письмен, и, не говоря о других сотрудниках и продолжателях их, как Наум, Горазд и другие, закончим этот перечень ближайшим учеником и последователем их, пресвитером Косьмой, также весьма плодовитым писателем и особенно известным своим полемическим трудом против богомилов — секты, весьма в Болгарии распространенной в X в.

В самое последнее время историческое и литературное значение Климента оценено в прекрасной работе Н. Л. Туницкого [9]. Из нее усматривается, что деятельность Климента была моментом огромной важности в деле устроения славянской Церкви и в развитии славянского просвещения в Болгарии. Она обнимала семилетний период (886—893) и совпала с последними годами правления Бориса и неудачным

княжением Владимира, отрекшегося от христианства и равнодушного к славянскому просвещению. Заботы Климента направлены были прежде всего на искоренение остатков язычества. Слушателям христианам он объяснял «спасительные заповеди» и «божественные догматы», но главным делом его в это время была организация славянских школ, в которых велось систематическое обучение славянской грамоте и церковной литературе. Это было фундаментом всего дела, задуманного Климентом и Богорисом. С именем Климента следует связать основание в Болгарии школ нескольких родов. Юго-Западная Македония обязана была Клименту организацией школ двух родов — училищ для взрослых и для детей. Результатом напряженных трудов Климента было очень значительное количество его учеников, из которых одних избранных насчитывалось до 3500 человек. Наиболее ценное и историческое значение св. Климента состоит в том, что весь подвиг его жизни в Болгарии имел целью образование здесь национальной Церкви и славянской духовной культуры. К этой цели в его деятельности было направлено влияние школы, понятной книги, родного слова и живого примера. Славянской грамотой, проповедью и богослужением закреплены были глубокие основы славянского национального самосознания Македонии и ославянившейся Болгарии.

Богатый подъем литературно-научной деятельности, конечно, можно объяснить лишь самой горячей поддержкой и поощрениями также со стороны самого князя Симеона, которому не только приписывается любовь к просвещению, но который сам занимался литературными работами. Ему принадлежит так называемый Златоструй, или перевод 135 слов Иоанна Златоуста, и собрание разных богословских, философских и ораторских произведений, или Изборник, долго по недоразумению приписываемый Святославу[10]. Об его покровительстве литературным предприятиям и любви к словесным произведениям говорится в Изборнике в таких выражениях, которые позволяют думать, что его дворец был наполнен «божественными» книгами.

Литературная производительность царствования Симеона имеет громадное значение в истории культуры славянских народов. Работами указанных выше писателей переданы были на славянский язык важнейшие произведения греческих церковных и наиболее популярных светских авторов, причем церковнославянский язык под влиянием разнообразных переводных и оригинальных сочинений получил литературную обработку, оживлен был заимствованиями из народного языка и приспособлен был для того, чтобы сделаться не только общеславянским церковным и литературным языком, но культурным органом для других народов, вступавших в сношения с славянами. В этом отношении писатели века Симеона являлись прямыми и непосредственными продолжателями культурной миссии солунских братьев, а Болгария X в. вполне заменила прекратившую свою политическую и церковную миссию Моравию. Это обстоятельство следует особенно выдвинуть ввиду энергичных мер, какие приняты были Римской Церковью для опорочения и предания забвению самого имени славянских просветителей во всех странах, которые находились под прямым влиянием Римской Церкви. Но прежде чем перейти к указанию принятых в этом смысле мер, находим уместным здесь же, хотя кратко, наметить дальнейшие пути, какими литера-

турные произведения времени царя Симеона перешли в Россию, создав в ней дальнейший центральный пункт для сбережения и разработки культурного наследства Кирилла и Мефодия. К любопытным заключениям приводят исследования древних рукописных сводов. Академик А. А. Шахматов, между прочим, на основании изучения редакций Еллинского летописца пришел к заключению [11], что уже в самом начале древнеславянской письменности замечается стремление объединить всю переводную литературу в форме одной обширной энциклопедии. Такая энциклопедия, состоявшая, по мнению упомянутого ученого, из трех или четырех томов, относится по своему происхождению ко времени Симеона и вызвана была его поощрением и щедротами. В России эта энциклопедия появилась не позже XI в., и на основании ее в свою очередь уже в Киеве составлены были компиляции, известные под именем Еллинского и Римского летописца и под другими именами. В 1073 г. часть упомянутой энциклопедии или другого подобного же сборника переписана была для князя Святослава и, хотя известна под именем Святославова Изборника, на самом деле принадлежит времени Симеона болгарского. Не вступая в состязание с автором насчет употребленного им термина «энциклопедия», который, может быть, и не совсем применим к произведениям переводной литературы времени Симеона, для истории преемства идей мы находим весьма важным сделанное указание и можем, таким образом, рассматривать киевский период как третью стадию в разработке литературного наследия, оставшегося после славянских просветителей.

Обращаемся в заключение к рассмотрению тех актов, в которых выразилось отношение латинского духовенства и Римского престола к культурной деятельности свв. братьев. Припомним, что в первый раз сделана была попытка опорочить деятельность Мефодия еще при его жизни, что он подвергался даже лишению свободы и темничному заключению за свою миссию между славянами. Точно так же мы видели выше резкий и страстный протест баварского духовенства на сделанное папой распоряжение относительно Моравской Церкви. Несмотря на попытку некоторых писателей представить это распоряжение как возвращение к прежней церковной системе, мы должны, напротив, усматривать в нем решительный шаг к наложению печати забвения и запрещения на все дело святых братьев. Именно этот взгляд согласуется с ближайшими фактами, стоящими в связи с церковным вопросом в Моравии. В то самое время, как баварское духовенство составляло свой протест, Майнцский архиепископ Гаттон писал папе [12] по тому же поводу в не менее резких выражениях; между прочим, по его словам, выходило, что как бы святейший ни поступил, а мораванам волей-неволей придется гнуть шеи под франкским ярмом. В сущности весь вопрос сводился к политическому принципу, который по смерти Мефодия сложился весьма неблагоприятно для тех славян, среди которых начал распространяться греческий обряд вместе со славянской литургией.

Самым выразительным фактом в этом отношении служат церковные события в Далмации при папе Иоанне X, которому удалось произвести полный переворот в состоянии церковных дел и нанести непоправимый ущерб византийскому влиянию и греческому обряду у хорватов и сербов. Далматинские города, перешедшие во время царя Василия

и патриарха Фотия под церковное влияние патриархата, около 923 г. снова подчинились Римскому престолу. Вместе с этим со стороны папы приняты были меры к реформам в церковном управлении. В предисловии к соборным деяниям в Сплете, между прочим, сказано об этом [13]: когда верховную власть над хорватами и далматинцами имел король Томислав и когда Михаил правил своим княжеством, они постановили с духовными и светскими чинами просить папу, чтобы он послал в Далмацию легатов и поручил им произвести необходимые преобразования, в каких нуждалась тамошняя Церковь. Вследствие этого были отправлены в Далмацию епископы Иоанн Анконский и Лев Палестринский с письмами на имя Сплетского архиепископа Иоанна и на имя хорватского короля Томислава. В письме к архиепископу папа выражает удивление, что он в течение стольких лет избегал сношений с Римской Церковью.

> «До нас дошел слух,— продолжает папа,— что в вашей епархии при вашем молчаливом попустительстве распространяется учение, не имеющее для себя основания ни в Священном Писании, ни в Церкви. Добрым христианам несвойственно, забывая евангельские заповеди и апостольские постановления, обращаться к доктрине Мефодия, которого нигде не встречаем между священными авторами. Почему убеждаем вас принять меры вместе с присланными к вам епископами к исправлению всех вкравшихся в славянской земле злоупотреблений, чтобы, согласно обычаям Римской Церкви, богослужение совершалось у этих славян на латинском, а не на чуждом языке... Всемогущий Бог,— пишет папа к королю,— так устроил, что вручил нам высшее наблюдение над всеми Церквами, дабы мы в силу духовной власти могли всюду исторгать корни нечестия, в особенности же среди любимейших сынов Церкви, к каковым принадлежите вы. Всякому известно, что славянские земли принадлежат к первенцам Церкви, так как обитаемая вами земля получила семена учения от апостольских учеников. Как же такой любимый сын святой Римской Церкви, как вы, можете допускать, чтобы божественная жертва приносилась не на латинском, но на варварском, т. е. славянском, языке?»

Приведенные места достаточно объясняют постановления двух Соборов, имевших место в Сплете в 925 и 927 гг., которыми Римская Церковь торжественно выразила свое отношение к делу славянских проповедников [14], равно как пренебрежение к большинству населения, обитавшего в Далмации. Славянские интересы защищал в сущности один епископ Нины Григорий, голос которого, однако, не мог получить значения среди большинства членов Собора, враждебно настроенного к славянской национальной Церкви и языку. Десятым правилом этого Собора установлена была следующая практика:

> «Ни один епископ нашей провинции не имеет права посвящать в церковный сан знающего только славянский язык; что касается уже посвященных, они могут исправлять лишь низшие должности и быть простыми монахами или клириками, но не быть допускаемы к совершению богослужения;

исключение допускается лишь при крайнем недостатке в священниках, и притом всякий раз с разрешения папы».

Дальнейшими правилами (11-м и 12-м) устанавливается подчинение самостоятельной прежде Церкви митрополиту Салоны. Определения Сплетского Собора вызвали недовольство среди населения и протест, обращенный к папе, вследствие чего применение правил было на некоторое время приостановлено. Но нельзя сомневаться в том, что с тех пор начинается систематическое искоренение следов дела Кирилла и Мефодия в тех странах, которые подпали непосредственному влиянию Римского престола. Окончательное и более энергичное распоряжение о славянском языке в богослужении последовало в 1061 г. при папе Александре II.

«Никто не смеет,— говорится в определении нового Собора в Сплете,— совершать божественную службу на славянском языке, но только на латинском и греческом; никто из говорящих на этом языке не может быть посвящен в церковные должности».

Значение этих соборных актов для занимающего нас вопроса выяснено, между прочим, в следующих словах авторитетного ученого [15]. / Вот к каким выводам приводят постановления епископского Собора. /

«Скоро после того, как патриарх Фотий между 865—870 гг. отторг Далматинскую Церковь от соединения с престолом св. Павла, в славянских общинах этой страны была введена славянская литургия Кирилла, ибо папа Иоанн X рассматривает как одновременные события — отпадение от Рима и указанное нововведение. Нужно думать, что Фотий оправдывал эту меру тем же предлогом, какой через 400—500 лет был с громадными последствиями использован в Чехии, на скандинавском Севере, в Германии, Англии и Франции, что ради религиозных потребностей народа необходимо все богослужение построить на народном туземном языке. Но истинное намерение патриарха заключалось в том, чтобы навсегда отделить южных славян от связи с Римом, так как можно было предполагать, что славяне, освоившись с богослужением по кирилловскому, или греческому, обряду, нелегко вновь перейдут к римской литургии».

Не может быть сомнения, что указание на патриарха Фотия сделано совершенно правильно. Просветительная миссия среди славян, начатая при нем братьями Кириллом и Мефодием, имела, конечно, и ту цель, о которой говорит Гфрёрер. Патриарх Фотий обращением славян к христианской вере и устройством самостоятельной Церкви имел в виду создать преграду завоевательным планам Каролингов и одновременному движению на Восток латинских миссионеров. Но самый важный заслон был разрушен в начале X в. уграми; не менее значительный удар нанесен был византинизму в Далмации теми мероприятиями, о которых сейчас была речь.

В заключение настоящей главы следует отметить особенное и весьма оригинальное явление в древней славянской литературе — существование глаголической письменности рядом с письменными памятниками, изображенными кириллицей. До самого последнего времени даже были возможны колебания по отношению к сравнительному стар-

шинству кириллицы и глаголицы *, так как вообще не сохранилось памятников славянской письменности ни современных Кириллу и Мефодию, ни очень близких к их времени. Найденная поблизости от Преспы в Македонии, в селении Гёрман, надпись царя Самуила от 993 г. и изданная в «Известиях Русского Археологического Института в Константинополе» составляет самый древний след применения кириллицы [16], но датированного памятника глаголического письма от такой древней эпохи до сих пор не отыскалось. В сущности первые памятники церковнославянской письменности, как кирилловского, так и глаголического письма, не имея хронологических пометок, по палеографическим данным, относятся к XI в. ** Хотя старшинство написанных кириллицей памятников перед глаголическими может считаться до появления новых находок установленным, но этим не решается принципиальный вопрос о том, которая азбука вообще древней, кириллица или глаголица. Этот вопрос перестает быть предметом простого научного любопытства, который может занимать лишь специалиста, если мы прибавим, что вместе с тем подвергается новому обсуждению, по-видимому, давно уже решенный вопрос о принадлежности кириллицы св. Кириллу: глаголицу или кириллицу на самом деле изобрел и распространил между славянами Константин Философ? Что это далеко не праздный вопрос, видно из того, что в настоящее время теория первенства глаголицы перед кириллицей и принадлежность первой Константину Философу, изобретшему ее именно в 863 г., имеет многочисленных приверженцев, во главе коих стоит знаменитый представитель современной славистики и издатель «Славянского Архива» академик Ягич [17]. Чтобы прямо ввести в круг интересующих нас данных, сделаем небольшую выдержку из статьи академика Ягича.

> «Какие письмена,—спрашивает он,—вышли из деятельности Константина Философа? Общее употребление письма кирилловского в течение многих столетий у громадного большинства славянских народов указывает, конечно, прежде всего на кириллицу. Научное исследование нашего столетия *** на этом не останавливается. Критический разбор древнейших памятников и палеографический характер обоих письмен свидетельствуют, что при нынешних источниках наших сведений весь вопрос проще и удачней разрешается, если считать древнее глаголицу. Она такое же греческое письмо, как и кириллица, только почерк ее вышел сложнее, отчасти оттого, что она образовалась на курсивном-минускульном греческом письме, отчасти же от большой последовательности стилистической, в которой и высказалась зна-

* См. выше, с 429—430 [с. 55 наст. изд.], где приведены образцы.

** Таковы кириллицей написанные: Саввина книга, Листки Ундольского, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, сюда же относится и знаменитое Остромирово Евангелие, написанное в Киеве в 1056—1057 гг. Глаголические памятники: Зографское Евангелие, Ассеманово, или Ватиканское, Евангелие, Мариинское, или Григоровичево, Синайская Псалтирь и Синайский Требник, Клоцов сборник (Glagolita Klozianus).

*** Это написано в 1884 г., но автор говорит, что и теперь, т. е. в 1911 г., он ничего не может к этому прибавить (Энцикл. С. 92).

чительная личная деятельность Константина Философа. Но строго проведенная правильность стилистическая удалила это первое славянское письмо слишком далеко от его греческого прототипа. Узкий союз Болгарии с Византией, начиная с конца IX в., полная духовная и культурная зависимость первой от последней не могли не возбудить желания более сблизиться с Византией и в письме. Это и сделано вскоре после введения христианства и славянского богослужения в Болгарии. Кем и когда — это пока неизвестно; по моим соображениям, в царствование Симеона его сподвижниками. Но сделано это так, что прежнее письмо не было тотчас же заброшено; его считали своим, относились к нему без вражды и без подозрения. Доказательством служат многие очень древние кирилловские приписки в древнейших глаголических рукописях, которых не было бы, если бы не читали глаголических рукописей и те, кто в свою очередь более привык писать буквами кирилловскими. Окончательная победа кириллицы совершилась с принятием христианства русскими славянами. Близкие сношения киевских князей с Константинополем заставили бы последних дать предпочтение кириллице, как письму, в котором яснее проглядывает характер греческий, и тогда, если бы вопрос, которое из обоих письмен получит перевес, не был уже в Болгарии решен в пользу кириллицы».

Но теория, защищаемая академиком Ягичем, равно как «и приведенные попытки палеографического объяснения глаголицы не встретили общего одобрения», как замечает и сам почтенный автор [18].

На основании обширного материала, сообщенного академиком Ягичем, можно видеть, что вопрос о взаимном отношении кириллицы и глаголицы стал занимать славистов со времени появления славяноведения в первой половине XIX в., и притом как с филологической, так и с палеографической точки зрения. Шафарик, хотя робко и с оговорками, выразил мнение, что глаголица не только старше кириллицы, но даже прямо дело славянских апостолов. За ним постепенно стали разделять это мнение другие слависты (Рачки, Срезневский). Филологические и палеографические наблюдения, начинаясь из сравнения той и другой азбуки с современным греческим и латинским письмом, постепенно раздвигались привнесением новых материалов из восточных алфавитов и подбором самых тонких особенностей написания букв, который приводил к заключениям о сходстве или несходстве разных букв глаголицы с сравниваемым рисунком той или иной буквы в греческом, латинском, финикийском или другом восточном алфавите. В конце прошедшего столетия Гейтлер [19] показал всю несостоятельность подобного метода, в котором слишком много места предоставлено субъективному вкусу и предрасположению автора. Но и выставленная им теория о роли албанского письма в составе славянских азбук не может претендовать на точность и не имела приверженцев. Не принимая на себя задачи подробного указания разнообразных мнений о глаголице, ограничимся заключением, что большинство исследователей производит глаголический алфавит из греческого курсивного письма. Что касается сравнительного старшинства азбук, то, по-видимому, в последнее время пускает корни

убеждение, что глаголица представляет старший слой церковнославянской письменности, следы которого сквозят также чрез большое число памятников древнейшей кирилловской письменности то в виде отдельных букв, слов или целых строк, то в виде особого подбора орфографических особенностей, грамматических форм или характерных оборотов. Таково заключение академика Ягича. Но что это мнение не может быть признано окончательным и разрешающим сомнения, можно видеть как из сурового приговора проф. Грунского: «теория происхождения глаголицы из греческого курсивного письма должна быть признана совершенно несостоятельной», так и из того обстоятельства, что «консервативно-отрицательное направление по вопросу об отношении глаголического письма к кирилловскому — далеко не прекращается»[20].

Такова постановка вопроса о кириллице и глаголице. Несмотря на большой ученый авторитет лица, которое теперь, так сказать, держит в своих руках славяноведение, вопрос о глаголице не мог еще получить окончательного решения, может быть, и потому, что не привлечен к изучению весь необходимый материал, а может быть, и вследствие методологических погрешностей. Обширный материал снимков с глаголических памятников, в особенности же история палеографического развития каждой отдельной буквы, множество таблиц и рисунков, какими иллюстрируются статьи в «Энциклопедии слав. филологии», казалось бы, давали возможность покончить с вопросом о глаголице, но, по нашему мнению, это не достигнуто. Заключительные выводы автора, которые приведены нами выше, весьма произвольны, мало удовлетворительны и покоятся не на реальных основаниях *. Представляется очень желательным расширить материал и принять в соображение и другие побочные данные, на которые, впрочем, наводят мысль древние известия о кирилловском изобретении.

По словам жития Кирилла, Константин Философ видел в Херсоне Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, а также и человека, у которого он мог выучиться этому языку. Это в высшей степени важное место истолковывается различно. Наиболее вероятным можно считать то толкование, что то был перевод Евангелия и Псалтири на язык варягов-руси, т. е. германский-готский язык. Это толкование, установленное профессорами Голубинским и Малышевским, считается в настоящее время общепринятым, за исключением небольшой партии консервативного направления, объясняющей это место в смысле славяно-русского письма. Мы не можем стать на сторону этого толкования хотя бы потому, что тогда бы теряла смысл вся легенда об изобретении письмен. Несомненно, более значения для занимающей нас темы имеет знаменитое место писателя X в. Черноризца Храбра **.

> «Прежде убо словене не имеаху письмен, но чертами и резами гадааху, погани суще... Аще впросиши глаголя: кто вы письмена створил есть, или кто книги преложил, вси ведять

* Слишком искусственны и «стилистическая правильность» глаголицы, отдалившая ее от греческого прототипа, и «узкий союз Болгарии с Византией», возбудивший желание сблизиться с Византией и в письме, и, наконец, «близкие сношения киевских князей с Константинополем», которые могли заставить русских дать предпочтение кириллице.

** Оно читается в рукописи XIV в. Моск. Синод. Библ.

и отвещав речеть: святый Констянтин Философ, нарицаемый Кирилл... и Мефоди брат его».

У Черноризца Храбра встречаем, кроме того, прекрасное замечание, характеризующее самый процесс составления письмен:

«Аще ли кто речет, яко несть устроил добре, понеже ся построяють и еще, ответ речем сим: и гречески такожде многаши суть построяли Акила и Симмах, удобе бо есть послежде потворити, неже пръвое съторити» (т. е. легче доделывать и поправлять, чем впервые создавать).

Известие Храбра и по своей реальности, и по близости к эпохе Кирилла и Мефодия, и, главное, по уменью автора вникнуть в существо трактуемого вопроса заслуживает внимательного к нему отношения. Нам думается, что его слова о чертах и резах положительно обязывают исследователя о славянских письменах начать именно с вопроса о древнейших знаках письма, которыми пользовались славяне до изобретения азбуки св. Кириллом. В настоящее время, с увеличением и расширением круга археологического материала, которым захватываются разнообразные народности и на отдаленных стадиях развития и в которых отразились попытки выразить знаками на разных предметах мысли и слова, нельзя более делать заключения о кириллице и глаголице на основании лишь данных греческого, латинского и других алфавитов. Черноризец Храбр недаром свой трактат о письменах начал с речи о древних чертах и резах. Вопрос о знаках письма, употреблявшихся до изобретения алфавита и даже рядом с алфавитом, может быть с успехом поставлен для разрешения занимающей нас здесь проблемы. В настоящее время раскопками в Крите обнаружены предметы со знаками письма, восходящими за 1500—2000 лет до Р. Х. Рядом с этим выступает особенно устойчивый и до известной степени однородный материал. Это знаки на камне, подвергшемся уже обработке и приготовленном для кладки стен. Не может не поразить то наблюдение, что, будучи вырублены за три тысячи с половиной лет, они представляют такие сочетания линий и знаков, которые сближают их с употребительными и в настоящее время фигурами и линиями на камне, на дереве и т. п. А небольшое число из этих знаков прямо наводит на мысль о некоторых буквах греческого и славянского алфавитов. Характер постоянства и устойчивости каменотесных знаков в особенности придает этому материалу важное значение. Не достойно ли особенного внимания то обстоятельство, что большинство знаков на камнях дворца полумифического Миноса мы находим в Болгарии на тесаных камнях, вошедших в постройку дворца, в котором жили Крум и Омортаг. Болгарские постройки в Абобе относятся к VIII в., а критские на полторы тысячи с лишком лет раньше Р. Х. Каменотесные знаки не есть письмо, но это уже один из способов схватить мысль или слово и задержать его условным знаком на вещественном предмете[21]. Что должно придавать особенное значение каменотесным знакам в вопросе об изобретении славянского алфавита — безразлично, кириллицы и глаголицы,— это прежде всего их древность, превосходящая появление греческого алфавита, затем твердость и устойчивость на протяжении трех тысяч с лишком лет и, наконец, их распространенность и общедоступность. Специальная литература о древнегерманских и славянских рунах[22] представила достаточные указания, что в образовании древних

алфавитов участвовали и те знаки, которыми первобытные народы пользовались для разных потребностей обиходной жизни. Самым существенным в выводах датского ученого Виммера по отношению к изучению рун следует признать, что греческий и римский алфавиты лежат в основании рунического письма.

Таким образом, в настоящее время имеется обширный материал как в знаках письма, открытых раскопками в Крите, так равно на строительном материале в Трое и, наконец, в каменотесных знаках, отмеченных в Абобе [23], который остался не привлеченным к изучению вопроса о графике у славян в только что появившейся «Энциклопедии славянской филологии».

Многочисленные образцы древнейших знаков письма могут давать основание для расширения поля исследования с целью выяснения первичных элементов в образовании кириллицы и глаголицы. И во-первых, на основании этих образцов можно думать, что первоначальные стихии европейских алфавитов, латинского и греческого, были в готовности задолго до появления письменности на этих языках; во-вторых, представленный материал, при всей отдаленности и раздельности его частей как в хронологическом, так и в географическом отношении, может давать некоторые данные для суждения о сравнительном старшинстве кириллицы перед глаголицей. По нашему мнению, глаголица поздней кириллицы и с палеографической точки зрения обличает искусственную переделку кирилловских знаков. Ни с одним из древних алфавитов глаголица не имеет такой вне спора стоящей связи, какую имеет кириллица *.

/Месяцеслов (Менологий) Василия, составляющий одну из драгоценнейших рукописей Ватикана (Cod. gr. 1613), по всей вероятности, попал в руки иностранной колонии, жившей в Константинополе во время расхищения города в 1204 г. В XIV в. он принадлежал Варфоломею Дэиакомо из Генуи, а потом в XV в. был собственностью Сфорцы, миланского герцога. В XVI в. рукопись находилась во владении фамилии Сфондрато, один из коих, Николо, был кардиналом и потом папой под именем Григория XIV (1590). В 1615 г. знаменитый кодекс был подарен папе Павлу V, вследствие чего ему была обеспечена сохранность и доступность для ученых исследований на будущее время. В 1727 г. последовало издание Менологии кардиналом Альбани [24]; а в нынешнем столетии появилось превосходное фототипическое издание этого несравненного памятника византийского искусства [25], которое позволяет благодаря исчерпывающему комментарию, сопутствующему изданию, составить об нем полное представление.

Кодекс состоит из 217 листов пергамента и принадлежит ко времени царя Василия. Цену кодексу сообщают миниатюры, редкие по тщательности исполнения и разнообразия. В настоящее время нельзя больше колебаться относительно принадлежности кодекса именно времени Василия II главнейше потому, что в нем есть несколько святых, живших уже после Василия I. Нельзя с такой же положительностью думать, что в этом Менологии сохранился именно тот **/

* Последующий текст — отрывок, который сохранился в рукописи из утраченных двух страниц корректуры *(Ред.)*

** Обрыв фразы *(Ред.)*

Глава XIII

Семейные отношения. Патриарх Николай Мистик и вопрос о четвертом браке. Характеристика Льва VI

Важные события, происходившие на окраинах империи, необходимо отвлекавшие наше внимание к периферия, не позволяли ознакомиться с ближайшей обстановкой, в какой происходило царствование Льва Как ни мало зависели внешние события от личной воли царя, тем не менее нельзя не признать, что Лев Мудрый своим личным характером, своими личными склонностями и привязанностями наложил известный отпечаток на историю своего времени. Само собой разумеется, непосредственное влияние этого самодержца, ни разу не принимавшего участия во внешних войнах, выразилось главным образом в сфере дворцовых и внутренних отношений, на подборе высших лиц военной и гражданской администрации, и в особенности на церковных делах, которые, впрочем, весьма тесно связаны были с политикой.

Царь Лев VI не предназначался для престола, так как был вторым сыном Василия, рожденным от Евдокии Ингерины, любовницы Михаила III. Но когда старший сын царя Василия Константин неожиданно умер в 879 г., Лев оказался наследником престола вопреки желаниям отца и, по обычаям того времени, назначен был вторым царем. В 881 г. для него была избрана невеста, происходившая из патрикианского рода Константина Мартинакия, по имени Феофано. Этот брак оказался далеко не счастливым, хотя по всем признакам вина была не на стороне царицы [1].

/Среди придворных обратила на себя внимание молодого царя дочь этериарха Стилиана Чауша по имени Зоя, с которою он вступил в интимные отношения. Когда эта связь сделалась гласной, царь Василий принял суровые меры против своего сына [2], но это не восстановило добрых семейных отношений между супругами, напротив, внесло в царскую семью охлаждение и раздор между сыном и отцом. Трудно выяснить тайные пружины, которыми придворная интрига пыталась питать нерасположение между Василием и его сыном. Не подлежит сомнению то, что под конец жизни Василия отношения его к сыну весьма обострились и что любимец его, архиепископ Феодор Сантаварин, искусно воспользовался душевным настроением царя, удрученного смертью любимого сына Константина, чтобы вооружить отца против сына. Известно, что незадолго до смерти Василий даже подверг заключению своего сына и устранил от службы многих лиц, преданных царевичу. Не останавливаясь на подробностях этой семейной драмы, мы должны приходить к заключению, что Лев не был подготовлен к правительственным делам и что его кабинетная и литературная роль.

составляющая характерную особенность двух царей династии — Льва и его сына Константина Порфирородного,— является результатом обстановки, в которой ему пришлось жить, и литературных вкусов, преобладавших в высшем обществе в X в./

По смерти Василия (в сентябре 886 г.) Лев вместе с младшим братом Александром стали разделять царскую власть. Двоевластие ограничивалось, впрочем, формой, так как Александр довольствовался лишь внешними отличиями и почестями и не вмешивался в правительственные дела. По существу при Льве продолжалась та же правительственная система, какая установлена была Василием, с тем лишь различием, что второй царь Македонской династии принес на престол прекрасное образование, теоретическую подготовку, изучение философов и ораторов, вообще тот изящный умственный и художественный склад, которым характеризуется византинизм занимающего нас времени. Византийский самодержец больше выделялся своими философскими, ораторскими и литературными способностями, чем правительственными дарованиями, умными системами и теоретическими построениями в искусстве побеждать врага, чем практическим искусством в военном и административном деле. Во внешней политике не первые представители династии дали дальнейшее движение византинизму, благодаря чему он мог пережить напор печенегов и турок-сельджуков и выстоять против европейских крестоносцев, но, несомненно, этим первым царям Македонского дома, Василию, Льву и Константину, принадлежит большая заслуга в истории европейской культуры: они придали Македонскому периоду его неотъемлемое достоинство и безраздельную славу тем, что под их покровительством и по их инициативе возник в Византии период оживления науки и искусства, давший прекрасные художественные и литературные памятники, усвоенные впоследствии всем европейским человечеством.

Одним из первых дел Льва было устранение патриарха Фотия и возведение в епископы Константинополя 16-летнего царевича Стефана, посвященного на службу Церкви еще по мысли царя Василия. Это соединение в одной семье царской и высочайшей духовной власти в империи разрешало многие недоразумения, объединяя светскую и духовную политику. Во всяком случае можно думать, что в планах царя Василия объединение царской и патриаршей власти было достаточно обосновано и вызывалось реальными потребностями. Но фактически его преемники не использовали этого объединения, хотя титул Константинопольского патриарха носил и еще один член Македонского дома. Возведение Стефана в епископы Константинополя и Вселенские патриархи вызвало на первых порах церковное волнение, которым воспользовались представители враждебных партий, никогда не прекращавшихся в Константинополе, для сведения взаимных счетов. Стефан получил посвящение в первый церковный сан от руки патриарха Фотия, который был не раз запрещаем и отлучаем от Церкви как константинопольскими, так и римскими Соборами и который при восшествии на престол Льва, потеряв престол, вместе с тем утратил и влияние, так как большинство его учеников держалось нового патриарха [3], теперь возник вопрос между строгими блюстителями чистоты церковной дисциплины — считать ли законным избрание Стефана и посвящение в епископский сан, если

сомнительна каноническая правильность его посвящения в диаконы. Чтобы выйти из затруднительного положения, царь Лев вступил в переговоры с ригористами — они же и противники Фотия,— во главе коих стоял Стилиан, митрополит Неокесарии, и по соглашению с ними решил обратиться за решением вопроса в Риме[4]. Припомним, что точно в таких же условиях при вступлении на престол начал сношения с Римом и Василий I. Итак, к папе Стефану VI отправлено было из Константинополя несколько актов по этому делу: письмо царя, ходатайство Стилиана и его единомышленников, в которых выяснялся церковный вопрос с точки зрения новых событий, наступивших после удаления Фотия. Нет сомнения, что картина нарисована в неверном освещении. Стилиан преувеличивал значение своей партии, клеветал на Фотия, рисовал в превратном виде удаление от дел бывшего патриарха и, наконец, в весьма униженном тоне просил снисхождения папы к прегрешениям Константинопольской Церкви по делу Фотия, «дабы ради проступка одного человека не погибла вся Церковь». Охотно идя навстречу желаний царя и части восточных епископов, папа принял на себя задачу умирения Константинопольского патриархата и, чтобы придать делу больше торжественности, пригласил царя прислать в Рим делегатов, дабы возможно было разобрать все дело и постановить такое решение, которое должно быть нерушимым на вечные времена. Но папе Стефану (885—891) не удалось решить этого дела, его преемник Формоз (891—896) ставил вопрос принципиально: если Фотий считался мирянином, то нетрудно разрешить от запрещения посвященных им «по насилию», если же относиться к нему как к епископу, то его ставленники, а между ними и нынешний патриарх Стефан, подлежат осуждению. Такая притязательность со стороны Рима по отношению к внутренним делам патриархата значительно охладила константинопольских корреспондентов папы, которые хорошо поняли, что во всяком случае ни под каким видом царь не пожертвует интересами своего брата, патриарха Стефана, и что, следовательно, дальнейшие заискивания перед Римом при настоящих обстоятельствах бесполезны.

Много шума наделал в Церкви семейный вопрос, соединенный с не допускаемым церковными правилами четвертым браком Льва. Первая супруга Льва Феофано скончалась в 893 г. Зоя, дочь Стилиана Чауша, бывшая предметом внимания Льва еще при жизни Феофано и состоявшая в браке с Феодором Гузуниатом, вскоре овдовела, так что не было более непреодолимых препятствий к тому, чтобы придать законную форму давно уже продолжавшейся связи. Но прежде чем устранены были некоторые затруднения, Зоя допущена была жить во дворце, а отцу ее дан был титул василеопатора, как стал с этого времени обыкновенно называться царский тесть. Препятствия заключались в слишком большой гласности связи царя с Зоей, в распространенной молве о том, что Зоя виновна в преждевременной смерти своего мужа и самой царицы Феофано. Пользовавшийся большим влиянием на царя монах Евфимий, бывший потом патриархом (907—912), представлял всяческие доводы, чтобы отговорить его от этого намерения, но царь рассердился на него и заточил его в монастырь св. Диомида. В конце 904 г.* Льва повенчали с Зоей, далеко, впрочем,

* Вероятна ошибка — 894 *(Ред.)*

не торжественным чином; совершивший таинство священник подвергся за это запрещению. Но действительно Льва преследовал злой рок в его брачных делах. Вторую жену он потерял в 896 г., а третья его супруга Евдокия жила только один год (899) и была погребена в первый день пасхи 900 г., к соблазну церковных людей, так как в первый день светлой недели не допускается погребения [5]. Царь Лев привык, впрочем, при патриархе Стефане, своем брате, и при его преемнике, дряхлом и безвольном Антонии, свободно распоряжаться церковными делами и вторгаться в чуждые для светского правительства сферы. Это было возможно до тех пор, пока архиепископы Константинополя поступались своими правами в пользу царской власти. Но обстоятельства совершенно изменились, когда на епископскую кафедру в столице был избран Николай по прозванию Мистик, человек прекрасного образования и высокого ума, который воспринял церковные идеи патриарха Фотия и не мог допускать нарушения церковной дисциплины, к соблазну верующих. При оценке характера этого патриарха важно иметь в виду, что он был в родстве с Фотием, у которого учился вместе с царем Львом, «своим названым братом». В первые годы царствования Льва он, как и многие из приверженцев Фотия, был в немилости и жил в монастыре, но затем ему открылась служебная дорога; по смерти патриарха Антония выбор двора остановился на Николае, занимавшем тогда в придворном ведомстве должность мистика; его избрание и посвящение произошло в весьма короткий промежуток времени, с половины февраля 901 г. до 1 марта. Несмотря на все уроки и неприятные замечания со стороны Рима по вопросу о посвящении в епископы Константинополя и патриархи в короткий срок, Восточная Церковь не считала для себя обязательными эти замечания и имела к тому основания, так как многие из патриархов, избранных без соблюдения сроков, оказались наиболее полезными для Церкви деятелями. Патриарх Николай, как ученик Фотия, пытался осуществить в управлении Церковью лучшие заветы своего учителя [6]. Между тем, потеряв третью супругу, царь имел намерение вступить в четвертый брак. Это тем более представлялось неизбежным, что в 905 г. вследствие сожительства его с девицей Зоей Карбонопси родился сын, которого он горячо желал и в котором надеялся иметь своего преемника на престоле. Но сын был рожден не в браке, кроме того, для вступления в законный брак после трех венчаний имелись значительные препятствия в обычаях и правилах Восточной Церкви. Так как дело зашло уже слишком далеко и не было ни для кого тайной, что Зоя живет во дворце, хотя и невенчанная, то домогательства царя оформить с канонической и юридической стороны весьма сложный и далеко не обычный случай обратили на себя общее внимание и сделались предметом публичных разговоров. Прежде всего предстояло разрешить применительно к церковной практике дело о крещении родившегося от Зои сына. Патриарх и бывшие при нем архиереи пытались представить царю всю несообразность с существующими положениями его требования крестить рожденного вне брака младенца с «подобающими царскому сыну почестями» [7]. Но царь настаивал на своем и в конце концов убедил патриарха сделать ему в этом отношении уступку, обязавшись с своей стороны честным словом и клятвой, как скоро совершено будет крещение, удалить Зою из дворца и порвать с ней связь. Таким образом, в праздник

Богоявления, 6 января 906 г., младенец был крещен в присутствии высших сановников империи самим патриархом Николаем, причем восприемниками были царь Александр, младший брат царя, и старец Евфимий, духовник Льва. Новокрещеный получил имя Константина. Это был действительно законный преемник на престоле царей Льва и Александра, знаменитый своей литературной деятельностью царь Константин VII Порфирородный. Хотя торжественно совершенным актом крещения он причислялся к царской семье, но в церковно-юридическом смысле его права еще не были вне сомнений.

Лев не мог решиться расторгнуть союз с Зоей и спустя три дня после крещения сына снова ввел ее во дворец и требовал к ней таких же знаков почтения, какими удостоена по ритуалу сама царица. Для будущего наследника престола весьма важно было, чтобы совершенно изгладилось пятно незаконного рождения, для чего представлялось единственное средство — вступить Льву с Зоей в законный брак. Но как победить настойчивость патриарха? Исчерпав в этом отношении все средства, царь нашел возможным обойтись без согласия патриарха и официальной Церкви и удовлетворился совершенно скромным церковным венчанием чрез некоего пресвитера Фому, как, впрочем, поступали не раз и его предшественники. Лев усугубил допущенное им отступление от церемониала и тем, что сам возложил на свою супругу и царскую корону. Это и есть знаменитый в истории церковных нестроений *четвертый брак*, который в течение целых десятков лет держал в напряжении патриархат и влиял на его отношения к Римскому престолу.

Неожиданный оборот дела привел в немалое смущение, по выражению патриарха Николая (письмо 32), архиерейский и иерейский чин и все государство. В Восточной Церкви вообще были строгие взгляды на повторяемость брака, в особенности это не допускалось для лиц царской крови. Второбрачных и троебрачных подвергали эпитимии, к четвертому браку тем более относилась Церковь с беспощадным презрением, приравнивая его к незаконному сожитию и блуду. Гражданские законы, изданные Василием и самим Львом, осуждали и третий брак, а четвертый признавали совершенно недозволенным[8]. При указанном положении дела для Константинопольского патриарха было чрезвычайно затруднительно определить свое отношение к совершившемуся факту. «Что мне было делать,— писал впоследствии патриарх Николай,— молчать и спать или мыслить и действовать». Он пытался употребить личное свое влияние на царя, убеждал его удалить Зою, хотя бы на время, чтобы исполнить элементарные требования законности. Хотя царь, говорил он, есть неписаный закон, но не для того, чтобы беззаконничать и делать все, что вздумается, а чтобы по деяниям своим быть тем, чем является писаный закон: ибо, если царь будет врагом законов, кто же будет их бояться? Видя, однако, что все убеждения бесполезны, Николай дает совет удалить Зою впредь до созыва на Собор представителей от всех патриархатов, которые должны будут решить этот вопрос. Царь согласился на предложение патриарха созвать Собор, но положительно отказал в той части совета, которая касалась удаления из дворца Зои. Знакомый с событиями церковной истории и с положением патриархатов, царь имел все основания предполагать, что на Соборе ему удастся достигнуть своего заветного желания.

Прежде чем состоялся этот Собор, отношения между царем и патриархом осложнились тем, что, уступая требованиям части духовенства, патриарх решился наложить на императора церковную эпитимию, которая состояла в отлучении от причащения и в запрещении совершать некоторые действия в богослужении, совместные с его царским достоинством (каждение, участие в великом входе и др.). Видимо подчинившись этому церковному распоряжению, царь в душе питал против патриарха раздражение и придумывал средства сломить его настойчивость или по крайней мере устранить его влияние на имеющих прибыть в Константинополь представителей папы и восточных патриархов. Между прочим, он старался заподозрить патриарха в политической неблагонадежности, раздувая молву о сношениях его с бунтовщиком Андроником Дукой и приписывая ему враждебные замыслы на жизнь царя [9]. По обычному в жизни государства церемониалу, патриарху и царю необходимо было часто встречаться в праздничные дни на глазах народа и придворных чинов, и при этом не раз натянутые отношения между церковным и светским владыкой проявлялись, к общему соблазну, в довольно резкой форме. Так, в праздник Рождества Христова, когда царь входил в храм св. Софии, патриарх встречает его в царских вратах и обращается к нему с такими словами: «Не угодно ли будет вашему царскому величеству пройти боковыми дверями с правой стороны: мы вам разрешим без колебания вход через царские врата в Богоявление. Если же вы захотите пройти теперь, то знайте, что мы удалимся из храма». На этот раз царь исполнил желание патриарха и вошел боковыми дверями, чтобы стоять при входе. Но когда в Богоявление снова встретилось препятствие к допущению царя принять участие в церковном входе, то Лев выразил свое раздражение в резкой форме: «Ты, кажется, хочешь издеваться, патриарх, над нашим величеством; не ожидаешь ли мятежного Дуку из Сирийской земли и не в надежде ли на его помощь так презрительно относишься к нам?» После таких объяснений, которые, конечно, стали известны присутствовавшим и были разнесены по городу, дальнейшее пребывание патриарха Николая во главе Церкви становилось весьма затруднительным. Царь, с своей стороны, стал привлекать на свою сторону часть митрополитов и духовенства и подготовлять себе партию в будущем Соборе, которая бы снисходительней посмотрела на дело о четвертом браке. Наконец 1 февраля 907 г., за несколько недель до прибытия уполномоченных от патриархов, царь пригласил к себе на трапезу патриарха и нескольких митрополитов и после стола начал выражать свои жалобы на то, что патриарх не держит своего слова, унижает царя публично, в присутствии сената и духовенства. Когда же Николай стал приводить в свое оправдание церковные правила и волю архиереев, царь разгорячился и наговорил много резких слов и, между прочим, снова сделал намек на изменнические сношения с Андроником Дукой. Но конец этой царской трапезы превосходил все ожидания. Выразив мысль, что он предоставил решение вопроса о браке с Зоей Карбонопси местоблюстителям святых патриарших престолов и что, как уведомляют его Лев Хиросфакт и Симеон асикрит, его уполномоченные для ведения об этом переговоров, из Рима и от патриархов Антиохии, Александрии и Иерусалима уже отправлены легаты с примирительными поручениями, закончил следующими словами: «Я буду теперь

спокойно ожидать решения Собора, как будет устроено мое дело, так и будет. Но точно так же и вам, владыки и святые отцы, повелеваю поступить по моему примеру. Вы будете удалены из города вместе с патриархом и останетесь в заключении до тех пор, пока не окончится мое дело решением Собора». Таким образом наиболее настойчивая часть духовенства, которая могла повлиять на расположение новоприбывших членов Собора, была своевременно удалена из Константинополя.

На этом, однако, не остановился император. Из переговоров с некоторыми духовными лицами он вынес убеждение, что в своих мерах против патриарха он найдет поддержку в значительной части духовенства. Тогда он предложил патриарху добровольно отречься от власти, поручив ведение переговоров по этому вопросу протовестиарию Самоне и некоторым митрополитам. Под давлением обстоятельств патриарх дал собственноручную запись, что он отрекается от кафедры, но удерживает за собой архиерейский сан. Эта последняя оговорка сделалась впоследствии причиной новых церковных смут, так как приверженцы Николая — партия николаитов — продолжали видеть в нем своего духовного вождя и после того, как место его занял синкелл Евфимий*. После того как получено было отречение Николая, царь озаботился избранием ему преемника. Кандидатом оказался угодный царю монах, игумен монастыря Псамматии и синкелл Евфимий, в котором никак нельзя было ожидать энергии и настойчивости бывшего патриарха. Евфимий отличался аскетическим образом жизни, пользовался большим уважением как подвижник и незлобивый человек, от которого всего можно добиться, по словам его жизнеописателя, если нанести ему достаточное оскорбление. Он, впрочем, долго уклонялся от сделанного ему предложения и уступил только личной просьбе и настоянию Льва, который поставил перед ним следующую угрозу: «Если ты будешь сопротивляться, то я впаду в пропасть отчаяния и бесстрашно буду делать всякое зло и лукавство, и Господь взыщет душу мою от рук твоих». Таким образом была поколеблена воля Евфимия, и он согласился принять на себя управление Константинопольским патриархатом. Между тем в конце февраля 907 г. прибыли уполномоченные из Рима и от восточных патриархов и составили Собор, на котором не было ни патриарха Николая, ни его приверженцев и который, как и ожидал царь, весьма снисходительно отнесся к главному предмету, предложенному на его обсуждение. Римская Церковь придерживалась в вопросе о повторяемости брака более снисходительных взглядов, чем Восточная, поэтому римские легаты не признавали предосудительным четвертый брак Льва с Зоей Карбонопси, между прочим, и потому, что «нет греха, побеждающего человеколюбие Божие» и что папа, получивший от Христа власть вязать и решить, мог освободить Льва от эпитимии, не расторгая заключенного им брака.

По всему видно, что собравшиеся члены Собора были хорошо предрасположены в пользу благоприятного для царя решения дела, так как прежде всего они не поставили никаких затруднений по случаю

* Подлинный акт отречения стал известен недавно: Byzant. Zeitschrift. I. S. 551 (L a m b r o s. Die Abdankungsuikund d. Patriarchen N. Mystikos).

неявки на Собор патриарха Николая и разделявших его взгляды епископов и сочли себя вполне компетентными обсуждать предложенный им вопрос без участия противной стороны. Как можно заключить из письма Николая к папе Анастасию [10], папские легаты вообще не считали преступным повторяемость брака и ссылались на слова апостола Павла: безбрачным и вдовам говорю... если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться [11]. Но в частности, мы не знаем, как происходили совещания на Соборе и в какой форме постановлено было решение. Это последнее касалось двух сторон: 1) отцы Собора согласились принять Льва в общение с Церковью, не расторгая его четвертого брака; 2) признали патриарха Николая подлежащим извержению*, а Евфимию предложили принять на себя управление Церковью. Деяния Собора, по обычаю, были отправлены в Рим и утверждены папой, но от этих актов не сохранилось следа.

Дело о четвертом браке этим не окончилось. В Константинопольском патриархате образовались две враждебные партии: защитники церковной дисциплины, отстаивавшие свободу Церкви против вмешательства царской власти, и сторонники Льва, одобрившие его четвертый брак и снявшие с него церковную эпитимию. Повторились те же явления, какие происходили в IX в. при патриархе Фотии; как прежде образовались две Церкви, Фотиева и Игнатиева, так и в настоящее время николаиты и евфимиты в Константинополе и провинциях разделяли на две враждебные партии всех верующих. Новый патриарх на первых порах думал обуздать строгостию тех епископов и священников, которые не хотели иметь с ним общения, так, он исходатайствовал наказание ссылкой для митрополитов Ефесского и Ираклийского, но опальное духовенство не уступало, а патриарх Николай поддерживал своих приверженцев надеждой на перемену обстоятельств. В этом он не ошибся. Через пять лет, проведенных им в заточении, патриарх Николай в 912 г. был вызван снова в Константинополь с целью «устроить церковные дела согласно с канонами». Престарелый Евфимий был удален с кафедры и возвратился в устроенный для него монастырь τοῦ Ἁγαθοῦ**, а Николаю предстояло начать свое второе патриаршество при условиях весьма неблагоприятных. Приверженцы низложенного Евфимия были многочисленны и не хотели подчиняться Николаю, который, чтобы сломить сопротивление, составил Собор и осудил Евфимия на лишение сана и пожизненное заключение, а его приверженцев подверг разным наказаниям. Кроме восстановления внутреннего порядка в Церкви патриарху Николаю предстояло начать переговоры с Римом по делу о четвертом браке, которое прервало сношения между Церквами. В обширном послании на имя папы Анастасия III патриарх изложил весь ход дела о четвертом браке, указал разности Римской и Константинопольской Церкви в воззрениях на повторяемость брака и предлагал вновь проверить действия римских легатов и исправить неправильные решения, принятые на Собо-

* Все данные в обширном 32-м письме патриарха Николая: οἱ πρὸ κατάστασιν τῶν πραγμάτων ἀπεσταλμένοι Ῥωμαῖοι... καθ' ἡμῶν ἐκβροὴν ἐξορίαν [римлянам, посланным для умиротворения,.. выпало у нас изгнание]. Это слово можно толковать как изгнание и как извержение.

** Агафский монастырь. *(Ред.)*

ре в 907 г. Но на этот раз предложения патриарха были приняты холодно, на них не последовало ответа. Не входя здесь в излишние подробности, ограничимся замечанием, что в 920 г. наконец удалось патриарху Николаю снова подвергнуть обсуждению вопрос о четвертом браке на Соборе из представителей обеих враждующих партий, николаитов и евфимитов, и достигнуть единогласного постановления, осуждавшего четвертый брак как недопустимый в христианской стране. Это известный в истории брачного права ὁ νόμος τῆς ἑνώσεως. Папа Иоанн X прислал в Константинополь двух епископов, Феофилакта и Кара, которые присоединились к решению Константинопольского Собора и осудили четвертый брак (920). Окончательное примирение по поводу возбужденных при этом споров последовало лишь при патриархе Сисинии II (996—999), т. е. вопрос о браке Льва с Зоей занимал Константинопольскую Церковь почти сотню лет и, несомненно, сопровождался весьма вредными влияниями в истории развития церковных идей.

Рассмотренный вопрос, на котором мы сочли необходимым остановиться довольно подробно, отмечает весьма рельефно настроение византийского общества и может знакомить с теми принципами, какими приводилось в движение общественное сознание. Легко понять, что вопрос о церковном взгляде на четвертый брак стал основой, по которой вышивались разнообразные узоры, даваемые современной жизнью. Вместе с его развитием обострялись и отношения между Римом и патриархом, и находили себе в то же время пищу для дальнейших споров церковные партии в самой Византии. В смысле личной характеристики Льва Мудрого здесь также получаем важный материал. Действия и распоряжения царя должны быть рассматриваемы параллельно и проверяться сопоставлением одного с другим. Поставив круто дело с противниками его желаний и перенеся на личную почву вопрос о крещении своего сына, прижитого вне брака, император отрешил себя от всяких обязательств и стал позволять себе обман и ложные клятвы. После законодательства IX в., точно определившего отношения между светской и духовной властью, Лев как будто пытался исправить сделанное Фотием и дать преобладающее значение императору над патриархом в сфере духовных дел. Это может быть рассматриваемо как определенная тенденция первых царей Македонской династии, пытавшихся соединить в своей семье царскую и патриаршую власть. До какой степени безграничны были притязания царя и как он издевался над церковными правилами, принятыми в смысле канонических устоев, показывает хотя бы то, что он же, домогаясь утверждения четвертого брака, издал новеллу, определяющую церковное наказание для вступающих в третий брак, а еще в другой новелле незаконное сожительство позволял себе называть не только оскорблением веры, но и природы[12]. С этой точки зрения упорное сопротивление патриарха домогательствам царя получает в наших глазах значение настоящего подвига. Личные качества Льва оказываются далеко не привлекательны, если ближе всмотреться в его действия и в окружающую его обстановку. Получив лучшее по тому времени образование и окруженный в юности просвещенными учителями и даровитыми товарищами, Лев, однако, не умел употребить свои знания в дело и в практической жизни не отличался от посредственностей. Можно полагать, что, богато одарив Василия, природа мало дала его сыну. Даже его литературная деятель-

ность, проявившаяся в разных областях, не идет далее обычной стилистики и подражательности. Таковы его церковные слова и поучения на праздники и памяти святых, часть коих остается неизданной [13]. Ему принадлежит, кроме того, несколько церковных песнопений, послание к калифу Омару. Но присвоенное ему наименование Мудрый скорей можно оправдать приписываемыми ему в средние века сказаниями о будущих судьбах империи и города Константинополя [14].

Основные черты к характеристике Льва Мудрого в обилии черпаются из современных писателей и в особенности хорошо рисуются по той среде, которая вокруг него образовалась. Прежде всего злым гением Льва следует назвать уже много раз упомянутого Стилиана Чауша, отца второй его жены, по имени Зоя. Этот Стилиан, возведенный в звание василеопатора, для него в первый раз при дворе учрежденное, пользовался неограниченным влиянием на слабовольного царя. Стилиан происходил из Армении и начал свою карьеру еще при царе Василии I, который возвел его в звание этериарха, или главного начальника над чужеземными дружинами, поступавшими на службу империи. Влияние его, между прочим, проявилось в семейном деле царской фамилии, когда Василий по проискам Сантаварина думал ослепить своего сына и лишь по настойчивым представлениям василеопатора отказался от этого намерения. Есть мнение, что Василий назначил его опекуном над своими сыновьями и поручил ему заведование всеми делами. Отсюда естественно заключать, что Стилиан относится к числу тех армянских выходцев, которые сделали в Константинополе счастливую карьеру вместе с Василием и которые приняли участие в администрации империи со времени основания новой династии. В течение X и XI вв. мы встретимся с крупными деятелями в Византии, происходящими из армянской народности. Роль Стилиана, однако, не делает чести оценке людей основателя династии, ибо в царствование Льва он был виновником многих несчастий, имевших объяснение в его лихоимстве и излишнем доверии к недостойным людям. Так, между прочим, его доверенные лица Лев Мусик и Ставракий злоупотребляли продажей должностей, излишними поборами и притеснениями торговых людей на границе с Болгарией возбудили Симеона Болгарского на войну с империей. Дурное влияние Стилиана на государственные дела продолжалось до смерти его в 894 г. Но затем возвышается другой временщик, в лице Самоны, выходца арабского происхождения, который обратил на себя внимание царя доносом на подготовлявшийся при дворе заговор. Самона, возведенный в патрикии и получив придворную должность протовестиария, считался правой рукой царя и без меры злоупотреблял его доверием. В столь крупном вопросе, как дело о четвертом браке, Самона исполнял самые деликатные поручения царя и пользовался полным его доверием. Он, между прочим, воспринимал от купели вместе с патриархом Николаем сына царя Константина, он поддерживал всем своим влиянием притязания Зои Карбонопси, которая с своей стороны защищала интересы Самоны и его приверженцев. В борьбе, завязавшейся между царем и патриархом, Самона был верным союзником Льва и ожесточенным врагом патриарха. На него была возложена задача вынудить патриарха дать отречение от престола. Будучи человеком весьма скромного происхождения, Самона заботился прежде всего о том, чтобы обеспечить на всякий случай

свое материальное благосостояние, так как понимал всю непрочность своего положения. В 909 г. прибыл в столицу его отец, имея вместе с другими мусульманскими посланцами поручение переговорить об условиях обмена пленными. Принятый радушно царем, он был поражен богатствами двора и так тронут оказанным ему вниманием, что выразил желание остаться в Константинополе и перейти в христианство, только советы сына остановили его от исполнения этого намерения. Причиной падения этого временщика был памфлет с ругательствами на царя, искусно подброшенный и прочитанный Львом. Когда было произведено дознание, то оказалось, что его составил Константин Родий по приказанию Самоны, якобы от имени его соперника, которого ему хотелось заподозрить в глазах царя. Виновника постигла наконец кара: он был пострижен в монахи и заключен в монастырь. Некоторое время у царя имел значительное влияние человек совершенно других качеств, чем упомянутый выше, это был Лев Хиросфакт, родственник четвертой супруги Льва. Нося сан магистра, Лев оказал царю важные услуги, будучи употребляем для дипломатических поручений в чужие земли. Три раза он правил посольство в Болгарию и раз был отправляем к сирийским арабам. Оказанные им услуги и его значение в истории того времени выясняются из его переписки [15]. Таково, например, его письмо к императору Льву (ер. 18).

«Государь! Если мое ходатайство, изложенное в прежних письмах, не побудило твою державу к милостивому ко мне отношению, я ссылаюсь как на ходатаев перед тобой на мои три посольства, которые я держал в Болгарию, и на мою миссию в Сирии, имевшую десяток целей. Между прочим, я освободил из агарянского плена сто двадцать тысяч пленных и заключил с арабами мирный договор; с другой стороны, я принес в дар твоему царству тридцать крепостей в феме Драч со всем богатством и со всеми жителями, наконец, когда болгаре задумали занять и заселить завоеванную и опустошенную агарянами Солунь, я побудил их не делать этого. Если затем припомнить мое посольство к правителю правоверных, то надеюсь, что признаешь основательным мое выражение о десяти удачных делах. Заключение мирного договора; освобождение томившихся в плену соплеменников и, наконец, прибытие вместе со мной мусульманских послов с поклоном твоему царскому величеству и со многими дарами; далее, я привел с собой в столицу представителей восточных патриархов, Антиохийского и Александрийского, для участия в Соборе; я достиг того, что две сарацинские провинции стали платить дань ромэйской державе; не говорю уже о мирном соглашении с эмиром Мелитены и освобождении бывших там пленников, равно как о заключенном с эмиром Тарса договоре, вследствие которого после каждого двухлетия войны должен быть год спокойствия и обмена пленными*. Вот, государь, что я полагаю в качестве защитников

* /Ἵνα τὴ λεγοιμι — τὸ μετὰ Ταρσιτῶν δῆσαι σπονδὰς καὶ αὸτας ἐγγράφους οὔσας, ἅς περιέουσιν ἐπὶ δοσὶν ἔτεσιν τὸν πόλεμον μόυον συνέστασθαι, τῷ δὲ τρίτῳ καὶ ἐιρηνεύειν καὶ ὑπαλλάσσειν./

по моему ходатайству. Если же это тебя не тронет, вспомни, что я нахожусь в родстве с твоей супругой».

И тем не менее этот государственный деятель подвергся опале по наветам Самоны и был сослан в заточение, откуда и обращался с просительными письмами к царю. Заслуги Льва Хиросфакта, о которых имеются сведения и в летописи того времени, были действительно весьма ценны столько же в интересах государства, как и по отношению лично к царю.

Между письмами, нас занимающими, обращают на себя внимание те, которые писаны к Симеону и от него получены; они весьма характерны для обоих корреспондентов, представляя собой литературный турнир и забавную игру словами. Главное содержание их касается выдачи пленных, но о пленниках совершенно забываешь за дешевым остроумием и схоластикой. Приводим несколько выдержек.

«Магистр Лев,— пишет Симеон,— совсем ты не был осведомлен относительно будущего и тайного, написав нам то, что написал, хотя, впрочем, и твой царь, и метеоролог отнюдь не сведущи в будущем. Правда, у меня было на уме возвратить пленных, но теперь я решил не посылать, поскольку ты не угадал будущего и дабы не пришел к легкой мысли, что я отошлю пленных, и не имел права на получение награды за предсказание. Желаю здравствовать». Не менее остроумно и непринужденно пишет Лев к Симеону: «Я получил твое письмо, на котором отсутствует обычный знак креста в начале, и поражен величием присущей тебе откровенности: двусмысленностью своего маленького писания и упущением обычного знака ты незаметно подчеркнул неискренность его. Мы бы дали веру тому, что в письме изложено, не только на основании его содержания и благорасположенности к отцу и царю, но также и потому, что оно снабжено в начале крестным знаком; но теперь мы должны признать неискренним настоящее письмо и признать его более легкой шалостью, потому что в нем все несогласно с прежним письмом» *.

* Письма 3 и 14.

Глава XIV

Византия и Русь. Договоры. Путешествие св. Ольги в Константинополь

/ Исходный пункт в вопросе о происхождении руси есть начальная *русская летопись и византийские известия*, из которых школы заимствуют средства к нападению и защите. А так как византийские известия старше русской летописи, то они имеют и бóльшее значение в нашем вопросе.

Древнейшие упоминания о руси относятся к первой половине IX в. [1]

Любопытная особенность древнейших известий та, что в *них русь представляется под властью кагана.* Если сопоставить с этим то обстоятельство, что митрополит Иларион в похвальном слове Владимиру называет его *каганом нашея земли*, то отсюда получается следующий вывод: Русское государство существовало и прежде 862 г. под управлением кагана. Эта Русь, которую одни называют черноморской, другие поморской, иные киевской, совершала морские походы и опустошала берега Черного моря еще до основания норманнского господства в Новгороде.

Далее целый ряд известий *о Руси* относится к походу *Аскольда и Дира* на Константинополь. Важность этих известий усматривается из того, что они идут от такого авторитетного лица, как патриарх Фотий [2], и освещают события 865 и 866 гг. Но патриарх Фотий не думал, что через 1000 лет поднимется горячий спор о происхождении руси, и не сделал никакого намека на то, какая русь нападала на Константинополь: славянская или скандинавская. Известия Фотия заключаются в следующем. В одной беседе он говорит о руси:

> «Откуда разразился над нами этот иперборейский и страшный удар громовый! Вышло с севера войско, поднялись племена с крайних пределов земли. Слух не предупредил об их походе, неожиданно было появление их и причиненные нам страдания. Между тем сколькими странами и племенами и реками судоходными и морями, не имеющими гаваней, мы отделены от них?»

В другой беседе характеризуется русь более типическими чертами.

> «Это народ неизвестный, не важный, народ, причисленный к рабам, не имевший значения, но получивший известность и прославившийся от похода на нас, ничтожный и бедный, но достигший высоты и обогатившийся, народ, где-то вдали от нас живущий, варварский, находящийся в кочевом быту, надменный своим оружием, беззаботный, упорный, не признающий военной дисциплины; этот-то народ быстро, во мгновение ока, как морская волна, нахлынул на наши пределы».

В 867 г. Фотию еще раз пришлось говорить о руси в окружном послании к епископам:

> «Не только болгаре обратились к христианству, но так же и тот пресловутый народ, который всех превосходит грубостию и зверством, т. е. так называемая русь. Этот народ, поработив соседние племена и чрез то чрезмерно возгордившись, поднял руку и на Ромэйскую империю. Но теперь он переменил эллинскую и безбожную веру на чистое христианское учение, вступив в число преданных нам и друзей».

В приведенных местах нет такого признака, который бы давал нам повод извлекать из них доказательства в пользу скандинавской или противоположной ей школы. Оттого приверженцы той и другой объясняют эти места каждый в пользу своей теории.

Но можно по крайней мере видеть, что недостает в известии Фотия *этнографического и географического признака*: славян подразумевают византийцы, говоря об руси, или русь, призванную из-за моря, скандинавскую?

Ряд писателей, свидетельствующих о нападении руси на Константинополь при Игоре, дает этой руси название *Русь Дромиты* из рода Франков [3].

Этими местами в сущности нельзя пользоваться для разрешения нашего вопроса, потому что самое слово «Дромиты» возбуждает много споров и едва ли не представляет ошибочного чтения (вместо «дронгиты» от δρόγγος).

В сочинениях Константина Порфирородного, который знал об руси не понаслышке, ибо он принимал у себя княгиню Ольгу и интересовался особенностями русского быта, встречаются разнообразные сведения о руси X в. Так, из его сочинений узнаем, что русь играла довольно важную роль в византийской морской службе: в критском походе 902 г. участвовала русская эскадра с 700 человек экипажа; в итальянском походе 936 г. упоминается 415 русских; в другом критском походе, 949 г., участвовало 9 русских судов и на них было экипажа 629 человек. Независимо от того русь служила в царской гвардии. Но если мы отнесемся и к Константину с запросом — славянская это русь или скандинавская, то прямого ответа у него не найдем. Есть, правда, одно место, по моему мнению, недостаточно оцененное, в котором можно видеть намек на *географическое положение руси* [4]:

> «Русские соседят с печенегами и последние часто грабят Россию и вредят ей. Русские стараются жить в мире с печенегами, ибо покупают у них волов, коней и овец, которых в России нет».

В этом замечании как будто видится указание на противоположность между Великороссией и Малороссией; первая и ныне нуждается в хорошем скоте, который доставляется из Малороссии.

Наконец, приведу еще несколько мест, которые тем больше должны иметь интереса, что в первый раз пускаются в научный оборот. Таковы, между прочим, загадки на слово Рῶς (из бумаг Газе, в Парижской национальной библиотеке):

1) Имя мое мученик и в то же время птица. По отнятии трех первых букв ты увидишь *гордое надменное языческое племя* (γένος). Загадка дана на слово Φλῶρος и относится к языческой эпохе Руси.

2) Меня производит сладко рождающее животное, одаренное способностью летать. Я часто нахожусь в храмах и пользуюсь вниманием молящихся. Если отнимешь две первые буквы, то три остальные будут обозначать *надменной гордости варвара скифа*. Эта загадка дана на слово κηρός — воск, она снабжена притом разгадкой, в которой прямо обозначено, что по отнятии первых двух букв данное слово значит *русский народ*. Итак, *варвар скиф и русский народ в представлении византийцев X в. суть равнозначащие термины*.

Не менее любопытна надпись на пьедестале одной колонны, стоявшей на Тавре, которая толковалась в том смысле, *что Русь завоюет Константинополь*[5]. Это толкование надписи относится к X в. и притом не может иметь в виду той руси, которая служила во флоте и гвардии византийского императора, ни единоплеменной с ней скандинавской руси в Киеве.

Итак, византийские известия о руси вообще не дают ответа на географические и этнографические запросы, не позволяют с точностью определить — норманнов или славян подразумевали византийцы, говоря о руси. Но мы видели также слабый географический намек у Константина, заметили затем параллелизм представлений о скифе и русском и, наконец, отметили, что предсказание о завоевании Константинополя Русью несовместимо с допущением в военную службу той же руси и в ту же эпоху.

Но в русской и византийской летописи есть другие термины, и не заменяющие слово «русь», или параллельно употребляемые. В русской летописи двойник руси — варяги, в византийской — скифы. В нашей летописи «русь» является заменителем термина «варяги». Варяги в летописи даже предшествуют руси: «имаху дань варязи (859), из наша варязи за море (862), от тех варяг прозвася Русская земля». Слово «варяги» есть двойник «руси», эти слова находятся в таком тесном родстве, что у нас обычны выражения: варяжские князья, варяги-русь, варяжский вопрос и т. п. Византийцам хорошо известен этот этнографический термин, который у них также употребляется (в XI в.) рядом с русью. В истории борьбы русских школ варяги составляли своего рода приз, за которым долго гонялись норманнисты и их противники. Но так как и варягов не удавалось приурочить ни к какой местности в Европе, то понятно, что погоня за этим призом была безуспешна. Ныне вопрос о варягах утратил свой острый характер, после того как стало известно, что норвежский герой Гаральд (XI в.) *был сыном короля Варангии*[6], т. е. что Норвегия называлась землей варягов. Так как в XI в. византийцы, ставя рядом варягов и русь, не смешивают одно имя с другим, то очевидно, что они различали этнографически эти термины и, следовательно, вопрос о руси остается еще открытым, хотя и доказано скандинавское происхождение варягов.

Остается, таким образом, другой двойник руси — скифы. Уже у писателя Льва Диакона, принимавшего личное участие в войне с Святославом, русские называются скифами и тавроскифами. Впоследствии это смешение этнографических терминов становится у византийских писателей обычным. Позднейшие писатели, упоминая даже о походах руси X в. и о чудесной помощи, оказанной Влахернской Богоматерью, называют нападавших скифами. В одном рукописном своде в конце

Богородицы перечисляются враги, против которых она мужественно обороняла Византию,— это персы, скифы, агаряне, болгаре и латиняне. В XVII в. икона Влахернской Богоматери привезена была в Москву, причем сообщена и история этой святыни, в которой описано место, где потонули *кагана скифского* корабли [7].

Вопрос о происхождении руси, поставленный в близкую связь с скифским, далеко не исчерпывается. Но я не могу долее останавливать на нем ваше внимание. Если бы вы спросили меня теперь, к которой школе сам я присоединился бы охотней, я бы ответил: к норманнской, хотя не без сожаления. На сторону норманнской школы обязывает стать рассудок и логика сохранившихся текстов, но к противоположной школе влечет чувство и опасение пожертвовать живой действительностью, наблюдаемой в жизни и деятельности Руси X в.

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать:
В Россию можно только верить!/ *

С началом X в. русские князья начинают принимать участие в европейских событиях и Русь как этнографический термин, чем дальше, тем с большим напряжением и постепенно выясняющимся характером культурного европейского народа входит деятельным элементом в кругозор византийских и восточных летописцев. Следует думать, что начавшиеся со времени похода Аскольда и Дира и введения христианства после 860 г. сношения не прекращались до начала X в., когда Русь поддерживала уже с Византией соседские торговые и дружественные отношения и когда некоторые из русских состояли на военной службе империи, о чем в первый раз имеется указание в истории критского похода патрикия Имерия при Льве Мудром [8]. С тех пор Русь, даже с точным обозначением ее приобщения к христианской вере **, в течение X в. многократно встречается в военной, торговой и дипломатической истории Византии. Уже и сами по себе эти упоминания об отрядах русских, число которых до Владимира Святого колеблется в разное время от 415 — до 700 и которые участвовали в походах императорского флота на отдельных военных судах, снаряженных правительством, и получали за это определенное жалованье, могли бы подать повод к заключениям относительно способов и средств, какими были достигнуты эти благоприятные результаты по отношению к воинственному народу, только что начавшему свой героический период. Весьма вероятно, что ко времени организации похода Имерия против Крита в Константинополе была уже постоянная русская колония и что приглашаемы были к участию в военных походах охотники из этой колонии. С другой стороны, в письмах патриарха Николая Мистика, которыми мы занимались вы-

* Значительная часть этой главы утрачена. В дополнение мы помещаем здесь (в косых линейках) фрагмент речи «Русь и Византия в X веке», произнесенной Ф. И. Успенским 11 мая 1888 г.,— остальной текст Речи см. в Приложении. *(Ред.)*

** Οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς (De cerimoniis 579)

ше, указывается, что в ожесточенной борьбе, завязавшейся между Болгарией и Византией в первой четверти X в., русские приглашаемы были в союз с империей уже не в смысле небольшого отряда добровольцев, а как народ, живший на северной границе и могущий сделать движение на Болгарию или на ее союзников в Юго-Восточной Европе. Так как в этих фактах заключаются древнейшие известия о международном значении Руси, то ясно, что их недостаточно только принять к сведению и, так сказать, внести на приход, но следует объяснить и дать надлежащее место в ряду других однородных фактов.

Исследователи древней истории России вполне основательно выдвигают крупное в культурном отношении значение сношений Византии с Русью и приписывают им громадное воспитательное по отношению к Руси влияние. Не становясь здесь в положение ни защитника, ни порицателя перешедших на Русь из Византии понятий и обычаев, отразившихся в разных русских учреждениях, по преимуществу же в устройстве Церкви и в развитии великокняжеской и царской власти, мы находим справедливым поставить в должные границы идею о заимствованиях и влияниях одной нации на другую, полагая эти границы в тех национальных устоях, которыми держится всякий народ, имеющий историческое призвание. Таким образом, заимствовала Русь из Византии по преимуществу то, что соответствовало ее собственным понятиям и вкусам. Как известно, в русской летописи после довольно загадочных известий о том, как началась Русская земля и что такое «варяги-русь», вставлены в летописный рассказ замечательные акты, именно договоры русских с греками. Если в составе летописного свода, в особенности на первых его страницах, встречается много сомнительных известий, заимствованных летописцем из народных преданий, то упомянутые договорные акты по самому формальному складу и по техническому содержанию в значительной части свободны от этого недостатка. Но и будучи освобождены от подозрения в подложности и вымысле, договоры не перестают оставаться до известной степени загадочными. Можно ли согласовать с культурным состоянием Руси в начале X в. то явление, какое представляют собой договоры с греками? Подобные акты, не имеющие современных примеров у других славян, заставляли бы приписывать Руси X в. немалое развитие как в государственном, так и в социальном и экономическом отношении. Поэтому литература этого вопроса весьма обширна, в ней затронуты русско-византийские отношения с разных точек зрения.

Но есть одно обстоятельство, которое отнимает у договоров часть их характера авторитетности и документальности. При чтении договоров нельзя не испытывать больших трудностей и недоразумений, происходящих от особенностей языка, иногда путаницы в расположении мыслей и часто странных выражений, нуждающихся в комментарии. Кроме того, настоятельно требует разрешения вопрос: как могли сохраниться до времени составителя так называемого Несторовского свода документы, которых нет следа в византийской летописи? По отношению к языку многое объясняется тем, что пред нами находится перевод с греческого оригинала, не совсем точно сделанный и в самом начале, но затем еще попорченный переписчиками и толкователями, читавшими древнюю летопись и пытавшимися объяснить ее для себя. По отношению к той

странной случайности, что сохранился только русский перевод договоров, а не греческий оригинал, указывают именно на такие характерные недостатки этого русского текста, которые не могут быть объяснены иначе как способом передачи на русский греческого выражения. Самая система составления договорных грамот, практиковавшаяся в Византии, хорошо объясняет, почему мог сохраниться перевод [9].

Лучшим и бьющим в глаза примером того, как странности русского текста находят себе единственное объяснение в соответствующем греческом выражении, служат известные слова: «равно другого свещания», повторяющиеся в начале почти всех договоров. Как то обстоятельство, что это выражение, неизменно и на одном и том же месте употребленное во всех договорах, выдает свой официальный и технический характер, так и его построение, необычное для русского языка, дает понять об его иноземном и переводном происхождении. В настоящее время выяснилось [10], что это выражение есть буквальный перевод весьма обычных в греческих актах слов: ἴσον τοῦ ἑτέρου συμβολαίου, что значит «копия» с другого договора или «список» с другой договорной грамоты. Этот технический термин τὸ ἴσον находит объяснение своего происхождения в обычаях византийского делопроизводства, по которым официальный акт составлялся в двух экземплярах. Каждая сторона получала два экземпляра договора: один на языке той стороны, с которой заключается договор, другой в виде копии с того же экземпляра на языке своей страны! *

Находя здесь излишним входить в оценку мнений по специальным вопросам относительно договоров, обращаемся прямо к их содержанию и начнем с общего заключения, что литературное значение и материальная документальность первых трех договоров — 907, 911 и 945 гг. — должны быть рассматриваемы под одним углом зрения. Во всех договорах выражается действительная жизнь и обрисовывается взаимное отношение между русскими и греками и все памятники дают одинаково ценный материал для характеристики быта и государственного положения Киевской Руси. Как официальные памятники, исходящие от народа, имеющего сложившиеся уже формы государственности и международных сношений, вызванных торговыми и другими культурными интересами, договоры представляют замечательный источник, которым, как и своим летописным сводом, она выгодно рисуется в истории славян той же эпохи. Для историка, если он встречается с новым и не находящим параллелей фактом, является обязательным подыскать для него возможную обстановку в предыдущих и последующих отношениях. Договоры, конечно, должны быть поставлены в связь как с приобщением Руси к христианству после нашествия на Константинополь в 860 г., так и с участием русских в военных походах, проходящих через все X столетие, которое необходимо предполагает постоянное пребывание в Константинополе русской колонии. В смысле исторической и материальной обстановки для договоров мы должны также указать на замечательный и мало еще раскрытый по его культурному значению факт — это путе-

* Выводы, сделанные на основании сообщения Алехандра о ходе дел при заключении договора между Персией и Византией в 628 г. Excerpta с Менандго ed. Bon. P. 359.

шествие великой княгини Ольги в Константинополь и церемониал ее приемов при дворе, подробно описанный в придворном дневнике и сохранившийся до настоящего времени.

Сущность летописного рассказа о договоре 907 г., если освободить его от наслоений, привнесенных разными сферами, в которых обращалась рукопись, состоит в следующем. Кроме дани на войско, принимавшее участие в походе, «по двенадцать гривень на ключ» греки обязались вносить «укшиды» на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и на прочие города. Эта статья договора, свидетельствующая о праве городов участвовать в заключении договоров, составляет весьма характерную особенность тогдашнего политического строя России и должна быть признана важным фактом. Далее в высшей степени ценны указания на торговые связи: русские, приходящие в Константинополь, получают от правительства продовольствие, купцы же имеют право на месячину в течение 6 месяцев и по миновании этого срока и по окончании торговых сделок возвращаются домой, будучи снабжены всем необходимым для пути. Русская колония, как и прибывавшие по делам в Константинополь временные посетители, помещались в определенном месте, именно, в квартале св. Маманта. Там они обыкновенно приставали, высаживаясь с судов, и там подвергались переписи, после чего им было выдаваемо содержание. Дабы предупредить всякие неожиданности, поставлено требование, чтобы русские входили в город для своих дел одними воротами в сопровождении царского пристава, не больше 50 человек зараз и без оружия. Договор обе стороны скрепили клятвою: византийские цари целовали крест, а Русь клялась «по русскому закону» оружием своим и призывала в свидетельство Перуна и Велеса. Таковы главнейшие черты, характеризующие договор 907 г., который на страницах летописного свода испытал некоторые дополнения и легендарную окраску.

Культурное значение завязавшихся между Византией и Русью отношений по преимуществу отмечается договорами 911 и 945 гг., которые и по своей форме вполне выдержали характер подобного рода документов, заключенных империей с торговыми итальянскими республиками. В занимающих нас договорах после перечисления имен русских послов, которые вообще отличаются неславянским происхождением, следует положение моральных и материальных мотивов к заключению договора и затем содержание договора распределяется по отдельным статьям. Таким образом, статьи 3—7 Олегова договора определяют наказания за убийство, раны, татьбу и грабеж — это статьи уголовного права, регулирующие жизнь русской колонии в Константинополе и ее отношения к местному населению. Здесь, между прочим, одной статьей решался вопрос о наследстве посла русского, умершего в Константинополе. Если отыщется завещание, то наследство переходит согласно воле завещателя; если же нет, то его берут соотечественники умершего и передают законным наследникам в России. *Статьей 8* договора предусматривается случай кораблекрушения.

Известно, что в то отдаленное время признаваемо было так называемое береговое право, по которому всякое судно, выброшенное волнами на берег, считалось собственностью тех, кому принадлежал берег; в средневековую эпоху это право имело большое значение, но обраща-

лось часто в разбой: береговые жители грабили нередко и те суда, которые просто приставали к берегу, и захватывали корабли. Даже в открытом море, считая его такой же собственностью, как и берег. Русские обязываются не брать себе греческих кораблей, пострадавших у их берегов, а должны со всею предосторожностью довести судно в Грецию; если же судно пострадало слишком сильно, то его отводят в Русь, груз продают и при первом удобном случае возвращают стоимость его грекам. Следующие главы договора объясняют, как действовать при выкупе пленных, какую сумму можно требовать за каждого; далее, в каком положении должны находиться русские, служащие в византийской службе, наконец, обе стороны обязываются выдавать друг другу преступников, и притом на равных условиях.

Договор Игоря от 945 г., кроме некоторых статей, касающихся бытовой и общественной жизни и сходных отчасти со статьями Олегова договора, освещает новые важные стороны отношений русских к Византии. Статья 2-я договора совершенно неожиданно для нас обставляет сношения киевских купцов и вообще руси с греками такими формальностями, которых трудно было бы искать в русском обществе в начале X в. Для предупреждения различных недоразумений и неприятностей византийское правительство требует, чтобы все русские, отправляющиеся в июне месяце в Константинополь, имели при себе грамоту от великого князя, где было бы обозначено, сколько идет людей и на скольких кораблях; только под таким условием русские могли быть рассматриваемы в Царьграде как люди, приходящие с «миром», а не как шайка разбойников. Если же придет какая-нибудь толпа русских без княжеской грамоты, то они будут удержаны греками, пока не будет дано знать русскому князю.

В этом договоре повторяются статьи о том, что русские должны жить около церкви св. Маманта и могут входить в город через одни ворота в числе *не больше 50 человек* без оружия в сопровождении «царева мужа».

Если, как выясняется из договоров, отношения Руси к Византии устраиваются правильно и обусловливаются договорами, то естественно искать других данных, которые бы подтверждали эти правовые государственные отношения. В таком смысле обращают на себя внимание те части договоров, которые касаются взаимных обязательств относительно спорных областей, равно как военного соглашения на счет посылки вспомогательных отрядов. Между прочим, *в 8-й статье* встречаем следующее постановление: «относительно херсонской земли и всех городов, которые в ней находятся, князь русский не имеет власти воевать эту страну, и она не покоряется русским». Если в 945 г. устанавливается пункт, исключающий херсонскую страну из-под зависимости Руси, то ясно, что бывали уже попытки Руси завладеть этой страною. Таким образом, те намеки на походы русских в Крым, которые находим в летописи, очевидно, имеют известное историческое основание. Как бы в вознаграждение Игоря за отказ его от обладания херсонской страной в той же статье договора определено: «если русский князь пожелает получить от нас вспомогательный отряд для своих войн, мы пошлем его в таком числе, как ему будет нужно». Эта статья подтверждается многократными упоминаниями в истории о русском военном отряде в войнах

Византии. Рядом с 8-й статьей договора необходимо поставить 10-ю и 11-ю, где также устраняется по возможности участие русских в делах черноморских.

> «Когда русские,— говорится в 10-й статье,— найдут херсонцев, ловящих рыбу в устьях Днепра, то да не причиняют им никакого зла, и да не имеют власти зимовать в устьях Днепра...»

Сказанного достаточно, чтобы дать понять о значении договоров Руси с греками для истории внутренней жизни русского народа и его политических отношений в X столетии. Договоры показывают, что Византия находила возможным вступать с Русью в международные сношения как с государством, правильно организованным. В государственном архиве империи хранилась формула письменных сношений с русским великим князем. Наиболее живо представлены культурные интересы в обстоятельствах, сопровождавших посещение Константинополя св. Ольгой в 957 г.

Про Ольгу в русской летописи рассказывается, что она в Константинополе крестилась, что при этом благодаря своему уму приобрела уважение византийского императора, которого «переклюкала» *. Русские памятники говорят довольно много об этом путешествии Ольги, но особенно подробно и живо описано оно у Константина Багрянородного [11]. Прежде всего есть одно странное обстоятельство в византийском рассказе о приеме Ольги в Константинополе. Статья обозначена совершенно так же, как озаглавлена беседа патриарха Фотия: на нашествие Руси [5],— т. е. посещение Ольги обозначено на греческом языке выражением, имеющим смысл *нашествия с враждебной целью* или *военного похода*. Так как известие русской летописи в этом случае расходится с византийским, ибо первое все внимание сосредоточивает на крещении Ольги, а второе ничего не говорит о крещении, то давно уже высказано было мнение, что, может быть, Ольга *два раза* была в Константинополе. Следует еще присовокупить, что византийское известие не может возбуждать против себя никаких сомнений, ибо это есть дворцовый журнал, описывающий парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств. Русские, посещавшие Константинополь в конце XII в., находили еще там некоторые воспоминания об Ольге. Так, Новгородский архиепископ Антоний говорит, что ему показывали в храме св. Софии между прочими святынями и драгоценностями «блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань **, ходивши ко Царьграду».

Какою целью руководилась Ольга, предприняв путешествие в Царьград, об этом ничего нельзя сказать точного, догадки же сосредоточиваются главнейше на том, что она желала в Константинополе креститься. Независимо от того в *церемониале приема* Ольги есть несколько любопытных для нас черт. Торжественный прием ей сделан был в среду 9 сентября 955 г. По обычаю византийского этикета, Ольга должна была пройти по многочисленным залам и галереям императорского дворца, прежде чем попасть в тронную залу, великий триклиний Магнавры, где стоял Соломонов трон. Этот трон был чудом искусства,

* Перехитрила. *(Ред.)*

** Опять намек на военный поход (ἡ ἐφοδός).

которое не могло не поразить воображения. Иностранца, подходящего к трону для поклонения императору, окруженному блестящей свитой военных и придворных людей в парадных мундирах, поражал сюрприз за сюрпризом. Прежде всего раздавались звуки золотых и серебряных органов, скрытых от глаз занавесями и коврами. Затем на золотом троне поднимались золотые львы и страшно рыкали, по золотым деревьям вокруг трона золотые птицы начинали гармонические песни.

Нет сомнения, что византийский двор по блеску и роскоши превосходил все, что знала тогдашняя Европа, и что этикет придворных церемоний, на исполнении которого византийцы очень сильно настаивали, должен был производить чарующее впечатление.

Ольгу приняли с соблюдением всех церемоний, может быть утомительных, причем ей оказана особенная честь в том отношении, что за приемом у царя последовал прием у царицы, менее парадный, в ее собственных покоях; на втором приеме был и царь и вся царская семья, и здесь Ольга могла запросто разговаривать с царем и царицей. В этот же день был парадный обед в Юстиниановской зале. Ольга была посажена не за царским столом, а за ближайшим к царскому, за которым сидели первые придворные дамы. Во время обеда пели придворные певчие и давались сценические представления. Отличие от обыкновенных обедов и здесь было в том, что сладкое было подано за отдельным столом, где заняли места члены императорской фамилии и куда приглашена была Ольга. В тот же день в другой зале дворца давался обед для свиты Ольги.

18 октября дан был во дворце другой обед в честь Ольги и ее свиты. В одной зале, где обедала свита Ольги, присутствовал царь, в другой же, где обедала Ольга,— царица с семьей.

Есть возможность вычислить, как велика была свита Ольги, потому что в придворном журнале указано, кому какие дары сделаны были после обеда. Оказывается, что мужской персонал свиты, приглашенный к обеду, простирался до 88 человек, женский — до 35. Княгиня Ольга получила в подарок от двух до трехсот рублей и золотое блюдо, может быть, то самое, которое видел в храме св. Софии архиепископ Антоний.

В свите Ольги находилось, между прочим, духовное лицо, священник Григорий. Все заставляет думать, что этот священник привезен был Ольгой из России и что, следовательно, она была уже христианкой, когда прибыла в Константинополь. Если же это так, то общепринятое мнение о крещении Ольги в Константинополе имеет за собой мало достоверности или, чтобы отстоять его, следует предполагать еще другое путешествие ее в Константинополь.

По моему мнению, Ольга посетила Константинополь не ради принятия христианства и не с военною целью. Цель ее посещения может быть понята, если обратить внимание на состав ее свиты, принимаемой во дворце и награждаемой подарками. Без сомнения, во дворце принимали не всех прибывших с княгиней: о матросах, напр., нет и помину, военные люди представлены в небольшом количестве. Из 88 человек, пригашенных к столу, было 44 торговых, или, по тогдашнему выражению, гостей, и 22 поверенных, или послов, от русских бояр. Очевидно, главнейший элемент в свите был не военный, а торговый; 22 представителя от бояр могут указывать на такое же *число городов или волостей, по*

которым сидели подчиненные русскому князю правители. Мы усматриваем, таким образом, здесь выраженными торговые и земские интересы, которые уже в X в. находились в значительной зависимости от правильных сношений с Византией. Путешествие Ольги иллюстрирует договоры с греками, в которых также сильно выступает стремление установить мирные сношения с империей.

Ольга, принимая под свое покровительство эти интересы, могла иметь, конечно, и свои цели при посещении Царьграда. Русское предание приписывает Ольге высокую мудрость, необыкновенный ум и административные способности. Следует думать, что высочайшая политическая мудрость князей X в. заключалась в том, чтобы сблизить Русь с Византией более тесными узами и перенести в Россию культурные начала из византийской империи. Согласно со всеми преданиями об Ольге, можно утверждать, что она своей поездкой в Константинополь должна была произвести в умах своих современников такой же переворот взглядов, как Петр своим путешествием в Западную Европу. Византия могла поразить воображение не только своим придворным церемониалом, но и формами общежития и складом всей жизни. Если лучшие люди X в. могли составлять себе идеалы, то эти идеалы они могли находить в лучших формах общежития и в культуре образованнейших народов, а для той поры Византия была образцом недосягаемым.

Что особенно привлекало в этом отношении русских людей, это, бесспорно, святыни цареградские, религиозные обряды и торжественное богослужение. Мы имеем несколько описаний путешествия в Царьград из позднейшего времени и по ним можем судить, как св. София со всем ее великолепием и торжественной обстановкой могла действовать на чувство. Кто раз видел в ней торжественное богослужение и слышал художественно исполняемые церковные песни, тот не мог не испытать сильного потрясения. Не одни русские послы Владимира вынесли из св. Софии то впечатление, что там Бог пребывает с людьми и что, присутствуя в византийском храме, забываешь, на небе или на земле находишься; с теми же впечатлениями уходили и армяне, и грузины, и болгаре. Ольга испытала эти сильные впечатления, и ее приближенные дамы и свита запаслись в Константинополе новыми воззрениями, которые скоро должны были произвести переворот в жизни русского государства.

Глава XV

Константин VII Порфирородный. Характеристика периода. Восточная и западная граница

Со смертью Льва VI, последовавшей 11 мая 912 г., длинный период в 47 лет, за исключением 13 месяцев, падающих на царствование Александра, соединяется с именем Константина VII [1], для упрочения положения которого столько забот принято было умершим отцом его. Продолжительное царствование Константина, однако, не может быть обозначено такими чертами, которые бы в состоянии были дать понятие о главных направлениях внешней и внутренней политики того времени, ни характеризовать государственные задачи, к осуществлению которых стремился сам царь. Это объясняется тем, что Константин был еще менее приготовлен для роли военного или политического деятеля, как его отец, а с другой стороны, гораздо более Льва любил литературные занятия и всему предпочитал кабинетную жизнь ученого.

Вследствие этого Константин VII не командовал войсками и не управлял, об нем даже трудно сказать, что он «царствовал», так как и в этом отношении ему не было удачи, большую часть указанного периода царствовали за него другие, а он довольствовался участием в церемониях и парадах второстепенными и третьестепенными ролями Гораздо счастливей был Константин в своей литературной, до известной степени архивной и археологической научной деятельности, благодаря целесообразному направлению которой и поощрениям просвещенного мецената, занимавшего императорский престол, Византия сохранила многочисленные драгоценные памятники своей истории и может быть предметом научного исследования как для настоящего времени, так и для будущих поколений. Из предыдущего можно видеть, что исторический материал, обнимающий период Константина, должен быть распределен по нескольким категориям. Прежде всего следует выяснить ближайшую обстановку, в которой образовался характер Константина, оказавшийся легко доступным посторонним влияниям и слабо реагировавшим против придворных партий и честолюбцев, устранявших его от власти. Затем историческое изложение событий его царствования должно быть рассмотрено вместе с внутренними реформами, которые или предприняты в его царствование, или о которых получается возможность судить лишь на основании материалов, собранных, переписанных и до некоторой степени обработанных по инициативе царя Константина Наконец, необходимо дать краткий обзор литературной деятельности Константина и вместе с тем обозначить обширные научные и литературные предприятия, которым он или положил начало, или которые были продолжены и распространены под его просвещенным покровительством.

Константин VII Порфирородный

/1/

Константин родился при исключительных обстоятельствах осенью 905 г. от Льва и Зои Карбонопси, с которой царь жил вне брака. После того как против воли патриарха Лев сочетался браком с Зоей и даже возложением короны объявил ее августой, в глазах Церкви и в общественном мнении все же Константин считался происшедшим от четвертого брака, которого Церковь не соглашалась признать законным. Прозвание Порфирородного, каким отмечались члены царской семьи, происшедшие от царской крови и рожденные во дворце в порфировой зале, в применении к Константину мало соответствует реальным фактам и должно быть признано скорей украшающим эпитетом, усвоенным ему литературной традицией. Оставшись по смерти отца семилетним ребенком, он подвергался большой опасности под опекой дяди своего Александра не только быть лишенным прав на престол, но и утратить физическую возможность к продолжению рода, так как Александр желал сделать его евнухом. Опасность угрожала Константину, в особенности после ссылки его матери в монастырь, и с другой стороны. Приверженцы нового царя старались раздувать молву о том, что и сам Лев VI не был сыном Василия, а Михаила III, что таким образом старшая линия Василия не может считаться правоспособной на престол, а что вполне законным наследником должен считаться только Александр. Легко понять, что при таких расположениях преемника Льва VI все деятели предыдущего царствования были удалены от двора и в администрацию вступили новые лица. По всем сохранившимся данным, империи угрожали всяческие бедствия, если бы Александр дольше остался во главе государственного управления; достаточно указать на то, как своим необдуманным ответом на предложение Симеона он вызвал войну с болгарами, сопровождавшуюся большим унижением и потерями для Византии.

Оставшись по смерти дяди своего единственным представителем семьи Македонского дома, Константин некоторое время находился под опекой регентства, состоявшего из семи членов и составленного из лиц, далеко не расположенных к царевичу. Но худшее было в том, что патриарх Николай, занимавший теперь патриарший трон и имевший влияние в регентстве, продолжал ратовать против четвертого брака, с его точки зрения, Константин не был законным сыном Льва. Из других членов регентства упомянем выведенных в люди Александром — Гаврилопуло и Василицу. Последний пользовался особенной любовью Александра и едва не был провозглашен соимператором, о нем замечено также в летописи, что он происходил из славян [2]. Но видным и энергичным членом, более других расположенным к царю, был магистр Иоанн Еллада. Случайный состав регентства и малолетство опекаемого Константина подавали повод к развитию честолюбивых притязаний и к проявлению общего недовольства. Нет ничего удивительного, что в это время появились искатели власти и бунтовщики, таковы Константин Дука, Лев Фока и адмирал флота Роман Лакапин. Восьмилетний ребенок, окруженный недоброжелателями и лишенный материнской заботливости, возбуждал к себе сожаление. Наконец при содействии магистра Еллады Зоя была возвращена из заточения, и ей было предоставлено

прежнее положение при дворе. Вместе с возвращением Зои обстоятельства изменились к лучшему, она переменила состав регентства, указала патриарху Николаю ограничить свою деятельность сферой церковных дел и не мешаться в политику, введя в состав управления преданных ей лиц: Константина паракимомена, Константина и Анастасия Гонгилиев, равно как важную военную должность этериарха, или начальника наемных дружин из иностранцев, поручила Феофилакту Доминику[3]. Уже в первое время вслед за провозглашением единодержавия Константина под опекой регентства обнаружилась важность иноземных отрядов. Когда Константин Дука, приглашенный заговорщиками, явился в Константинополь и провозглашен был царем на ипподроме, вызванное его появлением движение было остановлено не гвардией, а именно отрядами иностранцев и моряками, которых своевременно выслал магистр Иоанн Еллада. Теперь августа Зоя, желая утвердить положение свое и своего сына, назначила этериархом преданного человека, названного выше Доминика, которого, впрочем, скоро оклеветали в ее глазах. Тогда она пост этериарха передала Иоанну Гариде, а другой важный пост начальника дворцовой стражи поручила евнуху Дамиану. Этими распоряжениями, равно как благодаря поддержке магистра Еллады, Зоя достигла того, что в течение семи лет оставалась во главе регентства, управляя империей за малолетством сына. Византийская летопись дает следующую характеристику царствования Константина:

> «Семь лет он управлял царством при регентстве вместе с матерью, двадцать шесть лет вместе с тестем своим Романом, находясь в подчинении у него, единодержавия его было 15 лет, всего же царствования сорок восемь лет».

Хотя царица Зоя придала более единства правительству, но со смертию ее лучшего советника, магистра Еллады, вновь начались несогласия между членами регентства. Пользовавшийся особенным доверием августы паракимомен Константин оклеветал начальника над иностранными дружинами Доминика, и августа передала эту должность Гариде. Между тем внешнее положение вследствие войны с болгарами требовало крайнего напряжения правительственной власти и военного искусства от посланных против Симеона вождей. Правительство, сознавая всю опасность для столицы от военных неудач на Балканском полуострове, готово было сделать большие уступки арабам в Малой Азии, лишь бы иметь свободные войска для действий против Симеона. Когда патрикий Радин и Михаил Токсара вели переговоры с сирийскими арабами о мире, тогдашний главнокомандующий войсками, или доместик схол, магистр Лев Фока перевел на запад восточные фемы и располагал громадными средствами для войны с Симеоном. Был составлен обширный план, в осуществлении которого значительная доля предоставлена была союзникам печенегам, имевшим вторгнуться в Болгарию с севера, и имперскому флоту, который под командой адмирала Романа Лакапина должен был крейсировать на Дунае и перевезти печенегов на болгарский берег. Но все предприятие, хорошо соображенное в теории, при практическом осуществлении встретило непредвиденные затруднения[4]. Но между главнокомандующими сухопутными и морскими силами существовали несогласия, из взаимной зависти и вражды они не желали согласовать свои действия, а патрикий Вога, ведший переговоры с печенегами,

с своей стороны не желал подчиняться ни адмиралу, ни доместику схол. Следствием этого было то, что имперские войска понесли от Симеона страшное поражение при Ахелое (917), и спустя 70 лет историк Лев Диакон видел еще кости византийских воинов на месте этого побоища. Для всех было ясно, что главным виновником испытанного поражения был адмирал Роман Лакапин, который не исполнил возложенного на него поручения относительно переправки печенегов и, с другой стороны, не предоставил морских судов в распоряжение воинов, бежавших с ахелойского поля битвы. Ему угрожало лишение зрения по приговору военного суда, но его спасли благорасположенные к нему члены регентства, патрикий Константин Гонгила и магистр Стефан [5]. С тех пор регентство, в котором не было определенной политической системы и которое руководилось более личными интересами, разделилось на партии. Паракимомен Константин думал воспользоваться благоприятным положением дел для лишения власти царя Константина и возведения на престол своего зятя Льва Фоки; приближенные к Константину лица колебались, каким путем легче обеспечить власть за малолетним царем, опереться ли для того на главнокомандующего сухопутными силами Фоку или предпочесть адмирала Лакапина, так как ясно было для всех, что главное влияние неизбежно должно перейти к одному из них. Та и другая партия одинаково находила невозможным дальнейшее управление регентства под главенством августы, и, по-видимому, устранение ее от дел составляло уже предрешенный вопрос.

Константину Порфирородному, которому было тогда 14 лет, пришлось, под посторонними, впрочем, влияниями, в первый раз заявить свою волю. Здесь выступает приставленный к Константину воспитатель в лице некоего Феодора, который объяснил царю опасное положение дел и доказал ему необходимость привлечь к власти друнгария Романа Лакапина, как надежное и благорасположенное к нему лицо, которое одно в состоянии в настоящих обстоятельствах спасти империю и сохранить для Константина престол. Это лицо казалось более безопасным для той партии, которая стояла за Феодором, чем Лев Фока, гордый своим происхождением от известного генерала Никифора, имевший большое влияние в войске чрез своего брата Варду и популярный в народе вследствие заслуг св. Михаила Малеина. Таким образом, Константин своим личным обращением к Роману, стоявшему с флотом близ столицы, решил вопрос о перевороте в составе регентства и дал совершенно новое направление дальнейшей внутренней политике. Паракимомен Константин, подозревая опасность со стороны друнгария, требовал удаления флота от Константинополя, между тем как друнгарий приводил разные предлоги, не позволявшие ему уйти в море, между прочим ссылаясь на задержку в выдаче войскам жалованья. Паракимомен, чтобы выяснить дело, имел неосторожность лично отправиться к месту стоянки кораблей, где был принят друнгарием со всем внешним почтением, а потом схвачен его людьми и отведен на триеру адмирала. Никто не подал ему помощи, и все его спутники разбежались. Таким образом, нанесен был непоправимый удар Льву Фоке неожиданным заключением под стражу главного представителя его партии. Что Зоя не была популярна в Константинополе, видно из маленькой подробности, сообщаемой летописью. Она поспешила пригласить во дворец патриарха и чле-

нов правительства и поручила им осведомиться о намерениях Романа Лакапина, но, когда они направлялись к морю, толпа бросала в них камнями. На другой день августа спрашивала сына по поводу происшедшего: «Что значит произведенный переворот?» «Это произошло потому,— отвечал ей воспитатель царя Феодор,— что Лев Фока угрожал погубить ромэев, а паракимомен был опасен во дворце».

Ближайшим распоряжением Константина было затем приглашение во дворец патриарха и магистра Стефана, вместе с которыми был составлен план снятия опеки и принятия Константином на себя управления[6]. На другой день царица была выведена из дворца и отправлена в монастырь; влиятельная должность доместика схол передана от Льва Фоки Иоанну Гариде, который потребовал предоставления команды над иноземными отрядами своим родственникам и в то же время вступил в секретное соглашение с адмиралом Лакапином.

24 марта 919 г. Роман отправил во дворец пресвитера Иоанна и Феодора Мацука с объяснениями, что произведенный переворот не обозначает революции, но вызван опасениями замыслов Льва Фоки и боязнью, чтобы он не лишил власти царя Константина; что для охранения жизни и безопасности царя он находит нужным свое присутствие во дворце. Хотя таково должно было быть соглашение царя с Романом, но подобное предложение не нашло сочувствия в патриархе Николае. Тогда снова выступает воспитатель царя Феодор с предложением, сделанным им Роману, приблизиться с флотом к Вуколеонской гавани, где был дворец того же имени, в котором жил тогда Константин. В день Благовещения Роман подошел к Вуколеону, правительство в лице магистра Стефана и патриарха оставило без борьбы дворец; Роман дал клятву, что он имеет мирные намерения, и без борьбы вступил во дворец, отдав почет и царское поклонение Константину. С своей стороны царь выразил полное доверие и внимание к Роману, дав ему звание магистра и предоставив ему влиятельную должность великого этериарха. Соглашение между царем и Романом скреплено было актом присяги, заключенным в церкви Фара, которым Роман Лакапин обязывался не предпринимать ничего против царя Константина и быть в его подчинении. Такое же обязательство и клятвенное обещание взято было с паракимомена и Льва Фоки. На таких условиях произошло соглашение, сопровождавшееся громадной важности последствиями не столько для империи, сколько для Константина VII лично.

Дальнейшие события, со всей безыскусственной простотой изложенные в летописи, весьма отчетливо рисуют создавшееся положение, которым навсегда определялась как зависимая роль и приниженность византийского самодержца, так и характер его деятельности, лишенной инициативы и обращенной к кабинетным историко-археологическим исследованиям. Роман Лакапин приблизился ко двору как покровитель и защитник царя против заговорщиков и бунтовщиков, но с первых же дней его властный характер и безграничное честолюбие наложили цепи на свободу Константина и парализовали его волю. Прежде всего Роман удаляет от царя окружавших его лиц и замещает своими приверженцами важнейшие придворные и административные места. Когда его честолюбивые стремления, клонившиеся к ограничению власти Константина, стали для всех ясны, его соперники, также прикрываясь государственны-

ми целями и интересами царя, поднимали против него почти каждый год военное движение или тайный заговор, что со стороны Романа вызывало жестокие преследования, конфискацию имущества, казни, заточение в монастырь и пострижение в монашество. Последовательно и методично Роман Лакапин шел к предположенной цели. Как мы видели выше, 25 марта 919 г. Роман начал свою политическую карьеру, с формальной стороны имея только пост великого этериарха. Но за этим последовал важный шаг, вследствие которого Роман получил возможность влиять на самую психику царя. Он сосватал за Константина свою дочь Елену, о которой, впрочем, с большой похвалой отзывается летопись, отмечая ее красоту и ум, и которая действительно дала Константину домашний покой и семейное счастье. В апреле того же года во вторник на святой неделе патриарх благословил этот союз и обвенчал Константина и Елену. По случаю брачного торжества Роман был возведен в сан василеопатора, а сын его Христофор занял должность великого этериарха, сделавшуюся вакантной с новым пожалованием Романа в василеопаторы. Новые и быстрые повышения и почести полились на василеопатора. В сентябре 920 г. он получил сан кесаря, который носили только лица царской фамилии, в декабре того же года объявлен соимператором, т. е. сопричислен к царскому достоинству с возложением короны. В январе 921 г. он уже приказывает короновать свою супругу, объявив ее августой; в мае того же года сопричислен к императорскому сану старший сын его Христофор. В 922 г. вопреки бывшей до того практике и в попрание всякой справедливости он начинает свое имя ставить на первое место в торжественных актах, на монетах, в провозглашениях, равно как идет впереди Константина в придворных выходах и церемониях. Хотя все эти почести давались с согласия и даже по воле Константина, но легко понять, что это делалось не по доброй воле, так как возвышение Романа соединялось с существенными потерями для авторитета и даже для чести законного и преемственного носителя короны.

Закулисная сторона дела живо рисуется в нижеследующих фактах, в которых выражался протест против притязаний Романа Лакапина. Лев Фока и паракимомен Константин согласились положить оружие под известными условиями, но эти условия были уже нарушены, так как Роман явно покушался на устранение Константина и во всяком случае произвел переворот в государственном устройстве. Можно думать, что если не сам Константин, то всего ближе стоявшие к нему лица, как августа Зоя и воспитатель его Феодор, который находился ранее в прямых сношениях с Романом, глубоко чувствовали всю обиду, нанесенную принципу самодержавия и наследственности царской власти. Восстание Льва Фоки, представителя сильной военной партии, было выражением общественного недовольства и протеста. Так как восстание Фоки имело мотивом защиту прав царя Константина против домогательств василеопатора, то понятно, что на стороне бунтовщика оказались все приверженцы партии царицы Зои и Константина. Роману Лакапину удалось, впрочем, легко дискредитировать цель военного движения благодаря своевременно принятым мерам. Именно, он обратился с воззванием к войскам, стоявшим под знаменами Льва Фоки, в котором как будто от имени царя Константина давал совершенно другое объяснение событиям. В этом акте Константин выражал мысль, что он добровольно

предоставил Роману охрану своего царского достоинства и почитает его как своего отца и испытал от него отеческую любовь и расположение. Что же касается Льва Фоки, то он всегда строил козни против царя и всеми своими делами оказывал противодействие царской власти и стремился к тирании. Таким образом, отныне он не может более оставаться в должности доместика схол «и я свидетельствую, что это военное движение затеяно им не с моего согласия, но предпринято самовольно с целью захватить царскую власть» [7].

Нужно вдуматься в положение и представить себе возможность того, что восстание Льва Фоки действительно было вызвано подстрекательством близких к Константину лиц, если не с его согласия, чтобы оценить весь трагизм официального признания, что в Романе он нашел своего отца и покровителя. Кроме того, в лагерь было подброшено много подметных писем, в которых описывалось положение дел с точки зрения Романа и приглашались все истинные патриоты отстать от Льва Фоки и перейти на сторону царя. Смысл восстания был утрачен, многие из лагеря Фоки стали уходить, и сам предводитель счел нужным спасаться бегством. Но его нагнали и схватили и, прежде чем получен был приказ о том, как с ним поступить, лишили зрения.

Несмотря на суровые меры, предпринимаемые против политических противников, заговоры открываемы были ежегодно, один за другим. Наконец, суровая доля постигла и наиболее близких к царю лиц. На августу Зою был сделан донос, что она замышляла отравить Романа, ее приказано было взять из дворца и заключить в монастырь, где она была пострижена в монахини. Скоро затем воспитатель царя Феодор вместе с его братом Симеоном были арестованы во время обеда, предложенного им патрикием Феофилактом. По подозрению в заговоре на Романа их отправили в ссылку в фему Опсикий. Так постепенно составилась для Константина Порфирородного та исключительная обстановка, в которой он провел 26 лет «в подчинении» у своего тестя. Все это время он лишен был свободы сношений с людьми, не мог выбирать себе друзей и, нося царскую корону, на самом деле был рабом самых стеснительных условий, в которые его поставил его тесть. По-видимому, намерение Романа заключалось в том, чтобы показать всем ничтожество законного носителя царской власти, заставить забыть о нем и постепенно приучить общественное мнение к новой династии, представляемой Лакапинами. Это легко можно видеть из дальнейших его мероприятий. По смерти его супруги Феодоры он приказал короновать и возвести в сан августы Софию, жену своего старшего сына Христофора, обеспечивая за ним наследство в царской власти. Ссылаясь на то, что постоянные заговоры и возмущения не дают ему покоя, он заявил желание занимать первое место в официальных актах, церемониях и провозглашениях и сделал распоряжение в этом смысле (923). Чем дальше, тем решительней были действия Романа. В 924 г. в праздник Рождества были сопричислены к императорской власти сыновья Романа Стефан и Константин и коронованы. Последнему сыну, Феофилакту, постриженному в монахи и возведенному в патриаршие синкеллы, предоставлено было готовиться к высшему сану в церковном управлении. Роман в заботах об укреплении своей династии не удовлетворился и указанными мерами. Он сопричислил к царской власти внука своего Романа, рожденного от Христофора.

выдал за болгарского царя Петра внучку свою Марию. По случаю этого торжественного события в 927 г. он почтил своего сына Христофора вторым местом, низведя Константина на третье*. С течением времени старшинство перешло на двух других сыновей Романа, так что Константин стал писаться и провозглашаться на пятом месте.

Можно удивляться, с одной стороны, настойчивости Романа в проведении мер, столь явно и в нарушение всякой справедливости унижавших Константина, и, с другой стороны, тому спокойствию и «непротивлению», с которым Порфирородный относился к этим мерам. Нужно иметь в виду, что каждое распоряжение, нарушавшее права Константина, должно было или исходить от его имени, или по крайней мере иметь его формальное согласие. И он на все соглашался, раздавал короны детям и внукам Романа и не принял непосредственного участия ни в одном движении против тирании Лакапина. Философское отношение к своему положению, которое он понимал и оценивал во всей его реальности, без сомнения, должно возвышать характер Константина в наших глазах. Находясь в исключительно необычном для императора положении, он, однако, с достоинством относился к своей доле и нашел возможным в высшей степени полезно воспользоваться той свободой, какая ему была предоставлена. Роман Лакапин при всех благоприятных обстоятельствах, какие нашел он в характере Константина, не достиг цели своих заветных желаний и не утвердил своей династии. Весь трагизм постигшей его невзгоды заключается в том, что те же самые сыновья, ради которых он столько заботился и которых возвысил до царского положения, низвергли воздвигнутое им здание. Уже и старший сын Христофор помышлял свергнуть отца и самому стать на его место; можно догадываться, что его подстрекал к движению против отца тесть его, магистр Никита, которого и постигла обыкновенная судьба заговорщиков при Романе**: он был пострижен в монахи и сослан в заточение (928). Но Роман жестоко обманулся в своих расчетах на утверждение власти в своем потомстве. Прежде всего смерть царя Христофора в 931 г. нанесла большой удар и его родительским чувствам, и дальнейшим династическим замыслам. Христофор, повидимому, был лучший из сыновей Романа, остальные дети, хотя и возведенные в царское достоинство, были еще в юном возрасте и заставляли заботливого о судьбе их отца призадуматься над тем, что ожидает их впереди. Если судить по младшему царевичу Феофилакту, который в 933 г. возведен был в патриархи Константинополя и в течение более чем двадцатилетнего управления Церковью обнаружил

* Все акты этого времени подписаны от царей в порядке старшинства: Romani, Constantini et Christophori, а затем: Romani, Christophori et Constantini. Мотивом летопись выставляет требование болгар. Zachariae. Jus graeco-rom. III. P. 234 и сл.; Theoph. Contin. P. 414. 15.

** /Κατηγορήθη δὲ Νικήτας ὁ μάγιστρος καὶ πενθερὸς. Χριστοφόρου βασιλέως ὡς ὑποτιθέμενος αὐτῷ κατὰ τοῦ ἰδίου γενέσθαι πατρὸς καὶ της βασιλείας αὐτὸν εξεῶσαι [был обвинен и магистр Никита, тесть государя Христофора, в том, что подстрекал его против родного отца и наставлял свергнуть его с царства]./

полную неспособность понять свои обязанности и относился с нескрываемым цинизмом к религиозным вопросам, то следует принять, что семья Романа Лакапина поведена была в воспитательном отношении совсем иначе, чем это было принято в доме Македонской династии. Стефан и Константин, которые теперь занимали ближайшее место после Романа, не питали добрых чувств к своему отцу и легко сделались орудием заговора, имевшего целью лишение власти царя Романа. Летопись весьма скудно освещает катастрофу, разразившуюся над домом Лакапина и восстановившую права Константина Порфирородного. Встречаем в этом смысле некоторые указания, выраженные мимоходом и по разным поводам. Так, восхваляя приверженность царя к монахам, летописец говорит, между прочим, о монахе Сергии, племяннике патриарха Фотия, которого очень уважал царь Роман и имел своим духовным отцом. Этот монах неоднократно обращал внимание царя на распущенность его сыновей, на недостаток данного им образования и на пороки их*. Между прочим, по этому поводу писатель обращается к современному церковному событию, именно, перенесению из Едессы в Константинополь Нерукотворенного образа, о котором было много разговоров и который распространялся тогда в многочисленных копиях. Сыновья царя говорили об этом изображении: «Мы ничего не видим, кроме очертания лица». На это зять царя Константин замечал: «А я вижу глаза и уши». Блаженный Сергий сказал им: «Вы все правильно видите». Они же не соглашались и спросили: «Но что, однако, значит эта разность взгляда?» Сергий ответил: «Я скажу вам словами Давида: очи Господни на праведников и уши его к просьбе их, лице же Господне против делающих зло, чтобы истребить с земли память их»[8]. Царевичи рассердились и стали строить ковы против отца. Трудно, конечно, ставить в связь разговор, здесь сообщенный, с заговором против Романа его старших сыновей. Принимал ли в этом участие Константин Порфирородный, на это нет никаких указаний. Более определенно объясняется повод к неудовольствиям царя Стефана и его братьев тем известием, будто Роман в конце своей жизни сознал непригодность своих сыновей и думал составить завещание о наследстве в пользу Константина Порфирородного. Так или иначе, в 944 г. против Романа составился заговор, во главе которого находился сын его Стефан**, участниками названы незначительные лица: монахи Мариан и Василий и Мануил Куртикий. Более подробностей сообщает латинский писатель Лиудпранд, известиями которого мы часто будем пользоваться в дальнейшем изложении. По его словам, царевичи ввели во дворец вооруженный отряд и, захватив старика Романа, очевидно мало имевшего популярности, ограничились ссылкой его на остров Проти. Латинский епископ добавляет, что было намерение лишить власти и Константина, но что этого не удалось сделать из боязни народного возмущения.

* /Οὗτος πολλὰ παρήνει τῷ βασιλεῖ τῶν αἰδων ἐπιμελεῖσθαι καὶ μὴ ἀπαιδεύτους ἐᾶν εἰς πονηρίαν ἐκκλίνονῖας (Sym. Mag. P. 750. 11)./

** συνειδότων αὐτῷ καὶ λοιπῶν βασιλέων [соучастников его самого и будущих царей] — это единственное основание подозревать участие Константина. Sym. Mag. P. 752. 12.

Константин VII Порфирородный

Вслед за свержением Романа некоторое время у власти оставались сыновья его, но они не пользовались никаким авторитетом и уронили себя своим неизвинительным поведением по отношению к отцу. В общественном сознании стали быстро вырастать права полузабытого и оттесненного на задний план Константина, который и сам начал иначе оценивать свое положение. Цари Стефан и Константин должны были уступить законному наследнику, над которым в течение двух десятилетий с лишком тяжелым гнетом лежала тирания Романа. Спустя 40 дней после низложения последнего Константин Порфирородный решился окончательно освободиться от семьи Лакапинов и приказал преданным ему лицам схватить их и отправить в ссылку на острова, где они были пострижены в монахи. Через несколько времени низверженные цари семьи Лакапина встретились на острове Проти. Увидев своего отца в монашеском одеянии, лишенные власти, сыновья его испытали, говорит летописец, невыносимую печаль. Роман будто бы сказал: «Я родил детей и возвеличил их, они же отвергли меня». Затем Стефан был сослан в Приконнис, на Мраморн. море, через несколько времени местом ссылки для него назначен был Родос, а потом Митилена, где он и умер в 963 г.; Константина заключили в Тенедосе, а потом перевели в Самофракию, где он был убит при попытке поднять восстание. Сын Христофора Михаил, также носивший корону и царский сан, был лишен царской чести, пострижен в монахи, но сохранил свободу и пользовался высокими официальными званиями магистра и ректора. Но политическое значение дома Лакапина было бесповоротно сломлено. Хотя отмечено несколько попыток возвратить к власти Романа или сына его Стефана, но Константин легко справлялся с заговорщиками, подвергая их жестоким наказаниям. В 948 г. мирно скончался на Проти Роман Лакапин, сыгравший в истории Византии исключительную роль и, между прочим, оказавший большое влияние на утверждение принципа наследственности царской власти.

Наконец окончились для действительного и законного преемника престола продолжительные годы невольного удаления от дел, притворного подчинения и благодушного перенесения всяческих оскорблений. С 945 г. Константин VII остается единодержавным распорядителем судеб империи, его более не могли тревожить тайные козни устраненной семьи Лакапинов, приверженцы которой держались еще некоторое время в патриаршем дворце около Феофилакта и на островах около его старших братьев, содержавшихся под надежной охраной. Первой заботой Константина и окружавших его лиц, между которыми значительная доля участия в делах должна быть отнесена на долю супруги царя, было изменить состав военной и гражданской администрации с той целью, чтобы предоставить все наиболее важные должности новым лицам, или доказавшим уже приверженность к Македонской династии, или связанным с ней землячеством,— разумеем множество имен и целых семей, с честью служивших империи и лично приверженных к Македонскому дому, армянского происхождения. Известно, что военная и морская команды и заведование отрядами наемных военных дружин доверяемы были всегда наиболее верным и надежным лицам, так как адмиралы флота и главнокомандующие военными силами, в особенности гвардией, часто были распорядителями судеб империи и династии. И вот

Константин начал основательную чистку в военных сферах. Прежде всего удалены были начальник гвардейских частей, или доместик схол, Панфирий, родственник Романа, вместе с ним друнгарий флота Радин, как наиболее близкие к павшей династии чины. Выбор заместителей определялся самым положением вещей, и нужно признать, что Константин имел большое счастие опереться на лучших людей того времени.

Следует припомнить, что Лакапины в своих честолюбивых притязаниях встретили серьезных соперников в лице Льва и Варды, имевших прозвание Фока. Что было натуральней при начавшейся реакции против старого порядка, как выдвинуть фамилию Фоки, которая не только могла разделять с Константином VII чувства обиды и недовольства старым порядком, но вместе с тем представляла собой большую материальную и духовную силу, весьма полезную для вновь организовавшейся правительственной системы? Представителем фамилии Фоки был Варда, брат того Льва Фоки, который проиграл партию в борьбе с Романом двадцать с лишком лет тому назад и был ослеплен. Ему был передан важный военный пост доместика схол вместе с саном магистра. Сыновьям Варды поручены были важнейшие военные начальственные места в азиатских фемах. Никифор Фока, будущий император и знаменитый воитель, назначен стратигом анатолийской фемы, Лев — стратигом каппадокийской, а Константин — селевкийской. Равным образом командование флотом после отставки Радина поручено было Константину Гонгиле, еще при матери Константина VII Зое призванному к высшим служебным званиям. Наконец, главное начальство над иноземными дружинами возложено было на Василия Петина, который вместе с тем возведен в патрикии. Из других лиц, выдвинувшихся с переходом власти к Константину Порфирородному, укажем Мариана Аргира, возведенного в сан патрикия и комита, или начальника конюшенного ведомства, Мануила Куртикия, также получившего сан патрикия и начальника царской стражи, или друнгария виглы. До известной степени обезопасив себя этими новыми назначениями от сторонников павшей династии, царь Константин не провел, однако, до беспощадных последствий своей системы и принужден был впоследствии, когда вновь возникали попытки возвратить к власти сыновей Лакапина, принимать против оставшихся сторонников их разные оборонительные меры. Трудно составить точное понятие о характере самостоятельного правления Порфирородного. Он достиг единодержавия в возрасте, близком к сорокалетнему. При благоприятных обстоятельствах это мог бы быть период полного развития сил и накопленного опыта и знания. Но Константин прошел суровую школу «подчинения», и, будучи по природе наделен гуманными качествами и мягкостью характера, он мало был подготовлен к практической жизни, и в особенности к государственной деятельности. Слишком доверяясь во всем, что касалось правительственных дел, приближенным лицам и предоставив много власти честолюбивой и гордой царице Елене, он не был в состоянии изменить нравов своего времени и окружающего его общества и в общем заботился более всего о том, чтобы не иметь помех в своих кабинетных занятиях, в которых сначала он искал забвения, а потом, конечно, находил полное удовлетворение и, вероятно, наслаждение. Таким образом, Константин не имел ни желания,

ни особенных побуждений, хотя бы из честолюбия, изменить свой образ жизни, с которым он сжился и который ставил его весьма далеко от реальных государственных нужд. Читателя может пленять его доброта, кротость, семейные добродетели; можно приписывать ему много похвал за необыкновенно удачные его личные литературные труды и за просвещенное покровительство обширным научным предприятиям, которые без него, может быть, никогда бы не осуществились, за его любовь к просветительным учреждениям и искусству, которому он также уделял много времени; но вместе с тем не следует закрывать глаза и на то, что как правитель, допустивший поборы, взяточничество, продажу должностей и нарушение закона как в столице, так и в провинциях, Константин VII не выделяется из большинства посредственностей, занимавших византийский престол. Для историка, желающего дать характеристику Константина VII, встречаются немаловажные к тому трудности в состоянии самых источников, которые частию утрачены, частию же составлены в его царствование и до некоторой степени по его внушению. В этой литературе, весьма сочувственно говорящей о Константине, нужно различать реальное от фиктивного, благие пожелания от практического их исполнения. Чувства и желания, которыми так обильны предисловия в новеллах X в. и которыми часто щеголяет сам царственный писатель, суть условные и весьма субъективные понятия, которые приятны для слуха и составляют достойный образец для подражания, но не переходят в подвиг и конкретный факт. В качестве доброго человека и просвещенного государя, воспитанного в лучшей школе того времени и дорожившего высокими преданиями Римской империи, Константин весьма высоко полагал и славу Македонского дома, так что, конечно, в его тайные расчеты входило обессмертить свое имя большими благотворительными и просветительными учреждениями. В одном месте его сочинения «Об управлении империей» так характеризуется его взгляд, выраженный косвенно в приложении к Роману Лакапину.

> «Кир Роман был простой человек и неграмотный и не был ознакомлен с придворными нравами и с обычаями, заимствованными из Римской империи; не происходя из царского рода и не имея благородных предков, он не сообразовался в своих действиях с хорошими принципами, а поступал как вздумается, не следуя ни голосу Церкви, ни велениям великого Константина»[9].

Для просвещенного же писателя X в., которому принадлежат приведенные слова, высокие принципы были законом, и, подчиняясь велениям обычая и придворного устава, равно как следуя традициям, идущим от деда и отца, император Константин с полным одушевлением предавался полезным делам, за какие восхваляют его сочувствующие ему писатели. Он был и кроток, и снисходителен, и милостив. Он был озабочен планами облегчить тягости податной системы, приносил жертвы на выкуп пленных, не щадил средств на устройство новых больниц и богаделен, принимал меры к тому, чтобы правосудие исполнялось нелицеприятно и без подкупа. Константин заботился об устройстве новых учебных заведений и о поддержании старых, понимая, что из хорошей школы могли выйти достойные общественные деятели: ученые, преподаватели, судьи, правители областей и епископы. Но как все это

осуществлялось на практике, об этом скажем ниже, при рассмотрении событий его царствования.

/2/

Обращаясь к изложению внешних событий, обнимающих обширный период царствования Константина VII, мы должны начать речь с тех окраин, которыми Византия соприкасалась с мусульманским миром. Мусульманские государства, окружавшие империю со всех сторон, за исключением ее северной границы на Балканском полуострове, представляли собой три политические системы: 1) восточный калифат со столицей в Багдаде, с зависимыми от калифа эмирами в Азии под властью Аббасидов, 2) африканский под управлением Фатимидов с подвластными эмирами в Южной Италии и Сицилии, а также в Египте и Сирии и, наконец, 3) испанский под властию Омейядов и с эмирами в Танжере и Марокко. В начале X в. империя испытала от арабов два сильные поражения, которые надолго изменили не в пользу империи взаимное отношение сил, это было взятие и разграбление арабами второго по богатству и торговому значению города — Солуни и уничтожение греческого флота при Лемносе. Этими преимуществами арабы не успели воспользоваться лишь вследствие исключительных обстоятельств, какие переживал в особенности Багдадский калифат; в противном случае Византия, поставленная часто в безвыходное положение неудачными делами на северной границе, должна бы была поступиться в пользу арабов многими областями в Малой Азии.

Немедленно по смерти Александра последовало возмущение Константина Дуки. Это был сын Андроника, бывшего вместе с Имерием начальником флота, посланного против арабов. Он сделался орудием интриги, сотканной коварным Самоной, не исполнил воли царя, приказавшего ему соединиться с Имерием и начать вместе с ним движение против арабов, а затем из страха перед ответственностью бежал на границу арабских владений, вместе со своими родственниками и приверженцами начал восстание и укрепился близ Конии в местечке Кабала. Но так как долго сопротивляться императорским войскам он не мог, то решился перейти в арабские владения, где и был ласково принят, отправлен в Багдад и там перешел в мусульманство. Впоследствии Андроник, однако, сожалел о своем поступке, вступил в переписку с патриархом Николаем Мистиком, которому это было поставлено в вину и вменено в измену [10]. Сын Андроника Константин, бежавший от арабов и принятый на службу в империи, составил себе большое имя военными делами против арабов и вместе с тем приобрел в народе популярность своими приключениями и знакомством с восточными землями. При вступлении Константина на престол он занимал важнейший военный пост доместика схол и считался самым способным вождем, который один мог вывести империю из затруднительного положения, создавшегося угрожавшими империи замыслами Симеона на северной границе. При таких условиях Константин Дука был призван своими приверженцами и некоторыми членами регентства в Константинополь и провозглашен царем. Из ипподрома, где происходило провозглашение, Константин Дука направился через Халку в Большой дворец и готов был захватить пребывавшего в нем малолетнего царя. Но тогдашний командир ино-

земных отрядов Еллада выступил против него с бывшими в его распоряжении силами и одержал верх над повстанцами. Константин Дука пытался спастись бегством на коне, но был сброшен на землю и обезглавлен. Его тесть Ивирица и известный Лев Хиросфакт искали спасения в церкви св. Софии, но были оттуда вытащены и пострижены в монахи. Преследование партии Дуки было жестокое, весь род его был истреблен. Появляющиеся во второй половине XI в. Дуки происходили из боковой линии.

Мы уже видели выше, что первые годы управления регентства за малолетством Константина были в высшей степени тревожным периодом, который и способствовал Роману Лакапину под личиной спасителя отечества достигнуть высшего положения в государстве. Неудачная война с Симеоном требовала крайнего напряжения материальных сил, сосредоточения войска в западных провинциях и весьма естественно содействовала тому, что арабы на восточных границах начали наступление. Правителем пограничной области с центром в Тарсе и начальником флота в восточных водах Средиземного моря после Дамиана, известного победителя Имерия, был назначен ибн-Малик. По обычной системе, давно уже установившейся, Византия была в нескончаемой войне с арабами, которые ежегодно с наступлением весны предпринимали наезды в фемы Анатолику и Каппадокию, успевали произвести опустошения в пограничных селениях и городах и с большим полоном возвращались назад. Было бы слишком утомительно следить за отдельными подробностями в этой малой пограничной войне [11], которая склонялась попеременно то в пользу арабов, то в пользу греков. Можно отметить лишь появление нового элемента в отношениях между враждующими сторонами, участие которого постепенно склоняло перевес на сторону греков в Месопотамии, это были армяне, с которыми цари Македонской династии вступили в особенно близкие отношения и которые приняли деятельное участие в войнах с арабами в X в. Иметь на Востоке хотя некоторую опору в союзном христианском народе побуждало империю то обстоятельство, что она принуждена была иногда все восточные войска переводить на Балканы. При сознании грозной опасности со стороны Симеона тогдашняя правительница, мать Константина Зоя, решилась вступить в переговоры с багдадским калифом о заключении более или менее прочного мира, который должен был сопровождаться обменом пленными, накопившимися на той и другой стороне в огромном числе, начиная с взятия Солуни и с походов Имерия. В связи с этими обстоятельствами находится посылка на Восток патрикия Иоанна Радина и Михаила Токсары; об этом посольстве, только упомянутом в византийской летописи [12], весьма подробные сведения сохранились у арабских писателей. Когда послы дошли до города Текрита на Тигре, их приказано было задержать там на два месяца. 25 июня 917 г. они прибыли в Багдад и помещены были в ожидании приема в особенном дворце. Для приема послов дворец калифа был украшен занавесями, коврами и богатой утварью. Придворные чины расставлены были по рангам и достоинствам по портикам, залам и дворам, по которым двигались послы. Войска в парадной форме, конные и пешие, образовали двойную линию по пути. Все улицы и площади Багдада были полны любопытных, лавки и балконы отдавались внаем для зрителей. Вся обстановка приема была

рассчитана на эффект, и послы не могли не быть поражены виденными ими чудесами. Калиф ал-Муктадир принял их во всем своем величии и блеске и благосклонно отнесся к посланию царя.

Слишком подробно описаны достопримечательности Багдада, которые были показаны послам по желанию калифа. Здесь было много такого, чем византийские императоры у себя в Константинополе приводили в восхищение европейцев: серебряное дерево с золотыми птицами, древесные листья, приводимые в движение легким ветерком, изображения 15 всадников с длинными дротиками в руках, великолепные конюшни с золотыми и серебряными конскими украшениями, сад с дикими зверями. Во всех дворцах, посещенных послами, славянские евнухи предлагали для питья холодную воду. После осмотра достопримечательностей послы были вновь приняты калифом, который передал им свой ответ на послание царя и наградил их богатыми подарками. Вследствие этих переговоров произошел обмен пленными на реке Ламус, но столько желаемого империей мира не было достигнуто, так что на восточной границе вновь происходили военные столкновения. Таковы были отношения на восточной границе в первые годы царя Константина VII.

Роман Лакапин пришел к мысли воспользоваться союзом с Арменией для более правильного и систематического воздействия против арабов. Патриарх Николай Мистик в 920 г. писал армянскому католику Иоанну, приглашая его поднять кавказских владетелей на борьбу с арабами и обещая с своей стороны посылку вспомогательных отрядов из Византии. На это приглашение последовал ответ, чрезвычайно ярко рисующий политическое и религиозное значение империи на Востоке.

> «За надежной стеной вашей силы и ради страха, какой вы внушаете врагам, мы находимся как бы в укрепленном лагере или среди прекрасного города. Мы ставим себя под вашу защиту, мы ваши верные слуги. Враг окружает и осаждает нас со всех сторон; защитите ваших детей и слуг, которые все пьют из чаши южного тирана... Мы ищем союза с империей ромэев, что представляется нам наиболее верным и отвечающим нашему положению».

За этой перепиской последовало посещение христианской столицы армянским царем Ашотом, который поразил греков своей необыкновенной силой, так как мог согнуть в кольцо железный стержень [13]. Обласканный вниманием и одаренный дарами Ашот получил от царицы Зои военный отряд, при помощи коего утвердил в Армении свою власть. На первых порах, впрочем, союз с армянами мало давал себя чувствовать. Правда, в 922 г. арабы из Тарса одержали над греками победу при Малатии, т. е. на территории тогдашних арабских владений, точно так же упоминаются в это же время греческие отряды, посланные в Армению. Но решительных действий Византия не была в состоянии развить на Востоке, будучи отвлечена войной на Балканах. Напротив, сношения Симеона с африканскими арабами, имевшие целью совместное нападение на империю, совершенно парализовали силы Романа и заставляли его держаться выжидательного положения. В то время как Симеон угрожал Константинополю в 924 г., начальник арабского флота прошел Дарданеллы и приблизился к столице и вступил в сношения с болгарами. При подобных обстоятельствах империя должна была ограничиваться обо-

ронительными мерами, пока на восточной границе суровая военная школа не образовала энергичного и талантливого полководца, который, хорошо изучив местные условия, умел направить их к пользе христианской империи. Это был византийский генерал армянского происхождения Иоанн Куркуа, предки которого начали службу в империи при основателе Македонской династии. Его отец Роман командовал полком иканатов, а сам И. Куркуа при Романе получил самое важное место в военной администрации — доместика схол, которое обыкновенно давалось самым доверенным лицам и которое редко оставалось продолжительное время во власти одного и того же лица. И. Куркуа между тем оставался во главе схол и всех восточных фем в течение более 22 лет и имел, таким образом, полную возможность изучить положение дел и оказать империи важные услуги. Писатели высоко ставят его военную доблесть и позволяют видеть в нем одного из крупнейших представителей военного искусства в Византии, который расширил границы империи до Евфрата и Тигра и присоединил до тысячи городов [14]. В высшей степени большая потеря, о которой нельзя не пожалеть, что история «этого второго Траяна или Велисария», написанная современником протоспафарием Мануилом, не сохранилась до нашего времени [15]. По всей вероятности, в этом сочинении было выяснено значение мусульманского вопроса для того времени, о чем имеются в настоящее время лишь намеки как в переговорах Симеона с африканскими арабами, так и в сношениях его с восточными мусульманами. Важность момента схвачена в одном церковно-ораторском произведении, где воспевается значение соглашения с болгарами после 927 г., освободившего империю от войны на северной границе: «Это соглашение приносит печаль и возбуждает плач у сынов Агари, у них при одном слухе о нашем согласии холодеет кровь» [16]. Следствием замирения с болгарами было начало наступательного движения на восточной границе, которому сообщил политический и военный смысл доместик схол Куркуа. Движение было направлено в Армению, где уже заранее были пробуждены симпатии к христианской империи и надежды на освобождение от мусульманской власти. Временная неудача в мусульманской Армении при Дебиле (Товин) не остановила доместика; он имел на границах Армении надежного сотрудника в лице брата своего, стратига Халдии патрикия Феофила, который также отличался военными талантами и энергией, свойственными этой семье, и опустошил мусульманские селения до Феодосиополя, или Эрзерума. С своей стороны и доместик Куркуа постепенно шел на восток, угрожая городам Хилату и Битлису и разоряя открытые места. Мало-помалу арабы должны были покидать пограничную область, оставляя за греками часть Армении и Месопотамии, города Малатия и Амида перешли под власть императора. Но эти успехи на севере не были достаточно обеспечены, пока в Тарсе оставался оплот власти сирийских арабов. Правитель Тарса Сумль в 931 г. предпринял обычную летнюю экспедицию в византийские владения. На этот раз мусульмане дошли до Амория, который успел отстроиться после разрушения 838 г., и, взяв здесь большую добычу, повернули к Анкире. Эта экспедиция доставила неприятелю множество пленников и добычи и ясно показала, что движение в Месопотамию далеко не обеспечивает Византию от сирийских арабов. Большим успехом было в дальнейшем занятие Самосата и договор

с эмиром Мелитены Абу-Хафсом, по которому этот последний обязался вступить под протекторат империи и быть на стороне ее в войне с мусульманами. Но и со стороны мусульман приняты были к тому времени новые средства для удержания своего положения. В эмирах Мосула и Алеппо, происходивших из династии Хамданидов, калиф нашел на продолжительное время защиту своей власти в Сирии и вместе с тем достойных соперников византийскому стратигу Иоанну Куркуа. В 934 г. названный вождь с огромным войском в 50 тысяч и с вспомогательным армянским отрядом под начальством Мелик ал-Армени пошел в область Малатию, остававшуюся еще спорною, и после продолжительной осады принудил к сдаче город Мелитену, причем многие мусульмане обращены были в христианство. Скоро затем занят был и Самосат. Блестящим результатом не столько военной, как дипломатической деятельности доместика нужно признать то, что он побудил принять византийский протекторат и христианство могущественное арабское племя бени-хабиб, которое отличалось воинственностью и набегами на имперские области. Это обстоятельство, усилившее византийское влияние на границе 12 тысячами всадников на прекрасных конях и в полном вооружении, в сущности было равносильно приобретению прекрасной армии, одушевленной самым могучим чувством, обеспечивающим победу, т. е. племенной ненавистью к Хамданидам, и вооруженной знанием местных условий войны в Месопотамии. Император, оценивая все выгоды услуг, какие это племя может оказать, наделил его щедрыми милостями и удобными землями и пользовался его преданной службой для распространения влияния империи на независимые арабские племена.

Соперником Иоанна Куркуа является в это время Сейф ад-Дауле из племени Хамданидов [17], которые в X в. получили чрезвычайно важное значение в истории Византии. Хамдан ибн-Хамдун происходил из племени таглиб в области Мосула. От него происходили Хасан и Али, основатели династии Хамданидов в Мосуле и Алеппо, которые, пользуясь постепенным ослаблением Багдадского калифата, достигли независимости в своих областях. Это был период наибольшего падения Аббасидов, когда калифы стали игрушкой в руках персидской или турецкой гвардии и когда отдельные провинции стали организоваться в независимые княжения под властью самостоятельных эмиров. Более известный в истории Византии Али, иначе Сейф ад-Дауле, правитель Алеппо, почти каждый год предпринимал военные вторжения в византийские области и оставил по себе печальную известность в летописи. Но этот «нечестивый Хамда» был в то же время покровителем науки и любителем художников и поэтов, которые жили при его дворе и воспевали его подвиги, таковы поэты ал-Мутанадби, Абу-Фирас и др. В первый раз о походах его упоминается в 936 г., когда доместик Куркуа начал наступательное движение на восток и угрожал Амиде и Самосату и, несмотря на сопротивление, утвердился в этой области. История двух Хамданидов, из коих один находил себе поддержку в сирийских арабах и в эмире Тарса, а другой опирался на мусульманские владения Армении и Месопотамии, приобретает в занимающую нас эпоху исключительное значение и приковывает к себе внимание историка. Старший брат после неудачной попытки вмешаться в борьбу из-за калифата был лишен своего независимого положения и обращен в состояние вассала. Млад-

ший же не только сохранил независимость, но и расширил свои владения на счет христианских и магометанских владетелей Армении и Месопотамии. Сейф ад-Дауле не только храбрый воитель, предпочитавший лагерную жизнь спокойной домашней обстановке в своем роскошно убранном дворце, но вместе с тем рыцарь и поэт. Он не мог провести ни одного года без отважного похода на христианские соседние области и сделался предметом лести и похвал со стороны придворных его рапсодов. Это был выразительный тип сарацинского эмира героической эпохи, который был способен на самые возвышенные подвиги и вместе с тем не чуждался самых низких и постыдных действий. По свидетельству его певцов, двор его привлекал посетителей, к нему стремились путешественники и находили помощь нуждающиеся, здесь было пристанище поэтов и писателей. Нигде (разве только при дворе калифа) нельзя было встретить столько знатных поэтов. Дворец его блистал роскошью и богатствами, в нем происходили празднества и состязания ученых и литераторов, какими мог похвалиться тогдашний мусульманский мир.

Было бы затруднительно следить за этими ежегодными походами арабского героя в имперские области, где доместик Иоанн Куркуа оказывался достойным ему соперником. Ему удалось войти в тесные сношения с египетским наместником в Сирии Магометом ибн-Тугджу или ал-Ихшиду, с которым империя поддерживала с тех пор дружеские сношения, и несколько обезопасить себя, по крайней мере со стороны Тарса. Но зато Сейф ад-Дауле спокойно распространял свою власть в области калифата и овладел Антиохией, Дамаском и Эмесой (Хомс), чему способствовали споры в Багдаде из-за наследства в калифате. При избрании ал-Муттаки-Биллахи после смерти ар-Ради (940—941) Хамданиды приняли деятельное участие в смутах и некоторое время были даже господами в калифате. Пользуясь этим временем, империя могла поправить свое положение на восточной границе и даже начать вновь наступательное движение против мусульманских владетелей. В 942 г. доместик Куркуа предпринял сильную военную экспедицию, которая продолжалась значительный период и захватывала обширные области. На этот раз исходным пунктом была Армения. После занятия крепости Арзен на северном берегу озера Ван доместик двинулся в Месопотамию и овладел здесь многими укрепленными городами, как Миферкин, Диарбекир (Амида), дошедши до старой границы с Персией в лучшие времена империи. После времени Юстиниана и Ираклия в первый раз теперь греки завладели Дарой и подступили к Нисиби, хотя без намерения утвердиться в этих весьма удаленных от границ империи пунктах. Самым существенным результатом похода доместика в Месопотамию было дело под Эдессой. Этот город, один из важнейших в верхней Месопотамии, находясь в тесной осаде, вступил с доместиком в переговоры насчет условий выдачи грекам драгоценной христианской святыни, хранившейся в городе, именно Убруса, или Нерукотворенного образа*. Возвращение этой святыни из мусульманского пленения было так важно для христианской империи и так возвышало религиозное настроение общества, что правительство не только согласилось отозвать свои войска из-под Эдессы, но и дать городу разные привилегии [18]. Оказывается,

* Τὸ τοῦ Χριστοῦ ἅγιον ἐχμαγεῖον (Theoph. Contin. P. 432. 8).

что и среди мусульманского населения Нерукотворенный образ имел почитателей и что вопрос о выдаче его византийскому правительству встретил затруднения, которые мог разрешить лишь калиф. Когда наконец затруднения были устранены, эмир города Эдессы передал грекам Убрус с изображением Спасителя, а осаждающее войско отступило от города. Вследствие состоявшегося тогда соглашения Византия выдала знатных пленников, некоторую сумму денег и дала обязательство не делать нападений на Эдессу и ближайшую к ней область. Церемония передачи святыни была обставлена некоторыми формальностями, при этом присутствовал Самосатский епископ Авраам, который должен был наблюдать, чтобы подлинный образ не был заменен подложным, так как мусульмане желали обмануть православных и передать им копию. Когда в Константинополе было получено известие о благополучном разрешении дела и о передаче святыни в руки греков, правительство сделало распоряжение о торжественной встрече ее в столице высшими духовными и светскими чинами, войском и народом. Патрикий и паракимомен Феофан послан был вперед по никомидийской дороге и встретил на реке Сангарие священное изображение в весьма торжественной процессии с возженными свечами и песнопениями. Вечером 15 августа 944 г. процессия достигла столицы и была с благоговением приветствована царями и народом.

> На следующий день «вышли к Золотым воротам два сына царя (т. е. Романа Лакапина), Стефан и Константин, и зять его Константин с патриархом Феофаном и, приняв святыню с подобающими почестями, в сопровождении сената и большой процессии со свечами отнесли ее в храм св. Софии и отсюда в дворцовую церковь Богородицы Фара»[19].

Описанное торжество весьма подняло религиозное настроение столицы и возвысило авторитет предводителя восточных войск доместика Куркуа. На восточной границе успехи империи осенью того же года сказались в движении Варды Фоки к киликийскому проходу, где были заняты сирийские города Мараш и Баграс.

Выше мы видели, что в 944 г. в Константинополе произошел большой переворот, вследствие которого сначала Роман Лакапин, а потом и его сыновья были лишены власти, и император Константин VII сделался единодержавным распорядителем империи. Во внешней политике этот переворот не сопровождался особенными переменами; центр тяжести, где сосредоточивались главные и наиболее живые интересы, был по-прежнему на восточной границе. Здесь в первые годы единодержавия Константина Сейф ад-Дауле занят был войной с египетским наместником Ихшидом, которая в конце концов окончилась победой Хамданида, распространившей его власть на Эмесу и Антиохию. Соперничеством египетских и азиатских мусульман византийское правительство воспользовалось весьма умело, как это видно из письма Романа к Ихшиду, в котором проводится мысль о союзе и дружбе с египетским эмиром и о выгодах, какие выпадут на долю Ихшида, если он согласится стоять на стороне Византии[20]. Если принять во внимание, что главные военные бедствия в первой половине X в. империя испытывала от арабов, имевших свою опору в Тарсе, то легко поймем, что соглашение с Ихшидом, от которого зависели арабы Тарса, составляло громадный

политический выигрыш со стороны империи. В летописях империи, таким образом, вполне оценен факт, имевший место в 946 г., которым открываются дипломатические сношения с египетскими арабами. В мае 946 г. в Константинополе происходил торжественный прием «сарацинских друзей» из Тарса, причем обсуждался вопрос о мире и обмене пленными. Хотя за смертию Ихшида эти сношения оборвались, но обмен пленными все же имел место и преемник Ихшида Абул-Касим Унгур наследовал от отца соперничество с Хамданидами в Сирии. В 949—950 гг. империя сделала новый, и довольно смелый, шаг на восточной границе: с одной стороны, в Армении была завоевана и разрушена Калакала, или Эрзерум, с другой — давно недоступная область Тарса, где господствовали арабы, снова увидала греческих военных людей.

Военные приготовления и поход на Крит должны были отвлечь внимание от сирийской границы, чем с успехом воспользовался Сейф ад-Дауле, предпринявший в 950 г. поход против Византии. С ним соединились тарсийские арабы, открывшие поход через киликийский проход по направлению к Кесарии. Арабские историки описывают победы арабов, и сопутствовавшие Сейф ад-Дауле поэты поощряли его идти на самый Константинополь. Но в этом походе постигла его большая неудача: Лев Фока, предводитель византийского войска, пересек ему путь в одном ущелье и нанес ему страшное поражение. Потеряв весь отряд и обоз, эмир алеппский едва спас свою жизнь в поспешном бегстве. В ближайшие годы продолжались с одинаковой настойчивостью опустошительные набеги с той и другой стороны. В этой упорной войне, не утихавшей целые десятки лет, воспитались знаменитые византийские вожди из фамилии Фок, как Варда, Никифор и Лев Фока и не менее известный в ближайшее время Иоанн (Куркуа) Цимисхий. Все они в описываемое время принимали участие в наступательной и оборонительной войне, попеременно то нанося удары алеппскому эмиру, то получая от него суровые военные уроки. В конце концов Византия имела чувствительный перевес на восточной границе. Малатия, Эдесса, Мараш, Эрзерум и Самосат, перешедшие во власть империи, лишили мусульман опорных пунктов в Армении и Месопотамии и приблизили византийскую границу к старой Персии. Этим подготовлены были дальнейшие завоевания Византии в Сирии, Палестине и на островах Средиземного моря, подпавших власти арабов.

/3/

Переходим к изложению событий на западной и юго-западной границах. Западная граница не представляла такого однообразного географического построения, как восточная. Смотря на карту империи в период Македонской династии, нельзя не прийти к выводу, что на западной границе, расчлененной морем и раздробленной на несколько отдельных областей, из коих каждая нуждалась в особенной системе обороны, Византия никоим образом не могла защищать свои искусственные и легко доступные внешнему врагу владения теми же средствами, какими она пользовалась на востоке. В той же мере можно признать правильной политику безостановочного движения к востоку, как безусловно ошибочной мысль — во что бы то ни стало держаться за фикцию целости империи на западной границе и не отказаться заблаговременно

от Южной Италии и Сицилии, с сосредоточением обороны на Балканском полуострове. Жизненный нерв Византии в материальном и этнографическом отношениях был в ее азиатских фемах; равно как центральное значение ее политической и церковной миссии, выражающейся в борьбе с притязаниями на мировое значение Западной империи и латинской Церкви, было бы осуществлено в полной мере, если бы она ограничилась пределами распространения славянских племен и не развивала свои притязания на западе далее Истрии, поступившись Сицилией и Южной Италией в пользу Западной империи. Между тем в течение X в. мы присутствуем при постоянной и напряженной борьбе из-за Южной Италии, которая ставила империю в необходимость приносить для этого в жертву свои интересы на других окраинах.

На западной границе империя сталкивалась с арабами и с различными западными властителями, разделявшими господство и политическое влияние в Италии. События, о которых предстоит нам здесь говорить, уже и потому имели связь с происходившими на восточной границе явлениями, что Ихшиды и Фатимиды, владевшие Египтом, часто держали в вассальной зависимости эмиров, управлявших сицилийскими и итальянскими областями, захваченными мусульманами. Третий калифат в Испании со столицей в Кордове, с династией Омейядов во главе, имел зависевшие от него владения в Марокко; критские арабы, столь много вреда наносившие империи своими грабежами и набегами на прибрежные области, были выходцами из Испании. Таким образом, западная часть Средиземного моря, омывающего византийские владения в Южной Италии и в части Сицилии, находилась в области политического и морского влияния мусульман, против которых империя должна была действовать исключительно своими морскими военными силами. Три калифата составляли три отдельные политические группы, разделенные и религиозными воззрениями, и политическими стремлениями. Империя находила способ поддерживать иногда союзные и дружественные отношения с той или другой политической группой, при Константине VII чаще всего были сношения с испанскими Омейядами, хотя в самом начале царствования была попытка заручиться союзом с египетскими Фатимидами. Существенным обстоятельством, обусловливавшим эти временные союзы и сношения, были южноитальянские отношения, в которых Византия во что бы то ни стало желала сохранить свою прежнюю роль.

Три большие нации — греки, сарацины и немцы — встретились на почве итальянского полуострова. Южные провинции подвластны были ломбардским герцогам и князьям Беневента. Их могущество остановило завоевания Каролингов, их просветительные стремления создали из Южной Италии приют для философов и грамматиков. Разделение этого государства сопровождалось соперничеством между Беневентом, Салерно и Капуей, которое имело последствием вмешательство сарацин. В течение бедственного 200-летнего периода Италия подвергалась страшным опустошениям, и временные завоеватели не могли доставить ей покоя. Каждый год из Палермо отправлялись в Италию свежие отряды, которыми пользовались христианские владетели в своих усобицах. Сарацинская колония утвердилась в Бари и господствовала в Адриатическом море. Опустошения сарацин вызвали первые попытки к сноше-

ниям между восточным и западным императором. Но продолжительность подобных союзов не была обеспечена, так как на место ослабевшей власти сарацин должно было усилиться в Италии либо греческое, либо немецкое влияние. И взаимодействие двух империй всякий раз нарушалось, когда одна из них казалась другой успевшею ослабить арабов. Падение Каролингского дома необходимо должно было сопровождаться торжеством греческих политических планов. Несмотря на бездеятельность флота, несмотря на скупые средства, отпускаемые на войну с арабами, в X в. Южная Италия от горы Гаргано до Салернского залива пришла в зависимость от Византии. Республика Амальфи и Неаполь пользовались политической свободой. Князья Беневента, Салерно и Капуи насильственно были отторгнуты от общения с латинским Западом. Между всеми южноитальянскими городами возвысился Бари, метрополия греческой фемы Ломбардии, которая подчинена была греческому губернатору с титулом катапана. Опираясь на город Бари, владея флотом, какого не имела Западная империя, Византия всегда готова была приостановить успехи немецкого императора, если они угрожали ее притязаниям. А эти притязания формулируются так: Капуя и Беневент подвластны Восточной империи, которая никогда не теряла надежды на полное их подчинение, и ни в какие соглашения с Западом Византия не может вступить, если ей не будет обеспечено господство в Южной Италии.

При Константине не могло уже быть речи о Сицилии, которая после потери Тавромения в 900 г. окончательно перешла под власть арабов. Но тем более побуждений было держаться за Южную Италию, которой угрожала серьезная опасность в период малолетства Константина и ожесточенных войн с Болгарией. В это время регентство обратилось к чрезвычайному средству, чтобы спасти свое положение в Южной Италии, именно, предложило калифу ал-Махди, имевшему свой двор в Кайруане, денежную субсидию, если он согласится усмирить восстание византийских вассалов в Южной Италии. В то же время стратиг Калабрии Евстафий вошел в соглашение с сицилийскими арабами и обещал им платить ежегодную субсидию в 22 тысячи номисм за мир по отношению к византийским владениям в Южной Италии. Но самым важным событием на западной границе было предприятие против арабской военной колонии в Гарильяно, которая, находясь в тесном союзе с Неаполем, производила опустошительные набеги на открытые места римской Кампании и нередко прекращала сношения с Римом. Это хозяйничанье мусульманской грабительской шайки в Средней Италии продолжалось 30 лет.

> «Едва северные пилигримы, шедшие в Рим, спускались с Альп, как им преграждали путь испанские мавры, укрепившиеся с 891 г. во Фраксинете в Южной Франции. Откупившись там, пилигримы попадали в руки сарацин по дорогам Нарни, Риети и Непи. Ни один поклонник не доходил до Рима с дарами. Всякое центральное управление исчезло в этих провинциях, где каждый город, каждая крепость, каждое аббатство были предоставлены собственной судьбе» [21].

Легко понять, что главная причина бедствий лежала во взаимных раздорах самих итальянских князей, которые частию покровительствовали

арабам и пользовались их услугами для сведения личных счетов. Наконец папа Иоанн X в 914 г. в соглашении с маркграфом Сполето Альбериком успел очистить от разбойнических шаек долину Тибра и затем пришел к мысли организовать лигу или род крестового похода для совместных действий против сарацин. К папе примкнули многие князья Южной Италии, обещана была помощь от царя. Таким образом, весной 915 г. в Неаполитанский залив прибыл стратиг Лангобардии Николай Пичингли с отрядами из Южной Италии и с вспоможениями, присланными из Константинополя. Присутствие значительной военной силы положило конец колебаниям тех князей, которые еще держали сторону сарацин: неаполитанский герцог и властитель Гаэты признали зависимость от Византии. Князья Атенольф капуанский и Гаймар салернский примкнули к лиге и предоставили вспомогательные отряды на общехристианское дело. При таких благоприятных условиях начался поход. Между тем как царский флот вступил в устье реки Гарильяно, союзные отряды, прибывая с разных сторон, окружили тесным кольцом возвышенность, на которой была построена сарацинская крепость Гарильяно. Папа принимал личное участие в осаде, царский стратиг расположился лагерем при подошве горы. Арабы выдержали трехмесячную осаду; наконец, когда истощились средства к жизни, они сделали вылазку, пробились сквозь ряды осаждавших и в небольшом количестве, какое спаслось от смерти, рассеялись по соседним горам, где, однако, были преследуемы и почти без остатка перебиты. Победой при Гарильяно Средняя Италия была освобождена от сарацинских ужасов. Организация лиги, в которой Византия имела бесспорно главное значение, и сопровождавшие победу над сарацинами обстоятельства весьма благоприятно подействовали на утверждение византийского влияния в Южной Италии. От Гаэты до горы Гаргано империя могла опираться на преданных ей вассалов.

Положение южноитальянских владений подвергалось, однако, постоянным угрозам со стороны сицилийских арабов. К счастию, после поражения при Гарильяно в Сицилии начались внутренние смуты, отвлекшие силы мусульман от Италии; к тому же Византия, чтобы пользоваться некоторым спокойствием в Италии, согласилась платить Фатимидам ежегодную денежную дань, что было вызвано, по всей вероятности, ночным нападением на Регию в 918 г. В первые годы правления Романа Лакапина в Апулии происходили внутренние смуты, в которых частию вина падала на вымогательства стратига Иоанна Муцалона, частию на враждебное против империи движение князей Ландольфа и Атенольфа. В то же время погиб близ Асколи стратиг Лангобардии Урсилеон в битве с восставшими князьями. Происходившее тогда движение в Южной Италии частию выясняется из писем патриарха Николая Мистика к разным влиятельным лицам в Апулии [22]. Из этой переписки видно, что после обнаружения движения в Апулии Ландольф и дворянство поспешили заявить в Константинополь о своих верноподданнических чувствах и объяснить возмущение несправедливыми действиями стратига. По их мнению, лучшим средством обеспечить спокойствие в Апулии было бы назначение князя Ландольфа капуанского стратигом: раз он имеет звание патрикия-анфипата, какое может быть затруднение назначить его стратигом? Между тем с точки зрения византийского

двора причиной всех неожиданных событий в Апулии был именно Ландольф, который изменил присяге и обманул доверие царей. Патриарх, однако, нашел возможным ходатайствовать за Ландольфа и апулийцев, он ставит лишь условием присылку в Константинополь заложников, а во главе их сына Ландольфа. Но правительство Романа Лакапина не нашло возможным положиться на верность князя Капуи и не доверило ему столь важного административного и военного поста.

Очень любопытный эпизод в истории рассматриваемых событий представляет участие славян далматинского побережья и островов в морских походах против империи. Уже попытка заключить союз с египетским калифом ал-Махди со стороны Симеона Болгарского, искавшего союзников против Византии и на Востоке, и на Западе и желавшего завладеть Константинополем [23], достаточно выясняет подготовлявшееся настроение против христианской империи среди славян. Это роковое и, конечно, имеющее важные причины антивизантийское движение среди южных славян обошлось им весьма дорого и должно быть взвешено со всех сторон при оценке последовательного развития славянской истории. Как известно, египетский калиф согласился на предложения Симеона и с своей стороны послал уполномоченных для заключения окончательного договора, но его послы были захвачены византийскими моряками и доставлены в Константинополь, где Роман успел так подействовать на них своими подарками, роскошью и вниманием, что после доклада их обо всем виденном калиф прекратил сношения с болгарами (924). Тем не менее идея совместного с арабами движения на Византию не умирала среди славян и обнаружилась на другом театре. Известно, что славяне, владевшие флотом на Адриатическом море, в занимающее нас время состояли в тесной дружбе с египетскими арабами и совершали по их указаниям опустошительные набеги на имперские владения. Хотя о корсарах из славян у побережья Далмации мы знаем еще в IX в., но после военных экспедиций адмирала Орифы, по-видимому, корсарству нанесен был удар, по крайней мере до 924—925 гг. с этой стороны не было более угрозы южноитальянским владениям. Но на службе арабов в X в. в значительном числе появляются славянские матросы. Они распространяются, кроме того, большими колониями в Сицилии, в Африке и даже в Испании. Не входя здесь в подробности этого вопроса, бросающего новый свет на историю южных славян, ограничимся некоторыми более яркими фактами [24]. В IX и X вв. и гораздо позже адриатические славяне вели постыдный торг военнопленными, которых они набирали посредством разбоя на морях и набегов на прибрежные области. Этот товар главным образом шел в Африку. В мусульманских владениях было множество таких рабов из греческой и славянской народности; они переходили в мусульманство, достигали важных должностей на службе и нередко играли значительную роль в событиях. Эти славяне, жившие во множестве в Африке и Сицилии между сарацинами, должны были служить посредниками в сношениях арабов с свободными славянами. В описании города Палермо у арабского писателя ибн-Хаукала есть любопытное место о славянах (Sacalibab). «Квартал Сакалиба есть самый населенный из других кварталов города. Здесь находится морской порт». Если славяне занимали отдельный квартал в таком населенном городе, как Палермо, то

очевидно, что их было здесь большое количество. В египетских владениях Фатимидов славяне имели военное значение. Военные походы из Египта в Апулию в 924 г. были организованы под предводительством славянских вождей, таковы Масуд, Саян, Сареб [25] и др. Саян командовал флотом в 50 кораблей и осаждал Тарент, Масуд овладел крепостью св. Агафия близ Региума. В 936 г. славянский вождь Михаил напал на Сипонт и ограбил его, корсар Саян взял большой окуп с городов Салерно и Неаполя, а потом, поднявшись вверх по Адриатическому морю, напал на Термоли, рассеяв небольшую византийскую эскадру. Города Калабрии обложены были данью и тем освободились от разбойнических набегов.

Политическое значение славян того времени, их предприимчивость, смелость и способность к большим, хотя, может быть, и мало соображенным в подробностях, предприятиям вполне оценены в известиях арабов. Ал-Бекри, указав на эти качества современных ему славян (X в.), заключает: «Никакой народ в мире не мог бы выстоять против них, если бы они не были разделены на большое число племен и колен». Другой писатель (Массуди), также X в., признавая за славянами военные качества и способность к смелым предприятиям, еще точней определяет их главный недостаток, который мешал им занять в истории надлежащее положение: внутренние смуты и взаимные раздоры.

В настоящее время легко заменить данную арабами квалификацию более отвечающею современности: славяне всегда страдали недостатком политического смысла и государственной организации, им недоставало характера и дисциплины ума, из которой выковывается величие народов.

Что морские силы империи были весьма незначительны, можно убедиться из состава эскадры, которая послана была в Италию в 934 г. под начальством стратига Косьмы. В нее входило 11 хеландий и семь других судов с русским экипажем из 415 человек, всего в эскадре было около 1500 военных людей. В следующем году протоспафарий Епифаний тоже с небольшой эскадрой прибыл в Италию с поручением заключить союз против лангобардских князей с королем Гуго Прованским, внуком по матери Каролинга Лотаря II, принявшим корону Италии в 926 г. Но на этот раз соглашение не имело важных последствий, и в Апулии продолжались смуты, почему империя не переставала быть здесь на военном положении.

Когда Константин стал править империей самостоятельно, в Египте также на место умершего калифа ал-Махди вступил ал-Мансур, который назначил в Сицилию нового эмира в лице ал-Хассана, получившего приказание утвердить авторитет калифа и потребовать возобновления дани с византийской Калабрии. Император Константин организовал значительные силы с целью открытия военных действий против сицилийских арабов. Все силы подчинены были стратигу Макрояни, под его начальство должны были стать местные отряды стратига Калабрии Пасхалия и патрикия Малакина. Из Египта прибыли также подкрепления, и во главе присланного отряда стоял снова славянин ал-Фарадж. Несмотря на довольно значительные силы, византийский главнокомандующий на этот раз действовал весьма вяло, может быть, потому, что не все силы прибыли своевременно в Калабрию. Так или иначе, в 951 г. ал-Хассан успел взять Региум и получил окуп с укрепленного города Джераче. Картину стесненного положения жителей Калабрии за это

время дают жития современных святых Саввы и Нила [26]. На следующий год под городом Джераче христиане потерпели сильное поражение, в котором потерял жизнь патрикий Малакин. Весной 952 г. асикрит Иоанн Пилат получил приказ начать переговоры о мире. Весьма любопытно отметить, что одной статьей договора император уступил арабам право построить в Региуме мечеть, в которой они не только могли свободно отправлять обряды своей религии, но и давать убежище всем мусульманам, нуждающимся в защите. Этой статьей признавалась, очевидно, свобода мусульманского культа.

Почти каждый год империя должна была принимать новые меры, стоившие больших материальных средств и отвлекавшие ее внимание от более важных и более существенных задач, и это с целью во что бы то ни стало поддержать фикцию на господство в Италии. Но ни разу мы не видим больших вооружений или применения таких мероприятий, которые бы в состоянии были обеспечить успех выполнения замышляемого плана, ни разу не была снаряжена такая экспедиция, какая, например, была организована против Крита. Южноитальянские дела могли быть поставлены совершенно иначе, это прекрасно было доказано во время Никифора Фоки. Но при царе Константине дальше полумер дело не шло. Чтобы дать характеристику этих мер, приводим одну страничку из византийской летописи [27].

> «Царь Константин назначил военную силу против лангобардов и неаполитанцев и поставил во главе ее патрикия Мариана, так как западные провинции взбунтовались и разорвали узы, соединявшие их с империей. Жители Лангобардии и Калабрии позволили себе эту дерзость, рассчитывая на свою отдаленность от царственного города. Поэтому, находясь постоянно в состоянии смуты, они дошли до такой распущенности, что вступали в союзы с агарянами и захватывали военной силой соседние города, крепости и селения. И сами неаполитанцы, стряхнув с себя иго послушания Христу, вступили на путь открытого восстания. Итак, озабочиваясь тем, чтобы возмутившийся народ не развил далее своих дерзостных замыслов и чтобы привести его к надлежащему подчинению, Порфирородный посылает на них войска из фракийских и македонских фем и обуздывает их дерзость и сумасбродство военными судами, снабженными живым огнем. Патрикий Мариан Аргир, осадив Неаполь с суши и моря, предал огню доступные с суши части города, а имевшие доступ к морю подверг обложению. Тогда жители города, доведенные осадой до голода и утеснения, обратились к царю Константину с просьбой и снова подчинились ему, как было прежде».

На самом деле успех этой экспедиции не был так прочен, как это сказано в указанной хронике. Столкновения в Южной Италии не окончились экспедицией 956 г., а продолжались и в последующие годы, причем Мариан Аргир не раз терпел поражения. Заключенный между арабами и греками мир продолжался затем до времени Никифора Фоки.

Чтобы представить более или менее полную картину мусульманского мира на окраинах империи, мы должны еще бросить взгляд на

испанский калифат под властию династии Омейядов, имевших столицу в Кордове. Владения Омейядов не соприкасались с византийскими, и потому непосредственного отношения к империи кордовские калифы не имели. Но испанские арабы владели Критом, принимали некоторое участие в европейской истории и обменивались посольствами с империей. В 891 г. арабы испанские основали в Южной Франции, между Тулоном и Канном, крепость Фраксинет и сделались грозой для соседей в Северной Италии и Южной Франции, подобно своим единоверцам в Гарильяно. В 941 г. король Гуго обратился к Роману Лакапину с просьбой о присылке морских судов для совместных действий против арабов, опустошавших из Фраксинета Южную Францию. Как прежде Людовик II просил содействия империи против арабов, занявших Бари, так теперь Гуго предлагал одним ударом с суши разорить опасное гнездо в Фраксинете. Завязавшиеся по этому поводу сношения имели последствием не только совместный поход против арабов, но еще брачный союз между королевским и императорским домом. Когда Роман завел речь о французской принцессе и о браке ее с Романом, сыном Константина Порфирородного, то Гуго, отвечая на это предложение посольством в Константинополь, объяснил, что дочери у него нет, но что есть у него девица редкой красоты, прижитая им вне брака. Роман Лакапин, так как речь шла не об его сыновьях, а о представителе Македонской династии, не поставил затруднений из-за вопроса о внебрачном рождении невесты и послал Гуго условленную помощь и дары. Стратиг Лангобардии протоспафарий Пасхалий принял невесту от короля Гуго и препроводил ее в Константинополь в сопровождении епископа Пармского Сигфрида. Невеста при венчании получила имя Евдокии, но жила недолго и скончалась через пять лет.

Византийский флот, приблизившись к берегам Прованса, навел страх на сарацин греческим огнем и обратил их в бегство. Но экспедиция не принесла ожидаемых плодов, так как возникшие между начальником греческого флота и предводителем сухопутных итальянских отрядов недоразумения нарушили между ними согласие и заставили отступить греческий флот.

Независимо от рассказанного эпизода, имевшего лишь косвенное отношение к общей политике империи в Италии, Кордовский калифат занимал особенное место в планах Константина VII, имевших предметом своим остров Крит. Критские арабы были бельмом на глазу у империи. Они угрожали не границам, которые всегда находились на военном положении, а внутренним областям; они свободно плавали по Эгейскому морю, опустошая Грецию, Афон и прибрежные места. Правительство никогда не забывало критских корсаров, но требовалась слишком сложная операция, чтобы организовать против Крита новую экспедицию. Известно, что в 949 г. Константин повторил морской поход в Крит, который окончился так же постыдно, как экспедиция Имерия. Может быть, с целью обеспечить успех задуманной им экспедиции против Крита Константин вступил в сношения с Кордовским калифатом. Современником Константина был Абдуррахман III, человек редкого ума и государственных способностей, скорей напоминающий государя нового времени, чем мусульманина темного средневековья. В 947 г. калиф Абдуррахман принимал императорское посольство с евнухом

Соломоном во главе. Этому посольству оказана была изысканная встреча, после которой оно помещено было в роскошном загородном дворце в ожидании приема. При представлении калифу посольству показана была блестящая обстановка кордовского дворца, украшенного коврами и драгоценными восточными тканями, которая должна была подействовать на иностранцев. Но в особенности характерной чертой приема было присутствие знаменитых поэтов и ораторов мусульманского мира, которые должны были произнести приличествующие речи и стихотворения в честь ислама и во славу кордовского калифа. Здесь повторяется та же картина, какую мы видели выше, говоря о придворных нравах алеппского эмира. Но в свою очередь культурная Византия знала, чем лучше угодить просвещенному калифу. От имени императора ему была поднесена греческая рукопись Диоскорида с рисунками и латинская рукопись истории Орозия, причем в письме Константина было сказано, что для ознакомления с содержанием рукописи Орозия калиф найдет в Испании знающих латинский язык и способных перевести рукопись на арабский язык. Чрез кодекс Диоскорида Константин VII поднес калифу одну из драгоценнейших греческих рукописей, которая по содержанию принадлежала к медицинским сочинениям, но была украшена миниатюрами (7) и виньетками, представляющими растения, животных и птиц. Рукопись относится к V в. и имеет в известной степени фамильное значение, так как происходит из библиотеки римско-византийских императоров. В настоящее время рукопись Диоскорида (хотя неизвестно, тот ли это список) украшает Венскую библиотеку и составляет один из важнейших памятников византийского искусства в первоначальной стадии его развития [28].

В связи с этими сношениями стоит любопытное посольство знаменитого арабского ученого того времени еврея Хасдая ибн-Башрута к правителю хазарского царства кагану Иосифу. Император Константин, однако, отказался отправить в Хазарию испанское посольство, сославшись на опасности со стороны враждебных народов и на свирепствовавшие бури на море. Сношения с кордовским калифом этим не ограничивались. Испанский посол Хишам ибн-Хузейла, имевший поручение заключить с императором мир, был торжественно принят 24 окт. 948 г. и пробыл в Константинополе весьма долго. В то время как снаряжалась критская экспедиция, греческие послы снова были в Кордове. Между прочим, по просьбе калифа в Испанию был послан из Константинополя ученый монах Николай для преподавания греческого языка в кордовской школе. Не осталось без результата и ознакомление с рукописью Диоскорида. Местные ученые в Кордове принялись за изучение новых для них данных в рукописи и сделали опыт перевода Диоскорида на арабский язык.

Глава XVI

Северная граница. Болгария и угры. Походы русских князей. Славяне в Лаконике

Громадное напряжение, с которым велась война Византии с Болгарией при Симеоне, когда болгарское войско не один раз стояло под стенами столицы и в состоянии было ставить свои условия византийскому правительству, средства которого были подорваны непрерывной мелкой войной с арабами, сопровождалось тяжелыми последствиями для обеих стран, и в особенности для той, которая была меньше и не обладала такими материальными ресурсами, какие были у Византийской империи. Выросши и воспитавшись в Константинополе в лучшей школе того времени, знакомый по непосредственному опыту с административной системой и с государственными людьми империи, Симеон, полугрек по воспитанию и образованию, довольно пренебрежительно отнесся к административной рутине, приводившей в движение обширную государственную машину по определенной и твердо установленной системе, и не мог дать себе отчета в том, что не достаточно иметь притязание на царский титул, а необходимо обставить свои требования разнообразными правовыми основаниями и найти содействие в церковной власти. Всматриваясь в дошедшие до нас известия об его геройских военных делах и о тех требованиях, какие он при свиданиях и в переписке предъявлял патриарху и царям, можно весьма пожалеть, что эта исключительная по своему значению в славянской истории фигура мало возвышается в государственном отношении над обыкновенным уровнем современников. Симеон истощал Болгарию в титанической войне, раздробил свои силы по периферии и не успел заложить прочных устоев для государственного и церковного объединения составных частей его обширного, наскоро сколоченного из мало подобранного материала здания. Весьма важно здесь отметить, что Симеон разделяет судьбу многих славянских князей, которые личной энергией и настойчивостью успевали достичь больших успехов, но после которых немедленно наступала реакция, имевшая целью разрушение их дела.

Симеон умер 27 мая 927 г. Он был женат два раза, от первой жены остался сын Михаил, от второй — Петр, Иоанн и Вениамин, или Боян. Старший сын не пользовался расположением отца и был пострижен в монахи. Преемником заблаговременно готовился быть Петр, достигший ко времени вступления на престол 20-летнего возраста. Можно догадываться, что в самом семействе Симеона не было единодушия; если Петр казался способным продолжать дело отца своего, то другие братья были приверженцами старины и носили национальное болгарское платье*. Опекун над царевичами Георгий Сурсовул, человек, изб-

* Это замечание писателя весьма характерно: οἱ τοῦ Πέτρου ἀδελφοὶ ἔτι στολῇ ἐχοσμοῦντο βουλγαρικῇ (T h e o p h. Contin. P. 412. 7).

ранный для этого еще самим Симеоном, очевидно, пользовался большим влиянием и успел овладеть всеми делами, что и не представляло трудностей, если верить известиям о том, что Петр совсем оказался не созданным для правительственной роли, а предпочитал монашеское уединение и аскетические подвиги. По нашему мнению, следует, впрочем, с большим ограничением принимать уверения жизнеописателей св. Луки и Илариона об аскетических склонностях Петра Симеоновича [1], рассматривая их как общее место, выражающее похвалу со стороны монаха-писателя. Важней и более соответствует реальному положению вещей известие летописи [2], что «по смерти Симеона окрестные народы, хорваты, угры и другие, решились воевать с болгарами, и так как болгарская страна была поражена сильным голодом, то болгаре находились в большом страхе перед нашествием со стороны других народов, а в особенности боялись нападения со стороны Византии». Из этого положения был один выход, которым правительство немедленно и воспользовалось. Этот выход представлялся в тесном сближении с империей и в устранении тех затруднений, которые доселе делали невозможным соседское сожительство Болгарии и Византии. Само собой разумеется, что правительство царя Петра, пришедшее к необходимости искать сближения с империей, было носителем новых политических воззрений, которые должны быть рассматриваемы как выражение реакции против политики Симеона. С этой точки зрения нужно объяснять секрет, с каким велись переговоры о мире с империей и о брачном союзе Петра с внучкой Романа Лакапина Марией, дочерью третьего царя, Христофора, равно как и внутренние смуты, в которых родовитая знать, приверженцы умершего царя, пыталась свергнуть Петра и выразить протест против его политики.

Самым бьющим в глаза фактом, которым опекун и соправитель Петра Георгий Сурсовул выразил переход к новым политическим воззрениям, было секретное посольство к царю Роману Лакапину, которое было возложено на монаха Калокира и которым делалось предложение не только заключить мир между обоими государствами, но и скрепить его брачным союзом между молодым болгарским царем и одной из византийских принцесс. Сделанное со стороны Болгарии предложение, по-видимому, шло навстречу желаниям царя Романа, так как он немедленно и с предосторожностями послал своих уполномоченных в Месемврию, болгарский город на Черном море, где греков дожидались доверенные лица со стороны Сурсовула и Петра. Вскоре затем в Константинополь прибыло торжественное болгарское посольство из 8 высших бояр, во главе которых был сам правитель и руководитель новой политики боярин Сурсовул. Вслед за этим посольством прибыл царь Петр уже в качестве жениха и был встречен царем Романом за стенами города у Влахернской церкви. Как спешно велось все дело, можем заключить из того, что не больше как через четыре месяца по смерти Симеона уже подписан был мирный договор и совершен брачный союз 8 октября 927 г.

> «В осьмой день октября вышел патриарх Стефан вместе с протовестиарием Феофаном и с Марией, дочерью царя Христофора, и со всем сенатом в церковь Богородицы в Пигах» — это известный храм Балуклы, сожженный Симеоном

и отстроенный Романом. Здесь происходило бракосочетание Петра и Марии, причем поручителями по невесте были протоспафарий Феофан и Сурсовул.

Летопись отмечает одно обстоятельство, что со времени этого брака царь Христофор стал поминаться на втором месте сейчас же после Романа, а Константин Порфирородный вслед за ним на третьем месте. Перестановкой хотели угодить болгарам, доказав им, что царевна Мария есть дочь второго царя, вообще по случаю бракосочетания болгарам уступлены были значительные преимущества по представительству и придворному этикету, о чем будет случай сказать ниже.

Но главное значение политического и церковного акта состояло в обеспечении мирных отношений между двумя соседними народами, продолжительная война между которыми принесла столько вреда тем и другим и так была полезна их соседям. Мария была носительницей мира и залогом взаимного соглашения на будущее время, почему ей дали имя Ирины. Взгляд византийского образованного общества на совершившийся поворот в болгаро-византийской политике выражен в современном церковно-ораторском произведении, не только посвященном выяснению этого события, но и озаглавленном «На мир с болгарами» [3]. Оратор воспользовался прекращением продолжительной войны для составления речи, сказанной, вероятно, в церкви св. Софии в Константинополе на более обширную тему: о преимуществах мирного времени и о пагубных последствиях войны. Так как произведение едва ли не должно быть приписано патриарху Николаю Мистику, то оно заслуживает полного внимания, как взгляд на события современника и весьма осведомленного в тогдашней политике человека. Наиболее интересным представляется то, что празднуемый мир, по воззрению оратора, является благом, никем не предвиденным. Обстоятельства так дурно складывались, что никому не представлялась возможность благоприятного исхода, а между тем тогда-то Промысл и проявил свое чудесное строительство. Главными мотивами неприязненных отношений между империей и Болгарией, по мнению оратора, были гордость и честолюбие Симеона. Эти страсти, овладевшие душой князя, привели в движение Балканы и Дунай и произвели такой толчок, что его почувствовали за Геркулесовыми столбами,— в последних словах намекается на переговоры Симеона с египетским калифом о совместном нападении на Константинополь. Следствием этого было народное движение и восстание и нелегальная форма провозглашения Симеона царем. Этим нарушено было духовное сыновство Болгарии по отношению к Византии.

«Восстали и поднялись не чужеземцы против иноземцев, не иноязычные против говорящих на другом языке, но дети на отцов, братья на братьев, отцы на сыновей. Как Израиль, мы разделились на Иудино и Ефремово колено и из друзей и ближних стали непримиримыми врагами. И все это из-за временной славы и ради одного венца...»

/Отвлеченность содержания, обилие риторических фигур, библейские и мифологические образы, под которыми нужно искать намеков на современные имена и события,— представляют непреодолимые трудности для понимания этого типического произведения X в., которое между тем в свое время имело большое политическое значение и задавалось

целью выяснить неожиданно последовавший поворот в политике. Описывая торжество мира, виновником которого был Петр Симеонович, оратор в следующих словах обозначает главный момент, т. е. брачный союз.

> «И он пришел добровольно, ибо свыше было ему указание. И вы, разорвав отеческое ограждение и поцеловавшись и дав руку друг другу, согласились и довели переговоры до прекрасного мира. Так мы одержали победу над раздором и воздвигли высокую колонну над враждой»./

«Слово на мир с болгарами», не давая объяснений относительно мотивов, повлиявших на изменение отношений между враждовавшими сторонами, все же позволяет судить о важности политического события. В Византии оценивали значение поворота в политике в самых широких размерах.

> «Ни поливии в своих историях, ни плутархи в параллельных биографиях, ни рапсоды в своих стихотворениях, ни красноречивые ораторы не в состоянии оценить смысл событий,— говорит оратор.— Ныне приятно ощущение бытия и радостно пользование жизнью. Теперь все помолодело, предается радости и воспевает виновника сих благ: *только сыны Агари будут горевать и плакать, при одном слухе о нашем согласии у них уже похолодела кровь!*»

С точки зрения мусульманских отношений, которые складывались весьма неблагоприятно для империи вследствие отвлечения ее сил на северную границу, соглашение с Болгарией было действительно большим дипломатическим выигрышем со стороны царя Романа. Можно даже предполагать, что Византия не только тогда шла навстречу желаниям, выраженным правительством Петра Симеоновича и Сурсовула, но что она и вызвала начало этих сношений, приведших к такому соглашению, которое удовлетворило обе стороны.

Заключенный между Византией и Болгарией мир касался как определения политического и церковного устройства Болгарии, так и ее границ по отношению к империи. Все это было необходимо установить, так как продолжительный период войн сопровождался такими явлениями в политическом и церковном строе Болгарии, которые рассматривались как честолюбивые притязания, нарушавшие права империи. Разобраться в существе имевших тогда место переговоров, выяснить требования и взаимные уступки и, наконец, составить понятие о содержании заключенного тогда договора мы лишены возможности, потому что не сохранилось самого акта. Но так как политическое и географическое положение Болгарии в царствование Петра определяется в надлежащем освещении по последующим известиям и реальным фактам, то можно делать предположения и догадки о главнейших статьях состоявшегося в 927 г. договора.

Прежде всего заветной мечтой болгарских князей был титул царя. Византия не могла примириться с притязаниями Симеона именоваться царем греков и болгар, потому что с этим необходимо соединялось умаление чести царя ромэев, но согласилась на то, чтобы принятый до сих пор в сношениях с болгарским князем титул архонта был отменен и чтобы в письмах, переговорах и во всех официальных актах

болгарский князь именовался «возлюбленный и духовный сын, царь Болгарии»[4]. Вместе с этим произошли значительные перемены в придворном церемониале, о которых дают понять недоразумения, происходившие в 968 г. по случаю приема посла императора Оттона I, епископа Лиудпранда. Он никак не мог помириться с тем, что выше его посадили за столом болгарского посла, и в крайнем на это раздражении встал и вышел из обеденного покоя. Тогда ему было объяснено, что, по существующему этикету, установленному со времени бракосочетания Петра с византийской принцессой Марией, болгарский царь, равно как представитель его, считается выше всех иностранных государей, даже немецкого императора.

«Друзья болгаре» с тех пор пользовались всяческими преимуществами в империи. Чтобы сделать им угодное, была произведена перестановка даже в порядке перечисления лиц императорской фамилии: тесть царя Петра Христофор был передвинут в табели с третьего места на второе, вместо Константина, который был при этом понижен. Вместе с этим сделана была уступка насчет организации и положения Болгарской Церкви.

При обращении в христианство, несмотря на неоднократные представления Богориса, Болгария была управляема греческим митрополитом или архиепископом, назначенным после 870 г. Но так как болгарские князья признавали необходимость устроить у себя независимое церковное управление и не встречали в этом отношении поддержки со стороны патриархии[5], то при Симеоне произошло, в связи с политическими обстоятельствами, отделение Болгарской Церкви со своим архиепископом, имевшим кафедру в Абобе-Плиске или в Преславе. Так как, по тогдашним взглядам, проведенным и в самой организации Константинопольского патриархата, по случаю перенесения столицы империи в Византию в царском городе должна быть патриаршая кафедра, то, уступив болгарскому князю титул царя, империя не могла выставлять серьезных препятствий и против возведения Болгарского архиепископа в патриархи. В последнем вопросе Византия тем более должна была быть уступчивей, что, по всем вероятиям, Симеон уже имел от Римского папы если не формальное разрешение, то по крайней мере согласие на просьбу о самостоятельном положении Болгарской Церкви. Один из царей второго Болгарского царства[6] (1202) вспоминает об этом в письме к папе в следующих словах: «Прошу апостольский престол почтить меня достоинством и дать корону, как это было при древних царях наших,— как значится в наших летописях».

Можно догадываться, что со стороны патриарха города Константинополя было поставлено условием, чтобы кафедра Болгарского патриарха основана была не в Преславе, а в Силистрии. В древнейшем каталоге Болгарских архиепископов значится, между прочим, «Дамиан в Доросторе, или Силистрии, при котором Болгария признана автокефальной. Он был провозглашен патриархом по повелению царя Романа Лакапина».

/Как бы ни были скудны сохранившиеся сведения о древнейшем устройстве Болгарского царства, но считаем необходимым рассмотреть их, чтобы выяснить до некоторой степени вопрос о политических судьбах Болгарского царства, пережившего в течение X в. невероятные потрясения./

Северная граница. Походы русских князей

В царствование Симеона границы Болгарского царства раздвинуты были на счет империи до Месемврии и далее простирались южней Адрианополя, доходя почти до Солуни, на западе до Адриатики. Менее было удачи в Сербии и Хорватии, где Византия удержала распространение болгарского влияния, возбудив смуты и вражду между местными князьями и подняв хорватов на сербов, чем нанесен был удар партии Симеона. Когда умер Симеон, главная опасность его преемнику угрожала именно в северо-западном углу его обширной империи, равно как в политических и этнографических отношениях западных областей Болгарии, таким образом, в нынешней Северной Македонии и Албании уже в то время намечался очаг ближайших народных движений, повлекших за собой раздробление Болгарского царства. Отсюда понятно, что большой исторический интерес заключался бы в определении тех мотивов, которыми обусловливались намеченные выше движения. К сожалению, за скудостью данных мы должны пока довольствоваться догадками, которым твердую опору дают памятники церковной истории, относящиеся к царствованию Василия II (1020). Это суть знаменитые хрисовулы победителя болгар, которыми он обеспечивал права Болгарской Церкви и политические права побежденного народа. Они сохранились не в подлинном виде, а в копии, вошедшей в хрисовул Михаила Палеолога от 1272 г.[8]

Ниже мы должны будем возвратиться еще раз к рассмотрению содержания этих памятников, теперь же отметим, что в них заключается важный материал и для занимающей нас эпохи Петра Симеоновича. Издавая хрисовулы, царь Василий, с одной стороны, утверждал нераздельность и целость болгарской церковной области и нерушимость ее земельных владений после перехода Болгарии под власть Византии — с другой, вместе с тем он давал авторитет и юридическую санкцию старым грамотам и привилегиям, изданным предшественниками его, царями болгар.

> «Мы постановляем, чтобы нынешний святейший архиепископ владел всеми болгарскими епископиями, над которыми *прежние архиепископы имели верховную власть при царях Петре и Самуиле*. Хотя мы владеем теперь этой страной, но сохранили неприкосновенными ее привилегии и подтверждаем их нашими хрисовулами и печатями и повелеваем, чтобы нынешний святейший архиепископ Болгарии владел *тою же самой церковною областию, какая была в его власти при царе Петре*, и чтобы господствовал над всеми епископиями Болгарии». Утверждая права епископии Силистрии — Дристры на владение 40 клириками и 40 париками, хрисовул присоединяет следующее объяснение. «Ибо при Петре, прежнем болгарском царе, этот город славился честью архиепископской кафедры; после же того архиепископия переходила из города в город — в Софию, в Водену и Моглены, — пока не перешла в Охриду». В заключительной части вновь повторяется выраженная выше мысль. «Утверждаем за архиепископом Болгарии названные епархии, как и прежде была над ними его власть, установленная старыми узаконениями, ибо не отменяем ничего из прежних преимуществ Болгарской

архиепископии, а если бы она и испытала какой ущерб, то настоящим хрисовулом нашим восстановляем его, дабы нерушимо и неизменно сохранялись все древние преимущества архиепископии» *.

Трудно найти лучших подтверждений, что в хрисовулах мы имеем первостепенный памятник для определения церковной, а следовательно, и политической границы Болгарии в период установления мирных отношений с империей при царе Петре. Отсюда понятна их историческая важность и глубокий интерес, возбуждаемый ими в научной литературе. Оказалось, что более тщательное изучение хрисовулов позволило открыть в них драгоценные данные как для этнографии Балканского полуострова, так и для старославянского языка.

«Очевидно,— говорит Новакович [9],— перед составителем был список епархий на старославянском языке. Еще важней, что канцелярия Охридской архиепископии издала греческую копию, составленную на основании старославянского оригинала, хранившегося в архивах архиепископии. В начале XI в. по македонским церквам еще сохранялся в целости старославянский язык с его отличительными чертами немых, носовых и смешанных гласных, что можно видеть в самой греческой транскрипции.

Список имен городов и жуп, вошедших в хрисовулы, составляет основу для славянской топографии от X—XI вв. Это было время, когда славянская колонизация полуострова могла считаться законченной, а следовательно, и географическая номенклатура установившимся фактом. На основании географических имен можно делать заключения о путях сообщения и о большей или меньшей населенности».

Нельзя сказать, чтобы изучение топографических данных, заключающихся в хрисовулах, могло считаться законченным, тем более что филологические толкования особенностей языка могут встретить споры **. Но и в смысле приурочения географической номенклатуры можно извлекать из хрисовулов в пользу Болгарской Церкви весьма важные данные. Легко понять, что в историческом отношении гораздо важней юго-западная и северо-западная границы подчиненной Охридской патриархии территории, чем северная или восточная. Здесь болгарская церковная власть должна была отмежеваться от Константинопольской патриархии, равно как славянский этнографический элемент от греческого, и, следовательно, в официальном акте империи здесь должна была наблюдаться особенная точность. И тем не менее сообщаемые в хрисовулах местные имена дают бесспорные основания к заключению, что церковная область Болгарского патриархата сильно вдавалась в греческую

* /Οὐ γὰρ παραχαράττομέν τι ἐκ τῶν προτυπωθέντων τῇ ἀρχιεπισκοπῇ Βουλγαρίας, ἀλλ' εἰ καὶ ἠμαυρώθησαν, ἀνιστοροῦμεν καὶ ἀνατυποῦμεν διεὶ τοῦ παρόντος σιγιλλίου ἡμῶν ἀπαράθραυστά τε διατηρεῖσθαι καὶ ἀνακαινόμητα πάντα τὰ ἐξ ἀρκαίων ἀνήκοντα τῇ ἀρκιεπισκοπῇ./

** Как можно судить по возражениям на статью С. Новаковича болгарского ученого Иванова в I кн. «Списание на българската академія» (1911).

Македонию, Фессалию и Эпир. Весьма интересно в этом отношении определение границ некоторых епархий. Такова Костурская епархия с кафедрой в Корче и с городами Деволь, Колония и Мория, в особенности Главиницкая, находившаяся с кафедральным городом Главиница на берегу Адриатического моря, близ Янины, и неподалеку от города Канина. Это главная полоса, где архиепископия доходила до Адриатического моря. Юго-восточный угол этой площади, организованный как епархия Сербица, вдавался в греческую Фессалию и составлял здесь границу болгарских владений и архиепископии. Еще любопытней появление в хрисовуле географических имен Черника, Химара и Стага с именами соответствующих епархий. Это ведет в окрестности Эльбассана и Аргирокастро, где была епископия Дриинопольская, составлявшая крайний предел распространения Болгарского царства и Охридской архиепископии. Можно пожалеть, что не добыто таких же точных данных для определения границ Болгарии на северо-западе, где известно лишь в общих чертах, что граница шла по Дрину до Савы.

Насколько позволяют судить приведенные данные, заключенный в 927 г. мир давал Болгарии значительные преимущества, установив политическую границу Болгарского царства и автокефальность архиепископии. Нет сомнения, что весь церковный строй был сколком с византийского. Церкви пожалованы были большие земельные угодья с населяющими их зависимыми крестьянами, и по образцу византийского строя и соответственно каноническим правилам Болгарская Церковь получила административные и судебные привилегии. Но самым важным преимуществом нового порядка вещей, который, казалось бы, должен был иметь влияние и на внутреннее объединение всей территории, населенной различными и разноплеменными народами (кроме сербов и болгар албанцы, влахи, греки и др.), был общий церковнославянский язык, наследие просветительной миссии славянских проповедников Кирилла и Мефодия. Следует видеть большое несчастие для истории южных славян в том, что обстоятельства времени не позволили окрепнуть началам, на каких было основано царство Петра Симеоновича. Именно с этой точки зрения весьма важно войти в рассмотрение внутренних отношений небольшого периода Болгарского царства до разделения его на две половины, хотя бы эта задача несколько больше задержала нас на северной окраине, чем это желательно. Прежде всего имеются известия о внутренних движениях против царя Петра, которые свидетельствуют, что поводов к недовольству было достаточно как в центре, так и на окраинах обширного царства. Уже при самом вступлении его на престол партия бояр, возвысившаяся при Симеоне, составила заговор, имевший целью политический переворот в пользу младшего брата Петра, царевича Иоанна. Но заговор был своевременно открыт и потушен с обычною в таких случаях жестокостью, а царевич Иоанн наказан был ссылкой в Константинополь, где, однако, его не заключили в монастырь, как то предполагалось, а, напротив, наградили саном патрикия и наделили почестями и богатствами.

Вскоре обнаружилось новое восстание, имевшее целью также политический переворот в пользу старшего царевича Михаила, который уже ранее был пострижен в монахи. На этот раз предполагалось образование самостоятельного княжения в западных областях царства, но

за смертию Михаила повстанцы должны были искать спасения в пределах империи, где и поселились в Северном Эпире у Артского залива. Наконец, в последние годы правления Петра последовало новое восстание, имевшее уже кроме династического и территориально-политический характер. Хотя об этом последнем движении, поднятом в западных пределах царства знаменитыми *комитопулами*, не сохранилось точных известий, но так как оно сопровождалось разделением Болгарского царства на восточную и западную половины и появлением новой династии Шишманичей, то в нем следует видеть один из существенных моментов разложения Болгарского царства и объяснение его нужно искать в географических и этнографических условиях образования Симеоновой державы. Комит Шишман и четыре его сына с библейскими именами Давида, Моисея, Аарона и Самуила, основавшие независимое княжение в области Охридского и Преспанского озер, являются представителями особой политической и этнографической группы в обширном царстве и сосредоточивают около себя те народные элементы, которые не успели слиться с болгарами и которые в течение всего средневековья стремились к особности и автономности. Ни минуты нельзя колебаться относительно того, как назвать эти элементы: Шишманы опираются на албанские и сербские элементы, как впоследствии основатели второго Болгарского царства, Асени, черпали силы в румынских валахах.

Вопрос, который мы здесь затронули, не касается лишь X века, а всей истории Балканского полуострова в средние века и в новое время. Попытки образования больших политических союзов на полуострове всегда оканчивались неудачно: ни болгарские, ни сербские цари не в состоянии были сломить партикуляризма и национальных особенностей и организовать такое политическое тело, которое бы выдержало напор враждебных сил. Роковые условия образования племенных и народных групп и происхождения государственности на Балканском полуострове, несомненно, лежат в разнообразных влияниях византинизма и в близком соседстве с империей, которая всячески препятствовала образованию национальных и политических союзов между славянами, и, наконец, в национальном характере славянской расы. Но никак нельзя согласиться с заключениями, свидетельствующими о безграничном пессимизме и крайней безнадежности высокоуважаемого сербского академика покойного С. Новаковича, который советует совсем вычеркнуть из истории средние века и начать строить жизнь на основании тех данных, какие постепенно выработались к нынешнему времени, «предоставив истории считаться с нелепым прошлым»[10]. Кратко намеченные выше политические движения в Болгарском царстве до некоторой степени выясняют причины непрочности политической организации в первом Болгарском царстве. Можно присоединить сюда другое обстоятельство, не менее первого содействовавшее расчленению наскоро созданной организации. В церковном отношении территория была разделена приблизительно на 40 епархий; нужно думать, что такое же число гражданских управлений составляло совокупность административного устройства Болгарии. Достаточно ли было в начале X в. грамотных духовных лиц, чтобы заместить ими не говорим уже места приходских священников, но даже епископские кафедры; вообще оказалось ли духовенство на высоте своего положения, чтобы руководить недавно обращенным наро-

дом, и было ли оно национально-славянское или состояло больше из греков?

Склоняясь больше к последнему мнению, мы приводим здесь резкие отзывы о болгарском духовенстве, идущие от писателей того же времени, как пресвитер Косьма [11], и др., которые достаточно выясняют и отсутствие популярности духовенства, и неспособность его послужить спайкой для разнородных частей Болгарии, и, по всей вероятности, его не-славянское происхождение. Сочинение пресвитера Косьмы, имеющее целью обличение богомилов — ереси, усилившейся в Болгарии в царствование Петра,— дает, кроме того, драгоценный материал для характеристики внутреннего положения страны в эту критическую эпоху. Будучи обличителем ереси, Косьма был в то же время горячий патриот и не скрывал своих взглядов на недостатки общества, в особенности правящих классов, духовных и светских. Остается до сих пор не выясненным, однако, сколько в обличениях Косьмы реальной правды, взятой из живой действительности, и сколько отвлеченного аскетизма и монашеской нетерпимости и односторонности. Таковы его нападки на монашество и на излишнее стремление светских людей постригаться в монахи, таковы в особенности нападки на современное правящее духовное сословие, епископов и священников. В нерадении о своих пастырских обязанностях пастырей, в их увлечении роскошью жизни и праздностью он видит главную причину усиления еретиков, которые весьма искусно пользуются доверчивостью простого народа и умело привлекают его на свою сторону. Но когда встречаем у него обличение за игру на гуслях, песни и пляски и когда причину этого он сводит на недостаток усердия к чтению книг и приписывает лености иерейской, то невольно склоняемся к выводу, что наш обличитель находится под влиянием отвлеченной системы и не всегда может давать себе отчет в реальности. Признавая, однако, недостатки современного духовенства, мы все же затруднились бы объяснением того, откуда образовалось такое раздвоение между пастырями и пасомыми, о котором говорит пресвитер Косьма. То обстоятельство, что у некоторых находились богатые библиотеки с большими собраниями книг и что эти сокровища оказывались закрытыми для граждан,— на наш взгляд, также не свидетельствует в пользу реальности наблюдений Косьмы. В половине X в. еще только создавалась славянская письменность: если у кого могли быть собрания рукописей, то не у болгар, а у греков.

Более важным в произведении пресвитера Косьмы является отдел об ереси павликиан или богомилов, которая в царствование Петра пустила глубокие корни в Болгарском царстве, будучи перенесена сюда колонистами из Малой Азии, поселенными в Филиппопольской области [12]. Эта космологическая система, построенная на основе дуализма, нашла весьма подготовленную почву среди славян Балканского полуострова и держалась между ними как национальная, тесно связанная с деревенскими народными слоями вера в течение всех средних веков. Основателем этого нового вероучения был поп Богомил, от которого получила наименование и самая ересь. Хотя полного развития богомильство достигает в XI и в XII вв. и мы будем иметь еще случай к нему возвратиться как к вероучению, продолжавшему действовать во весь византийский период, но здесь необходимо отметить условия,

способствовавшие его распространению между славянами Балканского полуострова. Богомильство, как и павликианство, есть в высшей степени антицерковная система. В кратких чертах она заключается в следующем. Бог есть Творец высшего мира и не имеет власти в нашем земном мире, который создан злым началом. Как видимый мир, так и человеческое тело есть произведение злого начала, только душа наша создана добрым Богом. Павликиане отвергали Ветхий Завет, пророков называли обманщиками и ворами. Христос пришел освободить людей от рабства демиургу или злому началу. Он прошел в своем эфирном теле через деву Марию как через канал; страдания его были только кажущимися. Поэтому они отвергали поклонение кресту, как знамению проклятия и орудию демиурга. Таинства не признавались священными действиями, сообщающими благодать. Над всем человеческим родом тяготеет иго злого начала, которое называется также Сатанаилом. Созданные человеческими руками храмы населены демонами, каждый человек есть вместилище демона. Только богомилы суть истинно верующие, их боятся демоны, как носящих в себе Св. Духа. В богомильстве сосредоточились самые резкие антицерковные элементы: отрицание храмов, которые они населили демонами, отрицание церковной иерархии и таинств, а в догматическом отношении они проводили антихристианское начало, отрицая все таинство божественного домостроительства.

Весьма вероятно, что богомильство заключало в себе и антигосударственные начала. По свидетельству Косьмы, еретики учили не повиноваться властям, хулили царя, укоряли бояр, считали непозволительным работать на царя и повиноваться господам. Из этих данных можно видеть, что богомильское учение отличалось всеми качествами противогосударственной и противоцерковной системы и что его распространение в едва лишь начавшем складываться Болгарском государстве должно иметь объяснение столько же в свойствах славянской расы и в нравственном состоянии тогдашнего общества, сколько в недостатках церковной организации, которая подвергалась сильным нападкам современников. Тем не менее со стороны северной границы во все время царствования Константина VII наблюдались совершенно точно обозначенные отношения духовного отчества и сыновства, которые имели свое основание в договорных и брачных отношениях 927 г.

Слегка намеченные выше элементы разложения Болгарского царства не нашли себе противодействия ни в Церкви, ни в высших классах общества и выразились в громадных потрясениях, испытанных Болгарией в X и XI вв. Между тем на северных границах империи в то же время подготовлялись новые живые народные силы, которым суждено было иметь известное значение в судьбах империи. В самом начале X в. пало Моравское княжество под ударами угорской кочевой орды, которая основалась на местах, прежде занятых моравянами и словаками, и дала совершенно новое направление истории северо-западного славянства.

/«По смерти Святополка,— читаем у Константина Порфирородного,— между его детьми начались распри и поднялась междоусобная война, тогда пришли угры, истребили их вконец и завладели их страной, которую населяют и в настоящее время. Часть населения, пережившая этот погром, разбежалась по соседним странам»[13]./

Утвердившись первоначально в равнине между Тиссой и Дунаем, угры прежде всего были виновниками того, что начавшееся среди моравских славян культурное движение перешло в другое место / : ученики славянских просветителей перешли в Болгарию и здесь продолжали под покровительством царя Симеона культурную деятельность. Кроме того, угры как кочевой народ, попавший в совершенно новые для него условия жизни, сам начал подчиняться условиям окружающей среды и постепенно пришел к необходимости сознательной деятельности. /

Как показано выше, угры вовлечены были в тогдашнее историческое течение с двух сторон: со стороны царя Льва VI и со стороны Арнульфа, короля немецкого. Приобретенные той и другой стороной временные выгоды были слишком призрачны. Хотя угры, ворвавшись клином в области, занятые славянами, и ослабив их на долгое время своими опустошительными набегами, действительно могли доставить временное облегчение грекам и германцам, но они не удовольствовались скромной ролью поработителей моравских славян. Ни император, ни король немецкий не предвидели того, что хищная орда, привыкшая жить грабежом и наездами на культурных соседей, не скоро применится к новым условиям жизни среди оседлого и привыкшего к мирным занятиям населения. После того как угры ознакомились с европейскими культурными и богатыми областями, их неудержимо потянуло на запад и они сделались страшной грозой для Германии и Италии. Уже в 898 г. с уграми познакомилась Италия. Значительный конный отряд проник до Бренты, и здесь посланные вперед соглядатаи сообщили достоверные сведения о богатых городах Италии, прекрасном климате и производительности страны, но вместе с тем о густом населении и укрепленных городах, которые нужно брать искусством и продолжительной осадой. Ввиду полученных сведений угры на следующий год предприняли настоящий поход в Сев. Италию и на этот раз дошли до Павии. Король Беренгарий выступил против них с 15-тысячным войском, но потерпел полное поражение (25 сент. 899 г.). В течение целого года угры безнаказанно опустошали Северную Италию и с богатой добычей спокойно возвратились в свой стан на реке Тиссе. Положение Германии, разъедаемой борьбой и внутренними смутами, было весьма благоприятно для хищнических набегов угров, которые вынудили себе у немцев ежегодную дань. В 907 г. они нанесли страшное поражение маркграфу Люитпольду и овладели частью Баварии и затем без всяких опасений совершали почти ежегодные походы в Швабию, Тюрингию и Саксонию. Наконец, опасность со стороны угров стала угрожать непосредственно византийским интересам, а частию и владениям империи. Не говоря уже о том, что вследствие угорского вторжения дунайские области стали недоступны для византийского влияния и торговли, самые имперские владения не были обеспечены против угорских набегов: в Италии они стали угрожать римской Кампании и Капуе, на Балканском полуострове они опустошали Болгарию и приближались к византийским областям. Наконец, они появились и в пределах империи: в 934 г. они сделали нападение на Фракию. В высшей степени любопытно отметить, как бережно Роман Лакапин отнесся к уграм. «Был первый набег угров против ромэев VII индикта в апреле месяце. Они проникли до столицы, произведя во Фракии всеобщий

погром»*. Отправлен был с целью договориться о выкупе пленных патрикий Феофан, который так искусно исполнил свое поручение умелым обращением с уграми, что достиг от них всего, чего желал, и что они очень были удивлены его обхождением и умом. И царь Роман показал свое великодушие и любовь к подданным, не пожалев назначить большие суммы на выкуп пленных. Но легкость получения добычи могла только заохотить угров на новые предприятия. В 943 г. они повторили нападение, и снова патрикий Феофан был послан для переговоров, на этот раз угры дали заложников и заключили мир на пять лет. Но, конечно, мир не был соблюдаем, и новые нападения продолжались с прежней жестокостью и с одинаковой жадностью к добыче. У империи было средство воздействовать на язычников посредством обещания почестей и наделения титулами и почетными званиями. Некоторые из угров, жившие в Константинополе в качестве заложников, получали сан патрикия и принимали христианство, хотя на первых порах без внутреннего убеждения. Известно, что угры внесли в Европу новый способ военного дела и что первое поражение, нанесенное им Генрихом I при Мерзебурге в 933 г., объясняется участием немецкой конницы, которая впервые тогда отмечается в военном деле. Но крутой поворот в военной карьере угров последовал после 955 г., когда Оттон I нанес им сильное поражение при Лехе. Это действительно был успех европейской христианской культуры над азиатским варварством, который нашел отклик на Востоке и Западе и был приветствуем и византийским царем и кордовским калифом. Когда в 958 г. угры снова появились во Фракии и в дни св. Пасхи выслали свои разъезды до стен столицы, то царь решился принять против них уже другие меры, чем прежде,— именно, против угров был послан доместик экскувитов Ноф Аргир вместе со стратигами азиатских фем, которые употребили против неприятеля его же собственную тактику и, напав на него в ночное время, произвели в лагере угров большой разгром и отняли у них добычу и пленных. Угры продолжали свои набеги и после Константина VII, но тогда уже их военная слава значительно ослабела и Византия находила возможным встречать их с хорошо подготовленными для борьбы с ними войсками.

В X в. приобретают важное значение на северной границе русские. В сношениях Руси с Византией находит себе выражение героический период русской истории, оставивший ясный след в сказке, песне и в летописи. Морские походы на Византию обращают на себя внимание не только по смелости, отваге и неожиданности появления руси на отдаленных театрах, но также по своей организации и численности сил, какими располагали русские князья. Не следует забывать, что походы предпринимались против государства, владевшего сильным флотом, который никогда не оставлял столицы без прикрытия. Византия и в X в. могла организовать сильные эскадры против критских арабов, и ее военные суда, в особенности носившие имя *дромонов*, могли поднимать экипаж до 300 человек. Следовательно, мы не имели бы правильного представления о ходе дел, если бы в походах Олега и Игоря весь успех объясняли быстротой и неожиданностью нападения. Самый поход Игоря, который

* Οἱ καὶ καταδραμόντες μέχρι τῆς πόλεως ἐληΐσαντα πᾶσαν θρακῴαν ψυχήν (Theoph. Contin. P. 422. 22).

относится к числу неудачных, показывает, что морские походы были далеко не легкомысленными предприятиями, рассчитанными на сбор добычи и на поспешное отступление. Уже и то соображение должно изменять взгляд на ход событий, что императорское правительство было своевременно предупреждаемо о подготовляемом из Руси движении и что оно могло принять меры к защите. По нашему мнению, внимательное изучение событий приводит к заключению, что материальная обстановка морских походов была гораздо выше того, что приходит на мысль при имени лодок-однодеревок, что русские имели у себя на службе и опытных моряков и делали запасы оружием и продовольствием.

Мы не будем говорить здесь о походах 907 и 911 гг., сопровождавшихся известным договором Руси с греками, который сохранен в русской летописи. Ограничимся изложением обстоятельств похода князя Игоря. Это уже весьма обстоятельно отмеченный факт византийской, арабской и латинской летописью со многими подробностями, рисующими его обстановку. В мае или в начале июня 941 г. киевский князь Игорь с флотом пристал к черноморским берегам Малой Азии и, сделав высадку, подверг опустошению Вифинию. Вся азиатская часть Босфора от Ривы до Хрисополя страдала от русского отряда, так как император Роман Лакапин оказался в то время без средств к защите: флот был послан против арабов, а фемное войско было отозвано на восточную границу. Роман собрал, однако, несколько судов, находившихся в гаванях Константинополя, и, снабдив их греческим огнем, послал патрикия и протовестиария Феофана к устьям Босфора, где пристал русский флот. Русские не могли вынести действия греческого огня и должны были отступить со своим флотом, между тем как сухопутный отряд продолжал свои опустошительные набеги по Вифинии. Здесь важно отметить одно обстоятельство, бросающее особенный свет на ход дела. Хотя императорский флот нагнал страх на русские суда, но эти лодки-однодеревки не были уничтожены, а продолжали от июня по сентябрь держаться у берегов Вифинии и поддерживать сухопутный отряд, действовавший на суше не на тесной приморской территории, но далеко внутри страны, доходя до Никомидии. Понадобились исключительно благоприятные обстоятельства на арабской границе, чтобы можно было отозвать оттуда лучших стратигов — Иоанна Куркуа и Варду Фоку. С помощью вновь прибывших с востока фем империя положила предел русским грабежам в Малой Азии. Ввиду приближавшихся холодов и осеннего времени Игорь посадил свой отряд на суда и начал отступление, но его встретил вновь византийский флот под начальством патрикия Феофана. Русские понесли большие потери, часть потонула в море, часть спасшихся достигла на нескольких кораблях крымских берегов. Захваченные в плен были приведены в столицу и обезглавлены. Этим, однако, не окончились враждебные отношения Руси к Византии. Игорь снова собрал большое войско в 944 г., но император отправил послов к печенегам и подкупил их для нападения на Киев, почему Игорь должен был согласиться на предложенные ему условия мира.

В походах руси на Византию нельзя не отметить культурного элемента, который чрезвычайно ярко проглядывает в содержании договоров с греками. Уже князь Святослав желал перенести свою столицу на

Дунай в той мысли, что туда свозятся лучшие произведения из разных стран; соответственно тому и походы на Константинополь сопровождаются установлением правильных торговых сношений между Россией и Византией, в которых тщательно обеспечивались торговые интересы русских купцов. / Рядом с договорами в этом отношении особенно выигрывает путешествие в Константинополь великой княгини Ольги, как оно описано в придворном византийском журнале. / Завязавшиеся в X в. сношения между Киевской Русью и империей привели, между прочим, к военному братству; в Византии постоянно находился военный отряд из русских наемников, который принимал участие в морских и сухопутных походах,— сначала в несколько сот человек, а впоследствии в несколько тысяч. Пребывание в Константинополе русских дружин должно было сопровождаться разнообразными культурными воздействиями на них со стороны Церкви. Уже из договора Игоря несомненно следует заключение, что между русскими договаривающимися были две стороны — христиане и язычники. «Кто помыслит от страны Русской разрушити таку любовь, то принявшие крещение да приимут наказание от Бога Вседержителя, а некрещеные да не имуть помощи от Перуна» [14]. Что к половине X в. в Киеве много было христиан, это засвидетельствовано и в летописи. Княгиня Ольга посетила Константинополь уже христианкой, в ее свите был, между прочим, священник Григорий.

Совершенно особое место принадлежит в истории занимающего нас теперь времени известиям о славянских колониях в Лаконике, по склонам Тайгета. Судьба нескольких колен, заброшенных в период славянской колонизации Балканского полуострова на самые южные оконечности Пелопонниса, представляет большой интерес в Греции средних веков [15]. В частности, по отношению к бледной выразительными фактами югославянской истории история трех колен, которые, будучи окружены совершенно чуждыми народными элементами и находясь вне связи с единоплеменниками своими на Балканском полуострове, все же продолжали долгое время сохранять известного рода автономию и особенности быта, представляет любопытную проблему. Три колена, о которых идет речь,— милинги, езериты и майноты, ведущие неравную борьбу с империей, но никогда не пришедшие к мысли о реформе коленного устройства и образовании политического союза из раздельных колен,— до известной степени дают на малом примере разгадку средневековой истории южных славян. В занимающий нас период славянские поселения не ограничивались упомянутыми коленами, но шли далее в Аркадию, где было особое колено в равнине Скорта, на границе же Фессалии и Эпира было сплошное славянское население. И тем не менее между славянскими колониями ни разу не находим солидарности и попытки организовать такое движение, в котором бы проглядывала государственная или по крайней мере племенная идея. Пелопоннисским славянам нанесен был чувствительный удар во второй половине IX в. тогдашним стратигом фемы протоспафарием Феоктистом. Относительно последующей судьбы их единственное и весьма ценное известие сохранено у Константина Порфирородного [16], которым здесь и воспользуемся. Говоря об экспедиции упомянутого Феоктиста, наш писатель выражается так:

> «Всех славян, остававшихся в полузависимом положении в пелопоннисской феме, он победил и подчинил, остались

только езериты и милинги в Лаконике и Элосе. Там находится большая и высокая гора, называемая Пентадактил (Тайгет), вдающаяся на большое пространство в море, и по обеим ее сторонам, ввиду недоступности места, поселились на одном склоне милинги, на другом — езериты. Вышеозначенный протоспафарий и стратиг Феоктист, добившись того, что и эти славяне согласились признать себя зависимыми, наложил на них дань, на милингов 60 номисм, на езеригов 300, каковой налог они вносили при упомянутом стратиге *, как это утверждают местные жители».

Такое положение продолжалось до времени Романа Лакапина, когда стратиг протоспафарий Иоанн Протевон принял ряд мер к более строгому ограничению вольностей славян.

«Он довел до сведения кир Романа, что милинги и езериты совершенно вышли из подчинения, не признавая ни власти стратига, ни царских наказов; что они живут как *автономное и политически независимое племя* **; управляются своим выборным старшиной, а не назначенным от стратига, не ставят вспомогательного отряда в военные походы и, наконец, не исполняют никакой другой казенной повинности. Случилось так, что, прежде чем донесение стратига дошло по назначению, стратигом Пелопонниса был объявлен протоспафарий Кринит Аротра, которому, когда царь осведомился о положении дел в Лаконике, дан был приказ идти против милингов и езеритов с военными силами, победить их, подчинить и сделать на будущее время безопасными».

Славян постигла суровая расправа. / С марта месяца до ноября славяне выдерживали отчаянную борьбу: греки уничтожили их посевы, опустошили их селения и довели славян до последней крайности. Тогда они попросили прощения за прежние проступки и согласились отдаться на всю волю победителя. / Протоспафарий Кринит наложил на них подать больше прежнего, милинги должны были платить по 600 номисм, а подать с езеритов увеличена была вдвое. Но скоро обстоятельства изменились к выгоде славян. В пелопоннисской феме произошли смуты, вызвавшие смену стратигов. Здесь имеется весьма любопытное известие, что по случаю нападения на эту фему каких-то других славян византийское правительство принуждено было сделать уступку милингам и езеритам и отказаться от требования с них усиленных взносов.

«Поелику же, как сказано, в пелопоннисскую фему вступили славяне (οἱ Σκλαβησιανοί), то царь, опасаясь, чтобы они, соединившись с милингами и езеритами, не произвели разгрома всей фемы, издал в их пользу хрисовул, которым повелевалось платить им подать по прежнему положению».

* Налог весьма скромный. Если отправляться из соображения, что 5 номисм платит обыкновенно хороший домохозяин в казну, то взнос с целого колена в 60 номисм (ок. 240 р.) весьма незначительный.

** Ἀλλ᾽ εἰσιν ὥσπερ αὐτόνομοι καὶ αὐτοδέσποτοι. Весьма важное место, хорошо рисующее быт славянского колена.

Глава XVII

Литературная деятельность Константина

Обширная литературная деятельность Константина, а равно многообразные научно-литературные, археологические и художественные предприятия, во главе которых, несомненно, находился сам император и которые он поддерживал собственным примером и поощрял всеми способами, придают особенный интерес этому царствованию, с которым не может сравниться никакой другой период византийской истории, и побуждают остановить внимание на литературной производительности времени Константина Порфирородного. Давно уже признано, что невольное отчуждение Константина от политической роли и род почетного удаления от дел, в котором он находился целых 24 года при Романе Лакапине, своем тесте, должны считаться благоприятствующим обстоятельством, обеспечившим для Константина досуг и удобства, нужные для выполнения обширных научных предприятий. Женатый на дочери Романа Елене, которая по своему характеру едва ли была способна служить посредницей между своим мужем и властолюбивым отцом и несколько изменить весьма неблагоприятное положение при дворе того самого представителя Македонской династии, которому по праву принадлежало первое место, царь Константин никогда не забывал о принадлежащих ему по рождению правах и, когда представлялась возможность, высказывался об этом в предисловиях к своим сочинениям. Но и с устранением Романа и его сыновей, когда Константин сделался единовластным государем, он не обнаружил ни охоты заниматься правительственными делами, ни государственных способностей. Влияние перешло к царице Елене, из-за которой фактически правили ее любимцы. От брака Константина с Еленой родился сын Роман, на котором почили надежды Константина VII и в поучение которому составлены были некоторые сочинения. За царевичем была итальянская принцесса, незаконная дочь Гуго Берта; когда же она скончалась, Роман вступил во второй брак, с девицей греческого происхождения по имени Анастасо, принявшей имя Феофании. Но едва ли семейная обстановка оказывала влияние на жизнь царственного любителя книжных занятий; на характере его литературной деятельности скорей отразились семейные предания, идущие от Льва VI, равно как общее литературное движение, проявляющееся в весьма широких кругах в X в., и, наконец, то антикварное направление, которое так свойственно было греческой культуре занимающего нас времени.

Хотя современников Константина, имевших более или менее близкое к нему отношение по занятиям науками и литературой, можно насчитывать целыми десятками*, тем не менее никак нельзя сказать,

* Знаменитый Симеон Метафраст, или магистр и логофет Симеон, Иосиф Генесий, Иоанн Камениата, Феодор Дафнопат, протоспафарий Мануил (историки); епархи Феофил Еротик и Феодор Декаполит, Косьма магистр (законоведы); Василий Петин (по военному делу), Иоанн астролог и Николай, Феодор Велона и зограф Андрей.

чтобы с ними вместе образовалось в Византии такое просветительное движение, которое отразилось подъемом умственного уровня. Это зависит от самого характера литературного движения, в котором было мало живой силы и оригинальности. Несколько строк из прекрасной книги Рамбо [1] достаточно выясняют этот вопрос.

> «Существенный характер этой литературы заключается в недостатке оригинальности. Византия жила наследием Рима и Греции, основные идеи не подвергались перемене, общество оставалось весьма неподвижным, и в литературе не происходило обновления; в истории, богословии и науках — весьма мало оригинальных трудов. Трудно указать философскую систему, изобретенную византийцами. Предания языческой и христианской древности казались весьма обширными и без новых попыток к увеличению их. Ум человеческий изнемогал под влиянием массы книг и терялся в библиотечных собраниях. Этим состоянием угнетенного духа в Византии объясняется безграничная страсть к компиляциям. Замечается тенденция вместить в несколько сот книг все рукописные сокровища, какие сохранились от древности, сделать общим достоянием все книжное наследство. Фотий, самый крупный византийский ученый, знаменит компиляцией, именно, составлением «Библиотеки». Все ученые и литераторы X в. вовлечены были в составление обширных компиляций «Македонского дома». Характерным качеством научного движения этого периода нужно признать также универсальность знаний у каждого ученого или отсутствие специализации. Если наука не развивается, если перед учеными нет разнообразных открытий, тогда не ощущается нужды в разделении работы: таким образом, Фотий мог быть поставлен рядом с великанами XVI в., он не только был мастером в философии со всеми ее отделами и подотделами, в грамматике и литературе со всеми их тонкостями, не только в семи науках тривия и квадривия, но вместе с тем был большим правоведом, как показывает его Номоканон; в медицинских знаниях его сравнивали с Иппократом и Галеном, и епископ Захарий Халкидонский с полным доверием пользовался лекарством, приготовленным Фотием. Казалось, что средневековая Греция не имела в своем распоряжении ни идей, ни материалов, кроме тех, какие она заимствовала у древней Греции».

Этот несколько строгий приговор, если дать ему широкое применение, весьма справедлив по отношению к занимающему нас времени. Византийское умственное движение централизовалось в монастыре и в дворце и не захватывало широких общественных кругов, равно как не углублялось за пределы формального изучения вновь списываемых древних текстов. Тем не менее научная и литературная производительность, относящаяся ко времени Константина, заслуживает внимания не только со стороны истории литературы, но и составляет важный научный и археологический материал, который дает возможность воссоздать и приблизить к нашему пониманию многие стороны тогдашней жизни.

Прежде всего рассмотрим научные и литературные предприятия, веденные по почину императора Константина и пользовавшиеся его поощрением и щедрой материальной поддержкой. В этом отношении первое место по справедливости принадлежит обширному предприятию, касающемуся обработки самого большого материала, каким только располагала православная Византия, именно, обработки житий святых. Это предприятие должно быть названо по преимуществу византийским и в то же время национальным, потому что оно соответствовало идеям и настроениям тогдашнего общества. В то же самое время оно было так обширно, что распространялось на большую часть X века, будучи начато еще при Льве Мудром и окончено при ближайших преемниках Константина. Ученое предприятие, по преимуществу связанное с именем Симеона Метафраста, носившего титул магистра и логофета, касается приведения в известность, собрания и редакции древних житий святых, из коих весьма значительная часть сохранилась до настоящего времени, именно в обработке Симеона Метафраста. Не только в пределах империи, но и везде, где греческий язык и православие получили распространение, Симеоновы метафразы читались с большим увлечением и доставили виновнику их громадную известность. Нельзя думать, что один Симеон занимался этим большим и сложным делом, требовавшим огромных средств на приобретение рукописей и целой канцелярии сотрудников для переписки, извлечений и составления новой редакции из полученного материала. Позднейшие составители жизнеописаний святых, как у нас св. Димитрий Ростовский, пользовались трудом своего византийского предшественника как главным источником. По отношению ко времени жизни Симеона остаются еще некоторые сомнения, хотя они касаются мелких подробностей и не могут здесь занимать нас [2]. Более имеет значения точное определение роли Симеона в обработке материала жизнеописаний, так называемой метафрастовской редакции. Византийским свидетельством служит здесь «Похвала» Пселла, писателя, жившего во второй половине XI в. Оказывается, что существовавшие в то время биографии святых имели много недостатков, в них было много лживого и неверного и они составлены были в стиле слишком простом и грубом.

> «Все совершенно ясно сознавали и порицали недостатки этих произведений, но заменить их чем-либо другим никто не мог... Но чудный Симеон не остановился на одних неопределенных порывах; не отставая от других в выражении порицания, он решился на смелое предприятие... которое сделало его повсюду славным... Говорят, что он взялся за это дело не вдруг и не по собственному побуждению, его привели к нему царские увещания и побуждения со стороны тех, кому не чужды были попечения о разуме и слове. Все нужные приготовления были сделаны, вокруг него соединено достаточное количество помощников: одни из них записывали под его диктовку первоначальный текст, затем другие переписывали продиктованное. Сверх того, были справщики, просматривавшие написанное и по требованию смысла выправлявшие ошибки, пропущенные переписчиками. Сам Симеон вследствие громадного количества подлежащих пересмотру

сочинений не имел возможности несколько раз возвращаться к одному и тому же предмету».

Так как по отношению к труду Метафраста высказывались сомнения уже во время Пселла и формулированы были большие обвинения в XVI в. протестантскими учеными, то мы должны со всей внимательностью взвесить свидетельство Пселла, как самого близкого ко времени Метафраста писателя, который притом же хорошо был осведомлен в этом вопросе. Он утверждает, что Метафраст не переделывал содержания подлинников, относясь к ним как к первообразам и не касаясь существа их содержания. Он переделывал внешний вид или редактировал форму сочинений, исправляя недостатки речи, но не присоединяя новых мыслей. Таким образом, задача Симеона, по-видимому, состояла в подновлении языка и слога старых жизнеописаний, т. е. в передаче найденного им в материалах содержания другими словами, отсюда выражение «метафраз» или «перифраз». Рядом с этим в новой редакции были сделаны сокращения и исключения того, что казалось риторическим украшением в первоначальных составах. Но прийти к удовлетворительным заключениям на основании слов Пселла все же не так легко; для вполне точных выводов следовало бы сделать сравнение между житиями в метафрастовском своде и в старых редакциях. Признаком обработки, предпринятой Симеоном [3], считается: 1) сохранение хронологических данных, оборотов и таких объяснений, которые применимы только к первому автору, 2) литургические и церковноправовые установления, вошедшие в употребление в X в. Внутренним критерием для признания жизнеописания таким, которое подверглось редакции Метафраста, служит схематическое вступление в начале, имеющее своим предметом указание нравственно-педагогического значения предлагаемого жизнеописания.

Если Метафраст начал свою работу во время царствования Константина, то, конечно, поощрение и материальная поддержка, о которой говорится в «Похвале» Пселла, оказаны были ему именно этим императором. Допуская, что начало предприятия относится ко времени Льва VI, думаем, что выполнение его потребовало по крайней мере 40 или 50 лет и, несомненно, зависело от благорасположения царя-археолога, который не только оказывал ему материальную помощь, но и поддерживал царским авторитетом, без чего невозможно было сосредоточить столь громадный рукописный материал, какой был в распоряжении Метафраста.

Не менее громадным, хотя не в таком же смысле популярным и национальным, предприятием была историческая *энциклопедия*. Это предприятие всего ближе характеризует эпоху собирания и методического распределения старого исторического материала для удобств пользования современников и потомства. Эта идея нашла себе применение в «Библиотеке» патриарха Фотия и в X в. осуществлена была в более удобной и доступной для пользования форме: разные научные области распределены были по их отделам и специальностям на отдельные книги и главы. Характерным отличием этого предприятия нужно признать то, что древние сочинения входили в приготовляемые сборники не в целом виде, а в отрывках. Первое место между подобными компендиумами принадлежит сочинениям по истории

и политическим знаниям — сборник из 53 книг. Цель его изложена в предисловиях к сборникам «о посольствах» и «о добродетелях и пороках» * и состоит в следующем.

> «Так как некоторые цари и частные люди, для которых удовольствия не составляли главного в жизни, пытались обессмертить себя делами или своими сочинениями, то с течением времени безмерное количество фактов, преданное письмени, до такой степени безграничности расширило историческое сочленение, что читатель останавливался перед безмерным количеством фактов, и вследствие того исторические занятия оказались в пренебрежении. Император Константин признал за благо: 1) разыскать рукописи во всех странах и собрать их в одно хранилище, 2) сделать избрание и сокращение в этом огромном материале, 3) распределить сделанные извлечения на 53 книги, или специальности».

Хотя в этой работе должны были принять участие многочисленные ученые, но история сохранила имя только Феодосия Малого. В исторической энциклопедии X в. должна была найти место вся историческая литература как классической древности, так и византийского периода. Кроме собственно историков в план энциклопедии входили различные стороны государственной и правовой жизни: снаряжение посольств, вступление на престол, администрация, война, Церковь, разные роды литературы, как описания, речи и письма. Из этой громадной компиляции сохранились до настоящего времени весьма незначительные отрывки, за исключением отдела «о посольствах» (de legationibus), который имеется в полном виде. В нем заключаются два подотдела, состоящие из отрывков: 1) о посольствах иностранцев к римлянам, 2) о посольствах римлян к иностранцам **. Что касается остальных частей из 53 книг, то сохранилось весьма немного из отделов «о добродетели и пороке», «о сентенциях», «о заговорах» и, может быть, «об осадном искусстве» и «о военных речах». Вообще можно полагать, что из 53 отдельных глав, или предметов, которым посвящена историческая энциклопедия, мы имеем возможность по разным указаниям составить понятие о 31 главе [4].

Господствовавшая в X в. тенденция собирать древние рукописи и делать из них извлечения для практических потребностей выразилась также в составлении неизвестным литератором обширного сборника статей по сельскому хозяйству (γεωπονικά или γεωργικά). Этот сборник сделан около 950 г., в основание его положена работа схоластика Кассиана Басса (VI—VII вв.). Сюда же относится исполненная по поручению Константина врачом Феофаном Нонном работа по составлению сборника медицинских сочинений (ἰατρικά), равно как сборник сочинений по зоологии, составленный на основании писателя Аристофана Византия, который в свою очередь сокращал сочинения Аристотеля о том же предмете. Трудно, конечно, определить меру личного влияния императо-

* De legationibus; de virtutibus et vitiis.

** Так в эскуриальском код., № 43 и 44, второй подотдел имеет след оглавление: «Ὑπόθεσις τοῦ περὶ πρεσβειῶν τεύχους Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς» [Изложение книги о посольствах римлян к язычникам].

ра на появление указанных сборников энциклопедического содержания, но литературная традиция соединяла появление их с именем Константина *.

О значении указанных энциклопедических сочинений или сборников в настоящее время высказываются неодинаковые мнения. Говорят, между прочим, что, сохранив для потомства многое из древних писателей, которые, не будучи сохранены копиями, принятыми в сборники X в., утратились бы безвозвратно, император Константин теми же самыми извлечениями и копиями способствовал тому, что оригиналы перестали списываться, а копии вошли в моду и вытеснили самые оригиналы [5]. Несомненно, гораздо более заслуг оказал император своими личными литературными предприятиями, а равно такими изданиями, кои имели в нем непосредственного вдохновителя или встречали в нем материальную поддержку и поощрение. Последних так много, и они касаются таких разнообразных сторон истории и администрации, археологии и права, Церкви и политики, что в состоянии снискать со стороны изучающих византийскую историю глубокую признательность высокому меценату, сумевшему вызвать подъем литературных работ в X в. Главное место между личными произведениями Константина принадлежит его биографии деда и вместе основателя династии, царя Василия I. В предисловии к этому сочинению выражена, между прочим, энциклопедическая идея, о которой говорено выше:

> «Я имел намерение, если буду в состоянии, составить подробную историю императоров и подчиненных им архонтов, стратигов и их помощников за весь византийский период. Но как это предприятие требовало и продолжительного времени, и усиленных трудов, и большого запаса книг, и свободы от других занятий, чем мне нельзя было располагать, то я по необходимости обратился к другому решению. Я решился ограничиться жизнеописанием одного царя, который так высоко поднял царскую державу и вместе с тем был эпонимом царства и оказал столько пользы империи во внутренних и внешних делах; изложить всю его жизнь и дела от начала и до конца, дабы и последующим поколениям не остались неизвестными корень и источник царского родословного дерева, развившегося со временем вширь, и дабы его потомкам в нем был естественный образец доблести и подлинная статуя для подражания. Если же нам приложатся лета жизни, и последует хотя бы малое облегчение от болезней, и не случится внешних затруднений, весьма может быть, что мы присоединим связный рассказ, доходящий до нашего времени» [6].

Один из помощников Константина выражается следующим образом о литературной инициативе царя:

* Парижская рукопись, посвященная животному царству, имеет заглавие: «Συλλογή τῆς περὶ ζώων ἱστορίας, χερσαίων, πτηνῶν καὶ θαλαττίων, Κωνσταντίνῳ τῷ μεγάλῳ βασιλεῖ καὶ αὐτοκράτορι φιλοπονηθεῖσα» [Собрание сведений о животных, сухопутных, пернатых и морских, составленное для великого государя и самодержца Константина].

«Ты сам составляешь историю, пользуясь только в помощь нашей рукой. Всему предпочитая словесные занятия, так как они способны возбуждать соревнование и доблесть в тех, кто любит науку и исторические повествования, ты возымел прекрасное намерение составить как из письменных памятников, так из сохранившегося в устном предании как бы некоторое универсальное учебное учреждение для всех желающих. Началом своей истории ты положил предел, на котором остановился блаженный Феофан, т. е. ты начинаешь с того, кого, как внук, достаточно возвеличиваешь своими качествами по кровному родству и от кого в свою очередь заимствуешь блестящую славу» [7].

Время составления этого произведения довольно точно устанавливается из некоторых сделанных автором указаний. Так, он упоминает о крепости Адана, которую напрасно осаждал Василий и которая взята была в 956 г. Вардой Фокой, откуда следует заключить, что это сочинение одно из последних и что оно составлено в последние годы жизни Константина, после 956 и не позже 959 г. Таким образом, не прошло еще ста лет со смерти Василия, а внук его при всех громадных средствах, какие ему давало его положение, оказался уже в затруднительном положении в смысле исторических материалов.

«Пусть никто не удивляется и не ставит нам в вину, что мы так кратко, просто и как бы мимоходом рассказываем эти значительные события. Ибо повествование подражает быстроте самых событий, и потому оно так просто и отрывочно: скорей происходили тогдашние дела, чем я говорю об них. С другой стороны, так как протекло уже много времени, то подробности событий до известной степени утратились вследствие продолжительного молчания. Мы не можем знать, а следовательно, и говорить ни о том, каковы были построения военных отрядов, ни как стремительны были нападения или в какой степени были растянуты или сгущены фаланги, ни, наконец, как применялось военное искусство, так что у нас нет содержания для подробностей и мы не в состоянии останавливаться на таких вещах, из которых слагаются подробности рассказа. С другой стороны, мы не находим возможным принимать без проверки такие факты, которые не подтверждены, хотя бы о них много было устных преданий, дабы не казалось, что мы посвящаем царю вымышленную, а не действительную историю» [8].

Второе сочинение, несомненно принадлежащее Константину,— это сочинение о фемах. Можно пожалеть, что царственный автор не вошел в существо поставленной задачи и слишком формально отнесся к вопросу о происхождении системы деления империи по новым военным округам, названным фемами. «Это не древнее учреждение,— говорит он,— и никто из историков не делает упоминания о ныне употребительном наименовании фема». Автор рассматривает живой и современный вопрос исключительно с археологической точки зрения, не озаботившись собрать о нем такие данные, которые могли быть заимствованы из донесений стратигов и низших административных чинов фемы. Это

сочинение составлено в молодые годы Константина, около 934 г., чем вполне можно объяснить его значительные недостатки. В смысле географического материала в фемах имеются сведения V и VI вв., о X же столетии автор не имеет представления; любопытно еще отметить, что сведения об азиатских провинциях гораздо полней и основательней, чем то, что дается об европейских областях.

Во многом выше предыдущего стоит произведение Константина «Об управлении империей». В этом сочинении резко проведена педагогическая цель и заметна высокая попечительность о просвещении сына царя, Романа. Здесь автор не находится более в археологической обстановке, а занимается живыми вопросами современности и указывает сыну для назидания реальные факты, взятые из жизни.

«Изучи,— говорит Константин в предисловии,— что тебе нужно знать, и искусно берись за кормило правления. Обдумывай предстоящие к исполнению дела и приготовляйся изучением к будущим, дабы заручиться опытом и зрелостью и быть способным решать важные дела. Вот я предлагаю тебе программу, руководствуясь которою ты будешь в состоянии избирать лучшие решения и не ошибаться в том, что ведет к государственной пользе. Прежде всего следует знать, какой народ и в каком отношении может быть полезен или вреден ромэям, как и при помощи какого народа можно его ослабить войной и подчинить. Не менее того важно иметь представление о ненасытной алчности каждого народа и о нелепых притязаниях, какие он предъявляет, о различии между разными племенами, генеалогии и роде жизни, о положении и климате населяемой ими земли, очертании ее и измерении, о бывших между ромэями и этими народами сношениях, а равно и о последовавших затем реформах как в нашем управлении, так и во всей Ромэйской империи. Об этом я размышлял в себе самом и решился сообщить тебе, моему возлюбленному сыну, дабы ты имел понятие о каждом из этих народов и знал, как с ними обращаться и располагать к себе или воевать с ними и отражать их нападения. Ибо соседние народы будут страшиться тебя, как необыкновенного человека, и как огня будут избегать тебя, уста их сомкнутся, а твои слова, как стрелы, будут язвить их. При твоем появлении их обнимет страх, и дрожь охватит их пред лицом твоим. Вседержитель покроет тебя своим щитом, и Творец небесный внушит тебе мудрость, устроит путь твой и утвердит тебя на твердом основании. И трон твой будет перед Ним как солнце, и очи Его будут устремлены на тебя, и ничто неприятное не коснется тебя, ибо Он Сам избрал тебя, и отделил от матерней утробы, и дал тебе, как лучшему, царство Свое над всеми, и положил тебя как сторожевой столб на холме, или как золотую статую на колонне, или как город на горе, дабы народы несли тебе дары и населяющие землю воздавали тебе поклонение. Но, Господи Боже! Ты, царство Которого непоколебимо и вечно, будь водителем того, кто рожден мной чрез Тебя, и да будет лице Твое

обращено к нему, и ухо Твое да склоняется к его молитве, да покроет его рука Твоя, и да царствует в истине, и десница Твоя да покажет ему добрый путь. Да устроятся пути его пред Тобой, дабы он соблюдал правду Твою. Пред лицем его падут враги, и неприятели его будут лизать землю. Да покроется ствол рода его листьями многоплодия, и тень плода его да приосенит царские горы, ибо Тобою цари царствуют, славя Тебя вовеки».

В данном случае царь Константин употребил правильный и научный прием для составления своего труда, который и представляет в высшей степени ценный памятник — и не в археологическом отношении, а именно для X века. Что касается времени происхождения этого сочинения, то оно точно обозначено самим автором. На основании его показаний можно видеть, что первые 29 глав были составлены в 949—950 гг., все сочинение появилось не позже 953 г. Автору было тогда 48 лет, а царевичу Роману — 14.

В числе произведений, носящих имя Константина, должно быть особенно отмечено здесь го, которое весьма мало может претендовать на имя Константина, так как представляет собой сборник пьес разного времени, касающихся хозяйства, управления и официальной жизни дворцового ведомства. Это сочинение имеет оглавление «Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεος» или «De Cerimoniis aulae Byzantinae»*, в котором сохранились единственные и драгоценные данные по внутренней истории империи, где скрывается ключ для разгадки многих не выясненных еще сторон византийской официальной жизни. Нет ничего удивительного, что этот памятник занимает высокое место в ряду источников для истории Византии, хотя по материальному содержанию, по источникам происхождения и по своему составу он еще мало изучен [9]. В настоящее время выяснено, что в этом сборнике содержатся цельные сочинения, так, например, труд патрикия Петра, включенный в главы 84—85 и 86—95. Главы 52—57 представляют сочинение протоспафария Филофея, составленное в царствование Льва Мудрого, а в этот последний включена книга архиепископа Кипрского Епифания о порядке кафедр (гл. 54). Единственный полный экземпляр рукописи «Придворного устава» сохранился в Лейпцигской городской библиотеке; он написан на пергаменте и принадлежит почти к современным Константину копиям (XI в.). Так как рукопись «Придворного устава» имеет важное значение для славянской и русской истории, то мы нашли полезным дать образцы ее в нескольких снимках.

Чтобы составить некоторое понятие о «Придворном уставе», приведем несколько строк из Рейске, первого комментатора этого памятника.

«Нет ни в области церковной, ни гражданской истории такого предмета, которого бы не касался «Придворный устав». Желающий изучить церковные порядки и уставы узнает из этой книги, какова была Греческая Церковь в X в., как избирались патриархи, каковы были сношения их с царями,

* «Изложение о царском укладе» (греч.) или «Об образах Византийского двора» (лат.). *(Ред.)*

каково было устройство греческих храмов, какой порядок праздников; какие были крестные ходы, в какие дни и в какие храмы и монастыри они совершались. Не менее обширное поле изучения ожидает здесь и интересующегося светской историей. Здесь можно видеть, как происходила коронация царей, как цари праздновали свои свадьбы, крестили детей, делали производство в чины, ездили в загородные дворцы; как они смотрели игры в цирке, слушали приветствия димов, раздавали награды победившим наездникам; как совершались народные праздники (воты, врумалии) и чествовались высокоторжественные дни (рождение и бракосочетание царей, годовщина основания города); как происходили царские обеды, ежедневные приемы и поздравления; как совершались процессии, как цари ходили на войну, возвращались из похода и делали торжественные въезды в город, как снаряжали на войну морские и сухопутные войска; как принимали иностранных послов и как отправляли своих в чужие страны. В этой книге рассеяно множество сведений о византийском чиновном и служилом сословии, о придворной, военной и гражданской службе».

«Придворный устав» не может быть рассматриваем как произведение одного автора. Подобные памятники составляются частями и постепенно, как постепенно вырабатываются и закрепляются практикой те обряды, чины и последования, которые нашли себе место в «Уставе». Составитель излагает не новые или им придуманные обряды, но собирает и приводит в порядок то, что было записано раньше; его личная авторская роль заключается разве в некоторых дополнениях к найденному материалу сообразно с практикой, наблюдаемой в его время, и сообразно с вызываемыми временем и обстоятельствами изменениями в самых обрядах. Даже о второй части, которая могла бы на основании предисловия к ней быть приписываема одному автору, нельзя сказать, что она действительно составлена одним лицом. Точно так же нельзя думать, что «Устав» окончательно редактирован при Константине Порфирородном, ибо в нем встречаются статьи и позднейшего происхождения. В «Уставе» можно находить и очень древние элементы, относящиеся ко времени Льва, Анастасия и Иустина I, т. е. записи, которые происходят из V в. Очень значительная часть «Устава» должна быть отнесена ко времени Македонской династии, ибо царь Василий многие обряды восстановил, а иные впервые при нем введены. Окончательная редакция «Устава» должна быть относима к периоду от конца IX до конца X в. В этот период были вновь рассмотрены, редактированы и изменены, согласно существующей практике, старые записи или журналы о царских церемониях.

Хотя значение «Придворного устава» не может подвергаться спорам, но введение заключающегося в нем материала в научный оборот представляет значительные трудности, которые позволим себе указать здесь. В «Придворном уставе» мы имеем памятник совершенно особого характера. Занимаясь главным образом материалом для придворных церемоний, он получил окончательную редакцию тогда, когда эти церемонии сделались весьма сложны и разнообразны, так что стало трудно

соблюдать в точности обряд. «Устав» редактировался окончательно для того, чтобы закрепить письмом разнообразные формы этикета, сохранение коих считалось в высшей степени важным, так как в них видели реальную действительность, служившую выражением живущей империи. В настоящее время мы не можем относиться к «Придворному уставу» как к факту реальной действительности; для нас получает значение не то, чтобы тот или другой чин, принимающий участие в придворной церемонии, исполнил обязательно так, а не иначе предписанное ему действие; не то, чтобы процессия в тот или другой праздник шла непременно по тем портикам, а не по другим; это был существенный вопрос для византийского церемониймейстера времени происхождения «Устава»; для изучающего же историю Византии нет интереса в восстановлении этих пышных процессий. Следует принимать в соображение не столько индивидуальные особенности каждого обряда, сколько идею, которая дала ему содержание и проникала его; нужно делать различие между формой и содержанием. Встречаемые при изучении «Устава» трудности, остающиеся доселе непревзойденными, зависят от того, что в терминах его и в обрядах застыла когда-то живая действительность византийской официальной, в особенности придворной, жизни. Современному исследователю предстоит задача восстановить и оживить эту действительность.

Несмотря на недостатки редакции, «Придворный устав» остается бесценным памятником, изучение которого способно пролить свет на многие темные стороны византийской государственной жизни. Чтобы кратко объяснить это, мы должны указать, что материал, внесенный в «Устав», заимствован из государственного архива, из современных приказов, из официальных донесений военных и гражданских чинов и во многих случаях представляет собой документальные данные, которые должны быть изучаемы с технической стороны, по их форме и содержанию, и которых терминология, не находящая себе параллелей в других литературных памятниках, скрывает в себе намеки на обычаи и целые учреждения, составлявшие характерные качества Византийской империи.

Глава XVIII

Роман II. Царствование Никифора Фоки. Положение дел на восточной и западной границе. /Отношения к Западной империи. Италия и Рим/

По смерти Константина, последовавшей 9 ноября 959 г., престол перешел к сыну его Роману II, достигшему 21 года. Он не оправдал возлагавшихся на него отцом его надежд и умер в 963 г., оставив двух малолетних сыновей: Василия, родившегося в 957 г., и Константина — в 961 г., и двух дочерей — Зою и Феодору. Кратковременное царствование Романа II показало, что он далеко не был подготовлен к ожидавшей его царственной роли и был совершенно чужд идеальных взглядов на Римскую империю, какие рисовались отцу его, императору Константину. Современники упрекали Романа II, что он совершенно не занимался государственными делами, предпочитая всему личные удовольствия и забавы в кругу недостойных сверстников. Легко понять, что придворные интриги, обычные и в другое время, должны были получить преобладающее значение. При дворе было много женского персонала, который необходимо должен был вступить в борьбу из-за влияния. Августа Феофано, супруга Романа, не выносила вдовы Константина VII, царицы Елены. Она употребила свое влияние, чтобы остаться законодательницей моды и вкуса, вытеснила Елену с пятью ее дочерьми из дворца и заставила постричься в монахини пять дочерей своего умершего свекра; это были царевны Зоя, Феодора, Феофано, Анна и Агафия. Царица-мать не вынесла постигшего ее горя и скончалась в 961 г. Хотя большинство государственных и придворных людей предыдущего царствования было удалено от дел, но некоторые из них удержались и при новом дворе. Главнейшее место принадлежало евнуху Иосифу Вринге, который и при Константине пользовался уже большим влиянием, а при Романе сделался всемогущим лицом. Таким образом, несмотря на интриги и борьбу партий при дворе, которые угрожали даже переворотом в пользу сына Романа, общее направление государственных дел находилось в хороших руках благодаря опытным администраторам и генералам, прошедшим военную школу на Востоке. Независимо от воли молодого царя евнух Вринга подготовил громадное военное предприятие, осуществленное в кратковременное царствование Романа II и придавшее этому царствованию неожиданный и малозаслуженный им блеск. Смерть Романа, происшедшая от истощения организма чрезмерными удовольствиями, вызвала толки среди константинопольского населения, и, между прочим, пущен был слух о том, что царь умер от яда, приготовленного августой Феофано. Хотя трудно подтвердить верность этой молвы, но, принимая в соображение характер царицы и ее дальнейшую роль в судьбах империи, следует думать, что молва могла быть правдоподобна. Вакантность трона за смертию Романа открывала блестящие перспективы для супруги его, так как представ-

лялось необходимым объявить регентство за малолетством наследников престола, из коих старшему, Василию, было только 6 лет, а младшему, Константину, только 2 года. Естественным делом было принятие регентства августой Феофано, но ей пришлось бороться с двумя влияниями, которые могли быть опасны даже для нее, если бы она решилась пренебречь ими. Августа Феофано укрепила свое положение весьма практическим и на этот раз очень умным решением: она приблизила к власти самого популярного тогда в империи человека — знаменитого воителя на Востоке, прославленного победами над арабами Никифора Фоку.

С именем Никифора Фоки мы вступаем в период необыкновенного подъема политической и военной силы Византийской империи, которым она обязана главным образом исключительным талантам этого полководца, а потом одного из лучших венценосцев Македонского периода. Никифор составил себе известность еще в царствование Константина VII своими военными делами в Азии, на границе с мусульманскими владениями, по преимуществу в борьбе с эмирами Алеппо и Мосула и с наместниками Тарса и Триполи. В период царствования Романа II он носил уже титул магистра, который возвышал его над всеми тогдашними военными людьми и ставил на первое место в византийской служилой аристократии. Уроженец Каппадокии, Никифор принадлежал к местному землевладельческому классу. Среди военных людей он пользовался большой популярностью, так как слишком мало дорожил удобствами и в частной жизни ничем не отличался от обыкновенного воина, и между тем под его начальством восточные войска привыкли одерживать победы над мусульманами, исконными врагами православной христианской империи. Военная карьера Фок начинается с деда Никифора, носившего такое же имя и отличившегося победами над арабами в Южной Италии и Сицилии при царе Василии I; при Льве VI он стоял во главе византийских отрядов, ведших войну в Болгарии. Военное искусство и высшая военная команда как бы по наследству переходят к сыну Никифора Льву Фоке, известному доместику схол и сопернику Романа Лакапина, который, одержав над ним перевес, ослепил его. Другой сын старшего Никифора, Варда Фока, помог Константину VII освободиться из-под опеки Лакапинов, составил себе популярное имя на Востоке успешными войнами с мусульманами и в занимающий нас теперь период пользовался большим почетом за свои заслуги. Под начальством своего отца Варды Никифор-младший достиг на Востоке значительных военных успехов и популярности и по справедливости сделался преемником Варды в главном командовании восточными фемами, когда за старостью тот удалился от дел. Таким образом, Никифор в 960 г. был доместиком схол и стратигом восточных фем, т. е. в военной администрации был первым лицом. О значении семьи Фок в военной истории того времени свидетельствует еще и то, что один брат Никифора, Константин Фока, упоминается в качестве стратига фемы Селевкия, а другой брат, Лев Фока, занимал начальственное место над азиатскими войсками в то время, когда Никифору поручена была морская экспедиция против Крита.

Летописи IX и X вв. полны ужасающих известий о морских набегах критских арабов, повторяющихся почти каждый год, и о громадной

добыче пленниками и драгоценными предметами, увозимыми ими в Хандак и доставляемыми на восточные рынки. Вспомним хотя бы разграбление ими города Солуни в 904 г., причем одного живого человеческого товара увезено было до 22 тысяч! Империя предпринимала после того пять походов с целью обуздания страшных пиратов и возвращения себе острова Крита, но все экспедиции кончались неудачно и сопровождались большими потерями материальных средств и людей. Последнее предприятие этого рода относилось ко времени Константина VII под начальством стратига Самоса Константина Гонгила, и тяжкие его последствия были еще у всех на памяти. Тем не менее перед самой смертью Константин занят был мыслью об организации нового похода на Крит. Душой этого смелого предприятия был Иосиф Вринга, оставшийся во главе правительства при Романе II; ему, конечно, принадлежала забота подготовки экспедиции на Крит, обставленной богатыми средствами и снабженной большими военными силами, сухопутными и морскими. Он же имел заслугу назначить во главе экспедиции самого достойного и популярнейшего в то время военачальника в лице Никифора Фоки. Следует признать, что в 960 г., когда состоялась экспедиция против Крита, положение восточных арабов было весьма критическое, и против них можно было с надеждой на успех предпринять решительное действие. Прежде всего смуты в Багдадском калифате значительно ослабили власть главы мусульманства, вследствие чего в калифате образовались полузависимые княжества — султанаты и эмирства — в Персии, Месопотамии, в Сирии и Малой Азии; кроме того, подле калифа выросла власть его военного опекуна, рода палатого мэра франкского государства Меровингов, в лице султана Муиз ад-Дауле. Эти обстоятельства ставили критских арабов в изолированное положение и не позволяли им, как было прежде, надеяться на скорую помощь из Сирии от своих единоверцев. Все это было принято в соображение византийским правительством или, лучше, тогдашним всесильным министром Иосифом Врингой, когда он назначил летом 960 г. морской поход против Крита.

Подготовленная в 960 г. экспедиция, во главе которой было предназначено стать магистру Никифору Фоке, далеко превосходила по своему замыслу, применению громадных технических средств, многочисленным военным силам и множеству военных и грузовых судов все то, что доселе могла представить история византийских морских походов. По свидетельству современной летописи, всего в этом походе участвовало до 3300 судов разного назначения. Сила византийского флота заключалась не только в разных родах оружия, которыми были снабжены суда, но по преимуществу в том секретном для иностранцев и весьма губительном для всякого неприятеля военном снадобье, которое называлось живым, или греческим, огнем. Этим средством снабженные суда византийского флота внушали ужас неприятелю, по слухам или по опыту знавшему о губительном его действии на суше и на воде. Летом 960 г. (июнь — июль) византийский флот вышел из Константинополя, по пути близ берегов Малой Азии к нему присоединялись вспомогательные и дополнительные части с островов и морских фем в заранее условленных местах: Митилена, Хиос, Самос, Фигелы, на юг от Ефеса. Весьма любопытно сообщение Михаила Атталиата (XI в.), что, когда Никифор

намеревался отсюда держать путь на Крит, между византийскими моряками не оказалось налицо никого, кто бы мог вести флот вперед, так как никто не бывал дальше этих мест, ибо дальше уже море было недоступно для плавания греческих моряков. Выручили уроженцы острова Карнафы, которые взялись довести флот до критских берегов. Никифор сделал высадку на остров без всяких затруднений, так как критский эмир не подготовил ему сопротивления. Трудно сказать, где была сделана высадка, которая должна была произвести во всяком случае страшное впечатление на арабов. Современник описываемых событий историк Лев Диакон, которому мы обязаны самыми лучшими известиями по истории второй половины X в.[1], сообщает об этом весьма сухие данные.

> «Собрав по повелению государя все малоазийское войско, он посадил его на корабли и с весьма многими огненосными судами немедленно отправился и в короткое время пристал к острову Криту. Когда должно было сходить с кораблей, тогда он на самом деле показал свою опытность в делах воинских. Он привез с собою на судах лестницы, по коим высадил с кораблей всю пехоту и конницу на берег. Неприятели, пораженные сим новым и чрезвычайным случаем, оставались неподвижно на местах * по отрядам и ожидали нападения римлян».

Несмотря на блестящий успех, с которым была произведена высадка, в дальнейшем предстояло немало серьезных затруднений. Арабы имели на Крите укрепленные города, и столица арабского эмира Хандак, неподалеку от Кнососа, представляла собой сильное укрепление. Нужно было овладеть открытой страной и затем начать осаду городов; все это требовало времени и хорошей организации, кроме того, предстояло обеспечить византийский отряд против неожиданных высадок с моря, если бы сирийские или египетские арабы захотели подать помощь своим критским собратьям. Словом, византийскому стратигу следовало многое предусмотреть, чтобы воспользоваться счастливым началом. И нужно сказать, что не везде улыбалось ему счастие. Стратигу фракисийской фемы Никифору Пастиле поручено было сделать разведку в неприятельской стране. Отряд его предался грабежу и без всякой осторожности рассеялся по стране, «обильной пажитями, скотом, всякими плодами». Этим воспользовались арабы и неожиданным нападением почти совершенно истребили неосторожный отряд. Сам предводитель погиб в жаркой схватке. Понимая очень хорошо, что этот успех может сопровождаться весьма тяжелыми последствиями для начатого им похода, если не исправить его новым геройским поступком, который бы подействовал на арабов, Никифор решил немедленно идти на Хандак. Византийское войско шло по прекрасно обработанной и культурной стране, занятой частию христианами, хотя и обращенными в мусульманство, но с распростертыми объятиями принимавшими византийцев, частию арабами, которые спешили укрыться в горы. Подступив к Хандаку, или нынешней Кандии, Никифор должен был оценить неприступное положение крепости, защищенной, с одной стороны, высокой скалой, с дру-

* Употребленное в тексте выражение κατὰ χώραν ἔμενον означает именно то, что арабы не оказали сопротивления при высадке.

гой — морем, которую нельзя было брать силой, так как при естественной защите она была окружена стенами, по которым могли разъезжаться две повозки. Город был снабжен значительным гарнизоном и обеспечен съестными припасами. При таких условиях Никифор Фока не мог приступить к городу и взять его открытой силой. Нужно было решиться на правильную осаду и принудить его к сдаче голодом. В этом смысле и принят был ряд мер. Со стороны моря предоставлено было действовать флоту, который не только отрезал город от морских сношений, но и наблюдал за тем, чтобы извне не была ему подана помощь. Со стороны суши осаждающий отряд окружил город глубоким рвом и валом, так что, с одной стороны, защитил себя этим от неожиданных вылазок и нападений врага, с другой — совершенно изолировал его от сношений с мусульманами, населявшими остров. Вместе с тем главнокомандующий рассылал мелкие отряды во всех направлениях, чтобы опустошать страну, подчинять грекам города и селения и подвозить припасы для осаждающих Хандак войск. Прежде чем было закончено обложение города, эмир Абд-ель-Асиз уведомил африканских и испанских арабов об угрожавшей ему опасности, но помощи ему не было оказано. Осада затянулась на долгое время и поставила осажденных в отчаянное положение — начал ощущаться недостаток припасов. Хотя на выручку осажденным составился отряд в 40 тысяч человек, но Никифор узнал своевременно об его приближении и частию рассеял его, частию перебил на пути к Хандаку. Это обстоятельство, о котором осажденные скоро были оповещены выставленными напоказ под стенами города отрубленными головами арабов, повергло осажденный город в крайнее смущение, лишив его всякой надежды на внешнюю помощь. Хотя под влиянием суровой погоды в зиму 960/61 г. и недостаточного урожая Никифор испытывал большие лишения в самых необходимых предметах, но Иосиф Вринга принял экстренные меры, чтобы критское войско было снабжено всеми нужными запасами, и тем предупредить упадок военной дисциплины. Имея точные сведения через преданных ему людей о том, что делается в городе, Никифор узнавал заблаговременно о готовившихся вылазках, принимал соответствующие меры и наносил хандакскому гарнизону одно за другим сильные поражения. Весной 961 г., сделав надлежащие приготовления к нападению на городские стены, Никифор назначил приступ, который, однако, был отбит и сопровождался большими потерями для осаждавших. В начале марта сделана была новая и уже более решительная попытка овладеть городом. Для этого прежде всего употреблены были подкопы и применены заготовленные заранее стенобитные машины. Лев Диакон дает понять, каким образом был взят наконец город.

> «Как скоро из метательных орудий стали бросать в неприятелей множество тяжелых камней, то тотчас они начали отступать. Когда придвинули к стенам баран и сильно стали бить в оные, тогда многие воины спустились в ров, принялись подрывать, вырубать и разламывать камни, служащие стене основанием. Между тем беспрестанно били в стену бараном и мало-помалу проламывали сие твердое и непоколебимое здание. Подрывши стену и сделавши ее висящею над подкопом, воины подперли ее прямыми чурбанами, на-

валили груду сухого и легко воспламеняемого лому и, подложив огонь, вышли. Как скоро пламя усилилось и начали гореть подпоры, то вдруг две башни вместе со стеной, между ними находящеюся, треснули, обрушились и упали».

Таким образом, осаждавшие могли ворваться в город, где происходили сцены беспощадного убийства, грабежа и насилия, с одной стороны, и отчаянного сопротивления, борьбы за жизнь и свое имущество — со стороны побежденных. Сделав распоряжение о том, чтобы оказана была пощада всем безоружным и просящим о помиловании, Никифор, по обычаю времени, предал город грабежу и объявил всех жителей военнопленными. Эмир и старший сын его Анема и знатные жители города вместе с богатой добычей, захваченной завоевателями, были отделены в качестве государственной собственности, остальное было предоставлено военным начальникам и простым воинам. Взятие столицы означало подчинение всего острова, и действительно дальнейшего сопротивления на Крите не было.

Возвращение Крита под власть императора и присоединение его к имперским областям было событием громадной важности, значение которого одинаково оценивали и правительство, и народ. Это было популярным делом, какого давно уже не бывало в летописях империи, оно возвышало Никифора Фоку над обыкновенными людьми и сделало его народным героем. Греческая Церковь в свою очередь воспользовалась завоеванным у сарацин Критом для миссионерской деятельности. Знаменитый монах Никон Метаноите, уже и ранее известный своей проповедью в Армении, перенес на Крит свою деятельность и восстановил здесь христианство между туземцами, в большинстве обращенными в мусульманство после арабского завоевания в 824 г. Когда в Константинополе было получено донесение о благополучном окончании критского похода и о включении острова в имперские владения, немедленно решено было дать триумф Никифору, и с этой целью он был приглашен в Константинополь.

Хотя не сохранилось подробного описания сделанного Никифору приема весной 961 г., тем не менее о нем можно составить достаточное представление по кратким известиям летописца. Торжество происходило в ипподроме, где в назначенное время встретили Никифора царь Роман II с патриархом и военными и гражданскими чинами. Никифор, проведший ночь накануне триумфа за стенами города, был встречен у Золотых ворот специально назначенным чином, украсившим его золотым венком. Затем триумфатор в процессии шел по городу, украшенному зеленью и коврами и шелковыми занавесями, среди громадной массы народа, выражавшего свою радость и приветствовавшего победителя арабов. В ипподроме перед царской ложей (*Κάθισμα*) происходила самая важная часть церемонии триумфа. Именно, пред царем Романом и царицей Феофано, окруженными пышным двором и стражей, должны были проходить церемониальным обычаем Никифор и его сотрудники и захваченные им пленники. Величественности зрелища придавали особенную привлекательность восточные лица и одежды пленников и драгоценные предметы из золота и шелковых тканей: кубки с золотой монетой, дорогие одежды, редкие ткани, драгоценные украшения, редкие изделия из слоновой кости и металлов. Очевидец уподобляет громадное

множество сокровищ, виденных в цирке, глубокой реке, вливающей в город множество воды. После торжественного празднования победы пленный эмир Абд-ель-Асиз-ель-Квортоби — или Курупа византийской летописи — остался жить в Константинополе, получив право совершать обряды своей религии; сын же его Анема служил в императорском войске, приняв христианство.

Громадная популярность, какою пользовался в столице Никифор Фока после критского похода, заставила правительство позаботиться о том, чтобы его пребывание в Константинополе не было продолжительно. Придумывать поводы к удалению столь известного полководца не представлялось необходимости, так как на Востоке, на границе христианского и мусульманского мира, была нескончаемая война, и положение дел как раз в 961 г. требовало энергичных мер. Мы говорили выше, что в последние годы Константина здесь особенно усилилось влияние эмиров Алеппо и Мосула, двух братьев из фамилии Хамданидов, Сейфа ад-Дауле и Нассра ад-Дауле. Еще в 960 г., когда Никифор занят был делами на Крите, эмир Алеппо напал на имперские владения, выслав конный отряд в 30 тысяч, может быть, с целью отвлечь византийское войско из Крита. Против него был, впрочем, назначен доместиком схол и главнокомандующим всех фем, оставшихся на Востоке после отправления большой экспедиции на Крит, Лев Фока, брат Никифора. Это был также один из заслуженных военных людей, приобревший военный опыт и известность на театре военных действий в Азии. Осенью 961 г. Лев Фока неожиданно напал на арабов, возвращавшихся с большой добычей и пленниками из счастливого похода в имперские области.

> «Он обставил,— говорит современник [2],— засадными отрядами всю дорогу, идущую по крутым, утесистым и ущелистым горам, по долинам, наполненным оврагами и покрытым разными деревьями и растениями. Расположив таким образом свои засады, он скрытно стоял в сих местах, ожидая приближения неприятелей. Хамдан, надменный множеством следующих за ним полков, надутый и напыщенный богатством добычи и великим числом пленных, ехал то спереди, то сзади войска на чрезвычайно высоком и быстром коне, играя копьем своим... Как скоро они приблизились к узким проходам и, сомкнувшись в сих тесных и непроходимых местах, разорвали ряды свои и пошли по утесам без всякого порядка, как кому можно было, тогда стратиг, дав условный знак трубой и построив своих в боевой порядок, устремился на варваров».

Нет сомнения, что византийский вождь нанес поражение арабам в проходе из Киликии в Сирию, при подошве Тавра. Это была главная дорога из империи в сарацинские владения, где была крепость, переходившая из рук в руки, и где на этот раз византийский полководец устроил настоящую бойню арабам. Вся захваченная арабами добыча попалась в руки грекам, большинство неприятелей было перебито, и сам предводитель едва избежал плена. Говорят, что он бросал горстями золото и драгоценные предметы, с тем чтобы задержать преследование и выиграть несколько времени перед теми, которые гнались за ним. С большим трудом удалось ему с несколькими конными воинами спастись в Алеппо.

Но как ни силен был удар, нанесенный алеппскому эмиру, империя не могла надеяться на замирение на восточной границе, ибо не проходило года, чтобы из Сирии не появлялись в византийских областях новые конные отряды, которые, произведя наезды и большие опустошения, быстро удалялись, так что в Константинополе узнавали о последствиях опустошительного набега, когда неприятель уже был недоступен для преследования. Византийскому правительству предстояло воспользоваться временным преобладанием над мусульманами и дать новую организацию пограничной области. Прежде всего настояла надобность укрепить за империей владение так называемыми Килийскими воротами, где происходило описанное выше поражение арабов. Эта задача и возложена была на Никифора Фоку, когда он отправлен был в Азию. Война в горных местностях и защита проходов чрез горы требовала совершенно особенных приемов, которые бы соответствовали условиям местности и обычаям неприятеля. Арабы имели обыкновение производить неожиданные нападения, вследствие чего здесь должна была выработаться особенная система пограничной разведочной службы. На высотах устраивались укрепленные башни, и поблизости зажигались костры, которыми сообщалось с одного поста в другой о положении дел на арабской границе, и в особенности о приближении неприятеля. Никифору удалось разрушить несколько арабских пограничных укреплений и овладеть горными проходами, что поставило его в непосредственные сношения с эмиром Алеппо, знаменитым Хамданидом. Ближайшие годы военных предприятий Никифора на Востоке составляют действительно одну из лучших страниц военной истории Византии. Никогда в последующее время империя не достигала такой материальной силы и не проявила такого подъема нравственных качеств в войске и талантливости в предводителях, как именно в это время. Никифор, по-видимому, имел намерение восстановить на Востоке поколебленное успехами арабов политическое положение империи. И это не казалось несбыточным ввиду невероятных успехов, каких он достиг на Крите. Чтобы возвратить Византии давно утраченные провинции — Киликию, Сирию и Месопотамию, где теперь господствовали Хамданиды, нужно было, однако, действовать осторожно и с большой выдержкой и последовательностью. Соперник Никифора, Сейф ад-Дауле, владел громадными землями в Сирии, Палестине и в Месопотамии, имел прекрасно обученное войско, слепо преданное своему предводителю и верившее в его военное счастие. И по личным качествам эмир Алеппо отличался рыцарским характером, беззаветной храбростью, доступностью и открытым образом жизни. В лице Никифора он должен был иметь дело с византийской дипломатией, тонким расчетом, выдержкой и осторожностью, которые в конце концов взяли верх и доставили победу византийскому полководцу.

Сейфу трудно было выдерживать методическую войну. Он терпел от греков поражение за поражением сначала в горных проходах, отделявших Сирию от византийских владений. С началом 962 г. Никифор вторгся в мусульманские владения и навел страх на арабов: говорили, что у него было 200 тысяч войска, что, конечно, весьма преувеличено. Во всяком случае первый поход имел громадные последствия: арабы были поражены неожиданностью, и эмир алеппский не решился выступить

против греков в открытый бой; пятьдесят пять или, по другим известиям, шестьдесят городов и укреплений попали в руки Никифора. Для ближайшей его цели — движения против Алеппо — было на пути одно препятствие в виде укрепленного арабами города Аназарба. Находясь при подошве скалы, которая служила для него естественной защитой, этот город считался неприступным и играл важную роль во время крестовых походов. Тем не менее, как скоро Никифор окружил его и начал осаду при помощи стенобитных машин, гарнизон стал просить пощады и переговариваться об условиях сдачи. Никифор предоставил городским жителям свободу выйти из города и разрешил каждому взять с собой, что он мог унести при себе; но это условие не было выдержано и мусульмане подверглись беспощадному грабежу и убийству. Город не только был лишен жителей и опустошен, но и его стены сровнены с землей, и вся прекрасно возделанная окрестность обращена в пустыню. За этим городом подобная же судьба постигла многие укрепления в Северной Сирии. Осенью, в ноябре или в начале декабря 962 г., греки прошли горные проходы, ведшие в Сирию, так называемые Ворота в Сирию (Pylae Syriae), близ нынешней Александретты.

Нужно думать, что Сейф ад-Дауле не нашел возможным защищать Сирийские ворота. Он сделал, правда, попытку остановить движение неприятеля, но, увидав, что в Сирию вторглась огромная масса войска, нашел необходимым запереться в своей столице Алеппо (древняя Веррия), поручив затруднять дальнейшее движение Никифора своему верному и опытному в военном деле вождю по имени Наджа. Но на этот раз счастие покинуло эмира: высланный им отряд нисколько не задержал движения Никифора, между тем сам он остался в Алеппо со вновь набранными в военную службу людьми, которые не были в состоянии бороться с прекрасно обученными византийскими войсками, находившимися под командой Иоанна Цимисхия, который в решительных делах этого похода всегда был на первом месте. Когда сделанная эмиром попытка дать сражение в открытом поле окончилась полной неудачей и сам он едва спасся от плена, Алеппо остался почти совсем без защиты и был окружен греками. Окрестности Алеппо, где находился и редкой архитектуры дворец эмира, наполненный несметными богатствами, были опустошены, и невероятно богатая добыча досталась победителям. Осада города началась около 20 декабря 962 г., и уже через два-три дня гарнизон и жители города вступили с Никифором в переговоры об условиях сдачи. Узнав при этом, что самого эмира в городе не было и что город не может долго выдержать осады, Никифор не хотел слышать об условиях, а настаивал на безусловной сдаче. Утром 23 декабря Алеппо не выдержал натиска осаждающих, часть его стен пала и греки ворвались в город. Последовала беспощадная резня, убийство, пожары и расхищение богатого города. В плен брали только красивых женщин и детей обоего пола, пленных мальчиков назначали для набора в царскую гвардию. Богатство жителей и обилие дорогих предметов, найденных в дворцах, публичных зданиях и на базарах, было так велико и разнообразно, что казалось невозможным всем завладеть и все захватить,— приходилось многое уничтожать огнем или делать всячески негодным к употреблению. Но следует здесь отметить, что при взятии Алеппо многие жители и военные люди удалились в господствующий

над городом замок Ель-кале, из которого могли угрожать византийскому войску, обратившемуся после разграбления Алеппо в разнузданную толпу, забывшую дисциплину и военный долг. Кроме того, стали доходить слухи, что на выручку столицы Северной Сирии идет дамасский эмир и что сам владетель Алеппо Сейф ад-Дауле после нанесенного ему поражения, со вновь собранными силами, приближается к Алеппо. Все эти обстоятельства в соединении с дошедшими до него тревожными известиями из Константинополя побудили Никифора начать отступление из Северной Сирии. В начале 963 г., в нескольких переходах от Кесарии Каппадокийской, в лагере получено было известие о смерти царя Романа II.

Неожиданная смерть царя произвела в столице большое смущение и не могла не затронуть восточного доместика схол, которому предстояло после блистательного похода явиться в Константинополь. Ходили слухи, что он и ранее уже находился в сношениях с царицей Феофано, которая теперь была во главе правления за малолетством двух сыновей, Василия и Константина. Общественное мнение, выразителем которого можно принять историка Льва Диакона, так объясняло это неожиданное событие:

> «Некоторые худые люди, рабы сластолюбия и сладострастия, повредили во время юности добрый нрав его: приучили к безмерному наслаждению и возбудили в нем склонность к необыкновенным удовольствиям... некоторые говорят, что от неумеренной верховой езды сделались у него в легких спазмы, но большею частью полагают, что ему принесен был яд из женского терема».

Царица Феофано, преданная удовольствиям и предпочитавшая всему роскошь и поклонение со стороны окружающих лиц, имела для себя опору в паракимомене евнухе Иосифе и в патриархе, но между Иосифом Вригой и Никифором издавна существовали недоброжелательные отношения, которые могли теперь вспыхнуть с новой силой. Никифор, возвращаясь из похода и имея под рукой преданное ему войско, в этот критический момент, вызванный смертью царя и женским регентством матери-вдовы, был чрезвычайно опасным человеком для временного правительства и мог позволить себе весьма многое. Хотя за недостатком известий трудно составить идею о намерениях Никифора, когда он был на пути к столице, но весьма вероятно, что решение насчет политического «переворота» уже тогда вполне созрело в его уме. Случилось, что, с своей стороны, императрица Феофано дала ему тайно знать, что его присутствие весьма желательно в Константинополе. Это положило конец колебаниям Никифора, и он решился идти в столицу. Здесь, однако, могущественный паракимомен принял все меры, чтобы заподозрить Никифора в глазах сената, но ему не удалось ни лишить счастливого победителя заслуженного им триумфа, ни ослабить его влияния в народе. В глазах духовенства авторитет Никифора вырос еще и потому, что в числе военной добычи особенно выделялся вывезенный из Алеппо плащ Иоанна Крестителя, который должен был обогатить и украсить цареградские святыни. Дальнейшие события следовали быстро за триумфом, который происходил в апреле месяце. Иосиф Вринга, чтобы сделать для себя безопасным доместика схол, решился обманным образом

завлечь его во дворец и здесь ослепить. Но Никифор узнал о намерении паракимомена и искал убежища в храме св. Софии. Тогда в городе начались волнения, так как за Никифора стояло войско и большинство населения; в ограду св. Софии собрался народ. Патриарх Полиевкт, у которого доместик схол просил защиты против интриг паракимомена, оказался вполне на стороне недавнего триумфатора и употребил все свое влияние, чтобы восстановить его авторитет и отправить его немедленно на Восток, где он должен был стать во главе фем и продолжать начатую в Сирии войну. Таким образом, несмотря на соперничество Иосифа Вринги, положение Никифора Фоки значительно изменилось к лучшему. Сенат и регентство пред отправлением его на Восток в качестве главнокомандующего (αὐτοκράτωρ στρατηγός) дали ему, как можно заключить из некоторых выражений историка Льва Диакона, особенные преимущества и рассматривали его положение как исключительное. Так, с одной стороны, от Никифора взята клятва, что он не предпримет ничего против правительства и сената, с другой же стороны, правительство дало обязательство не делать перемен в личном составе высшей администрации без согласия главнокомандующего восточных войск и точно так же спрашивать его мнения в делах общегосударственного управления[3]. Стоит вдуматься в приведенные слова, чтобы прийти к заключению, что уже в то время Никифор стал гораздо выше того положения, которое определяется званием главнокомандующего войском.

> В мае Никифор был уже на Востоке, став во главе восточных фем. «Между тем как полки сходились, он обучал находившихся при нем ратников военным действиям и ежедневными занятиями воспламенял и усиливал их мужество; учил их делать круговые движения во всех доспехах при звуке труб, при громе бубен и при звоне кимвалов, прыгать на коней, стрелять в цель из луков и ловко бросать копья...»

Хотя Никифор давал всем понять, что его ближайшая цель — идти в Сирию и продолжать войну против мусульман, но многие понимали, что на этот раз он более заинтересован тем, что происходило в столице, и что в этих видах не спешил двинуться далее Кесарии. Находясь в постоянных сношениях с императрицей и с преданными ему в Константинополе людьми, Никифор хорошо был осведомлен, что паракимомен употребляет все средства, чтобы лишить его командования и выставить против него такого соперника, который бы мог равняться с ним по военной славе и популярности. Имя Иоанна Цимисхия, в первый раз упоминаемого здесь писателями в качестве уже весьма популярного и заслуженного генерала, будет часто встречаться на ближайших страницах, а потому находим уместным сказать о нем несколько слов. Иосиф Вринга вступил с Иоанном Цимисхием в сношения на тот конец, чтобы побудить его устранить с дороги Никифора Фоку и самому занять его место.

Цимисхий происходил из родовитой армянской фамилии и по матери был в родстве с Никифором Фокой. Кроме того, тот и другой были братьями по оружию, так как оба приобрели известность и военный опыт на одном и том же театре военных действий. В последнем походе, столь прославившем имя Никифора, Цимисхий был под его непосредственным начальством и во многих случаях победы над араба-

ми одержаны были именно Цимисхием. Но это нисколько не отразилось на их взаимных отношениях. И в настоящее время Цимисхий, в качестве стратига фемы Анатолики, находился в непосредственном подчинении Никифора. Вот почему, получив письмо Иосифа Вринги, предоставлявшее ему главное командование восточными войсками и обвинявшее Никифора Фоку в государственной измене, Цимисхий не решился стать на путь военной революции, указываемой ему паракимоменом, а, напротив, немедленно сообщил о положении дел своему начальнику и убедил его принять соответствующее обстоятельствам решение. Иоанн Цимисхий и другой стратиг, Роман Куркуа, настойчиво советовали Никифору объявить себя императором и с преданным ему войском идти в Константинополь. Таким образом, 3 июля 963 г. в лагере под Кесарией Никифор был провозглашен императором при деятельном участии Иоанна Цимисхия, Романа Куркуа и Никифора Ексакионита.

> «Зная непостоянство и неверность счастия, вражду и жестокость Иосифа,— говорит историк, желающий оправдать поступок Никифора,— он пренебрег прежнею присягою, предпочитая всему — безопасность».

Это замечание относится к данной присяге перед сенатом и патриархом, что он не будет иметь притязаний на царскую власть. После акта провозглашения новый император поспешил в соборную церковь Кесарии, где принял благословение от митрополита. Иоанн Цимисхий как верный союзник и преданный сотрудник в происшедшем перевороте награжден был саном магистра и званием доместика восточных схол, которым был облечен сам Никифор, другие стратиги фем также получили награды или повышения. В то же время были разосланы приказы всем стратигам фем и подчиненным им начальникам отдельных частей немедленно занять укрепления, защищающие вход в Черное море и Дарданеллы, дабы в Константинополь не могли быть доставлены ни военные подкрепления, ни продовольствие.

Приказав затем войску идти на Константинополь, он отправил вперед епископа Евхаитского Филофея с письмом к патриарху и паракимомену, в котором, уведомляя их о провозглашении его царем восточными войсками и о скором прибытии в Константинополь, выражал намерение править государством именем наследников престола до их совершеннолетия и требовал признания совершившегося переворота, в противном же случае угрожал военными действиями. Хотя Иосиф Вринга поставил столицу в такое положение, чтобы она могла защищаться, призвав для этого бывшую в Константинополе гвардию и македонские фемы, но это не остановило Никифора, который 9 августа показался в виду Константинополя со своими передовыми отрядами. Заняв без сопротивления Хрисополь на азиатской стороне Босфора, он расположил свой главный стан в Иерии — летнем дворце императоров, построенном в местности нынешней Моды (Фенер-бакчé), откуда начал сношения со своими приверженцами в Константинополе. В городе началась смута. Чтобы ослабить партию Никифора, правительство в лице паракимомена стало преследовать родственников его; большой вред правительственной партии нанесен был преследованиями престарелого отца Никифора, магистра Варды Фоки, который нашел убежище в церкви св. Софии и возбудил к себе общее сочувствие.

Роман II. Никифор Фока

В Константинополе началось народное движение, руководимое врагами правительства и приверженцами Никифора Фоки, между последними особенно важную услугу Никифору оказал евнух Василий, незаконный сын Романа Лакапина, занимавший важные государственные должности при Константине VII. Известный нам Вринга сменил его в звании паракимомена, отсюда объясняется его ненависть к тогдашнему правительству. Организовав вооруженный отряд, евнух Василий подверг грабежу и пожарам принадлежавшие Вринге имущества и приказал провозглашать на улицах города имя царя Никифора, Феофано и царевичей Василия и Константина. Затем, завладев флотом, стоявшим в Золотом Роге, Василий поспешил переправиться на азиатский берег, чтобы приветствовать Никифора, спокойно выжидавшего хода событий. В субботу, 15 августа, после окончательных переговоров со своими приверженцами Никифор нашел возможным назначить на следующий день вступление в столицу. Таким образом, состоялся триумфальный въезд Никифора, о котором легко составить себе понятие по данным, заключающимся в «Уставе» Константина[4]. Никифор ранним утром 16 августа переправился на царском дромоне из дворца Иерии на европейский берег и высадился в Эвдомоне, где состоялся прием его представителями сената и народа и патриархом. Отсюда торжественная процессия направлялась к Золотым воротам и потом главной улицей города до св. Софии. Определенное упоминание Эвдомона как предместья Константинополя, куда приставал царский корабль и откуда шествие направлялось к главным воротам города, дает достаточные основания к заключению, приобретающему господство в науке, что Эвдомон должен находиться в местности нынешнего селения Макрикей[5].

В храме св. Софии патриарх Полиевкт совершил помазание Никифора на царство и венчал его царской короной. Новый император пожаловал щедрые награды наиболее близким лицам. Отца своего он возвел в сан кесаря, брата Льва Фоку наградил саном куропалата и магистра, Иоанн Цимисхий был назначен доместиком восточных схол со званием магистра, евнух Василий, столь успешно ведший интригу против Иосифа Вринги, получил звание проедра, или председателя сената. В то же время Никифор снисходительно отнесся к своим врагам и, вопреки господствовавшему в то время обычаю, не запятнал казнями и жестокими наказаниями свое торжественное вступление на престол, ограничившись ссылкой могущественного паракимомена Иосифа Вринги в отдаленную Пафлагонию, где он и умер в безвестности через 10 лет. Трудней выяснить его отношение к царице Феофано, вдове Романа II. Нельзя сомневаться, что переворот в пользу Никифора совершился не без ведома и согласия императрицы, но положительных известий об этом не сохранилось в летописи. Напротив, у позднейших, правда, писателей, как Зонар и Глик, выдвигается та мысль, что первым делом нового царя было распоряжение удалить царицу Феофано из дворца: ей указано было поселиться в замке Петрий, в нынешнем Фанаре, где она и содержалась в течение целого месяца. Все заставляет, однако, думать, что это была временная мера, вызванная желанием уступить общественному мнению, которое подозревало уже о заранее условленном соглашении между Никифором и царицей. Состоявшееся через месяц, именно 20 сентября 963 г., бракосочетание между царицей-

вдовой и новым царем в знаменитой Новой церкви, построенной и богато украшенной основателем Македонской династии, показало, что предосторожности не были излишни. Патриарх Полиевкт, совершив бракосочетание, запретил императору на один год входить в алтарь под угрозой лишить его причащения. Это было весьма прискорбным и неожиданным для Никифора обстоятельством, тем более для него оскорбительным, что практически Церковь не относилась так строго ко второму браку, как это хотел показать патриарх. Пущен был, кроме того, слух, что этот брак и потому не может быть допущен Церковью, что Никифор был восприемником детей Романа и Феофано и находился, следовательно, в духовном родстве с царицей. Против этого нарекания, которое давало в руки патриарха весьма сильное оружие и даже налагало на него обязательство расторгнуть брак, Никифор защищался самым решительным образом. Он обратился к решению духовного суда, составленного им самим из нескольких епископов, бывших тогда в Константинополе, и из присоединенных к ним членов сената, и поручил ему разрешение дела о канонических правилах, препятствующих законности заключенного им брака. Суд нашел возможным вполне удовлетворить царя: с одной стороны, было им выяснено, что закон, воспрещающий браки между лицами, состоящими в духовном родстве, принадлежит еретику Константину Копрониму и, следовательно, может считаться необязательным для Никифора, с другой стороны — придворный священник Стилиан под клятвой заявил, что Никифор не крестил детей Романа и Феофано; эту клятву подтвердил и отец императора, кесарь Варда Фока. Рассказанные обстоятельства, хотя и не имевшие важных последствий благодаря принятым Никифором решительным мерам, все же не могли не оставить в нем неприятных воспоминаний и, может быть, имели свою долю влияния в дальнейшей его церковной политике.

Зима 963/64 г. прошла в празднествах при дворе и в развлечениях, предоставленных народу в цирке. Но сам Никифор не оставлял без внимания государственные дела и готовился к новым предприятиям на Востоке, где, правда, стоял во главе византийских фем родственник Никифора и его будущий убийца Иоанн Цимисхий, но где важность событий требовала личного присутствия столь популярного на Востоке вождя, как Никифор Фока.

Сейф ад-Дауле, эмир Алеппо, и после нанесенных ему поражений не терял надежды на восстановление своего могущества. Он возвратился в опустошенный Алеппо и поспешил начать восстановление его укреплений, равно как завязал сношения с начальниками укрепленных мест в Киликии и Северной Сирии, чтобы приготовить вновь вторжение в византийские области. Несмотря на то, что против него восстал подчиненный ему военачальник Наджа; несмотря на то, что эмир аль омра Муиз ад-Дауле, имевший неограниченную власть в Багдадском калифате, как будто действуя в союзе с Никифором, решился наложить руку на самостоятельные владения Хамданидов в Алеппо и Мосуле, занятое киликийскими и сирийскими эмирами угрожающее положение на восточной границе не было еще поколеблено ни недавними победами Никифора, ни временными затруднениями, в которых находился Сейф ад-Дауле. Цимисхий, стоявший во главе войск, в течение зимы 964 г

должен был не раз выдерживать нападения со стороны мусульман и защищать занятые греками позиции. После похода Никифора мусульмане вновь овладели Мопсуэстом, находившимся в 20 километрах от моря, куда и направлены были бывшие под начальством Цимисхия силы. В связи с осадой этой крепости находится рассказ о геройской гибели 15 тысяч мусульман, посланных из Тарса на помощь осажденному Мопсуэсту. Весь этот отряд, захваченный на пути от Аданы к Мопсуэсту, погиб в борьбе с греками, предводимыми самим Иоанном Цимисхием. Холм, на котором пытались спастись окруженные со всех сторон арабы, получил наименование Холма крови.

Весной 964 г. император решился сам выступить в поход. Как особенное обстоятельство следует отметить, что Никифора сопровождали в походе царица и оба царевича, Василий и Константин, что, без сомнения, много влияло на всю обстановку походной жизни и так мало соответствовало обычным условиям суровых аскетических привычек царя. Впрочем, прежде чем перейти границу, отделявшую имперские владения от занятых мусульманами Киликии и Сирии, Никифор оставил свою супругу и детей ее в пограничной феме Каппадокии, в специально для того приготовленном укреплении, чтобы не подвергать их опасности в походе по неприятельской стране. В июле месяце, миновав Киликийские ворота, царь направил главные силы на юг, к нынешнему Александреттскому заливу, где были важные города и укрепления: Тарс, Адана, Мопсуэст, принадлежавшие эмирам Алеппо и Мосула, которые в это время продолжали быть самыми сильными представителями мусульманской власти в Сирии и Месопотамии и от которых зависели полузависимые владетели Тарса и других пограничных укреплений. Хотя мы не имеем возможности проследить в точности события 964 и 965 гг.,так как известия летописи Льва Диакона, современника и лучшего источника для второй половины X в., не сообщают необходимых подробностей, тем не менее общий результат военных действий был весьма удовлетворителен и приближал Византию к полному освобождению из-под власти мусульман этих исконных ее владений. В этот и ближайший поход отняты были у арабов Тарс, Адана, Аназарв, Мопсуэст и приготовлен свободный путь к дальнейшему движению в Сирию и Палестину. Как далеко простирались в этом отношении планы царя Никифора и как искусно он воспользовался ослаблением и раздроблением Багдадского калифата, об этом свидетельствует литературный памятник на арабском языке, изображающий взаимное положение калифата и христианской империи в виде писем — от императора к калифу и от калифа к императору [6]. В то время как в 964 и 965 гг. царь Никифор был занят войной с восточными арабами, по его поручению предпринята была военная экспедиция на остров Кипр, которая была прекрасно выполнена патрикием Никитой Халкуца. Это было предприятие столь же необходимое для безопасности византийских городов, лежавших на северо-западных берегах Средиземного моря, как экспедиция на Крит, выполненная перед тем за три года. Ясное дело, что, пока Кипр находился под властию арабов, империя не могла овладеть Сирией и Палестиной, которые всегда могли пользоваться сношениями с Кипром и получать оттуда военную помощь. Поэтому обращение Кипра в византийскую фему и снабжение острова византийским гарнизоном весьма облегчало

для Никифора его дальнейшие здесь предприятия и входило как составная часть в проводимый им военный и политический план.

Главный противник империи на восточной границе Сейф ад-Дауле был тяжело болен и потому не принимал личного участия в защите Киликии и в отражении царских войск от своего обширного эмирата. Когда после тяжких усилий и продолжительной осады взят был наконец Тарс, Никифор не хотел лишать его того первостепенного военного значения, какое он приобрел в войнах между империей и арабами, и, по свидетельству арабского историка ибн-ал-Атира, задумал даже сделать его своим обыкновенным местопребыванием, дабы быть близ театра военных действий против неверных и вместе с тем показать им, «что возвращение древних византийских областей, еще остававшихся под их властью, составляло для него главную заботу». Осенью 965 г. он возвратился в столицу и мог с полным удовлетворением смотреть на достигнутые результаты, следствием которых было открытие дороги в Сирию, и вместе с тем становилось ясным, что нанесен самый сильный удар главному неприятелю на восточной границе, Хамданиду Сейф ад-Дауле. Правая рука Никифора в описанном походе, доместик схол Иоанн Цимисхий, тогда же высказывал царю желание немедленно направить поход в самое сердце эмирата, в Алеппо и в верховья Тигра и Евфрата, откуда черпал главные военные средства «нечестивый» Сейф ад-Дауле. Но царь не принял во внимание представлений своего доместика, может быть, тогда уже он начал питать к нему подозрение.

Победы Никифора всколыхнули Месопотамию и Сирию и сопровождались ослаблением политической власти калифата на восточной границе. Сильное движение обнаружилось в Антиохии: жители города изгнали своего правителя и приняли к себе бывшего эмира Тарса, который изменил своему сюзерену, эмиру Алеппо, и вступил в сношения с византийским царем. В связи с этими событиями следует упомянуть о том, что тогдашний патриарх Антиохийский Христофор оставил Антиохию и нашел прибежище в монастыре Симеона Столпника, находившемся в расстоянии 30—35 верст от Антиохии *.

В то же время, пользуясь разложением эмирата и отсутствием Сейфа ад-Дауле, бывший эмир Тарса Расик-Насими овладел Алеппо, и, хотя погиб в начале 966 г. при осаде укрепленного замка, в котором заперлись защитники города, тем не менее указанное сейчас революционное движение против власти Хамданидов продолжалось как в Антиохии, так и в других городах эмирата. На короткое время удалось больному и ослабленному эмиру снова восстановить свою власть в Алеппо и Антиохии, но неутомимый его противник, византийский царь, предпринял в 966 г. новую экспедицию, имевшую ближайшей задачей северные владения эмира и Сирию. На этот раз византийское войско доходило до старых границ Персии. Дара, Нисиби и Амида видели под своими стенами отряды Никифора. Но по невыясненным причинам дальнейшее движение направилось не в Месопотамию, а в Сирию, где доживал последние дни в своей столице Сейф ад-Дауле. Он

* Указываем на это обстоятельство, как дополняющее историю монастыря Симеона Столпника за это глухое время (см.: Schlumberger. Un empereur Byzantin. P. 518; «Известия РАИ в Константинополе». VII. С. 175)

умер в начале 967 г., и его обширные владения начали постепенно распадаться и сделались легкой добычей византийского императора.

/ Нам остается сделать несколько замечаний насчет дальнейших событий в Сирии, завершивших поступательное движение империи после смерти алеппского эмира. Наследником всех его владений был сын его Саад ад-Дауле, которому предстояло, однако, препобедить чрезвычайные затруднения, чтобы закрепить за собой сильно пошатнувшуюся власть над случайно соединенными городами Сирии, Месопотамии и Киликии. Прежде всего затруднения ожидали его в самой семье Хамданидов, так как его двоюродный брат, Абу-Таглиб, сын мосульского эмира, получил от калифа право на наследство, оставшееся как после его отца, так и после дяди, т. е. соединил все владения Алеппо и Мосула. Хотя начатое им движение против Саада не увенчалось успехом, ибо жители Алеппо не хотели поддержать его притязания и защищали права своего законного эмира, но вслед за отступлением Абу-Таглиба началась война с правителем Эмесы, другим двоюродным братом Саада, известным поэтом того времени Абу-Фирасом. Одержав над последним победу и захватив Эмесу, эмир Саад вскоре затем должен был вступить в отчаянную борьбу с царем Никифором, который в 968 г. предпринял на Восток новую военную экспедицию. /

Несмотря на весьма неблагоприятные условия, отвлекавшие внимание Никифора на запад и на север, вследствие обострившихся отношений в Южной Италии и в Болгарии события на восточной границе составляли главную заботу правительства империи, и царь Никифор не мог не воспользоваться смутами в Алеппо и в других городах, подчиненных Хамданидам. На этот раз целью Никифора были города Алеппо и Антиохия. Как и всегда в своих походах на Восток, Никифор поражал неприятеля быстротой своих движений и неожиданностью. Нанеся сильный удар, неподалеку от Алеппо, войскам эмира, во главе коих стоял известный в истории того времени Каргуйя, занимавший в эмирате всесильное положение, Никифор, однако, не приступил к осаде Алеппо, а начал опустошительные набеги на окрестности больших городов, разоряя незащищенные места и забирая в плен население; при этом были разрушены города Гама, Гомс и другие. В первый раз, после длинного ряда лет, имперские отряды появились в приморских областях Сирии и дошли до Триполи и Лаодикеи. Весьма любопытно, что при подчинении последнего города мусульманский губернатор, зависевший от эмира Алеппо, остался у власти и после подчинения города византийскому императору и стал именоваться стратигом как военный и гражданский начальник византийской фемы. Приведя к подчинению приморские города Сирии, осенью того же года император возвратился на север и приступил к осаде Антиохии. По словам арабских историков, этот поход сопровождался жестоким разгромом Сирии, было взято или разрушено до 18 городов и попало в плен до 100 тысяч населения.

Позднее ли время года или другие обстоятельства заставили Никифора ограничиться лишь начатием обложения Антиохии, мы не можем сказать этого за недостатком известий. И тем более должны были влиять на решение царя важные причины, что необходимость завладения Антиохией вполне сознавалась им и он только откладывал это предприятие до похода, предположенного на следующий год. Это намерение

очень определенно выражено было в сделанном им распоряжении оценить доступные части Антиохии и выстроить вблизи ее укрепление, из которого бы византийский отряд, оставленный им под Антиохией, мог держать осажденный город в тесной блокаде и лишить его сношений с морем. Сделав нужные распоряжения насчет осады и поставив над оставленным им отрядом патрикия Михаила Вурцу, царь вверил главное командование в подчиненной области племяннику своему стратопедарху Петру Фоке, сыну брата его, магистра Льва Фоки, и в начале следующего 969 г. был уже в столице, где ожидал его торжественный, но не столь, как прежде, единодушный прием. Мы будем иметь случай объяснить ниже, что военные успехи Никифора и решительное преобладание империи над калифатом — в особенности на восточной границе — сопровождались обстоятельствами, вызвавшими понижение популярности Никифора и ослабление его авторитета, в особенности среди монашествующего духовенства и народа.

Вследствие начавшейся усобицы из-за обладания Алеппо самозваный эмир Каргуйя обратился с просьбой о помощи к названному выше стратопедарху Петру Фоке, который охотно отвечал на его предложение и уже начал движение к Алеппо, когда события в лагере под Антиохией побудили его возвратиться назад. И в Антиохии, как и в Алеппо, образовалось враждебное Хамданидам движение. Вместо назначенного эмиром наместника антиохийцы избрали своим вождем курда Алуха, который вскоре был убит; этим воспользовался патрикий Михаил Вурца и завязал сношения с многочисленными в городе греками, которые с большими надеждами смотрели на христианское войско и расположены были всеми мерами содействовать его торжеству над мусульманами. Они давали точные сведения как о царствовавшей в городе анархии, так и о недостатке в съестных припасах и о полном небрежении защитой городских стен.

Как раз в то время, как стратопедарх пошел в Алеппо, начальник осадного отряда Вурца решился взять Антиохию приступом. Подступив темной ночью к одной башне, которая ему заранее была указана, как лишенная защиты, он приставил к ней лестницы и без всякого затруднения взобрался в город с небольшим своим отрядом. После того как греки овладели двумя башнями, мусульмане увидели опасность, начали бить тревогу и собираться к угрожаемой части города. Так как горсть греков не могла долго сопротивляться значительному антиохийскому гарнизону, то положение Вурцы скоро оказалось весьма критическим. Прижатый к стенам, Вурца решился, однако, защищаться до последней крайности и успел в то же время сообщить о ходе дел стратопедарху Петру. Вот почему этот последний так поспешно прекратил движение на север и поспешил к Антиохии, где византийский отряд едва держался против окруживших его врагов. Прибытие Петра Фоки неожиданно изменило положение дел: греки ворвались в город через морские ворота, открытые им их единоверцами, и начали беспощадное истребление жителей. Так была возвращена под власть империи великая Антиохия 29 октября 969 г., после двухсоттридцатилетнего пребывания под господством магометан. Это, конечно, было самое крупное приобретение царствования Никифора Фоки, которым увенчивались его походы на Восток и систематически веденная борьба против мусульман. Как было

в обычаях времени, город предан расхищению и грабежу. Войско обогатилось громадной добычей, собранной в городе. Из множества пленных выделено было 10 тысяч из самых молодых и красивых того и другого пола, они отправлены были в столицу для продажи и зачисления в разные службы, по усмотрению правительства. Сильный гарнизон оставлен для охраны города, который должен был составить защиту византийской власти на этой отдаленной окраине. Антиохия получила особенное устройство, в отличие от других городов правитель области имел титул дуки. Первым дукой Антиохии был патрикий Вурца.

Падение Антиохии произвело громадное впечатление во всем мусульманском мире. В самом деле, никогда еще не подвергался такому унижению мусульманский Восток, как теперь вследствие побед Никифора, и редко открывались перед христианской империей такие новые и широкие перспективы. Вместе с завоеванием Антиохии империя получала решительное преобладание в Сирии и Палестине и могла угрожать самым очагам магометанской власти в Египте и Месопотамии. Падение Антиохии немедленно отразилось и на судьбе Алеппо. Сюда направился стратопедарх Петр и побудил эмира Саада ад-Дауле снять осаду. Хотя он явился в качестве союзника самозваного эмира Каргуйя, который в действительности и властвовал в городе, но на самом деле византийский отряд приступил к осаде Алеппо и взял его после 27-дневной осады, т. е. в конце ноября 969 г. Сдача города была, впрочем, условная. Византийский вождь заключил род соглашения с мусульманским владетелем города, по которому Каргуйя, приняв обязательства вассальной зависимости от императора, оставался правителем Алеппо и принадлежавшей к нему территории. Чтобы составить приблизительное понятие об этих новых отношениях в истории империи, мы можем сослаться на историка Кемаля ад-Дина, дающего самый текст упомянутого соглашения [7].

Согласно этому документу, в пользу императора установлена была подать с каждого обитателя Алеппо и подчиненной ему территории, за исключением всех христиан; кроме того, обложена была податью вся земля, приносившая императору доход в 44 тысячи золотых. Кроме того, император имел право назначать в Алеппо своего чиновника для наблюдения за сбором таможенных пошлин с товаров, приходящих в Алеппо. В документе названы следующие города, составлявшие часть вассального владения: Гомс (Эмеса), Гузия, Селлия, Хама (Епифания), Хайзар (Ларисса), Кефер-таб, Апамея, Маарет, Алеппо, Джебель-ес-Суммак, может быть, нынешний монастырь Симеона Стилита, и некоторые другие. Весьма важна одна статья в этом документе, которая может служить до известной степени объяснением весьма либеральной меры императора. Вассальный князь давал обязательство оберегать собственными силами всю эту территорию против нападений мусульман и в случае, если его силы окажутся слабыми, требовать помощи от византийского стратига. Он обязывался сообщать грекам обо всем, что делается на границе мусульманских владений. В случае военных действий имперских войск на границах вассального княжества вассал обязывался соединить свои войска с имперскими и доставлять имперской армии все необходимые предметы за определенное денежное вознаграждение. Греческие купцы пользуются покровительством в княжестве; христианские

церкви должны быть восстановлены. На всем пространстве вассального княжества нельзя было строить новых крепостей, лишь позволено было возобновлять старые и полуразрушенные укрепления.

Из рассмотрения этого любопытного документа нельзя не выводить заключения, что он был прекрасно приспособлен к политическим условиям времени и хорошо обеспечивал интересы империи, представляя в то же время достаточно простора собственной инициативе вассального князя.

Хотя восточные походы Никифора имеют слишком крупное значение в истории отношений между калифатом и христианской империей, но ими не исчерпывается роковая трагедия непрерывной и беспощадной борьбы между двумя самыми могущественными мирами. Упорство, систематичность и последовательность, с которой Никифор преследует в Азии и на островах Средиземного моря наступательную против мусульман политику, может служить прекрасным свидетельством его глубокого понимания насущных государственных интересов Византии и оправданием тех громадных материальных жертв, каких требовали эти походы. Во все времена существования империи со столицей на Босфоре жизненные интересы ее сосредоточивались в восточных провинциях, и величие ее зависело от того положения, какое она занимала именно на Востоке. Никифор Фока оценивал это положение дел; возвращаясь в столицу в конце 969 г., он уже имел в виду определенный план на будущую весну — снова идти в Сирию, чтобы распространить еще далее сферу непосредственного влияния империи. Припомним, однако, что в это же самое время интересы империи весьма глубоко были затронуты на Западе, в Южной Италии и в Сицилии. Не далее как летом 968 г. Никифор принимал в последний раз посла Оттона епископа Лиудпранда, и хотя наговорил ему много горьких истин и почти выходил из себя при воспоминании о неосновательных, с его точки зрения, притязаниях германского императора, но все же в это время он готовил поход на Восток, а не на Запад[8].

Переходим к западной границе *.

Как ни дорого оплачивались притязания империи на господство в Южной Италии и как реальная жизнь ни разоблачала непрочность положения византийских владений в этой отдаленной стране, императоры тем не менее ставили существенным для себя обязательством и делом чести всеми средствами защищать в Италии политические и церковные права и территориальные границы Восточной империи. Так как преимущественно своими итальянскими владениями империя наиболее соприкасалась с Западом и главным образом именно этим путем шел обмен взаимных влияний и воздействий, то необходимо войти в обстоятельное изложение относящихся сюда фактов, которые в конце X в. приобретают высокий исторический интерес. Византия в Италии фактически опиралась как на непосредственно подчиненные империи владения, так и на местные княжества в Средней Италии, находившиеся в сфере ее влияния. Непосредственно подчиненные области входили в фемы Лангобардию и Калабрию с городами Бари, Отранто, Галлиполи, Россано,

* Далее корректурный текст до конца главы соответствует другому варианту рукописи. *(Ред.)*

Сорренто (Лангобардия), Регион, Жераче, Санта Северина, Кротоне (Калабрия). Но сфера византийского влияния распространялась далее. Вот вассальные государи в Средней Италии, к которым по «Обряднику» империи должно писать по формуле: «приказ (κέλευσις) христолюбивых владык». Такими приказами происходили сношения: 1) с архонтом Сардинии, 2) с дукой Венеции, 3) с князем (принкип) Капуи, 4) с князем Салерно, 5) с дукой Неаполя, 6) с архонтом Амальфи, 7) с архонтом Гаэты. Из всех вассальных государств в X в. приобрела наиболее важное значение Венеция как по своему политическому, так в особенности по торговому значению, тогда уже начавшая устраивать торговые конторы и получать торговые привилегии в приморских владениях империи. Нигде не выразилось в такой сильной степени влияние византийского искусства и культуры, как в Венецианской республике, которая, с своей стороны, в XI в. начинает оказывать на империю громадное влияние благодаря своей обширной торговле, морскому флоту и военному могуществу. Желание охранить свои южноитальянские владения и поддержать сферу политического влияния среди вассальных княжеств ставило империю в постоянное соприкосновение с Римом, а так как Рим в средние века был центром европейской политики, то византийские императоры через Среднюю Италию вовлечены были в события, имевшие местное значение для Северной Италии и Германии. Современниками Константина VII в Германии были императоры Саксонского дома Генрих I и Оттон I. Как в Германии, так и в Италии в это время обнаруживают крайнее преобладание в сфере политической местные и племенные интересы, но нигде они так не были выражены, как в Италии. Здесь, не говоря о самостоятельных лангобардских герцогствах, как Беневент, Сполето, которые стояли на границе сферы византийского влияния и попадали попеременно в противоположные политические течения, то в вассальную зависимость от западного императора, то склонялись к поддержанию местных сепаратных интересов и иногда переходили на сторону Восточной империи,— находим еще отдельные и самостоятельные организации в Северной Италии: герцогства фриульское и иврейское. / На севере Италии выражена идея образования местной императорской власти после окончательного ослабления Каролингов и замечаются попытки сделать из своих местных королей западных императоров. Таковы в занимающее нас время Беренгарий — дука Фриуля, Гвидо и Ламберт — дуки Сполето, Рудольф — король Бургундский, Гуго Прованский и его сын Лотарь, Беренгарий II — маркграф Иврейский — все эти / североитальянские князья были носителями итальянской короны, и некоторые из них венчались в Риме императорским венцом, становились то соперниками, то друзьями византийского императора и должны были вступать с ним в разнообразные сношения.

Чтобы представить картину положения дел в Северной и Средней Италии, не останавливаясь вместе с тем на мелочах и постыдных фактах нравственного падения, открытого разврата и издевательства над религией и обязательствами чести, мы бы должны были несколькими чертами обрисовать борьбу за власть между светскими и духовными владетелями Италии в X в. и ознакомить с характером замещения папского престола креатурами влиятельных женщин, продолжавшими связь со своими ставленниками на кафедру св. Петра и распоряжавшимися по

произволу епископскими местами и церковными имуществами. Но это бы отвлекло нас от того, что имеет прямое отношение к предмету наших занятий и едва ли бы обогатило историю Византии, в которой и без заимствований извне нет недостатка в мрачных картинах и в злодеяниях, пятнающих одинаково как церковных, так и гражданских деятелей. Мы ограничимся в этом отношении лишь самыми необходимыми указаниями, касающимися занимающего нас времени. С прекращением мужской линии Каролингов в Италии пытаются утвердить свою власть, опираясь частию на родство с Каролингами по боковым линиям, короли и князья Южной Франции и Северной Италии. /Таков был герцог фриульский Беренгарий, итальянский король и впоследствии император (916), ослепивший Людовика III и оставивший его 20 лет влачить жалкое существование. Против него недовольными вассалами выдвинут был Рудольф II, король Верхней Бургундии, который, после того как Беренгарий был убит в Вероне, принял достоинство Ломбардского королевства и затем венчался в Риме императорской короной./ По смерти Беренгария, последнего национального владетеля итальянского происхождения, носившего императорский титул, ломбардские чины (в 926 г.) предложили корону Италии Гуго, королю Прованскому. Продолжительное правление Гуго, умершего в 947 г., представляет для нас значительный интерес и с точки зрения отношений к Восточной империи. Кроме того, история этого царствования весьма выгодно освещена прекрасным историческим трудом Лиудпранда, который притом же имел как личные, так и фамильные связи с Византией /и для X в. имеет непосредственное значение как важный источник для Византии/.

«Гуго,— говорит Лиудпранд [9],— разослал послов во все страны, чтобы снискать дружбу королей и князей... он позаботился сделать свое имя известным даже отдаленным ахейцам*. У них правил в то время император Роман. К нему Гуго отправил послом моего отца как человека честного и красноречивого. Мой отец привез между прочими подарками от короля Гуго императору Роману двух собак, каких в той стране никогда не видали. Когда они были представлены, то несколько человек должны были крепко держать их, чтобы они не бросились на царя и не растерзали его зубами. Я думаю, что собаки, увидав Романа, приняли его за пугало, потому что он был одет в какой-то женский плащ». По этому случаю историк сообщает любопытное известие о славянах. «Когда мой родитель, по дороге в Грецию, прибыл в Солунь, на него напали славяне, возмутившиеся против Романа и сделавшие набег на его страну. Но с помощью Божией мой отец разбил их и взял в плен двух предводителей. Когда он представил пленных императору, радость последнего была так велика, что он дал отцу значительный подарок». На этот раз сношения с империей не сопровождались важными последствиями, но Гуго возобновил их через несколько времени.

Современный королю Гуго Рим был ареной всяческих интриг и беспутства, в восемь лет было назначено восемь пап. Это была пора разнуз-

* Так он называет византийских греков.

данности грубых и буйных князей и римской аристократии. Преемник папы Сергия III Иоанн X (914—928) возведен был на престол сенаторшей или патрицианкой Феодорой, женой вестиария Феофилакта, который именуется также дукой и magister militum и сенатором. Эта Феодора была настоящей вершительницей всех политических и церковных дел, в устройстве которых она обнаружила недюжинные способности и твердость характера. У ней было две дочери: Феодора — младшая, вышедшая потом замуж за одного вестиария, и знаменитая Марозия, о которой рассказывается, что она была в связи с папой Сергием и прижила от него мальчика, впоследствии носившего имя папы Иоанна XI. В первом браке она была за маркграфом Альбериком сполетским, самым крупным в то время политическим деятелем в Италии; во втором браке — за Видо, маркграфом Тусции. Папа Иоанн, несомненно, разделяет ответственность за интриги и злодейства этих женщин, но все же нужно приписать его настойчивости и самопожертвованию успешный поход итальянских князей на арабов и нанесенное им поражение при Гарильяно. Победитель в этом деле, Альберик был предметом народных похвал и национальной гордости. Он носил вновь вошедший в употребление титул princeps atque omnium Romanorum senator, но впоследствии его стали ненавидеть за деспотизм и убили в его собственном замке. Тогда Марозия, чтобы не выпускать из своих рук влияния, предложила господство в Риме маркграфу Видо и вступила с ним в брак. С этого времени вся власть сосредоточилась в руках Марозии, которая, приняв звание патриции, стала бесцеремонно распоряжаться и судьбами Церкви. Папа Иоанн X посажен в темницу и там был задушен, за ним один за другим еще были избраны и низложены два папы, наконец, папское достоинство передано ее незаконному сыну, принявшему имя Иоанна XI. Когда умер ее второй муж, она предложила свою руку, а вместе и власть над Римом королю Гуго. Но представлялось весьма важное препятствие в том, что Видо и Гуго были братья по матери и что церковные правила не допускали подобных браков. Тогда Гуго стал утверждать, что его мать Берта не имела детей от своего второго брака с Адальбертом, графом Тусции, и что Видо и Лимберт приемыши,— таким путем устранялись, по-видимому, препятствия, и брак был торжественно совершен в замке св. Ангела в Риме. Но надежды Гуго на императорское коронование не осуществились, так как против него поднято было движение Альбериком II, сыном Альберика и Марозии, который запер в темницу папу Иоанна XI и свою мать Марозию. Гуго спасся бегством в Павию. Альберик принял титул princeps atque omnium Romanorum senator и старался утвердить свое положение в Риме как привлечением на свою сторону представителей римской аристократии, так и внешними сношениями. Весьма любопытны переговоры его с византийским двором, которым благоприятный повод давало дело о признании со стороны папы вновь избранного патриарха в Константинополе, Феофилакта (933). Эти сношения начались еще до свержения Марозии и продолжались при Альберике, который имел все основания заручиться расположением Романа Лакапина и легко согласился на посылку паллия Феофилакту от имени папы, бывшего в полном подчинении Альберика. Он деятельно поддержал также план Марозии вступить в родственные отношения с царским домом, сосватав свою дочь за

одного из царевичей царской семьи. Возбуждался уже вопрос о том, чтобы Марозия со своей дочерью прибыла в Константинополь для совершения бракосочетания. Хотя неожиданное свержение Марозии помешало осуществлению этого проекта, но Альберик не отказался от переговоров о браке и просил руки одной из византийских принцесс. По всей вероятности, этому помешали донесения со стороны короля Гуго, который не терял надежды на завладение Римом и в качестве короля Италии пытался поддерживать сношения с Константинополем.

В 935 г. сношения Гуго с империей выразились в любопытном плане организовать при его содействии движение против князей Беневента, Капуи и Салерно и принудить их возвратить стратигу фемы Лангобардия города и крепости, постепенно ими присвоенные. С этой целью в Южную Италию отправлен был вспомогательный отряд из 1500 конных воинов, значительные денежные суммы для самого Гуго и богатые подарки для его союзников и дружинников. В 941 г. Гуго предложил империи план совокупного движения против испанских арабов, утвердившихся в Фраксинете, занявших альпийские проходы и делавших хищнические нападения на Северную Италию.

> /«Так как горная часть Италии была снова жестоко опустошена сарацинами, живущими в Фраксинете, Гуго возымел намерение отправить послов в Константинополь, прося у императора Романа прислать ему кораблей, которые греки на своем языке называют хеландиями, и греческого огня. Цель его состояла в том, чтобы, пока он будет стараться разрушить Фраксинет с сухого пути, греки обложили бы это укрепление с моря, сжигали их корабли и тщательно наблюдали за тем, чтобы не было подвоза съестных припасов и новых войск со стороны Испании». /

В Константинополе дали согласие на это предложение, и вместе с тем император Роман предложил скрепить союз брачными узами между императорским и королевским домом. Таким образом, сын Константина Порфирородного Роман II был помолвлен с дочерью Гуго от его наложницы, Бертой. В сопровождении епископа Сигфрида она была препровождена в Константинополь, где вступила в брак с царевичем Романом, получив имя Евдокии. / По этому случаю епископ Лиудпранд замечает:

> «Король Гуго объяснил императору, что у него нет законных дочерей, но что если он согласится принять одну из дочерей от его наложниц, то он может прислать весьма красивую девушку».

Так как в этом деле вел переговоры и был послом отчим писателя, из которого мы должны заимствовать весьма много сообщений в настоящей главе, то легко понять, что сведения Лиудпранда отличаются значительной свежестью и точностью *.

Еще не окончились переговоры о браке, как византийский флот появился в Тирренских водах в виду гавани Фраксинета. Греческий огонь рассеял арабский флот и отрезал Фраксинет от сношений с метрополией, а король Гуго напал на арабское гнездо с суши. Все благоприятствовало

* /Так, у него сообщено о походе Игоря в 941 г. по рассказам отчима, который как раз тогда был в Константинополе. Antapod. V. 15./

счастливому исходу предприятия, но Гуго из боязни северных врагов, в особенности опасаясь нападения Беренгария, заключил с сарацинами мир и отпустил греческий флот. Вследствие того арабы еще несколько времени безнаказанно грабили Северную Италию и окончательно были изгнаны лишь в конце X в./

Еще посольство короля Гуго оставалось в Константинополе, когда там произошли события, совершенно изменившие внутреннюю политику империи. Но вместе с падением Романа Лакапина произошел переворот и в Италии. В 946 г. Гуго должен был уступить своему северному врагу Беренгарию Иврейскому, отказаться от всех своих планов и удалиться в Прованс. Итальянское королевство и притязания на императорский титул и господство в Риме перешли к его сыну Лотарю, который, впрочем, умер в 950 г. / Через несколько недель Беренгарий короновался ломбардской короной. Чтобы примирить с собой приверженцев прежнего правительства, он предполагал женить своего сына Адальберта на вдове Лотаря, но из этого вышли для него лишь новые затруднения, так как Адельгейда, не желавшая вступить в брак с непримиримым врагом Бургундского дома, подверглась преследованиям и истязаниям со стороны Беренгария и возбудила к себе общее сочувствие за Альпами, в особенности в Баварии и Швабии./

Беренгарий, как и его предшественники, желал поддержать сношения с византийским правительством. С своей стороны Константин Порфирородный не хотел терять своего влияния в Италии и поощрял Беренгария отправить в Константинополь посольство, «чтобы царь мог доказать ему свое расположение». Таковы были взаимные отношения около 948 г., когда из Константинополя был отправлен в Италию некто Андрей, комит царского двора /, имевший целью, между прочим, поддержать Лотаря перед всесильным тогда Беренгарием /. В это время выступает на сцену Лиудпранд, которому суждено было впоследствии играть выдающуюся роль в итальянско-византийских отношениях.

> «Тогда Беренгарий,— читаем в его истории,— с свойственным ему коварством обратился к моему отчиму, под кровом которого я тогда жил, со следующими словами: «Сколько бы я дал, чтобы твой пасынок знал греческий язык. Константинопольский император просит меня отправить к нему посланника, и я не могу найти для того никого другого, кто бы лучше твоего пасынка был для того пригоден как по твердости характера, так и по дару красноречия. Он легко там научится греческому языку; ты сам знаешь, с какой легкостью он успел изучить латинский язык еще в отроческие лета»».

Так решена была дипломатическая миссия Лиудпранда, который много еще в детстве слышал об византийском дворе от своего отца и отчима и который хорошо был подготовлен семейными традициями к путешествию в Константинополь. В августе он отправился из Павии в Венецию, а в сентябре прибыл в Константинополь, поразивший его своей оригинальностью, роскошью и неслыханными диковинками. Он описал весьма подробно свое пребывание в Константинополе [10], причем весьма живыми красками изобразил великолепный прием, сделанный тогда же прибывшим послам Оттона I и короля испанского. Рядом с ними

скромный представитель итальянского короля, который пожалел необходимых и обычных в таких случаях подарков для императора и придворных чинов, играл весьма незначительную роль. Тем не менее он с любопытством подмечал особенности константинопольского быта и отметил в своем описании и золотое дерево перед троном с летающими по ветвям золотыми птицами, и золотых львов, и чудесное переодеванье царя в тот момент, когда послы склонились перед ним на землю. Пребыванием в Константинополе Лиудпранд хорошо воспользовался для изучения греческого языка и для ознакомления с учреждениями империи и с нравами жителей. Он при этом завязал дружбу и отношения со многими лицами в столице. Но что касается дипломатической цели его пребывания в Константинополе, она не была достигнута. Во всяком случае, после того как Беренгарий совершенно устранил от дел Лотаря и последний умер в 950 г., Византия мало интересовалась сношениями с итальянским королем. С тех пор в глазах византийского правительства приобретает больше значения соперник Беренгария, немецкий король Оттон, который постепенно входит в интересы североитальянской политики.

Но прежде чем говорить о столкновении Восточной и Западной империи из-за южноитальянских интересов, необходимо бросить взгляд на отношения к Фатимидскому калифату.

В Сицилии в это время складывались дела весьма неблагоприятно. В горных областях на юг от Мессины было еще несколько укрепленных мест, не признававших над собой власти сицилийского эмира, который зависел от фатимидского калифа в Кайруане. Византия была в занимающее нас время обязана к уплате ежегодной дани в пользу египетских Фатимидов, сначала в 22 тысячи номисм, а при вступлении на престол Никифора — вполовину этой суммы. После одержанных над восточными мусульманами побед Никифор нашел унизительным уплату этой дани и, полагаясь на вполне понятные симпатии христианского населения на острове, не прочь был вступить в открытую войну с сицилийскими арабами. Но враждебные здесь отношения сопровождались потерями для византийского стратига: арабы отняли Таормину и почти лишили греков прочных позиций на острове. Оставалась теперь лишь пользовавшаяся недоступным положением крепость Раметта, расположенная в гористой местности в небольшом расстоянии от Мессины. Арабы решились завладеть и этим последним убежищем греческой свободы, где нашли себе приют и многие христиане после взятия Таормины. Гассан ибн-Амар осадил Раметту в августе 963 г., т. е. почти в то самое время, как Никифор Фока вступил на престол. Не желая допустить окончательного торжества мусульман на острове, царь снарядил флот и снабдил его достаточными военными средствами. Во главе экспедиции поставлен был патрикий Мануил Фока, дядя Никифора, но в качестве начальствующего морскими силами к нему был присоединен протоспафарий евнух Никита. Оба эти командира оказались весьма неспособными для исполнения возложенной на них задачи, и остается до сих пор непонятным, как мог им доверить Никифор, имевший у себя немало опытных и испытанных уже в войне с восточными мусульманами вождей, столь важное и ответственное дело. Таким образом, весной 964 г. из Константинополя был отправлен значительный военный отряд, в кото-

ром считали до 40 тысяч пехоты и конницы, для освобождения осажденной Раметты и вместе с тем для усиления греческого влияния в Сицилии. Но византийскому отряду предстояло здесь бороться с крайними затруднениями, столько же зависевшими от количества военных сил, выставленных против него по приказанию калифа, сколько от условий местности, где находилась Раметта. Прежде всего можно заметить, что евнух Никита и патрикий Мануил действовали как будто независимо один от другого. Первый быстро овладел Мессиной, Таорминой, Леонтини и Сиракузами и везде должен был оставить небольшие гарнизоны, чем ослабил свои силы. В это же время патрикий Мануил во главе конного отряда поспешил на выручку Раметты, которая хотя и находилась вблизи Мессины, но отделена была высокими горами и находилась в местности, почти недоступной для конницы. Здесь 25 октября Гассан ибн-Амар нанес грекам страшное поражение, в котором погиб и сам предводитель их патрикий Мануил. Следствием этого было, что Раметта не могла дольше держаться и сдалась арабам; скоро затем греки были вытеснены и из других городов, занятых в начале осени. Единственным прибежищем для греческого населения, теснимого со всех сторон, оставался флот, который держался некоторое время в Региуме. Но когда византийский флот начал отступление, на него напали арабы в Мессинском проливе и истребили его без остатка. Таким образом, первое предприятие Никифора против западных мусульман окончилось полной неудачей: последняя защита греческой независимости на острове Сицилии пала и арабы в сознании своей блестящей победы на суше и на море начали еще смелей тревожить своими набегами византийские города и селения в Южной Италии. Несмотря на испытанное поражение, к которому привыкший к победам царь Никифор не мог относиться с равнодушием, он не продолжал войны из-за Сицилии, напротив, употреблял все меры к тому, чтобы посредством мирных соглашений и всяческих уступок привлечь на свою сторону египетского калифа и обезопасить себя на некоторое время со стороны африканских арабов. Это была политическая необходимость, которая находит себе объяснение в германском движении в Южную Италию или в политике Оттона I.

Немецкий король Оттон I приведен был в Италию вследствие особого рода протектората, который принадлежал немецкому королю над детьми Рудольфа II Верхнебургундского. Когда Беренгарий Иврейский по смерти Лотаря объявил себя королем и, устранив права вдовы Лотаря Адельгейды, подверг ее заключению, в Германии началось сильное движение в пользу итальянских дел. Мысль об освобождении Адельгейды и подчинении Северной Италии была первым побуждением для похода Оттона I в Италию. Короновавшись в Павии ломбардской короной, Оттон женился на вдове Лотаря Адельгейде и тем утвердил свои права на господство в Северной Италии. Между тем в Риме положение политических партий необходимо требовало постороннего вмешательства. По смерти Альберика, управлявшего духовными и светскими делами в качестве «князя и сенатора Рима», во главе стал сын его Октавиан, который в 955 г. вступил на папский престол под именем Иоанна XII. Этот князь-папа, при всем своем нравственном ничтожестве и склонности к распутной жизни, не был чужд честолюбивых притязаний и стремился к осуществлению старых прав Рима на основании мнимого

дара Пипина. На севере его планы встретили отпор в Беренгарии, который не только не соглашался уступить ему провинции Романию и Эмилию, но, напротив, угрожал ему нападением на Рим. Тогда папа обратился за помощью к Оттону, обещая ему вместе с тем разрешение вопроса об императорской короне, к которой так страстно стремился Оттон I. В 962 г. Оттон вступил в Рим и 2 февраля торжественно короновался императорским венцом в храме св. Петра. Этим восстановлением Священной Римской империи германской нации начинается непрерывная связь Германии с Италией и вместе с тем столкновение интересов Восточной и Западной империи. Ожесточенная борьба, которую должен был выдержать новый римский император с римской аристократией, в течение шести лет не позволяла ему достигнуть осуществления его заветных планов в Риме. Наконец, в 966 г., в четвертый раз пришедши в Рим, он восстановил на папском престоле Иоанна XIII и подверг суровой каре виновников постоянной смуты. Недовольные распоряжениями Оттона, папа и римские знатные дворяне сносились с византийским императором и подстрекали его к решительным мерам. Уже папа Иоанн XII снарядил подозрительное посольство в Константинополь, которое, однако, было остановлено в Капуе. В этом посольстве главная роль принадлежала епископу Закхею и болгарину Залеку. По донесению приверженцев немецкой партии, это посольство имело целью поднять против Германии греков и угров. Больше успеха имело посольство, отправленное Адальбертом и имевшее предметом предложить византийскому императору союз для борьбы с Оттоном. Но в Константинополе имели основание не доверять Адальберту, и притом в архивах империи хранились следы недавних мирных сношений с германским королем [11]. Взгляды на итальянскую политику Оттона, однако, должны были измениться в Константинополе, когда Оттон настойчиво стал домогаться преобладания в Италии и когда стал угрожать вассальным княжествам, зависевшим от восточного императора. В Константинополе не могли не понять серьезной опасности, в особенности тогда, когда Оттон возобновил традиционные притязания Каролингов.

/Три большие нации: греки, сарацины и немцы — встретились на почве итальянского полуострова. Южная Италия, северней Апулии и Калабрии, занята была лангобардскими княжествами, между которыми Беневент играл первостепенное значение. Разделение этого княжества на части сопровождалось соперничеством между ними (Беневент, Салерно. Капуя), которое вызвало утверждение в Средней Италии сарацин. Опустошения сарацин вызвали первые попытки к соглашению между восточным и западным императором. Но слишком была ненадежна устойчивость и продолжительность возникавших на этой почве соглашений, так как на место ослабевшей власти сарацин неминуемо усиливалось или греческое, или немецкое влияние в Италии. И взаимодействие двух империй нарушалось всякий раз, когда одна из них казалась другой более опасной, чем сами сарацины. В X в., несмотря на скупые средства, отпускаемые на войну с арабами, и на слабое действие флота, все же Византия значительно окрепла в Южной Италии. Республика Амальфи и Неаполь пользовались полной независимостью, Беневент, Салерно и Капуя были в вассальных отношениях к Византии./ Опираясь на укрепление города Бари, владея флотом, какого Западная империя не

имела, Византия ревниво оберегала в Италии свои интересы и всегда готова была приостановить успехи германского императора, если они угрожали ее исконным притязаниям, которые простирались на Беневент и Капую. Между тем с точки зрения каролингских взглядов, которые воспринял Оттон, в понятие «regnum italicum» необходимо входит вся итальянская территория [12]. С тех пор как Римский папа и князья Северной и Средней Италии признали свою зависимость от римского императора германской нации, герцоги Беневента и Капуи (Пандульф) и Салерно (Гизульф), пользуясь соперничеством двух империй, постепенно освободились из-под влияния восточного и западного императоров и утвердили свою власть в стране при помощи богатых и могущественных монастырей Монте-Кассино и Вольтурно, которым в свою очередь они давали земельные пожалования и привилегии. /Но, с другой стороны, постепенное усиление германской партии в Средней Италии и соперничество между среднеитальянскими герцогами должно было естественно вовлечь их в политический переворот, вызванный походами в Италию Оттона I. Герцог Пандульф переходит на сторону германской партии и становится приверженцем римского императора./ Когда в начале 967 г. Оттон прибыл в Рим, герцог Беневента и Капуи был в числе князей, давших западному императору присягу на верность, и император с своей стороны щедро вознаградил Пандульфа, пожаловав ему маркграфство Камерино и Сполето. Таким образом, вследствие искусного применения к обстоятельствам герцог Беневента соединил в своих руках Капую и Сполето и сделался самым могущественным государем в Средней Италии.

Хотя Никифора Фоку слишком занимали восточные дела, но он не мог не оценить значения подготовлявшихся событий и отправил к Оттону посольство с предложением союза и дружбы. Это посольство представилось западному императору в Равенне и принято было в торжественной обстановке. Трудно судить о том, в чем состояли поручения Никифора к императору Оттону: судя по ходу обстоятельств, можно думать, что восточный император тогда был занят мыслью о заключении тесного союза с Фатимидами и что вообще в данный момент он не мог создавать себе затруднений на западной границе [13]. Лишь в течение 967 г. в Константинополе могли быть получены точные сведения об окончательной победе Оттона над революционной партией в Риме и в особенности — к чему не должен был оставаться равнодушным царь Никифор — о движении Оттона в Беневент. Точно так же не раньше лета 967 г. Никифор мог получить сведения об измене герцога Беневента и Капуи и об увеличении его владений насчет соседних княжеств. Именно известия об этих событиях заставили его отменить поход на Восток и предпринять движение в Македонию, где им и был принят посол Оттона венецианец Доминик.

Получив через посредство Доминика заверения, что Оттон не намерен вносить войну в провинции, принадлежавшие в Италии византийскому императору, Никифор возвратился в столицу и отправил в Италию второе посольство, которое встретило Оттона в январе 968 г. в Капуе. Ближайшим предметом переговоров был теперь вопрос о брачном союзе между сыном Оттона I и византийской принцессой Феофано, дочерью Романа II. Как новый носитель короны римского императора, Оттон приписывал большое значение этому союзу, надеясь таким образом устранить как подозрения со стороны Никифора, так и могущие

встретиться затруднения в Италии. Но нужно признать, что избранный Оттоном способ скорей достигнуть предположенной цели оказался далеко не удачным. Весьма возможно, что послы Никифора ставили некоторые условия для заключения брака и, во всяком случае, не давали решительного согласия на это, но император Оттон пришел к мысли принудить Никифора к уступчивости угрозой напасть на византийские владения в Южной Италии. И пока еще переговоры продолжались с той и другой стороны, германское войско из Беневента направилось к главному городу фемы Лангобардии, к Бари. В марте 968 г. Оттон был уже под стенами Бари, но, не приступая к серьезным мерам против этого города, поспешно отступил назад. Оказалось, что без флота нельзя надеяться на успешную блокаду Бари и вообще предприятие, на которое так неосторожно пошел Оттон, было сопряжено с такими трудностями, о которых он не имел представления.

При подобных обстоятельствах, которые не могли не раздражить царя Никифора и не поселить в нем основательных подозрений в искренности Оттона I, выступает посредником между восточным и западным императором епископ Кремонский Лиудпранд, назначенный во главе германского посольства возобновить переговоры о брачном союзе.

Лиудпранд происходил из лангобардской семьи, которая занимала довольно важное служебное положение. Отец его был на службе у короля Гуго (926—947) и раз исполнял дипломатическое поручение в Константинополе (927). По смерти отца Лиудпранд состоял в капелле короля, где получил школьное образование. Когда Гуго потерял престол, Лиудпранд перешел на службу к Беренгарию, у которого пользовался большим доверием в качестве его секретаря. В 949 г. он отправлял по поручению своего короля посольство в Константинополь. Вследствие неизвестных причин около 956 г. Лиудпранд оставил Беренгария и перешел на службу к Оттону. Как знаток греческого языка, которому он научился во время пребывания в Константинополе, и как единственное, может быть, лицо, которое имело между греками личные связи, Лиудпранд был самым подготовленным и наиболее способным человеком для исполнения весьма деликатного поручения при константинопольском дворе *. Сделанный Лиудпрандом доклад об его миссии в Константинополе составляет беспримерный исторический источник, с которым ничто не может сравниться по реальности, остроумию и широкой осведомленности по вопросам, которых он касается **.

Переговоры, ведение которых принял на себя Лиудпранд, не привели к желанным результатам. Причиной этого был частию неверный тон, принятый германским послом по прибытии в Константинополь, частию допущенные самим Оттоном ошибки. В то время как Лиудпранд уверял Никифора в дружбе и преданности к нему его августейшего повелителя, сам Оттон, не получая никаких известий о ходе дел в Константинополе, продолжал поход в Апулии и Калабрии. Весьма

* Сведения о нем черпаются из его сочинения «Antapadosis» (изд. P e r t z — Monum. Germaniae. S. III). Посольство в Константинополь изложено им же самим в сочинении «Legatio».

** Мы принуждены были пожертвовать этим памятником с большим сожалением за недостатком места.

поэтому возможно предполагать, что царь Никифор недоверчиво относился к миссии Лиудпранда, подозревая, что он или не имеет достаточных полномочий, или желает выиграть время. Между тем как Лиудпранд, униженный и оскорбленный своей неудачей, томился в ожидании разрешения возвратиться на родину, император Оттон осенью 968 г. предпринял новое движение в Апулию, с тем чтобы, как он выражался, «воссоединить с нашим итальянским королевством эту страну, отнятую греками». Герцог Беневента и Капуи Пандульф принимал участие в этом походе, на него даже возложена была обязанность главнокомандующего всем отрядом немцев и лангобардов, приступившим к осаде города Бовино. Нельзя сказать, что немцы нашли беззащитной Апулию. Занимая внутренние города и селения, они должны были оставлять за собой береговую полосу, защищаемую флотом. Независимо от того из Константинополя посланы были подкрепления, о чем и до Лиудпранда дошли слухи, как видно из его доклада. Как опасна была для немцев Южная Италия, видно из того, что смелый удар Оттона в 969 г. окончился полным поражением немецкой партии. При Бовино германский отряд и союзники Оттона были разбиты византийцами, сам Пандульф попался в плен и в цепях был отправлен в Константинополь. Не должно считать отсутствие флота главной причиной этого поражения германцев. Несомненно, Византия опиралась на симпатии местного населения, которое за ней признавало законные права на господство в Южной Италии и за византийским царем неотъемлемое право на императорский титул. После поражения немцев при Бовино византийский стратиг Евгений идет на север, где ему был выдан Сикенольф, и затем осадил Капую. На сторону греков становится неаполитанский герцог, и, таким образом, в Средней Италии снова усиливается влияние Византии: герцоги Неаполя и Салерно признали себя вассалами Византии, области Беневента и Капуи подверглись опустошению. Оттон в 970 г. повторил поход в Южную Италию, но в северной Апулии снова встретил сопротивление под стенами Бовино. Смерть Никифора в декабре 969 г. и вступление на престол Иоанна Цимисхия дали новое направление так неблагоприятно складывавшимся отношениям между двумя империями. Новый император не хотел обременять свое и без того нелегкое положение такими затруднениями, которых можно было избежать. Дела в Сирии принимали серьезный оборот, на севере угрожал русский князь Святослав, внутри страны было большое недовольство и раздражение, вызванное голодом.

Ввиду всех этих обстоятельств Иоанн Цимисхий взглянул совершенно иначе на южноитальянские дела, чем его предшественник: он дал свободу Пандульфу и поручил ему возобновить переговоры с Оттоном насчет брачного союза, поставив свое согласие на брак в зависимость от немедленного очищения немецкими войсками Апулии и Калабрии. Это было желанным для обеих сторон исходом из затруднительного положения. Узнав о возвращении Пандульфа в Италию и о задержании в Бари у стратига Абдилы, Оттон выразил желание вступить в переговоры, если дана будет свобода его вассалу герцогу Пандульфу. Под стенами Бовино, где Оттон продолжал стоять лагерем, Пандульф изложил германскому императору данное ему поручение и легко склонил его на предложение Иоанна Цимисхия. В конце лета 970 г. немецкое войско сняло осаду с Бовино и пошло на север. /О браке Оттона II с царевной Феофано будем говорить ниже./

Глава XIX

Значение походов Святослава в Болгарию. Внутренняя политика Фоки

Установившиеся между Болгарией и Византией отношения при сыне Симеона Петре, которыми вполне обеспечивалось самостоятельное политическое и церковное благосостояние Болгарии, казалось бы, сулили многочисленные и разнообразные выгоды той и другой стороне. Об исключительных привилегиях Болгарии говорит уже и то обстоятельство, отмеченное Лиудпрандом, что болгарским представителям при дворе восточного императора давалось первое место перед всеми другими послами иностранных государств. В современной летописи [1] придается этому обстоятельству выдающееся значение.

> «Когда по совершении брачного торжества Мария имела отправиться со своим мужем в Болгарию, родители ее вместе с протовестиарием Феофаном проводили ее до Евдомона. При прощании же, обняв дочь, пролили много слез, как естественно, когда расстаются с возлюбленным чадом, затем поцеловали зятя и, передав ему с рук на руки свою дочь, возвратились во дворец. Мария же отправилась в Болгарию и радостная вместе и печальная. Ей было горько расставаться с милыми родителями и царским домом и лишиться общения с родными, но ей было и приятно при сознании, что она вышла замуж за царя и что она стала владычицей болгарского народа. Она везла с собой разнообразные богатства и бесчисленное множество всякого добра». Она поддерживала постоянные сношения с константинопольским двором, как отмечено это у летописца, а по смерти отца своего Христофора гостила в Константинополе с тремя своими детьми и возвратилась домой с богатыми подарками от своего деда.

Трудно выяснить, насколько Византия в это время «работала» над разложением могущества Болгарского царства, как обыкновенно говорят об этом ученые начиная с Дринова; едва ли справедливо также приписывают много политического значения секте богомилов, которая будто бы подготовила распадение Болгарского царства. Выставляя на первый план интриги Византии, мы умаляем значение разнородности этнографических элементов, входивших в состав державы Симеона; указывая на богомилов, не хотим считаться с тем, что эта секта не анархическая, а дуалистическая и что социалистические тенденции, находимые в учении Богомила, развились позже. Нельзя закрывать глаза на два факта, которые имели реальное и неоспоримое значение в истории Болгарии во второй половине X в. Это прежде всего походы Святослава в Болгарию, которые имели такое же решительное значение для восточ-

ной половины Болгарского царства, как опустошительная война Василия II Болгаробойцы для западной половины. Далее, во весь исторический период непреодолимое препятствие к образованию государственности на Балканском полуострове и к прочному сцеплению разнородных этнографических элементов, затронутых притом же двумя противоположными культурными влияниями — римским и византийским, католическим и православным, составляли те же центробежные силы, которые действуют и по настоящее время: это непримиренная разность болгарских и сербских притязаний, албанских и влашских. Этими фактами и нужно объяснять испытанные Болгарией потрясения при царе Петре.

Итак, попытаемся выяснить значение указанных фактов на северной границе. Повод, вызвавший поход Святослава в Болгарию в 968 г., заключался, по словам Льва Диакона, в следующем. После взятия Тарса и по возвращении императора Никифора в столицу явились к нему от болгар послы с требованием положенной дани.

> «Раздраженный царь велел бить послов по щекам и выгнать их из столицы, а сам с великим ополчением отправился против болгар в поход и овладел всеми пограничными городами. Но, пришедши к убеждению, что эта война представляет много трудностей, возвратился в столицу и, почтивши достоинством патрикия отважного и пылкого Калокира, послал его к тавроскифам, которых мы обыкновенно называем руссами, с тем чтобы он, выдав им 15 кентинариев золота, привел их в землю болгар для ее завоевания. Пришедши в Скифию,— продолжает тот же писатель,— патрикий Калокир понравился начальнику тавров, подкупил его дарами и убедил идти против болгар (мисийцы у Льва Диакона) с великой ратью, с тем чтобы, покоривши их, удержать их страну в собственной власти, а ему содействовать в завоевании римского государства и получении престола. Святослав, услышав сии слова, не мог удержать душевного стремления и, собрав ополчение, состоящее из 60 тысяч храбрых воинов, отправился против болгар с патрикием Калокиром, которого полюбил как родного брата».

Уже давно и с разных сторон указано было, что как ближайшие мотивы, вызвавшие походы Святослава в Болгарию, так и самый ход дел в повествовании Льва Диакона о русско-болгарской войне возбуждают множество сомнений и вообще не заслуживают такого доверия, чтобы принимать известие его в дословном значении [2]. И малоизвестная личность Калокира, и ничем не оправдываемое пожалование ему патрикиата перед посылкой его в Киев, и весьма странное поведение его во всем этом деле, т. е. измена своему царю и тайное соглашение с Святославом, из которого, впрочем, лично для Калокира не получилось никакой выгоды,— все это вместе с отсутствием точных хронологических показаний о пребывании Калокира в Киеве и об его дальнейшей судьбе значительно ослабляет ценность сообщаемых нашим источником сведений о походах Святослава в Болгарию.

Но как бы далеко ни простиралась критика по отношению к известию византийского историка о русско-болгарской войне, мы все же должны считаться с фактической стороной дела. Нельзя сомневаться

в том, что Святослав имел предложение со стороны византийского царя Никифора Фоки сделать движение на Дунай и отвлечь в эту сторону военные силы болгарского царя Петра. Дело историка объяснить исторический факт и показать ему значение, и в этом отношении он может не соглашаться даже с самым важным и современным событиям писателем, который мог оценивать и мотивировать рассказанный им факт с своей личной точки зрения или на основании полученных со стороны сведений. Современный историк, обращая внимание на резко выраженное столкновение византийских, русских и болгарских политических интересов на северных побережьях Черного моря и в нынешней Румынии [3] в занимающую нас эпоху, не может не обратить внимания на то обстоятельство, что опасность для Никифора Фоки была не со стороны Болгарии, с которою он в состоянии был справиться и без помощи Святослава, а именно в указанном сейчас направлении. Как известно, прежде походов в Болгарию русская летопись отмечает в деятельности Святослава его мало до сих пор выясненное движение на Восток, которое продолжалось не один год и было выполнено в несколько походов. В русской летописи кроме походов Святослава на Волгу и Оку говорится о войне его с хазарами, которым принадлежала обширная область от Волги до Кавказских гор. Вследствие войн с хазарами киевский князь получил значительный перевес на Дону, взяв бывшую здесь важную крепость Саркел, построенную греками для укрепления своего влияния в областях на север от Черного моря. Не менее важным для Киевской Руси успехом была победа Святослава над прикавказскими племенами ясов и касогов. Таким образом, в южнорусских степях на место хазарского преобладания наступило русское, и византийские черноморские владения стали подвергаться опасности со стороны Святослава [4]. Что в соображениях Никифора Фоки наступательное движение Святослава должно было представлять опасность, в этом нельзя нисколько сомневаться, и что политическая миссия переговоров с киевским князем поручена была именно сыну херсонского протевона или стратига, это следует признать самым соответствующим положению дел выбором царя Никифора.

Как известно, переговоры сопровождались полным успехом и вызвали поход Святослава в 968 г. Что касается истории самих походов, она изложена весьма неудовлетворительно. В первом походе Святослав является другом византийского императора и в короткое время захватил будто бы 80 городов. Хотя это известие наводит на сомнения, однако отступать даже от числа 80 городов нет надобности, особенно если поставить его в связь с известием летописи о городах русских в Молдавии, Валахии и частию в Сербии. За скудостью источников трудно дать отчет о результате движения, которое произвел набег Святослава в Болгарию; по всей видимости, болгарский царь не нашел средств к защите и принужден был запереться в своей столице Преславе, откуда Святослав его выгнал. Был ли взят русскими в первом походе Переяславец на Дунае или Великая Преслава на Балканах, неизвестно, хотя Святослав считал более выгодным первый город и желал перенести сюда столицу русского государства. Так как силы Святослава, по русской летописи, были ограниченны, то невольно возбуждается сомнение насчет действительного хода дел, хотя в общем нашествие Руси вызвало

сильное движение и охватило всю Болгарию (и Западную). Это объясняется тем, что у Святослава были союзники из угров. Византийский император скоро понял, что Святослав домогается завоеваний в Болгарии, поэтому обратился к печенегам и подкупил их сделать нападение на Киев. Создавшееся вследствие похода Святослава положение хорошо рисуется из того, что Калокир предлагал Святославу захватить Болгарию, а сам надеялся при его помощи завладеть Константинополем. Осада Киева печенегами побудила Святослава возвратиться назад, но в 971 г., похоронив мать и раздав земли сыновьям, он предпринимает новый поход на болгар.

Но теперь обстоятельства изменились к невыгоде Святослава: раньше он был полновластным господином в Восточной Болгарии, а теперь ему приходилось снова начинать здесь же военные действия, и притом при весьма неблагоприятных условиях. К этому времени и в Византии произошли перемены: Никифор Фока в 969 г. был убит Иоанном Цимисхием. Цимисхию необходимо было примириться с болгарами, так как ему угрожали затруднения в Южной Италии со стороны западного императора. Для достижения своей цели Цимисхий завязал дружеские отношения с болгарским правительством, тем более что там на место Петра, умершего в это время, стали во главе правления его дети Борис и Роман. Для Святослава, таким образом, предстояло силой принудить к повиновению те области, которыми он завладел в первый поход. При этом русский князь поступал весьма неосторожно: он не только обходился жестоко с болгарами, но был беспощаден к городам, оказавшим сопротивление; так, напр., по словам византийской летописи, он посадил в Филиппополе 20 000 болгар на кол. Это обстоятельство может служить ключом к разъяснению движения болгар против Святослава. Поняв, что отношения Византии к нему становятся враждебными, что в византийском императоре он имеет врага, Святослав распространил военные действия на имперские владения. Предав огню и разграбив столицу Болгарии Преславу и другие города, в числе их, вероятно, и Силистрию, Святослав победоносно продолжал движение за Балканы. Русские известия об этом кратки, и их мало сравнительно с византийскими. Святослав взял Филиппополь и Адрианополь и пошел на Царьград. Он дал знать, по обычаю русских, грекам: «Иду на вас; хочу взять и Константинополь». Относительно дальнейшего известия русские и византийские расходятся. Очень может быть, что спутаны столкновения, бывшие во время похода Святослава за Балканы, со столкновениями во время возвратного его движения. Русская летопись говорит, что адрианопольская битва имела решительное значение и что русские победили. По греческим известиям, греки победили под Адрианополем и десятки тысяч русских были убиты. У одних исследователей дан перевес русским известиям, а у других — византийским. Начиная с Шлецера, упрекают русского летописца в неискренности, в партийности. Так как главнейший пункт разногласия между греческою и русскою летописью касается именно дела при Адрианополе, то в оправдание и подтверждение нашей летописи весьма уместно будет привести надпись, сделанную на гробнице Никифора Фоки Иоанном, митрополитом Мелитинским, которая должна указывать на события 971—972 гг. Упомянутая надпись как раз передает тот психологический момент, когда Константинополь

дрожал пред русскими. «Тот, кто прежде был крепче мужей и меча, тот сделался легкой добычей женщины и меча*. Тот, кто своею силою держал в руках власть над всей землею, тот занимает теперь малый уголок земли. Тот, который и в ночи не давал себе краткого сна, давно уже спит теперь во гробе. Но восстань ныне, царь! И устрой пеших, и конных, и копейщиков, твое воинство, фаланги и полки. На нас устремляется русское всеоружие, скифские народы в бешеном порыве наносят убийство, грабят всякое племя, твой город, между тем прежде их страшил твой образ, начертанный перед воротами Цареграда. Не презри этого, сбрось камень, который прикрывает тебя... Если же нет, то вскрикни хоть раз из земли своим голосом, может быть, и это одно рассеет их; если же и это тебе неугодно, то прими нас всех в свою гробницу!» [5] Нужно только хорошо вдуматься в положение дел, и для нас станет ясно, что не было другого момента, когда русские находились так близко к Константинополю, как при Святославе. Действительно, в Константинополе в это время дрожали, и скифские отряды бродили около самой столицы. Если поставить рядом этот документ с русскою летописью, то последняя, понятно, много выиграет, и, наоборот, хвастливая речь Льва Диакона потеряет свое значение. Успех русских был несомненен, но Святославу не удалось воспользоваться своим блестящим положением, так как у него не было достаточно военных средств, а между тем Цимисхий собрал сухопутные и морские силы с востока и сам двинулся против русского князя. Высадившись в Силистрии, греки утвердились в Северной Болгарии и угрожали отрезать русским отступление. Кроме того, болгаре были на стороне Святослава до тех пор, пока он имел успех и сила была на его стороне. Святослав не принял мер для защиты Балканских проходов, и Цимисхий легко занял эти проходы и овладел русским отрядом, бывшим под начальством Свенельда в Великой Преславе. Русские были перебиты, кроме Свенельда, который бежал. Главные битвы между русскими и византийцами происходили под Адрианополем, Великой Преславой у подошвы Балкан и под Доростолом-Силистрией.

Здесь сосредоточил остатки своих сил князь Святослав, после того как его отряд под начальством Свенельда был уничтожен и Преслава предана огню и разграблению. Иоанн Цимисхий, разрушив на пути от Преславы Плиску, столицу ханов Крума и Омортага, и другие болгарские города, приблизился к Силистрии, где и произошла окончательная битва, описанная Львом Диаконом. Греческий историк посвятил несколько глав описанию героических подвигов Святослава и его дружины, которые составляют лучшее во всей литературе, касающейся военной истории первых русских князей. К сожалению, мы можем воспользоваться здесь только заключительным отделом.

> В последнем сражении, которым было сломлено мужество осажденных в Силистрии воинов Святослава, оказались на стороне греков самые стихии. / [«Русские под влиянием]**

* Намек на исключительные обстоятельства, при которых последовала смерть Никифора по наущению жены его, царицы Феофано. См.: Васильевский — Журн. Мин. нар. просв. Апрель. 1875. С. 169.

** В рукописи нет начала фразы. *(Ред.)*

той славы, которую они приобрели у соседних народов и с какой они всегда одерживали победы над врагами, напрягали все силы, чтобы взять перевес. Для ромэев же соединялось со стыдом и негодованием одно представление о том, что, побеждая всех врагов оружием и доблестью, они могут отступить перед народом, сражающимся пешим строем и не знающим конной службы. Питаясь такими расположениями, оба войска сражались храбро. Русские, подчиняясь обычному зверству и раздражению, стремительно бросались на ромэев с бешенством и криком; ромэи же отражали их искусством и техническим применением военной техники... И победа колебалась на той и другой стороне». Наконец император дал знак вступить в дело коннице, перед натиском которой русские не выдержали и укрылись за стенами города.

Книга IX «Истории» Льва Диакона передает приподнятое настроение автора, описавшего гомерическими чертами борьбу русских с греками под стенами Силистрии.

Цимисхий устроил поблизости от города укрепленный лагерь, который защитил рвом и валом, чтобы сделать его наиболее безопасным от русских и чтобы держать осажденный город в постоянной тревоге и лишить его возможности внешних сношений. Обложение Доростола стало полным, когда под его стенами показался огненосный византийский флот, страшное действие коего, хорошо известное по рассказам стариков, участвовавших в походах Игоря, вселяло в русских страх и ужас и отнимало у них всякую надежду на свои собственные суда, которые стояли на сухом берегу под защитой стен. Итак, русские, сделав вылазку, вступили в сражение: «и сильно бились обе стороны, и исход борьбы казался сомнительным, попеременно одни одолевали других, наконец один из ромэев, выступив из фаланги, поразил копьем великана и мужественного воина Сфенкела, занимавшего третье место после Святослава, тогда русские, пораженные его смертью, *медленным шагом отступили* с поля сражения и пошли к городу. Тогда и Федор Лалакон, герой несравненной телесной силы, которого никто не мог победить, побил весьма многих врагов своей железной булавой, которою он так искусно пользовался, что раздроблял и шлем, и прикрытую им голову». Но и русские с своей стороны не раз получали удовольствие причинить грекам урон. Так, раз ближайший родственник Иоанна Цимисхия, магистр Иоанн Куркуа, неосторожно погнался за русскими и упал с своего коня; судя по дорогим доспехам всадника и по знатной конской сбруе, русские приняли его за самого царя и мечами и секирами изрубили его на месте, а голову его воткнули на копье и выставили на башне.

«Надмеваясь этой победой, на другой день русские вышли из города и выстроились в боевой порядок, с своей стороны и ромэи выступили против них густой фалангой. Тогда Анема, один из царских телохранителей и сын крит-

ского эмира, завидев Икмора, бывшего первым мужем по Святославе и первым (после него) вождем русского войска, мужа исполинского роста и необычайной храбрости, который с яростью нападал с сопутствовавшим ему отрядом избранных воинов и поражал многих ромэев,— воспаленный природным мужеством, он извлек висевший на нем меч и, возбудив коня и дав ему шпоры, пустился на Икмора и, приблизившись, поразил его в шейные связки — отрубленная голова его вместе с правой рукой повалилась на землю. При виде этого падения в русских рядах поднялся крик, смешанный с рыданиями. Они не выдержали нападения врага и, будучи чрезвычайно опечалены потерей своего вождя, закинув на спину щиты, пошли в город. С наступлением ночи, пользуясь светом полной луны, они вышли на равнину и подбирали своих мертвецов. Положив их в одном месте у городской стены и разложив огни, предали их сожжению, причем по господствующему у них обычаю закололи над ними множество пленников из мужчин и женщин. Совершая по мертвым жертвоприношения, они топили в реке Истре грудных детей и петухов.

На рассвете следующего дня Святослав созвал на совет старших воинов, на их языке это называется комент *. На предложенный им к обсуждению вопрос: что можно и до́лжно предпринять в настоящих обстоятельствах — одни советовали тайно сесть на суда и спасаться бегством, другие предлагали заключить с ромэями мир и таким образом спасти хотя часть войска. Выслушав выраженные мнения, Святослав с глубоким вздохом сказал: «Если мы теперь постыдно уступим ромэям, то прощай та слава, сопутствовавшая русскому всеоружию, с которою мы без труда побеждали соседние народы и без пролития крови покоряли целые страны. Но, принимая в соображение, что мы унаследовали военную доблесть от наших предков и что русская сила доселе была непобедима, мы должны мужественно сражаться за нашу жизнь. Ибо у нас необычно беглецами являться в отечество, но или жить победителями, или умирать в славном бою, показав подвиги, достойные благородных мужей». Выслушав слова своего князя и предводителя, русские решились со всем мужеством подвергнуться борьбе за свое спасение и храбро выступить против ромэйского войска. На другой день — это было в субботу 24 июля,— когда солнце склонялось к западу, русские вышли из города и решились со всем мужеством выдержать смертный бой. Греки вышли из-за окопов. Началось сражение. Русские мужественно наступали на греков, кололи их копьями, поражали стрелами

* Τότε δε' ἤδη διανισχούσης ἡμέρας βουλὴν ὁ Σφενδοσθλάβος τῶν ἀρίστων ἐκάθιζεν, ἥν καὶ κομέντον τῇ σφετέρῳ διαλέκτῳ φασίν — место чрезвычайно любопытно по употреблению слова комéнтос (conventus) у русских (Leo Diaconus. IX. C. 7 (P. 150)).

конницу и сбрасывали всадников на землю. Анема, который прежде отличился убиением Икмора, завидев Святослава, в исступлении и бешено стремившегося на ромэев, дав коню притворное движение в сторону (таков был его обычай, и прежде он погубил уже многих русских таким обманным движением) и потом опустив поводья, ринулся на него, поразил его в ключицу и поверг на землю, но не убил, ибо кольчужная броня и щит, которыми он предохранял себя от вражеских мечей, защитили его. Сам же Анема, будучи окружен фалангой врагов, когда его конь был поражен частыми ударами копий, хотя и погубил многих русских, но наконец пал под их ударами. Это был муж, которого никто из современников не превосходил в геройских подвигах.

В последнем сражении, которым наконец было сломлено упорство осажденных, / внезапно поднявшаяся буря с сильным ветром, дувшим в глаза русским, дала большое преимущество врагам их. Сложилась легенда, нашедшая себе место в повествовании Льва Диакона, что св. Феодор Стратилат стоял во главе византийского войска и помог ему докончить поражение русского отряда. «Сам Святослав, израненный и истекавший кровью, чуть не был взят в плен, только наступившая ночь спасла его. Всю ночь Святослав томился в горе о погибели своей рати, мучился гневом и скорбию и утром следующего дня послал к царю Иоанну послов с просьбой о заключении мирного договора на следующих условиях. Русские обязываются сдать Силистрию, освободить пленных и очистить Болгарию. Греки предоставляют им свободно отступить морским путем и дают обязательство не нападать на них своими огненосными судами, доставить им продовольствие в пути и принимать, согласно прежнему обычаю, как друзей тех, которые будут посылаемы ради торговых целей в Византию. После того как заключен был договор, Святослав искал личного свидания с царем. Он без всяких колебаний в позлащенном вооружении прибыл на коне на берег Истра, окруженный многочисленным отрядом всадников в блестящих доспехах. Святослав же прибыл на простой скифской лодке и, взяв в руки весло, греб наравне с прочими, как простой воин. Вот какой он был по своей внешности. Он был умеренного роста, ни слишком высок, ни слишком мал; брови густые, голубые глаза, плоский нос, редкая борода, верхняя губа его была обильно покрыта густыми и вниз спускающимися волосами. Голова была совсем голая, лишь на одной стороне висел локон волос — знак благородного происхождения. Шея толстая, плечи широкие и все сложение очень стройное. Взгляд его был мрачный и суровый. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди. На нем была белая одежда, только чистотой отличная от других. Поговорив немного с царем насчет мира, сидя на лавке лодки, он отправился к себе».

Как известно, на возвратном пути Святослав был неожиданно застигнут печенегами и погиб в схватке с ними.

В смысле исторического значения походов Святослава в Болгарию нужно отметить в особенности следующее. Прежде всего они имели роковое значение для Болгарского царства, образованного победами Симеона и получившего твердые устои в соглашении, имевшем место в 927 г. Походы Святослава произвели полный разгром в северо-восточной половине Болгарского царства, сопровождаясь разрушением столицы — древней Плиски и новой Преславы — ослаблением власти болгарской династии и возбуждением притязаний на власть среди туземных элементов, не вполне еще слившихся с завоевательной ордой. С общеисторической точки зрения это обстоятельство имело громадные последствия в судьбах Болгарии, между прочим, в нем лежит причина усиления греческого элемента на счет славянских и албанских племен Балканского полуострова, которым так последовательно и с неумолимой суровостью воспользовался царь Василий Болгаробойца; в нем же лежит объяснение раздвоения Болгарии на Восточную и Западную, с которым мы встретимся в ближайшие за этим годы. Не менее значительными последствиями сопровождалось это движение и в истории русского господства на побережье Черного моря и в Крыму. Великий князь Святослав по договору 971 г. обязывался не иметь притязаний ни на корсунскую область, ни на Болгарию, и даже в том случае, если бы кто из других народов покусился на греческие владения, он должен был бороться с ним за интересы Византии. Это был полный крах, вредно отозвавшийся на политическом положении славянства.

Переходим ко внутренней деятельности царя Никифора. Черты характера его рельефно определяются как его неустанной военной деятельностью, так и наблюдениями современников, оставивших немало произведений, посвященных этому замечательному государю. Происходя сам из крупных землевладельцев Малой Азии, где Фоки, Склиры и Малеины имели громадные владения и тысячи подвластного им населения, тем не менее в качестве властителя обширной империи Никифор не поощрял намеченного уже его предшественниками экономического и социального строя и продолжал борьбу с крупным землевладением. Несмотря на громадные заслуги, которых никто не мог отрицать за ним, он не пользовался, однако, расположением современников, и в особенности того класса, которому в Византии всегда принадлежало главное влияние. Чтобы ознакомить с этой стороной дела и вместе с тем ввести читателя в сущность вопроса, приведем несколько слов из 26-й новеллы 988 г. царя Василия II [6].

> «От монахов, засвидетельствовавших себя благочестием и добродетелью, а также от многих других людей наше царство осведомилось, что законоположение о Божиих церквах и богоугодных домах, изданное кир Никифором, сделалось причиной и корнем настоящих бедствий, ниспровержения и смятения сей вселенной, так как эти законы направлены к оскорблению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого Бога... С тех пор как это законоположение вошло в силу и до настоящего дня мы не встретили в нашей жизни никакой даже самомалейшей уда-

чи, напротив, не осталось такого вида несчастия, коего бы мы не испытали. Почему настоящею нашей золотой грамотой мы постановляем, чтобы с нынешнего дня сказанное законоположение считалось отмененным и не имеющим силы. Вместо того пусть опять вступят в действие те законы о Божиих церквах и богоугодных домах, которые прекрасно и боголюбиво были изданы незабвенным нашим дедом...»

Ясное дело, что законодательная мера, которая здесь имеется в виду, сопровождалась весьма важными результатами и взволновала общественное мнение. Таков был закон, изданный царем Никифором Фокой в 964 г., направленный против сосредоточения большой земельной собственности в руках Церкви, а равно за монастырями и богоугодными заведениями. Этот замечательный памятник, который скорее соответствует по духу и целям иконоборческой эпохе, наиболее ярко рисует направление внутренней политики царя Никифора и в то же время объясняет причины враждебного к нему настроения среди самой влиятельной группы тогдашнего общества. Поэтому мы позволяем себе привести вполне эту новеллу [7].

«С тех пор как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властели, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в сорокалетней давности и стараются то посредством подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они дурным образом приобрели от убогих. Желая исправить такое зло, поставить в должные границы нынешних властелей и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаем настоящий закон, после которого они будут знать, что они не найдут в этой сорокалетней давности никакой помощи, но что чужое будет отбираемо не только у них самих, но и у детей их или у тех, кому они оставят свое имущество. Немало мы были обременяемы жалобами бедных по поводу этого правила (сорокалетней давности) и, много раз путешествуя к войскам и проходя области царства нашего, собственными глазами видели совершающиеся ежедневно несправедливости и обиды в отношении к ним. Разве не может властель, обидевший бедного, долгое время пользоваться своей силою и благосостоянием, а потом передать и то и другое своим наследникам? Чем же в таком случае может помочь бедному одно время? Разве не возможен такой случай, что патрикий, магистр или военный доместик, обидевший бедного, будет иметь своими потомками тоже властелей, иногда родственных с царями и поддерживающих в продолжение семидесяти или ста лет силу своего рода и свое благосостояние? Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые у них злым образом бывают отнимаемы или похищаемы обманом? Совершенно ясно, что только в таком случае будут обеспечены интересы бедного, если ему

предоставлено будет право, сколько бы ни прошло времени, беспрепятственно отыскивать и возможность получать обратно свою собственность. Если мы этого не сделаем, то мы дадим обидчику повод говорить: «Я теперь благоденствую, и бедный не может со мною тягаться».

Патрикий Константин Малеин, а потом сын его магистр Евстафий, оба были властелями и в продолжение ста или ста двадцати лет пользовались благосостоянием. Их дед, потом отец, а затем сыновья его сохраняли, можно сказать, беспрерывно до нашего времени свое преобладание. Какую же помощь может оказать в таких случаях время? Возьмем Филокали: первоначально он был крестьянином и принадлежал к числу убогих, а потом поступил в число знатных. Пока он находился внизу, он нес тягло вместе с своими односельчанами и ни в чем их не обижал. Когда же он достиг звания, он захватил все селение и обратил его в собственное поместье, изменив самое его название... Когда человек так поднялся и когда его дела приняли такой вид, позволительно ли, чтоб ему дано было в помощь еще и время (давность) и предоставлена была возможность владеть неизменно тем, что он злым образом приобрел? Никак. Поэтому мы, проходя в той местности и узнав из жалоб со стороны бедных о положении дел, приказали разрушить его великолепные дворцы и сровнять их с землею, бедным возвратили их достояние, а ему оставили только то, что он имел сначала, т. е. податную землю, и опять воротили его в первобытное состояние крестьянина.

Вследствие этого мы определяем: имения, приобретенные властелями *в сельских общинах* до первого законоположения Романа Старшего (т. е. ранее 928 г.), если притом приобретение может быть доказано письменными документами или достаточными свидетелями, должны оставаться собственностью властелей, подлежащею законной охране, как это говорится и в старых законах. А с тех пор (с 928 г.) и до настоящего времени и далее впредь давность уже не имеет никакого значения, и ни в каком случае действие ее не может быть направляемо против бедных, когда они имеют спор с богатыми; напротив (несмотря ни на какую давность), бедным возвращаются их имущества и властели не могут даже предъявлять какие-либо притязания на возмещение их издержек на покупку или на улучшение, потому что они оказываются нарушителями вышеозначенного законоположения и, следовательно, заслуживают еще взыскания.

Уничтожая такую несправедливость и неравенство и постановляя для всех одинаково — бедных и богатых — полезное и справедливое, мы отменяем сорокалетнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначенного рода наследств своим детям и чтобы бедные, лишаемые своего достояния, не приходили в отчаяние, но в настоящем законоположении имели бы крепкую поддержку к возвращению своей собственности.

Значение походов Святослава в Болгарию

Так как мы заметили большие злоупотребления и обманы в описях, вписываемых в наших жалованных грамотах (хрисовулах), и по этому поводу часто возникали жалобы и тяжбы в судах, то мы определяем, что означенные описи не должны иметь никакой силы и что никто не может ссылаться на такого рода документы, как скоро возникнет какой-либо спор относительно имения. Такого рода описи составляются не на основании мысли царской или указания царя, но на основании сведений, сообщаемых получателями жалованной грамоты. И с другой стороны, вписывающий опись в хрисовулы протосикрит вовсе не бывает на самом месте и не наблюдает, когда совершается там измерение и отвод имения. Поэтому, как сказано, такого рода описи не должны иметь в спорных случаях никакой силы. Но если описи находятся в податных книгах общего приказа или в каких других актах, имеющих юридическую силу, то они должны быть принимаемы во внимание и соблюдаемы. Слово Бога Отца, принимая большие попечения о нашем спасении и определяя пути, какими достигнуть его и чего нужно удаляться, показало, что богатство и многое стяжание служит к тому большим препятствием. Слово Божие, предуведомив, что для богатых труден доступ в Царство, предостерегает до такой степени против стремления к излишнему, что не только советует не запасаться посохом, сумой и хитоном, но даже запрещает заботиться о самой пище на завтрашний день. Наблюдая ныне совершающееся в монастырях и в священных прибежищах и раздумывая об объявшей их страшной болезни любостяжания, не могу придумать, какое приложить врачевание или каким наказанием пресечь неумеренность. У каких отцов научились они и откуда заимствовали оправдание таких излишеств и ложного направления? Ежечасно они заняты приумножением своих земельных владений, строят роскошные здания, разводят огромные стада коней, быков, верблюдов и других животных, направляя всю заботу на попечение об имуществе, так что монашеское состояние ничем не отличается от мирской жизни со всеми ее суетными заботами, хотя божественные заповеди гласят совершенно тому противное и заповедуют держаться вдали от таких попечений. Сошлюсь на житие святых отцов, подвизавшихся в Египте, Палестине и Александрии и в разных пределах земли: их жизнь была до такой степени проста, как будто они жили лишь душою и достигали бестелесности ангелов. И в самом деле, Христос сказал, что Царство Небесное восхищается с большими усилиями и достигается многими скорбями; но когда посмотрю на тех, которые дают обет монашеской жизни и переменой одежды как бы обозначают разрыв с миром, как они посрамляют данные обеты и противоречат своим поведением внешнему виду, то я нахожусь в колебании, не назвать ли это скоморошеством, придуманным для посмеяния имени Христова. Не апостольская

эта заповедь и не отеческое предание — приобретать огромные поместья и полагать чрезмерную заботу об урожае и плодах. Разве мирские заботы соответствуют заповеди и учению Христа, которым внушается не приобретение, а, напротив, полное лишение земных благ: «продай и отдай нищим». Ясно, что сгяжательность обозначает не добродетельное направление, но относится к удовлетворению телесных потребностей и соединяется с ослаблением духовных целей. Почему это те люди, которые стремятся сделать что-либо для угождения Богу и прощения грехов, пренебрегают столь удобной для исполнения и освобождающей от забот заповедью Христа, которая повелевает продать имение и раздать нищим, вместо того стремятся строить монастыри, странноприимные дома и богадельни? В прежние времена, когда в таких учреждениях был недостаток, устроение их заключало в себе много похвального. Но когда число их умножилось и стало превосходить потребность и меру, то отказываться от блага и обращаться к заботам о названных выше учреждениях, это уже никто не сочтет добром без примеси зла; напротив, как не признать это благовидным предлогом к обнаружению тщеславия, чтобы делать добро всем напоказ. В то время как есть тысячи других монастырей, пострадавших от времени и нуждающихся в помощи, у нас не хватает усердия, чтобы потратиться на поправку их и восстановление, а вместо того мы всячески стремимся заводить собственные новые монастыри, дабы не только самоуслаждаться суетным титулом, но чтобы быть на глазах у всех и своему дать отдельное место.

Посему и с целью возбуждать вас к деланию заповедей Христа, а равно желая вырвать с корнем зло этого богоненавистного тщеславия, повелеваем благочестивым и желающим исполнять дела пользы и человеколюбия следовать заповеди Христа и, продав свои имения, раздавать полученные деньги нищим. Если же найдутся такие, которые из любви к изящным и великолепным постройкам захотели бы строить монастыри, странноприимницы и богадельни, никто им не воспрепятствует. Но как в числе прежде построенных монастырей есть много таких, которые, как выше сказано, пришли в упадок и близки к полному уничтожению, то пусть они позаботятся о них, пусть простру руку помощи поверженным и на них докажут свое благочестие. Но пока, пренебрегая прежними покинутыми монастырями, они будут стремиться к постройке новых сооружений, то это не будет достохвальным делом и даже оно будет вполне недозволенным *, так как усматриваем в нем не что иное, как любовь к суетной славе и явное безумие... Вследствие этого отныне никому не дозволяется каким бы то ни было образом передавать поля и поместья монастырям, богадельням и странно-

* Οὔτ' ἐπαινεσθω τὸ πρᾶγμα, οὔτε μὴν τὸ παράπαν ἐασω γίνεσθαι.

приимным домам, а равно митрополиям и епископиям, ибо это не на пользу им. Если же какие из прежних богоугодных заведений или монастырей имели несчастие попасть в дурные руки, так что остались совершенно лишенными угодий, для таковых с царского ведома и рассмотрения не будет препятствия к приобретению необходимого. Строить же в пустынных местах кельи и так называемые лавры, не предназначенные к расширению угодьями и полями, а ограниченные лишь своими пределами, не только не воспрещаем всякому желающему, но и считаем похвальным делом».

Законодатель вполне отдавал себе отчет, что его распоряжение встречено будет недоброжелательно. Новелла заканчивается следующими словами:

«Знаю, что настоящий закон для многих покажется тягостным и не соответствующим их убеждениям. Но это меня нисколько не беспокоит, раз я, по апостолу Павлу, желаю не человекам угождать, но Богу. Для тех же, кто имеет разум и способен смотреть не на поверхность вещей, а проникать вглубь, ясно, что мы устанавливаем закон выгодный и полезный для живущих по Богу и для всего государства».

Смотря на приведенный акт как на выражение законодательной воли, стремившейся положить предел весьма распространенному и коренившемуся в религиозном настроении византийского народа обычаю, мы должны признать в нем весьма смелый шаг, напоминающий до некоторой степени подобные же распоряжения иконоборческих царей, и оценивать его с точки зрения государственных интересов. Становясь вполне на сторону законодателя, который видел опасность для государства, нуждавшегося в военных людях и в доходах на военные потребности и много терявшего от привилегий и изъятий в пользу монастырского и вообще церковного землевладения, обнимавшего до одной трети государственной территории, мы можем, однако, судить, как много терял среди духовенства и простого народа в благочестивой Византии этот государь, хотя и популярный по своим военным делам против мусульман, но так недавно вступивший на престол и имевший против себя завистников и недоброжелателей среди военной аристократии.

Прежде чем подходить к последствиям, к каким привел этот закон, познакомимся с характеристикой Никифора у ближайших к нему писателей, тем более что она частию дополняет церковную политику этого в существе сурового в жизни и глубоко религиозного человека. В высшей степени интересно выяснить здесь его отношение к Афону.

Оказывается, что этот суровый воин, всему предпочитавший непритязательные условия жизни в военном лагере, ставивший военное сословие выше других классов и не жалевший государственных средств на удовлетворение его потребностей, в глубине души был большим идеалистом, искренно верующим и расположенным к Церкви человеком до такой степени, что несколько раз сам думал сделаться монахом и пожертвовал большие материальные средства на устройство монастыря на Афоне, знаменитой Лавры, которая благодаря его щедрым вкладам получила с того времени первенствующее положение между афонскими монастырями. Относящиеся сюда сведения почерпаются

главным образом в жизнеописаниях св. Афанасия Афонского, дяди Никифора, св. Михаила Малеина, наконец, в Уставе и в завещании Афанасия [8].

Св. Афанасий, в мире Авраамий, родился в Трапезунте, первоначальное воспитание получил в Константинополе. Монашеские его подвиги начались под руководством Михаила Малеина, каковое обстоятельство поставило Афанасия в сношения с известными тогда воеводами Никифором и братом его Львом, часто посещавшими обитель, во главе которой стоял их дядя. В 960 г., когда Афанасию было 40 лет, он перешел из прежнего монастыря на горе Кимине* на Афонскую гору, где и решился остаться навсегда. Между тем почитатель святого подвижника Никифор Фока старался разыскать Афанасия и узнал об его подвижнической жизни на Афоне, где он на месте нынешней Лавры, называвшемся Мелана, поставил себе малую келью. Совершив славную военную экспедицию против критских арабов и завоевав Крит, Никифор вызвал к себе св. Афанасия, и здесь впервые зародилась мысль о построении на Афоне знаменитой Лавры на средства Никифора из богатой военной добычи. Когда в августе 963 г. Никифор вступил на царство и женился на вдовой царице Феофано, на Афоне уже было положено начало постройкам на месте Лавры и между новыми зданиями была келья для Никифора и церковь. Узнав о происшедших в столице событиях, Афанасий поспешил в Константинополь поздравить своего духовного сына с вступлением на царство, при этом была вновь речь об афонских постройках, и Никифор вновь подтвердил, что он с течением времени поселится на Афоне и тем исполнит давнишний обет Богу. Таким образом, стараниями Афанасия и на средства, полученные от царя Никифора и других благотворителей, построен был монастырь, сделавшийся потом весьма известной Лаврой и доныне будто бы хранящий в своей ризнице драгоценные памятники близости своего первого игумена с царем Никифором. Таковыми считаются главным образом саккос императора Никифора и митра, бывший венец того же царя. Эти и подобные драгоценности афонских греческих монастырей почти недоступны для изучения и показываются весьма редко и лишь в исключительных случаях. Мы можем воспользоваться здесь страничкой из книги академика Н. П. Кондакова, которому удалось видеть ризницу Лавры [9].

> «Хотя (лаврская) ризница помещается в одной комнате или, вернее, отделении того сарайчика, в котором продолжает истлевать библиотека, однако наш самый поверхностный осмотр ее занял более четырех часов, причем присутствовали три выборные старца, и ничего нельзя было ни записывать, ни отметить. Эта ризница есть богатейший склад дорогих тканей и парчей *за три последние века*... Здесь мы увидели пресловутую великую драгоценность Лавры Афанасия, мнимый саккос императора Фоки, по преданию переделанный из военного плаща-мантии этого царя. На самом деле это обыкновенный саккос XVI в., не имеющий никакого исторического значения. Вполне подобна этому саккосу и даже, по

* В Малой Азии, к востоку от Лесбоса (R a m s a y. Histor. Geopgraphy of Asia Minor. P. 159).

нашей догадке, составляет одно с ним облачение *митра*, будто бы бывший прежде венец того же императора. Митра современна саккосу или немного позже его сделана».

Тем не менее Лавра должна считаться одним из древнейших монастырей на Афоне и заключает в себе кроме ризницы драгоценную роспись трапезы, древние иконы, мозаические изображения и рукописи, из коих некоторые восходят даже к X в.[10]

Слишком занятая и деловая жизнь, посвященная важным государственным заботам, должна была отвлекать внимание государя в сторону от того мечтательного идеала, какой носился перед ним вследствие бесед с Афанасием. С годами Никифора более и более завлекали военные предприятия, посредством которых он надеялся сломить преобладание мусульманства и возвратить империи так давно утраченное ею на Востоке первенство. Но непрекращавшиеся войны истощали государственные средства и побуждали Никифора прибегать к экстренным мерам для пополнения казны. Вследствие того прежняя популярность царя начала уменьшаться. В особенности городское население не могло простить Никифору его явного предпочтения, оказываемого военному сословию. Ему ставили в вину обыкновенно случайные и несчастные недоразумения, бывавшие на ученьях и смотрах[11]. Слишком много вредила Никифору корыстолюбивая финансовая система его брата, куропалата Льва, который искусственно повышал цены на хлеб и пускал его в продажу по высокой цене из своих складов. Под предлогом больших издержек на содержание войска государь вводил новые неслыханные налоги и тем изнурял народ. «По всему городу распространился ропот недовольных, что два брата наполняют свою казну народным имением и общие бедствия обращают в свою пользу». Еще определеннее знакомит с причинами обнаружившейся нелюбви к Никифору историк Кедрин[12].

«В начале своего правления, когда солдаты позволяли себе множество насилий, он не принимал мер к обузданию, говоря: «Что за важность, если при таком громадном количестве войска будут допущены некоторые беспорядки». А затем в городе не обращал никакого внимания на то, что подвергались грабежу многие и знатные и простые граждане, и как будто ему доставляли удовольствие те бесчинства, какими буяны наносили зло мирным гражданам, немало помогавшим ему при вступлении на престол. Далее, постоянно делая походы, изнурял подвластное ему население не только надбавками податей и всяческими видами поборов, но и невыносимыми опустошениями. Между прочим, он отнял некоторую часть взносов, шедших в пользу сенаторов, приводя в объяснение, что ему нужны деньги для войны, а равно совершенно пресек установленные прежними благочестивыми царями выдачи богоугодным заведениям и церквам, издав закон, запрещающий церквам увеличение недвижимой собственности. Он объяснял свои распоряжения тем, что епископы без пользы расточают имущество бедняков, чем и уменьшается число способных носить оружие, а что всего несправедливее — объявил закон, который подписали неко-

торые легкомысленные и человекоугодливые епископы, воспрещающий рукополагать в епископы без его воли, и, в согласии с этим законом, по смерти епископа отправлял на место доверенное лицо, дабы по установлении точного расхода остальное взять себе. Принимал меры к изданию закона, чтобы умершие на войне удостаивались мученических почестей, полагая спасение души в одной войне, а не в чем другом. Хотя он старался побудить патриарха и епископов согласиться на издание такого закона, но они мужественно воспротивились и отклонили его от намерения. Независимо от всего он уронил курс золотого императа (τὸ νόμισμα), пустив в обращение так называемый тетартир. Так как вместе с этим появились две ходячих единицы, то при сборах в казну требовалась полновесная монета, а при расплатах расходовалась малоценная. Хотя закон и обычай были таковы, что монета каждого царя имела одинаковую ценность, лишь бы вес ее был верен, Никифор установил, чтобы монета с его изображением считалась дороже других, вследствие чего немало страдало население при размене денег. Граждане испытывали чрезвычайное стеснение от указанных мер, а между тем ничего не предпринималось для того, чтобы понизить цену на товары. Но что наиболее обременяло народ, так это постройка дворцовых стен. Кругом были красивые и высокие здания, а он приказал их разрушить и устроил для себя акрополь и безопасное убежище, чтобы тиранить несчастных граждан; внутри же выстроил склады, и амбары, и пекарни и сделал запасы всяческих товаров».

Нет сомнения, что у Кедрина достаточно сгущены краски, но в сущности его слова имеют реальную почву для характеристики положения Никифора в последние годы его царствования; это доказывается и свидетельством Льва Диакона, который тогда сам был в Константинополе и лично наблюдал описываемые факты. И он не скрывает, что из боязни насильственной смерти Никифор обнес высокой стеной построенный им дворец Вуколеон на морском берегу и окружил себя верною стражей [13]. Касаясь событий, вызвавших заговор на жизнь Никифора в 969 г., историк сообщает следующую картину. В 968 г. случилось землетрясение, а затем последовали сильные и сухие ветры, которые повредили посевам и плодам и произвели большой голод в 969 г. Царь же, вместо того чтобы прийти на помощь населению, продавал хлеб по дорогой цене и еще хвалился, как подвигом каким, что он выручил за хлеб вдвое против покупной цены. И не только он так поступал, но и его брат Лев, который, занимаясь барышничеством на продаже съестных припасов, нанес населению неисчислимые страдания. По этому поводу рассказан следующий анекдот [14].

«Однажды царь вышел на смотр войска, к нему подошел старик с седыми волосами и заявил желание быть зачисленным на военную службу. Царь говорит ему: «Как же ты, такой старик, хочешь поступить на мою службу?» Он же с находчивостью отвечал: «Да я теперь гораздо сильней, чем когда был молод». «Как же это?» — спрашивает царь. «А вот

как: прежде я навьючивал на двух ослов купленный на одну номисму хлеб, теперь же, во время твоего царствования, я легко взваливаю себе на плечи хлеба на две номисмы»».

Император очень ясно понимал постоянно растущее против него неудовольствие, но этот суровый воин, «спавший на полу, на барсовой коже, накрываясь мантией своего дяди Михаила Малеина», не догадывался об угрожавшей ему опасности от самого близкого к нему человека, от его супруги Феофано. Весьма мало сохранилось данных, чтобы осветить созревшую при дворе интригу, вследствие которой погиб Никифор Фока. Известно, что главный деятель вскоре затем разыгравшейся драмы, доместик Иоанн Цимисхий, был двоюродным братом царя и одним из известнейших в то время византийских военных людей. Весьма естественно, что он был свой человек при дворе и что царица Феофано давно уже знала его. Но когда начались между ними близкие сношения, об этом нельзя сказать с уверенностью. Во всяком случае царь мог по слухам и тайным доносам подозревать о постигшем его семейном несчастье. Он выразил свое нерасположение к Цимисхию тем, что лишил его военного командования восточными войсками, запретил жить в столице и приказал ему или оставаться в своих поместьях в Каппадокии, откуда и происходили Фоки, или жить в Халкидоне. Мысль о насильственном перевороте и о низвержении Никифора должна была созреть именно в это время. У позднейших писателей приводится одно соображение, что будто Никифор замышлял устранить от наследования престолом молодых царевичей Василия и Константина, именем которых он и Феофано управляли царством, но мы не можем настаивать на этом соображении уже и потому, что его было выгодно пустить в оборот заговорщикам после низвержения Никифора, чтобы оправдать себя в общественном мнении, между тем для династического переворота недоставало поводов. По известиям, какими располагал Лев Диакон, дело происходило следующим образом[15]. Феофано нежными и ласковыми словами убедила царя сложить гнев на милость и позволить Цимисхию возвратиться в столицу и занять приличное его происхождению и заслугам положение. Уступая настояниям Феофано, Никифор разрешил своему боевому товарищу прибыть в Константинополь, но свидание их не было особенно теплым и полным взаимного доверия, так что Цимисхий не показывался во дворце на официальных приемах, а имел тайные свидания с царицей. Проживая в Халкидоне (ныне Кадыкей), Иоанн Цимисхий мог иметь частые сношения с царицей и договориться относительно исполнения условленного между ними переворота. В случае благополучного исхода задуманного предприятия Цимисхий получит корону и женится на Феофано. Дело происходило в декабре 969 г. В заговор были посвящены состоявшие при дворце Вуколеона служители и между более знатными лицами — стратиг Михаил Вурца и патрикий Лев Педиасим. В ночь с 10 на 11 декабря, в которую заговорщики приготовились исполнить план нападения на Никифора, в Вуколеонском дворце был спрятан небольшой отряд людей для большей безопасности, на женской половине, а царь спокойно заснул в своей опочивальне на барсовой коже и красном войлоке.

«Сокрытые августой служители вышли из темной комнаты и на дворцовой кровле ожидали прибытия Иоанна. Был

пятый час ночи (т. е. около полуночи), сильный северный ветер волновал воздух, и шел снег; тогда показался у берега Иоанн со своими соумышленниками, приближаясь к Вуколеону на лодке. Свистом он дал знать о себе стоящим на кровле служителям, ибо таков был между ними условный знак. Спустив на веревках короб, они подняли поочередно всех сообщников, а потом и самого Иоанна. Взобравшись сверх всякого человеческого ожидания и обнажив мечи, они бросились в царскую спальню... Нашедши по указанию местного слуги лежавшего на полу царя, они стали попирать его ногами. Только что Никифор проснулся и оперся головой на руку, ему нанес сильный удар мечом Лев Валант. Страдая от полученной раны и обливаясь кровью, он воскликнул громко: „Богородица, помоги!" Между тем Иоанн, сидя на царском ложе, приказал притащить к нему царя».

Затем Никифора подвергли разнообразным издевательствам и оскорблениям и наконец лишили жизни.

Судьба, конечно, была несправедлива к Никифору Фоке. Смерть его не вызвала в столице никаких потрясений, и на другой день убийца его спокойно занял престол. Между тем так печально окончивший жизнь государь по своим громадным военным дарованиям занимает одно из первых мест в истории Византии. Роковым его несчастием была неспособность найтись в той обстановке, которая не походила на военный лагерь; он хотел всех измерять на свой аршин и ради отвлеченной и, может быть, фиктивной задачи был в состоянии пожертвовать легко дающеюся в руки реальностью. Некоторая двойственность и непоследовательность в характере внешнего поведения Никифора Фоки хорошо подмечена его историком Львом Диаконом. Указав в нем множество достойных всяческих похвал качеств, он заключает [16]:

«Многие ставили ему в вину тот недостаток, что он требовал от всех безусловно соблюдения добродетели и не допускал ни малейшего отступления от строгой справедливости. Вследствие этого он был неумолим в отмщении и казался страшным и жестоким по отношению к погрешившим и несносным для тех, кто привык беспечно проводить день за днем. По моему же мнению, если бы при тогдашних благоприятных обстоятельствах, по зависти переменчивой судьбы сей муж не был так неожиданно изъят из жизни, то Ромэйская империя достигла бы такого великого блеска, какого никогда прежде не имела. Промысл же, гнушаясь суровых и чрезмерных замыслов людских, ограничивает их, сокращает и обращает в ничто неисповедимыми, ему ведомыми способами, направляя ко благу ладью жизни».

Глава XX

Иоанн Цимисхий. Внешние войны. Первый афонский устав

Хотя новое царствование началось без всяких внутренних потрясений, тем не менее Иоанну Цимисхию на первых же порах предстояло считаться с немалыми затруднениями. Ближайшие его приверженцы, участвовавшие в перевороте, в ту же ночь известили население Константинополя, разослав по улицам глашатаев, о вступлении его на царство вместе с сыновьями Романа II, Василием и Константином. В высших классах, можно догадываться, были приготовлены к восшествию на престол Цимисхия, так как в заговоре одно из главных мест занимала сама царица Феофано, а евнух Василий, самое влиятельное при дворе лицо, уже в ночь произведенного Цимисхием переворота приветствовал новое царствование и тем оказал большую услугу преемнику убитого императора. Ранним утром 11 числа декабря Иоанн Цимисхий объявил себя в Большом дворце византийским царем и поручил ведение текущих дел паракимомену Василию, человеку большого административного опыта, искушенному в интриге. Чтобы обеспечить себе спокойствие и сделать безопасными родственников и приверженцев прежнего царя, был принят ряд энергичных мер. Запрещены были сходки с целью обсуждения политических дел *; под страхом уголовной ответственности предупреждалась возможность уличных беспорядков и грабежей. Но главное, предстояло предупредить возможность каких-либо действий со стороны брата убитого царя, куропалата Льва и его сыновей. Лев был послан в заточение на остров Лесбос, сыновья его, Никифор и Варда, также подверглись изгнанию. Кроме того, большинство прежних административных чинов было сменено, и на освободившиеся места поставлены приверженцы Цимисхия. Но так как не было предпринято никаких насильственных актов, то можно догадываться, что новый царь имел для себя прочную опору и не простирал далее необходимого меры предосторожности.

Некоторые затруднения ожидали Цимисхия с церковным венчанием. Патриарх Полиевкт, примиряясь с совершившимся фактом, требовал, однако, чтобы до венчания на царство, которое должно было иметь место в церкви св. Софии и совершено самим патриархом, Иоанн Цимисхий удовлетворил церковное правосудие. Именно, к царю предъявлены были некоторые требования, без исполнения коих патриарх не соглашался допустить его в церковь и помазать его на царство: он должен был изгнать из дворца царицу Феофано и назвать виновника убийства царя Никифора. Кроме того, от него требовалось, чтобы объявлены были утратившими силу и значение те законы Никифора, которыми был

* Так нужно понимать выражение «μὴ ἐξεῖναί τινι νεωτερίειν» (Leo Diac. VI. 1).

нанесен ущерб привилегиям Церкви по отношению к замещению епископских мест, и чтобы были восстановлены на местах те епископы, которые лишены были при Никифоре их кафедр. Как ни было необычно это требование относительно византийского царя, обладавшего громадными средствами воздействия даже и в церковных делах, тем не менее Цимисхий должен был уступить патриарху по всем статьям. Царица Феофано сослана на остров Проти, виновником убийства Никифора назван Лев Валант и присужден к казни, наконец, в патриарший синод были препровождены те новеллы, которыми были нарушены права Церкви, и вместе с тем отменено было их значение. Этими уступками искуплено было преступление Цимисхия, и патриарх не ставил более препятствий к коронованию его в церкви св. Софии. Всего больше поплатилась вдова, августа Феофано: она должна была некоторое время оставаться в тесном заключении на острове Проти и вскоре затем была сослана в отдаленный монастырь в Азии, где и оставалась в безвестности до смерти Иоанна Цимисхия. Хотя в 976 г. она снова была возвращена во дворец, но не играла уже при сыне никакой политической роли.

Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, новый император щедрой рукой расточал милости и жертвовал большие суммы на благотворительные учреждения. Так, он расширил и одарил богатыми вкладами больницу для прокаженных в Скутари; выдал большое вспомоществование населению Фракии, пострадавшему от неурожаев Фему Армениак, где он родился, пожаловал освобождением от податей на известный срок; приказал доставить необходимый запас хлеба в столицу и в другие области, нуждавшиеся в продовольствии; при выдаче жалованья сенаторам и разным служилым чинам повысил выдаваемую каждому сумму. Всеми этими мерами Цимисхий привлек к себе расположение населения и мог считать свое положение вполне обеспеченным. В праздник Рождества патриарх разрешил ему доступ в церковь и совершил над ним обряд священного коронования. До какой степени важны были приобретения, сделанные патриархом Полиевктом в смысле ограничения прав светской власти в церковных делах, можно видеть из обстоятельств вскоре затем последовавшего замещения вакантной кафедры Антиохийской и самой Константинопольской за смертию патриарха Полиевкта в начале 970 г. При этом оказались ясно разграниченными сферы влияния светского и духовного авторитетов, и о попытке царя Никифора подчинить императорской власти назначения на епископские кафедры не сохранилось и воспоминания. Иоанн Цимисхий, по словам Льва Диакона [1], провозгласил в этом смысле такие либеральные мысли, которые могли бы быть применены скорей в отношениях Римского папы к западному императору.

> «Первою и высшею властью признаю одну, которая привела из небытия в бытие систему видимого и невидимого мира. В сей же жизни и в земной юдоли существуют две власти: духовная и светская, священство и царство *, одной из них

* «δύο δὲ τὰς ἐν τῷδε τῳ βίῳ γινώσκω καί τῇ κάτω περιφορᾷ, ἱερωσύνην καὶ βασιλείαν». Как это далеко от притязания Льва Исавра: «Я царь и первосвященник!»

> Творец вверил попечение о душах, другой — управление телами, дабы ни одна сторона не потерпела ущерба, но чтобы сохранились без повреждения и в целости».

Но гораздо важней были весьма запутанные внешние дела, требовавшие немедленных и энергичных мер со стороны императора. Не говоря уже о том, что сделанные на восточной границе завоевания в Киликии и Северной Сирии возбудили жажду отмщения среди сарацин и поставили вновь завоеванные города в опасность неожиданных нападений, для отражения которых на границе не было достаточных сил, самая сильная угроза была со стороны Святослава, который опустошил Фракию и Македонию и мог неожиданно явиться под стенами Константинополя. Хотя более отдаленная, но не менее серьезная опасность угрожала еще в Южной Италии со стороны немецкого императора Оттона, дошедшего до Апулии.

Между тем как против Святослава отправлены были с войском магистр Варда Склир и патрикий стратопедарх Петр, которым было поручено задержать движение русского князя к Константинополю, и царь в течение 970 г. занимался приготовлениями к личному походу в Болгарию, получено было известие о бунте в его собственных владениях, поднятом ближайшими родственниками убитого царя. Это был сын куропалата Льва, Варда Фока, сосланный в Амасию и нашедший возможность бежать из ссылки. Поддержанный своими двоюродными братьями Феодором Вардой и Никифором Фокой и пользуясь обширными средствами, какие могла предоставить ему страна, где влияние Фок и Склиров как крупных землевладельцев засвидетельствовано источниками, он захватил главный город провинции Каппадокии, Кесарию, и объявил себя царем. Несколько строк из истории Льва Диакона прекрасно знакомят с обстоятельствами дела [2].

> «Проведя здесь немного дней, он успел собрать множество отчаянных молодцов, склонных поддержать возмущение, так как ежедневно присоединялись к нему сородичи и знакомые: ибо людям свойственно без меры увлекаться политическими переворотами; они легко подвергаются соблазну воображаемой славы, почестей и корысти».

Успеху движения содействовало и то, что куропалат Лев, содержавшийся на Лесбосе, с своей стороны нашел горячих приверженцев восстания в пользу Фок, его сторону, между прочим, держал Абидосский епископ Стефан. Он думал начать движение в европейских фемах и бежал с острова Лесбоса, но был пойман и присужден к лишению зрения. Между тем начатое в Азии движение росло, угрожая большими затруднениями византийскому правительству. Самозванец раздавал почести и звания, наделял своих приверженцев деньгами и начал приближаться к столице. По дороге к нему приставали толпы крестьян, побуждаемых к восстанию угрозами и принуждением. Царь пытался остановить бунтовщика, убеждая его покориться и обещая полное прощение, но Фока мало понимал опасность своего необдуманного решения и слишком понадеялся на верность присоединившихся к нему земляков. Находясь в затруднительном положении, Цимисхий решился на довольно рискованный шаг, отозвав из Фракии своего лучшего полководца магистра Варду Склира, уже отличившегося в делах с русским князем

Святославом, поручив ему идти против бунтовщика с европейскими войсками. Правда, с этим вождем Цимисхия соединяли и родственные узы, так как он был женат на родной сестре Склира, Марии, незадолго перед тем умершей; но опасность заключалась в том, что Варды и Склиры происходили из той же области, принадлежали к крупным местным властелям и, таким образом, могли легко сговориться между тобой, что и случалось не раз в конце X в. На этот раз, однако, дело окончилось вполне благоприятно для царя, так как Склир осторожными и благоразумными мерами поселил в лагере Фоки малодушие и неуверенность в успехе предприятия и вызвал довольно сильное движение перебежчиков из одного лагеря в другой. Есть любопытная подробность, объясняющая достигнутый Склиром успех. Он имел в запасе несколько дипломов и грамот на пожалованья, подписанных царем и скрепленных золотыми печатями, которыми утверждались в военных чинах и в званиях патрикия те лица, имена которых могли быть вписаны по усмотрению Склира [3]. Путем раздачи этих дипломов и щедрыми денежными выдачами византийскому стратигу вполне удалось расстроить замысел Фоки и лишить его значительной части приверженцев. Тогда он бежал ночью с 300 из оставшихся ему верными людей и искал спасения в горном замке, по дороге к горам Тавра. Здесь, однако, он был окружен отрядом Склира, принужден к сдаче и по приказанию царя пострижен в монахи. Это происходило летом 971 г.

Иоанну Цимисхию необходимо было принять меры против новых попыток к политическим движениям такого же рода, как сейчас указанная. Он пожертвовал самым лучшим средством к утверждению своей власти, именно открывавшимся для него браком с царицей Феофано,— это было сделано в угоду патриарху и в удовлетворение общественного мнения. Но затем он должен был закрепить свое положение, вступив в родственную связь с царствующим домом, так как это было обыкновенное и во все времена практиковавшееся средство. По совету паракимомена Василия он избрал себе в супруги принцессу Феодору, тетку царевичей Василия и Константина и дочь императора Константина Порфирородного. Об ней летопись не сохранила почти никаких известий, равно как и в качестве августы и царицы она не оставила следов в истории, но нужно признать, что этим браком Иоанн Цимисхий вполне достиг предположенной цели, войдя в семью Македонского дома и показав таким образом тем, кто сомневался в его расположениях к настоящим наследникам престола, что он действительно блюдет их интересы.

Не возвращаясь здесь к событиям, касающимся греко-русской войны, которые изложены выше, переходим к ликвидации другого политического осложнения, оставленного в наследство от Никифора Фоки, именно южноитальянской войны с императором Оттоном I. Несмотря на продолжавшиеся дипломатические сношения, имевшие целью заключение родственного союза между императорскими домами, Оттон I стоял в Южной Италии с оружием в руках и пытался посеять вражду к Восточной империи между лангобардскими князьями. Хотя большим выигрышем для немцев нужно признать то обстоятельство, что они имели на своей стороне Пандульфа, по прозванью Железная Голова, герцога Капуи и Беневента, но, как в сущности было трудно достигнуть немцам успеха в греческих областях Южной Италии, доказывает битва

при Бовино (к юго-вост. от Беневента), где были разбиты союзники Оттона и сам Пандульф попался в плен и в цепях отвезен в Византию. Можно думать, что если бы Фока удержался на престоле, то движение против немцев выразилось бы в более решительной форме. Но происшедший в Константинополе переворот, передавший власть в руки Цимисхия, сопровождался переменой политики по отношению к германскому соседу. Для нового царя весьма желательно было привлечь к себе общественные симпатии; для этого прежде всего нужно было меньше обременять народ новыми податями и избегать внешней войны, в особенности такой, которая не затрагивала жизненных интересов империи, как война в Болгарии. Ввиду ясно сознаваемой необходимости и даже реальной пользы от улажения дел в Италии Иоанн Цимисхий иначе посмотрел на предмет переговоров с Оттоном, чем его предшественник, и вступил на путь новых по этому поводу сношений.

На этот раз посредником явился союзник и вассал Оттона, содержавшийся в Византии в плену, герцог Пандульф. Он получил свободу и отправился в Италию с новыми предложениями как насчет заключения брака между Оттоном II и византийской принцессой, так и условий разграничения в Италии сфер влияния обеих империй. Но в Константинополе могли питать некоторое недоверие к герцогу Пандульфу и потому препроводили его под надлежащим наблюдением к стратигу фемы и патрикию Абдиле, который уже с своей стороны освободил его по письму Оттона I, находившегося тогда в северной Апулии. Начиная с сентября 970 г. можно было видеть Пандульфа в свите германского императора; он сопровождал его в Среднюю и Северную Италию, когда Оттон решился вступить в мирные переговоры с Византией. Вследствие этого в Константинополь отправлено было чрезвычайное посольство, во главе которого стоял Кёльнский архиепископ Геро и при нем два епископа. На этот раз не встретилось никаких препятствий к тому, чтобы византийская принцесса отправлена была в Германию в качестве невесты немецкого наследника престола. Это была дочь Романа II и сестра царей Василия и Константина, по имени Феофания, известная и в немецкой летописи императрица-регентша, мать и воспитательница императора Оттона III. С ней отправлены были в Германию дорогие подарки, и в особенности драгоценные ларцы с мощами святых, о которых сохранилась память в летописи. Между прочим, с ней была отправлена частица мощей св. Пантелеймона, почитание которого в Кёльне должно быть объяснено тем обстоятельством, что императрица Феофания положила эти мощи в устроенный там монастырь. В музее Клюни есть драгоценная створка из слоновой кости византийского искусства, исполненная, по всей вероятности, к этому торжественному случаю[4]. Путь нужно было держать через Италию, где византийской принцессе была приготовлена торжественная встреча. Ее принял в Беневенте Мецский архиепископ и сопровождал до Рима, где в апреле 972 г. совершено было бракосочетание в церкви св. Петра. Хотя мы не имеем определенных подробностей, но должны принять, что вместе с заключением этого столь давно желаемого брака разрешены были все недоразумения по отношению к Южной Италии и что вопрос о титуле императора не служил более препятствием к тому, чтобы поддерживать добрые отношения между двумя империями.

В 973 г. умер Оттон I, и вместе с этим Южная Италия перестала быть предметом беспокойства и забот для Восточной империи. На некоторое время прекратилась опасность и со стороны сицилийских арабов, так как в это время внимание их было отвлечено в сторону подготовлявшихся новых событий в Африке. Все это дало возможность Иоанну Цимисхию обратить исключительное внимание на восточную окраину.

Здесь, после счастливых походов и завоеваний Никифора Фоки, весь восточный мусульманский мир пришел в брожение и выжидал лишь благоприятных условий, чтобы возвратить от христиан города и области, в которых мусульмане давно уже чувствовали себя полными господами [5]. С падением Алеппо и с завоеванием Антиохии для Византии открылись новые перспективы в смысле очищения от арабов исконных областей Восточной империи и оттеснения их к Месопотамии и Египту. Но эта задача требовала громадного напряжения сил и исключительных военных дарований. Главное движение против христианской империи исходило из Африки, где калифом был Муиз из династии Фатимидов, овладевший Египтом и перенесший столицу в Каир. Он принял на себя заботы о поддержании мусульманского могущества в Сирии и для этого приступил к организации морского флота в Каире, Александрии и Дамиетте. Для восстановления пошатнувшегося положения мусульман в Сирии послан был сюда с громадным войском эмир Джафар ибн-Фаллах, который начал делать завоевания именем Фатимидов, но в 970 г. был разбит близ Дамаска вторгшимися в Сирию карматами, которые являлись союзниками другого калифа, из дома Аббасидов. Как оказывается из слов Яхъи, которому наука обязана лучшими известиями о восточных делах за это время [6], начатая тогда Джафаром осада Антиохии не могла иметь успеха именно потому, что его отвлекло вторжение карматов. Любопытная подробность, сохраненная также упомянутым писателем, заключается в том, что военное и гражданское управление в Антиохии вверено было Михаилу Вурце, который оказал Цимисхию большое содействие во время переворота. Скоро после того Антиохия пострадала от землетрясения, от которого обрушилась городская стена. Царь послал 12 000 каменщиков и восстановил стены в прежнем виде.

Хотя на восточной границе оставались незначительные отряды, с которыми можно было до некоторой степени поддерживать новые завоевания, но ввиду наступательного движения египетских мусульман ожили надежды у потомков владетелей Алеппо и Мосула, и снова византийским владениям в Сирии и Киликии стала угрожать опасность от Хамданидов. Занятый делами с русскими, Цимисхий до 973 г. не был в состоянии взять в свои руки дело, которое по преимуществу заслуживало внимания с национальной и религиозной точек зрения и которому дал такое блистательное направление его предшественник на престоле. В кратких чертах положение дел на Востоке представляется в следующем виде. Багдадский калифат под номинальной властью калифа ал-Моти представлял в это время наиболее легкую добычу, будучи разделен между самостоятельными эмирствами, мало считавшимися с калифом. Сирия и Палестина находились под властью фатимидского калифа, недавно основавшего в Каире столицу и обладавшего морскими

и сухопутными силами, с которыми он становился весьма опасным противником и для Восточной империи, и для ослабевшего Багдадского калифата. Цимисхий держал путь к верховьям Тигра и Евфрата и здесь имел остановку в армянской области Дарон в западной части озера Ван, которая должна будет играть значительную роль в событиях X—XI вв. В это время Ашот III, царь Армении, состоял в дружественных отношениях с империей и мог оказать Цимисхию большие услуги в предпринятом им походе.

Из этой провинции происходили известные в истории Византии Тароните, достигавшие на службе империи высоких званий и оказавшие ей много услуг. Вследствие переговоров с царем Ашотом к византийским войскам присоединился десятитысячный отряд армян, который был весьма полезен Цимисхию столько же по своей беззаветной храбрости, сколько по знанию местных путей сообщения. Кроме того, Армения служила императору складочным местом для продовольствия и для военных припасов. Отсюда осенью 974 г. император вступил в Месопотамию. Первым укрепленным местом после перехода за Евфрат был город Амида на Тигре, который почти во всех столкновениях с мусульманами служил как пограничная черта, первым укреплением и для осады и защиты. На этот раз город, недавно лишь утраченный Византией, не оказал серьезного сопротивления и был обложен Иоанном Цимисхием большим окупом. Затем очередь была за городом Майяфариким, или Мартирополь,— «прекрасный и знаменитый город, превосходивший все города той страны своим богатством и стадами. Принудив его к сдаче, царь получил от жителей весьма богатые дары, состоявшие в золоте, серебре и вышитых золотом одеждах» [7]. В Нисиби, где была прежняя граница с Персией, греки не встретили сопротивления, и город был уже оставлен напуганным населением. Это был, по-видимому, последний предел движения византийского войска. Здесь был заключен мир с эмиром Абу-Таглибом, который обязался платить империи дань. Туземный писатель Матвей Эдесский, писавший, правда, в XII в., говоря о победоносном шествии Цимисхия, объясняет, что он покорил всю эту страну до Багдада. Но это не могло быть осуществлено, так как к Багдаду вела обширная песчаная пустыня, не имеющая ни источников, ни растительности, и подобное предприятие сопряжено было с большими опасностями. Ограничиваясь на этот раз достигнутыми результатами, Цимисхий оставил войска на зимовку в Тарсе и Антиохии, сам же возвратился в Константинополь, где имел торжественный вход и где привезенная им несметная добыча, состоявшая из золота, драгоценных тканей и восточных товаров, возбудила в населении большой энтузиазм.

Весной 975 г. Иоанн предпринял новый поход на Восток; на этот раз целью его были Сирия и Палестина. В настоящее время можно было не опасаться движения со стороны Багдадского калифата, где внутренние смуты и политические притязания отдельных эмиров до крайности ослабили калифат, но Фатимид Муиз, по прозванию Завоеватель, перенесший в Каир столицу и одушевленный воинственным духом первых арабских калифов, становился более и более угрожающим для новых приобретений в Киликии и Сирии, сделанных при Никифоре Фоке. На этом театре предстояло еще раз померяться силами с мусульманством, ибо для византийского православия здесь шла речь не

только о политических интересах, но главным образом об удовлетворении потребностей религиозного сознания, так как в руках мусульман оставался Иерусалим с его святынями. Наступательные действия со стороны фатимидского калифа обнаружились уже в то время, как Цимисхий занят был походом в Месопотамию. В это время вождь египетских войск Махмут-Ибрагим занял Дамаск именем Муиза, своего повелителя. В январе 975 г. он был отозван и заменен евнухом Реиханом, которому было поручено вести войну с греками и который начал поход в приморской области, изгнал греков из Бейрута и дошел до Триполи. Ясное дело, что египетские войска поставили себе задачей лишить греков тех завоеваний, какие были ими недавно здесь сделаны. Таким образом, поход Цимисхия вызван был настоятельными потребностями. До самого последнего времени об этом блистательном по своим результатам походе мы должны были довольствоваться самыми скудными данными византийской летописи, которые не давали понятия ни о последовательном ходе военных предприятий, ни о размерах сделанных на этот раз завоеваний. Новый свет пролит на занимающие нас события хроникой писателя Матвея Эдесского, в которой, между прочим, приведены официальные акты. Таково письмо царя Иоанна Цимисхия, посланное осенью того же 975 г. к армянскому королю Ашоту III, в котором сделан подробный отчет о кампании как этого, так и предыдущего года. Здесь мы имеем не только документальное свидетельство, но, кроме того, весьма высокой ценности исторический памятник, знакомящий с настроениями и взглядами на предмет самого царя и его правительства. Поэтому приводим письмо Иоанна Цимисхия по переводу, сделанному Дюлорье [8].

> «Ашоту, царю царей. Мой духовный сын! Узнай о чудных делах Божиих, исполненных над нами, и о дивных наших победах, которые показывают, как трудно исследовать глубину благости Божией. Мы вознамерились уведомить тебя, сын мой, о блистательном свидетельстве милости, излитой на наследие Его в настоящем году чрез посредство царства нашего. Ибо тебе как христианину и верному другу царства нашего будет приятно осведомиться об этом и восхвалить величие Христа, Спасителя нашего. Ты увидишь, что Бог есть неизменный покровитель христиан, ибо Он допустил, чтобы царство наше подчинило весь персидский Восток. Ты узнаешь, как мы взяли в мусульманском городе Нисиби мощи патриарха Иакова, как мы принудили платить нам дань и как увели много пленников... В начале апреля, собрав наши конные войска, мы начали поход и вошли в Финикию и Палестину, чтобы преследовать проклятых африканцев, владевших Сирией. Отправившись из Антиохии, мы держали путь через области, прежде принадлежавшие нам, мы снова возвратили их под свою власть, наложили на них огромную дань и взяли большой полон. Прибыв к Эмесе (ныне Хомс), которая была в нашем подчинении, мы были приняты жителями с честию, отсюда двинулись к Баальбеку, древний Гелиополь,— это был величественный, громадный, богатый и снабженный припасами город. Здесь нас встретили как врагов, но мы разогнали тех, которые сделали против нас

вылазку; затем, приступив к осаде города, мы взяли его, захватив в плен множество юношей и девиц. Нам досталось здесь много золота и серебра и большие стада скота. Отсюда мы пошли на Дамаск и хотели приступить к его осаде, но правитель города, старый и весьма разумный человек, выслал к нашему царству уполномоченных с дорогими подарками, прося нас пощадить город, не обращать жителей в рабство и не брать в плен, как это сделано с Баальбеком, и не опустошать страну. За это предложили нам в дар множество породистых коней и дорогих мулов в богатой сбруе. Огромную подать мы распределили между воинами. С жителей мы взяли обязательство, что они вечно останутся в нашем послушании из поколения в поколение. Губернатором Дамаска мы назначили знатного жителя Багдада, по имени Турка, который подчинился нам с 500 всадников и принял христианскую веру. Население обязалось нам платить дань и вести борьбу с нашими врагами. Отсюда мы направились к Тивериадскому озеру, где Спаситель наш Иисус Христос сотворил чудо с двумя рыбами и пятью хлебами. Когда мы приступили к осаде города, жители принесли нам повинную и множество даров и, не считая других предметов, 30 тысяч тасганов. Они просили дать им воеводу по нашему назначению и дали письменное обязательство оставаться навеки в нашем подданстве и платить дань. Тогда мы избавили их от разорения и опустошения, ибо это — отечество св. апостолов. Так же мы поступили в Назарете, где св. Дева Мария услышала из уст ангела благую весть. Дошедши до горы Фавора, мы видели место, где преобразился наш Господь. Во время нашей здесь остановки явились жители Рамлы и Иерусалима и просили нашего покровительства. Они просили дать им правителя, признали себя нашими данниками и соглашались признать нашу власть. Наше желание было освободить Святой Гроб Христа от поругания мусульман, и мы поставили военных начальников во всех местах, которые подчинились нашей власти: в Бефсане (Скифополь)[9], Геннисарете и Акре, или Птолемаиде, жители обязались платить нам ежегодную дань на вечные времена и жить под нашей властью. Отсюда мы направились к Кесарии и подчинили ее, и, если бы эти проклятые африканцы, утвердившиеся в ней, не нашли себе убежища в приморских крепостях, мы с помощью Божией дошли бы до св. града Иерусалима и принесли бы молитвы на этих святых местах. Так как жители приморских городов разбежались, мы ограничились подчинением верхней части этой страны и поставили над ней воеводу. Следуя морским берегом, мы дошли до знаменитого Берита (Бейрут), окруженного крепкими стенами. Захватив его после ожесточенной битвы, мы взяли в плен 1000 африканцев и поставили над ним воеводу по своему выбору. Отсюда мы двинулись к Сидону. Но когда жители города узнали о нашем намерении, они отправили

к нам своих старшин и просили принять их под власть нашего царства, обещаясь платить дань и быть навсегда верными нашими рабами. Затем мы пошли к древней и сильной крепости Библос, которую взяли приступом; проходя по морскому берегу, мы овладели всеми городами, предавая их разграблению и обращая жителей в рабство, причем должны были держать путь через узкие тропинки, по которым никогда не проходила конница. Нам попадались на пути населенные города и крепости, защищенные арабами, и мы разорили их до основания и жителей захватили в плен. Приближаясь к Триполи, мы выслали вперед фемы и тагмы к ущелью Каререс, где, по полученным нами известиям, засели африканцы. Мы приказали нашему войску устроить неприятелям засаду. Когда 2000 арабов бросились на наших, часть их была перебита, а часть взята в плен и представлена нашему царству. Мы опустошили область Триполи, уничтожив виноградники, оливковые насаждения и сады: везде мы вносили опустошение и расхищение. Всякий раз, как мы встречали африканцев, мы бросались на них и уничтожали до самого последнего. Так мы овладели большим городом Гаваоном, Баланеей, Сехуном и знаменитым Бурцо, так что между Рамлой и Кесарией не осталось ни моря, ни земли, которая бы по милости Божией не была нами подчинена. Наши победы простирались до великой Вавилонии*, мы предписывали законы народам и делали их нашими рабами. В течение пяти месяцев мы прошли эту страну с громадным войском, разрушая города и опустошая провинции,— и эмир ал-Муменик** не имел смелости выступить навстречу нам или послать войско на помощь своим. И если бы не чрезмерная жара и не пустыня безводная, которая окружает город Каир, то наше царство предприняло бы туда поход. В настоящее время вся Финикия, Палестина и Сирия освобождены от тирании мусульман и повинуются ромэям. Кроме того, и Ливан подчинился нашим законам, все живущие там арабы попали в наши руки, и мы роздали их нашим воинам. Управляя Сирией мягко, гуманно и благосклонно, мы переселили оттуда до 20 тысяч и дали им земли в Гаваоне.

Узнай же, что Бог наградил христиан таким успехом, какого никто никогда не имел. В Гаваоне мы нашли св. сандалии Христа, в которых Он ходил по земле; равно образ Спасителя, который, будучи пронзен иудеями, источил воду и кровь в тот же самый миг, но мы не заметили на нем следа поражения. Мы нашли также в этом городе драгоценные волосы св. Иоанна Крестителя***. Нашедши упомяну-

* Автор разумеет египетскую Вавилонию, т. е. Каир.
** Т. е. калиф Муиз.
*** У Льва Диакона (X, 4—5) местонахождение этих святынь показано иначе. Здесь же рассказана легенда о бейрутском образе распятия, пронзенном иудеем.

тые мощи, мы взяли их с собой, чтобы хранить их в нашем богохранимом городе. В месяце сентябре мы довели в сохранности свое войско до Антиохии. Рассказанные здесь факты мы сочли долгом довести до вашего сведения, дабы вы, прочитав это, воздали и с своей стороны благодарение Богу и дабы вы знали о прекрасных и многочисленных деяниях, исполненных в это время. Владычество св. Креста распространилось широко на все места, везде славится и восхваляется имя Божие; моя империя в блеске и величии утвердилась везде. Посему мы не перестаем воздавать славословия и благодарения Богу за то, что Он нас удостоил таких триумфов».

Этот памятник, так глубоко проникнутый высоким религиозным и патриотическим чувством, вполне выражает настроение эпохи и в то же время характеризует психологические мотивы, которыми вызывались и подогревались почти беспрерывные войны православных царей с мусульманским миром. Несомненно, возвращаясь из этого похода, Иоанн Цимисхий являлся прекрасным выразителем типических черт византийского царя, который на первом месте ставил интересы религии, объединяя в то же время триумф своей империи с расширением власти Креста. Вслед за приведенным актом у Матвея Эдесского сообщается еще официальное письмо Цимисхия к армянскому философу Леонтию, или Панталеону, которое имеет связь с предыдущим.

«Мы пригласили тебя,— пишет царь,— прибыть в наш святой и благословенный город, когда мы возвратимся из похода на мусульман... Ты употребишь все меры, чтобы мы нашли тебя в нашем богоспасаемом городе, где мы устроим великолепные торжества в честь сандалий Христа и волос Иоанна Предтечи. Я горю желанием видеть тебя в беседе с нашими учеными и философами и насладиться твоим обществом».

У того же историка есть далее указание, что армянский ученый действительно отправился в Константинополь, где присутствовал на торжествах в честь святынь, привезенных с Востока, и имел состязания с греческими учеными в присутствии императора, который похвалил его и, одарив дорогими подарками, отпустил назад в Армению.

По возвращении из похода Иоанн Цимисхий заболел и в начале следующего 976 г. умер, как подозревали современники, от отравы.

Мы имели случай (т. I, стр. 306 и сл.)* указать, что монашеское сословие впервые становится предметом заботливости и внимания государственной власти с половины V в. Весьма важный шаг в дальнейшем развитии монашества как учреждения был сделан в константинопольском монастыре Студия знаменитым автором студийского устава Феодором Студитом, который провел до последних пределов идеал общежительного монастыря. По его мысли, монах не мог иметь даже носильного платья, которое бы ему принадлежало по праву собственности. Студийский устав имел широкое распространение по всему

* Ф. И. Успенский. История Византийской империи. VI—IX вв. М., 1996. С. 200 и сл. *(Ред.)*

христианскому миру, между прочим, он вполне был воспринят и в нашем отечестве чрез Феодосия Печерского. На Востоке первое применение сделано было из него св. Афанасием, основателем Афонской лавры. Благодаря значению и авторитету Афанасия установленный им порядок для монашеской жизни в Лавре был потом усвоен всеми афонскими монастырями. Так как первый государственный акт, относящийся к Афонской лавре, принадлежит именно ко времени Иоанна Цимисхия, то находим уместным именно здесь остановить внимание на истории афонского монашества, игравшего немаловажную роль в Византии.

Заселение Св. горы монахами относится к VII в. Оно было вызвано магометанским вторжением в византийские области: Сирию, Палестину и Египет. Первые документальные данные о монашеской горе относятся ко времени царя Василия Македонянина (876—885), но тогда еще не было на Афоне монастырей, а только отдельные кельи. Древнейшими общежитиями нужно считать Зограф и Ксиропотам. Первые памятники, дающие понятие об устройстве афонских монастырей, суть Типик царя Иоанна Цимисхия и Житие преподобного Афанасия [10].

Одним из важнейших явлений в жизни афонского монашества в занимающую нас эпоху следует считать введенную на Афоне реформу в жизни насельников Св. горы. Эта реформа была произведена св. Афанасием. Весьма любопытно, что большинство подвижников спасалось не в больших и населенных монастырях, а в маленьких кельях, или каливах, чаще в малодоступных пещерах, и сам Афанасий как во время совместной с преподобным Михаилом Малеином жизни в Кимине, так и по прибытии на Афон предпочитал отшельническую жизнь, избрав себе старца-безмолвника, жившего в отдельной маленькой келье.

Можно сказать, что таков был господствующий тип афонского подвижничества: многочисленные мелкие усадьбы, каждая со старцем и одним или двумя послушниками, личным трудом которых удовлетворялись несложные потребности обитателей. Вторым характерным отличием было то, что Карея и в то отдаленное время была административным центром всей афонской монашеской братии; здесь был прот и эконом, которым принадлежала церковная и административная власть над всеми отдельными кельями, представители коих — игумены, или старцы,— три раза в год собирались в Карею по своим религиозным делам и с целью разбора возникающих между ними спорных дел. Первым большим зданием в Карее был Протатский храм, построенный на пожертвование магистра Льва, брата Никифора Фоки, где собирались пустынножители в установленные праздники и где, по всей вероятности, происходили их совещания по делам общественного значения. Выработка формы внутреннего устройства Афона подготовлялась продолжительное время и находилась в зависимости столько же от религиозных потребностей пустынножителей, сколько от постоянно угрожавших набегов со стороны морских разбойников, и в особенности арабов, которые нередко нападали на Афон и уводили в плен его население. Можно пожалеть, что никто еще не подходил к истории монашеского Афона с точки зрения средневековых учреждений и не пытался рассмотреть древние монастырские уставы и предания с широкими научными задачами.

Иоанн Цимисхий. Первый афонский устав

Уже в самом древнем памятнике, т. е. в Типике царя Иоанна Цимисхия от 971 г., находятся ссылки на *прежние* обычаи, именно на господствовавшие на Афоне порядки до св. Афанасия [11], которые, однако, нигде в подробности не указаны. Существенным и общим правилом было, что большинство подвижников, носивших наименование безмолвников, жило отдельно в малых каливах, или пещерах, другая часть — в небольших скитах под руководством старца или игумена. Весьма важно отметить, что эти игумены, которые собственно и составляли политический элемент афонского насельничества, называются игуменами Горы, а не монастырей или киновий, во главе коих они стояли, и им, повидимому, принадлежала вся земельная собственность от самого перешейка до южной оконечности. Они были причиной того движения на Афоне, вследствие которого появился первый устав, как об этом читается в житии св. Афанасия.

> По смерти Никифора [12] «беглый раб (диавол) снова пользуется случаем, снова дерзко выступает против святого (т. е. Афанасия), снова усиливается, обходит афонских старцев, которые в большинстве были совершенные простецы, хотя и питали в себе духовную ревность, и придерживались старого образа жизни. И это злое сборище, увлекая каждого порознь и обманывая, измыслило таковой извет против якобы «обманщика» этого: остерегайтесь угнетателя, пользующегося вашим добросердечием и разрушающего древние учреждения и обычаи *, воздвигающего роскошные постройки и ограждения, и храмы, и морские пристани, и придумывающего средства для собрания вод, и покупающего упряжки быков и волов, и превращающего эту Гору в мирское пристанище. Разве не видите, что он засеял поля, насадил виноградники и собирает урожай плодов. Но поспешим, истребим его немедленно, завладеем богатым достоянием его и раскопаем его жилище, дабы и памяти его не сохранилось здесь. Или пожалуйтесь царю, который исторгнет его со всеми приверженцами. Обворожив старцев такими и подобными обманчивыми речами, пользуется их простотой и поднимает междоусобную войну, самую страшную и гибельную между всеми. Получают доступ к царю и подают ему жалобу, изложив в ней прежде упомянутые обвинения против того мужа, что он нарушил древние учреждения на Горе и изменил законы и обычаи».

Будучи по существу высшим административным органом, прот, однако, имел в собрании старцев, или игуменов, Горы ограничивающее учреждение. Хотя игумены по собственной инициативе не могли наказывать и предавать суду своих афонских монахов без разрешения прота, но и этот последний не мог делать административных и иных распоряжений без участия игуменов. Таким образом, проту и игуменам принадлежало право избирать и увольнять эконома, он же при участии игуменов мог раздавать на Горе участки для поселения отшельников или

* περιείδετε καταδυναστεύοντα καὶ τῆς ὑμῶν κατατρυφῶντα χρηστότητος καὶ *τοὺς ἀρχαίους τύπους καὶ τὰ ἔθιμα καταλύοντα.*

безмолвников. Но, к сожалению, не сохранилось известий об избрании прота согласно *древним* обычаям. В протат вносилась с насельников Афона определенная дань (натурой), которая шла на содержание администраций.

Типик Иоанна Цимисхия от 972 г., как первый акт, сообщающий точные сведения о монашеской общине на Афоне, должен занимать главное место в ознакомлении с историей Св. горы не только в X в., но за ближайшее затем время. Поэтому находим полезным привести из него значительные извлечения.

«Благоговейнейшие монахи знаменитой Афонской горы, Афанасий, монах и прот Горы, и благоговейнейший монах Павел, прибыв в богохранимый град и представ пред лице благочестивейшего царя нашего, донесли, что между ними и монахом Афанасием, игуменом царской лавры Мелана, уже значительное время происходят соблазны и ссоры из-за того, что он ограничивает нас в некоторых правах и причиняет обиду* и что не придумать никакого способа разрешить недоразумения и водворить между ними согласие. Вследствие сего боговенчанный и державный царь наш, полагая большое попечение о том, чтобы умиротворить монахов и создать им тихое житие, так как по иным делам им и неудобно идти в светское судилище, а судьям нельзя обсуждать их отношения и делать гласным то, что они наговаривают друг на друга, тем более что условия монашеской жизни не могут быть понятны мирским людям,—приказал мне** отправиться на место, позвать обе стороны и выслушать показания их и постановить согласное с делами решение по смыслу божественных канонов. Когда мы прибыли на место, в присутствии обеих тяжущихся сторон, при участии всех игуменов Горы и при собрании всей братии (разумеется собрание игуменов и простых отшельников), выслушано было дело и тщательно исследовано в течение целой недели, и оказалось, что обе стороны не виновны по существу дела, ибо спор между ними был сатанинским наваждением.

Вникнув внимательно в дело, мы нашли, что поводом к соблазнам вражды и ссор являются собрания***. Так как собрания введены ради пользы и утешения братии, а между тем они приводят к обратному действию, то мы порешили и постановили, согласно общему мнению, просьбе и желанию всех присутствующих с нами монахов и игуменов, отменить два собрания из трех, т. е пасхальное и рождественское, и делать собрание лишь раз в год, в праздник Успения Богоматери. Выдачу руги также отложить до этого дня. В указанный день прот является только с 3 учениками, честнейший Афанасий, игумен великой Лавры, с 2 учени-

* Ὡς ἔτι περικόπτονταί τινες καὶ ἀδικοῦνται παρ' αὐτοῦ.
** Монах Студийского монастыря Евфимий.
*** Σὔραμεν καὶ ἐκ τῶν συνάξεων σκάνδαλά τινα φιλονεικίας τε καὶ ζιζάνια ἀναφύεσθαι.

ками, монах Павел с одним, прочие же игумены, келлиоты и безмолвники собираются без служителей, ибо, как мы убедились, беспорядки и раздоры происходят от служителей».

За этим следует самый Типик, состоящий из нескольких положений. Но прежде всего мы должны взвесить одно обстоятельство, которое дает окраску всему этому акту. Афон рассматривается как отдельное и самостоятельное учреждение, в котором на первом месте стоят интересы всей монашеской общины-республики (τὸ κοινόν), и, следовательно, первый сохранившийся акт уже считается с вполне сложившимся характерным строем этого общежития. Типик не создает новых форм, а лишь устанавливает соглашение сторон и исправляет, не отменяя их, однако, те новшества, введенные основателем Лавры, которые возбудили неудовольствия и раздоры, отмеченные в приведенной выше вступительной части. Таким образом, в нем признаются два класса насельников Афона: 1) живущие поодиночке монахи, т. е. пустынники и безмолвники, и 2) живущие товариществами в общежитии *. Первый класс частию был в зависимости от общежитий, живя на арендуемых или купленных монастырских участках, частию же имел вполне самостоятельное существование. Нужно думать, что принимаемые в Типике меры против самовольного допущения на Афон евнухов или мальчиков касаются именно таких полусвободных калив, или келий, члены которых и составляли то нечестивое «сборище», которое по преимуществу было затронуто реформой Афанасия.

Оставляя в стороне правила, касающиеся приема новых лиц на Афон, равно как положения, определяющие взаимное отношение между насельниками Св. горы, остановимся на тех сторонах рассматриваемого документа, по которым можно составить понятие о древнем τὸ κοινόν. Центром афонской монашеской общины признается Карея, местопребывание прота и эконома. Последнему принадлежит хозяйственное и полицейское наблюдение «в Месе», или в Карее [13]. Он может изгонять из Кареи тех, кого считает виновниками соблазнов и беспорядков; если по хозяйственным делам ему нужно удалиться из Кареи, он оставляет способного человека, который в состоянии направить к миру жизнь монахов. В случае какого-либо беспорядка и вне Кареи эконом обязан отправиться на место и, пригласив трех-четырех игуменов, произвести расследование и сделать соответствующее распоряжение. Вероятно, на его ответственности лежали все дела по выплате руги, равно как наблюдение за исполнением правил о недопущении на Афон безбородых юношей и евнухов. Общее собрание афонитов 15 августа в Карее было вместе и праздником, и ярмаркой, и судебно-административным учреждением по общественным делам.

Избрание прота, нужно думать, происходило на этих собраниях. К сожалению, мы лишены возможности знать, как происходило избрание прота в древнее время **, хотя не может быть сомнения в том, что это не есть особенность афонского устройства. Проты

* Κατὰ μόνας ἀσκοῦντες καὶ ἐν τῷ κοινῷ.

** Τὸν ἐξ ἀρχῆς τύπον φυλάττεσθαι προαιρούμεθα βέβαιον καὶ ἀκίνητον [завещанное нам мы блюдем твердо и неизменно] (M e y e r. P. 149).

были в Иерусалиме, в Фессалии, в монастырях на горе Латре, и звание прот весьма близко к сану архимандрита, впервые встречающемуся при Юстиниане.

Несколько любопытных данных сохранилось о числе монашествующих. В Лавре св. Афанасия при жизни основателя сначала было 80 монахов, по хрисовулу царя Никифора Фоки [14], а потом число это доведено до 120. Если к этому присоединить до сотни монахов в Ивирской лавре да 41 игумена, которых подписи даны на Типике, с учениками их, то можно в X в. считать на Афоне от 500 до 600 монахов. Но Афону суждено было быстро развиваться как в экономическом, так и в политическом отношении. При Василии II Болгаробойце и последующих царях избранные собранием монахов проты стали получать посох и мантию (род западной инвеституры) от царей помимо патриархов, вследствие чего и развитие внутренней жизни афонской общины шло без вмешательства церковной власти и выразилось в оригинальных формах. В 1045 г. число монахов в Лавре доходило до 700.

Глава XXI

Первые годы царствования Василия. Бунт Варды Склира. Начало войны с Болгарией

Со времени смерти сына Константина Порфирородного Романа II (963) в течение 13 лет престол занимали, за малолетством царевичей Василия и Константина, не принадлежавшие к Македонской династии лица, вступавшие, однако, в браки или со вдовой, или с принцессой царского происхождения. Хотя в 976 г., когда неожиданная болезнь свела в могилу Иоанна Цимисхия, старшему представителю династии было уже около 18, а младшему около 15 лет, тем не менее вошедший в силу обычай опеки и управления верховными делами продолжался и в последующие затем годы. Что на этот раз вновь фактическое влияние вместе с царским венцом не перешло на одного из военных вождей, причина тому лежала не в недостатке желающих стать во главе войска и объявить себя императором, а в характере тогдашнего временщика Василия паракимомена. Это был не только настоящий государственный человек, принимавший деятельное участие в делах еще в конце царствования Константина VII и игравший первостепенную роль при Никифоре Фоке и Цимисхии, но как сын Романа Лакапина от его незаконного брака он имел на своей стороне еще преимущества царского происхождения. То обстоятельство, что его сделали евнухом, лишало его права стремиться к верховной власти и вместе с тем позволяло ему делать блестящую карьеру в придворном ведомстве, где многие высшие должности исключительно замещались евнухами. В последние 13 лет евнух Василий, нося звание паракимомена, или постельничего, по случаю больших военных предприятий, требовавших личного присутствия царей на отдаленных границах, был полновластным господином в центральном управлении.

Смертию Иоанна Цимисхия пыталось воспользоваться другое лицо с целью продолжить серию царей-опекунов. Это был представитель военного сословия, происходивший из крупного дворянского рода Склиров, который начинал играть большую роль в последнее время. Варда Склир в особенности в последнее царствование приобрел громадное значение как личными военными заслугами, так и родством с царем, в первом браке имевшим сестру Варды. В военных делах против Святослава Варда Склир был правой рукой царя, как увидим ниже. Это был талантливый и энергичный генерал, с которым не мог не столкнуться паракимомен Василий. В 975 г. он занимал самый крупный военный пост доместика схол и в этом чине не мог не принимать участия в походе вместе с царем. Варда обладал громадными материальными средствами, пользовался большой популярностью в войске, которое могло идти куда угодно за любимым вождем.

Для Склира поощряющие примеры были в счастливой судьбе Никифора Фоки и Цимисхия, которые, опираясь на войско, достигли царской власти; с громадной популярностью и с талантами полководца Варда мог с надеждой на успех стремиться к той же цели. Но он был плохой дипломат, между тем как его соперник был силен в интриге. Почти полное отсутствие современных источников лишает нас возможности нарисовать ясную картину того, что происходило в действительности за смертью Цимисхия. Так, нельзя сказать, подал ли Склир какой предлог к явному нерасположению правительства, но произошло то, что его отставили от должности доместика схол и дали ему звание стратига окраинной фемы Месопотамии. В военном отношении это был пост весьма почетный, так как стратигу этой фемы предстояла исключительно важная задача — быть на страже византийских интересов со стороны сарацин, т. е. самого опасного тогда соседа и постоянного врага. Но Склир не мог не считать это назначение крайне для себя оскорбительным и отправился в Месопотамию с горьким чувством раздражения против евнуха Василия. Весьма неосторожно было со стороны правителя то, что Склир послан был в соседство с Арменией, где он имел большие связи и где пользовался влиянием. Здесь, будучи окружен преданными ему людьми и опираясь на войско, он без труда мог прийти к мысли о восстании.

Таковы были обстоятельства, при которых начиналось самостоятельное царствование Василия и Константина. По возрасту Василий мог бы принять в свои руки заведование делами, но в течение почти целых десяти лет во главе государства оставался паракимомен, совершенно оттеснив молодых царей. По отношению к Василию II, который по характеру своему принадлежит к наиболее резко очерченным фигурам между византийскими царями, до сих пор представляется загадкой это продолжительное попустительство. Говорят, будто паракимомен намеренно держал молодых царей не у дел, предоставив им пользоваться праздною и разнузданною жизнью и надеясь таким образом дольше владеть бесконтрольной властью. Но во всяком случае подобный метод воспитания достиг цели не вполне, так как старший царевич оказался совсем не затронутым пороками и разнузданностью.

> «Оба,— говорит о них историк Пселл [1],— уже перешагнули юношеский возраст, но были различны нравом. Василий был старше возрастом и казался всегда бодрым и вдумчивым; что же касается Константина, то он всем казался распущенным, беспечно относился к жизни и любил удовольствия. И не оба были они носителями царской власти, так как старший Василий, обладая полнотой самодержавия, предоставил брату лишь разделять с ним царское имя. Многим, которые из наших сверстников видали царя Василия, он представлялся угрюмым и мягким по нраву, раздражительным и не легко отходчивым, умеренным в образе жизни и всегда избегавшим роскоши. Но как я узнал об нем из старых писателей, таковым он не был поначалу, но из распущенного и праздного по жизни превратился в строгого к себе человека, как будто практические условия жизни образовали его характер, укрепив расслабленное и оживив

вялое и вполне изменив всю его жизнь. Ибо сначала он не пренебрегал веселой компанией, часто влюблялся, не пренебрегал пиршествами, позволял себе царские развлечения и праздники, злоупотребляя молодостью и царством».

Это прекрасное место Пселла дает нам ключ к пониманию далеко не обыкновенной фигуры последнего представителя Македонской династии. Действительно, нельзя думать, что его детство и юношество окружали попечительные заботы и ласки близких людей. Мы знаем, что мать его томилась в заточении, из которого была освобождена лишь по смерти Иоанна Цимисхия, и что опекуны руководились простым и естественным соображением дальше от дел держать царевичей и предоставлять им полную свободу действий. Наступил, однако, момент, когда у старшего раскрылись глаза на положение дел и неожиданно проснулись дремавшие родовые свойства вообще богато одаренной династии. Если бы сохранилось больше сведений о первых годах единодержавия Василия, то, может быть, внимательный наблюдатель и нашел бы объяснение для выработки характера Болгаробойцы, но при настоящем состоянии источников приходится ограничиться догадками, к каким дает повод свидетельство Пселла.

Впоследствии царь Василий вспоминал первые годы своего единодержавия в одном законодательном акте, о котором было выше упомянуто, и признавался, что это было время тяжелых испытаний и невзгод. Правда, он этим намекал на политические события, именно, на внутренние смуты, угрожавшие его власти, но, может быть, ему причиняли огорчения и ближайшие к нему лица. Так или иначе, но в первые десять лет по смерти Цимисхия о молодых царях не имеется никаких известий, равно как и мать их, царица Феофано, хотя и возвращенная из ссылки, оставалась в тени и ни разу не делала попытки занять такое положение при дворе, на которое имела полное право. Очевидно, твердая рука Василия паракимомена держала всех в должном подчинении и страхе. Но расчеты его по отношению к Склиру оказались ошибочными. Находясь вдали, среди преданных ему войск, Варда Склир мог на досуге обдумать план возмущения и движения на Константинополь, чтобы низвергнуть временщика и принять в свои руки верховную власть, следуя примеру, который был еще у всех на памяти. Так как местом действия был Харпут, откуда и в настоящее время не скоро доходят вести в Константинополь, то организация движения происходила без всякой помехи, и будущий самозванец успел даже послать в столицу доверенное лицо, чтобы привезти к нему сына его Романа, который был оставлен едва ли не в качестве заложника. Нашедши поддержку своим планам среди крупных землевладельцев страны, Варда скоро оказался во главе значительной партии, которая подстрекала его к дальнейшему шагу. Верное войско провозгласило его царем, армянские и грузинские князья примкнули к нему и подняли его значение. Но главную поддержку Склир имел в мусульманских полузависимых эмирах, которые в его движении против византийского правительства нашли повод восстановить свою власть, потрясенную победами Иоанна Цимисхия. Таковы были Хамданид Абу-Таглиб и Буид Адуд ад-Дауле. Это обстоятельство, отмеченное главным образом в летописи Яхъи Антиохийского [2], придает движению Склира совершенно оригинальный характер и создает для

империи громадные затруднения, о каких вначале нельзя было и гадать. Склир, имея точку опоры в Харпуте, двинулся к Мелитине и отсюда на пути к Кесарии встретился с византийским отрядом, во главе которого стоял магистр Евстафий Малеин, стратиг Тарса; вместе с Михаилом Вурцей, дукой Антиохии, он должен был не допускать Склира войти в византийские фемы. Но так как на стороне самозванца были местные мусульманские эмиры, то он без особенных трудностей вошел в имперскую область и встретился с главными силами патрикия Петра при городе Липара в феме Ликанды. Здесь произошло первое сражение между имперскими войсками и силами самозванца, окончившееся в пользу Склира и открывшее ему дорогу в Кесарию. Оказывается, что победа досталась ему благодаря измене Михаила Вурцы, который перешел на сторону бунтовщика и с тех пор имел с ним общее дело. С этого момента движение охватило всю Малую Азию, где правительственная партия оказалась совершенно бессильной. Склир раздавал своим приверженцам почести и отличия, обещая в будущем пожалования и награды, и достиг того, что не только сухопутные войска, но даже флот перешел на его сторону. Нужно думать, что сдача Антиохии, весьма важной сирийской крепости, была для Склира счастливым залогом его первых успехов. В дальнейшем византийский доместик должен был отступить перед победоносным шествием Склира, которого встречали с распростертыми объятиями и для которого теперь не встречалось серьезных препятствий до самого Константинополя. Правитель, паракимомен Василий, понял всю опасность положения и поспешил послать в Азию с секретным поручением протовестиария Льва и патрикия Иоанна. Им даны были большие денежные средства, с которыми они должны были попытаться расстроить силы самозванца и отвлечь от него главных приверженцев. Не вступая в сражение со Склиром, протовестиарий Лев обошел его с остатками царского войска и стал угрожать ему с тыла, чем вызвал брожение в лагере противника и опасение, что в случае неудачи ему не будет пути к отступлению. Начались переходы в царские ряды, которые особенно увеличились с тех пор, как протовестиарию удалось нанести поражение Михаилу Вурце, который следовал за ним с частию войска. Но это был лишь временный успех, каким не сумели воспользоваться царские вожди. В новой битве Склир нанес решительное поражение правительственным войскам, причем пал патрикий Иоанн, насмерть был поражен доместик Петр Фока, а сам протовестиарий попал в плен. Таким образом, самозванец был наверху счастия — он мог спокойно ждать развязки затеянного им движения.

Это было в конце 977 г. Весной следующего года Варда направился к Константинополю, на сухом пути ему уже не было сопротивления, а со стороны моря успех был обеспечен переходом кивиррэотского флота на его сторону. Начальствовавший флотом Михаил Куртикий, сторонник самозванца, владел морем, командовал островами и угрожал осадой Абидосу, главной морской пристани и крепости при входе в Геллеспонт (Дарданеллы). Находясь в отчаянном положении и понимая, что движение Склира поддерживается, между прочим, общим нерасположением к нему и желанием положить конец его господству, евнух Василий пустил в оборот все бывшие в его распоряжении средства, чтобы предотвратить опасность. И нужно отдать ему справедливость: в короткое

время он отыскал необходимые средства и нашел способных людей. Часть царских судов, содержавшихся в гаванях Золотого Рога и Мраморного моря, была поручена патрикию Феодору Карантину, который успел обмануть бдительность Куртикия, вышел из Геллеспонта в открытое море и отвлек часть неприятельского флота от Абидоса, нанеся ему полное поражение у Фокеи. Чтобы задержать Варду Склира со стороны суши, правитель мог рассчитывать только на Никею, под стенами которой войска Склира должны были задержаться. Так как никейская крепость содержалась в надлежащем военном положении и всегда рассматривалась как защита столицы со стороны Малой Азии, то приняты были на этот раз исключительные меры к тому, чтобы увеличить ее сопротивление и в то же время подготовить для Склира движение со стороны малоазийских фем.

В ближайших затем событиях, относящихся к 978 г., выступает предок знаменитой впоследствии царской династии Комнинов. Именно, защита Никеи была поручена патрикию Мануилу Еротику [3], которого позднейшие писатели называют отцом Исаака Комнина, вступившего на престол в 1057 г. Этому родоначальнику дома Комнинов принадлежит честь предотвращения опасности, угрожавшей династии, и нанесения первого чувствительного удара самозванцу. Склир приступил к правильной осаде Никеи, которая затянулась надолго, так как Михаил* с помощью знаменитого греческого огня уничтожил деревянные осадные сооружения и машины. Принцесса Анна Комнина, говоря в своей истории об осаде Никеи крестоносцами первого крестового похода, упоминает, между прочим, о башне Гоната, получившей свое имя от времени занимающей нас осады [4]. Когда оказалось невозможным взять город открытой силой, Склир решился принудить его к сдаче голодом. Но и в этом отношении стратиг Комнин имел достаточно военного искусства, чтобы обмануть врага и выговорить осажденному гарнизону почетную сдачу.

Между тем как происходили эти события под Никеей, царский флот одержал победу над неприятельскими кораблями в открытом море и возвратил под власть империи пролив Геллеспонт, завладев крепостью Абидос. Вместе с этим Константинополю перестала грозить опасность быть отрезанным от своих заморских провинций и лишенным средств продовольствия, и, хотя передовые отряды самозванца показались на Босфоре, тем не менее паракимомен Василий чувствовал перемену дел к лучшему. Трудно понять, какими соображениями руководился он, обратив свои взоры к томившемуся в заключении на острове Хиосе племяннику царя Никифора Фоки, Варде Фоке, который в свое время поднял бунт против Иоанна Цимисхия, потерпел поражение от Варды Склира и в течение семи лет содержался под строгим надзором. Правда, в военном смысле это был вождь старой школы, воспитанный в славных походах царя Никифора на Востоке и считавшийся лучшим в то время знатоком военного искусства [5], но, с другой стороны, это был прежний бунтовщик, на которого едва ли можно было полагаться. Выбор паракимомена остановился на этом роковом для империи человеке главным образом потому, что при отменных военных качествах он происходил из

* Мануил. *(Ред.)*

каппадокийского поместного сословия, где имел большие связи и известность и где мог равняться по авторитету с Вардой Склиром. Для Фоки подобное предложение правительства, соединенное с званием магистра и с титулом доместика восточных войск, было столько же неожиданным, как и лестным. Он обязался священной клятвой, что не будет злоупотреблять доверием, и приступил к выполнению своей трудной задачи с большими предосторожностями. Под рукой у правительства не было достаточных военных средств, между тем в тылу у Варды Склира близ Кесарии и на восточной границе оставались хотя и расстроенные, но все же значительные части под начальством магистра Евстафия Малеина и Михаила Вурцы, много раз упоминаемого дуки Антиохии. Прямая задача нового доместика состояла в том, чтобы поставить себя в соприкосновение с этими военными частями. Так как морской путь был еще не безопасен от находившихся под властью Склира судов, а Малая Азия была наводнена его войсками и была на стороне бунтовщика, то Варда Фока должен был принять исключительные меры предосторожности, и, путешествуя по ночам и под чужим видом, он наконец добрался до Кесарии. Здесь он принял начальство над отрядами, оставшимися верными правительству, и, пользуясь влиянием в стране, начал организовывать движение против самозванца в восточных фемах. Но так как он не имел в своем распоряжении таких сил, как его противник, то ему оставалось, избегая большого сражения, завлекать Склира к востоку, где он надеялся иметь помощь. Таким образом, вместо движения по прямой дороге от Амория на Константинополь Фока направляется в восточные фемы и в конце концов останавливается в Севастии (ныне Сивас). Главную поддержку Фока нашел в соседней Грузии, которая незадолго перед тем вступила в вассальные к империи отношения. Грузинский владетель куропалат Давид предоставил в распоряжение доместика 12 тысяч превосходной грузинской конницы, которая оказала ему громадную услугу. Склир же, чтобы не быть застигнутым образовавшимся против него движением, уже владея Никеей и находясь в виду Константинополя, поспешил идти навстречу доместику, который тогда был близ Амория. Первое столкновение на реке Сангарии окончилось в пользу самозванца. Фока был выбит из седла и спасся от плена лишь благодаря наступившей темноте. После этого неудачного сражения и началось его отступление к границам Армении и Грузии.

Но здесь Фока оказался в более благоприятных условиях, так как его отряд увеличился присоединением конницы Давида куропалата. Решительная битва произошла в долине Панкалии 24 марта 979 г. Здесь произошло единоборство между вождями. Склир отсек правое ухо у коня Фоки, а Фока нанес такой сильный удар в голову своему противнику, что он повалился на шею своего коня. Это было равносильно поражению всего войска Склира, так как в рядах разнесся слух о его смерти, и воины стали искать спасения в бегстве. Когда Склир пришел в себя после полученного удара, дело уже было непоправимо, и для него не оставалось другого средства, как бежать к мусульманской границе и искать убежища у своих прежних друзей и союзников, которые охотно поддерживали междоусобную войну в империи и дали ему временное убежище в Мартирополе, принадлежавшем Хамданиду Абу-Таглибу. Таким образом закончился этот четырехлетний период смуты, поставив-

ший империю в чрезвычайно затруднительное положение и совершенно разобщивший столицу с восточными провинциями. Надежда найти поддержку для дальнейших предприятий против империи оказалась, однако, неосуществимой, и Склир со своим братом Константином и сыном Романом принужден был бежать в Багдад и предложить свои услуги калифу, обещая ему верность и послушание, если при помощи мусульман он достигнет власти над империей. С 980 г., к которому относятся указанные события, и до 986 г. он находился в почетном заключении в Багдаде.

Продолжительный период смуты в Малой Азии сопровождался весьма тяжелыми последствиями, отразившимися на политическом положении окраин и на экономическом состоянии страны. Вследствие нарушения связи между столицей и восточной окраиной пришли в крайнее расстройство дела в Киликии и Сирии, где сын Сейф ад-Дауле, Саад, лишенный своих наследственных владений, снова овладел богатым и укрепленным Алеппо, который Иоанном Цимисхием принят был в вассальную зависимость от империи. Чтобы сделать для Византии невозможным возвращение Алеппо в сферу ее влияния, Саад немедленно отправил посольство в Каир и вступил в вассальную зависимость от Фатимидского калифата, что, однако, не помешало ему в том же году принять инвеституру от аббасидского калифа, от которого ему было пожаловано почетное звание ад-Дауле, присоединяемое к имени. Одним из первых дел нового доместика схол на Востоке была, конечно, задача восстановления авторитета империи на восточной окраине. Уже осенью 981 г. Варда Фока во главе значительных военных сил стоял под стенами Алеппо. После того как доместик нанес поражение эмиру, последний без больших затруднений согласился признать зависимость от Византии и платить ей дань, какая установлена была со времени Иоанна Цимисхия.

Болгарские войны, веденные Василием II в течение почти всего продолжительного его царствования, не только выражают его личный характер, рисуя его понимание государственных потребностей Византии того времени, но в то же время представляют исключительный по своей важности эпизод в истории Византийской империи, так как этими войнами определился на все средние века порядок взаимных отношений между греками и славянами и другими народностями Балканского полуострова. Главнейшие политические и этнографические явления в этой северо-западной половине империи не могут найти себе объяснения, если не принимать в соображение того громадного потрясения, которым сопровождались военные события, к изложению которых мы теперь приступаем. Но для того чтобы оценить их по вызвавшим их непосредственным причинам и ближайшим результатам, недостает современных и, что всего печальнее, национальных славянских известий.

Указанная неполнота сведений восполняется до некоторой степени армянскими и арабскими писателями, главное преимущество коих в том, что они современны эпохе болгарской войны и независимы от собственно византийских летописцев XI—XII вв. Первое место между ними принадлежит Степану Таронскому, по прозванию Асохику. Его труд «Всеобщая история» доведен до 1004 г. и занимается главным образом судьбами Армении, но мимоходом сообщает весьма обстоятельные сведения и о болгарской войне. Рядом с ним можно поставить Матвея

Эдесского, хотя и жившего в XII в., но для занимающего нас времени располагавшего хорошими источниками. Наконец, большая услуга оказана была изданием с русским переводом Яхъи Антиохийского, арабского писателя конца X и нач. XI в., сведения которого, заимствованные из хороших источников, отличаются большей последовательностью и точностью, чем византийских писателей [6].

Чтобы ввести читателя в историю греко-болгарской войны при Василии II, необходимо возвратиться к окончанию русско-болгарской войны. Окончательная победа над Святославом при Доростоле в 971 г. освободила царя Иоанна Цимисхия от большой опасности и предоставила в его полную власть ту часть Болгарии, которая была вполне разорена и лишена населения вследствие нашествия русских. Политическим последствием русских походов в Болгарию было падение самостоятельности восточной части царства и пленение царской династии. Наследники царя Петра, Борис и Роман, супруга и дети первого из них, т. е. вся семья болгарского царского дома, переведены были в Константинополь, лишены царской власти и обращены в частное состояние служилых людей византийского императора. Борис получил сан магистра, а брат его сделан евнухом. Вместе с тем завоеванная западная * половина Болгарии обращена была в византийскую провинцию и поступила в управление греческих военных и гражданских чинов. Таковы были неожиданные следствия русского вторжения в Болгарию, доведшие грозное для империи царство Симеона до полного изнеможения и обратившие его в подвластную грекам провинцию. Ослабив Болгарию, Святослав осуществил этим заветные мечты византийского правительства и в прямом смысле совершил вредное славянским интересам дело.

Первым последствием Святославовых походов было то, что ослабленная ими Болгария не представляла более никакой опасности для Византии. О взаимном ожесточении болгар и русских в этой несчастной войне свидетельствует, между прочим, наблюдение, сделанное при раскопках в древней столице Болгарии, Абобе: среди громадных колонн в придворной церкви не найдено ни одной целой — все разбиты в мелкие куски, а самый дворец представляет из себя следы огромного пожарища; очевидно, здесь все было предано огню и мечу, и мы имеем полное основание думать, что произошло это опустошение именно во время второго Святославова похода. Во-вторых, с походами Святослава стоит в связи перемещение политического центра тяжести из Преславы в Царьград. В истории греко-болгарских отношений самым важным моментом был тот, когда Болгария начала оспаривать у Византии господство на Балканском полуострове и во всем славянском мире. С конца IX в., при царях Симеоне и Петре, Византия была до того ослаблена, что обладала лишь прибрежными полосами Эгейского моря и Архипелага. Властители Болгарии стали называться царями болгарскими и греческими; для поднятия церковного значения при Симеоне было учреждено патриаршество. О тогдашних притязаниях болгарского царя свидетельствует переписка Романа Лакапина с Симеоном, в которой этот последний теоретически и практически отстаивает свое право на царскую власть. Одним словом, в X в. положение Византии со

* Восточная. *(Ред.)*

стороны Болгарии оказалось весьма критическим, и только Святославовы походы на Болгарию, подрезавшие в корне болгарскую силу, изменили это положение дел.

Северо-восточная придунайская часть Болгарии, разгромленная Святославом, сделалась, как сказано, провинцией Византийской империи и на некоторое время перестала обращать на себя внимание. Но еще в последние годы И. Цимисхия, по всей вероятности во время его походов в Месопотамию и Сирию, в западной части Болгарии, которая была вне русского нашествия, началось сильное движение, дошедшее на западе до Адриатического моря, на юге захватившее Эпир и Фессалию. При скудости источников было бы весьма трудно решать вопрос о том, произошло ли это движение против Болгарской династии потомков Симеона, или же оно вызвано было завоеванием восточной Болгарии царем И. Цимисхием. Гораздо важнее считали бы мы выяснение летописного известия о комитопулах Давиде, Моисее, Аароне и Самуиле, которым принадлежит основание нового Болгарского царства. Затеянное ими освободительное движение остается до сих пор мало понятным по своим побуждениям и по происхождению. Есть два обстоятельства, по которым можно хотя до некоторой степени поставить это движение в определенные границы. Во-первых, оно начато или комитом Шишманом, или его сыновьями-комитопулами. Титул комит, по византийскому употреблению, означает служебный чин, но едва ли в данном случае мы имеем в этом термине обычный смысл служебной иерархии, ибо никогда в византийской летописи сыновья, например, доместика, друнгария или веста не назывались по чину отца. Таким образом, комит Шишман и комитопулы обозначают туземное привилегированное состояние и должны быть объясняемы в смысле племенного представительства, как старшины или начальники комитатов, о которых сохранилось упоминание в повествовании о крещении Болгарии. В этом именно значении употребляют слово «комитопул» писатели Кедрин и Зонара [7]. Во-вторых, византийское правительство в целях положить предел движению комитопулов нашло нужным послать в Болгарию содержавшихся в почетном плену сыновей умершего царя Петра, Бориса и Романа. Из этих фактов необходимо сделать заключение, что движение началось на почве стремления к национальной свободе и что в основании его лежала идея борьбы с византийским преобладанием. Есть возможность принять догадку, что царевичи были отправлены или даже бежали из Константинополя не позже 976 г., когда в Болгарии уже началось восстание, и что Роман даже принял участие в освободительной войне. Отчасти новый свет проливает на этот момент сообщение арабского писателя Яхъи [8].

Благодаря арабскому известию, основывающемуся на хорошем источнике, можно думать, что движение комитопулов было вместе и национальной и династической борьбой, направленной против Византии. Что касается местности, откуда началось движение и где была родина комитопулов, то едва ли можно настаивать на Тырнове, скорее бы следовало думать здесь об Охриде или Преспе, где найдена надгробная плита с надписью Самуила *.

* Об этом ниже, с. 942 [416 наст. изд.], сравнить мою рецензию на книгу Розена — Журн. Мин. Нар. Просв. Апрель, 1884.

Хотя реальные условия в хронологическом и географическом отношениях остаются и после издания Яхъи так же мало известными, как прежде, тем не менее одна сторона дела получила некоторое движение вперед. Теперь ясно, что комит Шишман и его сыновья начали восстание еще в последние годы Цимисхия, а бунт Варды Склира отвлек внимание правительства от европейских провинций, где освободительное движение могло разрастись до неожиданно широких размеров. В то время как старшие комитопулы, Давид, Моисей и Аарон, один за другим сошли со сцены, около 980 г. власть перешла к младшему, Самуилу. Конечно, довольно странно звучат эти библейские имена, но мы не беремся входить здесь в объяснение этого факта. Первое, что должно быть отмечено здесь, это — быстрое распространение освободительного движения по всему почти Балканскому полуострову. Самуил, по словам византийской летописи, разорил весь запад, не только Фракию, Македонию и окрестности Солуни, но Фессалию, Элладу и самый Пелопоннис. Он взял много укрепленных городов, в числе коих важнейшим была Ларисса. В дальнейшем отмечается факт большого политического значения[9].

> «Жителей ее он переселил во внутренние области Болгарии целыми семьями и, зачислив их в свои воинские списки, пользовался их содействием в войне против Византии. Перенес же и мощи св. Ахиллея, епископа Лариссы при Константине Великом, и положил их в Преспе, где была его столица».

Не говоря о том, что проникнуть до Лариссы болгаре могли лишь после продолжительных войн в Македонии, Эпире и Фессалии, следует обратить внимание на сопровождающие обстоятельства, в которых выражается политический смысл движения: имеем в виду переселение жителей из завоеванных местностей в Болгарию и перенесение мощей св. Ахиллея. Это был греческий популярный святой, и перенесением мощей его в Преспу преследовалась цель примирить переселенных в Болгарию греков с новым отечеством. Кроме того, выясняется в настоящее время еще другая любопытная подробность[10]. Самуил осаждал Ларисссу в 980 г., но тогдашний правитель города Никулица-Кекавмен то дарами, то искусными мерами сохранил город в верности царю; в 986 г., когда в город был назначен другой правитель, не сумевший ладить с Самуилом, Ларисса была взята и ее жители переселены в Болгарию. Первые известия о принятых царем Василием мерах против болгар относятся лишь к 986 г.

Поход, предпринятый царем против Самуила, описан современником Львом Диаконом, хотя и не поставлен в связь с обстоятельствами, его вызвавшими, равно как отмечен у всех ближайших к этому времени писателей.

> «После того как была совершенно рассеяна разбойническая шайка[11] мятежников Варды Склира, царь Василий направил свои силы против болгар, которых отчаянная дерзость, сопутствуемая убийствами, наносила вред ромэйскому могуществу и сопровождалась беспощадными опустошениями в Македонии и истреблением мужеского населения. Подчиняясь, однако, более взрыву негодования, чем серьезному

обсуждению, он поторопился овладеть страною в один прием, но злая судьба обманула его надежды. Ибо хотя он пробрался по тесным и скалистым тропинкам и приблизился к Сардике, которая по-скифски называется также Триадицей, раскинул здесь свой стан и, окружив город, стоял под ним 20 дней, однако, по неспособности стратигов, войско проводило время в беспечности и праздности и ничего не достигло осадой города. И так болгаре сначала сделали засаду на тех, которые выходили из лагеря искать корму для людей и скота и произвели между ними большой бой и угнали множество коней и вьючных животных. Затем стенобитные и другие машины по неопытности людей, приставлявших их к стенам, не оказывали ожидаемого действия и были сожжены врагами. Наконец, начал ощущаться в войске недостаток в необходимых предметах, так как все привезенные с собою запасы уже оказались израсходованными вследствие неумеренного ими пользования. Все это побудило царя отступить с войском и направиться в Константинополь. После дневного перехода он остановился, чтобы дать отдых народу. На следующий день войску пришлось проходить по лесистой и овражистой котловине,—едва только миновало оно эту местность и стало занимать подъемы, как болгаре напали на греков, перебили между ними великое множество людей, захватили царскую палатку и казну и разграбили весь военный обоз. Тогда был на том месте и я, который описываю эту печальную историю, находясь при царе в качестве диакона. И я бы, конечно, погиб и сделался добычей скифского меча, если бы Божественное промышление не избавило меня от беды, помогши мне ускакать на коне. Остальное войско с большим трудом спаслось от болгар, воспользовавшись непроходимыми горными тропинками, и дошло до византийских пределов, потеряв конницу и весь обоз».

Этим описанием очевидца рокового поражения византийского войска в горах по дороге в Софию отмечается первое военное предприятие царя Василия. Поражение имело место 17 августа 986 г.

Приведенный рассказ очевидца, и притом мастера в историческом искусстве, поражает, однако, крайней осторожностью и служит характерной особенностью византийской летописи. В самом деле, автор не озаботился приведением необходимой для *

* Печатный лист корректуры утерян — нет конца этой главы и начала, вернее, большей части следующей. *(Ред.)*

Глава XXII

Русь и Византия в конце X в.*

/К концу X в. языческая Россия порывалась к Византии всеми необузданными влечениями своей беспокойной природы. Столица империи не раз дрожала перед русскими полками. Составилось убеждение, перешедшее в мистическую литературу, что городу не устоять и что в конце концов он будет взят Русью. В многочисленных церквах наполненного святынями Цареграда читали акафист Богородице, восхваляя оказанную против русских помощь и умоляя о спасении против новых нападений. Святослав дал новое направление походам руси на Константинополь, показав, что при лучших обстоятельствах можно подойти к Константинополю с суши, и притом с болгарами. Но Русь врывалась в Византию не только своими завоевательными стремлениями, она давала о себе знать и некоторыми человечными сторонами: желала во что бы то ни стало установить правильные торговые сношения, выхлопотать привилегии для обмена своих произведений на греческие, интересовалась устройством быта и в особенности верой. Что́ же думала тысячелетняя империя и ее мудрые патриархи, цари и вельможи об юном народе, который так настойчиво привлекал к себе внимание их? Уж не в том ли вся тайна дипломатии византийской — подкупать и вооружать один варварский народ против другого и строить свое благо на погибели слабейших?

Нет, *Византия нашла другие средства укротить Русь*. Она медленно шла к своей цели и без оружия достигла того, что Русь принесла ей повинную голову и *поступилась своими широкими политическими притязаниями*.

В византийской литературе я не знаю более изящного выражения той мысли, что культура и духовные преимущества нации в конце концов всегда возобладают над варварством и дикой силой, как следующее место просвещеннейшего эллина XII в. *Михаила Акомината*. Приводимые слова имеют в виду латинян, завоевавших Константинополь и Грецию в 1204 г.

> «Запустели города, в которых водились хоры муз и властвовала фемида и процветала философия. Но нам не следует предаваться унынию и ограничиваться сетованиями. Те, которые считают себя нашими повелителями, столько же понимают в словесном искусстве, как ослы в музыке. *А мы не будем забывать философии и не перестанем украшать себя добродетелью и образованностью: в этом мы найдем действительное средство властвовать над нашими повелителями, как*

* Поскольку начало главы утрачено, дополняем ее (в косых линейках) текстом из речи Ф. И. Успенского «Русь и Византия в X в.», произнесенной 11 мая 1888 г (см Приложение). *(Ред.)*

над дикими зверями. Захватив крепости и замки, они думают повелевать посредством насилия, отнимая у нас имущества и пищу. Но там не может быть надежного и прочного господства, где победители не обладают ни природными, ни приобретенными преимуществами. Никто же не скажет, что львы, леопарды или волки властвуют над людьми, хотя *бы они когтями и зубами достигали того же, чего и наши повелители.* И никогда не удастся им вполне победить нас, хотя бы они присвоили себе все наши стяжания, хотя бы оставили нас нагими или коснулись бы самой плоти нашей!»

Итак, Византия хорошо сознавала высокие преимущества своей культуры и образованности и, уступая внешней силе, не выпускала из рук орудий нравственного влияния.

Вы догадываетесь, что я *подхожу к вопросу о византийских влияниях на Россию.*

В русской литературе на этот счет нельзя указать установленного и господствующего мнения. Чаще, впрочем, раздаются порицательные приговоры о Византии и высказываются неблагоприятные мнения насчет качеств наших заимствований от греков.

Очень незначительное меньшинство ученых и литераторов говорят о византийском влиянии на Россию со всею сдержанностью, ссылаясь на то, что у нас очень мало сделано для оценки этого влияния. В самом деле, прежде чем составить себе понятие о количестве и качестве византийских влияний на Россию, нужно предпринять ряд отдельных исследований по специальным вопросам: о влиянии Византии на древнюю русскую литературу, о заимствованиях из Византии по части художественных идеалов, нашедших применение в искусстве, об обмене в области юридических понятий, в устройстве государственности, в домашнем быту и т. п. Понятно, что для общих заключений по этим вопросам у нас нет еще материала.

Для России в X в. не настояло еще надобности в тех обширных заимствованиях из Византии, которые впоследствии ручьем стали вливаться непосредственно через греческое духовенство, посредственно через южнославянские литературные произведения. В X в. Россия не могла не быть вовлеченной в общий исторический поток; для всех европейских новых народов представлялась одна и та же альтернатива: или принять христианство и тем положить начало к созиданию государственности, или уступить свое место другому. В этом отношении заслуги византийской империи бесспорны и никакая научная теория не вычеркнет их из истории.

По преимуществу на долю Византии выпала воспитательная роль новоевропейских народов. Признавая ее заслуги, оказанные человечеству тем, что она имела благодетельное влияние на дикие орды варваров, воспитанные ею в исторические народы, мы не должны забывать и понесенных ею великих жертв на пользу всей Европы. Следует ли перечислять последовательный ряд варварских вторжений в Европу, которым Византия ставила преграды и полагала пределы? Мало того что, устояв против врагов, она долгое время оставалась очагом и светочью просвещения, она старалась частию убеждением, частию проповедью христианства и цивилизующим влиянием укротить и облагородить дикарей,

приучив их к выгодам гражданской жизни. Под ее влиянием разрозненные славянские колена и племена, равно как болгарская и мадьярская орда, выросли в исторические народы. Словом, она сослужила для восточноевропейского мира ту же благодетельную миссию, какую Рим — для галлов и германцев. Восточные народы обязаны ей верой, литературой и гражданственностью.

Нам не идет повторять без оглядки фразу, которая в сущности исторически не верна, что мы приняли из Византии не настоящее просвещение и, не разобрав хорошего от дурного, стали слишком рабски воспроизводить испорченные идеалы византинизма. Прежде всего иных организующих начал нам неоткуда было принять, кроме того, Западная Европа того времени была ниже Византии и сама пользовалась плодами эллинской культуры. Один из германских императоров X в. совершенно добродушно старается счистить грубость саксонской натуры и раздуть в себе искорку любви к греческой науке. Один славянский князь ищет, откуда бы позаимствоваться лучшими учреждениями для своего народа, и находит их в Византии, так как *отсюда на все страны распространялся добрый закон.*

Византия исполняла свою миссию с полным самоотвержением — и в этом величайший успех греческого духовенства и разнообразных влияний Византии между восточноевропейскими народами. Она не налагала тяжелого и неудобоносимого ярма на новопросвещенных, отличалась значительною терпимостью в делах веры: припомним хоть то, что греческое духовенство на Руси не имело политического значения и не стремилось к организации, ограничивающей светскую власть. Какая разница в средствах действия латинской и греческой Церкви: одна с мечом идет на помощь империи и при помощи оружия распространяет свою паству, другая достигает не менее широкого распространения своих пределов нравственным влиянием и проповедью. Где господствует латинская Церковь в IX и X вв., там раздается шум оружия; не то на Востоке — греческие проповедники не подчиняют новопросвещенных византийскому царю, а служат религиозной идее. В этом, на мой взгляд, сказались народные и психологические черты, отличающие систему римских завоеваний от процесса эллинской колонизации.

Таким образом, в том обстоятельстве, что Россия приведена была в ближайшие сношения с Византией, я не могу не усматривать глубокой важности для нашего просвещения и культурного развития. Что мы весьма медленно усвояли себе заимствованную культуру, в этом нельзя слагать ответственность на греков.

Ввиду угрожающего положения, занятого Русью по отношению к Византии, и страшной коалиции, которая могла составиться из русских и болгар, Византия должна была поспешить принятием решительных мер, не останавливаясь даже перед важными уступками, чтобы сделать Россию безвредной.

Русские и византийские известия слишком скупо освещают наши внешние отношения конца X в. В самые последние годы освежающая струя привнесена была восточными известиями, на основании которых является возможность рассматривать *акт крещения руси в связи с политическими обстоятельствами того времени.*

Владимир возобновляет те же притязания к Византии, какие заявляли его предшественники. В 985 и 986 гг. с флотом и сухопутным

войском русские направились в Болгарию и действовали здесь уже в качестве союзников болгарских против греков. Следствием этого похода было поражение, нанесенное грекам при Сардике-Средце в 986 г., и угрожающее движение болгар и русских за Балканы. С другой стороны, Владимир лишил Византию последнего оплота на северном берегу Черного моря, отняв у них Корсунь в 989 г.

Что это были важные факты, оставившие по себе следы в общественном сознании, доказывается тем, что византийские летописцы рассматривали наблюдавшиеся тогда небесные знамения (появление кометы и огненные столбы на небе) как указания на великие бедствия, угрожающие Византии от русских и болгар. Эти бедствия и испытаны были Византией на двух пунктах ее северных границ: в Болгарии и в Крыму.

Я не имел притязания совершенно рассеять туман, покрывающий наши отношения к Византии при Владимире Святом. На событиях 988 и 989 гг. все еще лежит печать тайны, которую едва ли в состоянии раскрыть историк при настоящих научных средствах. Потребовалась бы немалая доля воображения и поэтического чутья, чтобы облечь в реальные образы те указания и намеки, которые пробегают кое-где как тени. Вот, по моему мнению, самое реальное изображение условий, при которых произошло обращение Руси к христианству. Оно заимствуется из арабского писателя: «И стало опасно положение царя Василия, и истощились его средства, и побудила его нужда *послать к царю руссов, врагов своих*, чтобы просить у них помощи. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь руссов на сестре царя Василия, поставив ему условием, чтобы крестился он и народ его, а они народ великий. И послал к нему царь Василий митрополитов и епископов, и они окрестили царя и его народ, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов».

Известно, что после Владимира русские не претендовали на Корсунь, не предпринимали морских походов на Византию, а что касается до Болгарии — то они совершенно предоставили ее во власть византийского императора и надолго забыли предания юго-западной политики первых князей. «Западные волки,— как называет русских один писатель,— *так были укрощены, что обратились в послушное стадо овец. Русь стала теперь оберегать Византию от нападения зверей*».

Не оружием, не воинскими доблестями одержала Византия эту победу, а своим *моральным воздействием на Русь и удовлетворением ее духовных потребностей.*

Ближайшие ко времени Владимира русские писатели пытались разъяснить мотивы обращения его к христианству, но никаких положительных сведений не могли передать, и это тем более знаменательно, что некоторые известия относятся к первой половине XI в. Но соображения Илариона и монаха Иакова важны для нас хотя бы и потому, что на основании их мы можем утверждать, что обращение Владимира произошло без той почти обязательной в подобных случаях обстановки, какая наблюдается в сказаниях об обращении языческих князей. Мы тем настойчивей подчеркиваем эту мысль, что она отмечена самым близким к Владимиру писателем, который, намекая на эту обстановку, заявляет:

«Без всех сих притече ко Христу, токмо от благого смысла и разумения». Акт крещения Владимира до такой степени был делом личной воли его, что он остался совершенно неясным ближайшим за ним поколениям: через сто лет уже не могли русские сказать, где он крестился — в Киеве, Василеве, Корсуни или, может быть, в Константинополе?/

Поход на Корсунь имел место на третье лето по крещении. Напротив, все последующие памятники... решительно сообщают о крещении его от греков в Корсуни. Делаем отсюда вывод, что житие... где впервые была изложена легенда о крещении в Корсуни, написано позже перечисленных памятников XI в. (Иларион, Иаков и Нестор) и раньше того летописного свода, который включил в свой состав эту легенду, т. е. раньше начального свода.

> «Мы знаем,— говорит тот же автор,— что Десятинная церковь [1] была отдана Владимиром попам корсунским; предполагаем, что корсуняне удержали церковь за собой в течение не одного поколения. И эти корсунские попы в конце XI в. должны были всецело примкнуть к поддержанному остальным греческим духовенством движению. Вкладом в это движение со стороны корсунского духовенства Десятинной церкви было сказание о крещении Владимира в Корсуни. Важно отметить, что старания греков находили энергичную поддержку в Печерском и других киевских монастырях».

Возвращаясь к исходному моменту нашего рассуждения, мы должны напомнить, что византийская традиция, так же как и русская, исходит из двух групп фактов, которые могли развиваться вполне самостоятельно и независимо. С одной стороны, византийская традиция выдвигает политический союз Византии с Русью и посылку вспомогательного отряда, который освобождает царя Василия от крайней опасности; с другой — и именно у позднейших писателей — брачный союз и крещение в тесной связи с корсунским походом. В русской традиции равным образом отмечена двоякая версия: крещение до корсунского похода в связи с испытаниями вер и крещение в Корсуни вместе с браком с царевной Анной. Было выражено много остроумных и глубоко продуманных соображений, чтобы комбинировать и поставить во внутреннюю связь эти две группы фактов: работа началась еще в конце XI в. и не закончена по настоящее время. К сожалению, все домыслы могут иметь характер лишь субъективного мнения, более или менее выражающего настроение писателя, и никакая догадка не в состоянии закрыть дебаты по вопросу о том, где и когда крестился Владимир, пока счастливая случайность не откроет какой-либо новый текст на греческом или арабском языке.

Итак, на 989 г. падают два события, имевшие немаловажное значение в истории византийско-русских отношений. С помощью вспомогательного русского отряда было потушено восстание Варды Фоки, и царевна Анна, сестра Василия и Константина, выдана замуж за великого князя Владимира, который встретил ее в завоеванной у греков Корсуни. При настоящем состоянии наших сведений, так как самая первоначальная византийская традиция, захваченная писателем Феодором Севастийским, должна считаться утраченной безвозвратно, в рас-

суждении о византийско-русских отношениях в конце X в. следует отправляться из полученных нами наблюдений и рассматривать отдельно, не стараясь искать во что бы то ни стало хронологической связи, и политический и брачный союз между русским великим князем и византийским императором. Что же касается крещения Владимира, то, всего вероятней, относить его, согласно основному русскому преданию, ко времени до похода на Корсунь.

Этот последний факт вместе с брачным союзом, несомненно, происходил летом 989 г., как утверждается это на основании хронологических указаний у Льва Диакона. В самое последнее время летописному известию о походе Владимира на Корсунь посвящено исследование [2], имеющее целью выяснить «меру военного искусства Древней Руси во время Владимира и показать, насколько допустимы те понимания летописей, которые основаны на толковании событий самой осады города». Это, по современному положению вопроса, может быть, наиболее целесообразная задача. Между прочим, что касается времени похода и продолжительной шестимесячной осады города, выдвигаются весьма вероятные соображения, что осень и зиму 988 г. Владимир провел на юге и начал осаду весной 989 г., что обложение города происходило с суши, так как флот не мог быть значительным и едва ли мог предпринять что-либо решительное против окруженного высокими стенами и снабженного припасами города. Вообще же точность, полнота и ясность летописного рассказа об осаде «делает эту часть таким определенным историческим документом, к которому никак нельзя отнестись пренебрежительно и что бы то ни было из него исключить». Согласно русской традиции, сложившейся около корсунской легенды, вслед за взятием города в прямой последовательности происходили дальнейшие события: прибытие царевны Анны и крещение Владимира.

Становясь на точку зрения более древнего русского предания, выводимого из свидетельств митрополита Илариона, монаха Иакова и Нестора, мы должны допустить здесь смешение обряда обручения с крещением и принять, что в Корсуни могла креститься часть дружины и были приняты первоначальные меры к организации церковного устройства посредством привлечения в Киев греческого духовенства. Нет сомнения, что корсунское духовенство, во главе ли с митрополитом или без него, было приглашено Владимиром в Киев и приняло участие в крещении народа. Оно же главным образом влияло на образование так называемой корсунской легенды. Весь первоначальный церковный инвентарь, необходимый для богослужения, взят был именно из Корсуня:

> «Поем же с собой и Анастаса... и иных многих взят и пресвитеры корсунские и диаконы и святые иконы, и честные кресты, и священные сосуды церковные, и прочую священную утварь, и святые книги, и все сие взял на благословение себе» (Степенн. книга).

Одним из первых дел в Киеве, после крещения народа, была постройка церкви в честь Богородицы (Десятинной): «помысли создати церковь Пресвятыя Богородицы и послав приведе мастеры от грек. И наченшу же здати и яко сконча *зижа*, украси ю иконами и поручи ю Настасу корсунянину и попы корсунскыя пристави служити в ней, вдав ту все, еже бе взял в Корсуни: иконы и сосуды и кресты».

Принятием христианства Русь становилась в ряды европейских государств и вместе с тем обнаружила желание занять твердое положение на Дунае и Черном море. Расширение политического кругозора, как следствие предыдущих сношений с империей, должно было привести русских князей к сознанию, что в старой вере отцов нельзя иметь влияния ни между болгарами, ни между греками. Принимая христианство, Владимир искал вместе с тем средств устроить свое княжество наподобие греческого и Болгарского царств, о которых имелись на Руси определенные сведения. К Константинополю привлекали Владимира как торговые и политические выгоды, так и религиозный авторитет греческой Церкви. Но отнюдь нельзя думать, что греки не имели значительных выгод от этого союза, который в арабской традиции выставляется как настоящий договор. Участие русского вспомогательного отряда в военных делах Византии отмечается много времени спустя после описанных событий и переходит в XI столетие. Так, русские принимали участие в роковой войне Василия II с болгарами и содействовали империи в покорении Болгарского царства; вместе с греками они нанесли поражение норманнам в 1016 г.; принимали участие в азиатских походах против мусульман. Во всех указанных походах действует не случайная партия варягов-наемников, но отдельный русский корпус, который пополнялся в своем составе новыми пришельцами из Киева и который пользовался на службе империи особыми привилегиями. В дальнейшем изложении мы будем встречаться с указанными фактами, которые наложили печать на взаимные отношения между империей и Россией.

Глава XXIII

Греко-болгарская война. Подчинение Болгарии

Изложенными в предшествующих главах событиями закончилась скорбная летопись первого десятилетия царствования Василия. Освободившись от тревог и волнений за целость империи и личную безопасность, царь Василий все внимание сосредоточил теперь на войне с Самуилом. Хотя вообще держава Самуила, равно как и личный характер этого исключительного в славянской истории государя, представляются загадочными и не вполне выясненными в источниках, тем не менее исторический интерес, связанный с этой эпохой, поддерживается уже тем, что царь Самуил был в состоянии выдержать более чем 20-летнюю борьбу с империей, обладавшей всеми материальными средствами самого сильного и самого культурного в то время государства. Многое сделано в прекрасной работе французского ученого Шлумбергера, впервые давшего надлежащее историческое освещение эпохи Василия [1]. Он с любовью останавливал внимание на сухих и отрывочных заметках летописцев, пытался поставить их в связь между собой и раскрыть их смысл. Вследствие этого современники Василия часто оживают под пером французского автора и становятся нам близкими по своим страстям и настроениям и по мотивам действий.

Несмотря, однако, на такое благоприятное обстоятельство, все же болгарско-византийская война, будучи чрезвычайно важна по своим трагическим последствиям, давшим новый политический вид Балканскому полуострову, осталась скудно освещена в своем постепенном развитии и в отдельных подробностях. Между тем эта сторона вопроса приобретает капитальное значение в переживаемые дни, ввиду того что Самуил главные средства для борьбы заимствовал из западных частей Балканского полуострова и опирался на этнографические элементы, которым принадлежали земли на север от Фессалии и Эпира и на запад от Охриды и Преспы. Обыкновенно думают, что держава Самуила составилась из малосвязанных между собой народных групп и что в деятельности комитопулов нельзя искать политического смысла и культурного значения. И упомянутый французский историк неоднократным применением к Самуилу эпитета «le sauvage» * нисколько не рассеял превратного взгляда на ход политической борьбы между эллинизмом и славянством в занимающую нас эпоху.

Само собой разумеется, отсутствие летописных данных многое может извинить в односторонних заключениях по отношению к эпохе Самуила. Благодаря, однако, недавним археологическим исследованиям в центре державы, образованной Самуилом, является возможность бросить некоторый свет как на политический смысл движения, так и на культурное состояние этой эпохи. На эти данные и позволяем себе

* Дикарь (франц.). *(Ред.)*

прежде всего обратить внимание[2]. Центр державы Самуила определяется озером Преспой и его окрестностями. Здесь, в селении Герман, по всей вероятности, была фамильная усыпальница комитопулов. В 1898 г. была списана здесь славянская надпись на надгробной плите, которая была положена на могиле отца, матери и брата Самуила. Этот памятник представляет собой драгоценный и самый древний остаток славянского языка и письма, изображенного кириллицей, и имеет дату 993 г., т. е. относится как раз к периоду войн, которые предстоит нам описывать. Именно там, где находится ныне этнографический раздел между албанцами и славянами, Самуил полагал основать центр своих владений. По берегам малонаселенного в настоящее время Преспанского озера, в особенности же на его островах, находятся остатки монументальных построек, церквей и монастырей, а на окружающих озеро скалах можно еще разбирать следы славянских надписей. Здесь было создано Самуилом укрепленное положение, из которого он простирал властную руку на Адриатическое море и на Эгейское. Без всякого сомнения, когда наступят для этих мест благоприятные политические обстоятельства, здесь будут искать пополнения скудных сведений о деятельности Самуила, сохраненных летописцами. На озере Преспе представляют в этом отношении исторический интерес: остров Град, остров Ахилл и Малый Град.

На о-ве Граде особенное внимание обращают на себя кроме христианских надписей остатки церквей. Такова, между прочим, церковь св. Петра с остатками фресок, принадлежащих, впрочем, к позднейшему времени. Более значения имеет о-в Ахилл (Аил). С кургана, находящегося на юго-восточной стороне, открывается вид на оба озера, Большое и Малое, и на все окрестности, так что есть полное основание видеть здесь прежний наблюдательный пункт и искать на этом месте следов крепости.

Между древностями Аила самое важное значение имеют развалины так называемой Великой церкви, массивного сооружения в форме базилики в два яруса. Это самый капитальный памятник времени Самуила, свидетельствующий о политическом и культурном значении предпринятого им дела. Остановимся на некоторых подробностях. Местами на этом почтенном памятнике уцелела штукатурка и следы фресковой росписи, иногда можно подметить и остатки надписей. В особенности алтарная ниша сохранила значительный интерес. Нижний пояс апсиды, в середине которого виднеется тройное окно, а над ним ряд изображений во весь рост, отмечается особенно тщательной отделкой, состоящей из разнообразного архитектурного орнамента — арки и колонны. Здесь у апсиды и позади престола устроены были кафедры, по-видимому, для всех епископий вновь организовавшегося царства. В центре три кафедры отличаются от других более значительными размерами, по бокам с той и другой стороны идут полукругом меньшие кафедры. Рамки, образованные колоннами, выведены розовой краской, в них читаются надписи черной краской. Благодаря сохранившимся здесь надписям, часть которых могла быть восстановлена без большого труда, представляется возможным прочитать наименование почти всех епископских кафедр, входивших в состав Самуилова царства. Кроме трех центральных имеются более или менее явные остатки девяти кафедр с одной стороны и пяти — с другой. Допуская необходимость симметрии в расположении

епископских мест, должно принять, что вначале было по девяти с той и другой стороны от трех центральных и что недостающие ныне разрушены вместе с частию апсиды. Таким образом, можно бы доводить до 21 число епископских кафедр времени Самуила. Мы могли без больших натяжек установить следующие наименования тогдашних тронов (θρόνος): 1) Скопийский, 2) Сардикский (София), 3) Видинский, 4) Кефалонийский (Главиница), 5) Веррийский, 6) Селасфорский (Деволь), 7) Ираклийский (Пелагония), 8) Призренский, 9) Пелла (?). В высшей степени любопытно отметить, что здесь помечены две епископии, принадлежащие к нынешней албанской территории, и две епископии, отнятые от Самуиловой державы в самом начале XI в. (Видин и Веррия). Этим до известной степени определяется хронология построения Великой церкви, т. е. последнее десятилетие X в. Как название острова по имени св. Ахилла, так и следы почитания этого святителя в построенной Самуилом церкви служат иллюстрацией к известному факту, связанному с походом Самуила в Грецию, причем из Лариссы он перенес в Болгарию мощи св. Ахилла (986). По всей вероятности, в Великой церкви положены были и мощи покровителя города Лариссы, и вместе с тем как бы переносилась от греков к славянам благодатная и чудодейственная сила этого святителя. На том же острове сохранились следы других церквей: Двенадцати апостолов, великомученика Димитрия, Богородицы и др.

Что касается Малого Града, это весьма небольшой островок, спускающийся к воде отвесными скалами и в настоящее время совершенно пустынный. Здесь сохранилась весьма любопытная церковь, устроенная в пещере и имеющая довольно богатую стенную роспись[3].

Приведенные археологические данные могут служить показателем, что предпринятое Самуилом движение не может быть рассматриваемо с той точки зрения, какая дается византийской летописью и которая частию усвоена и новейшим французским историком, рассматривающим этот период греко-славянской борьбы с нескрываемым пренебрежением к болгарскому вождю. Попытаемся изложить в последовательном порядке те, к сожалению, весьма сухие и отрывочные факты об этой войне, какие сохранены летописью. Возобновление войны с болгарами зависело от окончательного подавления внутреннего движения, во главе коего стояли самозванцы Фока и Склир. После поражения, нанесенного Фоке при Абидосе и сопровождавшегося смертью бунтовщика (апрель 989 г.), царь Василий мог считать вполне устраненною опасность на Востоке, так как и товарищ Фоки, Склир, содержавшийся в заключении, оставил честолюбивые притязания и искал примирения с царем. Вслед за тем началась болгарская война. Исходным моментом нужно считать движение царя Василия в Димотику на реке Марице, где было у него свидание с Вардой Склиром, *умершим несколько дней спустя*. Так как Склир умер 2 апреля 991 г., то этим и можно определить начало похода, который был веден весьма осторожно и систематически и в котором царь Василий вполне обнаружил как военный талант, так и железный характер, выкованный теми жестокими испытаниями, какие им были пережиты. Историк Пселл хорошо подметил это в следующих словах:

> «С этого страшного времени Василий стал другим человеком. Он познал обратную сторону царской власти и все трудности, сопряженные с управлением такой империей,

потерял свойственное ему добродушие, перестал заботиться об украшении тела, не носил ни цепи на плечах, ни тиары на голове и не одевался в порфировые одежды, отказался от излишних перстней на руках и от одеяний, окрашенных в разные краски, стал сосредоточенным и вдумчивым»[4]. И в другом месте рисует его характер: «непроницаемый по внешности, мрачный взглядом, подозрительный, скрывающий от других свои мысли и намерения, всегда сосредоточенный, подверженный приступам гнева и немилосердный к тем, кто совершил проступок».

В каком положении находились в то время взаимные отношения, трудно выяснить. Во всяком случае, Самуил вел наступление против Византии, что легко усматривается из опасного положения, в какое тогда была поставлена болгарами Солунь. На основании лишь восточной хроники устанавливается тот факт, что царь оставался на этот раз в Болгарии 4 года.

«И выступил он зимой в области земли болгарской, и воевал, и полонил, и взял несколько их крепостей, и удержал некоторые из них за собой, а некоторые разрушил».

В числе разрушенных крепостей названа «Бария», в которой нельзя не усматривать Веррии. Для того чтобы составить себе хотя приблизительное понятие о результатах этого четырехлетнего периода военных действий, мы должны взвесить два обстоятельства, отмеченные в источниках: во-первых, рассказ о благочестивом паломничестве Василия в Солунь для поклонения мощам великомученика Димитрия[5].

«Когда болгаре поднялись против ромэев, они опустошили всю Фессалию и причинили большое огорчение царю. Нельзя было провезти в столицу собранные с крестьян налоги, ни один грек не мог спокойно путешествовать, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен».

При таких обстоятельствах царь искал в Солуни небесной помощи, где вступил в сношения с св. Фотием, который, как сообщает его житие, сопутствовал царю во всех его походах в Болгарию. В это время, конечно, были возобновлены укрепления вокруг города, который был снабжен запасами на случай обложения его, будучи поставлен под команду магистра Григория Таронита, весьма известного в истории того времени армянского выходца царского происхождения. Вторым обстоятельством нужно считать походы в Болгарию. Кроме отмеченного уже выше пребывания царя в Димотике в 991 г., за четырехлетний период войны мы не имеем в сущности ни одного точно установленного хронологически и географически факта. Можно, впрочем, считать достоверным, что в это четырехлетие главные столкновения имели место в Восточной Болгарии и война столько же велась с Самуилом, сколько с представителями царской династии, потомками Симеона. Сюда именно относится известие Яхъи.

«И встретил царь Василий болгар, и обратил их в бегство, и взял в плен их царя, и возвратил его в темницу, из которой он бежал. И спасся комитопул, начальник его войск, и управлял государством болгарским. И оставался царь Василий враждовать с ними и воевать их страны в течение четырех лет».

Самым любопытным в этом известии оказывается то, что восстание комитопулов не представляется самостоятельным движением, а отождествляется с борьбой против империи детей Петра Симеоновича, в данном случае Романа. Следствием походов царя Василия нужно признать восстановление византийской власти в Восточной Болгарии и бегство комитопула в западные области. Но это был пока временный успех.

В 995—996 гг. царь Василий находился на Востоке, так что дальнейшие его оборонительные меры в Болгарии были приостановлены. Этим временем воспользовался Самуил и теперь уже начал самостоятельное движение против империи, объявив притязание на царскую власть, так как за смертию Романа сделался вакантным трон. Ближайший затем период отличается несколькими яркими событиями, в которых византийско-болгарская война достигла крайнего напряжения. Пользуясь отсутствием Василия, Самуил готовился нанести удар Солуни, где во главе войска стоял Григорий Таронит. Он послал для разведок своего сына Ашота, который попал в засаду, приготовленную ему Самуилом, и сделался болгарским пленником. Затем и сам Таронит пал в битве с болгарами. Назначенный во главе македонских войск магистр Никифор Уран исправил положение дел: «он разбил Самуила, убил из болгар великое множество и привез в Константинополь тысячу голов и 12 тысяч пленников». Но дошедшие до Болгарии слухи о смерти царевича Романа, содержавшегося в Константинополе, вновь дали войне неожиданное напряжение и раздвинули поле военных действий. Самуил объявил себя царем болгар и старался утвердить свое положение в Фессалии, Эпире и Греции, куда и был им предпринят смелый поход. Здесь в 997 г. настиг Самуила доместик Никифор Уран на берегах Сперхея в Южной Фессалии и нанес ему страшное поражение, после которого Самуилу не оставалось другого выхода, как поспешное бегство. Нельзя сомневаться в том, что дело при Сперхее очень изменило положение болгар на юго-западной границе, хотя на стороне их оставались многие города на Адриатике и вся область на север от Эпира.

Новый поход в Сирию отвлек внимание Василия от Балканских стран. Хотя здесь не прекращалось военное положение и хотя полководцы патрикий Феодорикан и протоспафарий Ксифий постепенно стесняли границы владений Самуила, тем не менее до 1001 г., когда царь Василий вновь вступил в Болгарию, нет известий о решительных действиях с той и другой стороны. На этот раз опять Василий оставался в Болгарии четыре года и одержал несколько побед над царем Самуилом. «И бежал пред ним комитопул, их царь,— говорит свою стереотипную фразу Яхъя,— и овладел он многими из их крепостей и разрушил некоторые из них, а другие удержал за собой». Несколько конкретных фактов дает греческая летопись. Начав движение с юга, Василий отнял у болгар Веррию, которая, очевидно, постоянно переходила из рук в руки, и затем двинулся в Фессалию, где предпринял ряд мер, чтобы ослабить славянский элемент. В 1002 и следующих годах видим имперские войска снова в Восточной Болгарии. После восьмимесячной осады взят Видин (Бдын), затем центр прежнего царства с городами Плискова, Преслава и, наконец, Скопье. В хронологической связи с изложенными фактами нужно упомянуть об одном эпизоде, случившемся на крайнем западе Самуиловой державы[6]. Ашот, сын Григория Таронита, был принят

Самуилом в свою семью и женился на одной из дочерей его. Молодые были отправлены в Драч, нынешний Дураццо, где Ашоту была предоставлена административная власть. Византийское правительство, однако, не теряло надежды на сохранение своей власти в этой приморской части Адриатики и держало здесь часть своего флота. Ашот сговорился с начальником царских триир и с одним из местных племенных старшин, по имени Хрисилий, перешел со своей женой на сторону царя и сдал город Драч под власть империи. Царь Василий вполне оценил услугу Ашота, почтив его саном магистра, а супругу его пожаловав придворным званием зосты. После сдачи города Драча патрикию Евстафию Дафномилу упомянутый выше Хрисилий и его сыновья возведены в сан патрикия. Таким образом, Василию удалось лишить Самуила важного морского города на Адриатическом море и постепенно отрезать его от этого укрепленного пункта, завладев которым он мог угрожать своему сопернику не только из Солуни и Эноса, но также с крайнего запада. Но не везде одерживала перевес императорская политика. Оказывается, в разных частях Балканского полуострова составились партии, тянувшие то на сторону империи, то на сторону Болгарии. Так, в Солуни магистр Павел Вов и протоспафарий Малакин были обвинены в приверженности к болгарской партии и за это подверглись наказанию ссылкой в другие места для жительства. Такая же борьба партий происходила в Адрианополе, вследствие чего аристократическая семья Ватаци, боясь преследований, бежала к Самуилу, вместе с ней перешел на сторону болгар Василий Глава. Эти факты достаточно выясняют реальное положение эллинской и славянской народностей в конце X в., в то же время показывая, что уже в то отдаленное время в лице Василия и Самуила на Балканах обнаружилась непримиримая вражда между славянами и греками, исход которой в занимающее нас время неизбежно склонялся в пользу культурной и сильной военными средствами империи. Можно понять, как были бы важны несколько более подробные известия о ходе этой истребительной войны, в которой соперники не давали друг другу пощады. Вот и еще сухое известие, находимое у Кедрина [7], о сдаче императору города Веррии. Это была сильная крепость, которая, пока находилась в руках Самуила, обеспечивала грозное положение болгар в южной Македонии и Фессалии и была постоянной опасностью для Солуни. Но вот начальник болгарского гарнизона в этом городе, Добромир, соблазненный обещаниями и наградами, изменнически сдал грекам город и перешел на службу Василия, который дал ему сан патрикия-анфипата. Император Василий систематически преследовал свои цели подкупом болгарского боярства и наделением византийскими чинами военных и административных чинов Самуила. Не менее того применяема была система переселения славян из важных в военном отношении местностей,—система, которую доселе практикуют турки на Балканском полуострове. Так в 1003 г. взяты были Сервии, где начальствовал Николица, который перешел на службу империи, и хотя получил патрикианское достоинство, но снова бежал к Самуилу; так при завоевании Водены, отличающейся своей неприступностью и несравненным положением над обширной равниной, на которой находится Солунь, также не обошлось без измены. Начальник болгарского гарнизона Драксан перешел на сторону Василия, основался на житье в Солуни, где женился на

гречанке, но потом снова бежал к своим. Нужно думать, что и при Самуиле славянские вожди, начальники крепостей и гражданские чины не доросли до сознания национальной идеи и легко жертвовали общими интересами в пользу личных выгод. Как ранее, в VI—VII вв., так и теперь эллинизм и византийская государственность брали перевес над не сложившимся среди славян Балканского полуострова государственным и национальным самосознанием.

Несмотря на то что теперь успех был явно на стороне Византии, что Восточная Болгария, Фракия и Македония были очищены от болгарских гарнизонов и вся сила Самуила сосредоточивалась в горных областях на запад и север от Охриды и Преспы, царь Василий, как говорит византийский летописец, каждый год делал новые вторжения в Болгарию, производя всюду опустошения и пожары. Последним военным делом его было вторжение в горную область при верховьях Вардара, где находится город Скопье, или Ускюб, запирающий горный проход из Македонии в нынешнюю Албанию и старую Сербию. Здесь должна была произойти решительная битва между обоими войсками, разделенными рекой Вардаром, которая вновь окончилась поражением Самуила и сдачей города грекам. Можно догадываться, что и на этот раз против Самуила была искусно подготовлена измена. Оказывается, что в Скопье командовал представитель Болгарского царства Роман, сын Петра, что он после сдачи города принял предложение поступить на службу империи и был некоторое время византийским стратигом в Абидосе. Это происходило в 1004—1005 гг.

Нужно признать, что после стольких побед над болгарскими отрядами явный перевес на стороне царя Василия был бесспорным. В собственной Болгарии и Македонии славянам не оставалось средств поддерживать сопротивление. Самуил лишился главных сил для ведения войны, которые он мог черпать в собственной Болгарии. Последний период военных действий характеризуется со стороны Самуила исключительно обороной. Все показывает, что сила его была надломлена уже после 1005 г. С тех пор он старался затруднять движение византийских войск в западные области его обширных прежде владений, занимая клисуры и делая засады в горных проходах, ведущих в Эпир и приморские области. Во весь дальнейший период до роковой битвы при Кимвалунге, о которой будет речь ниже, сохранилось лишь известие в житьи Никона Метаноите[8] о нанесенном Самуилу поражении при Креше, в котором можно угадывать Кратово в Македонии. Дальнейшая роль Самуила заключалась в обороне заграждениями проходов, ведущих в приморскую Болгарию, «так как он со всех сторон испытывал поражения и терял свои боевые силы». В 1014 г. произошло роковое и самое жестокое дело в истории средневековых войн в ущелье Кимвалунге в горах Родопа, может быть, нынешнее Демир-Хиссар.

> «Завладев проходом и поставив в нем заграждения и военные отряды, Самуил ожидал наступления царских войск. Когда же они подступили и начали освобождать проход, Самуил оказал мужественный отпор и сверху наносил сильный удар нападавшим, так что Василий начал приходить в отчаяние и думал отказаться от предприятия. Тогда стратиг Никифор Ксифия предложил царю сделать попытку обойти этот про-

ход и ударить на неприятеля в тыл. Было условлено, что царь будет продолжать для вида демонстрации против защищающих проход, а Ксифия с небольшим отрядом охотников прошел через гору по едва проходимым тропинкам и неожиданно спустился в долину, где стояло болгарское войско. В смятении и страхе перед неожиданным появлением врага болгаре предались бегству, в то время как царь Василий вступил в проход и встретил расстроенного неприятеля, пытавшегося спастись в горы. Здесь было захвачено в плен 15 тысяч болгар».

В военном смысле это, конечно, было весьма решительное дело, которое ясно показало превосходство византийской тактики и слабость дисциплины у болгар. Сам Самуил, оставив победителю лагерь, едва спасся бегством в Прилеп. Это поражение вошло в историю военного дела в империи, о нем упоминается в стратегике Кекавмена X в. как образце тактики [9]. К чести, впрочем, и в уважение к человеческому достоинству, никто не нашел достойным подражания то, что приказал царь Василий сделать с пленными болгарами. Он ослепил всех пленных и, разделив их на отряды по сотне человек, поставил в вожаки каждой сотни такого, которому был выколот только один глаз. Затем военнопленные слепцы были препровождены к Самуилу. Рассказанное дело происходило 29 июля 1014 г.; вскоре после него умер царь Самуил (в октябре того же года), не будучи в состоянии перенести испытанного поражения и жалкого вида, в каком пришли к нему его верные воины.

Поражение при Кимвалунге, или, как иначе названа эта местность, в засеке Загорской, при горе Беласице, а равно последовавшая затем смерть Самуила окончательно лишили Болгарию возможности дальнейшего сопротивления. И едва ли причина того лежала только в материальном истощении страны, которая, как показывает история турецкого господства, может в течение длинных периодов быть в состоянии брожения против центральной власти и доставлять мелким военным отрядам защиту в недоступных горных проходах и лесах. Нет, конечно, Болгария должна была смириться перед византийской системой, перед подкупом и изменой, перед неожиданным переходом на сторону империи высших лиц среди гражданской и военной администрации, даже среди духовенства, которое в некоторой части состояло из греков. Заступивший место Самуила сын его Гавриил не имел времени утвердиться на престоле и предпринять какие-либо меры против Василия, как был изменнически убит претендентом на престол Иоанном-Владиславом, также опиравшимся на происхождение от комитопула Шишмана.

Последний период этой отчаянной и истребительной войны сосредоточивался главным образом в Северной Македонии и на границах Албании. Как можно видеть из кратких заметок византийской летописи, за поражение при Кимвалунге болгаре скоро отомстили нападением на греков при другом горном проходе, называемом Клидий (Ключ). Об этом деле читаем в хронике [10] следующее место, посвященное царствованию Никифора Вотаниата (1078—1081).

«Род Вотаниатов блистал, как искра, и отличался в военном деле при кир Василии Порфирородном, который, сороковой год ведя войну с болгарами, выступал против них бесчислен-

ными походами и давал многократные сражения и имел в Никифоре Вотаниате, деде царя того же имени, лучшего союзника и помощника, советника и в то же время стратига и искусного главнокомандующего. В конце же войны, когда уже народ болгарский был совершенно порабощен и покорен его десницей и когда он достиг высокого чина веста и был в сане дуки, он умирает славной смертью на поле брани, к какой стремятся истинные воины. Ибо, обратив болгар в бегство и преследуя их в теснинах, называемых Клидий, он беспощадно убивал и поражал их, пока, достигнув вершины, на которой был другой отряд болгар, он не сброшен был с коня, который поскользнулся на скале и скатился в пропасть вместе с всадником».

Как замечено выше, император не прекращал военных действий, хотя осенью 1014 г. до него дошла весть о смерти Самуила и хотя его преемник, по-видимому, искал всяческими уступками побудить противника к прекращению военных действий. Дальнейший шаг предпринят был против самого центра независимой Болгарии, где была столица царя Самуила. Но прежде чем грекам удалось проникнуть до Охриды и Преспы, предстояло сломить сопротивление болгар в Битоли, ныне Монастырь, и в Прилепе. Здесь, по-видимому, не было встречено серьезного сопротивления, так что к началу 1015 г. царь прибыл в Солунь, которая была главной базой для дальнейших предприятий против болгар. Весной того же года обнаружился весьма неожиданный факт — отпадение Водены и избиение в ней византийского гарнизона. Хотя этот случай не мог иметь серьезного значения в смысле перемены военного счастия, но Василий жестоко наказал провинившийся город, выселив из него славянское население и построив две крепости для обеспечения на будущее время верности и безопасности.

Так как ближайшая горная область Моглена представляла безопасное убежище для болгар, то в 1016 г. предпринят был сюда новый поход под предводительством патрикия Ксифия и Константина Диогена; последнему суждено было играть важную роль в окончательном замирении страны. Чтобы на будущее время ослабить здесь сопротивление, приказано было перевести славянское население в Азию и открыть здесь свободу для поселения армян и грузин. В византийский лагерь в Моглене явились послы от Иоанна-Владислава, убийцы царя Гавриила-Романа, уведомившие царя Василия о свершившемся в Болгарии перевороте, который обозначал начало анархии. Новый властитель Болгарии склонялся на все требования императора и обещал полное подчинение Болгарии. При этом на сторону империи перешел один знаменитый болгарин, по имени Кавкан.

Вероятно, к тому же году относится эпизод, записанный в истории Кедрина [11].

«Настала весна, и царь вторгнулся в Болгарию. Давид Арианит и Константин Диоген в долине Пелагония набрали много пленных и захватили большие стада скота».

При этом по поводу сдачи крепости Лонга сообщена следующая не лишенная для нас значения подробность: «военная добыча разделена на три части, одна часть выдана русским, как союзникам, другая грекам,

а гретья царю». Затем, после небольшого отступления, вызванного событиями в Доростоле, которому угрожали печенеги, привлеченные болгарами на помощь, писатель снова возвращается к прерванному.

> «Возвратившись, царь приступил к осаде другой крепости, по имени Сетена, где был дворец Самуила и большие хлебные запасы. Предав запасы на разграбление, остальное царь предал сожжению. Против царя болгарского, который находился неподалеку, послал полк западных схол и солунское ополчение под предводительством Константина Диогена. Но Иоанн устроил им засаду. Царь, боясь, чтобы с его отрядом не случилось несчастия, сел на коня и, успев только сказать: «Кто настоящий воин, тот за мной последует», поспешил к отряду. Болгарские воины, со страхом подбежав к лагерю Иоанна, поселили во всех страх и смятение своим криком [12]: *«бежите, цесарь!»* * Тогда греки перебили многих, захватили лагерь и 200 тяжеловооруженных, палатку Иоанна и его племянника». Это было в конце 1016 г.

Василий преследовал определенный план относительно Болгарии, который благоприятные обстоятельства обещали ему привести к скорому осуществлению. Он имел намерение нанести последний удар болгарам в самом центре державы Самуила, на берегах Охридского озера и на Преспе, где была столица Самуила. От долины Пелагонии, где расположен город Битоли, независимая Болгария отделялась огромным перевалом Черна с проходом Дербент, ведущим к Преспе. Предстояло овладеть этим перевалом, чтобы быть в состоянии угрожать столице болгарских царей.

Можно думать, что предпринятое Василием в 1016 г. движение в эту горную область, куда едва ли проникали прежде византийские войска, увенчалось успехом и закончилось подчинением болгарской столицы. Прежде чем переходить к последнему акту этой борьбы, мы должны выяснить в нескольких словах значение событий, происходивших на западной границе на берегу Адриатики.

Весьма вероятно, что постепенное приближение Василия к центральной области болгарской державы побудило преемников Самуила искать точки опоры в западных частях их владений, примыкающих к морю. Выше мы видели, что Драч сдался грекам посредством измены, но оказывается, что вся соседняя область, заселенная славянами, продолжала быть под властию Самуила и находилась под управлением зятя его Владимира. Последний царь Болгарии, Иоанн-Владислав, решился взамен утраченных владений в собственной Болгарии освободить из-под зависимости империи город Драч и вместе с тем лишить власти над ближайшей областью упомянутого выше Владимира, которого он увлек в засаду и умертвил. С тех пор в этой приморской области начался период сильного движения против эллинизма, и самому Драчу стала угрожать опасность. Уже царь Василий готов был предпринять движение в приморскую Болгарию на выручку Драча, когда на восточной границе, в Пелагонии, составился отряд под начальством боярина Иваца, который начал партизанскую войну с царскими воеводами. Было бы в выс-

* Βεζείτε ὁ τζαῖσαρ.

шей степени интересно раскрыть этнографический состав населения всей площади, объятой борьбой эллинизма со славянством в этот столь знаменательный период для истории Балканского полуострова. Ясное дело, что после 1016 г. главные элементы борьбы должны были сосредоточиться или в приморских областях независимой Болгарии, или в горных странах — на запад от Охриды, где ныне господствует албанское население. Отдельные отряды, участвовавшие в партизанской войне против греков, несомненно, набирались из горных албанцев, хотя скудость сохранившихся источников весьма затрудняет подыскать данные к выяснению этого вопроса. Последняя, уже безнадежная борьба сосредоточивается именно на западе. Прежде всего мы видим здесь Иоанна-Владислава под стенами Драча, который еще оставался под властию империи. Начальником гарнизона в городе был стратиг Никита Пигонит, которому принадлежала власть, вероятно, над целой фемой. Здесь болгарского царя постигла неожиданная смерть от неизвестного убийцы.

Это было сигналом к общему разложению державы Самуила; начался переход под власть империи отдельных племенных старшин и представителей местных групп населения. Здесь встречаем самостоятельных владетелей: Кракра в Пернике и с ним 35 начальников отдельных укреплений, владетелей городов Моровизда и Липения, Драгомужа в Струмице, Несторицу, Зарицу и Добромира со своими дружинами, Ильицу и Никулицу; все эти бояре, вожди и старшины были приняты царем с большой радостью, удостоены разных почетных званий и приняты на службу империи с сохранением своих владений.

Самые последние факты, относящиеся к окончательному замирению Болгарии, последовали также на западе, куда считал необходимым лично отправиться царь Василий в этот роковой для Болгарии 1018 г. Находясь в Струмице, он принял прибывшего к нему архиепископа Болгарии Давида, который явился с письмом от царицы Марии, вдовы убитого Иоанна, отдававшейся на милость царя и отказывавшейся от всех своих прав и притязаний. Здесь же он имел удовольствие принять подчинение владетеля внутренних крепостей Богдана, в лице которого следует также видеть одного из полузависимых владетелей албанского происхождения. Таким образом, собственная Болгария до перевала за Битоли могла считаться уже вполне замиренной, и Василий поставил во главе ее патрикия Давида Арианита, назначив ему пребывание в Скопье и назвав его катепаном Болгарии [13]. Затем Василий II имел торжественный въезд в столицу царства, в Охриду, где ему была устроена встреча духовенством и народом. Здесь он нашел в царской сокровищнице громадные богатства, царские регалии и запасы золота, которыми оделил войско. Здесь же представилась ему царица Мария со всем царским семейством, состоявшим из 3 сыновей и 6 дочерей. В свите ее были, кроме того, две дочери Гавриила-Романа и пять его сыновей и побочный сын Самуила по имени Траян. Не было тогда налицо трех сыновей Марии, из коих один носил имя Прусиана (Фружин); эти три царевича пытались поднять движение в горах Тмора в Македонии, но скоро были окружены византийскими войсками и должны были сдаться. Царь Василий милостиво отнесся к царской семье павшей династии, все члены которой жили потом в Константинополе и пользовались придворными почестями и званиями.

От Охриды и Преспы царь направился на юг в Северную Фессалию и раскинул стан в Деволе. Здесь ему были представлены Прусиан вместе с двумя братьями. Василий благосклонно отнесся к несчастным царевичам, старшего из них пожаловал саном магистра, а двух других возвел в патрикии. Сюда же приведен был самый опасный начальник отряда свободных болгар боярин Ивац; он был вероломно обманут и ослеплен стратигом Охриды Евстафием Дафномилом. Дальнейшей стоянкой была Кастория. Здесь были приняты окончательные меры к умиротворению западной, собственно албанской, и приморской Болгарии. В главных городах: Драче, Янине (Дринополь) и Колонии — оставлены были гарнизоны и назначены гражданские и военные начальники. Найдя в этих местах много греческих поселенцев и пленников, он предоставил им на выбор, оставаться ли на занимаемых местах или возвратиться на родину. В Кастории царю представились две дочери Самуила. Здесь произошла тяжелая сцена. Как скоро упомянутые царевны увидели царицу Марию, вдову убийцы их брата, они с гневом набросились на нее, и царю Василию стоило немалого труда успокоить их. Он обещал доставить им при дворе почетное положение и снабдить богатыми средствами, затем приказал отправиться в Константинополь всему семейству павшей династии. Из Кастории царь пошел еще далее на юг и сделал роздых в Стаге, у подошвы Пинда. Здесь византийская хроника сообщает весьма ценное известие о новом добровольном подчинении царю. На этот раз речь идет, несомненно, об албанском кланном начальнике, владельце области Берата, или Белграда, по имени Елемаг. Он явился не один, но с несколькими другими старшинами, которые все сдались на волю царя [14]. К сожалению, во всех известиях об эллино-славянской войне только приведенное место дает несомненные указания на албанский элемент, для которого закончившаяся война открывала блестящие перспективы на Балканском полуострове, если бы он дорос до сознания своих национальных задач. После подчинения Елемага царь Василий не имел больше опасений насчет Албании и приморской области и спешил в конце 1018 г. в Афины, с тем чтобы на Акрополе, на почве классического эллинизма, принести хвалу афинской Панагии за так успешно оконченную войну, сопровождавшуюся громадным ударом для славянства, дававшим себя чувствовать в течение всего средневековья.

Как ни скудны подробностями рассказанные события греко-болгарской войны, как ни бедна характерами, за исключением главных двух героев, и резкими, надолго остающимися в памяти, фактами изложенная в настоящей главе драма, за исключением беспримерного ослепления 15 тысяч военнопленных болгар, тем не менее мы питаем надежду, что глубокий смысл ее и важное историческое значение будет отмечено читателем. Прежде чем нетерпимый и притязательный эллинизм не был сам принижен и вконец ослаблен мусульманским завоеванием, на Балканском полуострове делили господство греки и славяне. Рассматривая взаимные отношения империи и славянства в IX и X вв., мы не можем признать, что ход событий был благоприятен для вновь складывавшихся политических организаций в среде славянства. Византинизм носил в себе слишком много неподвижности и консерватизма и не казался способным приспособляться к новым историческим условиям. Византинизм при

царях Македонской династии принял такое направление, которое казалось несовместимым с развитием политической и церковной жизни в славянских государствах на Балканском полуострове. Войны царя Василия с болгарами составляют один из кульминационных фактов греко-славянских отношений. В них выразилась вся противоположность народных характеров и исторических призваний греков и славян. У тех и у других есть естественное стремление владеть береговыми областями на Эгейском и Адриатическом морях; у славян давно уже пробудилась идея к завладению побережьями Мраморного моря и Босфора; в течение своей тысячелетней истории они неоднократно близки были к осуществлению этой идеи. С указанной точки зрения следует взглянуть на результаты победы Василия II. Несомненно, в 1018 г. победа была одержана как эллинизмом, так и византинизмом. С начала XI в. казалось сломленным вековое сопротивление, выставляемое славянами. Нужно признать, что Болгария занимала в то время первостепенное значение между всеми юго-западными славянами, ибо сербохорватская ветвь едва начинала обращать на себя внимание и весьма медленно складывалась в политические союзы. Начавшийся в конце X в. поединок имел роковой исход для Болгарии потому, что в ней не создалось еще к тому времени ни политического, ни религиозного центра и что разные части преследовали сепаративные цели. Исход борьбы столько же обусловлен был военными поражениями, сколько постоянными переходами на сторону империи высшего болгарского административного класса и поместного сословия. Искусной дипломатией царю Василию удалось поселить раздоры в самой семье комитопулов, преемников Самуила, и привлечь на свою сторону многих вождей и правителей областей обещанием сохранить их привилегии и пожаловать им имперские звания и почести. В среде представителей высшего клира царю также удалось найти приверженцев подчинения империи, так как он гарантировал для Болгарской Церкви самостоятельность и независимое управление. Инородческий состав населения полуострова, в котором отмечаются влахи и албанцы, стоявшие в политическом развитии гораздо ниже славян, был скорей на стороне византийской власти, чем туземной славянской. Но в этом смысле мы должны сделать оговорку, что в самых центральных местах нынешней Албании в начале XI в. оказалось весьма мало элементов, в которых бы можно было бесспорно признавать албанскую народность.

Эллинизм воспользовался всеми ресурсами, какие предоставила в его распоряжение вековая империя с ее передовой для того времени культурой и громадными военными средствами. Нанеся смертельный удар славянству, поощряя колонизацию свободных земель разными азиатскими народами, царь Василий вместе с тем бессознательно способствовал росту и усилению на полуострове инородческого элемента. Вследствие рокового исхода войны, разредившего славянское население и лишившего его господствующего положения, Балканский полуостров на долгое время утратил внутреннюю силу сопротивления и сделался легким орудием в руках соседей, одинаково враждебных для Византии и для славян. Ввиду грозных испытаний, какие средневековье готовило Византии, и в частности Балканскому полуострову, отсутствие здесь большой политической силы и твердой национальной организации, какую Болгария могла постепенно выработать и с успехом выставить

против крестоносцев, с одной стороны, и против турок — с другой, давало себя чувствовать и сопровождалось неисчислимыми последствиями, одинаково вредными и для греков, и для славян.

В заключение следует сказать об устройстве, данном побежденной Болгарии. Самое капитальное известие в этом отношении заимствуется не из греческих и не из славянских источников: всего лучше был осведомлен историк, писавший в Антиохии [15].

> «И написали вожди болгар царю Василию, унижаясь перед ним и выражая свое желание, чтобы он принял находившиеся в их руках крепости и области, и прося его разрешения прибыть к нему и действовать согласно его приказаниям. И пошел тогда царь в Болгарию... и вышли ему навстречу все тамошние вожди, и были также выведены жена... царя болгар и дети его. И принял он их крепости и оказал им милости и дал каждому из них должности согласно тому, чего требовали его заслуги. И оставил себе сильные крепости и назначил над ними правителей из греков и срыл остальные. И устроил дела Болгарии и назначил туда василиков, т. е. управляющих всеми делами и имуществами. *И стало государство болгарское присоединенным к государству греков, и сделал он его катепанатом.* И было это в сорок четвертом году его царствования. И вступили в брак дочери болгар с сыновьями греков и дочери греков с сыновьями болгар, и смешал одних с другими и тем уничтожил старую вражду, которая была между ними».

В памятниках X—XI вв. катепанатом* называется и городской округ, данный в управление одному лицу, и целая область и даже страна [16], таким образом, едва ли можно настаивать на этом термине сравнительно с проноитом (προνοήτης), обыкновенно встречающимся на свинцовых печатях, принадлежавших наместникам Болгарии. Нужно принять в соображение то обстоятельство, что, подчинив Болгарию огнем и мечом, царь Василий в последние годы борьбы пришел к мысли привлечь на свою сторону болгарских вельмож, епископов и поместную аристократию посредством наделения их привилегиями и пожалованиями и принятием в состав византийского служилого сословия. Эта система практиковалась им в обширных размерах, даже по отношению к изменникам, и принесла хорошие плоды. Ясно, что по замирении страны царь не мог изменить своей политики и не прибегал к крутым переменам существовавшего в Болгарии строя. Это, впрочем, отмечено и у историка Кедрина в единственном у него месте, затронувшем интересующий нас вопрос [17].

> «Царь Василий, подчинив Болгарию, не имел намерения вводить новшеств или изменять данное ей устройство, но оставил весь прежний порядок и приказал действовать по установлениям Самуила».

Болгария получила автономию от византийских императоров, но об ней мы можем судить лишь по намекам. Память о ней удержалась в новел-

* В конце X в. во главе управления византийской Италии также стоит катепан вместо прежнего экзарха и стратига.

лах, обеспечивающих права Болгарской Церкви. Должна быть, однако, связь между привилегиями, предоставленными в пользу Церкви, и политическими правами, дарованными нации или некоторым в ней сословиям. Мы увидим, что в конце XI и начале XII в. Болгарский архиепископ ратует за привилегии, опирающиеся на основной закон; можно также заметить, что центральное правительство нарушает гарантированные новеллами не только церковные права, но и право частных лиц. Из ряда многочисленных наблюдений над подобными фактами мы были приведены к соображению, что конституция, дарованная Болгарской Церкви, имеет многие аналогии с политическими правами, данными гражданским учреждениям и сословиям; словом, что по новеллам в пользу Церкви можно составить некоторое понятие об утраченных законах гражданского устроения Болгарии. Всматриваясь в хрисовулы с этой точки зрения, мы замечаем в них некоторые знаменательные факты. С одной стороны, это дарственная грамота, подтверждающая нераздельность болгарской церковной области и ненарушимость ее прав после перехода Болгарии под византийскую власть; здесь император лишь дает авторитет и юридическую санкцию старым грамотам болгарских царей. В хрисовулах была отмечена только эта сторона, далеко не самая важная; этим документом пользовались для определения сначала церковных, потом политических границ Болгарии [18].

Глава XXIV

Походы в Сирию и Армению. Западная граница империи. Последние представители династии

Восточная политика царя Василия по ясности преследуемых задач и по обдуманности принятых им своевременно и систематически проведенных военных и дипломатических мер еще более возвышает государственный ум и характеризует военный талант этого последнего представителя даровитой Македонской династии, чем изложенные в предыдущей главе греко-болгарские войны. В наших глазах положение дел на восточной границе и потому привлекает к себе преимущественное внимание, что там и в конце X в., так же как в VIII и IX вв., продолжалась начатая еще между мусульманским калифатом и христианской империей партия, в которой той и другой стороной разыгрывалась весьма большая ставка. Следить за ходом этой гигантской борьбы, не прекратившейся поныне, составляет существенную часть содержания Византийской истории. Хотя восточные дела вообще менее известны и трудней для изучения, но в последнее время благодаря прекрасным работам барона Розена и французского академика Густава Шлумбергера пролит свет и на эту до сих пор мало разработанную страницу истории.

Смуты на восточной границе столько же поддерживались честолюбивыми военными генералами и крупными местными землевладельцами, сколько находили себе пищу в общем положении Сирии как страны, пограничной с калифатом и подверженной постоянному брожению. При царе Василии II Византии принадлежала лишь Северная Сирия с центром в Антиохии, находившейся под управлением дуки; Алеппо и Дамаск, хотя и переходили иногда под власть империи, все же были прочной опорой мусульманской власти, откуда арабы старались расширять сферу своего влияния. Вследствие этого Сирия продолжала оставаться театром борьбы греческого и арабского политического влияния, и весьма часто случалось, что недовольные византийским правительством находили себе покровительство в городах калифата, и наоборот. Такое положение легко должно было создать в Сирии особенно либеральный дух и выражаться в живом протесте против центральной власти, безразлично, была ли то христианская или магометанская. Таким образом, по замирении движения, поднятого Фокой и Склиром, в Сирии снова начался бунт, и на этот раз в мусульманской среде: дамасский эмир Бакджур начал возмущение против египетского калифа, от которого зависела Сирия. Но, потерпев поражение от евнуха Мунира ал-Саклаби (термином «саклаби» у арабов обозначается славянская народность), сделавшегося затем правителем Дамаска, Бакджур успел затем снова снискать расположение калифа, и в 991 г., когда умер эмир алеппский Каргуя, он испросил у калифа разрешение вступить в управле-

ние городом Алеппо. Тогда потомок владетельных князей Алеппо из рода Хамданидов, Саад ад-Дауле, уведомил царя Василия о происках Бакджура и убедил его принять участие в сирийских делах. Царь приказал своему антиохийскому губернатору, дуке Михаилу Вурце, поспешить на помощь к Алеппо и оказать содействие Сааду ад-Дауле против Бакджура. В битве 25 апреля 991 г., в которой на стороне арабов Хамданида был и византийский отряд, Бакджур был разбит и взят в плен. Новый порядок вещей, когда во главе сирийских городов снова стал Хамданид, состоявший к Византии в вассальных отношениях, сопровождался ослаблением политического влияния в Сирии Египетского калифата и вызвал попытку со стороны ал-Азиза занять в Сирии более твердое положение. Несколько времени перевес склонялся на сторону мусульман, так как Банджутекин, предводитель египетских мусульман, нанес у Апамеи сильное поражение правителю Алеппо Лулу и его союзникам-грекам (994).

Начались осада Алеппо и опустошительные набеги до стен Антиохии. Михаил Вурца не мог подать помощи осажденному городу, начавшему ощущать лишения по случаю недостатка в припасах. Именем малолетнего эмира Абул-Фадаила правитель Алеппо Лулу умолял царя Василия подать немедленно помощь. Но в Константинополе и без того хорошо понимали, что если Алеппо попадет в руки египетских мусульман, то и положение Антиохии, оплота византийского господства в Сирии, окажется непрочным, так что для арабов снова откроется дорога в малоазийские фемы, как это было до победоносных походов на Восток Никифора Фоки. «Поспеши, царь,— писали из Алеппо,— поспеши: мы не просим тебя воевать с Банджутекином, мы желаем только, чтобы ты напугал его одним своим движением на помощь нам. Один слух о твоем приближении заставит его снять осаду. Подумай и о том, что, если падет наш город, та же участь скоро постигнет Антиохию. Раз этот город очутится во власти врагов, опасность будет угрожать и Константинополю». Но как раз в это время царь Василий был занят войной в Болгарии и уже несколько лет до такой степени был поглощен военными предприятиями в этой стране, что не возвращался в столицу. Тем не менее слухи и известия об азиатских делах заставили его, несмотря на важность подготовляемых в Болгарии событий, немедленно обратиться к Востоку. Предпринятый царем поход в Сирию в зиму 994/95 г. составляет одно из блестящих его дел и служит характеристикой его непреклонной воли и изумительной настойчивости. Наскоро составленный корпус в 40 тысяч человек был посажен на мулов и с невероятной быстротой должен был совершить поход. Правда, под Антиохию прибыло только 17 тысяч, но эффект получился блестящий: египетское войско сняло осаду с Алеппо. Банджутекин спешил спастись под защиту укрепленных городов. На этот раз Василий не оставался в Сирии более того, сколько было нужно для утверждения своей власти в подчиненных уже городах. Между прочим, недовольный дукой Антиохии Вурцой, царь поставил на его место, также с титулом дуки, Михаила Далассина, которому предстояла задача поддерживать в Сирии власть императора. Скоро затем антиохийскому дуке пришлось считаться с непредвиденными затруднениями, выставленными как со стороны местных мусульманских князей, так и владетелей Египта. Египетский флот угрожал

Тортозе, к которой с суши подступил из Дамаска Банджутекин. Правда, флот рассеяла буря, и осада Тортозы не сопровождалась существенными результатами; тем не менее это обстоятельство побудило Далассина начать с своей стороны военные действия против приморских мусульманских крепостей. Дальнейший ход событий был нарушен неожиданной смертью калифа ал-Азиза, когда он в 996 г. предпринял поход в Сирию. Во главе Фатимидского калифата стал сын его, имевший всего 11 лет и принявший имя ал-Хакима. Впоследствии он стал известен неслыханными жестокостями то против христиан, то против мусульман, а равно странными и противоречивыми распоряжениями, следствием чего была ненависть к нему со стороны лиц всех вероисповеданий и всех его подданных. При новом калифе усилилась местная партия туземных берберов, или магрибинцев, поддерживаемая всесильным министром его Емином ад-Дауле, вследствие чего прежняя господствовавшая в калифате партия турок-мамелюков должна была утратить свое значение. Большинство сирийских эмиров, сидевших в завоеванных мусульманами городах, принадлежало к турецкой национальности и потому должно было испытать на себе перемену политических настроений в Каире. В Дамаске, Тире, Триполи и других городах началась борьба партий, вследствие чего антиохийский дука имел полную возможность, поддерживая одну партию, усилить влияние императорского авторитета. Царь Василий, к которому обращались с письмами мусульманские эмиры, прося его содействия и обещая принять его зависимость, признал положение дел благоприятным для нанесения решительного удара мусульманскому преобладанию в Сирии и дал приказ Дамиану Далассину поддерживать движение против калифа. Повод к решительным действиям представился в 998 г., когда сильным пожаром Апамея была приведена в такое состояние, что ее легко мог взять даже небольшой военный отряд. Этот эпизод изложен в истории Яхъи следующим образом [1].

> «Когда Дамиан Далассин узнал, что в Апамее нет ни запасов, ни оружия, он пошел к ней. И подступил к ней дука с сильным войском, и осаждал ее с величайшей энергией и чуть было не взял ее». Но на помощь к осажденной Апамее прибыл из Дамаска эмир Самсам, и хотя и был побежден византийским отрядом, но победа была куплена слишком дорогой ценой, так как при погоне за врагом дука Далассин получил рану в бок и был убит. Вследствие этого немедленно изменилось положение сторон: «греки обратились в бегство, и было их убито более 6000, и взяты в плен два сына дуки и многие из военачальников».

Несчастие с византийским отрядом, последовавшее близ Баальбека, обнадежило врагов императора и поставило в крайнюю опасность сирийские владения Византии.

В 999 г. император предпринял второй поход в Сирию с целью восстановить пошатнувшийся авторитет империи вследствие неудачи прошедшего года и смерти Далассина. Василий вполне оценивал важность политического момента. Малейшая неудача в Сирии или колебание необходимо сопровождались перевесом мусульманского влияния на всем восточном фронте. Необходимо было доказать сирийцам — и чем скорее, тем лучше, — что ромэйский царь не допустит окончательного

утверждения в Сирии Египетского калифата. Этот поход продолжался три месяца. Прямой целью его было восстановить значение пошатнувшегося византийского авторитета и подкрепить военные средства Антиохии. Царь прибыл сюда осенью 999 г. По словам Асохика, из Антиохии Василий отправился «на то место, где войско его понесло поражение, приказал собрать кости павших, вырыть яму, зарыть их в одном месте и построить над ними церковь». Византийские войска прошли от Северной Сирии до Ливана, опустошая страну и делая ее неспособной к пропитанию мусульманского населения. В Гомсе (древняя Эмеса) произошел инцидент, особенно отмеченный у восточных писателей.

> «И укрепились некоторые из жителей в тамошней церкви св. Константина. И когда об этом узнали русские, бывшие в его войске, то подожгли ее. Была же это церковь удивительная».

Здесь вновь мы встречаем упоминание о том русском вспомогательном отряде, который был прислан Владимиром. Из Гомса царь направился через Баальбек к Дамаску, который был главной опорой египетского господства и где сосредоточены были главные мусульманские силы. Может быть, на этот раз Василий был у цели византийских стремлений в Сирии: решительным ударом на Дамаск окончательно подорвать египетскую власть в Сирии. Но император ограничился только демонстрацией и возвратился к Антиохии, где назначил в начале 1000 г. нового дуку для управления городом и командования сирийскими войсками в лице магистра Никифора Урана.

В самом начале 1000 г. на восточной границе произошли события, отвлекшие всецело внимание царя от Сирии. До царя дошла весть, что могущественный государь того времени, грузинский царь Давид, состоявший в особенном договорном отношении к Византии, погиб насильственной смертью, и притом при исключительно редких обстоятельствах. Ему была поднесена отрава архиепископом Иларионом в св. причастии, причинившая Давиду мучительную смерть в Пасху тысячного года. У византийского правительства существовали издавние сношения с армяно-грузинскими властителями, и Византия имела особенные виды на обширные владения Давида, носившего придворное звание куропалата. По этому вопросу лучшие сведения заимствуются у Яхъи.

> «И гневался царь Василий на Давида, царя грузин, владетеля ал-Тайя (Таик), за то, что он помогал Фоке, и послал войско для войны с ними... И просил Давид у царя Василия прощения и пощады, и обещал ему повиновение и покорность и что его владения после его смерти будут присоединены к его государству, так как сам он дряхлый старик и не имеет ни сына, ни других наследников, и просил царя разрешить ему прислать своих сановников ко двору его, чтобы царь мог взять с них клятвы и заручиться обязательствами с их стороны, что они сдадут города по смерти их государя. И понравился образ действия его царю Василию, и сделал он его куропалатом, и послал ему платья с драгоценными украшениями. И надел он их, и велел в стране своей молиться за царя Василия, и отправил кафолика грузин ко двору царя со многими сановниками государства. И роздал им царь титулы и оказал им милости, и возвратились они все к Давиду».

Весьма может быть, что грекофильская политика Давида и была причиной образовавшегося против него движения в стране, вождем которого и был архиепископ Иларион. Во всяком случае смерть Давида могла вызвать нежелательное для Византии политическое движение в Армении и Грузии, которые уже были вовлечены в интересы империи и были весьма важными орудиями в борьбе с мусульманскими властителями. Предстояло немедленно урегулировать вопрос о грузинском наследстве и о включении в империю новых и обширных провинций. О важности задачи, какая предстояла перед царем, свидетельствует и то, что он приказал следовать за собой и антиохийскому дуке Никифору Урану. Область ал-Тай, или Таик, лежала на отдаленном востоке, в соседстве с фемой Халдия, с главным городом Трапезунтом. В эти горные и малодоступные места редко ходили византийские войска, так что смелое движение царя Василия должно было произвести большое впечатление. Преодолев громадные трудности утомительного пути, царь дошел до границ нынешней Грузии и расположился лагерем в области Таик, в укреплении Гаваджиг. Здесь ему представились князья, служилая и земельная аристократия Таика и Грузии, приветствовавшие в нем своего государя. Сюда же прибыли соседние цари и владетели Великой Армении и Грузии, именно Баграт II, царь Абхазии и Карталингии, и Георгий, царь Грузии, имевшие притязания на наследство после Давида куропалата, цари Карса, Вана и Васпурахана. Весьма важным вопросом было удовлетворить притязания Багратидов, происходившие из акта усыновления их умершим царем Таика Давидом. Царь Василий обязал их письменным договором не вторгаться в область Давида и почтил саном куропалата царя Абхазии и титулом магистра — Георгия Грузинского. Но наиболее сильный владетель Армении, «царь царей» Какиг, сын Ашота III, который вошел в сферу политического влияния Византии при царе Цимисхии, не явился на свидание с царем Василием. Он не доверял политике империи и чувствовал себя не совсем спокойным в своей новой столице Ани, которую украсил церковными постройками и укрепил стенами. Здесь во время празднеств и парадных представлений произошел неожиданный и прискорбный случай, приведший к вооруженному столкновению между царскими и туземными военными отрядами. Один русский воин, принадлежавший к составу варяжской дружины, нес в лагерь охапку сена для лошади, но на него напал один грузин и отнял у него сено. За варяга вступился его соплеменник и заставил грузина призвать на помощь своих, вследствие чего произошла схватка между грузинами и русскими [2]. «Тогда,— говорит восточный писатель,— шесть тысяч русских, вооруженные копьями и щитами, бросились на противников. Все князья и вассалы земли Таик, вся знать мужественно сопротивлялись русским, но были принуждены уступить, так как оказались в меньшинстве. Дело окончилось многочисленными жертвами. Чтобы исполнить акт подчинения империи владений Давида куропалата, царь Василий посетил главнейшие города области, остановился, между прочим, в Манцикерте, где Альп-Арслан разбил в 1071 г. царя Романа Диогена и взял его в плен, затем в Аласгерде. Везде он ставил греческие гарнизоны и назначал своих управителей, присоединив таким образом к империи эту область Армении.

Весной 1001 г. Василий возвратился в Константинополь, ведя с собой множество знатных армян и грузин в качестве заложников и частию

в качестве колонистов для новых завоеванных в Болгарии свободных земель. Значительное время был наблюдаем мир в присоединенных областях. Вообще в первые годы XI в. достигнуто было успокоение в Сирии и Месопотамии, купленное заключенным с калифом ал-Хакимом десятилетним миром, которым царь с успехом воспользовался для выполнения своих планов в Болгарии. Несмотря, однако, на официальный мир, не могла затихнуть малая война в стране, пограничной с пустыней, с кочевым бедуинским населением, среди которого всегда находились вожди племен, промышлявшие разбоем и грабежом, так что антиохийскому дуке постоянно нужно было держаться на военном положении и в это время. Так, в летописи Яхъи [3] читается известие, что в это время (1004—1005) появился боец за веру по прозванию ал-Асфар.

> «И надел он на себя платье факиров, и последовала за ним толпа арабов и обитателей деревень. И был с ним некоторый муж из знатнейших арабов, известный под именем ал-Хамали. И подступил он к Шейзару (Ларисса) — и встретил войско греков».

Магистр Никифор Уран вышел против бедуинов и должен был осаждать их в занятом ими укрепленном городе Кафар-Азун, что близ Эдессы, захватил в плен 12 тысяч. Опасный демагог ал-Асфар успел, однако, спастись бегством и в короткое время собрал около себя вновь шесть тысяч конников, готовых пожертвовать за него своей жизнью. Благодаря искусным мерам удалось заманить популярного магди в Алеппо (1007), где он был водворен и содержался в почетном заключении девять лет.

В 1009 г. египетский калиф ал-Хаким начал страшное преследование христиан, взволновавшее Египет и особенно Палестину. Самым грубым и оскорбительным для христиан распоряжением его было приказание срыть до основания храм Воскресения в Иерусалиме и уничтожить в нем священные памятники. По приказанию своего повелителя эмир Рамлы Ярух поручил своему сыну исполнить данное ему приказание. Вследствие этого церковь Воскресения была разрушена, равно как Лобное место и базилика Константина. Вместе с упомянутым памятником пострадали от руки мусульман и другие христианские церкви в Иерусалиме. При этом разграблены были драгоценности иерусалимского храма, принесенные Гробу Господню со всех концов христианского мира, и разогнаны служители храма и монахи. Не менее суровые преследования христиан и евреев произведены были в Каире, и притом здесь жестокий калиф не щадил и преданных ему верных слуг. Византийские владения были прибежищем для всех преследуемых или недовольных управлением калифа, что не переставало вызывать пограничные недоразумения и столкновения. В 1011 г. бежали под защиту антиохийского дуки сыновья визиря ал-Гуссейн ибн-Джаухара, но калиф объявил за их головы большую награду, и они были схвачены близ Дамаска своими же единоверцами и убиты. На армянском Востоке отложился от вассальной зависимости Георгий I, царь Абхазии и Карталингии, из династии Багратидов, члены которой носили византийский титул куропалата. Это был сын Баграта, усыновленного, как мы видели выше, куропалатом Давидом, царем Грузии. По смерти своего отца, в 1018 г., Георгий начал восстание против Византии, охватившее и соседние области; в этом

противугреческом движении, по всей вероятности, принял участие и царь Иоанн Сембат. Чтобы осветить эту сторону политического и культурного влияния империи на самой отдаленной северо-восточной окраине, близ Кавказских гор, мы должны заимствовать отрывочные сведения из арабских и местных грузинских писателей. Оказывается, что принятые царем Василием меры к закреплению за Византией наследства куропалата Давида не были достаточны и что, пользуясь затруднениями, какие представляла война в Болгарии, царь Абхазии Георгий, сын Баграта, овладел некоторыми крепостями, принадлежавшими царю Василию. Когда затянувшаяся война с болгарами была наконец окончена в 1018 г., император мог обратить внимание на восточную границу. Здесь составилось значительное движение против Византии; владетель Абхазии Георгий вступил в переписку с египетским калифом ал-Халкимом и сговорился с ним начать одновременное с мусульманами наступление на имперские области. «Тогда Василий,— по словам Яхъи [4],— преисполнился гневом и пошел из Константинополя в Филомилий, не сказав никому, что имеет в виду, а объявив приготовления к походу в сирийские земли». Чтобы вполне усыпить врага, которому предполагалось нанести удар, к Антиохии были направлены военные запасы и вспомогательные отряды, и вообще были приняты все меры, чтобы скрыть истинную цель похода. Между тем в Филомилии распространился слух о том, что пропал без вести калиф Хаким. Так как это событие относится к февралю 1021 г., то хронология второго похода в Армению определяется довольно точно. Проход Василия к границам Армении по труднопроходимым горным дорогам представлял большое военное предприятие, тем не менее он был выполнен с обыкновенной быстротой и застал неприятеля совершенно врасплох. Перейдя границу и вступив в Малую Армению, царь сделал остановку в долине Карин, близ нынешнего Эрзерума, и пытался войти отсюда в сношения с Георгием, чтобы убедить его в бесполезности сопротивления. Но царь Абхазии, возлагая много надежды на свое войско и на обещание помощи со стороны соседей, не уступил увещаниям Василия и пошел против него с вооруженной силой. Оба войска сошлись у верховьев Аракса.

> «И преследовал царь Георгия, пока он не нашел защиты за рекой, чрез которую не могли переправиться греческие войска. Тогда он сжег его селения, и разграбил все находившиеся там припасы, и увел из его страны, и убил, и ослепил более двухсот тысяч человек, и опустошил все принадлежавшие ему области и селения».

При наступлении зимы Василий перевел свое войско в Трапезунт, имея намерение весной следующего 1022 г. докончить завоевание Абхазии и Грузии. Результатом этого похода было подчинение Георгия, царя Абхазии, который поступился в пользу Византии владениями куропалата Давида и обещал оставаться на всю жизнь покорным вассалом царя, дав в качестве заложника своего сына Баграта; вместе с ним принесли Василию подчинение царь Асфарагана (Васпурахан) Сеннахариб и царь Анийский Иоанн Сембат.

Зимой, во время пребывания царя в Трапезунте, прибыл к нему послом от царя царей Армении Иоанна Сембата католикос Ведрос I, принесший письмо, на которое национальный историк смотрит как на

причину близкой погибели этой несчастной страны. После продолжительной усобицы с братом своим Ашотом III из-за власти Иоанн Сембат при помощи Сеннахариба, царя Васпурахана, утвердился в части Армении со столицей в Ани, между тем как Ашот вступил в сношения с Василием и признан им в достоинстве царя царей. По-видимому, он принимал участие во враждебных действиях против империи Георгия Грузинского и, обманутый тем, что тот заключил с Василием отдельный мир, спешил в настоящее время заявить свою преданность и готовность быть верным вассалом царя. Возможно, что для него служил побуждением заручиться расположением восточного императора и весьма естественный страх перед турками-сельджуками, которые в то время сделали свое первое большое и опустошительное нападение на Васпурахан и соседние области Армении. Иоанн Сембат посылал ключи от Ани и передавал царю все свои земли и города в вечное владение. Вследствие переговоров, происходивших в Трапезунте, Иоанн удостоен звания магистра и оставлен во главе своих владений пожизненным правителем Ани и Великой Армении. Когда он умер, в 1040 г., племянник его, сын Ашота Каким II, последний из Багратидов, возбудил сомнение относительно акта передачи Армении византийскому царству, и лишь после продолжительной войны при Константине Мономахе город Ани подпал под власть империи. Нельзя сомневаться, что успех в переговорах с Иоанном Сембатом имел весьма важное значение для царя Василия. Прежде всего его примеру последовал владетель Васпурахана из династии Ардзруни Иоанн Сеннахариб, который также совершил акт передачи своего царства императору. Особенностью соглашения с этим владетелем было то, что вся царская семья переселилась из Васпурахана в границы империи, получив для поселения, на правах помещичьего владения, область в Сивасе, между тем уступленная империи страна входила в границы Византийского государства и получала имперское управление. Когда были окончены все формальности передачи, было предоставлено желающим присоединиться к царской семье, и при этом оказалось, что из Васпурахана переселилось в Сивас до 40 тысяч.

Между тем оставались еще не оконченными переговоры с Георгием, царем Абхазии. Чтобы побудить к уступкам этого наиболее горячего защитника независимости, Василий принял меры к доставке новых войск при помощи флота, чтобы весной вторгнуться в Абхазию со свежими силами. Понимая всю трудность борьбы и следуя примеру других владетелей, Георгий признал наконец необходимым смириться.

> «И прибыл к нему,— пишет Яхья,— от царя их Георгия посол, чрез которого он старался склонить его к милости и обещал, что уступит ему все крепости и все владения, которые принадлежали его дяде, куропалату Давиду, и отдаст ему в заложники сына своего Баграта, и неизменно и неуклонно останется, пока он жив, в покорности ему и преданности».

Следствием этого было то, что Василий отправил в Абхазию своих сановников, которые приняли от жителей присягу на верность императору.

Весной 1022 г. Василий отправился в Абхазию, чтобы принять вновь присоединенную страну и сделать необходимые распоряжения

относительно ее управления. В это время получены были им тревожные известия из Константинополя, которые тем более могли внушать опасения, что имели близкое отношение к обстоятельствам, переживаемым самим царем Василием. В надежде на затруднительные обстоятельства, равно как на продолжительное отсутствие царя, два генерала подняли восстание в малоазийских фемах и увлекли за собой фемные войска. Это были патрикий Никифор Ксифия, стратиг Анатолики, и Никифор Фока, сын знаменитого Варды. Движение опиралось главным образом на население Каппадокии, где фамилия Фок была популярна и где у них было много связей между крупными землевладельцами. Время для бунта, имевшего целью низвержение Василия, было выбрано весьма удачно, так как можно было надеяться, что, когда начнется движение в Малой Азии, заговорщикам подадут руку обиженные Василием и лишенные своих владетельных прав цари и князья Грузии и Армении. Хотя это движение заставило царя приостановить свой поход в горные области Армении, но в общем нимало не изменило отмеченного выше хода вещей. Заговорщики не условились между собой по поводу дальнейшего образа действий. Ксифия стал подозревать Фоку в своекорыстных действиях и обманным образом заманил его в засаду и лишил жизни. А когда понял, что без Фоки его партия была слишком незначительна, то отказался от затеянной борьбы и сдался на милость царя. Он окончил свои дни в монастырском заключении на острове Антигони. Все меры по усмирению мятежа в Малой Азии были выполнены Никифором Далассином, назначенным в стратиги Анатолики, между тем как сам царь оставался в Армении и благодаря его личному присутствию враждебное ему движение не сообщилось на занятые им области. Как оказалось, выраженные Георгием Абхазским чувства преданности и подчинения имели целью лишь прикрыть его замысел напасть на Василия вместе с бунтовщиками.

Рассказанные обстоятельства, положившие конец сопротивлению Георгия Абхазского, происходили осенью 1022 г. Царь Василий удовлетворился осуществлением ранее установленного соглашения насчет передачи наследства куропалата Давида, но в точности обозначить сделанные Византией приобретения мы не имеем возможности. Во всяком случае сфера византийского влияния распространилась до долины реки Куры и даже до Тифлиса.

Чтобы не возвращаться к делам на восточной границе, упомянем здесь, что после калифа ал-Хакима в Сирии значительно ослабела власть Фатимидов при его сыне ал-Захире, за которого правила делами его тетка. Точно так же в вассальном княжестве Алеппо постепенно клонилась к упадку власть калифа. Азиз ад-Дауле, эмир Алеппо, объявил себя независимым и стал чеканить монету со своим именем, но это далеко не обозначало усиления Хамданидов; напротив, в 1022 г. он был убит по наущению Бедра, военного начальника алеппской крепости, который замышлял основать самостоятельную власть. Но вскоре затем Алеппо был взят египетскими войсками, владения эмира были обращены в область, находящуюся под непосредственным управлением назначаемых калифом лиц. Весьма важно для последующих отношений отметить здесь совершенно новый факт. Три начальника бедуинов начинают играть главную роль в делах Сирии. Один из них, ал-Муфарридж, известен

даже заботами о восстановлении храма Воскресения в Иерусалиме. По его смерти его дети с бедуинами ушли в степь, покинув Рамлу и другие места. Но в пустыне скоро началось движение, во главе которого стал Гассан ибн-ал-Джаррах, сын Муфарриджа. Это был весьма даровитый и предприимчивый бедуин, задумавший воспользоваться слабостью Египетского калифата. Заключив договор с своим зятем Синаном и другим начальником племени бедуинов, Салих ибн-Мирдасом, они решились отнять у Фатимидов Сирию и Палестину и поднять открытое восстание. Союзники несколько раз нанесли поражение посланным против них египетским войскам и легко завладели городами Сирии. Алеппо был взят 30 июня 1025 г. Решение возникавших здесь новых задач принадлежало уже преемникам царя Василия.

Болгарские и сирийские походы, равно как настойчивая политика по отношению к Армении и Грузии, в достаточной степени обнаруживают стремление Василия II обезопасить границы империи на севере и востоке, дать преобладание греческому элементу на Балканском полуострове и положить пределы расширению мусульманства на счет империи. Пользуясь временным ослаблением как Фатимидов, так и Аббасидов, царь Василий хотя и не делал попыток отнять у египетских арабов Сирию и Палестину, но зато в высшей степени удачно воспользовался обстоятельствами для распространения пределов империи в соседстве с фемой Халдия, в Армении и Грузии. /Знач. славяно-русского элемента в событиях./ *

Сицилия давно уже находилась под властию египетского калифа, который управлял страной посредством вассального владетеля с титулом эмира. Если египетские калифы старались поддерживать дружественные сношения с империей, то нельзя того же сказать про сицилийского эмира, который часто действовал на собственный страх и поощрял набеги на византийские владения. Так, в первые годы царствования Василия эмир Абул-Касим неоднократно нападал на береговые места и делал высадки в Апулии и Калабрии. Нельзя сказать, какие меры принимало византийское правительство для защиты против сарацин своих заморских владений в Южной Италии; нужно думать, что стратиг фемы Лангобардии предоставлен был собственным средствам и должен был довольствоваться местным ополчением. Преемник Оттона I и зять царя Василия, Оттон II, первые годы своего правления имел достаточно забот в Германии и только к 980 г. решился посетить Рим и лично ознакомиться со своими итальянскими владениями. Много было говорено о том, что вмешательство германских императоров в итальянские дела было столь же вредно для Германии, как и старание византийских императоров удержать за собой южноитальянские владения. Но Византия имела за собой реальные права, каких Германия не имела: последняя не была связана ни с Римом, ни с Италией такими давними политическими и церковными узами, сделавшими из Южной Италии великую Грецию, как Восточная империя. Наследство, оставшееся после Оттона I в Италии, было так обременительно, что его преемнику было бы лучше совсем от него отказаться.

Отношения в Италии складывались весьма неблагоприятно. Прежде всего в самом Риме происходила смена лиц и влияний далеко не

* Фраза вписана в корректуру. *(Ред.)*

в пользу германского императора. Именно церковная и светская политика попала в руки римского дворянского рода Кресцентиев, которые, как прежде Альберики, проявили свое влияние при выборе пап. В июле 974 г. был низвергнут папа Бенедикт VI, и на его место поставлен Бонифаций VII. Но этот папа спустя месяц и 12 дней, забрав церковное имущество, бежал в Царьград, из чего можно прийти к заключению, что он был поставлен в папы византийской партией. Вновь избранный на престол св. Петра Бенедикт VII управлял церковными делами в течение 10 лет, поход Оттона II в Италию происходил именно при этом папе. Какими намерениями руководился Оттон, предпринимая этот поход, судить об этом весьма трудно. Что касается Рима, здесь задача Оттона была ясна: предстояло поддержать папу, стесненного враждебной партией, и поставить римскую аристократию на свое место, утвердив пошатнувшийся авторитет германского императора.

Точно так же нетрудно понять цели и намерения Оттона по отношению к Южной Италии: здесь сфера влияния Западной империи покоилась на верности герцогов Капуи и Беневента, и казалось необходимым поощрить службу этих князей и вместе с тем попытаться распространить влияние и среди других лангобардских князей. Гораздо трудней выяснить дальнейшую задачу Оттона, которая, по-видимому, была воспринята уже в Риме и которая привела его к роковому поражению. Именно Оттон и его ближайшие советники нашли теперь своевременным одним ударом покончить с Южной Италией, освободив ее от хищнических набегов сицилийских арабов и заодно уже изгнав греков из Апулии и Калабрии. Германская точка зрения, выраженная в хронике Титмара [5], заключается в том, что Оттон был законный претендент на южноитальянские провинции в качестве императора и наследника Оттона I.

Германское движение в Южную Италию можно признать неосторожной авантюрой. Прежде всего опора германской власти в стране, Пандульф Железная Голова, умер за несколько месяцев перед тем. Власть была в руках его вдовы, энергичной и умной Алоары, которая на первых порах сдерживала лангобардских князей. Но по мере движения императора далее на юг политические отношения между княжествами значительно изменяются. Пример революционного движения дан в Салерно: недовольная существующими отношениями партия вступила в сношения с дукой и патрикием Амальфи, и при его помощи освобождается из-под власти наследников Пандульфа Железная Голова. Это был большой удар для германских видов, так как усиление Амальфи означало начало преобладания Византии. Такой же неблагоприятный симптом обнаружился в Беневенте, откуда был изгнан сын Пандульфа, Пандульф II. Несмотря на эти важные и далеко не успокоительные события, император решил продолжать свой поход и в январе 982 г. был уже под стенами Матера, близ Тарента. Остается невыясненным, чем были заняты германские войска в течение пяти месяцев со времени вступления в Апулию. Все ведет к догадке, что Оттон встретил здесь большое сопротивление и что едва ли овладел он в Апулии какими-либо городами. Потратив здесь много времени, император перешел в Калабрию, имея в виду войну с сарацинами, делавшими набеги и производившими опустошения в этой греческой области. Соперником его был на

этот раз сицилийский эмир Абул-Касим, объявивший священную войну против христиан. Были ли с арабами в союзе греки, что утверждает главным образом немецкая летопись, об этом не имеется достоверных известий. Не говоря о прочем, против тенденциозной германской версии можно указать следующее наблюдение. В походе участвовала и Феофано, сестра византийских царей; во время рокового поражения германского войска она находилась в укрепленном Россано, неподалеку от места битвы под защитой византийского гарнизона. Из этого уже можно заключить, что едва ли мог существовать в то время союз между греками и сарацинами против Оттона. Точно неизвестно, где происходила битва, окончившаяся поражением германского войска 13 июля 982 г. Обыкновенно принимают, что это было к югу от Котроны, на равнине реки Стило, где измученная длинным переходом и удушливым жаром германская армия подверглась почти поголовному истреблению. Равнина покрыта была трупами и ранеными. «Цвет отечества скошен железом, посрамлена честь белой Германии»,— замечает жизнеописатель св. Войтеха-Адальберта [6]. С большим трудом и как бы чудом спасся от плена сам Оттон: с берега моря он увидал два корабля, бросился в море и вплавь добрался до одного из них, где и был принят. Так как слух об испытанном поражении быстро распространился по Италии и Германии, то император поспешил на север, чтобы предупредить смуты. В Вероне, на собрании германских и итальянских имперских чинов, в 983 г. произошло провозглашение королем Германии и Италии трехлетнего Оттона III; скоро затем, в декабре того же года, император умер в Риме 28 лет от роду в сборах к новому походу в Южную Италию. Рассказанное предприятие Оттона II на долгое время положило предел германским домогательствам утвердиться в Апулии и Калабрии.

С конца X в. произошла реформа в управлении южноитальянскими владениями Византии. Вместо стратига фемы генерал-губернатор всех имперских областей стал носить звание катепана; по всей вероятности, в его руках были сосредоточены прежние фемы Ломбардия и Калабрия. Следует думать, что эта реформа произведена еще при Никифоре Фоке, именно в 965 г. им был послан в Бари магистр Никифор с подчинением ему обеих фем [7]. Первые катепаны: анфипат Михаил, Калокир Дельфина и Григорий Траханиот имеют титул катепанов Италии, а позднее — Италии и Калабрии. Так как византийская летопись весьма мало уделяет внимания южноитальянским делам, то можно думать, что они действительно не имели серьезного значения. Набеги сицилийских арабов были слишком обычным и повторяющимся явлением, так что отошли в разряд местных событий, подведомственных катепану Италии. Но вследствие ослабления византийских сил в Южной Италии увеличиваются и расширяются предприятия сарацин. Они не ограничиваются набегами, но остаются в стране и укрепляются в прибрежных городах. Так, в 986 г. они заняли город Жераче, в 988-м грабят окрестности Бари, резиденцию катепана и осаждают Тарент, в 994 г. захватили континентальный город Матеру. В самом начале XI в. (1003) сарацины осаждают Бари с суши и с моря, и город освободился от неминуемой опасности лишь благодаря венецианскому флоту под водительством дожа Петра Орсеоло. Это весьма любопытный факт, который показывает, что на Адриатическом море господствует

уже не византийский, но венецианский флот. Все это особенно усиливает значение того крайнего напряжения, какое испытывала империя в своих предприятиях в Болгарии и Сирии. Неудачи в Южной Италии не только действовали удручающим образом на западных императоров, но они, кроме того, способствовали подрыву императорской власти в самой Германии. Неожиданная смерть Оттона II, не успевшего назначить регентства для управления империей за малолетством сына его, подала повод к смутам, стоящим в связи с известными в истории Германии притязаниями двоюродного брата умершего императора, Генриха Сварливого. Заявив притязания на регентство, этот последний нарушил материнские права вдовы Оттона II, императрицы Феофано, овладел особой малолетнего Оттона III и помышлял уже о том, чтобы присвоить себе королевскую власть в Германии. При этом обнаружилась нелюбовь немцев к гречанке Феофано и к ее ближайшим советникам. Но на стороне прямого наследника была тоже значительная партия. Особенно сторону его держал Майнцский архиепископ Виллигис, которому удалось раскрыть замыслы Генриха и вызвать из Италии вдовствующих императриц Феофано и Адельгейду. Мать Оттона III объявлена была опекуншей (29 июня 984 г.) и стояла во главе правительства до самой смерти своей, т. е. до 991 г. Правление Феофано не было популярным в Германии, хотя она оказалась на высоте положения и успела удовлетворить своевременными уступками враждебную ей политическую партию. Немцы говорили об ней много дурного, но едва ли не следует объяснять это тем, что она держала себя недоступно, окружила роскошью, какая неизвестна была в Германии, и не скрывала презрения к германской грубости нравов. Эта черта, как увидим ниже, замечается и в Оттоне III.

Она постаралась дать своему сыну лучшее воспитание, согласно вывезенным из Константинополя понятиям. Первоначальным его воспитанием руководил немец Бернвард, бывший потом епископом в Гильдесгейме. Но влияние греческого учителя, монаха из монастыря Россано в Калабрии, Иоанна, образовавшего его на греческом языке и литературе, и в особенности постоянное воздействие на восприимчивую детскую душу матери его почти совсем изгладило наставления немецкого преподавателя и сделало из Оттона утонченного грека того времени. На образование характера будущего императора оказал также значительное влияние француз Герберт, впоследствии папа Сильвестр II. Он с детства воспринял мысль о великом призвании, какое уготовило ему Провидение. Но сознание великих задач, предстоящих перед ним, как перед прямым потомком восточных и западных императоров, с юных лет вселило в него высокомерие и гордость и в то же время отвлекло его внимание от реальной жизни со всеми ее низменными потребностями. Превосходя большинство современников в образовании и приобретенных познаниях, в управлении государством Оттон III оказался совершенно посредственным человеком. Когда ему минуло 15 лет и снята была опека, он отправил в Константинополь посольство, во главе коего были епископ Вюрцбурга и бывший учитель его Иоанн, получивший в Италии епископскую кафедру Пиаченцы. Посольство имело целью, между прочим, найти ему невесту между византийскими принцессами [8]. В то же время с целью восстановления Германской империи по сю и по

ту сторону Альп он предпринял поход в Италию в 996 г. С многочисленной свитой и войском он принял в Павии изъявление покорности духовных и светских чинов Ломбардии и вскоре затем в Риме был венчан императорской короной и принял сан патриция, причем родственник саксонского дома, сын каринтийского герцога Бруно, носивший то же самое имя, был возведен на папский престол под именем Григория V. Таким образом, в первый раз на папский престол был назначен заальпийский немец, венчавший императорской короной германского короля. Полный преклонения перед Римом, Оттон III всецело предался мыслям о восстановлении древней Римской империи в ее былом величии и могуществе, о перенесении в Рим столицы императоров и о привлекательности блеска и обрядов пышного двора византийских царей. Рядом с мечтами о мировом величии восторженный юноша был сильно затронут аскетическим направлением, которое охватило тогда большинство мыслящих людей в Западной Европе. Приближался тысячный год, который считался роковым в мировой истории, ибо с ним соединялось представление о кончине мира. Под влиянием указанного направления нужно рассматривать господствовавшие тогда идеи об очищении Церкви и о реформах в строе церковной жизни[9].

Св. Нил, Ромуальд и Войтех, с одной стороны, аббаты Клюнийского монастыря — с другой, были крупными выразителями религиозного движения X в. На Оттона очень сильное влияние произвело личное знакомство и беседы с итальянскими подвижниками и Войтехом. Начавшись в среде монашеской и выражаясь у одних в аскетических подвигах, проповеди и благочестивой жизни и в порицании дурной жизни белого духовенства, у других это направление выразилось в попытке новой организации Церкви (клюнийцы) посредством более тесного сближения с Римом и ослабления власти епископов. Как ни различны были вначале эти направления, но они сближались в своих конечных целях, именно в отрицательном отношении к тогдашним церковным порядкам и в требовании реформ церковных. Реформы XI в., приведенные в исполнение папой Григорием VII, без всякого сомнения, имеют связь с религиозным движением X в.

Оттон III в одинаковой мере подчинился религиозному аскетизму итальянских пустынников и церковнополитическим тенденциям, шедшим из Клюни. Француз Герберт, один из важнейших деятелей династического переворота во Франции, пользовался особенным уважением Оттона и получил от него приглашение поступить на службу империи.

> «Достопочтенный муж,— писал ему Оттон,— я бы хотел видеть тебя близ себя, чтобы постоянно пользоваться обществом такого превосходного руководителя, мудрость которого всегда поражала нашу простоту. Мы приняли решение просить тебя заняться нашим образованием и вместе дать полезные советы в государственных делах. Вместе с тем желаем, чтобы беспощадным преследованием грубости нашей саксонской природы ты оживил и образовал в нас то, что осталось у нас от греческого изящества. Ибо стоит потрудиться над раздуванием в нас искры греческих научных стремлений. Повей же сильным пламенем мудрости на эту искру, и пробуди во мне греческий дух, и поучи меня науке

о числах, дабы с помощью ее я мог подойти к философии древних».

Это письмо в высшей степени характерно и прекрасно объясняет отношения Оттона к Герберту. Последний не заставил себя долго ждать, и с 997 г. мы видим его уже в Германии.

Влиянием Герберта должно объяснять широкие политические планы Оттона, клонившиеся к восстановлению Римской империи и к переустройству Римской Церкви, во главе которой стоял тогда Григорий V, немец по происхождению и последователь клюнийцев. Возведение его в папы было радостно приветствуемо клюнийцами, ожидавшими от него проведения их планов реформы. И сам был * настроен неправильно и что его политические планы были следствием слишком односторонне развитого воображения. Поэтому политическая деятельность Оттона, особенно в Германии, сводится к весьма незначительным результатам. Сосредоточив все внимание на юге и предпринимая частые походы в Италию, Оттон предоставил дела своим приближенным и косвенно содействовал усилению враждебных элементов на германских окраинах.

Возвращаясь к событиям в Риме, мы должны признать, что и здесь политика Оттона не имела успеха. Лишь только император удалился из Рима, Кресцентий во главе римской аристократии поднял восстание, изгнал поставленного Оттоном папу и объявил себя патрицием города Рима, т. е. принял на себя то же древнее и почетное звание, которым не пренебрег Оттон при короновании. При этой смене правительства обнаружился очень любопытный факт. На упразднившийся престол Римского епископа выступает поддержанная консулом Кресцентием кандидатура возвратившегося из путешествия в Константинополь епископа Пиаченцы Иоанна Филагата, бывшего учителя Оттона III, он принял имя Иоанна XVI. Хотя немецкая летопись относится к нему весьма недоброжелательно (natione graecus, conditione servus **)[10], но в этом следует видеть лишь отголосок господствовавшего в Германии нерасположения к грекам, тем легче объяснить эти чувства к Иоанну XVI, что возведение его в папы не могло не предполагать участия византийского императора. Но торжество Кресцентия не было продолжительно, так как папа Григорий V при помощи немецкого войска снова завладел Римом, захватил папу греческого происхождения и подверг его страшному наказанию, приказав обрезать язык, нос и уши, ослепить и заключить в темницу.

«В это время св. Нил,— пишет жизнеописатель его,— решился заступиться за своего соотечественника и отправился в Рим, чтобы просить у Оттона милости к заключенному. Папа и император вышли к нему навстречу и провели его в Латеранский дворец. Пустынник занял место в огромном зале, возле него поместились император и папа, целовали его руки и выказывали ему знаки своего почтения. Нил напомнил им, что этот несчастный, перенесший такие страдания, принял их от купели крещения и оказал им громадные услуги».

* Так в корректуре (переход страниц), возможен пропуск. *(Ред.)*

** Грек по происхождению, раб по обстоятельствам (лат.). *(Ред.)*

И тем не менее заступничество св. Нила не улучшило положения несчастного узника. В 1001 г. по поручению Оттона отправился в Константинополь Миланский архиепископ Арнульф с дорогими подарками для возобновления вопроса о браке. Ему была устроена торжественная встреча, и для него было сделано исключение из церемониала в том смысле, что ему разрешено было на приеме сидеть. На этот раз предмет переговоров встретил сочувствие в Константинополе; с Миланским архиепископом была отправлена византийская принцесса, которая при высадке в Бари узнала о неожиданной смерти германского императора * (1002)[11].

Между тем с началом XI в. в Южной Италии подготовляются события чрезвычайной важности: с одной стороны, назревало разрешение сарацинского вопроса, который черпал свою силу в притязаниях двух империй на господство в Южной Италии, с другой — приближался кризис в борьбе папства и императора. Хотя со времени катастрофы, постигшей германское войско в 982 г., Византия имела полный досуг укрепиться в Апулии и Калабрии и раздвинуть свои притязания до Кампании, тем не менее среди части населения Южной Италии не умирало желание стряхнуть зависимость от Византии, в особенности это заметно было в городах, где еще были живы национальные тенденции лангобардской аристократии. В 1008 г. при катепане Куркуа вспыхнуло восстание под предводительством некоего Мели, знатного жителя города Бари. Так как вместе с этим восстанием ставится в связь начальный факт участия норманнов в делах Южной Италии, то восстанию под главенством Мели приписано в истории, может быть, больше значения, чем оно того заслуживает. В самом деле, по существу это было довольно обыкновенное выражение протеста, какие нередко бывали в больших городах. Хотя усмирение мятежа было не так легко и сопровождалось неоднократными вооруженными столкновениями, в которых на стороне горожан были и сарацины, тем не менее перевес оказался на стороне катепана Василия Аргира, или Месардонита. Мели вместе со своим шурином Датто успел спастись бегством в лангобардские города и нашел убежище в Капуе. Это происходило в 1009 и 1010 гг. Завладев Бари, катепан принял меры к подавлению движения, нашедшего отражение и в других городах Апулии. Он посетил Салерно в октябре 1011 г., по всей вероятности, с целью выяснить, где находится Мели, который скрывался в это время близ Беневента. Между тем шурин его ушел далее на север и поступил на службу к папе Бенедикту VIII, который доверил ему защиту укрепления на берегу Гарильяно близ Гаэты. Из этих данных можно до некоторой степени понять, откуда могло иметь поддержку антигреческое движение в Южной Италии. Когда и кто поставил Мели в сношения с норманнами, это остается не совсем ясным.

По одной версии, в первый раз соглашение с норманнами насчет изгнания греков из Италии состоялось в Капуе, по другой версии, сохранившейся у Вильгельма Апулийского[12], первое знакомство состоялось на горе Гаргано, в монастыре св. Михаила, где норманны были в качестве пилигримов на возвратном пути из Иерусалима. Мели

* Об этом совсем не упоминает византийская летопись. Речь могла идти о царевне Зое.

рассказал им историю своей попытки и так подействовал на воображение норманнов картиной легкого успеха, какого они могут достигнуть в занятой греками стране, что они будто бы дали ему слово по прибытии на родину набрать охотников и снова вернуться в Италию [13]. Наконец, существует еще предание, что норманны в своих путешествиях в Иерусалим имели случай ознакомиться с положением дел в Южной Италии и раз оказали помощь герцогу Салернскому в его борьбе с сарацинами, после чего охотники из норманнов нередко появлялись в Италии с предложением своих услуг.

Во всяком случае первая партия норманнских охотников с Гислербертом во главе появляется в Капуе в 1015 или 1016 г. Весьма вероятно, что по указаниям папы Бенедикта VIII они направлены были сначала на помощь к герцогу Салернскому против сарацин и, когда эта задача была исполнена, по внушениям того же папы вошли в сношения с вышеупомянутым Мели и приняли участие в антивизантийском движении, которое было одинаково полезно и для папы, и для лангобардских князей. Новейший исследователь этого эпизода [14] такими словами определяет роль норманнов:

> «Первая встреча Мели и пилигримов горы Гаргано могла побудить норманнских авантюристов искать счастия в Апулии; но лишь при активном участии папы они стали в непосредственные сношения с местными герцогами и предприятию их придан политический характер. Мели служил им проводником в северные области Апулии, где происходила беспрерывная борьба между лангобардскими владетелями, зависимыми от Беневента, и византийскими военными людьми. Чтобы отомстить грекам, Мели, поощряемый Бенедиктом VIII, отовсюду собирает охотников на помощь к небольшому отряду норманнов и таким образом сосредоточивает около себя всех недовольных и вместе с ними составляет довольно значительный отряд, чтобы с успехом выставить его против катепана».

Весной 1017 г. было сделано смелое нападение на Апулию, сопровождавшееся грабежами и опустошением страны. Новый катепан, протоспафарий Торникий Контолеон, имел несколько столкновений с норманнами, и, по-видимому, для него неудачных. Когда он был отозван и заменен катепаном Василием Бугианом, или Боиояном, получившим в свое распоряжение новые вспомогательные войска и, между прочим, часть русской дружины, успехам норманнского вторжения положен был предел. Катепан успел вызвать противника на открытую равнину на реке Орфано, и здесь при местечке Канны произошло (1018) большое сражение, в котором хотя понесли урон и греки, но норманны потерпели полное поражение. После этого дела оставшиеся в живых норманны поступили на службу герцогов Капуи, Салерно и аббата Монте-Кассино, а сам Мели отправился в Германию, чтобы просить у Генриха II вмешательства в южноитальянские дела. В 1020 г. он был в Бамберге на собрании немецких имперских чинов, где присутствовал и Бенедикт VIII. Император обласкал Мели и *«пожаловал ему титул дуки, или герцога, Апулии»*. Из этих данных легко заключить, что восстание Мели должно быть рассматриваемо как дело антигреческой политики, проводимой

папами и некоторыми лангобардскими князьями. Но в общем первая попытка норманнов сделать прочные завоевания в Южной Италии окончилась полной неудачей, не только они потерпели поражение, но и оставили по себе весьма дурную память. «Их число все возрастало, они наполнили всю Апулию, жестокие более греков и неумолимые более сарацин»,— говорит современник-патриот. Кроме того, последние события должны были раскрыть глаза византийскому правительству на опасные стороны его положения и побудили принять новые меры к укреплению пограничной полосы итальянских владений. С этой целью построена Троя, назначение которой было защищать большую дорогу между Беневентом и Сипонто и охранять северную границу фемы. Из других городов, построенных вновь или только укрепленных, более известны Фиорентино и Чивитате. Вся эта вновь организованная окраинная страна получила потом многозначительное наименование катепаната.

Деятельность катепана Боиояна оставила глубокие следы и в других отношениях. Он не только защищается, но смело идет вперед, постепенно расширяя сферу византийского влияния. Князья Беневента и Салерно искали сближения с катепаном и покровительства империи, еще важней было то, что герцог Капуи, Пандульф, и его брат Атенульф, аббат Монте-Кассино, признали над собой власть императора, в знак чего Пандульф послал Василию II золотой ключ. О приобретенном Византией положении свидетельствует тот факт, что катепан Боиоян прошел через капуанское герцогство в Кампанию, занял укрепленный замок на Гарильяно, которым командовал по поручению папы шурин бунтовщика Мели, Датто, и, взяв его в плен, привел в Бари. Все это вызвало большую тревогу в Риме, где Бенедикт VIII, внимательно следя за последними событиями, должен был усматривать в них прямую угрозу для независимости папского престола. Следствием этого были с его стороны настоятельные просьбы к императору Генриху II о скорейшей помощи. В конце 1021 г. западный император с огромным войском в 60 тысяч человек предпринял поход в Италию. Следует думать, что целью его похода была именно Южная Италия и происшедшие в ней в последние годы политические перемены. Союзники и друзья восточного императора поплатились очень дорого за свои политические симпатии. Кельнский архиепископ Пилигрим, под командой которого было 20 тысяч, имел целью движение на Рим и Кампанию, ему было поручено захватить герцога Капуи и его брата, аббата Монте-Кассинского монастыря Атенульфа. Случилось, что этот последний, боясь гнева немецкого императора, с забранными из монастыря сокровищами, дорогими рукописями и монастырскими актами бежал из Монте-Кассино и сел в Отранто на корабль, чтобы искать спасения в Константинополе. Но спустя несколько дней судно погибло от бури со всеми на нем находившимися. Сам император приступил к осаде Трои, которая, однако, в течение трех месяцев выдерживала осаду и не сдавалась немцам. Два года спустя катепан Боиоян дал грамоту жителям Трои, благодаря их за верность византийскому царю и пожаловав им некоторые привилегии. Князь Капуи, Пандульф, должен был сдаться на волю Генриха и отведен был пленником в Германию; в Монте-Кассино поставлен новый аббат, вступивший в прямую зависимость от Западной империи. Из мер Ген-

риха II к утверждению его авторитета в Кампании следует отметить пожалование им графства Комино племянникам известного Мели, которые основывают на границе Кампании независимое владение, выделенное из связи с другими лангобардскими княжествами. Но все эти успехи были слишком кратковременны, так как смерть Генриха II в 1024 г. и вступление на престол новой династии в лице Конрада II значительно изменили положение дел в Италии.

Между тем окончательное подчинение царем Василием Болгарии, раздвинувшее границы его власти до Адриатического моря, поставило его в возможность поддерживать непосредственно из Драча своего катепана в Южной Италии, и, с другой стороны, этот последний стал принимать участие в делах, имеющих непосредственное отношение к побережью Адриатики; так, около1024 г. он снарядил из Бари экспедицию на север от Драча с целью привести к повиновению хорватского князя. Оживление византийских политических притязаний на западной границе, как, впрочем, и на всех наиболее важных позициях, особенно доказывается тем, что царь Василий перед своей смертью питал планы предпринять энергичные действия против сицилийских арабов. Хотя поход под начальством евнуха Ореста, которому оказывал содействие и катепан Василий Боиоян, был вполне неудачен, но это скорей находит себе объяснение в неспособности вождя, чем в других условиях. Что сарацинский вопрос в Сицилии к тому времени вполне назрел и что царь Василий вполне оценивал положение дел, это видно из ближайших затем событий, положивших конец господству мусульман на острове и начало норманнскому владычеству в Южной Италии.

Смерть постигла царя Василия в преклонном возрасте; он умер в декабре 1025 г., когда занят был приготовлениями к походу в Сицилию, имея около 70 лет. Его можно считать последним представителем даровитой династии, давшей государству столько способных полководцев и просвещенных администраторов. Нельзя, конечно, ставить им в вину их узкого патриотизма, приносившего в жертву эллинизму другие народности империи; нельзя также относить на счет их политической недальновидности обнаружение и развитие в XI в. таких разрушительных сил, которые свели на нет все приобретения македонских царей на восточной и западной границах и которые угрожали поколебать внутренний порядок в империи. Наступившие в XI в. политические перемены на границах империи и постепенно вошедшие в строй Византийского государства посторонние влияния, вызывавшие в нем разные приспособления к новым потребностям, составляют первостепенную задачу историка, последних представителей династии по смерти Василия Болгаробойцы. Прожив до глубокой старости, Василий не оставил после себя потомства; едва ли даже он был женат, так как ни разу не встречается упоминание об его супруге. Да и вообще во весь почти пятидесятилетний период его царствования в придворной жизни Большого дворца женщина так мало имела значения, что и о второй царице, супруге Константина Елене, история сохранила весьма мало воспоминаний. У царя Константина и Елены были три дочери: Евдокия, Зоя и Феодора. Первая постриглась в монахини, две другие по смерти Константина в 1028 г.

остались представительницами Македонского дома и правили государством, избирая себе товарищей из служилой аристократии, с которыми вступали в брак, до 1056 г. Таким образом, целое тридцатилетие отмечается еще именем македонского периода, хотя по существу в это время развивается, особенно в политическом отношении, совершенно новый порядок вещей, и разве только во внутренней истории византийских учреждений можно наблюдать естественную эволюцию, начатки которой относятся еще к X в. Редко бывают эпохи, выставлявшие такое количество ничтожностей, на долю которых выпадала, однако, высокая и ответственная государственная роль, такой бедности талантами, таких мало подготовленных к делу управления и так низко ставивших государственные интересы лиц. Казалось бы, никакому творчеству и движению вперед не могло быть места в этот период интриг и борьбы личных самолюбий, и между тем редкие эпохи столь чреваты зачатками и подготовкой важных событий, которые тогда нарождались и которых будущее значение не было замечено и угадано. К сожалению, научная разработка истории этого периода находится в зачаточном состоянии; это объясняется как бедностью материалов, так и недостатком крупных исторических характеров и цельных фигур, а равно отсутствием широких и глубоко захватывающих общественных движений, которые могли бы придать живой интерес этому периоду. Последний большой том «Византийской эпопеи», посвященный занимающему нас 30-летию, привел в изнеможение академика Шлумбергера: «из всех четырех томов,— говорит он,— этот стоит мне всего больше времени и труда; под конец эта работа почти надломила мои силы» [15].

Прежде чем приступать к фактам всемирно-исторического значения, имевшим место в этот жалкий период последних представителей Македонской династии, мы должны бросить хотя бы беглый взгляд на царский двор, на носителей самодержавной власти и на правительство. В то время как на всех почти границах велась ожесточенная война, в которой победа почти всегда склонялась на сторону врагов, в центре, у самого престола, наблюдается жалкая борьба мелких честолюбий, низкая интрига и сплетня, взаимное соперничество партий и отдельных лиц из-за влияния. Если случайно появлялся на том или ином поприще деятель с твердым характером, расположенный жертвовать личными интересами ради общественного блага — таковы были военные вожди и гражданские чины из школы царя Василия,— то господствовавшая посредственность принимала все меры, чтобы поскорей устранить его от влияния на дела. Для историка представляется здесь весьма важная проблема — отметить то, в чем заключались жизненные задачи для византийского правительства, и выделить частные интересы небольших групп.

Брат Василия, царь Константин VIII, был только на три года моложе, следовательно, в 1025 г. ему было около 67 лет. Хотя он все время царствования Василия пользовался именем и честью, соединенными с своим званием соимператора, но фактически не принимал участия в правлении. Это, впрочем, не вызывало с его стороны протеста: исключительная энергия и неослабная сила воли Василия не могла терпеть около себя другой власти, да и сам Константин предпочитал свободу жизни, удовольствия и приятное общество скучным деловым

кабинетным занятиям. Он был хорошим охотником и прекрасно сидел в седле, и хотя в старости был слаб на ноги, но на лошади сидел твердо и красиво. Сделавшись полновластным государем, он нимало не изменил своих привычек и обычной жизни. Современники ставят ему в упрек его жестокость и частое применение пыток; он весьма часто наказывал ослеплением. Знатные роды служилого дворянства и крупных землевладельцев, начавшие поднимать голову в конце X в., воспользовались слабым правительством Константина и стали делать новые попытки к династическому перевороту. Вследствие этого — нерасположение Константина к знатным лицам, гордившимся заслугами предков, и предпочтение к людям из низкого состояния. Наиболее серьезное движение против Константина поднято было на Востоке Никифором Комнином, который поплатился за это ослеплением с семью своими соучастниками.

Царь был женат на Елене и имел от нее трех дочерей. Две младшие дочери, Зоя и Феодора, представляли собой фактически то поколение, к которому должна была перейти власть после Константина, так как о старшей Евдокии, постриженной в монахини, не могло быть речи. Вопрос о наследстве назрел весьма скоро ввиду старости и болезненности царя, который в ноябре 1028 г. почувствовал себя особенно плохо. Но обе царевны по странной игре случайностей оставались незамужними, хотя Зое было уже к тому времени 50 лет, а Феодоре немного менее. По господствовавшему в империи обычаю, особа женского пола, на долю которой выпадало царствование, избирала себе товарища, с которым вступала в брак и которого приобщала к царской власти. По случаю болезни Константина VIII для царевны Зои был отыскан жених в лице Романа Аргира, который хотя не отличался особенной знатностью, но принадлежал к членам крупного класса землевладельцев в феме Армениак. Не без значения для будущей истории дома Аргиров было то обстоятельство, что в этом деликатном вопросе вследствие искусно проведенной интриги оказался обиженным Константин Далассин, по своему рождению и связям гораздо более имевший прав на престол. Хотя Роману было уже не менее 60 лет и хотя он был женат и притом был в родстве с царствующим домом, но все препятствия были устранены авторитетом патриарха Алексея (1025—1043), который разрешил этот брак. Только что была повенчана Зоя с Романом, который вместе с тем провозглашен соимператором, как 15 ноября 1028 г. умер Константин VIII.

С возведением Романа III на престол во главе империи стал тщеславный, много о себе мечтавший и вполне ограниченный человек. При нем прежде всего обнаружились несогласия в царской семье между Зоей и Феодорой. Последняя считала себя обиженной тем, что имя Зои всегда было впереди, а она отодвигалась на второй план. Это было поводом к образованию придворных партий, из коих одна тянула к Зое, другая — к Феодоре. Положение дел еще более ухудшилось, когда Роман, горевший желанием иметь потомство от брака с Зоей и, несмотря на разные принимаемые им искусственные средства, не достигший желаемого, охладел к царице, прервал с ней сношения и стал скуп на выдачи ей денег. Раздоры в царской семье дали пищу придворным интригам и усилили борьбу партий. Прежняя аристократическая партия, стремив-

шаяся к династическому перевороту, группировалась теперь около царевны Феодоры, к которой примкнули и недовольные новыми порядками болгарские бояре. Мы не считаем нужным входить в подробности мелкой интриги и открытых заговоров, характеризующих это время, которые не имели за собой важных государственных мотивов. Отметим лишь то, что придворными смутами пользовались близкие ко двору люди для достижения личных целей. Особенно выдвинулся около 1031 г. евнух Иоанн, бывший на службе у царя. Это известный впоследствии Иоанн Орфанотроф, захвативший в свои руки всю власть и поставивший Византии не одного царя из своих родственников и клевретов. Родом из Пафлагонии, незнатного происхождения, он отличался большой хитростью, умом и необыкновенной приспособляемостью к обстоятельствам. Он построил свою карьеру на охлаждении между Зоей и Романом и на старческом сластолюбии царицы. Он познакомил Зою со своим братом Михаилом, молодым и красивым человеком, который понравился царице и сделался ее фаворитом. В 1033 г. Роман заболел подозрительной болезнью вследствие отравления ядом, который поднесла ему царица. Когда же он умер 11 апреля 1034 г., то вопрос о престолонаследии решен был в пользу любимца Зои, Михаила, который на другой же день по смерти царя повенчался с Зоей и провозглашен царем под именем Михаила Пафлагонянина (1034—1041). Но в общем это не был такой человек, какого бы желала Зоя. Он перестал притворяться влюбленным, стал уединяться и окружать себя монахами и стремиться к подвигам. Тогда Иоанн Орфанотроф, чтобы на будущее время предупредить всякие неожиданные увлечения со стороны царицы, тщательно окружал ее верной стражей. Время Михаила Пафлагонского отмечается заговорами, волнениями и весьма низменными интригами. Византийская аристократия пыталась протестовать против выходцев из Пафлагонии. Таково было движение, связанное с именем Константина Далассина в 1038 г.; таково же разразившееся в 1040 г. движение, имевшее целью свержение пафлагонца, руководимое Михаилом Кируларием. Но Иоанн Орфанотроф обеспечил себе бесконтрольную власть и на случай смерти Михаила Пафлагонского. Он убедил царя озаботиться вопросом о наследстве посредством усыновления и объявления кесарем племянника по сестре, по имени Михаила Калафата, который по смерти царя в декабре 1041 г. объявлен был императором. Отношения его к царице Зое не могли быть искренни уже и потому, что он задумал освободиться от всякой опеки и основать собственную династию с устранением престарелых дочерей Константина VIII. Он основал свои надежды на преданности городского населения, которое действительно оказывало преданность и расположение. Но посягательство на права царицы Зои, которую он хотел устранить от власти и быть единодержавным, окончательно погубило его. В 1042 г., 18 апреля, он распорядился сослать царицу на Принцевы острова. Следствием этого был бунт в Константинополе и возгласы народа: «Не хотим ставропата Калафата, желаем законную нашу няню Зою». Тогда вызвана была из монастыря Петрия Феодора, которая объявила низверженным Калафата и по ослеплении отправила его в ссылку. По низвержении Пафлагонского дома во главе правительства стали обе сестры, но это продолжалось с небольшим полтора месяца.

Для обеспечения престолонаследия снова возник вопрос о кооптации и снова было предоставлено царице Зое избрать себе мужа и разделить с ним власть. Тогда выступил на сцену Константин Мономах, с которым царица, говорят, имела прежде сношения. В описываемое время он находился в ссылке на острове Лесбосе, где бедную жизнь и уединение разделяла с ним племянница его по второй жене, происходившей из знаменитого рода Склиров, известная под простым именем Склирена. Мономах был вызван в столицу и 11 июня обвенчался с Зоей, а на следующий день имел священное коронование. Мономах (1042—1054) разделял власть с обеими сестрами, а когда в 1050 г. Зоя умерла 72 лет от роду, правление его продолжалось вместе с Феодорой; последняя же с 1054 г. два года была еще единодержавной. Двенадцатилетнее правление Константина Мономаха наполнено интригами и скандальными похождениями, связанными с именем цариц и его фаворитки, упомянутой Склирены. Сначала Мономах несколько скрывал свои отношения к Склирене, а потом с согласия Зои перевел ее в Большой дворец, почтил саном севасты и жил с ней почти открыто. Когда же она умерла от чахотки, то царь перенес свои симпатии на одну грузинку, проживавшую в столице в качестве заложницы. Придворная жизнь служит канвой, по которой расшиваются узоры общественной и государственной деятельности. Склирена привела с собой клику родственников, которые возбудили против себя неудовольствие в чиновных сферах и в народе; особенно когда стали ходить слухи, что Мономах думает жениться на Склирене и возвести ее на престол. Мы будем иметь случай видеть далее, как самые существенные интересы государства приносились при этом в жертву личным счетам и партийной борьбе. Заговоры, возмущения и попытки к государственным переворотам были обычным явлением в этот период. Таковы движения Маниака, Стефана Севастофора, Льва Ламбра, наконец, Льва Торника, последнему покровительствовала даже Евпрепия, родная сестра Мономаха. Когда в начале 1055 г. Мономах был на смертном одре, снова выступил вопрос о престолонаследии. Приближенные к нему государственные сановники указали на Никифора Протевона, но приверженцы царицы Феодоры приняли свои меры и провозгласили ее царицей. Она еще 2 года управляла империей. Отмечается как особенность ее царствования то, что при ней не было больше внутренних смут и заговоров. Когда престарелая царица сделалась больна, приискали кандидата на престол в лице патрикия Михаила Стратиотика, который по старости и незначительности не мог угрожать привилегиям служилой и придворной аристократии, получившей преобладание за этот период смут и интриг. Патриарх Михаил Кируларий короновал его 31 августа 1056 г., а вскоре затем скончалась и Феодора. Царствование Михаила VI Стратиотика было весьма непродолжительно и могло бы быть совершенно обойдено молчанием, если бы оно не было пограничным между двумя периодами. В 1057 г. Стратиотик отказался от власти, хотя и не по доброй воле, в пользу основателя новой царской династии, магистра Исаака Комнина.

С большим облегчением автор смотрит на пройденное небольшое количество страниц, которые казались ему необходимы, чтобы ввести читателя в скудную идеями и неприглядную обстановку, в какой развертывалась жизнь в царской семье и в высших придворных кругах. Конеч-

но, было бы большой ошибкой ограничивать историю Византии придворными интригами и сменой носителей царской власти, которые характеризовали себя самыми низменными стремлениями и направляли всю волю на удовлетворение своих прихотей. К счастью, почти везде за верхними слоями находились нижние пласты, в которых можно находить живую струю и смену более или менее высоких направлений и идей, украшающих жизнь и составляющих ценное содержание в истории народов. Продолжительный период македонских царей является периодом высокого подъема, напряжения в литературной и художественной производительности, расширения пределов империи на всех границах и нарождения новых исторических проблем, которые имели перейти для дальнейшей разработки к новому периоду царей Комнинов. За недостатком места мы относим к началу следующего тома изложение тех сторон, в которых скрывались задатки для последующего развития.

Источники и литература
(приведенные Ф. И. Успенским)

Глава I

[1] Что касается подробностей вопроса о Руси дорюриковской, мы излагаем их в отдельной статье, входящей в юбилейное издание «Одесского общества истории и древностей» (1914).

[2] Васильев А. А. Происхождение Василия.— Виз. Врем. Т. XII.

[3] Vita Basilii. 9.— Theoph. Contin. Lib. V. P. 224. Bonn.

[4] Λαμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. IV. P. 194—195.

[5] ἰδιώτης καὶ πάνυ ἀφελής (Vita. C. 15. P. 234).

[6] Theoph. Contin. Lib. V. C. 16 (De Basilio). P. 234—235.

[7] De Basilio Macedone. C. 17. P. 236.

[8] De Basilio. C. 17. P. 237—238. Здесь ответственность Василия весьма смягчена.

[9] Главное и исчерпывающее предмет сочинение о Фотии принадлежит кардиналу Hergenröther'y: Photius Patr. v. Constantinopel. Regensburg, 1867—1869 (три тома).

[10] Hergenröther. I. S. 368.

[11] Βαλεττα. Φωτίου ἐπιστολαί. Αριστάρχη. Του εν αγιοις πατρος ημων Φωτιου λογοι καὶ ομιλιαι ογδοηκοντα τρεις. Т. I—II.

[12] Hergenröther. I. S. 430. Письмо 9-е папы Николая: «Quoniam apud Graecos, sicut nonnullae diversae temporis scripturae testantur, familiaris est ista temeritas» [Потому что у греков вполне обычна эта неточность, будто бы это несколько различных сочинений разного времени].

Глава II

[1] Укажем лишь самые основные статьи: академика В. И. Ламанского в «Журн. М. Нар. Просв.», начиная с 1893 г., и Брикнера — Archiv für Slavische Philologie. B. XXV, XXVIII.

[2] «Паннонские легенды». Изд. в Чтениях в Общ. ист. и древностей, 1863—1865.

[3] Archiv für Slavische Philologie; Lamanskij. Vita Cyrilli. S. 157; Васильев. Византия и арабы. С. 178—179.

[4] Речь Ф. Успенского, в журнале «Киевская Старина» (май 1885 г.).

[5] Кеппен. Крымский Сборник. 177, 178; Васильевский. Житие Иоанна Готского, в «Журн. Мин. Народн. Просв.». 1877. С. 152.

[6] Фоúλη. Mihael Akominatos. Изд. Ламброса. I, 321; II, 216.

[7] Что в последнее время вполне доказано покойным академ. Голубинским — История Русской Церкви. I. 17—30.

[8] Известия Р. А. Института. Т. X. Кн. VIII. С. 265 и сл.

Литература

[9] Петров А. Л. Письмо Анастасия Библиотекаря.— Журн. Мин. Нар. Просв. Февраль, 1893.

[10] Шестаков С. Памятники христианского Херсонеса. III. С. 50 и сл.

[11] Для литературы вопроса: Шестаков. Памятники Херсонеса. III. С. 52 и сл.

[12] Brückner. Cyrillo-Methodiana. S. 209: «daher ersann er die Glagolica, die Cyrillica hätte für seine Zwecke gar nicht ausgereicht» [поэтому он и выдумал глаголицу, а кириллицы для его целей было бы совершенно недостаточно] (Archiv für Slav. Philol., XXVIII).

[13] Малышевский И. Святые Кирилл и Мефодий. Киев, 1886. С. 138 и сл.

[14] Малышевский. С. 147.

[15] Migne. Patrol. graeca. T. CII. Col. 736.

Глава III

[1] О громадной добыче, оказавшей сильное влияние на ценность металла: Annales Lauriss. A. 795; Einhardi Annales. A. 796.

[2] Erben. Regesta. N 22, 26, 27; Büdinger. Oesterr. Gesch. S. 160.

[3] Einhardi Anno 822.

[4] Jules Gay. L'Italie Méridionale et l'empire byzantin. P. 93—94 (Bibl. des écoles françaises d'Athènes et de Rome. Fascicule 90). Paris, 1904.

[5] Echo d'Orient. T. XII. 1909. P. 362.

[6] Brückner. Cyrillo-Methodiana. S. 211 (Archiv für Slav. Philologie, XVIII. 1906).

[7] Brückner. Cyrillo-Methodiana. S. 198 (Arch. für Slavische Phil., XVIII).

[8] Cyrillo-Methodiana. S. 199.

[9] Goetz. Gesch. der Slavenapostel Konstantinus und Methodius. Gotha, 1897. S. 158—159.

[10] Friedrich. Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius (Sitzungsberichte des Bayer. Akad. der Wissensch. Historischen Classe. 1892); Ж.М.Н. Просв. Февраль. 1893. С. 186 (статья А. Л. Петрова).

[11] Vita et Translatio S. Clementis.

[12] Чтения в Общ. ист. и древностей. 1865, 1—11; Franko. Cyrillo-Meth. S. 241 (Arch. für Sl. Phil., XXVIII); Goetz. Gesch. der Slavenapostel. S. 79.

Глава IV

[1] Hergenröther. Photius Patriarch. I. S. 337; Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles IV. I. P. 252; Kattenbusch. Realencykl. für protest. Theol. XV. S. 375.

[2] О подарках: Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles IV. P. 267; предмет посольства: Mansi XV. Col. 147.

[3] Mansi Sacror. Conciliorum Collectio. XV. Col. 162.

[4] Этот прекрасный документ на греческом издан в «Τόμος Χαρας» патриарха Досифея. Бухарест, 1705; содержание его приведено у Hergenröther'а, I. S. 439.

[5] Hefele-Leclercq. IV. 327—329.

[6] Известия Р.А. Института в Константинополе. X. С. 97 и сл.

[7] Jaffe. Regesta pontificum romanorum. P. 245. N 2084: quia vero dicis, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti et jam multi ex ipsis christiani facti sunt, gratias agimus Deo [а за то, что, как ты сообщаешь, сам царь болгар хочет обратиться к вере и многие из них уже стали христианами, мы благодарим Бога].

[8] Hincmar. Annal. Bertin. Pertz, I. P. 473: rex Bulgarorum qui praecedente anno Deo inspirante et signis atque afflictionibus in populo regni sui monente, christianus fieri meditatus fuerat, sacrum baptisma suscepit [царь болгар, который в про-

шлом году, вдохновленный Богом, наставившим его знамениями и скорбями, посланными его народу, задумал стать христианином, принял святое крещение].

[9] Βαλεττα. Φωτίου ἐπιστολαί. P. 200. Содержание этого послания вероисповедного и поучительного характера.

[10] Hergenröther. Photius. I. S. 604—605.

[11] Βαλεττα. § 114. P. 247: ὦ τῶν ἐμῶν πνευματικῶν ὠδίνων εὐγενὲς χαὶ γνήσιον γέννημα...

[12] Pertz. Annal. Bertiniani. I, 474: Mittens ad Ludovicum Germaniae regem episcopum et presbyteros postulavit.

[13] Pertz. Annales Fuldenses. I. P. 379, 380.

[14] Ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς ἀρχιερατικοὺς θρόνους, ap. Migne. Patrol. graeca. T. LII. Ep. 13; Βαλεττα. Φωτίου ἐπιστολαί. P. 165. Ep. 4.

[15] Βαλεττα. § 3, 4.

[16] § 24.

[17] § 24—27.

[18] § 37—38.

[19] Mansi XV. Col. 401; Hergenröther. I. S. 607; Hefele-Leclercq. IV. P. 437. Оценки памятнику еще не сделано с точки зрения историко-литературной и юридической. Лучшее принадлежит на болгарском проф. Бобчеву — История на старо-българското право. София, 1910. С. 115; на русском — Гильфердинг. Письма об истории сербов и болгар. М., 1885. С. 78 и сл.

[20] Bogisic. Pisani zakoni na slov. jugu.

[21] Имеем в виду печатную Кормчую книгу и вопросы, связанные с изучением памятника «Закон судный людем». Обзор литературы: Бобчев. История на старо-българското право. С. 120, 141 и сл.

[22] Hergenröther. I. S. 641—642.

[23] Главный источник: Анастасий Библиотекарь; Mansi XVI. Col. 5; Никита в жизнеописании Игнатия. Ibid. Col. 256.

[24] Mansi XVI. Col. 13—179. Деяния озаглавлены «Sancta synodus generalis Octava». В русском изложении деяния в кн.: Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI вв. Изд. 2. СПб., 1905. С. 132—204.

[25] Главный источник — «Vita Hadriani» Анастасия Библиотекаря.

Глава V

[1] Относящиеся сюда события хорошо разработаны в литературе, за исключением той части, которая относится к Далмации. Отметим главнейшие пособия: Dümmler. Geschichte des ostfränkischen Reiches. 2-e Aufl. II, 250; Gasquet. L'empire Byzantin et la monarchie franque; Harnack. Das Karolingische und das Byzantinische Reich. Göttingen, 1880. В особенности новые работы: Васильев А. Византия и арабы за время Македонской династии. СПб., 1902; Jules Gay. L'Italie méridionale et l'empire Byzantin. Paris, 1904 (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. Fascicule 90); Kleinclausz. L'empire karolingien. Paris, 1902. Наконец, отметим: Amari. Storia del musulmani di Sicilia. Vol. I—III; Он же. Bibliotheca Arabo-Sicula. Lipsia, 1857.

[2] Annal. Einh. A. 812; Vita Caroli. C. 15.

[3] Constantini. De adm. imperio. C. 29. P. 128.

[4] Это во всяком случае весьма любопытное письмо сохранилось в Chron. Salernitanum, ap. Pertz. Monum. Germaniae Historica. III. Оно составляет ответ на несохранившееся письмо Василия. Об его достоверности см.: Gay. L'Italie méridionale. P. 84, squ.; Harnack. S. 78—82; Kleinclausz. L'empire karolingien. P. 441 squ.

[5] Theoph. Contin. V. C. 54. P. 291; Ibid. C. 55. Здесь, между прочим, говорится о содействии Никиты Орифы Людовику в осаде Бари.

[6] Constantini. De administr. imp. C. 31.

[7] Ibid. C. 29.
[8] Gfrörer. Byzant. Geschichten. II. S. 123—126.
[9] Об истории Кипра: Byz. Zeitschr. XVI. S. 204 (Grégoire. Saint Démétrianos).
[10] Gay. L'Italie méridionale. P. 110.
[11] Васильев А. В. Византия и арабы. С. 58.
[12] Это есть письмо некоего монаха Феодосия к своему другу диакону Льву, изд. в парижском изд. Льва Диакона у Газе. В русском переводе: Попов. История Льва Диакона. С.-Петербург, 1820. С. 175. В книге проф. Васильева из него приведены достаточные извлечения.
[13] Contin. Hamart. P. 759.
[14] Migne. Patrol. graeca. T. CXI. Col. 277. Epist. 75. Автор рассматривает политическое положение империи в связи с церковными делами, именно, с фотиевским вопросом.
[15] Письма папы ap. Migne. Patr. lat. T. CXXIX. Col. 789.

Глава VI

/[1] Новые данные для вопроса представляет письмо Анастасия к Гавдерику, изд. в первый раз в Sitz-Herichte der Bayer. Ak. hist.-phil. Cl. 1892. III профессором Friedrich. На русском А. Петров в Ж. М. Н. Просв. 1893. Февраль. 186./
[2] Вопрос разобран в книге П. Лавровского—Кирилл и Мефодий. С. 312 и сл.
[3] Legenda Italica. Ed. Ginzel. P. 11: posuerunt in monumento ad id praeparato in basilica B. Clementis ad dextram partem altaris ipsius cum hymnis et laudibus [под пение гимнов положили в приготовленную для этого гробницу в базилике бл. Климента справа у самого алтаря].
[4] Литература предмета: Bartolini. Memorie storico-critiche archeologiche dei santi Cirillo et Metodio. Roma, 1881. Appendice; Mullooly. Saint Clement Pope and martyr and his basilica. Rome, 1873; Jelič. Nuove osservazioni sull'icone vaticana dei ss. Pietro e Paolo. Römische Quartalschrift, VI Jahrg. Rom, 1892. P. 83.
[5] Mullooly. P. 302. Таблица, изображающая Спасителя с коленопреклоненными Кириллом и Мефодием: Resetar. Das Grab und die Grabinschrift d. heil. Cyrillen in Rom (Archiv für Sl. Phil. XXVIII. S. 421).
[6] Anastasii Bibl. Ep. II (Migne. Patr. lat. T. CXXIX. Col. 741): denique vir magnus et apostolicae vitae praeceptor Constantinus philosophus, qui Romam sub venerabilis memoriae Adriano juniori papa veniens, S. Clementis corpus sedi suae restituit... solitus erat dicere.
[7] Подробности в моей книге: Первые слав. монархии. С. 65.
[8] См., напр.: Goetz. Gesch. der Slavenapostel Konstantinus und Methodius. S. 52 и сл.; Brückner. Cyrillo-Methodiana. S. 206 (Archiv für Sl. Phil. XXVIII); Snopek. Konstantinus-Cyrillus und Methodius. Kremsier, 1911. S. 87 squ.
[9] Это знаменитая «Historia conversionis Bagoariorum et Carantanorum», изд. ap. Pertz. Monum. Germ. XI. P. 4. Относительно лица, которому она назначалась, высказываются различные мнения. По мнению Wattenbach (Beiträge zur Gesch. der christ. Kirche)—для Людовика, по мнению Dümmler (Gesch. d. ostfr. Reichs. II. S. 817)—для папы.
[10] Jaffe. Regesta. A. 873. N 2970.
[11] Все акты помечены маем 873 г.—ap. Jaffe. N 2971 и сл.
[12] Jaffe. Regesta. N 2977.
[13] Jaffe. Regesta. N 2979. Romae cum super eo interrogareris a nostris, te illum nosse mentiendo negasti, cum cunctarum afflictionum sibi a vestratibus illatarum, ipse incentor, ipse instigator, immo ipse fueris auctor [а когда в Риме наши спрашивали тебя о нем, ты солгал, утверждая, что не знаешь его, хотя ты сам был зачинщиком, сам вдохновителем, сам причиной всех бед, причиненных ему вашими].

[14] Jaffe. N 2978—3268.

[15] Ann. Fuldenses, a. 871; Hiacmari Ann. A. 871 (Pertz. Script. I.): maximum damnum a nepote Rasticii, qui principatum Vinidorum post eum susceperat, habuit (т. е. король) in tantum, ut markiones cum plurima turba suorum perdiderit et terram, quam, in praeteritis annis obtinuerat, perniciose amiserit [наибольший ущерб он (т. е. король) понес от племянника Ростислава, когда потерял громадное число своих и пагубным образом лишился земли, которую приобрел в предшествующие годы].

[16] Подробности в моей книге: Первые славянские монархии. С. 68—69.

[17] Miklosich. Vita S. Clementis. P. 7—8.

[18] Jaffe. Reg. 326.

[19] Gregorovius. Gesch. der Stadt Rom. III, 187; Reumont. Gesch. d. Stadt Rom. II. S. 209.

[20] Новейшая защита подлинности этого весьма важного акта в труде: Snopek. Konstantinus-Cyrillus und Methodius. Гл. XVIII. Заключения против подлинности письма на основании сличения его с знаменитым актом папы Стефана V, см.: K. Goetz. Gesch. der Slavenapostel Konstant. und Methodius. Gotha, 1897. S. 51, 60 squ.

[21] Brückner. Archiv für Sl. Phil. B. XXVIII. S. 210; Snopek. S. 156.

[22] Goetz. Gesch. d. Slavenapostel. S. 213—216.

[23] Legenda Bulgarica. C. 5 (изд. Бильбасова. II. X. 281); «Vita S. Clem.». P. 9.

[24] Имеется в виду Brückner. Cyrillo-Methodiana. S. 205 (Archiv für Sl. Phil. XXVIII) и защита этой меры с канонической точки зрения Снопеком, гл. XII «Wichings Fälschungen». Все сомнения решаются следующим местом из письма папы Николая I ad Adonem archiep. Viennensem, ap. Mansi Concilia XV. Col. 452: Ut suffraganei reverentiam et obedientiam condignam metropolitanis suis exhibeant, ad metropolitanam sedem obedientes occurrant, causas ecclesiasticas cum metropolitano suo fideliter pertractent ei ab eo formam qualiter ipsi in ecclesia sua agant, accipiant [чтобы епископы-суффраганы выказывали своим митрополитам должное почтение и послушание, пусть покорно являются к их кафедре, преданно рассматривают вместе со своим митрополитом церковные дела и узнают у него, как им действовать в своей церкви].

[25] Jaffe. Regesta. N 3407, 3408; Wattenbach. Beiträge, S. 43; Migne. Patr. lat. T. 129. Col. 801.

[26] Jaffe. Regesta. N 3408.

[27] Весьма несочувственная характеристика Викинга в: Vita S. Clementis. C. XIV. Ed. Miklosich.; русский перевод Бильбасова—Кирилл и Мефодий. II. С. 341; Annal. Fuldenses. A. 899.

[28] Профессор Т. Флоринский. Статистико-этнографический обзор современного славянства. Киев, 1907—1911.

Глава VII

[1] Grosvenor. Constantinople. P. 179.

[2] Βαλεττα. Φοτίου ἐπιστολαί. Επ. 218.

[3] Лебедев. История разделения Церквей. С. 258—259.

[4] Mansi XVII. Col. 412.

[5] Photii Epist. 66—Patr. lat., 102. Col. 877; Hergenröther. II. S. 228; Vogt. Basile I. P. 233.

[6] Mansi XVII. Col. 136, 148.

[7] Hergenröther. II. S. 532 и сл.; Hefele-Leclercq. IV. P. 569 и сл.; на русском: Лебедев. История разделения Церквей. 241—242. Подразумеваемые акты в издании: Mansi XVII. Col. 136, 148 и сл.

[8] Lapôtre. Le pape Jean VIII. P. 63; Vogt. Basile I. P. 336; Hefele. IV. P. 576.

[9] Vogt. Basile I. P. 243—244.
[10] Mansi XVII. Col. 384.
[11] Mansi XVII. Col. 500, 521.
[12] Hergenröther. II. S. 536; Realencykl. für Protest. Theol. XV. S. 384 (Photius).
/[13] De mystagogia Spiritus Sancti—Migne. Patr. gr. T. 102./

Глава VIII

[1] Theoph. Contin. Lib. III. De Theophilo. P. 121; «Жизнь Феофании», изд.: Hergenröther. Monumenta Graeca ad Photium pertinentia. P. 72; De Boor. Vita Euthymii. Berlin, 1888.
[2] Vatopedi cod. 360.
[3] Vitá Basilii. P. 349—350; Hergenröther. Monumenta. P. 78.
[4] De Boor. Vita Euthymii. Berlin, 1888. S. 20—21.
[5] Theoph. Contin. de Basilio. C. 89. P. 333.
[6] Mansi XVI. Col. 431.
[7] Georgius monachus. De Basilio. P. 847 (c. 25): ὡς τὰ τοῦ Λέοντος φρονῶν.
[8] Mansi XVII. Col. 184—185.
[9] Mansi XVI. Col. 420, 425—434.
[10] Эта мысль проведена в сочинении о. Герасима Яреда—Отзывы о патриархе Фотии. С. 251—255 (С.-Петербург, 1874).

Глава IX

[1] Ter Mkrttchian Karapet. Die Paulicianer. Leipzig, 1893.
[2] Petri Siculi Historia manich.—Migne. Patrol. gr. T. CIV. Col. 1241. Спорные вопросы о личности Петра и его посольства см.: А. А. Васильев. Византия и арабы. II. С. 27; Vogt. Basile I. P. 323.
[3] De Cerimoniis. I. P. 498.
[4] Подробности в весьма важной для восточных дел работе проф. А. Васильева. Византия и арабы. С. 40 и сл.
[5] Theoph. Contin. V (de Basilio). P. 278. Ed. Bonnae.
[6] De Basilio. P. 278.
[7] De Goeje. Bibl. VI. P. 194.
[8] Georgii Hamartoli. P. 764.
[9] Васильев. Византия и арабы. II. С. 85.
[10] Главное пособие: Васильев. Византия и арабы. II. С. 47—48.
[11] Constant. De Thematibus. P. 40.
[12] Migne. Patr. graeca. T. CII. Col. 984.
[13] Migne. Patr. graeca. T. CXI. Col. 27; в русском переводе: Васильев. Виз. и арабы. Приложения. С. 197.
/[14] Подробности о войнах с арабами в книге проф. А. Васильева—Византия и арабы. II. С. 108—109 и сл./
[15] Leonis. Tactica (Migne. Patr. graeca. T. CVII. Col. 800).
[16] Никита Пафлагонский ар. Migne. T. CV. Col. 573.
[17] Patrum Nova Bibl. T. IX. P. 9—10; Васильев. II. С. 133.
[18] Известия. XIV. С. 33.
[19] Joannes Cameniata. De excidio Thessalonicensi. Ed. Bonnae (Theophanes. Contin. P. 498); Migne. Patrol. graeca. T. CIX.
[20] Cameniata. P. 514. 14.
[21] Васильев. II. 153.
[22] Theoph. Contin. Lib. VI. P. 371.

[23] Попов. Император Лев Мудрый. Приложение 2. С. 302.
[24] Подробности на основании арабских известий в книге проф. Васильева. II. С. 161.
[25] De Cerimoniis aulae Byzantinae. II. С. 44.
[26] Разумеем книгу проф. Васильева. II. С. 167./
[27] Hamartoli Contin. Ed Muralt. P. 788 squ.; Васильевский в: Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. 212. С. 407—408 (О жизни и трудах Метафраста).
[28] Theoph. Contin. VI. P. 474.
[29] De Cerim. II. P. 657.
[30] Грен. Династия Багратидов — в Ж. М. Н. Просв. Ч. 290. С. 67; Васильев. Византия и арабы. II. С. 83 и сл.
[31] Перевод Эмина. С. 115.
[32] Tactica. XV. С. 38 (Migne. CVII. Col. 896).
[33] Cedreni II. P. 354.
[34] Прекрасный обзор событий дают: Gay. L'Italie méridionale. P. 140 и сл.; Hartmann. Geschichte Italiens. III. 2-te Hälfte. S. 145 squ.
[35] Ep. 76 ap. Migne. T. III.
[36] Acta s. Severini (Acta Ss. Jannuarius. I. P. 736); Васильев. II. 128; Hartmann. III. 2-te Hälfte. S. 159.
[37] Gfrörer. Byzantinische Geschichten. II. S. 156; Jireček. Ceschichte der Serben (Gotha, 1911). S. 196.

Глава X

[1] Gelzer в «Истории литературы» Крумбахера, S. 974; Λαμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. IV. 201 (ὁ Αἰών τῆς Ἀκμῆς).
[2] Главный авторитет — Zachariae a Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. 11-te Aufl. Berlin, 1877; Васильевский. Законодательство иконоборцев. Статьи в «Журн. М. Н. Просв.» за 1878 г., часть 199 и 201; Он же. О синодальном списке эклоги. Там же, январь 1879 г.; Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869; Он же. Книги законные. С.-Петербург, 1885; Ф. Успенский. Древнейший памятник славянского права. В «Юридич. Вестнике» за 1886 г., № 4; Б. А. Панченко — Изв. Р. А. Института в К-поле. Т. IX.
[3] Zachariae Jus graeco-rom. III. 95.
[4] Эта теория выдвинута особенно Б. А. Панченко, в «Известиях Р. А. И. в К-поле», т. IX. Она разобрана в статье: П. Мутафчиев (Селското землевл. в Византия), помещ. в «Сборнике за народни умотвор.», кн. XXV (София); ср.: П. Безобразов. Виз. Временник. Т. XVII. С. 336.
[5] Таково мнение проф. Ф. Зигеля, Т. Д. Флоринского и Бобчева, см. «История на старо-блгарското право» от Ст. Бобчев (София, 1910), с. 141 и сл., где этому вопросу уделено много места.
[6] По изданию Ferrini.
[7] Издание законов, которыми здесь занимаемся, принадлежит Zachariae a Lingenthal Jus graeco-romanum. Но что касается «Эклоги» и «Эпанагоги», есть отдельное издание того же Цахариэ — Gollectio librorum Juris graecoromani. Lipsiae, 1852. Специальное исследование об «Эпанагоге» профессора В. Сокольского (Визант. Временник. I. 17 и сл.).
[8] Проф. Сокольский. О характере и значении «Эпанагоги» (Визант. Временник. I. С. 35—36).
[9] Изд. Heimbach. Basilicorum libri LX. Lipsiae, 1833—1848. В пяти томах: Zachariae Supplementum editionis Basilicorum.
[10] Весь третий том изд. Цахариэ «Jus graeco-romanum» посвящен новеллам византийских императоров.
[11] Novella IX.

Литература

[12] Попов. Император Лев VI Мудрый. Москва, 1892. С. 208 и сл.
[13] Zachariae von Lingenthal Geschichte des Griechisch-Römischen R. III Auflage. Berlin, 1892.
[14] Имеем в виду по преимуществу труды В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Б. А. Панченка и др.
[15] Zachariae Jus graeco-romanum III. 238.
[16] См.: Т. I. С. 30 и сл. [Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI—IX вв. М., 1996. С. 27—29.]
[17] Zachariae Jus graeco-romanum. III. P. 312.
[18] Старое издание Бюшона: Bickon. Chroniques étrangères. P. 73; новое: Schmitt. The chronicle of Morea. London, 1904. P. sub. v. Μελίγγοι; ὁ δρόγγος τοῦ Μελιγγοῦ.

Глава XI

[1] Характеристика угров: Jireček. Oesterreichische Geschichte für das Volk. S. 213.
[2] Исследование об этой колонне помещено в Известиях Русск. Арх. Института. Т. III. С. 184.
[3] Дринов. Южные славяне и Византия в X веке (Чтения в Императорском Обществе ист. и древн. 1845. Кн. 3). После него, впрочем, много нового внесено изучением писем Николая Мистика проф. Златарским (Сборник Мин. Нар. Просв. София. Т. X—XII) и раскопками, произведенными в Абобе (Известия Р. А. Инст. в Константинополе. Т. X); ср. новый труд проф. А. Л. Погодина. История Болгарии. С. 33 и сл.
[4] Migne. Patr. graeca. T. CXI.
[5] Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας II. P. 42.
[6] Подробности в моей статье «Староболгарские надписи», помещенной в X т. Известий Института. С. 186—187.
[7] Известия Института IV. С. 189 (статья г. Балашчева).
[8] Станојевић. Историја греческога народа. Београд, 1910. С. 49—51.
[9] Письмо 18 магистра Льва (Δελτίον. I. P. 396).
[10] De Admin. imp. 151.
[11] Cedreni II. P. 356; Васильев. Византия и арабы. II. С. 220—221.
[12] Моя статья, помещ. в Летописи Историко-филол. общества при Новорос. Университете IV. (Визант. отд. II). С. 78.

Глава XII

[1] Erückner. Cyrillo-Methodiana (Archiv für Sl. Phil. T. XXVIII. S. 214—215).
[2] Snopek. Konstantinus-Cyrillus. S. 214; с ссылкой на распоряжение папы Николая I (Mansi XV, 452): ut suffraganei reverentiam et obedientiam condignam metropolitanis suis exhibeant ad metropolitanam sedem obedientes occurrant.
[3] Mansi VII. Col. 362. С церковно-канонической точки зрения занимающий нас вопрос рассмотрен в книге: Snopek. S. 230 и сл.
[4] Cod. Theod., 16. 2. 1.
[5] Подробности у Hartmann—Geschichte Italiens. III. S. 100 и сл.; моя книга: «Первые слав. монархии». С. 84 и сл.
[6] Главное исследование: Дринов. Исторически преглед на Болгарската Църква (Сочинения Дринова, т. II. Издание Болгарской Академии наук). София, 1911; Голубинский. История православных Церквей. М., 1871.
[7] Migne. CXI. Col. 44, 89.
[8] Лучшее свидетельство дает Liutprandus—Antap. III. С. 8: Symeonem—semigraecum esse ajebant, eo quod a pueritia Byzantii Demosthenis

rhetoricam Aristothelisque syllogismos didicerit [Симеон, как говорили, был полугреком, потому что с детства изучал риторику византийского Демосфена и силлогизмы Аристотеля]; Дринов. Ист. преглед. С. 44, прим.

[9] Святый Климент Словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. Сергиев Посад, 1913.

[10] Дринов. С. 44, прим. 9; Палаузов. Век болгарского царя Симеона. С. 150.

[11] Византийский Времен. VII (1900). С. 34.

[12] Mansi XVIII. Col. 203.

[13] Farlati Illyricum Sacrum. III, 92; Gfrörer. Byzant. Gesch. II. S. 173.

[14] Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles IV. P. 1361.

[15] Gfrörer. Byzant. Geschichten. II. S. 183—184.

[16] Известия. Т. IV. 1899. Статьи Ф. Успенского, Т. Флоринского и Л. Милетича.

[17] Обширная литература вопроса указана в статье академика А. Соболевского, помещенной в «Богословской Энциклопедии», т. X, с. 228. Прекрасно ориентирует в сложных подробностях вновь изданная Ягичем «Энцикл. слав. филологии», вып. 3 (1911), где помещены два его исследования: 1) «О рунах у славян» и 2) «Глаголическое письмо».

[18] Энциклопедия слав. филологии. III. С. 92.

[19] Geitler. Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien, 1883.

[20] Академик А. И. Соболевский — Богосл. Энциклопедия. X. С. 213.

[21] Этому вопросу посвящена нами статья «О древнейших знаках письма» в «Новом сборнике статей по славяноведению» в честь В. И. Ламанского. С.-Петербург, 1905.

[22] В статье Ягича «Вопрос о рунах у славян» (Энциклоп. слав. филологии, III) и в моей статье «О древнейших знаках письма».

[23] Известия Русск. Арх. Институт. X. С. 277—280, табл. XLIX, h.

[24] Menologium graecorum jussu Basilii imperatorii graecolim editum... studio et opera Aunibalis tituli s. Clementei presb. Cardinalis Albani.

[25] Codices e vaticanis selecti phototypice expressi jussu Pii P. PX Consilio et opera curatorum bibliothecae Vaticanae. Vol. VIII. Il Menologio di Basilio II. Torino, 1907.

Глава XIII

[1] Попов. Император Лев VI Мудрый. М., 1892. Гл. 1.

[2] De Boor. Vita Euthymii. P. 20.

[3] Hergenröther. Photius. II. S. 716. Нужно настаивать на этом против неправильного утверждения г. Попова (с. 55) и неправильной ссылки.

[4] Mansi XVI. Col. 425 и сл.

[5] De Boor. Vita Euthymii. P. 34.

[6] Hergenröther. III. S. 655.

[7] Nicolai ep. 32 (Migne. CIX. Col. 193).

[8] Подробности и ссылки на законы в кн. г. Попова «Император Лев VI». С. 110—112.

[9] Подробности в Vita Euthymii. P. 39—40.

[10] Migne. CXI. Ep. 32.

[11] 1-е посл. Коринф. VII, 8—9.

[12] Таковы 90-я и 91-я новеллы, изд.: Zachariae a Lingenthal Jus graeco-rom. III. P. 186—187.

[13] Migne. Patrol. gr. T. CVII. С неизд. произведениями знакомит афонский кодекс Ватопедского монастыря.

[14] Krumbacher. Gesch. der Byzant. Literat. S. 809 et passim.

[15] /Λέοντος μαγίστρου ἐπιστολαί, изд. в: Δελτίον τῆς ἱστορικης καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας της Ἑλλάδος. I. 380./

Литература

Глава XIV

[1] Ann. Bert. ap. Pertz, 1.434.
[2] Nauk. Lexicon Vindob. 201; Photii epistolae, ed. Valetta, 178.
[3] Theoph. Contin. Sym. Magister.
[4] De Admin. imperio. C. 2.
[5] Banduri i Imp. Orient.
[6] Васильевский. Советы визант. боярина.
[7] Каптерев. Характер отношений России к Востоку. 88—89.
[8] De Cerimoniis, 451. 17.
[9] Димитриу. Заметки по вопросу о договорах (Визант. Врем. II. 532).
[10] В первый раз это показано в исследовании К. Лавровского—О византийском элементе в языке договоров русских с греками (переизд. в Русском филолог. вестнике. 1904 г. № 3—4). С. 40 и сл.
[11] De Cerimoniis aulae Byzantinae. II. 15 (ed. Bonn. P. 594); Забелин. Истории русской жизни (целая глава посвящена путешествию св. Ольги в Константинополь).

[12] /Μηνὶ σεπτεμβρίω θ'ἡμέρα δ'ενένετο δοχὴ... ἐπὶ τῇ ἐφοδῳ ΄Ελγας τῆς ἀρχοντίσσης Ῥωσίας./

Глава XV

[1] Главнейшие пособия: Rambaud. L'empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870; А. Васильев. Византия и арабы. С.-Петербург, 1902; Gay. L'Italie méridionale et l'empire Byzantin. Paris, 1904; Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter III. Gotha, 1911.
[2] Theoph. Contin. (de Alexandro). P. 379:ὡσαύτως οὖν... καὶ Βασιλίτζην τὸν ἀπὸ Σκλαβισίαν σφοδρῶ; κατεπλούτισεν; ibid. 380.
[3] Symeon Magister de Constantino. P. 722; Theoph. Contin. P. 386.
[4] Theoph. Contin. P. 387; Sym. Mag. de Constantino. P. 724.
[5] Theoph. Contin. P. 390; Sym. Mag. P. 725./
[6] Sym. Mag. P. 726. 3. /Κωνσταντῖνος δὲ ὁ βασιλεὸς τὴν εξονσίαν ἀπὸ τῆς μητρὸς εἰς ἑαοτὸν ἐπισπώμενος τῇ ἐπαόρων ἀπίστειλεν τὴν ἀογοόσταν Ζώην ἀπὸ τοῦ παλατῶν καταβιβάσαι./
[7] Sym. Mag. 730, 9; Theoph. Contin. de Constant. P. 396.
[8] Псалом 33, ст. 16—17.
[9] De adm. imp. C. 13. P. 88.
[10] Дело о бунте Андроника изложено ap. Mai—Spicil. Rom. IV. P. 39.
[11] Подробности в книге проф. А. А. Васильева «Византия и арабы». II. С. 203 и сл.
[12] Theoph. Contin. P. 388. 18; Sym. Mag. 723. 16; Васильев. II. С. 209.
[13] Theoph. Contin. P. 387. 7.
[14] Theoph. Contin. P. 426—428.
[15] /Οἱ δε' λαμπρῶς ποθοῦντες καὶ θελοντες μαθεῖν τὰς τοῦ Ἰωάννου Κουρκούα ἀριστειάς καὶ συγγραφὰς εὑρησουσιν ἐν ὀκτὼ βιβλίοις ἐκτεθείσας παρὰ Μανουὴλ προτοσπαθαρίου καὶ κριτοῦ [а те, кто с радостью вспоминает его и хочет узнать о его деяниях, найдут их изложенными в восьми книгах прtоспафарием и судьей Мануилом] (Teoph. Contin. 427—428)/.
[16] Моя статья «Неизданное церковное слово» в «Летописи Историко-фил. общества при Новорос. Унив.» IV. С. 85, 110.
[17] Freytag. Geschichte der Dynastien der Hamdaniden in Mosul und Aleppo. 1856 (Zeitschrift der morgenl. Gesellsch. X.); Васильев. Византия и арабы. II. С. 238.

[18] Главный источник: Narratio de imagine Edessena, изд.: Migne. Patrol. graeca. CXIII. Col. 424, в особ. 445; Dobschütz. Christusbilder Untersuch. zur christl. Legende. I. 149. Leipzig, 1899. Другие литературные указания: Васильев. II. С. 251.

[19] Theoph. Contin. P. 432.

[20] Письмо Романа: τῷ ἀμηρᾷ τῆς Αἰγύπτου, изд. в: Δελτίον τῆς ἱστορικῆς ἑταιρίας. II. 406.

[21] Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom. IV Aufl. III. S. 255.

[22] Migne. Patr. graeca. CXI. Col. 276, 285, 288.

[23] Cedreni II. P. 356.

[24] Подробности в кн. В. И. Ламанского «О славянах в М. Азии, в Африке и Испании». С. 194 и сл.

[25] Gay. L'Italie mérid. P. 207, 208; Ламанский. С. 191.

[26] Васильев. II. 304; М. Брун. Византийцы в Южной Италии (Записки Имп. Новорос. Университета. Т. 37).

[27] Theoph. Contin. P. 453—454.

[28] Kondakoff. Histoire de l'art Byzantin. Paris, 1886. P. 107—109; библиографические указания о сношениях с Омейядами у Васильева. II. С. 275.

Глава XVI

[1] Дринов. Южные славяне и Византия. С. 62—63.

[2] Theoph. Contin. P. 412. 10.

[3] «Ἐπὶ τῇ τῶν Βουλγάρων συμβάσει». Это произведение на основании Cod. Graecus Vatic. (483) издано мной в «Летописи Историко-филол. общества при Новорос. Университете». IV (Одесса, 1894). С. 48—123.

[4] De Cerimoniis. P. 690. 5.

[5] Голубинский. Краткий очерк истории правосл. Церквей. Москва, 1871. С. 33 и сл.; Дринов. Исторически преглед на Българската Църква» (изд. Болгарской Академии наук. Т. II. София, 1911).

[6] Theiner. Vetera monum. Slavorum meridional. Epist. XVIII.

[7] Ducange. Familiae Byzant. P. 174. Этот факт подтвержден в хрисовулах Василия II Болгаробойцы, изданных в начале XI в.

[8] Как первостепенный документ для истории Болгарии, этот хрисовул издан несколько раз и подвергался объяснению с разных сторон. Основное изд.: Jus graeco-romanum. III. S. 319; в более полном виде у Голубинского «Краткий очерк истории правосл. Церквей». С. 259; комментарий и текст издан много раз, отметим: Gelzer. Byzantin. Zeitschr. II. S. 42; Новакович. Глас српске кралевске акад. LXXVI (1908); Иванов. Списание на българската академія на науките. Кн. I (1911).

[9] Глас. LXXVI. С. 4.

[10] St. Novacovič. Les problèmes Serbes (Archiv für Slav. Philol. XXXIII. P. 466).

[11] Сочинения пресвитера Косьмы в последнее время изд. проф. М. Ю. Попруженко—Труды Имп. Общ. любит. древней письм. СПб., 1907; ему же принадлежит исследование «Косьма пресвитер» в «Известиях Русск. Археол. Инст. в Константинополе». Т. XV. София, 1911.

[12] Литература в статье М. Ю. Попруженко «Синодик царя Бориса» (Известия Р. А. Института. V. С. 134—135); в моей книге: Очерки по истории византийской образованности. С. 205 и сл.

[13] De administr. imp. C. 41. P. 176.

[14] Голубинский. История Русской Церкви. I. Москва, 1901. С. 66—67.

[15] Этим вопросом мы занимались выше (см.: Ф. И. Успенский. История Византийской империи. М., 1996. С. 693, 694.—*Ред.*). Специальное исследование А. А. Васильева «Славяне в Греции» (Визант. Временник. V. 1898).

[16] De administrando imperio. C. 50. P. 221.

Литература

Глава XVII

[1] Rambaud. L'empire Grec au X-e siècle. Paris, 1870. P. 58—59.
[2] Специальные работы посвящены были Метафрасту академиком Васильевским—Журн. Мин. Нар. Просвещения. 1880 (декабрь), 1897 (июнь) и Визант. Временн. 1859. С. 79; Krumbacher. Gesch. der Byzant. Liter. S. 200—201.
[3] Gesch. der Byz. Liter. S. 201.
[4] Rambaud. L'empire Grec. P. 123.
[5] Λάμπρος. IV. 354—355.
[6] Theoph. Contin. De Basilio. P. 211—12.
[7] Theoph. Contin. P. 4—5.
[8] De Basilio. P. 279—280.
[9] Прекрасная попытка изучения дана профессором Д. Ф. Беляевым. «Byzantina. Очерки, материалы и заметки по визант. древностям». С.-Петербург, 1893. Разбор этого сочинения в «Ученых Записках Академии наук» за 1895 г., принадлежащий Ф. Успенскому.

Глава XVIII

[1] Leo Diaconus. Ed. Hase. Bonnae, 1828. Русский перевод Д. Попова.
[2] Лев Диакон. История. II. 4.
[3] Leonis Diaconi II. C. 12 (P. 34).
[4] De Cerimoniis. I. P. 498, 503.
[5] Беляев. Byzantina. III. 17 и сл.
[6] Он находится в Вене в «Hof-Bibliothek» и приведен во французском переводе в книге Schlumberger—Un empereur Byzantin au X-e siècle. P. 427.
[7] Freytag. Geschichte der Dynastie der Hamdaniden (Zeitschrift der Deutschen morgenländ. Gesellschaft. T. X u. XI). XI. S. 232; Schlumberger. P. 730.
[8] Gay. L'Italie méridionale. P. 289; Schlumberger. P. 309.
[9] Antapod. III. 22.
[10] Antapod. VI. C. 5—10.
[11] Monum. Germaniae. Script. III. 56.
[12] Эта мысль рельефно выражена у Лиудпранда—Leg. C. 7.
[13] Gay. L'Italie méridionale. P. 300—301.

Глава XIX

[1] Theophan. Contin. VI. 23. De Romano Lacapeno (P. 414, 422).
[2] Из обширной литературы укажем: Чертков. Описание войны в. кн. Святослава против болгар. Москва, 1843; Д. И. Иловайский. История России. I (изд. 2), литература, с. 864; Н. Д. Знойко. О посольстве Калокира—Ж. М. Н. Просв. 1907. Апрель; 1908. Ноябрь.
[3] Ф. Успенский. Визант. владения на сев. берегу Черного моря—Киевская старина. Май. 1889.
[4] Знойко. О походах Святослава на восток—Ж. М. Н. Просв. Ноябрь. 1908. С. 260 и сл.
[5] Cedreni II, 378; Leonis Diaconi. P. 453 (Hasii notae ad p. 89, lin. 12).
[6] Zachariae Jus graeco-romanum. III. P. 303.
[7] Помещена в боннском издании Льва Диакона (Leo Diaconus. P. 310—317) вместе с другими новеллами Никифора Фоки.
[8] Подробности относительно афонских монастырей и устройства Лавры см. в сочинении епископа Порфирия Успенского «Восток христианский.

Афон». Киев, 1877. С. 67 и сл.; Schlumberger. Un empereur Bysantin. P. 314; Сырку. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки. СПб., 1888. С. 15—19, 113.

[9] Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. С. 241.

[10] Большинство памятников воспроизведено в приведенном выше сочинении.

[11] Leo Diaconus. IV. 6.

[12] Cedreni II. P. 367.

[13] Leo Diaconus. IV. 6, 7.

[14] Cedreni II, 374.

[15] Leo Diaconus. V. 6.

[16] Leo Diac. V. 8. P. 89.

Глава XX

[1] Leo Diac. VI. 7. P. 101.

[2] Leo Diac. VII. 1.

[3] Leo Diac. VII. 3. P. 117.

[4] Schlumberger. L'épopée Byzantine. P. 194—195; Gay. L'Italie méridionale. P. 318—319.

[5] Cedreni II. P. 382.

[6] Барон Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. С.-Петербург, 1883.

[7] Leo Diac. X. 1. P. 162.

[8] Documents arméniens. T. 1 (Recueil des Historiens des Croisades). P. 13.

[9] Hastings. A Dictionary of the Bible. I. P. 283.

[10] Помяловский. Житие преподобного Афанасия Афонского. С.-Петербург, 1895.

[11] Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 141; Порфирий Успенский. История Афона. Ч. III. Отд. I. С. 81 и сл.

[12] Типик, § 114.

[13] Meyer. P. 148.

[14] Meyer. P. 106. 35.

Глава XXI

[1] «Σαθα» Μιχαηλ Ψελλου. P. 4—5 (Μεσαιωνικη Βιβλιοθηκη. IV).

[2] Барон Розен. Император Василий Болгаробойца. С. 12 и сл. Для занимающей нас эпохи эта книга дает много свежего материала.

[3] Cedreni II. P. 428.

[4] Anna Comnena. Alexias. II. P. 73.

[5] Cedreni II. 433.

[6] Асохик в русском перев., изд. Эминым. Москва, 1864; Матвей Эдесский у Dulaurier, «Chronique de Matthieu d'Edesse». Paris, 1858; особенно посчастливилось Яхъе в переводе с комментариями значительных из него отрывков в книге барона Розена «Император Василий Болгаробойца». Специальное исследование о болгарских войнах: Липовский — Журн. Мин. Нар. Просв. Ноябрь. 1891.

[7] Cedreni II. P. 376—377.

[8] Розен. Император Василий Болгаробойца. С. 20—21.

[9] Cedreni II. 436.

[10] Wassiliewsky. Cecaumeni Strategicon. § 169—170 (Записки Историко-филол. факультета СПб. Университета. Ч. 38). 1896.

[11] Leo Diaconus. X. 8. P. 171.

Литература

Глава XXII

[1] Шахматов. С. 1103.
[2] Указанное выше исследование А. Л. Бертье-Делагарда «Как Владимир осаждал Корсунь».

Глава XXIII

[1] Schlumberger. L'épopée Bysantine. Basile II, le Tueur de Bulgares. Paris, 1900.
[2] Известия Р. А. И. в Константинополе. Т. III. С. 189. IV.
[3] Подробности в статье П. Н. Милюкова «Христ. древности Македонии» (Известия. IV. С. 65).
[4] Σαθα — Μεσαιωνικη Βιβλ. IV. P. 14.
[5] Schlumberger. L'épopée. II. 47.
[6] Cedreni II. P. 451.
[7] Cedreni II. P. 452.
[8] Martène et Durand. Ampliss. Collectio. VI. P. 868—869.
[9] Wassiliewsky. Cecaumeni Strategicon. § 49 (Записки Историко-фил. факультета СПб. Университета. Ч. 38).
[10] Michaelis Attaliotae Historia. P. 229.
[11] Cedreni II. P. 465.
[12] Cedreni II. P. 466.
[13] Несколько новых данных в дополнение к печатному тексту Кедрина-Скилицы можно находить в рукописях Скилицы. О катепанате Арианиа читается в Охридском кодексе, fol. 240. О ней моя статья в «Известиях Р. А. И. в Константинополе». IV. Вып. 2. С. 6.
[14] Cedreni II, 475.
[15] Барон Розен. Яхъя. С. 59.
[16] Miklosich. Acta. IV, 86, 217, 320; Флоринский. Акты. 101, 103; Constantini De admin. imperio. C. 45, 150; Sathas. Bibl. VI. P. 627, 641.
[17] Cedreni II, 530; J. Curopalatae (Скилица), 715.
[18] Моя книга «Образование 2-го Болгарского Царства». С. 17—19.

Глава XXIV

[1] Барон Розен. С. 39.
[2] Васильевский. Варяго-русская дружина. С. 125 (Журнал М. Н. Просвещения. Ноябрь, 1874).
[3] Барон Розен. С. 42.
[4] Барон Розен. С. 62—63.
[5] Monum. Germaniae. SS. III. P. 755.
[6] Monumenta G. SS. IV. 598.
[7] Gay. P. 346—347.
[8] Monum. Germ. SS. III. 74, 91.
[9] К сожалению, мы должны здесь, за недостатком места, отказаться от подробностей. Ограничиваемся указанием литературы: Lamprecht. Das deutsche Geistesleben unter den Ottonen (Zeitschr. für Geschichtswiss. VII. S. 1); Harnack. Lehrbuch der Dogmengesch. III. S. 308, (3-e Auflage); «Vita S. Nili», Acta SS. Septembr. VII. C. 72, 86; Λαμπεδιος. Ιταλοελληνικα; Lenormant. La Grande Grèce. Paris, 1881; Брун. Византийцы в южной Италии (Записки Новорос. Университета. Т. 37).
[10] Annal. Quedlinb. A. 997 (Script. III).

[11] Mystakidis. Byzantinisch-Deutsche Beziehungen zur Zeit der Ottonen. Stuttgart, 1891. S. 68—69.
[12] Monum. Germaniae. SS. IX. P. 239.
[13] Главные пособия для этого исключительного по своему характеру эпизода: Delarc. Les Normands en Italie; Heinemann. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien. Leipzig, 1894; соответствующие главы в сочинениях: Gay. L'Italie méridionale. P. 399 squ. и Schlumberger. II. P. 549.
[14] Gay. P. 409.
[15] Schlumberger. L'épopée. T. III. Introduction.

ПРИЛОЖЕНИЕ

От редактора

II том своей «Истории Византийской империи» академик Ф. И. Успенский составил из двух отделов (IV и V). В 1927 г. была опубликована «первая половина» II тома, которая обрывается на середине VI главы (с. 520). В издание 1996 г., осуществленное издательством «Мысль», вместе с тремя отделами I тома вошел и IV отдел (Иконоборческий период. 717—867) из II тома.

Настоящая книга включает весь отдел V (Период Македонской династии. 867—1057). Первые пять с половиной глав публикуются по изданию 1927 г., остальные — по материалам, хранящимся в Санкт-Петербургском Филиале Архива Российской Академии наук (личный фонд акад. Ф. И. Успенского). Это корректура и рукопись.

Корректура сохранилась не полностью. Отсутствует целый печатный лист и отдельные страницы. Рукопись представляет собой собственно рукописный текст (со старой орфографией), машинопись (со старой орфографией) и в небольшом объеме печатный текст.

В процессе подготовки к изданию текст не подвергался редактированию. При переводе на современную орфографию был опущен «ъ», заменены соответственно «і», «ѣ» и окончание «аго» и т. п. С прописной даны принятые в современном языке названия. Имена, географические названия, своеобразные выражения и термины сохранены.

При работе над текстом корректура была сличена с рукописью и дополнена ею: в косых линейках — текст рукописи, отсутствующий в корректуре, в двух косых — текст, частично зачеркнутый или дополненный из другой работы Ф. И. Успенского (что специально указано). Таким образом, публикуемый текст является наиболее полным.

Главы XI и XIV сохранились только в рукописи. Пострадала глава XXI (отсутствует конец корректуры и рукопись), особенно же XXII — сохранились только 4 страницы корректуры, отсутствует начало. Все утраченные места отмечены в настоящем издании.

Поскольку тема «Византия — Русь» очень важна для исследователя и он обращался к ней не раз, мы сочли возможным дополнить главы XIV и XXII текстом из речи «Византия и Русь», произнесенной 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского Славянского Благотворительного Общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси (опубл.: Одесса, 1888). Остальная часть речи дается в Приложении.

XVIII глава имеет два рукописных варианта, которые в чем-то совпадают, в чем-то разнятся. Корректуре соответствует: началу — первый вариант, начиная с середины — второй вариант. По рукописи восстановлена и часть заголовка. Оставшийся после сличения и дополнения материал помещен в Приложении.

В XIX главу была вложена «старая» машинопись — этот текст также дается в Приложении.

Рукописное оглавление (в Приложении) позволяет судить, что том должен был быть обширнее, что помещенная в приложение к III тому

От редактора

(1948) глава «История византийских учреждений» скорее является XXIII главой (или входит в нее) I тома.

XXIX глава полностью сохранилась в рукописи — в корректуре, и в опубликованном оглавлении такой главы нет. Эта глава представляется заключительной. Если сравнить варианты оглавления, видно, что акад. Ф. И. Успенский объединял и сокращал главы. Явно, что многие сокращения были сделаны из-за отсутствия объема,— в двойных косых восстанавливается текст, частично зачеркнутый. В корректуре, например, опущены многочисленные выдержки из источников на греческом языке, которые восстановлены в настоящем издании по рукописи. Перевод с греческого и латинского выполнен Д. О. Торшиловым.

[Оглавление]

ПЕРИОД V
Македонская династия (869—1081)

Глава 1. О Руси дорюриковской. Первые страницы русской летописи. Поход Аскольда и Дира и крещение Руси Киевской.

Глава 2. Политическое и торговое движение греков в земли на север от Черного моря. Путь из варяг в греки.

Глава 3. Новые люди и новые песни. Царь Василий I и патриарх Фотий.

Глава 4. Кирилл и Мефодий.

Глава 5. Церковная и политическая миссия среди славян. Начало кирилло-мефодиевского вопроса в истории.

Глава 6. Церковные дела. Взаимное отношение между Римской Церковью и патриархатом. Дело патриарха Фотия. Обращение Болгарии в христианство.

Глава 7. Внешняя политика при вступлении Василия на престол. Итальянские дела. Войны с арабами. Император Людовик II и царь Василий.

Глава 8. Организация архиепископии, подчиненной св. Мефодию. Всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевского вопроса.

Глава 9. Церковные дела после присоединения Болгарии к патриархату. Второе патриаршество Фотия.

Глава 10. Войны с арабами на восточной границе и на море.

Глава 11. Семейные отношения. Политические партии и заговоры. Законодательство царей Македонской династии.

Глава 12. Кодификационные предприятия, новеллы. Община и свободное крестьянское землевладение.

Глава 13. Лев Мудрый. Низложение патриарха Фотия.

Глава 14. Внешние войны. Мусульманский вопрос. Разграбление Солуни. Морские походы Имерия. Византийские владения в Ю. Италии и Далмации.

Глава 15. Северная граница империи. Болгария. Войны Симеона. Сербы и хорваты.

Глава 16. Моравия. Ученики славянских просветителей. Литературная деятельность в Болгарии. Глаголица.

Глава 17. Киевская Русь. Договоры с греками. Путешествие св. Ольги в К-поль.

Глава 18. Церковный вопрос. Семейные отношения при Льве VI. Характеристика Льва Мудрого.

Глава 19. Константин VII Порфирородный. Характеристика периода. Восточная и западная граница. Арабы.

Глава 20. Северная граница. Болгария и угры. Походы русских. Лакедем[онские] славяне.

Глава 21. Отношение к Западной империи. Италия и Рим. Посольство Лиудпранда.

Глава 22. Литературные произведения Константина Порфирородного.

Глава 23. Внутренняя история. Царь и подданные. Крестьянское сословие. Центральная и провинц. администрация (фемы). Морское дело. Финансовое управление.

Глава 24. Роман II и его наследники. Царствование Никифора Фоки. Положение дел на восточной и западной границе.

Глава 25. Северная граница империи. Походы Святослава в Болгарию.

Глава 26. Внутренняя политика Никифора Фоки. Отношение к Церкви и вопрос о церковном землевладении. Смерть Никифора.

Глава 27. Царь Иоанн Цимисхий. Внешние войны. Афонская гора. Первый афонский Типик.

Глава 28. Василий II и Константин. Характеристика эпохи. Бунт Варды Склира.

Глава 29. Начало болгарской войны. Комитопулы. Восстание на востоке.

Глава 30. Просвещение Руси христианством. Союз Византии и России.

Глава 31. Греко-болгарская истребительная война. Подчинение страны.

Глава 32. Походы в Сирию и Армению. Западная граница империи.

Глава 33. Последние представители Македонской династии. Утверждение норманнов в Южной Италии. Турки-сельджуки, Восток.

Глава 34. Константинопольский патриархат и папство. Противоположность церковных воззрений на Западе и Востоке. Разделение Церквей.

Глава 35. Культурное значение периода.

[К главе XVIII]*

Первым мотивом вмешательства Оттона в дела Италии был особого рода протекторат немецкого короля над детьми Рудольфа II Верхне-Бургундского, избранного в короли Италии в 924 г. По его смерти в 937 г. остались малолетние дети Конрад и Адельгейда (Аделаида), последняя была выдана за Лотаря, неожиданно умершего в 950 г. Как сказано, смертью его воспользовался маркграф иврейский Беренгарий, который собрал князей и настоял на избрании своем в короли. Но другая партия считала более законными права вдовы Лотаря Адельгейды, которая могла вступить в новый брак и поддержать на итальянском престоле Бургундскую династию. Понятно, что для Беренгария эта соперница была весьма опасна, и он употреблял ряд мер, чтобы устранить ее с дороги. Он предложил ей, между прочим, выйти замуж за его сына Адальберта, но она отказала в своем согласии. Тогда Беренгарий заключил ее под стражу и подверг истязаниям. Слух об этих событиях распространился по Германии и возбудил общее неудовольствие; говорили, что Беренгарий отравил супруга Адельгейды и коварством захватил власть. Сочувствие к судьбе королевы было общее, в особенности в Баварии и Швабии, землях, смежных с Италией, для которых было небезразлично, в чьих руках находится соседнее государство. На этом сочувствии немцев к судьбе королевы и построена была Оттоном идея идти войною на Беренгария, освободить Адельгейду, подчинить себе Италию, проложить путь к императорской короне**. Осуществимость последнего, правда, не стояла в непосредственной связи с этим походом: для получения императорской короны необходимо требовалось согласие папы. Любопытно взглянуть на отношение дела с этой стороны.

Современником описываемых событий был папа Агапит II (946—955). В Риме он далеко не был самостоятельным правителем. Светская власть находилась в руках партии, представителем которой был сенатор Альберик. Папа был в высшей степени стеснен этой партией, которая задумала передать папскую власть своему члену. Для нас важно подметить те разнообразные политические влияния, которые были в Риме около 950 г. С одной стороны, замечается тенденция — сблизиться с Восточной империей. Альберик желал родством с византийским императором утвердить свое положение в Риме: он заставил папу послать паллий Константинопольскому патриарху Феофилакту. Альберик имел в виду произвести реформу в самой Церкви. Он обязал римлян клятвой избрать на место Агапита сына своего Октавиана. То же самое стремление к Востоку замечается в родственном союзе короля Гуго с Романом

* Главе XVIII корректуры соответствуют две рукописные, причем начало главы, которое отсутствует в первой рукописи, совпадает с началом второй рукописи. В результате считки корректуры с той и другой рукописью остался этот материал, не вошедший в корректуру. *(Ред.)*

** Hartmann, Gesch. Italicus. III. S. 245—246.

Лакапином в 943 г., та же цель побудила короля Беренгария отправить Лиудпранда послом в Византию в 949 г. Если, таким образом, в Риме была партия, желавшая завязать сношения с Константинополем, то временное торжество этой партии могло угрожать другим влияниям и партиям. Сам папа Агапит едва ли сочувствовал возобновлению притязаний Византии на господство в Риме. Он с большей охотой мог войти в виды Саксонской династии. Оттон начал с ним сношения в 947 г. через Гадемара, аббата Фульдского.

Прежде чем Оттон двинулся походом против Беренгария, сын его Людольф вторгся в Италию из своего герцогства Швабии и требовал, «чтобы народ Италии склонил главу пред властию Оттона». Но его расчеты на помощь со стороны населения Ломбардии оказались ошибочными. Людольф очутился в весьма затруднительном положении. Но уже тогда входили войска Оттона в Ломбардию, пред которым отворялись ворота Тридента и Павии, столицы Лангобардских королей. Оттон короновался в короли Италии и послал своего брата Генриха за Адельгейдой, браком с которой он имел в виду узаконить свое право на итальянскую корону. Оттону предстояло сделать еще шаг, чтобы получить императорский венец; он отправил посольство к папе. Но в Риме правил еще Альберик, представитель греческой партии, поэтому папа Агапит не мог дать Оттону удовлетворительного ответа. Германский король не настаивал более — он удовлетворился пока титулом Италийского короля, принятым в Павии, где вместе с тем и сочетался браком с Адельгейдой. Он оставил в Павии наместником зятя своего Конрада, герцога Лотарингии, и поспешил в Германию. Результатом этого первого похода Оттона в Италию было присоединение к Баварскому герцогству Фриуля, Истрии, Аквилеи, Вероны и Тридента, чем увеличено было владение Генриха.

Предпочтение, оказанное Оттоном брату перед сыновьями, объясняется расположением Оттона к Генриху, которое последний снискал себе еще во время войн с венграми и поддержал в итальянскую войну; к нему благоволила и Адельгейда. Но это предпочтение Оттона к Генриху раздражило королевских сыновей Людольфа Швабского и Конрада Лотарингского. Пользуясь симпатиями народа, они нашли себе многочисленных приверженцев и подняли знамя восстания.

Беренгарий и Адальберт воспользовались временем германских смут для утверждения своего влияния в Италии. Они притесняли приверженцев немецкой партии и не хотели признавать присяги, данной Оттону. В Риме также совершались события, которые имели важное значение для немецких планов. По смерти Альберика, управлявшего духовными и светскими делами, во главе правления стал сын его Октавиан. Национальная и немецкая партии готовились начать борьбу из-за преобладания. Выжидали только, чем обнаружит свою деятельность молодой Октавиан. А он в 955 г. принял имя Иоанна XII и соединил в своих руках светскую и духовную власть в Риме: этот князь-папа стал придумывать средства к осуществлению старых прав Рима на обладание Средней и Южной Италией на основании мнимого дара Пипина. В период IX в. многое из владений Рима перешло частию к герцогам, частию к королям. И даже при могущественном Альберике Рим не владел ни экзархатом, ни пентаполем, ибо Северная Италия принадлежала королям.

герцоги Тусции и Сполето были в ленной зависимости от короля; в Беневенте и Капуе были свои герцоги, считавшиеся в зависимости от Византии. Папе Иоанну XII представилась возможность заключить союз с герцогами и направить довольно значительные силы на юг для подчинения Беневента и Капуи, на север для завоевания экзархата. Но на севере его планы встретили сильный отпор: Беренгарий, усмирив движение южных герцогов, обратился (959) против Рима и стал угрожать папе наказанием. Последний был вынужден просить помощи у Оттона, обещая ему в награду императорскую корону. Оттон в 961 г. прибыл в Италию и, принудив Беренгария искать спасения в бегстве, вступил в Рим и короновался императорским венцом. Хотя Оттон и подтвердил наперед за папою дары прежних государей, однако он настоял на полном обладании тем самым верховным правом, каким некогда пользовался в Риме Карл В. Папа не имел права заключать внешних союзов, равно как избрание нового папы должно было получить санкцию от императора.

Всматриваясь в отношения, установившиеся в 962 и 963 гг. между папой Иоанном XII и Оттоном, нельзя не видеть, что папство проиграло очень много вследствие перенесения императорской власти на немецкого короля. Оттон поспешил взять клятву от папы и высших лиц города, что они никогда не будут на стороне Беренгария и сына его Адальберта. Но всего более нарушило права Римского епископа то обстоятельство, что Оттон вмешался даже в церковные дела Италии. Иоанн XII узнал, что в Павии, куда Оттон удалился из Рима, собран Собор епископов, на котором решаются церковные дела без его ведома и согласия. Чтобы привлечь на свою сторону высшее духовенство, Оттон давал ему высшие политические права, награждал так называемым иммунитимом, освобождал ломбардских епископов от непосредственного подчинения местным светским властям. Удалившись в Ломбардию для приведения к полному подчинению тех мест, где еще держалась власть прежних королей, Оттон узнал в Павии, что папа открыто вступил в союз с его врагами, что они хлопочут о привлечении арабов на свою сторону. Желая собрать точные сведения об этих делах, он отправил в Рим посольство. Послы узнали много нового о распутной жизни папы, о его расточительности на своих любовниц. «Папа еще молод,—сказал Оттон, получив эти известия,—пример добрых людей может его исправить». Скоро обнаружилось еще обстоятельство, которое окончательно скомпрометировало папу. В Капуе были захвачены его послы, направлявшиеся в Византию; у них найдены были письма к восточному императору и угорскому королю с просьбой сделать нападение на Германию. Наконец, папа прямо выступил против Оттона, открыв Рим для Адальберта. Последнее обстоятельство дало понять императору, что Рим остается для него опасным соперником, если не положить конца его свободе. Осенью 963 г. он пошел в Среднюю Италию и подступил к Риму. Папа и Адальберт бежали.

Овладев городом, Оттон взял себе заложников от знатнейших римлян, заставил снова присягнуть себе на верность и, кроме того, лишил Рим права избирать папу без согласия римского императора германской нации. Составлен был церковный Собор, на котором был осужден Иоанн, а на место его избран Лев VIII (963). Прежде чем

приступить к этому Собору и избранию нового папы, Оттон отправил посольство к Иоанну с предложением ему оправдаться против возводимых на него обвинений. Папа ответил на этот раз очень энергично: он произнес на Оттона и на его приверженцев отлучение. Отлучение было могучим средством в руках пап, пред этим всесильным оружием папы преклонялись все светские власти. Оттону интересно было опровергнуть или по крайней мере ослабить это право пап. Было послано второе письмо, в котором говорилось, что папа Иоанн как клятвопреступник, самовольно оставивший свою кафедру, не может более считаться папой и, следовательно, ему не принадлежит более право отлучения. Избранием и утверждением Льва VIII (963—965) Оттон сделал значительный шаг к ослаблению враждебного ему в Риме настроения. Коронование Оттона в Риме создавало совершенно новый порядок вещей для Италии и Германии. Германский король, сделавшись римским императором, принимал на себя как права, так и обязательства по отношению к Италии и церковным владениям папского престола. Присвоив себе право утверждения избрания на престол Римского епископа, он вместе с тем принимал на себя обязанности по отношению к Южной Италии, как они были понимаемы со времени Каролингов по известному дару Пипина. Идея универсальной власти римского императора нашла в Оттоне ревностного приверженца и могучего выразителя. Согласно этой идее, вновь поднимался вопрос об экзархате и пентаполе, о городах и княжествах Южной Италии, о Капуе и церковных владениях в княжествах Беневентском и Неаполитанском, вообще во всех городах, «когда Богу будет угодно возвратить их в его руки».

Хотя избранием нового папы установлена была новая система для Рима, но, пока в нем оставались приверженцы Беренгария и прежнего папы, немецкая партия не могла считать себя в полной безопасности. Это хорошо показали события в начале 964 г., когда в Риме начался бунт и когда мятежная чернь окружила Оттона в Ватикане. Хотя возмущение было усмирено, но недовольство введенными Оттоном порядками продолжалось еще долго. Наконец сопротивление было сломлено: Беренгарий послан в ссылку в Германию, где и умер, а папу Иоанна XII постигла смерть от паралича. Но императору Оттону оказалось необходимым вновь предпринять поход в Италию в 966 г. по случаю начатого там движения в пользу Адальберта, сына короля Беренгария. На этот раз Оттон жестокими казнями преследовал римских патриотов: двенадцать вождей было повешено, многим отрублены головы, других постигли ослепление и разные наказания. Когда наконец Северная Италия признала себя окончательно подчиненной, Оттон принял ряд мер по утверждению своей власти над полунезависимыми среднеитальянскими княжествами, причем неизбежно должен был затронуть области, бывшие в сфере византийского политического влияния. Герцог Беневента и Капуи Пандульф признал себя вассалом Оттона и получил от него приращение к своим владениям присоединением к Беневенту владения Сполето и Камерино. Оттон начал мечтать о подчинении себе всего христианского мира и о соединении под его властью христианского Запада и Востока для борьбы с мусульманством и язычеством. На этой почве произошло столкновение Оттона с восточным императором, представляющее такой любопытный эпизод, мимо которого нельзя пройти в истории Византии.

[К главе XIX]*

И между тем оценка походов Святослава в Болгарию для русской исторической науки выясняется уже из того обстоятельства, что люди, и не занимавшиеся русской историей, имели многообразные побуждения обращаться к этому вопросу и разбирать разные места весьма скудных известий, касающихся этих походов и имеющих между тем весьма крупное значение и для русского национального самосознания, и для истории этой эпохи. По своему значению походы Святослава в Болгарию в 968—973 гг. могут быть связаны и с позднейшими походами русских на Дунай, и с последней русско-турецкой войною. Это, можно сказать, два самые выдающиеся периода славяно-русской истории, в которых русский элемент выказал громадную силу для достижения известной исторической задачи. Независимо от этой славянофильской точки зрения все, кто занимался древней географией России, вопросом о населении Восточной Европы, о передвижениях, имевших место в Южной России в более или менее раннее время, должны были касаться и вопроса о походах Святослава на Дунай. В IX—X вв. подобные предприятия несомненно были сопряжены с большими трудностями, чем в позднейшее время. В XIX столетии русские вступали в дружественные договоры с Румынией и встречали дружественный прием в Болгарии. Походы Святослава должны были обусловливаться частью такими же обстоятельствами, иначе если предположить, что между Киевом и Болгарией в X ст. население было все неславянское, враждебное русским, то движение Святослава должно было встретить массу невероятных трудностей. Действительно, в одной русской летописи позднейшего происхождения есть известие, в котором перечисляются русские города — дальние и ближние, и между этими городами летописец называет и города по Дунаю — в Болгарии, Молдавии и Валахии; тут перечислены Видин, Силистрия, молдавский город Сочава — и таких до 80; в известиях о движении Святослава в Болгарию также есть указание, что Святослав завоевал 80 городов. Возникает вопрос, связанный с мыслью о распространении русского элемента на юг: что это были за города, действительно ли население их было русское и какая судьба их постигла. Если русские были в Молдавии и Валахии, то, следовательно, страны, составляющие ныне клин между Россией и Болгарией, заняты были в X в. славянами. Задача, которую теперь ставят русские историки и филологи, направлена к разъяснению этого обстоятельства. Любопытно в этом отношении известие, что еще в прошлом столетии в Трансильвании существовали четыре села, где говорили по-русски. В настоящее время славянского населения в Трансильвании вовсе уже нет; каким же образом попали туда четыре русские села, о которых говорят писатели XVIII в., не были ли то остатки прежнего славянского населения страны и к какой

* Машинопись, вложенная в рукопись (XIX гл. по корректуре и XXII по рукописи), зачеркнута, вероятно, из-за объема. Обрывается. *(Ред.)*

ветви принадлежали эти славяне? Есть и другие данные, заставляющие предполагать, что в X в. по Дунаю действительно был славянский элемент: в 1185 г. болгары начали ряд движений против Византии — это эпоха образования второго Болгарского царства; документальные свидетельства говорят, что в борьбе болгар с Византией принимали участие и русские, выставившие для болгар отряд вспомогательного войска и называвшиеся бродниками; эти русские упоминаются потом в немецких актах и представляются сидящими в Молдавии, Валахии и Трансильвании.

Вследствие указанных обстоятельств литература по вопросу о походах Святослава в Болгарию сильно разрослась. Известия об этих по

[Глава XXIII*]

История византийских учреждений

ИСТОЧНИКИ

Доведя изложение истории до второй половины XI в., мы не раз испытывали настоятельную потребность систематизировать свой взгляд на процесс развития в истории Византии и сделать хотя бы краткий очерк истории тех византийских учреждений, которыми поддерживалась связь между провинциями и порядок во внутреннем управлении. Но нас останавливало следующее соображение. Хотя распределение фактов внешней истории по определенным периодам может быть рассматриваемо как установленное и до известной степени общепринятое, но что касается внутренней истории и, в частности, эволюции в византийских учреждениях, а также того, что относится до умственного движения и критических эпох, полагающих пределы между прежними и новыми, в этом отношении далеко еще не все выяснено с достаточной убедительностью. Во всяком случае процессы внутреннего развития совершаются медленней, и периоды их завершения гораздо продолжительней. Кроме того, давно уже было замечено, что в истории Византии особое место принадлежит периоду переработки греко-римских учреждений в византийские: этот период завершается временем Юстиниана Великого. Период развития византинизма падает на эпоху Македонской династии, и притом с разными ограничениями и оговорками, относящимися к VIII и к XI вв. Само собой разумеется, греко-римские учреждения и бытовые особенности, идущие от классического периода, в истории Византии могут занимать лишь второстепенное место, в качестве пережитка. Главное внимание должно быть сосредоточено на том, в какие формы выльются упомянутые учреждения в период развития византинизма. И здесь самым состоянием источников историк поставлен в определенные границы, которыми намечается хронологическая дата, когда византинизм достигает полного развития столько же в учреждениях, как и в понятиях и в умственном состоянии общества.

Прежде всего необходимо бросить взгляд на состояние главнейших источников по изучению внутренней истории Византии. Между тем как для IV, V и VI вв. имеется хороший и обработанный в научной литературе материал, который позволяет составить довольно ясное понятие о гражданском и военном устройстве империи при Диоклетиане и Константине и о реформах, имевших место в последующих веках до Юстиниана, для VII и следующих двух столетий, за весьма небольшими исключениями, мы совсем лишены современных литературных данных, по которым можно было бы судить о происходивших за это время постепенных изменениях в устройстве империи и в настроениях обще-

* См. на с. 473—474 Оглавление (рукописное). *(Ред.)*

ства. В высшей степени любопытным обстоятельством нужно признать то, что в X в. в разных областях обнаружилась потребность закрепить письменными данными результаты предыдущего исторического движения. Это направление сказалось как в области внешней истории, так и по отношению к учреждениям Византийской империи и к гражданской и военной администрации. Достаточно указать здесь на литературные предприятия, связанные с именем Константина Порфирородного, в которых, между прочим, нашли место не только современные ему произведения, но и такие, которые происходят из более раннего периода и по которым получается возможность составить понятие о постепенном происхождении того порядка вещей, какой господствовал в половине X в.* Не может быть сомнения, что редакторская деятельность Константина, как это было указано выше, служит характеристикой эпохи и показателем того, что на половину X в. всего правильней отнести рассмотрение внутреннего состояния империи.

Отнести сюда эту главу побудило нас то обстоятельство, что во II томе не нашлось для того места **.

Ближайшая проблема заключалась бы в том, чтобы связать выработанные к X в. византийские учреждения с теми, которыми жила империя во время Юстиниана. Хотя эта задача в настоящее время не может быть систематически выполнена, но она уже затронута с разных сторон благодаря совершенно новому материалу, притекающему сюда, и притом оказавшемуся пригодным именно для самых темных периодов перехода к средневековому византинизму. Это, во-первых, свинцовые печати (моливдовулы), прилагавшиеся административными чинами к исходящим от них официальным актам и относящиеся во множестве к VII и VIII вв.

В какой мере X век удержал за собой характер завершения цикла предыдущего развития, это засвидетельствовано столько же обширными энциклопедическими предприятиями, соединенными с именем Константина, сколько попытками дать окончательное выражение посредством закрепления в официальном акте разным сторонам тогдашней жизни. Имеем в виду появление законодательных памятников, относящихся ко времени Льва Мудрого, многочисленных попыток составления руководств для судебной практики, переработки материала житий святых и многое другое, в чем нельзя не усматривать практическую цель закрепить письмом то, что подвергалось опасности быть забытым или утраченным в житейском обиходе***. Из этих памятников обращает на себя преимущественное внимание эдикт второй половины X в. о корпорациях или цехах города Константинополя, найденный в Женевской библиотеке ученым Николем в 1892 г.**** Этот любопытный документ

* Чтобы не обременять перечислением источников и литературы, укажем: J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911; подробное указание литературы — с. 1—6.

** Что эта фраза принадлежит Ф. И. Успенскому — сомнительно. *(Ред.)*

*** Разумеются введения хотя бы протоспафария и архитриклина Филофея: Bury. The Imp. Admin. System. P. 132.

**** I. Nicole. Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève, 1893. Разбор этого памятника сделан в I томе.

с тех пор не переставал занимать внимание специалистов и вызвал несколько новых и крупных работ, коснувшихся столько же вопроса о константинопольских цехах в X в., сколько внутренней организации цехов и их отношения к префекту города Константинополя, т. е. затронувших общую тему о внутреннем устройстве Византии. Ввиду указанного значения занимавшего нас памятника надо заметить, что и он относится к началу второй половины X в., становясь в ряд с упомянутыми выше сборниками и энциклопедиями, знаменующими эпоху в развитии византинизма и вместе с тем завершение того движения, которое было дано царями Исаврийской и Македонской династий.

1. *Царь и подданные.* Лишь в самых общих чертах можно обозначить правовое и государственное положение византийского императора и его отношение к населению империи. И это не потому, чтобы мы не располагали достаточными для этого наблюдениями, а скорей вследствие сложности влияний, лежащих в основании идеи Византийского царства. Царь (βασιλεύς) византийской эпохи столько же ведет свое происхождение от римского императора, сколько от египетских фараонов — через посредство Птолемеев и сирийских диадохов. Одной из существенных особенностей Римской империи, унаследованной Византией, было отсутствие закона о престолонаследии, которым объясняется многое в государственном положении царя и от которого зависела столь частая смена царей и династий. В реформах Диоклетиана, завершенных Константином, дано значительное преобладание восточным, именно персидским, правовым и государственным воззрениям, которые наложили свой особенный отпечаток на византийского царя и которым впоследствии, при постепенном разграничении Запада и Востока, суждено было развиваться далее и усиливаться новыми заимствованиями и дополнительными обрядами из Персии. В каком направлении шло это развитие, об этом свидетельствует прекрасный памятник начала V в. «Перепись административных чинов Западной и Восточной империи» *. Здесь император является уже вполне обособленным и стоящим вне связи с существующими государственными учреждениями, которые в нем имеют свой авторитет и источник своей власти. Будучи поставлен во главе всего населения государства как его владыка, император рассматривается как обладатель военной и гражданской власти и как законодатель. Организация императорского двора с огромным штатом чиновников и с целым рядом отдельных ведомств носила на себе явные следы устройства восточных монархий, и главнейше Персидской империи.

Из длинного ряда византийских царей, проведших империю через разнообразные опасности, многие нередко сами стояли на краю гибели. Хотя за немногими исключениями, представляющими при необеспеченности власти и отсутствии идеи преемственности ее по наследству замечательное по своей редкости явление, престол занимали лучшие люди из военного и лишь частию и в исключительных случаях из гражданского ведомства, но все же были периоды, в особенности в V и VI вв., когда царская власть, становясь предметом домогательства честолюбивых военных людей, готова была сделаться игрушкой в руках немногих или обратиться в военную диктатуру. Против этого зла боролись двумя

* Notitia dignitatum utriusque imperii, ed. Böcking. Bonnae, 1839—1853.

способами: прежде всего входит в обычай система усыновления, при которой еще при жизни царя с согласия сената и войска назначался преемником ему усыновленный им из хорошо известных ему военных людей. Так, Юстин I передал власть своему племяннику Юстиниану, а по пресечении династии также посредством усыновления достигли царской власти военные люди Тиверий II (578) и Маврикий (582). Но с течением времени неудобства, соединенные с необеспеченностью престолонаследия, вызвали другие, более радикальные меры борьбы. С VIII в. нарождается новый принцип династий, т. е. возникает обычай передавать власть преемственно от отца к сыну. Так, в доме Ираклия власть переходила от отца к сыну в пяти поколениях (610—711), а в доме Льва Исавра — в четырех поколениях (717—797). Укреплению идеи наследственности способствовал, между прочим, вошедший в силу обычай, по которому уже с VII в. императоры находили полезным при вступлении на престол короновать и призывать к разделению с ними власти не только своего сына, но и всех сыновей и даже внуков. Так, царь Василий, достигнув власти, короновал трех своих сыновей. Этим, однако, не вводилось многовластия, ибо за старшим «великим» царем оставалась полнота власти, а прочие разделяли с ним почести, властью же пользовались в той мере, какая им предоставлялась личным расположением и доверием старшего царя. Самого выразительного обнаружения эта система достигла в X в. при Македонской династии, когда Константин Порфирородный «царствовал» по правам наследства, но не управлял делами и когда по смерти Романа II, при малолетстве сыновей его Василия и Константина, были призваны к власти даровитейшие военные люди всех времен Византии — Никифор Фока (963—969) и Иоанн Цимисхий (969—976), которые, сообщив империи небывалый внешний блеск, все же не решались посягнуть на власть прямых представителей Македонской династии, царевичей Василия и Константина. То же начало наследственности обнаруживается при последних представительницах династии в женской линии, при Зое и Феодоре, которые, будучи призваны к царской власти, сообщали ее в целом или в части избранным ими из числа служилого сословия супругам. В XII и последующих веках при Комнинах и Палеологах династические идеи получили полное преобладание, но это не спасло империю от разложения, имевшего причины не в том или другом положении царской власти, а в противоположности между провинциями и в сепаратных тенденциях составных частей населения, образовавших империю. По теории, византийский царь как прямой преемник и продолжатель серии римских императоров не имел равной себе под небом власти. Эта теория развита и обставлена патриархом Фотием, завершившим в своем Номоканоне учение о царском достоинстве и об отношении между властью царя и патриарха. Лучшие государи византийские, называвшие себя ромэйскими императорами, считали особенно высоким своим долгом заботиться о распространении империи до тех пределов, в каких она была при Августе и Константине. Юстиниан Великий, цари-иконоборцы, Никифор и Цимисхий, рыцарственные цари из дома Комнинов — все они озабочены были осуществлением этой мысли. Могущественным средством в руках царя для поддержания его авторитета был религиозный характер царской власти. Со времени Маркиана (450) вошло в обычай освящать вступление на пре-

стол церковным актом возложения царского венца от руки патриарха и помазания миром. Особенно резко выразил свой священный авторитет иконоборческий царь Лев III, сказав о себе в завязавшейся с папой переписке: «Я царь и первосвященник». Но, хотя не в такой грубой языческой форме, священный характер царства запечатлелся во всей практике византийских обрядов и придворных церемоний. Так приветствовали царя на Вселенских Соборах, так относились к нему в делах церковных и в вопросах вероучения. От многих императоров сохранились беседы и поучения на церковные и богословские темы Религиозное начало, представителем коего был царь как носитель восточного православия, составляло главную связь между частями империи, столь различными по населяющим их народностям и по языкам. Как защитник и покровитель православия царь главные свои военные предприятия пронизывал религиозной идеей. Так, Ираклий, выступив против тиранствовавшего в империи Фоки, имел на своих кораблях образ Богоматери, заменявший военное знамя. Своим войнам против персов он придал выразительный религиозный характер и закончил свои походы популярнейшим церковным торжеством — воздвижением животворящего креста.

Власть царя простиралась на всех подданных, отношение которых к власти, равно как взаимные между собой отношения, было определено законом. Византийское законодательство как естественное преимущество царской власти весьма внимательно относилось к происходящим в условиях жизни переменам и отразило в себе важнейшие периоды эволюции государственно-правовой жизни. Как бы ни изобиловала история Византии вопиющими нарушениями права, как бы ни часто встречались мы с проступками против собственности, с хищничеством и взяточничеством, с нарушениями служебного долга, изменой и т. п., никак не можем упускать из внимания, что правовое сознание было глубоко внедрено в умы общества. Об этом не только свидетельствуют законодательные памятники, но это также подтверждается общим мнением, сохраненным в литературных памятниках.

2. *Население империи.* Еще более затруднений ожидает нас, если мы обратимся к точному определению правового положения подданных царя. Прежде всего, в империю входили целые государства и народы, которые пользовались и под властью императора некоторыми изъятиями и привилегиями, обеспечивавшими им внутреннюю самостоятельность; иное отношение центрального правительства было к населению, жившему на окраинах, и иное — к населению в центральных областях; чрезвычайно разнообразны были условия гражданского положения, зависевшие от того, на государственных или частновладельческих землях сидело население; наконец, государственное и правовое положение отдельных лиц разнообразилось в зависимости от службы в придворном, военном, гражданском или духовном ведомстве. Таким образом, общий взгляд на поставленный вопрос будет находиться в зависимости от рассмотрения частных тем, которые иногда нуждаются в специальных исследованиях. До некоторой степени упрощается дело, если мы предложим вести речь о сословных различиях в населении империи, зависевших от службы, от занятий и от других условий, влияющих на правовое положение лица.

Высшим сословием в империи было служилое сословие, точно распределенное по степеням и рангам и заполнявшее многочисленные центральные приказы и ведомства, а равно ведавшее провинциальной администрацией. Служилое сословие не было кастой, и доступ в него не был закрыт для лиц, не принадлежавших к служебным кругам. Государственная служба имела притягательную силу в чинах, в общественном положении и в материальном обеспечении и открывала дорогу к высокой карьере и к приобретению больших состояний. Прежде всего, государственной службой приобреталось патрикианское достоинство, ибо высшие военные чины и звание евнуха в придворной службе соединялись с патрикиатом. В раннюю пору империи, когда сенат пользовался еще старыми привилегиями римского учреждения того же имени, служебная карьера заканчивалась внесением служилого чина в сенаторские списки. Сенаторское звание имело тенденцию обратиться в сенаторское сословие, так как это было наследственное звание и так как причисление к званию сенатора не обязывало ни к присутствию в заседаниях сената, ни даже к пребыванию в столице. Когда же в Константинополе сенат как законодательное и судебное учреждение был уничтожен и его дела перешли в придворное ведомство, то сенат стал исключительно императорским советом, хотя звание сенатора продолжало оставаться почетным и давалось в награду за службу без обязательств, соединенных прежде с этим званием. Все ли сенаторы были патрикиями, иначе говоря, необходимо ли, чтобы каждый патрикий был наделяем и званием сенатора, это трудно сказать на основании доступных для изучения данных. Лица, принадлежавшие к сенаторскому званию, пользовались разными преимуществами, освобождались от податей и повинностей со своих имуществ и подлежали суду не местных властей, а центральных. Сенаторское сословие обладало большими земельными владениями и зависимым, сидевшим на землях сенаторов крестьянским населением. Так как это сословие обновлялось и увеличивалось государственной службой, то для дальнейших выводов было бы необходимо обратиться к рассмотрению военной и гражданской администрации империи, о чем будет речь ниже.

Вслед за государственной службой на правовое положение лиц влияло имущественное их положение и главнейше землевладение и занятия ремеслами. С тех пор как византийские цари V и VI вв. наложили руку на городские привилегии (τὸ δίκαιον τῆς πόλεως) и привлекли к государственной службе городские и сельские классы, правовое положение подданных царя значительно упростилось, будучи подведено под одинаковое состояние. Крупное землевладение не было исключительным достоянием служилого сословия; сосредоточение земельной собственности в руках частных собственников посредством купли и передачи имуществ по наследству наблюдается в самое раннее время. Мы рассмотрим этот вопрос в отдельной связи, теперь же ограничимся общим заключением, что большинство сельских жителей — мелкие земельные собственники и жившие на землях церковных, государственных и частновладельческих колоны и арендаторы — составляли тот основной класс, живший в деревнях и сельских волостях (κώμη μητροκώμια), с которого государство собирало подати и которое доставляло ему

К главе XVIII

военных людей. Само собой разумеется, чтобы выяснить положение этого класса населения, необходимо ближе ознакомиться с реальными условиями его экономической и правовой жизни.

Прежде чем пытаться выяснить малораскрытую область изучения учреждений Византийской империи, начнем с того вопроса, который в конце XIX в. сосредоточивал на себе более внимания и в котором в настоящее время можно уже идти не с закрытыми глазами. Разумеем несколько вновь опубликованных и снабженных объяснениями материалов касательно землевладения, обложения земли податями, финансового управления и тесно соприкасающегося с этими вопросами положения крестьянского сословия. Легко понять, что вместе с тем мы подойдем к самой сердцевине занимающей нас темы о внутреннем устройстве Византийского государства.

Податная система, доведенная в Риме до совершенства, главнейше была основана на земельном налоге. Так как обложение земли налогом нуждается в обширных подготовительных работах, именно, в измерении земель, в описании и оценке их производительности и среднего урожая, то понятно, что налог на государственные и частновладельческие земли был вводим с большой постепенностью. Образец для системы измерения участков земли римляне могли находить в Египте, где эта статья давно уже была применена для экономических и финансовых целей *.

В Римской империи предварительные работы в этом отношении были начаты при Августе **. На это время падает первая народная перепись, послужившая основанием к раскладке и взиманию податей, о которой основное известие считается у евангелиста Луки: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Сия перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город». Провинциальный ценз начат был с 727 г. и составил эпоху в истории податей и финансовой системы. Цензовые листы, или писцовые книги, составленные специально назначенными для того лицами, складывались в архив провинциального города и затем были представлены в столицу и послужили материалом для обложения провинциалов податями (tributum). Более ранние известия о римских писцовых книгах заимствуются из сочинений ученых-юристов II и III вв. Требовалось внести в опись следующие сведения: местоположение участка и соседние имения; по отношению к описываемому участку нужно было сообщить: количество югеров под пашней и средний урожай за 10 лет, количество виноградных лоз, масличных деревьев, лугов и сенокосов в югерах, пастбища, земли под лесом, рыбные ловли, если таковые окажутся в имении, соляные варницы.

* Материалы, открывающиеся в папирусах, подтверждают это.

** Breviarium или rationarium imperii. Главнейшие пособия: Ph.-E. Huschke. Ueber den zur Zeit der Geburt Jesu Christi gehaltenen Census. Breslau, 1840; Его же. Ueber den Census und die Steuerverfassung der früheren Römischen Kaiserzeit. Berlin, 1847; Rodbertus. Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik herausgeg. v. Hildenbrand. 1865—1867; J. Marquardt. Romische Staatsverwaltung, II. Leipzig, 1876, S. 187 и сл.; Ф. Успенский. Следы писцовых книг в Византии — ЖМНП. 1884, январь.

Наконец, вносились в опись рабы, крестьяне (coloni inquilini). При императоре Диоклетиане (284—305) произошли важные изменения в податной системе, причем значительно изменилась и самая форма писцовой книги. На основании общего для империи кадастра в каждой провинции принято за норму известное количество единиц обложения, получивших имя iugum или caput, отсюда iugatio terrena — для поземельной подати, в отличие от capitatio — для подушной подати. Принятый за основание при раскладке земельной подати термин iugum, не имеющий ничего общего с единицами измерения поверхностей iugerum, actus и centuria, служит предметом разных толкований и нуждается в объяснениях. Следует ли видеть в термине iugum или caput фиктивную величину, подлежащий обложению хозяйственный и земельный капитал в 1000 солидов, как утверждают одни, или же реальную величину, т. е. определенной меры земельный участок, как думают другие?

Самыми важными представителями первой теории служат весьма крупные имена Савиньи и Моммсена*. Савиньи, отдавая предпочтение теории идеальной податной единицы, соответствующей стоимости 1000 солидов, ссылается в подтверждение своего взгляда на слова Аполлинария Сидония к Майориану: capita tu mihi tolle tria, или запиши за мной в писцовой книге тремя единицами меньше.

Ясное дело, если бы император отнял у просителя три реальных capita, то этим бы уменьшил его земельное имущество. И напротив, если бы снял три единицы с нормы обложения, то оказал бы милость. Однако против теории Савиньи — Моммсена нашлись возражения, основывающиеся на двоякого рода данных. С одной стороны, в законодательных актах V в. за податную норму приняты реальные земельные единицы — центурии и югеры**; с другой же, в новых данных по отношению к термину iugum, заимствованных из Сирийского законника, получились такие важные для спорного вопроса указания, которые побудили известного Маркварда стать на сторону противников Савиньи — Моммсена***. В Сирийском законнике есть одно важное место о Диоклетиановой податной системе****, имеющее первостепенное значение для истории земельной подати во всей средневековой Европе. Оно касается именно термина iugum. Из него вытекает с очевидностью, что iugum не есть мера плоскостей, как, например, югер, но что в нем следует видеть фиктивную единицу, принятую для урегулирования податной системы с земли. За iugum (ζυγόν), принятое в смысле единицы обложения, стали считать, смотря по доходности и степени культуры, неодинаковое количество югеров: чем выше доходность и культурность, тем меньше югеров; чем ниже доходность, тем больше земли входило в iugum. Получа-

* Fr.-K. Savigni. Vermischte Schriften. II. S. 205; Th. Mommsen. Syrische Provinzialmass und Römischer Reichskadaster. Hermes, III, 429. Berlin, 1869.

** Cod. Theod. II. 28, 13.

*** Bruns und Sachau. Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Leipzig, 1880. Vorrede; Marquardt. Römische Staatsverwaltung, II. S. 219.

**** Подробности в моей статье «Следы писцовых книг в Византии» (ЖМНП, 1884, январь. С. 9—12).

ется следующая градация участков по их доходности и роду культуры, квалифицированных как iugum: 1) 5 югеров виноградной плантации; 2) 20 югеров пахотной земли лучшего качества; 3) 40 югеров второго качества; 4) 60 югеров третьего качества; 5) 225 стволов или гнезд (рут) под маслиной первого качества; 6) 450 рут второго качества; 7) пастбищная земля, но о ней не дано системы измерения и квалификации. Но как еще нетвердо установлен вопрос о значении iugum, доказывается тем, что первые ученые толкователи Сирийского законника Сахау и Брунс в воззрении на iugum склоняются на сторону Савиньи и что русский византинист акад. В. Г. Васильевский утверждал за iugum реальное значение единицы измерения полей*. Не входя здесь в излишние подробности, можем сделать заключение, что при Диоклетиане произведено было измерение недвижимой собственности с целью обложения ее податями, причем за единицу обложения принят iugum, а за единицу измерения югер, или почти $^1/_4$ нашей десятины. Пять югеров под виноградником считалось за податное тягло, уравнивавшееся 60 югерами земли третьего класса или 450 стволами оливковых деревьев. Таким образом, в термине iugum дана была идея *податного тягла*. Как известно, римский ценз, с которым соединялся пересмотр писцовых книг, повторялся каждые 15 лет и дал основание летоисчисления по индиктам, или пятнадцатилетиям. Пятнадцатилетний индиктионный период есть период от одной переписи до другой, от одной податной ревизии до следующей.

Писцовые книги римского периода перешли в византийскую эпоху, несколько изменяясь в форме согласно местным условиям. Любопытные данные о раннем периоде заимствуются из новеллы Юстиниана. «Заботясь о пользе наших подданных, издаем сей закон, которым повелеваем, чтобы в месяце июле или августе, однажды в каждый индикт, были объявляемы подробные распоряжения насчет податного обложения на будущий индикт. В подобных окладных листах должно быть обозначено количество предстоящей к поступлению в казну подати в каждом округе или в городе с каждого зевга (iugum) или кентурии. В них должна также заключаться оценка имущественных статей согласно измерению и определена норма того, что следует вносить в казну. Составленные таким образом окладные листы тотчас же пересылать перед налогом каждого индикта начальникам округа, дабы они распорядились выставить их для всеобщего сведения в течение сентября и октября... дабы плательщики знали, как и в какой мере платить им подать»**. Из других указаний, почерпаемых в новеллах Юстиниана, видно, что сборщики податей давали расписку в получении с обозначением отдельных статей и хозяйств, чтобы плательщик был обеспечен оправдательным документом, который, с одной стороны, служил средством для контроля над сборщиками податей, с другой — освобождал плательщика от новых несправедливых требований.

На границе между собственно римским и византийским периодом совершенно неожиданный свет на положение крестьянства и на

* ЖМНП. 1879, август. С. 359.

** Ed. Osenbrüggen. Corpus juris civilis. Lipsiae. 1875. III. 576 (nov. 128); Zachariae Imp. Iustiniani Novellae, II. Lipsiae, 1881; в чтении есть несколько затруднений, которые указаны в нашей статье (ЖМНП. 1884, январь. С. 20 и сл.).

земельный вопрос в Византии проливают фрагменты папирусов, в особенности найденных в коме Ижгау (Афродита) и в Оксирринхе. До какой степени свежий и живой материал дают папирусы Афродиты, это прекрасно показали исследования г-на Масперо относительно административного дела, относящегося ко времени Юстиниана*. Маленькая кома Афродита в верхнем Египте, в провинции Фиваиде, в административном отношении зависевшая от города Антеополя, оказалась неисправной в смысле доставки податей. Пагарх Антеополя прибег к экстренным мерам для получения податей, послав в Афродиту военный отряд из скифов и македонцев и отобрав в казну имущество некоторых жителей комы; при этом военные люди позволили себе ряд насилий и хищений и нанесли большой ущерб жителям. В жалобе, поданной комитами на имя дуки Фиваиды, указано еще, что когда 13 человек из этой деревни явились в соседний город продавать караваны ослов и верблюдов, на них сделано было нападение по приказанию того же пагарха, причем караван был расхищен, а сами они посажены в темницу. Кроме того, пагарх Мина наложил на них денежную пеню и собрал со всех жителей Афродиты сумму в 700 солидов, которые присвоил себе.

Рассказанный здесь случай не представляет ничего неожиданного для характеристики административных нравов времени Юстиниана, в особенности в отдаленных провинциях, но он бросает свет на другой вопрос. В своей жалобе жители комы Афродита протестуют против самого принципа вмешательства пагарха Мины в их внутренние дела, касающиеся сбора податей, так как, по их мнению, он не имел на то прав. Сущность дела заключалась в том, что жители комы Афродита имели привилегию изъятия из-под власти пагарха, собирали сами причитающиеся с них подати и вносили их непосредственно в центральную кассу провинции,— они были αὐτόπρακτος**. Через 13 лет после изложенного, в 551 г., снова возникло дело по жалобе этой комы на своевольные действия пагарха Юлиана. На этот раз дело дошло до Константинополя и вызвало распоряжение императора Юстиниана (эдикт), по которому за жителями комы Афродита признана независимость от пагарха и подтверждена привилегия непосредственно вносить подати в центральную кассу провинции. Таким образом, рядом с сельскими организациями — деревнями, или комами, подчиненными пагархам,— в VI в. встречаем в Египте такие сельские организации, которые составляли самостоятельные общины, управлявшиеся независимо от пагарха, на основании местных обычаев. Было бы трудно в настоящее время составить понятие об устройстве таких автономных, как Афродита, общин; но в числе мелких счетов и квитанций, относящихся к той же коме, находим указания, что она действительно в своих платежных делах сносилась непосредственно с главным городом провинции, Антиноей, где было пребывание дуки Фиваиды. В числе этих квитанций есть такие, которые подписаны протокомитом Афродиты, из

* Jean Maspero. Études sur les papyrus d'Aphrodité. Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale. T. VI, 1908; Его же. Catalogue général des Antiquités égyptiennes du musée du Caire. T. 1—2, 1910—1912.

** Самоисполняющими. *(Ред.)*

К главе XVIII

чего следует, что население имело свой орган, состоящий из протокомитов, или старшин. До некоторой степени о роли их можно судить по параллельным выражениям — βουλευταί или πρωτεύοντες, — напоминающим декурионов. Можно пожалеть, что египетские папирусы пока не дали материала для писцовой книги как незаменимого материала для истории сельского хозяйства. Там, где сообщаются данные о натуральной подати зерновыми продуктами, встречаем и кому Афродита, обязанную доставлять 6053 артабы*, но ни разу не напали мы на византийский термин писцовой книги — зевгарь или зевгарат.

Переходя к писцовым книгам собственно византийской эпохи, я должен предпослать замечание, что эта тема была мной разрабатываема в множестве отдельных статей, помещенных в разных изданиях, так что здесь могут быть сделаны лишь заключительные выводы**.

По всей вероятности, эта тема, однако, не вполне исчерпана, потому что против моих заключений высказаны были некоторые возражения. Находя здесь излишним входить в полемику, ограничимся указанием общих выводов, к каким приводит изучение остатков византийской писцовой книги. В ближайшем родстве с римским термином iugum в византийских земельных актах стоит термин зевгарь или зевгарат — ζευγάριον, ζευγαράτον — как податная и хозяйственная единица, служившая предметом обложения. При скудости данных, которые могли бы знакомить с податной системой в Византии, чрезвычайно большое значение следует приписывать неизданному тексту, прочитанному нами в Ватиканской рукописи***. Казенные подати с земли, говорится в этом тексте, взимаются по такой системе: с земли первого качества 1 перпер на 48 модиев; с земли второго качества 1 перпер на 100 модиев; с чернозема 1 перпер на 40 модиев, с 30 масличных деревьев 1 перпер. Чтобы оценить эти данные, которые действительно выражают действовавшую в Византии систему обложения земли и которыми затронута одна из важнейших сторон экономического строя, мы должны войти в некоторые подробности по отношению к системе земельной меры и к монетной единице.

Единицей измерения пахотной земли служил определенной величины шест или веревка (ὁ κάλαμος, το σκοινίον), величина которой соответствует нашей сажени, носившей имя «оргия». Так как оргия есть господствующая в Византии единица земельной меры, то важно в точности обозначить ее длину. К счастию, у нас есть два рода данных для выяснения этого предмета. В сельском быту мера оргии определялась таким приемом: человек среднего роста поднимет вверх правую руку,

* J. M a s p e r o. Études sur les papyrus d'Aphrodité. II. Flavios Marianos. P. 71.

** Они начинаются статьей «К истории крестьянского землевладения в Византии», помещенной в ЖМНП (1883, январь и февраль), и продолжаются как в этом же органе в 1884 г. (Следы писцовых книг в Византии, 1884, январь и февраль, и в след. годах), так и в Записках Новоросс. университета. Т. 38 (Материалы для истории землевладения) и в Известиях Русского археологического института в Константинополе (Акт отвода земли, 1896).

*** Codex Graecus Palatinus, № 367. Fol. 98 u. 164.

и то место, до которого достанут концы его пальцев, укажет меру истинной оргии. Другой способ состоял в следующем: среднего роста человек, взяв веревку или прут, защемит один конец между пальцами ног, другой же поднимет себе на плечо и потом спустит назад до бедра, так получится совсем верная оргия. В сельском обиходе оргия, как можно видеть, соответствовала нашей сажени, и потому можно спокойно употреблять последнее выражение на место византийской оргии. Кроме того, весьма любопытно отметить разность между большой, или царской, саженью и обыкновенной, как и у нас наблюдается различие между трехаршинной саженью и так называемой маховой, или косой. Первая, как и употреблявшаяся в Византии царская сажень, больше на две или три четверти, чем вторая. Употребление в Византии большой сажени имеет тесную связь с организацией крестьянского земельного надела: крестьянская земля измерялась не той мерой, что помещичья. При наделении крестьян землей, равно как при обложении крестьянской земли налогом, по закону должна была приниматься во внимание большая сажень: при продажах той же земли на сторону употреблялась малая сажень *. Но и самая сажень входила в образование другой единицы меры, называемой сокарем (σωκάριον). Так называлась общепринятой меры веревка, чаще всего в 10 или в 12 сажен. Пахота измерялась 10-саженным, а пустоши 12-саженным сокарем. Таким образом, участок пахотной земли в 10 сокарей будет заключать в себе 100 кв. сажен, а если это будет пустошь или залежи, то 120 кв. сажен. Считалось далее правилом употреблять 10-саженный сокарь при измерении небольших участков ровной и хорошей земли и 12-саженный при измерении значительных площадей — поместий и селений, измеряемых в окружности, ибо подразумевалось, что в последнем случае могут встретиться овраги, ручьи или кустарники, т. е. земля не под культурой. На измерение своих участков большим сокарем имели привилегию крестьяне, эта привилегия основывалась на пожаловании им надбавки в вершок на каждую сажень **.

В большинстве случае дошедшие до нас земельные акты обозначают площади измеряемых участков не в саженях или сокарях, а в *модиях*. Что модий есть мера поверхностей и предполагает измерение в длину и ширину, в этом нет никаких сомнений. У византийских геометров вопрос о геометрическом модии разрешается следующим образом: модий имеет 40 литров, а в литре 5 оргий — сажен. В основании теории лежит количество жита, потребного на засевание известной площади. Если литром жита засевается 5 кв. сажен, то 40 литров обсеменяют 200 кв. сажен. Таким образом, геометрическая площадь модия равняется 200 кв. саженям,— на этом основывается вся система византийского счисления по модиям ***. Византийская система считается с модием как

* Этот любопытный факт отмечен у геометра Педиасима: G. Friedlein. Die Géometrie des Pediasimus. S. 12. Programm des Gymnasiums zu Ansbach, 1866.

** Подробности в моей статье «Наблюдения по сельскохозяйственной истории» (ЖМНП. Ч. 259. Отд. 2. С. 234—238).

*** Принимая во внимание сказанное выше о большой и малой сажени, в тех случаях, где обычай требовал применения 12-саженного сокаря, площадь модия будет 280 кв. сажен.

единицей при измерении площадей и принимает в смысле модия такой прямоугольник, одна сторона которого равна 20, другая 10 саженям. Отличие от русской системы заключается только в том, что у нас прямоугольник, или десятина, взят больше, одна сторона 60, другая 40 сажен, т. е. модий в 12 раз меньше десятины. Перевод саженей — оргий в модии состоит в следующем. Сумму всех саженей окружности участка разделить на 2, одну из половин еще разделить на 2: получится длина и ширина. Помножить длину на ширину и произведение разделить на 200, или, как это математически выражено у геометра Ирона: *при измерении саженями перемноженные стороны, разделенные на 200, составляют модии.*

Что касается монетной единицы, то определение наиболее употребительных ее терминов — и в особенности соотношения между монетной единицей и квалификацией земли и крестьянских наделов — составляет один из важнейших вопросов в экономической истории Византии. Употребительнейшая монетная единица есть литр золота, стоимость которого в разное время колебалась от 300 до 400 руб. на наши деньги. В земельных актах и писцовых книгах счет обыкновенно идет на иперпиры или, проще, перперы (ὑπέρπυρος),— термин, вполне совпадающий с другим, также имеющим распространение,— номисма. В каждом литре золота полагалось 72 номисмы или перпера. Каждый перпер (от 4 до 5 руб.) делился на караты или коккии, которых было в перпере 24, т. е. представлял ценность около 20 коп. Сохранилось несколько указаний на доходность земли при отдаче ее в аренду. Средней нормальной платой за арендное содержание был 1 перпер на 12 модиев. По этому расчету выходит, что сдаваемый в арендное содержание участок в 60 модиев должен был приносить аренды 5 перперов. Сообразно тому нормальный крестьянский участок в 60 модиев, оцениваемый в 50—60 перперов, облагался нормальной податью в 4—5 перперов. Сообщенными данными можем ограничиться в применении к подлежащему нашему рассмотрению вопросу об организации крестьянских земельных участков, к которому и возвращаемся.

Какая идея соединяется с понятием о византийском зевгарате, или зевгаре? Конечно, он является заменителем термина римской писцовой книги iugum и должен иметь то же значение, как этот последний. Уже в V в. латинский термин заменяется греческим ζυγὸν и ζεύγος. Феодорит, епископ Кирры, свидетельствует, что городской округ Кирры был разделен на 60 тысяч ζυγά *. Когда далее читаем в 128-й новелле Юстиниана распоряжение о составлении примерных окладных листов с обозначением подати на каждое iugum, то без колебания признаем в этом термине как податную единицу обложения, так до известной степени составляем понятие о самой форме писцовой книги. Рассматривая зевгарь как земельный и хозяйственный термин, свойства которого выясняются из писцовых книг, мы естественно можем искать в нем признаков измеряемости. Так и подходил уже раз к этому термину акад. В. Г. Васильевский, признавший в нем участок определенной величины и измерения **.

* Marquardt. Röm. Stantsverwalt. II. S. 220.
** ЖМНП. 1880, август. С. 362.

В переписи занимало обязательное место население двора, или паричской стаси, причем принималось в соображение и состояние разных хозяйственных статей. В описании дворов, или стасей, находим ответ на следующие вопросы: 1) имена домохозяина и семьи; 2) крупный скот; 3) мелкий скот; 4) фруктовые деревья и ульи; 5) огород или виноградник; 6) пахотные земли. По отношению к кардинальному вопросу, представляет ли зевгарь реальную или только условную величину, т. е. можно ли по данному числу зевгарей заключить о количестве модиев, мы приходим к выводу, что зевгарь нельзя рассматривать как реальную земельную величину с определенным раз навсегда количеством модиев, ибо принималась во внимание качественность и производительность земли, чрезвычайно разнообразившая реальную величину модиев в зевгаре, от 60 до 100 и свыше 300 модиев.

Эти предварительные данные необходимы для нашей дальнейшей цели ознакомления с положением крестьянского сословия в империи, к которому, начиная с VIII в., замечается совершенно неожиданное внимание со стороны самого законодательства. Здесь нам следует возвратиться к оценке историко-литературного значения крестьянского закона Νόμος γεωργικός, принадлежащего времени Льва Исавра, о котором было упомянуто выше при изложении истории Исаврийской династии. Было именно указано, что в Эклоге находятся значительные отклонения от старых римских правовых воззрений и что эти перемены должны быть объясняемы, если не всегда, то во множестве случаев, этнографическим переворотом, произведенным славянской иммиграцией, которая в VII в. может считаться вполне завершившейся. С этой точки зрения Земледельческий, или Крестьянский, закон представляет собой первый опыт согласования славянского права с греко-латинскими нормами. Понятное дело, что изучение этого памятника и получаемые из него выводы должны иметь свое место в истории Византии. Крестьянский закон, независимо от своего местного значения, получил еще важность в науке вследствие того, что его встречаем в древних русских юридических сборниках, рядом с переводными с греческого статьями, где он превратился в Устав о земских делах Ярослава Мудрого. Не входя здесь в подробности этого хотя и весьма сложного, но не менее интересного вопроса*, ограничимся несколькими замечаниями. Некоторые статьи Земледельческого закона как будто списаны с древнерусской крестьянской жизни, из чего ясно, что происхождение его на византийской почве не может иметь другого объяснения, как необходимый результат влияния южных славян, и что, следовательно, в Земледельческом законе следует усматривать черты древнего славянского права. Таким образом, наплыв славян в VI и VII вв. в империю не был волной, разбившейся о крепкие устои греческой цивилизации; напротив, имея длительный период и постепенно возобновлявшийся характер, он оставил некоторые следы в самом укладе жизни Восточной империи. Самым крупным фактом в положении крестьянского сословия по Земледельческому закону является сельская община.

* Основные труды: В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. ЖМНП. Ч. 199, 200, 201. 1878; А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885; Успенский. Юридический Вестник. 1886. № 4 (Древн. пам. слав. права).

К главе XVIII

Новый шаг для истории сельского населения Византии сделан на основании изучения новелл, изданных императорами Македонской династии. Существенный интерес этих законодательных памятников заключается в том, что они знакомят с мерами, принятыми византийским правительством в защиту мелкого землевладения против захватов крупных землевладельцев. Вследствие не совсем выясненных социальных и экономических условий свободные крестьяне, и даже целые деревни, оказались в необходимости идти в кабалу к соседним крупным собственникам, уступать им свои участки и переменять свободное положение на зависимое. В современных актах господствует термин πένητες, т. е. бедные или убогие, в приложении к крестьянскому сословию. Им противопоставляется класс богатых людей — δυνατοὶ, или властели, которые обнаружили тенденцию совершенно изменить социальный строй Византии, обратив мелких земельных собственников в зависимое состояние. Чтобы ознакомить с этим порядком вещей, приведем некоторые относящиеся сюда новеллы *, из которых вполне ясно, что в период, обнимающий Македонскую династию, мелкое крестьянское землевладение было общинным и что опасность, которую хотело предотвратить правительство, состояла именно в распадении крестьянской общины.

* См. с. 211—213, 215, 216 наст. изд. *(Ред.)*

Глава XXIX

Патриархат и папство. Разделение Церквей

Весьма продолжительный и богатый как внешними фактами, так и разнообразными успехами внутреннего развития Македонский период может иметь в глазах историка и то еще значение, что к концу его частию осуществляются в определенных исторических событиях, частию лишь намечаются в подготовительных стадиях такие явления всемирно-исторической важности, которые по своему реальному и бытовому значению в живой действительности вполне обнаруживаются лишь в следующем за македонским периоде.

Исследователи и писатели по предмету церковной схизмы между Константинополем и Римом в недоумении останавливаются перед тем странным обстоятельством, что в 1054 г. для схизмы, послужившей первой причиной к бесповоротному разделению Церквей и сделавшейся источником столь много оплакиваемых той и другой стороной бедствий для христианской Церкви, собственно, не было в наличности таких фактов, которые бы вызывали неминуемый разрыв или которые бы по своему происхождению относились ко времени папы Льва IX и патриарха Михаила Кирулария. Действительно, недоразумения между Церквами были старые, правда со временем обострявшиеся, но не имевшие в себе задатков к особенно угрожающим осложнениям. Нужно принять в соображение и то, что нежелание открытого разрыва и боязнь вытекающих отсюда последствий служили сдерживающим началом для Восточной и Западной Церкви в смысле тщательного оберегания от новшеств. Но если не было реальных поводов к разрыву, то необходимо допустить искусственное и сознательное обострение отношений, имеющее причину в личных характерах папы и патриарха и в преследуемых ими преступно-эгоистических целях. С этой точки зрения в исторических трудах подвергаются тщательному анализу и осуждению действия или современного схизме папы, или патриарха в соответствии с тем, на какой стороне стоит сам писатель. Трудность изучения этого капитального в истории отношений между Западом и Востоком вопроса, значение которого, мало понятое и оцененное в ближайшее ко времени разрыва время, вырастает и становится более и более рельефным, если на него смотреть в перспективе, зависит, между прочим, и от того, что современные писатели мало его выяснили именно с той стороны, которая для отдаленного от событий историка представляется существенной и единственно важной. Именно, недостаток желательных подробностей в современных известиях оставляет до сих пор под сомнением этот вопрос: сознательно ли шли на церковный разрыв папа и патриарх и кто выигрывал от разрыва?

Хотя для нас было бы весьма трудно дать здесь много места изложению вопроса о разделении Церквей, но ввиду требований последовательности и систематичности считаем полезным выяснить его значе-

ние в византийской истории столько же со стороны общих мотивов, восходящих к IX в., как и с точки зрения побуждений и настроений эпохи Михаила Кирулария. Не может быть сомнения, что обе эти стороны одинаково влияли на разрыв отношений между христианскими Церквами Востока и Запада и что в XI в. на настроения непосредственных виновников разрыва должны были влиять факты, впервые открывшиеся в IX в. Кто привык вникать в сложившиеся отношения между Западной и Восточной Церковью, должен признать зависимость их как от разности письменных и культурных особенностей латинских и греко-славянских рас, так равно и от противоположности политических притязаний Западной и Восточной империи, необходимо приведших их к взаимному столкновению. Если бы в разрыве между Церквами приписывать большее значение личным и, следовательно, довольно случайным причинам, коренившимся в характере тогдашних представителей церковности в Константинополе и в Риме, то при добром желании давно бы нашлись средства ослабить острый характер возникших недоразумений, но, как можно в настоящее время видеть, всякие надежды на воссоединение разделившихся Церквей должны считаться несбыточными и, как мы глубоко убеждены, никогда при свободном самоопределении не могут осуществиться. С оговоркой можно допускать воссоединение, как то и случалось не один раз, в том случае, если одна сторона будет доведена целым рядом неблагоприятных обстоятельств до такого беспомощного положения, в котором самая свобода потеряет цену. Не считая абсолютно невозможным в будущем наступление такого порядка вещей, когда в акте воссоединения будут искать средств спасти право на дальнейшее существование, мы питаем уверенность, что такой порядок вещей будет граничить разве с полной ликвидацией нынешнего политического строя и, следовательно, наступит не так скоро. Как говорит новейший католический исследователь, «латиняне и греки могли с течением времени сделать друг другу уступки в вопросе о происхождении Св. Духа и об опресноках, но они не могли перейти через пропасть, образовавшуюся со времени Михаила Кирулария: не могли столковаться по отношению к вопросу о *догматическом авторитете Церкви*»[1]. Но и это едва ли самое главное. «Преобладающее значение,— по словам русского исследователя того же вопроса,— имел вопрос по преимуществу практический — о власти и правах патриархов Римского и Константинопольского. От постановки этого вопроса зависела постановка разностей не только дисциплинарно-обрядовых, но и догматической. Как скоро доходило до столкновения между папами, увлеченными безмерностью притязаний и патриаршим Константинопольским престолом, охранявшим свою самостоятельность, тогда не только догматическая разность получала истинное свое освещение, но и разности церковно-обрядовые и дисциплинарные чуть не возводились в догматы. Если же папы молчали о своем приматстве, не делали покушений подчинить себе Церковь Восточную, то не только разности церковно-обрядовые и дисциплинарные трактовались в духе снисхождения и взаимного уважения, но и разность в догмате не делалась источником раздора. Так как несообразно было с достоинством догматической истины допускать сознательное

[1] Bréhier. Le schisme oriental du XIe siècle. Paris, 1899. P. 310.

и заведомое от нее уклонение, то при этом поступали так, что о догматической разности или совершенно умалчивали, или... давали отступлению такое толкование, при котором оно получало значение истины» [2].

Исследователями вопроса о разделении Церквей основательно обращено внимание на то, что в половине XI в. ничто не могло служить предвестником разрыва. Между Римом и Константинополем происходил живой обмен, патриархи и папы благовременно посылали друг другу известительные послания об избрании, в церквах патриархата возносилось имя пап. Живому обмену и доброжелательным отношениям содействовали непосредственная близость и территориальное соседство владений той и другой Церкви в Южной Италии, а равно массы западных пилигримов, направлявшихся через Константинополь в Иерусалим. И византийское правительство, и церковная власть делали разные уступки западным народностям, и западные обычаи и учреждения стали проникать в византийский строй. Даже на почве церковности встречаем в XI в. прогрессивные веяния. В Константинополе были разрешены и пользовались покровительством разные учреждения для удовлетворения религиозных нужд западных христиан. Итальянские купцы имели здесь колонию и свою церковь и монастыри; король угорский Стефан также построил католическую церковь для своих подданных. И, несмотря на эти признаки благожелательности и взаимной уступчивости, без особенной причины возник спор, приведший к окончательному и бесповоротному разделению. Тем настоятельней потребность бросить свет на первоначальную фазу этого спора [3].

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что нападение было открыто со стороны Константинополя. Притом же следует вспомнить события, происходившие летом 1053 г. в Риме, чтобы прийти к заключению, что в тяжелых обстоятельствах, выпавших на долю папы Льва IX, не могло быть места для возбуждения неудовольствий против себя со стороны восточного императора. После несчастной для папского войска битвы с норманнами 18 июня Лев IX под норманнским эскортом был препровожден в Беневент, где оставался до марта 1054 г. Все это время ближайшая забота папы заключалась в том, чтобы устроить благоприятно для Римского престола отношения с Робертом Гваскаром, войну с которым он начал и предполагал вести в союзе с Византией. Между тем со стороны патриарха именно в это время обнаруживается ряд мер, имевших целью вызвать враждебные действия.

Чтобы характеризовать вообще отношения патриарха Михаила Кирулария к папству, можем сослаться на приписку в рукописи Кедрина,

[2] Скабаланович. Разделение Церквей при патриархе Михаиле Кируларии.— Христианское Чтение. 1884. Ч. II. С. 628—629.

[3] Источники и литература для истории схизмы тщательно подобраны в указаниях Hefele-Leclerq. Histoire des Conciles IV. P. 1081. Paris, 1911. Указанием, в частности Pichler. Geschichte der kirchlichen Trenaung rurischen dem Orient und Occident. München, 1864—1865; Bréhier. Le schisme oriental du XIe siècle. Paris, 1899; Gfrörer. Byzant. Geschichen. III. 514—590. На русском — отмеченная выше статья профессора Н. Скабаланович в «Христианском Чтении» за 1884—1885 гг. и Лебедева История разделения Церквей. Изд. 2. С. 327.

выражающую убеждение некоторых кругов в том, что патриарх уже принес на вселенский престол готовую мысль о борьбе с Римом. Приписка читается при изложении событий 1047 г. и заключается в следующем: «Патриарх Михаил, как только принял рукоположение, исключил из диптихов имя Римского папы, приводя как причину исключения учение об опресноках (τὸ τῶν ἀζυμων ζήτημα). Соумышленниками его были Антиохийский патриарх Петр и архиепископ Болгарии Лев и весь просвещенный церковный чин»[4]. В связи с этим следует вспомнить, что в письме к патриарху Антиохийскому, также посланном еще в 1053 г., выражается сожаление, что имя папы продолжает еще вноситься в диптихи Восточных Церквей и упоминаться на богослужении, хотя, прибавляется, в Константинопольской Церкви этого не соблюдается со времени Трулльского Собора в 692 г. Патриарх Петр на это, однако, отвечал, что он сам в 1009 г. видел имя папы в константинопольском диптихе. Из этих данных можно заключить, что Константинопольский патриарх имел заранее составленный взгляд на отношения к Западной Церкви и сознательно подготовлял ей первый удар.

Момент, как выше сказано, был выбран весьма благоприятный. В то время как папа находился в почетном заключении в Беневенте, в Италии, появилось послание архиепископа Охридского Льва к Иоанну, епископу города Трани в Апулии. Это письмо, составленное самим патриархом, имело целью довести до сведения о содержащихся в нем обличениях на латинскую Церковь — всех западных епископов и самого папы: «Великая любовь и искреннее расположение побудили нас писать к твоей святости, а чрез тебя ко всем вождям священства, священникам франков, монахам, народам, к самому достопочтеннейшему папе». В общем письмо составляет обвинительный акт против усвоенных латинской Церковью обычаев, но главнейше упрек посылается за совершение евхаристии на опресноках и за пост в субботу. Епископ Иоанн сообщил это письмо кардиналу Гумберту, который перевел его на латинский язык и обратил на него внимание папы. Весьма любопытно здесь отметить, что папа дал ответ на это письмо и на предъявленные против латинской Церкви обвинения в конце того же 1053 г., находясь в Беневенте. На Западе имели довольно точное представление о лицах и отношениях при константинопольском дворе и нимало не сомневались в том, что за архиепископом Болгарии стоит патриарх Михаил Кируларий, поэтому составленный Львом IX ответ на письмо Льва Охридского имел в виду не только в тесном смысле содержание этого письма, но и отношения между Западной и Восточной Церковью в широком смысле. Так как дальнейшие события более развиваются в непосредственной связи с впечатлением, вызванным этим письмом, то мы находим нужным остановиться на главных его мыслях. Обширное послание папы[5] разделено на 40 отдельных положений и исчерпывает вопрос о притязаниях Римской Церкви в самом широком смысле. Вся аргументация построена на главенстве в Церкви апостола Петра и на мысли о том, что глубоко заблуждаются те, кто пытается колебать церковный и догматический

[4] Cedreni II. 555.
[5] Mansi Concilia sacros. XIX. Col. 635; Will. Acta et scripta; Migne. Patr. lat. CXLIII. Col. 744.

авторитет Римской Церкви. С этой точки зрения Константинопольская Церковь подвергается сильному нападению за то, что она возмущает церковный мир и нарушает свои обязанности по отношению к Римской Церкви, как любвеобильной матери. Папа перечисляет все якобы преимущества Римской Церкви в противоположение с заблуждениями и еретическими мнениями, приписанными им некоторым архиепископам Константинополя; делает указание на иконоборческое движение, на обстоятельства, сопровождавшие падение Игнатия и возведение Фотия. Письмо папы не ограничивается опровержением обвинений против Римской Церкви — и вообще мало занимается реальным содержанием обличений Михаила Кирулария, но с особенной настойчивостью говорит о светской власти Римского папы, причем не пренебрегает делать ссылку на заведомо подложный документ — Donatio Constantini. Здесь в первый раз и с особенной резкостью проведена мысль об абсолютном превосходстве Римской Церкви над другими христианскими Церквами, о соединении в лице главы Римской Церкви первосвященнической и царской власти. Переходя к характеристике Константинопольской Церкви, папа не щадит темных красок, давая ей имя еретической и бичуя позорными именами таких чтимых святителей, как Иоанн Постник. Призывая патриарха к смирению и покорности, папа оскорбляет его напоминанием, что он обязан своим иерархическим возвышением именно епископу Рима. «Константинопольская Церковь,— говорит он,— ни по Божеским, ни по человеческим правам не имела никакого преимущества над Антиохийскою и Александрийской Церковью, и между тем Римская Церковь, как чадолюбивая мать, озаботилась доставить Константинопольской Церкви преимущества чести наравне с главнейшими церковными кафедрами, почему она и заняла второе место после Римской Церкви».

Таково в существенных чертах содержание письма папы Льва IX. Следует обратить внимание, что с догматикой оно не имеет ничего общего, ибо высокомерное указание на то, что Константинопольская Церковь не может давать правила насчет совершения евхаристии, когда в Риме имеются на это прямые предания, идущие от Петра, нельзя считать достаточно основательным. Что догматический вопрос в первой стадии спора, которой теперь занимаемся, не имеет важного значения, видно уже из того, что совершение евхаристии на опресноках не есть тот существенный пункт догматического разногласия, который служит неизменным яблоком раздора между Церквами, между тем о догматическом учении Filioque не было до сих пор речи.

В дальнейшем развитии сношений существует перерыв; из Константинополя были отправлены в Рим новые письма, и притом от царя Константина Мономаха и от патриарха, которые частию трактовали политические вопросы, в то время занимавшие Восточную империю, но в общем относились к начавшейся борьбе между Церквами. О содержании несохранившихся документов можно, однако, составить понятие по ответному письму папы и частию по переписке патриарха Михаила с Антиохийским патриархом. В письме к царю папа уведомляет о получении патриаршего послания, написанного с целью «привести к согласию и единению». Но главное значение имеет послание к патриарху. Здесь посылаются упреки константинопольскому собрату, что движимый честолюбием стремится к подчинению себе Александрийского

и Антиохийского патриархов. Против мнения, выраженного Михаилом Кируларием, что Римская и Восточная Церковь получают свой церковный авторитет только в единомыслии и согласном действовании, папа с резкостью возражает: что за нелепость хочешь ты сказать, брат возлюбленный! Римская Церковь, будучи главой и матерью всех Церквей... имеет над ними такое преимущество, что если какая-либо из Церквей заявила несогласие с ней, то она перестает быть Церковью, это будет сборище еретиков, собрание схизматиков, синагога сатаны! Всякий истинный христианин не должен злословить, заключает папа, святую Римскую и апостольскую Церковь. Мы надеемся, что ты по благости Божией не повинен ни в чем подобном, или уже исправился, или по нашем увещании скоро исправишься.

Можно думать, что папа не терял тогда надежды на благополучное разрешение спора и готов был простить Михаилу Кируларию резкие нападки на Римскую Церковь, заключающиеся в вышеназванном документе, отправленном на имя епископа Трани. И нужно также согласиться, что в них с трудом можно было бы найти повод для новых выступлений против папства, и в особенности для таких действий, которые бы вызвали разрыв.

Во время письменных сношений, относящихся к концу 1053 и началу 1054 г. произошли некоторые события в самом Константинополе, которые могли содействовать к усилению враждебных чувств между сторонами. Прежде всего патриарх допустил резкую меру по отношению к латинским храмам, бывшим в Константинополе, приказав их закрыть, так как в них совершалась литургия на опресноках. В Константинополе это вызвало большое движение, так как оказалось много священников, монахов и настоятелей монастырей, которые отказались подчиниться распоряжению патриарха. Все подобные лица как «азимиты» преданы отлучению и подверглись всяческим оскорблениям. Это не могло остаться без последствий и не вызвать в Италии крайнего раздражения. Независимо от того в это же время распространялось между греками сочинение студийского монаха Никиты Стифата, составленное по поручению патриарха, в котором нападки на латинян были выражены еще более резко, чем это было сделано в сочинении Льва Охридского. Никита Стифат изложил разности в вероучении и в обрядах латинской Церкви с полнотой и систематичностью, не пропустив ни опресноков, ни поста в субботу, ни учения об исхождении Св. Духа, но прибавив еще и о безбрачии латинского духовенства. И все обличения были изложены в довольно резкой и оскорбительной форме. Между прочим, для объяснения допущенных латинянами «несообразностей» он выставил мысль, что в апостольский период какие-то евреи злонамеренно и с целью прибытка отвадили римлян от Евангелия и повредили веру.

Несмотря на столь ясные факты, в которых трудно не видеть созревшего настроения до конца провести начавшийся процесс, все же продолжали существовать противоположные веяния, которыми сдерживался решительный взрыв. Как раз с началом занимающей нас переписки совпадали переговоры о соединенном движении на норманнов: в предполагавшейся лиге должны были принять участие и папа, и даже западный император. Руководясь именно этими политическими соображениями, царь Константин Мономах обратился к папе с дружествен-

ным письмом; весьма вероятно, что по желанию царя и патриарх обратился к папе уже лично с обращением, в котором на Западе усмотрели мирный шаг и искание соглашения. Во всяком случае для папы оказалось возможным обратиться к царю Константину с новым изложением дела и с просьбой повлиять на патриарха в примирительном духе. В этих расположениях возник вопрос о посылке легатов в Константинополь. Для этого были избраны: кардинал и канцлер Римской Церкви Фридрих, бывший потом папой под именем Стефана X, кардинал Гумберт и архиепископ Амальфи Петр — все трое из высших сановников Западной Церкви. Принимая во внимание, что письма, которыми были снабжены послы, помечены январем 1054 г., следует думать, что они явились в Константинополь ранней весной 1054 г., о смерти папы Льва IX, случившейся 19 апреля, они во всяком случае узнали в Византии. Царь оказал им исключительное внимание и почет, им даже отведено было помещение в царском дворце, в Пигах. Если вспомнить, сколько горечи доставило другому западному епископу пребывание в предоставленном ему частном доме, то, конечно, разница в приеме, оказанном послам папы, не может не бросаться в глаза. Но следует сейчас же отметить, что такова была лишь показная сторона, за ней скрывались менее благоприятные симптомы, о которых дает понять письмо патриарха к Петру Антиохийскому. // Сказав, что он присутствовал на приеме папских апокрисиариев, Михаил Кируларий не скрывает, что он был поражен их вызывающим и надменным видом, что при посещении его в патриарших палатах они вели себя так же гордо, не удостоили его поклоном и должным приветствием. Он сообщает далее, что они простерли свою надменность до того, что отказались сесть ниже греческих митрополитов, усматривая в этом личное для себя оскорбление. Константинопольский патриарх не может простить им, что они позволили себе явиться во дворец в преднесении креста и хоругви [6]. //

Уже эти указания могут свидетельствовать, что отношения между папскими легатами и патриархом складывались весьма неблагоприятно. До известной степени общий тон этим отношениям дан, вероятно, полученными послами инструкциями и частью находит себе выражение в письмах, которые они должны были передать патриарху и царю. Папские грамоты действительно весьма различны по тону: столько же почтительности в письме к царю, как высокомерия и даже угроз к патриарху. Начав письмо словами приветствия и похвалы за выражение братских чувств, папа, однако, переходит затем к резкому осуждению поведения Михаила Кируларий, отрицая даже за ним священный характер, так как он неправильно получил епископство, минуя низшие иерархические степени. Дальнейшим поводом к осуждению служит то, что он якобы посягает на привилегии Александрийской и Антиохийской Церкви и хочет присвоить себе власть над ними. Но более реальный мотив нерасположения заключался в том, что Константинопольский патриарх, позволив себе закрыть латинские церкви и подвергнуть отлучению от Церкви тех, кто совершает евхаристию на опресноках, усвоил себе неизвинительную дерзость относиться к представителю Римской Церкви как равный к равному.

[6] Так, конечно, следует понимать выражение μετὰ σταφροῦ καὶ σκήπτρων (Will. P 177).

Глава XXIX

Между тем второе письмо составлено было в почтительном тоне. Хотя и здесь сделан мимоходом намек, что Римская Церковь украсила короной восточного императора, но Константину Мономаху приписаны в нем большие заслуги, приравнивающие его к Константину Великому. Сказав затем о союзе против норманнов, папа непосредственно переходит к жалобам на патриарха и заключает угрозой, что если Михаил Кируларий останется в своем упорстве, то Рим прервет с ним сношения. В заключение папа рекомендовал своих послов благорасположению царя и просил его оказать им все содействие, чтобы они могли исполнить возложенную на них задачу.

Послам папы была предоставлена в Константинополе полная свобода; ясно, что они пользовались расположением светской власти. Но в течение продолжительного времени они остались вне сношений с патриархом, который, по-видимому, не без намерения прекратил с ними сношения. В дальнейшем инициатива принадлежала легатам папы, и особенно кардиналу Гумберту, который был горячим поборником притязаний Римской Церкви. Чтобы приготовиться к выступлению против Восточной Церкви, кардиналы Гумберт и Фридрих решились заняться опровержением тех нападок на Римскую Церковь, которые нашли себе место в письмах патриарха, Льва Охридского и Никиты Стифата. // Опровержение было составлено с таким же литературным талантом, как и нападение. // Из этих опровержений сохранился диалог между латинянином и греком, принадлежащий перу Гумберта, в котором грек выражает свои возражения, а латинянин защищается. Хотя и здесь оба противника не щадят красок и резких выражений, бросая один другому упреки в ереси, святотатстве, тем не менее этот диалог должен считаться еще весьма приличным по сравнению с другим памфлетом, направленным против Стифата. Гумберт прежде всего отрицает за студийским монахом право вмешиваться в богословские споры и советует ему упражняться в стенах монастыря в посте и умерщвлении плоти, а не лаять, подобно псу, на святую Римскую Церковь и Соборы. По словам автора, Никита не монах, а настоящий Епикур, ему жить не в монастыре, а в непотребном доме. Его ярость может напоминать богохульственный лай Юлиана и Порфирия; эпитеты «развратный, собака, отвратительный циник» встречаются на каждом шагу. В споре об опресноках Никита оказывается мошенником, подделывателем текстов. Трудно в настоящее время объяснить, подействовали ли на Никиту подобные опровержения, или влияли на него другие соображения, но он торжественно отказался от своего сочинения. 24 июня император вместе с римскими легатами был в Студийском монастыре, где прочитано было во всеуслышание сочинение Никиты и где на него сделаны были возражения, по выслушании которых Никита сказал, что сознается в ошибке, и будто бы предал анафеме и свою книгу, и всех, кто не признает Римскую Церковь первою между всеми [7]. Тут же по приказанию императора предано было сожжению сочинение Никиты.

Нет сомнения, что рассказанные происшествия совершенно в неожиданном свете рисуют и отношение Константина Мономаха к легатам, и занятое ими в Константинополе положение, совершенно

[7] Bréhier. Le schisme. P. 111—112.

ненормальное с точки зрения церковной практики и явно враждебное к патриарху.

Михаил Кируларий ввиду вызывающих поступков со стороны римских апокрисиариев занял весьма уклончивое положение и далеко не проявил той инициативы, какая была ему свойственна и с которой он начал борьбу. Не можем даже признать, что занятое им положение соответствовало обстоятельствам. Он делал вид, как будто не признавал за легатами полномочий вести переговоры по церковным делам. Внешним формальным оправданием могло служить то, что полномочия послов нарушались со смертью Льва IX, и как новый папа Виктор II был избран спустя целый год, в апреле 1055 г., то можно было рассматривать их полномочия прекратившимися, хотя патриарху нельзя было не считаться с взглядами на это дело царя, который продолжал поддерживать с римскими легатами добрые отношения. Может быть, Михаил Кируларий имел намерение созвать Собор для обсуждения дела, и если бы последующие обстоятельства не произошли так быстро и неожиданно, то он имел бы за себя большинство сочувствовавших ему епископов.

Для характеристики взглядов и отношений патриарха в высшей степени интересны некоторые места в его письме к Антиохийскому патриарху Петру[8], написанном весной 1054 г., уже по смерти папы Льва IX: «Узнав недавно от прибывших сюда из Рима лиц о добродетели, и благородстве, и просвещении ныне умершего папы, разумею же его согласие с нами и лигу против норманнов[9], я изложил ему со всею достаточной почтительностью, как можешь это видеть в настоящем моем письме, свой взгляд на некоторые соблазнительные мнения о христианской вере, между ними распространившиеся. Мы желали частию привлечь его на свою сторону, частию расположить его к оказанию нам помощи против норманнов. Мы вручили свое письмо вестиариту, который отправился к папе с царским письмом, в полной уверенности, что он доставит письма по назначению и принесет на них ответ. Когда же он с этими письмами добрался до магистра и дуки Италии Аргира, то этот искусно обошел его и убедил передать ему письма для скорейшего якобы вручения папе. Как мы имели возможность убедиться, означенный магистр всегда остался верным и своей вере и двоедушию, и во всем настроенный против царствующего города и Ромэйской империи, и в этом случае поступил согласно своим нравам... Он устроил, между прочим, следующую коварную махинацию. Призвав некоторых лиц, на которых мог вполне положиться,— из коих один был бывший епископ Амальфи, лишенный места за неблаговидные дела и уже пять лет находящийся в изгнании, другой только носил имя архиепископа, на самом же деле никогда не занимал кафедры, третий же принял на себя по его убеждению звание канцлера, дабы, опираясь на это римское достоинство как на каменную стену, с полным успехом провести задуманный обман,— магистр снял печати с моей грамоты и, прочитав содержание ее, составил подложную грамоту от папы на мое имя и убедил этих несчастных идти с этими грамотами в Константинополь

[8] Will. P. 173—180.

[9] Так, конечно, следует толковать слова: περὶ τῆς εἰς αὐτὸν ἡμῶν ὁμοφροσύνης τε καὶ συμβείσεως.

и предъявить их мне. Они же, вступив в царственный город, прежде всего представились державному и святому нашему царю в величавом и гордом виде, в высокомерном шествии. Затем, пожаловав к нашему смирению, я не могу и выразить, сколько обнаружили они высокомерия, чванства и дерзости. Не сделав ко мне никакого обращения, не удостоив хоть мало склонить свои головы, чтобы принести мне общепринятое приветствие, они не согласились, как это было всегда принято, занять место в присутствии ниже наших митрополитов, считая это оскорбительным для себя. Они не считали возможным подвергнуться какому-либо унижению даже перед лицом царского величества; напротив, величаясь своим званием и превозносясь, они позволили себе явиться во дворец в преднесении креста и хоругвей.

И, как бы ни в чем не повинные, подали мне запечатанное письмо и тотчас ушли. Наше смирение, получив грамоту и распечатав и тщательно рассмотрев, признало ее подложной и наполненной коварными мыслями. В этом мы вполне распознали то, что часто сообщал нам, находясь в столице, Аргир, в особенности его мысли об опресноках, за которые его четыре раза отлучал от общения с Церковью и от причастия». Затем патриарх указывает на полученный им слух, что в Александрии и Иерусалиме продолжают возносить на литургии имя пап, что там совершается литургия на опресноках, и, перечислив главные различия в церковной обрядности, заключает письмо следующим образом.

«Мы сообщили об этом вкратце, дабы ваше совершенство, получив сведение о том, что у них происходит, не думал, как это было и с нами до настоящего времени, что отступление их заключается только в опресноках, но, рассмотрев и другие, еще более важные прегрешения их, будет в состоянии сопричислить их к тем, с кем они быть достойны. Но самое важное и невыносимое, и сразу обличающее их безумие, заключается в том, что они утверждают, что прибыли сюда не с тем, чтобы поучаться или состязаться, но чтобы поучить нас и убедить принять их догматы, и это они высказывают властно и с чрезмерным бесстыдством».

Содержание этого письма прекрасно знакомит с психологическими мотивами, объясняющими занятое патриархом положение в эту критическую эпоху. Мы не будем вступать на путь догадок, чтобы поселить в читателе убеждение в том, что Михаил Кируларий верил сам в подложность грамот и признавал послов самозванцами. Но что он принял такое положение, которое было наименее желательно и полезно для латинских легатов, это видно из их горячности и неосторожности, с какой они вели себя в Константинополе. Прошло с небольшим три недели после торжественной демонстрации в Студийском монастыре, как римские послы позволили себе решительный, но весьма необдуманный шаг, которым они нанесли большой вред делу церковного единения. В субботу 15 июля 1054 г. римские легаты явились в храм св. Софии в часы богослужения, при большом собрании молящихся. Прошедши вперед и приблизившись к алтарю, они начали говорить против патриарха Михаила и затем положили на св. престол составленную заранее грамоту отлучения на патриарха и на его приверженцев, разделяющих его церковные мнения. При выходе из храма они отрясли прах от ног и произнесли слова: пусть видит Бог и судит.

Эта грамота, свидетельствующая о крайней страстности римских легатов, носящая на себе явные признаки непоследовательности и внутренних противоречий, тем не менее представляет собой официальный акт первостепенной важности, на котором основывается окончательное и, по-видимому, бесповоротное разделение между Восточной и Западной Церковью. Содержание ее следующее. «Гумберт, Божиею милостью кардинал, епископ св. Римской Церкви, Петр, архиепископ Амальфи, Фридрих, диакон и канцлер всем чадам католической Церкви. Св. Римская первая апостольская кафедра, которой как главе принадлежит попечение о всех Церквах, ради церковного мира и пользы благоволила послать как своими апокрисиариями в сей царствующий град, дабы убедиться в том, соответствуют ли действительности те слухи, которые распространяются в Риме о происшествиях в этом городе. Посему да будет известно славнейшему императору, клиру, сенату и народу Константинополя и всей католической Церкви, что мы испытали здесь и величайшее удовольствие, и вместе с тем сильное огорчение. Ибо что касается столпов империи и почтенных граждан столицы, то это есть христианнейший и православный город. Что же касается Михаила, злоупотребляющего именем патриарха и сообщников его заблуждения, то ежедневно рассеиваются здесь бесчисленные семена ересей». Бросая против патриарха обвинения в ереси, легаты насчитывают за ним десять главных еретических отступлений. «За эти заблуждения и многие другие проступки означенный Михаил был увещаем письмами папы Льва, но не захотел образумиться. Независимо от того, когда мы, легаты, с целью пресечь поводы к таким бедствиям пытались подействовать на него разумным убеждением, он упорно уклонялся от беседы и от встреч, запретил в церквах совершать мессы (богослужение), как и ранее запер латинские церкви и называл латинян азимитами, преследовал их словом и делом, и таким образом в своих чадах подверг отлучению апостольский престол, в уничижение которому подписывается вселенским патриархом. Посему мы, не перенося неслыханного оскорбления и обиды, нанесенной святому первому апостольскому престолу, и усматривая, как многообразно подвергается опасности кафолическая вера, властью Святой и Нераздельной Троицы и апостольского престола, которого легатами состоим, и всех православных отцов, бывших на семи Соборах, и авторитетом всей Церкви произносим отлучение на Михаила, каковое господин наш папа присудил ему и его сообщникам, если не вразумятся. Михаилу, злоупотребившему именем патриарха, неофиту и ради страха человеческого принявшему монашеский чин, ныне же в постыдных преступлениях обвиняемому, и Льву, именуемому епископом Охриды, и сакелларию Константину, который попирал нечестивыми ногами латинскую жертву, и всем приверженцам их в указанных заблуждениях и дерзостях — анафема Маринафа — со всеми еретиками и купно с диаволом и ангелами его. Аминь, аминь, аминь».

Нет сомнения — и в этом сходятся латинские и православные писатели, — что кардиналы поступили весьма опрометчиво. Их раздражительность может быть сопоставлена с запальчивостью другого римского легата, епископа Кремонского Лиудпранда, который также слишком высокомерно отнесся к грекам и тем испортил цель своей миссии. И прежде всего произведенная легатами демонстрация в церкви

св. Софии оказалась неудобной по своей форме и потому не достигавшей предположенной цели. Громы были выброшены совершенно даром, акт отречения не произвел надлежащего действия, и самая отлучительная грамота, хотя и положенная на престол, была возмущенными свидетелями этого театрального акта сброшена с престола и топталась ногами. Но кроме того, резкий поступок легатов развязал руки патриарху и позволил ему выступить во всеоружии своего церковного авторитета, опиравшегося на царский авторитет.

Между тем легаты поспешили оставить Константинополь немедленно после акта отлучения, будучи напутствуемы благожеланиями Константина Мономаха и дарами. Была попытка вернуть их с дороги, чтобы вновь вступить с ними в сношение, но ввиду возбуждения константинопольского населения можно было опасаться беспорядков и насилий, и потому эта мысль оставлена. Но через пять дней после происшествия в храме св. Софии патриарх собрал Собор, на котором были подвергнуты обсуждению происшедшие события и определено отношение к ним Восточной Церкви. Деяния этого Собора столько же важны, как и приведенное выше послание к Антиохийскому патриарху: в них ярко выражено политическое направление, усвоенное Восточной Церковью со времени патриарха Фотия, и смело поставлены основания для независимого развития Восточной Церкви против притязаний Рима. Акты Собора подписаны двенадцатью митрополитами и двумя архиепископами. Но содержание актов независимо от всего прочего заслуживает внимания с стороны литературной традиции, редактор весьма много заимствовал из знаменитой энциклики патриарха Фотия. «В то время как мы питались благочестивой и глубокой надеждой, что на будущее время не появится более изобретателей нового нечестия... ныне некоторые нечестивые и злонамеренные мужи, люди, порожденные тьмою, прибыв в благочестивый сей и богохранимый город, из которого, как из возвышенной наблюдательной башни, разливаются во все стороны чистые струи благочестия, подобно молнии, или землетрясению или граду, или, чтобы употребить более подходящее выражение, подобно дикому вепрю, накинулись на него с целью испортить правильное учение превратными догматами, так что возложили на святую трапезу грамоту, которою предали отлучению нас или, лучше, православную Церковь и всех православных, которые не разделяют их нечестивых мнений за то, что мы держимся православия, а также за то, что не стрижем бороду по их обычаю». Опуская затем всю ту часть, которая касается богословских и обрядовых разностей, приведем те места, где речь идет о пребывании легатов в столице. «Позволив себе такие бесстыдные действия против нас и православной Божией Церкви, они явились к нашему благочестивейшему императору не из Рима, а из другого города и как разные другие ухищрения позволили себе против христианского народа, так окружили обманом и самое прибытие в наш город, выдав себя за пришедших из Рима папских послов, в действительности же будучи орудиями лукавых наветов и внушений Аргира и настоящими самозванцами, а не послами папы. И самые грамоты, выдаваемые ими за полученные от папы, они подделали, что доказывается и другими подробностями, а главное, подложными печатями.

Самый же акт отлучения на латинском языке, составленный этими нечестивыми и в присутствии иподиаконов возложенный ими на трапезу великой Божией церкви, упомянутые иподиаконы сняли его с св. престола и предлагали взять его обратно, а когда легаты отказались, то брошен был на пол и стал ходить по рукам. Тогда наше смирение из опасения, чтобы заключающиеся в нем богохульства не сделались достоянием больших кругов, удержало его у себя. Затем, пригласив умеющих переводить с латинского на греческий, именно протоспафария Косьму, Романа, Кира и монаха Иоанна, поручили им сделать перевод. Наше смирение, не будучи в состоянии оставить без исследования и наказания таковую против благочестия дерзость и бесстыдство, довело обо всем до сведения державного и святого нашего царя, который, так как они отбыли только за один день перед тем, сделал распоряжение о возвращении их в столицу, но они не захотели свидеться с нашим смирением или явиться и дать ответ священному и великому Синоду в своих нечестивых деяниях. Державный и святой царь наш, не считая согласным с присвоенным ими себе, хотя и мнимым, званием послов насилие над ними, с другой же стороны, находя неприличным и недостойным оставлять безнаказанным такое против Церкви бесстыдство, употребил в дело прекрасное и сообразное с обстоятельствами врачевство, содержащееся в честном и поклоняемом послании к нашему смирению, следующего содержания. «Святейший владыко! Царство наше после исследования происшедших событий пришло к заключению, что корень зла заключается в переводчиках и в партии Аргира. Что касается иноземцев, то над ними не имеем власти; виновных же после наказания отправляем к вашему святейшеству, дабы чрез них и другие научились, как опасна подобная болтовня. Грамоту же после анафематствования тем, кто принимал участие в совете, кто писал и возлагал на престол и кто имел хотя бы маленькое сведение об этом, сжечь публично. Царство мое отдало приказ заключить под стражу вестарха, зятя Аргира, и веста, его сына, дабы они, содержась в темнице, испытали мучения за это дело. Вследствие императорского указа упомянутая нечестивая грамота и те, кто написал ее, или подал свою мысль при составлении, или содействовал писавшим, в присутствии царских уполномоченных в заседании Великого секрета были преданы проклятию. 20 июля. Оригинал же нечестивой и сквернoй грамоты не сожжен, но отдан на хранение в архив священного хартофилакия на всегдашнее обличение и постоянное порицание наших хулителей».

Таковы формальные обстоятельства, какими выразилось разделение Церквей. Что касается последствий, какими сопровождались рассказанные события, то об них едва ли догадывались и современники, и даже сами участники. Легче наложить схизму, чем употребить в дело карательные средства против схизматиков. Примеры средних веков и нового времени показывают, что тогда схизма обращалась во вред той стороны, которая неосторожно воспользовалась ею против несогласной партии. Схизма между Восточной и Западной Церковью, конечно, принесла много вреда, отдалив между собой страны латинского и греческого обряда и постепенно углубляя образовавшуюся между ними пропасть. Но неизбежность разделения обусловливалась политическими тенденциями и особенностями в складе жизни западных и восточных народов.

Были серьезные попытки исправить то, что сделано было по горячности и неосторожности в 1054 г., но, кроме вреда и жалких разочарований от этих попыток, ничего не осталось. Схизма 1054 г. поддержана была в Константинополе и светской властью, и народом и никоим образом не может быть объясняема непомерными честолюбивыми притязаниями Михаила Кирулария, как это старается отстаивать и новейший сравнительно беспристрастный католический исследователь занимающего нас вопроса [10].

[10] Bréhier. Le schisme oriental. P. 210—215.

Русь и Византия в X в.

Речь, произнесенная 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского Славянского Благотворительного Общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси

I

Научные теории по объяснению происхождения Руси: скандинавская, или норманнская, и славянская теория (несторовцы и антинесторовцы)

В нынешнем году исполняется 900 лет со времени просвещения Руси христианством. Миллионы русских людей будут иметь случай привести себе на память обстоятельства крещения Руси, тысячи проповедников и сотни ученых и литераторов найдут повод вновь подвергнуть рассмотрению и обсуждению события X столетия, приведшие наших предков к принятию христианства из Византии. Я не мог поэтому колебаться в выборе темы для обычной речи, произносимой в собрании Славянского Общества 11 мая. Предметом нашей беседы будут события русской истории за 900 лет назад.

Русских упрекают за недостаточное знание своей древней истории. Подобные упреки до известной степени оправдываются состоянием, в котором находится наука о древности. В нашей древней истории есть наболевшее место, к которому нельзя приступиться без опасения возбудить сильную боль во всем организме. С какой бы осторожностью и как бы поверхностно ни коснулся кто древней истории, он неминуемо попадет на это больное место и потревожит все здание русской истории в самых его основаниях. С теоретической точки зрения — это вопрос разума и веры в истории, летописания и исторического творчества. В практическом отношении дело сводится к следующему принципиальному положению: *национальными элементами полагается основание русской истории или чужеземными, обозначает ли Русь скандинавское племя или туземное славянское?*

Я желал бы не обременять ваше внимание изложением темных и запутанных вопросов, но судите сами, возможно ли обойти их. На одной дороге, вводящей в историю X в., читается надпись: пойдешь по этой дороге, уйдешь в скандинавоманию, сам останешься цел, но будешь долго блуждать и забудешь свой род и племя. На другой надписи читается: эта дорога ведет в славянскую Русь, но где эта Русь находится, никто не знает: кто возьмет этот путь, потеряет коня и вооружение, на него нападут чудовища: скифы, роксолане, хазары, варяги, наконец, ему угрожает сильное вражеское нападение на днепровских порогах. Исход сего последнего неизвестен. Третьей дороги нет, а есть лишь глухое предупреждение: будешь сам искать новой прямоезжей дороги, и коня потеряешь, и себя погубишь.

Русь и Византия

Подобные угрожающие надписи не запугивали, однако, любознательности, время от времени снаряжались и снаряжаются путешествия в древнюю русскую историю. Не говоря об обязательных походах русских историков, предпринимаются и добровольные экскурсии в темную область русской старины, даже из иностранных земель. Последний случай этого рода был 10 лет тому назад, когда датский профессор Томсен прочел в Оксфорде три публичные лекции о происхождении Русского государства. Он водил своих слушателей и по Скандинавии, и по Варяжскому пути, и по неведомым дебрям славянской России и безбедно прошел мимо всяких опасностей.

Попытаюсь коснуться слегка научных школ или направлений по изучению древней русской истории.

Точку отправления составляет хорошо известное место начального летописца о призвании князей. *«И идоша за море к Варягом к Руси... и реша Руси Чудь, Славяне и Кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, придите княжить и владеть нами»*. Хотя сами по себе эти слова летописца довольно ясны и понятны и во всяком случае ни для кого не обидны, но в них заключается яблоко раздора и непримиримой вражды между научными направлениями. Целая фаланга ученых начиная с прошлого столетия боролась до изнеможения, отстаивая всеми силами неприкосновенность этого места летописи. Много таланта и остроумия потрачено было на то, чтобы сделать его недоступным для нападения противников. Борьба около этой своего рода крепости в русской исторической науке не окончилась и поныне, но не потому, чтобы ее твердыни оказывались действительно неуязвимыми против новых орудий исторической критики, а более потому, что враждующие стороны утомились и к тому же сознали, что с завладением этим местом не много выиграет ни та, ни другая партия, так как позади него выросли новые укрепления, господствующие над позицией.

Представляет ли собой упомянутое известие исторический факт или же легенду, сложившуюся в XI в. и доверчиво принятую русским летописцем? Если это исторический факт, значит, русь иноземного происхождения, именно скандинавского, или норманнского,— таково положение норманнской школы, приверженцы которой называются несторовцами, так как они стоят за буквальный смысл русского летописца. Если же это легенда, находящаяся притом в противоречии с внутренними фактами древней истории, то руси не следует искать за Балтийским морем, а где-нибудь в России: на побережье Балтийского, на берегах Черного моря, на Дунае или в Киеве,— таково положение антинорманнской школы, представители которой называются то антинесторовцами, потому что отвергают буквальный смысл начального летописца, то приверженцами славянского толка в русской истории, потому что веруют в реальное существование славянской руси.

Скандинавская школа имеет более длинную и старую историю, чем противоположная ей славянская. Страстность борьбы до известной степени объясняется тем, что первая школа имеет во главе немецкие имена: Байера, Миллера, Шлецера (в прошлом столетии), а вторая — славянские: Венелина, Качановского, Надеждина, Максимовича и др. В новое время центральное положение в антинорманнской школе занимают гг. Гедеонов и Д. И. Иловайский. Особенным пылом и воинственным

задором отличаются литературные походы на противную партию Д. И. Иловайского. Он зорко следит за движениями неприятеля и, нападая на отдельные отряды, выносит трофеи, о которых нередко можно получать сведения из журналов и газет. Благодаря литературному таланту и известности сочинений г. Иловайского я думаю, не ошибусь, если скажу, что положения антинорманнской школы в настоящее время хорошо известны читающей публике. В качестве литературного вождя школы Иловайский не свободен от духа пропаганды и нередко высказывает сильные упреки русским, в особенности молодым, историкам за слепое поклонение идолу скандинавомании и за нежелание без предубеждения отнестись к его учению.

Но противников антинорманнской школы в настоящее время легион; за немецкими учеными прошлого столетия выступают Погодин, Соловьев, А. А. Куник, К. Н. Бестужев-Рюмин — все это последователи, с небольшими отличиями в частностях, норманнской школы. В лице Погодина эта школа имела самого горячего бойца, который до смерти считал своим долгом не оставлять без возражений доводов противника и горько жаловался, что они не дают ему спокойно умереть. Теперь старшинство и авторитет в этой школе принадлежат академику Кунику, а боевая сила и влияние — профессору В. Г. Васильевскому. Прибавлю, что почти все профессора русской истории и большинство ученых и литераторов, писавших о начальном периоде русской истории, придерживаются воззрений норманнской школы.

Таково в общих чертах внешнее положение научных направлений в объяснении древнего периода русской истории.

Борьба школ принесла много пользы русской науке, так как она привлекла к себе прямо или косвенно почти все научные силы России. В истории ее есть трогательные эпизоды. Напомню хотя бы недавно происходившее в Москве публичное состязание Д. И. Иловайского с противниками его воззрений. В эту борьбу почтенные и сериозные люди вступали с пылом увлечения, руководимые благородным чувством — раскрыть истину и убедить в ней других. Очевидно, в *норманнском вопросе* есть такие моменты, которые могут *задеть за живое*, иначе говоря, школы различаются принципиально противоположными выводами. Если вы придерживаетесь норманнской школы, то все события IX и X вв. вы должны приписывать заморским князьям-варягам и не можете извлекать из них почти никаких выводов в приложении к национальной русской истории. И походы на Константинополь, и договоры с греками, и Русская Правда — относятся к норманнской дружине и не говорят ничего о славянах. Если же вы антинорманнист — все эти явления вы считаете произведением русского, т. е. славянского, духа и из них выводите последствия для национальной русской истории. Во всяком случае, никому нельзя уклониться от прямого ответа на вопрос: русь — славянский народ, славянское слово или скандинавское и обозначает совокупность завоевателей? Согласитесь, что с ответом на этот вопрос соединяется нечто весьма существенное: именно, *сами мы создавали свою историю или нет*?

По отношению к имени «русь» установлен роковой пробел в древней этнографии. Ни норманнисты, ни их противники до сих пор не могли указать ни в Скандинавии, ни где-либо в другом месте этнографический

или географический термин, соответствующий воззрениям русского летописца. Ни в Скандинавии, ни в других частях Европы и России не оказалось до сих пор племени или народа, который бы в IX в. назывался русью.

Наши предки до образования государства не называли себя русью, а имели племенные имена: новгородцы, поляне, кривичи, древляне. Точно так же и шведы или норманны, к которым, по воззрению норманнистов, относится русь, не назывались так у себя на родине. При таком положении вопроса о «руси» ни та, ни другая школа не имеют за собой особенно важных и не подлежащих спору доказательств, вследствие чего ни норманнисты, ни их противники не могут решиться на генеральное сражение.

Научные ресурсы обеих партий не составляют тайны, ибо средства для борьбы вычитываются из книг или выписываются из рукописей. К сожалению, находки и открытия в этой области становятся реже. Каждое новое место, где оказывалось упоминание о руси, приветствуемо было радостными ожиданиями, что вот-вот завеса раскроется и обличится заблуждение. Но увы! после длинных споров и толкований новому месту отводился подобающий ранг, и оно поступало в систему доказательств — равно пригодных для той и другой школы.

В настоящее время подобрано уже достаточное количество упоминаний о руси у византийских и восточных писателей, этот подбор имел своего рода завлекательность в том смысле, что из него открывалось, что русь была известна даже ранее основания Русского государства.

Свидетельства, извлекаемые из византийских и арабских писателей, еще и потому должны были получить особую важность, что они почти на 200 лет старше начальной русской летописи.

Но говоря вообще, накопление новых мест, упоминающих об руси, далеко не разрешило вопроса, которым обусловливается существование школ, а только заставило норманнистов покинуть две-три позиции, не особенно, впрочем, важных. С 1870-х годов обозначилась *средняя научная партия, вызванная капитальным трудом Гедеонова*. Представители этой последней признают, что за норманнской теорией остаются теперь две твердыни: скандинавские имена первых русских князей и днепровские пороги. Но они делают уступку и антинорманнистам, признавая, что норманнский элемент в России не обнаруживает почти никакого воздействия на внутреннюю жизнь новгородцев, полян и кривичей, не оставив следов ни в языке, ни в обычаях и т. п. Эта средняя школа приняла поэтому следующее положение: пришлые из-за моря люди не были племенем или народом, а составляли сбродные дружины, набираемые отовсюду. Согласно воззрению этой школы, скандинавский элемент вследствие своей малочисленности должен был без особенной борьбы ассимилироваться со славянами. Я сказал, что средняя школа выделилась недавно и представляет собой не более как попытку примирить два крайние направления. На принципиальный вопрос о происхождении руси она отвечает не прямо, не объясняет притом самого главного: каким образом дружины иноземного происхождения дали свое имя славянам, составившим Русское государство.

Период Македонской династии

II

«Русь» и другие этнографические термины для обозначения русской земли *

III

Элементы русской государственности. Договоры с греками. Морские походы на Византию

В чем же состоит живая действительность, чем заявляет о себе русь в истории? Всматриваясь в известия о первых русских князьях, нельзя не согласиться с противниками норманнской школы, что русь X в. имеет в себе уже весьма мало скандинавского элемента. Иностранные имена сменяются славянскими, выдвигается общность интересов княжеских и земских, нет указаний ни на политическую, ни на религиозную вражду между норманнами и славянами. Но выше всего следует поставить — широкое развитие силы и могущества России при первых же князьях, до известной степени благоустройство гражданского быта, торговлю и, наконец, распространение Русского государства от Новгорода до Крыма, Азовского моря и Дуная. Если все это сделали норманнские князья со своей скандинавской дружиной, то они похожи на чародеев, о которых рассказывается в сказках. Антинорманнисты сильно выдвигают этот аргумент против своих противников, формулируя его так: не может быть, чтобы до 862 г. Россия оставалась незаписанным листом, на котором первый рисунок стали выводить норманнские пришельцы; напротив, гражданственность на Руси должна была начаться раньше 862 г. и, следовательно, не варяги-русь основали государство, а туземная русь.

Элементы гражданственности, присущие Руси X в., действительно заслуживают внимания. После темного предания о том, как началась Русская земля, первоначальный летописец вставляет в свое изложение *известные договоры с греками*. Если возможны сомнения относительно того, как принимать известия летописи о начале Русского государства, то в приложении к договорам такие сомнения неуместны. Они имеют официальный характер и подтверждаются греческой летописью. Договоры с греками несомненно переведены с греческого языка, чем объясняются многие непонятные в них места, хотя бы эта фраза: равно другого совещания,— которая потому и темна, что составляет слишком близкий перевод греческих терминов ἴσον — копия и συμβόλαιον — договор. Договорами свидетельствуется прежде всего, что уже в начале X в. Русь находилась на довольно значительной степени развития гражданственности, если с ней могло вступать Византийское государство в правильные международные сношения. Договоры, подобные записанным на первых страницах русской летописи, составляют неведомые факты не только в тогдашней славянской, но и в западноевропейской истории. Договоры важны как исторические документы, рисующие формы рус-

* Текст этого раздела включен в главу XIV с. 265—268 наст. изд. *(Ред.)*

ского общежития. В них трактуются способы торговых сношений между Русью и греками, устанавливаются формы судопроизводства по тяжебным делам между русским гостиным двором на Босфоре у монастыря св. Маманта и греками. Если с греческим кораблем случится несчастие у русских берегов на Черном море, то русские обязываются продать судно и груз и вырученные деньги переслать в Константинополь. Особенно любопытны те статьи в договорах, которые говорят о распространении русского элемента до Крыма и устьев Днепра, этими статьями подтверждаются попытки русских утвердиться в Крыму и завладеть Корсунью еще в начале X в. Все это очень трудно согласовать с теорией, что начало русской государственности положено на севере в 862 г. Затем, договорами обрисовываются внутренние стороны торговых и дипломатических сношений Руси с Византией.

Для предупреждения недоразумений и неприятностей византийское правительство требует, чтобы русские, отправляющиеся в Константинополь, имели при себе грамоту от князя, в которой было бы обозначено, сколько идет людей и на скольких кораблях. Это было необходимое условие для того, чтобы в Константинополе принимали русских людей как гостей, т. е. купцов, а не как неприятелей. Если же бы случилось, что русские пришли в Константинополь без княжей грамоты, то византийское правительство вольно задержать таких людей и дать о том знать русскому князю. Русским указано было для житья определенное место, предместье св. Мамы, входить в город они могли не больше как по 50 человек вместе. Русский квартал находился в ведении особого чиновника, который обязан был устраивать и блюсти взаимные отношения между греками и русскими. Словом, договоры с греками есть акт международной политики, они могли быть заключены между правительством русским и византийским, так как обеспечивают интересы государственные, а не частные. Есть даже в договорах пункт о взаимном союзе на случай опасности от внешнего врага. Греки обязываются послать вспомогательный отряд, если заявлено будет на то желание со стороны Руси, и русские с своей стороны принимают на себя подобное же обязательство. Эта статья договоров подтверждается не раз историей X в. Русские ходили на помощь Византии при Святославе и Владимире; приняв христианство, Владимир отправил в Константинополь шеститысячный корпус.

Договоры показывают, что Византия находила возможным вступать с Русью в международные сношения как с государством правильно организованным. В государственном архиве империи хранилась формула письменных сношений с русским князем.

В сношениях Руси с Византией находим ключ к уразумению задач внешней политики русских князей. С X веком совпадает героический период русской истории, нашедший себе выражение в сказке, песне и оставивший по себе память в летописи. Морские походы на Византию, завоевание Корсуни, движение за Дунай, занятие Болгарии и стремление перенести сюда столицу Русского государства, наконец, переход через Балканы и осада Адрианополя — вот какие широкие перспективы открывает героический период! Нас отделяет теперь 900 лет от этой эпохи, и мы можем беспристрастно отнестись к столь отдаленным событиям; но, всматриваясь в ход развития русской истории, я не могу не отметить

явления, к которому трудно оставаться равнодушным, так как оно кладет общую печать на нашу историю:

1) русскими князьями X в. намечены были в общих чертах главнейшие факты внешней истории России;

2) но уже в конце X в. мы должны были поступиться своими политическими притязаниями и вспомнили об их не ранее XVIII в.

Так как в этом нельзя не усматривать очень важного начала, заправляющего историческим движением России, то я позволю себе остановиться здесь на некоторых подробностях.

Морские походы руси на Византию обращают на себя внимание не только по своей смелости, отваге и грабежам. Они более любопытны по своей организации и численности сил, которыми могли располагать русские князья.

Не забудем, что походы предпринимались против государства, которое владело сильным флотом: в 902 г. для одного похода Византия могла без особого напряжения выставить морскую эскадру с 23 000 экипажа. Своим флотом византийские цари постоянно одерживали перевес над германскими императорами в Южной Италии. Флот не раз спасал империю от персов и арабов. Следовательно, мы имели бы не совсем правильное представление о ходе дел, если бы в походах Олега и Игоря весь успех объясняли быстротой и неожиданностью нападения или если бы всю цель походов ограничивали жадностью к добыче и грабежам. Русь Аскольда и Дира была под Константинополем на 200 судах, Олег имел 2000. Неудачный поход Игоря всего лучше может показывать, что морские нападения руси были далеко не легкомысленные предприятия, рассчитанные на сбор добычи и поспешное отступление. Уже и то значительно изменяет взгляд на дело, что византийцы были предупреждаемы о движении руси и могли принять своевременные меры к защите. Из описания морского сражения с Игоревой русью видно, что византийский адмирал имел в своем распоряжении большие суда, называемые дромонами, которые имели до 300 человек экипажа; да и малые суда византийского флота могли вмещать не меньше 60 человек. Само собой разумеется, против таких судов не могли с успехом бороться лодки-однодеревки, каковыми мы привыкли представлять себе русские суда. С другой стороны, ход дела, даже под пером византийца-патриота, далеко не представляется решительным. Цепь русских судов была, правда, прорвана, греческий огонь нагнал страх на русь, но она не упала духом. Русские суда пристали к азиатской стороне на Босфоре, сошли на берег и стали наводить ужас на прибрежные селения. Можно думать, что русские находили здесь поддержку в многочисленной колонии южных славян. Понадобилось сухопутное войско, чтобы бороться с русью, но она успешно держалась от июня (15) по сентябрь месяц. Когда стали наступать холода, русские сели на свои лодки и пошли назад. На море снова встретил их византийский флот, чтобы отрезать отступление. Но русские, хотя и не без потерь, проложили себе дорогу (Theoph. cont. de R. Lec. C. 39). В таких чертах излагаются обстоятельства неудачного похода при Игоре. Разве это не показывает, что материальная обстановка морских походов руси должна была иметь известную организацию, т. е. что русские располагали значительных размеров судами, опытными моряками, вооружением и всякими запасами?

Русь и Византия

IV

Культурное и по преимуществу торговое значение сношений с Византией. Св. Ольга

В походах руси на Византию нельзя, далее, не отметить очень важного *культурного элемента*. И Святослав, между прочим, желает перенести свою столицу на Дунай в той мысли, что туда свозятся лучшие и дорогие произведения из разных стран, и походы на Константинополь вообще имеют целью установить правильные торговые сношения между Россией и Византией. Во всех договорах торговые интересы представлены очень рельефно, и выгоды русских купцов отстаиваются весьма последовательно.

Но для меня имеет в этом отношении особенное значение путешествие в Константинополь св. Ольги. Прежде всего есть одно странное обстоятельство в византийском рассказе о приеме Ольги в Константинополе. Статья надписана совершенно так же, как озаглавлена беседа патриарха Фотия: на нашествие руси, т. е. посещение Ольги обозначено на греческом языке выражением, имеющим смысл *нашествия с враждебной целью или военного похода*. Так как известие русской летописи в этом случае расходится с византийским, ибо первое все внимание сосредоточивает на крещении Ольги, а второе ничего не говорит о крещении, то давно уже высказано было мнение, что, может быть, Ольга *два раза* была в Константинополе. Следует еще присовокупить, что византийское известие не может возбуждать против себя никаких сомнений, ибо это есть дворцовый журнал, описывающий парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств. Русские, посещавшие Константинополь в конце XII в., находили еще там некоторые воспоминания об Ольге. Так, Новгородский архиепископ Антоний говорит, что ему показывали в храме св. Софии между другими святынями и драгоценностями «блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царьграду» (Саввантов Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград. С. 58).

Какою целью руководилась Ольга, предприняв путешествие в Царьград, об этом ничего нельзя сказать точного, догадки же сосредоточиваются главнейше на том, что она желала в Константинополе креститься.

Независимо от того, в *церемониале приема* Ольги есть несколько любопытных для нас черт. Торжественный прием ей сделан был 9 сентября 955 г. По обычаю византийского этикета, Ольга должна была пройти по многочисленным залам и галереям императорского дворца, прежде чем попасть в тронную залу, великий триклиний Мангавры, где стоял Соломонов трон. Этот трон был чудом искусства, которое не могло не поразить воображения. Иностранца, подходящего к трону для поклонения императору, окруженному блестящей свитой военных и придворных людей в парадных мундирах, поражал сюрприз за сюрпризом. Прежде всего раздавались звуки музыки золотых и серебряных органов, скрытых от глаз занавесями и коврами. Затем на золотом троне поднимались золотые львы и страшно рыкали, по золотым деревьям вокруг трона золотые птицы начинали гармонические песни

Нет сомнения, что византийский двор по блеску и роскоши превосходил все, что знала тогдашняя Европа, и что этикет придворных церемоний, на исполнении которого византийцы очень сильно настаивали, должен был производить импонирующее впечатление.

Ольгу приняли с соблюдением всех церемоний, может быть, утомительных, причем ей оказана была особенная честь в том отношении, что за приемом у царя последовал прием у царицы, менее парадный, в ее собственных покоях; на втором приеме был и царь, и вся царская семья, и здесь Ольга могла запросто разговаривать с царем и царицей. В этот же день был парадный обед в Юстиниановской зале. Ольга была посажена не за царским столом, а за ближайшим к царскому, за которым сидели первые придворные дамы. Во время обеда пели придворные певчие и давались сценические представления. Отличие от обыкновенных обедов и здесь было в том, что сладкое было подано за отдельным столом, где заняли места члены царской фамилии и куда приглашена была Ольга. В тот же день в другой зале дворца давался обед для свиты Ольги.

18 октября дан был во дворце другой обед в честь Ольги и ее свиты. В одной зале, где обедала свита Ольги, присутствовал царь, в другой же, где обедала Ольга,— царица с семьей.

Есть возможность вычислить, как велика была свита Ольги, потому что в придворном журнале указано, кому какие дары сделаны были после обеда. Оказывается, что мужской персонал свиты, приглашенный к обеду, простирался до 88 человек, женский — до 35. Княгиня Ольга получила в подарок от двух до трехсот рублей и золотое блюдо, может быть, то самое, которое видел в храме св. Софии архиепископ Антоний.

В свите Ольги находилось, между прочим, духовное лицо, священник Григорий. Все заставляет думать, что этот священник привезен был Ольгой из России и что, следовательно, она была уже христианкой, когда прибыла в Константинополь. Если же это так, то общепринятое мнение о крещении Ольги в Константинополе имеет за собой мало достоверности, или, чтобы отстоять его, следует предполагать еще другое путешествие ее в Константинополь.

По моему мнению, Ольга посетила Константинополь не ради принятия христианства и не с военною целью. Цель ее посещения может быть понята, если обратим внимание на состав ее свиты, принимаемой во дворце и награждаемой подарками. Без сомнения, во дворце принимали не всех прибывших с княгиней,— о матросах, например, нет и помину, военные люди представлены в небольшом количестве. Из 88 человек, приглашенных к столу, было 44 торговых людей, или, по тогдашнему выражению, гостей, и 22 поверенных, или послов, от русских бояр (οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας). Очевидно, главнейший элемент в свите был не военный, а торговый; 22 представителя от бояр могут указывать на такое же *число городов или волостей, по которым сидели подчиненные русскому князю правители.* Мы усматриваем, таким образом, здесь выраженными торговые и земские интересы, которые уже в X в. находились в значительной зависимости от правильных сношений с Византией. Путешествие Ольги иллюстрирует договоры с греками, в которых также сильно выступает стремление установить мирные сношения с империей.

Ольга, принимая под свое покровительство эти интересы, могла иметь, конечно, и свои личные цели при посещении Царьграда Русское предание приписывает Ольге высокую мудрость, необыкновенный ум и административные способности. Я буду иметь случай доказать, что высочайшая политическая мудрость князей X в. заключалась в том, чтобы сблизить Русь с Византией более тесными узами и перенести в Россию культурные начала из Византийской империи. Я выражусь согласно со всеми преданиями об Ольге, если скажу, что она своей поездкой в Константинополь должна была произвести в умах своих современников такой же переворот взглядов, как поездка Петра в Западную Европу. Византия могла поразить воображение не только своим придворным церемониалом, но и формами общежития и складом всей жизни. Если лучшие люди X в. могли составлять себе идеалы, то эти идеалы они могли находить в лучших формах общежития и в культуре образованнейших народов, а для той поры Византия была образцом недосягаемым.

Что особенно привлекало в этом отношении русских людей — это, бесспорно, святыни цареградские, религиозные обряды и торжественное богослужение. Мы имеем несколько описаний путешествия в Царьград из позднейшего времени и по ним можем судить, как св София со всем ее великолепием и торжественной обстановкой могла действовать на чувство. Кто раз видел в ней торжественное богослужение и слышал художественно исполняемые церковные песни, тот не мог не испытать сильного потрясения Не одни русские послы Владимира вынесли из св. Софии то впечатление, что там Бог пребывает с людьми и что, присутствуя в византийском храме, забываешь, на небе или на земле находишься; с теми же впечатлениями уходили и армяне, и грузины, и болгаре. Ольга испытала эти сильные впечатления, и ее приближенные дамы и свита запаслись в Константинополе новыми воззрениями, которые скоро должны были произвести переворот в жизни Русского государства.

V

Внешняя политика Святослава. Значение движения руси в Болгарию. Угнетенное состояние Византии

Политические идеалы X в всего наглядней выражены в *деятельности Святослава.* Типические черты этого князя так хорошо известны, что мне нет нужды напоминать их, а достаточно будет подобрать из них то, что относится к освещению международной политики Руси

Святослав первый открывает для России окно в Европу и заявляет притязание поставить Россию в число европейских государств Для языческого народа, каким была русь, это была неосуществимая задача Чтобы быть европейским народом в X в., для этого нужно было принять христианство. Все государства, образовавшиеся на развалинах Римской империи, полагали основания своей государственности актом принятия христианства. Миновать этого было так же трудно тогда, как теперь нельзя претендовать на государственность без огнестрельного

таковой великими европейскими державами. Религия в X в. имела ту же силу, что политика в XIX в., иначе говоря, религия с политикой шла об руку.

Первый шаг Святослава в указанном направлении сказывается в его болгарских походах. Походы Святослава в Болгарию и переход русских за Балканы в 968—973 гг. уже потому имеют глубокую важность в истории международной русской политики, что эти походы связывают в нашем представлении X и XIX столетия.

Движение русских к Дунаю в X в. не сопряжено было, впрочем, с такими политическими затруднениями, как в XIX в. Между Русью и Болгарией не было чуждых этнографических элементов, тогда еще не существовало Молдавии и Валахии, или Румынии: для русской колонизации была открыта в этом направлении свобода. В одной летописи позднейшего, впрочем, происхождения между русскими городами показаны Видин, Силистрия и молдавский город Сочава.

Давно уже выступил поэтому в русской науке вопрос об определении границ древнейших русских поселений на юго-западе: в самом ли деле русский элемент простирался до Дуная? Вот что оказывается по расследованиям разных ученых. В прошлом столетии в Трансильвании было четыре селения, в которых говорили по-русски. Что это не были новые поселенцы, видно из того, что в XIII и даже XII в. упоминаются в придунайских областях русские. Часть их, под именем бродников, принимала участие в борьбе болгар с Византией. Таким образом, можно приходить к выводу, что в X в. между Днепром и Дунаем было славянское население, которое не затрудняло, а облегчало движение руси на юго-запад.

Царь Никифор Фока послал к Святославу правителя Корсунской области Калокира с предложением начать войну с болгарами. Для Византии важно было только отвлечь силы болгарские к Дунаю, и едва ли Никифор Фока ожидал сериозных последствий от русского вторжения. Но посол его, Калокир, несколько выступил из своих полномочий и указал Святославу на политические и торговые выгоды движения руси к Дунаю. Говорят, что и сам Калокир задумывал отложиться от царя Никифора и основать независимое владение. В первый поход Святослав является другом империи. По русской летописи, он имел с собой не больше 10 000 человек, по иностранным известиям, видно, что он вторгся в Болгарию не один, а с союзниками: венграми, печенегами и славянами. В Болгарии началось сильное движение, против ожидания Фоки успех Святослава был громадный: он захватывал болгарские города, оставлял в них гарнизоны и, по-видимому, начинал домогаться полного завладения Болгарией. Тогда Никифор Фока подкупил печенегов, и они напали на Киев.

В 971 г., похоронив свою мать, Святослав пошел снова в Болгарию, и на этот раз уже по собственному почину. Но теперь положение дел в Болгарии совершенно изменилось. Прежде всего на византийском престоле вместо Никифора Фоки был Иоанн Цимисхий, который совсем не разделял взглядов своего предшественника на болгарские дела и успел не только примириться с болгарским царем, но и убедить его, что Святослав — опасный соперник для самостоятельности Болгарии, между тем как Византия не посягает на эту самостоятельность. Таким образом,

если в первый поход Святослав имел на своей стороне даже болгар, во второй он нашел в них союзников греческого императора и должен был каждый шаг брать с бою. Занятые им в первый поход города теперь не хотели впускать его, и он должен был прибегнуть к суровым мерам, желая страхом удержать Болгарию в повиновении. В Болгарии началось сильное движение против русских, которого Святослав не понял и которое его выводило из себя: за измену он преследовал болгар суровыми карами. Понимая, однако, что изменившееся расположение болгар имеет свое объяснение в византийской политике, Святослав *слишком самонадеянно двинулся за Балканские горы.* В дальнейшем русские и византийские известия расходятся: первые сильно восхваляют доблести русских, вторые выставляют на первый план победы греков. Но что Святослав за Балканами имел большой успех, на это мы имеем разнообразные и не подлежащие сомнению указания, почерпаемые притом из византийских источников.

Царь Иоанн Цимисхий понял, что Святослав — опасный соперник, и уведомлял его о своей готовности вступить с ним в мирное соглашение, но Святослав потребовал слишком много отступного и с похвальбой сказал, что иначе он дойдет до Константинополя и поставит шатры свои перед воротами столицы. Этого мог Святослав достигнуть, если бы была обеспечена верность Болгарии; у него, правда, и была своя партия, но она оставалась ему верна только до тех пор, пока перевес был на стороне русских. Русский гарнизон остался в больших городах, как Великая Преслава, Силистрия, но Святослав не принял мер к защите балканских проходов — это и погубило русских.

За Балканами были большие сражения около Филиппополя и Адрианополя. По русским известиям, адрианопольская битва имела решительное значение, она очищала русским дорогу к Константинополю и произвела в столице переполох: «И одоле Святослав, и бежаша греци, и пойде Святослав ко Граду, воюя и грады разоряя, яже стоять и до днешнего дне пусты».

По византийским известиям, победа осталась за греками и десять тысяч русских убито было под Адрианополем.

Здесь было бы неуместно входить в критическую оценку известий. Я думаю, что ни русские, ни греки не были сознательными и заведомыми искажателями фактов. Дело в том, что сначала было в Южной Болгарии успешное движение русских вперед — оно и отмечено русской летописью, а потом последовало отступление, когда в тылу показалась византийская армия, отступление с потерями и уроном — оно отмечено в византийских известиях.

Но независимо от того мы имеем любопытные отрывки греческой лирики, в которых весьма наглядно изображено состояние умов того времени и которые не оставляют сомнения, что Святослав доходил до Константинополя. Вот, например, отрывок из стихотворения Иоанна Геометра, писателя X в.

«То что делается на Западе, какое слово это выскажет? *Толпа скифов как будто на своей родине рыщет и кружит здесь по всем направлениям. Они с корнем вырывают крепкую породу благородных мужей, и меч делит пополам младенцев. Прежде крепкие города обратились в груду развалин; табуны лошадей — там, где жили люди.* Так

истребляются страны и села. А ты, царственный очаг, Византия, скажи мне, до какой участи дошел ты, город, столько же теперь превосходящий других бедствиями, сколько прежде счастием. Ты ежедневно потрясаешься, и рушатся самые твои основания. И твои обитатели вместо светлых и красивых дворцов осуждены жить на пустынных островах, притаив дыхание».

Угнетенное состояние Византии по случаю военных успехов Святослава выражено еще в надписи на гробнице царя Никифора Фоки. Неудачи первых лет Цимисхия, в особенности страшные бедствия, причиненные русскими, естественно вызывали в современниках чувство сожаления к Фоке, убитому Цимисхием. Это в самом деле был необыкновенный человек, как это выражено в одном произведении: «Не наводи красками изображение владыки, а смешай алмаз, золото, серебро, камень, медь и железо и вылепи из этой массы статую. Сердце его сделай из золота, бюст из блестящего серебра, руки из меди, мышцы из адаманта, ноги из камня, голени же и спину и голову из железа». К этому-то герою сделано следующее обращение, вызванное страхом Святославова погрома: «Тот, кто прежде был крепче мужей и не боялся меча, сделался легкой добычей женщины и меча. Тот, кто держал в руках власть над всей землей, покоится теперь на маленьком кусочке земли. *Но встань, царь! Устрой твое* пешее и конное войско, фаланги и полки. *На нас устремляется русское всеоружие; скифский народ* в бешеном порыве наносит убийство, разоряет твой город! Не покидай нас, сбрось камень, который держит тебя. Если же нет, то хоть вскрикни раз своим голосом, может быть, одно это рассеет их. Если же тебе и того неугодно, то прими нас всех в свою гробницу!»

Автор этого произведения, намекающий, между прочим, на коварную измену царицы, которая затем вышла замуж за Иоанна Цимисхия, конечно, не поставил своего имени под сочинением и не мог его сделать известным (Cramer. Anecd. IV), но вопрос об имени для нас мало имеет значения; в произведении во всяком случае выражено сильными чертами состояние византийского общества в период войн Святослава. В этом в конце концов я не могу не видеть важного доказательства в подтверждение известий русской летописи.

Иоанн Цимисхий воспользовался тем, что у Святослава не было достаточного прикрытия. Морем он подвез войска в Силистрию, а сам выступил против передовых русских отрядов во Фракии. Отступление было отрезано и тем, что Балканские проходы оказались в руках болгар, которые теперь открыто стали за греков. К этому периоду войны относятся блистательные страницы истории Льва Диакона, читая которого нельзя не переноситься к героям Троянской войны.

Тому же греческому писателю мы обязаны живым описанием наружности Святослава в момент свидания его с Цимисхием: «Святослав переезжал Дунай в скифской лодке и, сидя за веслом, греб наравне с прочими. Он был среднего роста, не слишком высок и не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, брил бороду и носил большие усы. Голова была совсем голая, и только на одной стороне висел локон волос, означающий знатность рода. Шея толстая, плечи широкие, и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужи-

нами. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличающаяся».

VI

Какими средствами располагала Византия для укрощения Руси. Образовательная роль Византии в истории

Если только я сумел достаточно ясно выразить свою мысль, то вот какое заключение можно выводить из отношений Руси к Византии*.

VII**

Просвещение России христианством

Я думаю объяснить это именно тем, что крещение Владимира было вызвано политическими отношениями, которые сложились наиболее благоприятно для Руси и гибельно для Византии между 986—989 гг. Русь выступала с притязаниями играть роль между христианскими европейскими государствами и порывалась завоевать себе твердое положение на Дунае и на Черном море. Куда могли направиться ее дальнейшие планы, об этом можно догадываться по гордым вызовам, посланным к грекам Святославом и Владимиром. Но уже расширение политического кругозора Руси должно было привести ее к сознанию, что в старой вере отцов нельзя иметь влияния ни между греками, ни между болгарами. Владимир искал в христианстве средства устроить свою землю наподобие греческого и болгарского царства. К Константинополю привлекали его столько же торговые и политические выгоды, сколько религиозный авторитет греческой Церкви. Но я весьма сомневаюсь, чтобы Владимир шел навстречу тому, что действительно встретило его в христианстве. Это уже всецело нужно приписать первым его руководителям в духовной жизни, что он почел суетой свои прежние планы и из волка обратился в агнца.

Пусть другие произносят обвинительный приговор над Византией, для нас это было бы святотатственным поступком. В конце X в. эллинский гений, сделав последнее напряжение, пахнул на великий народ, населяющий обширные земли к северу от Черного моря. Русские люди уже с XVI столетия начали высказываться об оставленном нам Византией наследстве, с которым связаны громадные обязательства. И теперь, в конце XIX в., мы можем смело сказать, что не угасили в себе живого духа, передавая на отдаленный Восток просветительные начала.

Когда через 100 лет будет праздноваться тысячелетие просвещения

* Следующий далее текст этого раздела Речи помещен в главе XXII на с. 408—410. *(Ред.)*

** Начало этого раздела Речи помещено в главе XXII на с. 410 (с 3-го абз. снизу)—412. *(Ред.)*

России христианством, тогда, надеюсь, будут популярней византийские занятия, тогда будут открыты в университетах и академиях кафедры по Византии, будут действовать ученые общества, занятые византиноведением, в журналах будут печататься статьи по византийской истории и литературе. Ученые и ораторы, имеющие говорить через 100 лет после нас, будут доказывать, что XX столетие открыло в изучении Византии клад, обогативший русскую науку и давший ей национальное содержание. Мм. гг., мы отнимем у этих ораторов лишний повод бросить на наш счет красное словцо, когда публично засвидетельствуем, что и мы, современники 900-летнего юбилея крещения Руси, понимали, что в изучении Византии заключаются насущные потребности русской науки и нравственный долг русского народа.

Оглавление

ОТДЕЛ V
Период Македонской династии (867—1057)

Глава I
Новое историческое содержание в истории Византии и новые деятели: царь Василий I и патриарх Фотий
9—26

Глава II
Кирилл и Мефодий
27—40

Глава III
Церковная и политическая миссия среди славян. Начало кирилло-мефодиевского вопроса в истории
41—57

Глава IV
Церковные дела. Патриарх Фотий. Обращение Болгарии в христианство
58—89

Глава V
Войны с арабами в Южной Италии и Сицилии
90—107

Глава VI
Организация архиепископии св. Мефодия. Всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевского вопроса
108—140

Глава VII
Церковные дела. Второе патриаршество Фотия
141—152

Глава VIII
Семейные отношения в доме царя Василия. Лев VI. Низложение патриарха Фотия
153—166

Глава IX
Войны с арабами на восточной границе и на море. Солунь. Морские походы Имерия
167—196

Глава X
Законодательство царей Македонской династии. Новеллы. Крестьянская община
197—218

Оглавление

Глава XI

Северная граница империи. Планы Симеона Болгарского относительно империи. Сербы и хорваты
219—230

Глава XII

Моравия. Угорский погром. Просветительная деятельность в Болгарии учеников Кирилла и Мефодия. Кириллица и глаголица
231—252

Глава XIII

Семейные отношения. Патриарх Николай Мистик и вопрос о четвертом браке. Характеристика Льва VI
253—264

Глава XIV

Византия и Русь. Договоры. Путешествие св. Ольги в Константинополь
265—275

Глава XV

Константин VII Порфирородный. Характеристика периода. Восточная и западная границы
276—303

Глава XVI

Северная граница. Болгария и угры. Походы русских князей. Славяне в Лаконике
304—319

Глава XVII

Литературная деятельность Константина
320—330

Глава XVIII

Роман II. Царствование Никифора Фоки. Положение дел на восточной и западной границе. /Отношение к Западной империи. Италия и Рим/
331—361

Глава XIX

Значение походов Святослава в Болгарию. Внутренняя политика Фоки
362—380

Глава XX

Иоанн Цимисхий. Внешние войны. Первый афонский устав
381—396

Глава XXI

Первые годы царствования Василия. Бунт Варды Склира. Начало войны с Болгарией
397—407

Оглавление

Глава XXII
Русь и Византия в конце X в.
408—414

Глава XXIII
Греко-болгарская война. Подчинение Болгарии
415—429

Глава XXIV
Походы в Сирию и Армению. Западная граница империи. Последние представители династии
430—453

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА
(приведенные Ф. И. Успенским)
454—468

ПРИЛОЖЕНИЕ

От редактора
471—472

Оглавление рукописное
473—474

К главе XVIII дополнительный материал
475—478

К главе XIX дополнительный материал
479—480

Глава XXIII
История византийских учреждений
481—495

Глава XXIX
Патриархат и папство. Разделение Церквей
496—509

Русь и Византия в X в. Речь, произнесенная 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского Славянского Благотворительного Общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси
510—524

Успенский Ф. И.

У-77 История Византийской империи: Период Македонской династии (867—1057) / Сост. Л. В. Литвинова.— М.: Мысль, 1997.— 527 с.

ISBN 5-244-00873-0

Книга представляет неопубликованную часть обширного целостного труда крупнейшего отечественного византиниста, посвятившего истории Византии, истории Церкви, истории России всю свою жизнь. «История Византийской империи» акад. Ф. И. Успенского отличается авторской точкой зрения на причины и ход исторических событий, которая подкреплена прекрасным знанием источников, владением историческим материалом. Его необыкновенная заинтересованность в судьбах России проявляется в тщательном исследовании малейшего проявления русского фактора на исторической сцене.

ББК 63.3(0)4

Научная

Федор Иванович Успенский

История Византийской империи

Период Македонской династии (867—1057)

Редактор Л. В. Литвинова
Младший редактор С. И. Ларичева
Оформление художника В. В. Красновского
Художественный редактор Е. М. Омельяновская
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор З. Н. Смирнова

ЛР № 010150 от 30.12.96.

Сдано в набор 20.05.97. Подписано в печать 16.06.97.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типограф. № 2.
Гарнитура «Таймс». Офсетная печать.
Усл. печ. листов 33. Усл. кр.-отт. 33,5.
Учетно-издат. листов 41,25. Тираж 7000 экз. Заказ № 3756.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Государственное ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московское предприятие
«Первая Образцовая типография» Государственного комитета
Российской Федерации по печати. 113054. Москва, Валовая, 28.